

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2019 – № 4 (19)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2019

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevvolzhski Philological Bulletin: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – № 4 (19) – 251 с. – ISSN 2499-9679.
2019, № 4 (19). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Луккин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **И. Ю. Лученечкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Деметьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафранджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривонос**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леленев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Лн Сяотоа**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолитературологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленикова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение, культурология, исторические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019

© Авторы статей, 2019

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2019. – № 4 (19). – 251 pages. – ISSN 2499-9679.

2019, № 4 (19). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU (Deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. I. Boichuk**, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, YSPU; **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chongqing, PRC; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **E. V. Bykova**, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations in Business of the St. Petersburg State University; **Jef Verschuere**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **S. A. Zasorin**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Foreign Languages of Moscow Pedagogical State University; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the General and Russian Linguistics Department of the State University of the Russian Language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPB, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **A. V. Ledenev**, Doctor of Philology, Professor of Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; **Li Xiaotao**, Doctor of Russian Language and Russian Literature, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chongqing, PRC; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **A. D. Petrenko**, Doctor of Philology, Professor, Director of Institute of Foreign Philology, Head of Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **Ivo Pospishyl**, Doctor of Philology, Professor, Head of Institute of Slavic Philology of Philosophy Faculty of Masaryk University, Brno (the Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **I. B. Rubert**, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and Theory of Translation of Humanitarian Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance; **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of Center of Communicative Researches, Professor of Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University; **L. A. Trubina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Vice-Rector for Education of Moscow Pedagogical State University; **N. A. Fateeva**, Doctor of Philology, Professor, a chief research worker, Head of Scientific Center of Interdisciplinary Researches of Literary Text of Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences; **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **G. T. Khukhuni**, Doctor of Philology Professor, Head of Department of Language Theory and Anglistics of Moscow State Regional University; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurjeva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU; **Yao Hai**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Humanitarian Institute of the University of Science and Technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of these are published for proceeding to the degree of Doctor and Candidate of Sciences on the following scientific specialities:
10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism, cultural science, historical science)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the Publishing Article in the Scientific Journal

«Verhnevolzhski Philological Bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© FSBE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2019

© Authors of the articles, 2019

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

- Филипповский Г. Ю.** Динамическая поэтика «Слова о полку Игореве»
(к статье Д. С. Лихачёва «Предположение о диалогическом строении „Слова о полку Игореве”») 8
- Сарычев Я. В.** Возвращение «домой»: феномен «Итальянских впечатлений» В. В. Розанова _____ 17
- Лученецкая-Бурдина И. Ю.** Эмблематическое письмо Л. Н. Толстого _____ 25
- Антонова Е. Я., Алексеева О. В.** Между документальностью и художественностью
(на примере дневника М. Н. Воробьевой) _____ 30
- Коновалов А. А.** «Писательское» осмысление русской литературы в литературно-критических
трудах Л. Д. Ржевского _____ 39

Журналистика

- Милославская З. А.** Тенденции развития российских медиа в десятилетней перспективе _____ 47
- Селезнева Л. В., Воробьева С. Н.** Пресуппозиционный каркас как связующая основа дискурса
(на материале PR-дискурса и религиозного дискурса) _____ 56
- Быкова Е. В.** Медийный диалог «журналист – журналист»
в аспекте корпоративного речевого поведения _____ 62
- Ухова Л. В., Жукова А. Г.** Вовлечение как доминирующая коммуникативная стратегия
клиентоориентированного маркетинга _____ 72
- Цветкова О. Л.** Стратегии репрезентации символической власти в современной рекламе _____ 81

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

- Дрога М. А., Юрченко Н. В., Контрерас С. Х. О.** Языковая картина мира как отражение
культурного фонда (на примере паремий русского языка) _____ 93
- Галкина Н. П.** Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности
в современной публицистике _____ 100
- Барина О. М.** Репрезентация концептов «любовь» и «надежда»
в письмах И. С. Тургенева к Л. Н. Толстому 1855-1861 гг. _____ 105

<i>Попов С. А.</i> Проблемы лексикографического описания топонимии Воронежской области _____	114
<i>Баженова А. П., Леденева В. В.</i> Прецедентные имена Роберт Оуэн и Нью-Ланарк в ранней публицистике Н. С. Лескова _____	123
Романские языки	
<i>Бутько Ю. В.</i> Трансформированные паремии во французском языке как результат интертекстуальной деривации _____	130
<i>Соловьева С. И.</i> Функционирование разговорной сниженной лексики в современных французских СМИ _____	141
<i>Дроздова Ю. А., Зубкова М. Н.</i> Характеристика вопросительного оборота «est-ce que» во французском языке (диахронный аспект) _____	149
<i>Денисова Г. В., Лентовская А. В.</i> Особенности употребления итальянского герундия прошедшего времени в переводах с русского языка _____	157
Германские языки	
<i>Леденева Т. В., Зинкевич Н. А.</i> Эгалитарно-инклюзивные трансформации категории рода в современном английском языке _____	164
<i>Богданова О. Ю., Бабаян В. Н.</i> Эмотивно-диктемный анализ заглавий британских художественных произведений _____	172
<i>Лукин О. В.</i> Две немецкие грамматики Вильгельма Вильманнса _____	180
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Злотникова Т. С.</i> Русские вопросы А. Платонова и Н. Некрасова: отношение к жизни как ментальный парадокс _____	188
<i>Иванов Н. Н.</i> Мифопоэтические мотивы и образы в прозе А. Платонова _____	198
<i>Хренов Н. А.</i> Вторая мировая война в ракурсе идеи модерна: смысл данного Сталиным творческого ответа _____	205
<i>Никифоров Ю. С., Сироткин Я. Н.</i> Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма _____	216
<i>Клименко Г. В.</i> Соматический код русской культуры (на примере лексемы «лицо») _____	222
<i>Круглова Э. В., Астафьева О. Н.</i> Принципы и методы управления проектами в социально-культурной сфере _____	231
<i>Летина Н. Н., Ежгурова Н. А.</i> Исполнительские парадигмы музыкального фольклора в современной массовой отечественной культуре _____	238
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	247

*“The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...”*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

- Filippovsky G. Yu.* Dynamic poetry «Tale of Igor's Campaign»
(to D. S. Likhachev's article «Assumption on a dialogue structure of „Tale of Igor's Campaign”») _____ 8
- Sarychev Ya. V.* Return of «home»: V. V. Rosanov's phenomenon of «Italian impressions» _____ 17
- Luchenetskaya-Burdina I. Yu.* L. N. Tolstoy's emblematic writing _____ 25
- Antonova Ye. Ya., Alekseeva O. V.* Between documentary and artistic
(by example of M. N. Vorob'yova's diary) _____ 30
- Konovalov A. A.* The «writer's» comprehension of Russian literature in literary-critical works of
L. D. Rzhevsky _____ 39

Journalism

- Miloslavskaya Z. A.* Trends in the development of Russian media in the 10-year perspective _____ 47
- Selezneva L. V., Vorobieva S. N.* Presuppositional framework as a binding basis of discourse
(on PR discourse material and religious discourse) _____ 56
- Bykova E. V.* Media dialogue «journalist – journalist» in the aspect of corporate speech behavior _____ 62
- Ukhova L. V., Zhukova A. G.*, Involvement as a dominant communicative strategy
of the client-oriented market _____ 72
- Tsvetkova O. L.* Representation strategies for symbolic power in modern advertising _____ 81

LINGUISTICS

Russian language

- Droga M. A., Yurchenko N. V., Contreras S. J. O.* Language picture of the world
as reflection of a cultural foundation (based on paremias of the Russian language) _____ 93
- Galkina N. P.* Complex sentences with the meaning of conditionality
in a publicistic style of the contemporary Russian language _____ 100
- Barinova O. M.* Representation of the concepts «love» and «hope» in the Turgenev's letters
to L. Tolstoy 1855-1861 _____ 105
- Popov S. A.* Problems of the lexicographic description of the toponymy of the Voronezh region _____ 114

<i>Bazhenova A. P., Ledeneva V. V.</i> Precedent names Robert Owen and New Lanark as representatives of the anglosphere in the early journalism of N. S. Leskov _____	123
--	-----

Romance languages

<i>Butko Yu. V.</i> Transformed paremia in French as a result of intertextual derivation _____	130
<i>Solovieva S. I.</i> Functioning of colloquial reduced vocabulary in modern French media _____	141
<i>Drozdova Yu. A., Zubkova M. N.</i> Description of interrogative construction «est-ce que» in French (diachronic aspect) _____	149
<i>Denisova G. V., Lentovskaya A. V.</i> The use of Italian gerundio passato in translations from Russian _____	157

Germanic languages

<i>Ledeneva T. V., Zinkevich N. A.</i> Egalitarian and inclusive transformations of the Gender category in contemporary English _____	164
<i>Bogdanova O. Yu., Babayan V. N.</i> Emotive and dicteme analysis of the British fiction titles _____	172
<i>Lukin O. V.</i> Two German Grammar books of Wilhelm Wilmanns _____	180

CULTURAL SCIENCE

<i>Zlotnikova T. S. A.</i> Platonov and N. Nekrasov's Russian questions: attitude to life as a mental paradox _	188
<i>Ivanov N. N.</i> Mythopoetic motifs and images in A. Platonov's prose _____	198
<i>Khrenov N. A.</i> World War II in terms of the idea of modernism: the meaning of Stalin's creative response _____	205
<i>Nikiforov Yu. S., Sirotkin Y. N.</i> Soviet citizens' complaints as a cultural phenomenon of the late socialism era _____	216
<i>Klimenko G. V.</i> Somatic code of Russian culture (on the example of the lexeme «face») _____	222
<i>Kruglova E. V., Astafieva O. N.</i> Principles and methods of project management in the socio-cultural sphere _____	231
<i>Liotina N. N., Ezhgurova N. A.</i> Performing paradigms of musical folklore in modern popular national culture _____	238

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS _____	250
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10586

УДК 82

Г. Ю. Филипповский

<https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Динамическая поэтика «Слова о полку Игореве»

(к статье Д. С. Лихачёва «Предположение о диалогическом строении „Слова о полку Игореве”»)

Статья рассматривает современный взгляд на динамическую поэтику «Слова о полку Игореве» и в целом русской литературы раннего периода в свете ключевой для этой проблемы работы Д. С. Лихачёва «Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве», изданной в 1986 г. в юбилейном академическом сборнике «Исследования „Слова о полку Игореве”». Диалогизм, контрастную природу как сюжетно-композиционной структуры, художественного строения, так и поэтики «Слова» в целом высвечивает в работе Д. С. Лихачёва образ и мотив Бояна как ключевой приём, позволивший автору гениальной поэмы решить весь комплекс стоявших перед ним художественных проблем, связать воедино исторический и поэтический текстовые планы, пласты, создать поэму как целостное и литературно-художественное, и историко-эпическое произведение, вобравшее всё лучшее и перспективное в формирующейся русской литературе раннего периода XI–XIII вв. Опорная из выдающегося научного наследия Д. С. Лихачёва статья закладывает основы для научных исследований практически всех учёных медиэвистов конца XX – начала XXI в., изучающих не только проблемы «Слова о полку Игореве», но и литературной динамической поэтики древнерусской литературы и художественных истоков русской литературы в целом.

Ключевые слова: динамическая поэтика русской литературы и «Слова о полку Игореве», диалогичность и контрастность художественной природы и строения текста «Слова», научное наследие Д. С. Лихачёва, образ и мотив Бояна, сюжетно-композиционная структура «Слова», динамический монументализм литературы Руси.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

G. Yu. Filippovsky

Dynamic poetry «Tale of Igor's Campaign»

(to D. S. Likhachev's article «Assumption on a dialogue structure of „Tale of Igor's Campaign”»)

The article considers the modern view of the dynamic poetry «Tale of Igor's Campaign» and in general Russian literature of the early period in the light of D. S. Likhachev's key work «Assumption on a dialogue structure of «Tale of Igor's Campaign», published in 1986 in the anniversary academic collection «Studies of „Tale of Igor's Campaign”». The dialogue, as contrasting nature of the both of story-compositional structure, artistic structure, and the poetry of «Tale» in D. S. Likhachev's work in general highlights the image and motive of Boyan as a key means which allowed the author of the genius poem to solve the whole complex of artistic problems, to link together historical and poetic text plans, formations, to create a poem as holistic and literary and artistic, and the historical and epic work, which took all the best and promising in the emerging Russian literature of the early period of the XI–XIII centuries. The supporting article from the outstanding scientific heritage of D. S. Likhachev establishes a framework for scientific research of almost all media scientists of the late XX – early XXI centuries, studying not only the problems of «Tale of Igor's Campaign», but also literary dynamic poetry of ancient Russian literature and artistic origins of Russian literature in general.

Keywords: dynamic poetry of Russian literature and «Tale of Igor's Campaign», dialogueness and contrast of the artistic nature and structure of the text «Tale», scientific heritage of D. S. Likhachev, image and motive of Boyan, narrative and compositional structure of «Tale», dynamic monumentalism of literature in Rus.

Работа Д. С. Лихачёва, вынесенная в заглавие настоящей статьи, открывает юбилейный сборник 1986 г. «Исследования „Слова о полку Игореве”» [8], изданный к 800-летию похода князя Игоря Святославича на половцев (1185 г.), – события, которое стало сюжетной канвой великого произведения древнерусской литературы. Термин «динамический монументализм» (динамическая поэтика древнерусской литературы XI–XIII вв.) принадлежит Д. С. Лихачёву. Впервые он появился в статье «„Слово о полку Игореве” и эстетические представления его времени» в журнале «Русская литература», 1976, № 2 [10] (переиздана автором в его книге «Слово о полку Игореве» и культура его времени» 1978 и 1985 г. [9]). Внимание к динамическим аспектам поэтики древнерусской литературы проявилось в монографии Д. С. Лихачёва 1973 г. «Развитие русской литературы X–XVII вв.» [11]. Труды Д. С. Лихачёва о «Слове о полку Игореве» – это ценная научно-исследовательская лаборатория, научная энциклопедия «Слова» [5; 25], не менее важная, чем изданная в 1995 г., подготовленная, в основном, О. В. Твороговым и Л. В. Соколовой, с участием многих учёных, включая, конечно, и Д. С. Лихачёва, 5-томная «Энциклопедия „Слова о полку Игореве”» [29]. Подобная энциклопедическая, теоретико-литературная значимость изысканий Д. С. Лихачёва о «Слове» поддержана его многолетним вниманием (с 1945 г. [13]) к этому произведению. По сути, Д. С. Лихачёв держал «Слово» в поле своих научных интересов в течение всей своей жизни. Конечно, связано это и с совершенно исключительным, важным местом, которое занимает «Слово о полку Игореве» в истории древнерусской и в целом русской литературы.

Будучи лидером в отечественной науке о древнерусской литературе, Д. С. Лихачёв [6; 25] всегда видел и учитывал достижения и открытия своих коллег, ибо только таковы реальные пути исследований и открытий в науке, где истина и результат, по сути, добываются коллективными усилиями, при всех индивидуальных прозрениях и находках. Именно так поддерживается главное в научных исследованиях, – не только достижение результата, но – **новых** результатов, без чего науки не существует, и во имя чего наука живёт и развивается. В обсуждаемой статье Д. С. Лихачёва автор уже с первых страниц отталкивается от музыка-

ведческого труда Л. В. Кулаковского «Песнь о полку Игореве. Опыт воссоздания модели древнего мелоса» [7], а далее – от классической работы А. Н. Веселовского «Три главы из исторической поэтики» [3], а также – работ М. И. Стеблина-Каменского «Древнескандинавская литература», [24]; «Историческая поэтика». Идея Кулаковского по интерпретации текста «Слова о полку Игореве» состоит в парности его ритмического строения, что Стеблин-Каменский связывал с «амебейностью» [24], т. е. парной исполнительностью северогерманской средневековой эпической поэзии, а А. Н. Веселовский с «хоровым на два голоса исполнением произведений на древнейших стадиях развития поэзии» [3].

Первая фраза статьи Д. С. Лихачёва говорит о «своеобразном маятниковом движении темы в „Слове о полку Игореве”» [8, с. 9]. Упомянув здесь же о своём фундаментальном термине «исторический монументализм» или «монументальный историзм», учёный считает, что они не противоречат динамической составляющей поэтики «Слова о полку Игореве», его диалогическому строению [8, с. 9-10]. Конечно, эти аспекты поэтики «Слова» обсуждались и учёными – предшественниками Д. С. Лихачёва, например, академиком А. С. Орловым в его книге 1938-1946 гг., где он пишет в главе «Поэтический план „Слова”», что «...в частности, автор («Слова») говорит о своей задаче отразить в плане художественную структуру произведения» [18]. Характерно (и это весьма ново для Д. С. Лихачёва), что термин структурной поэтики «строение» или «построение» [8], т. е. структура текста, организация текста, встречается в обсуждаемой статье 14 раз, а первый раз уже в её заглавии, что, конечно, немаловажно. Кроме того, в данной статье Д. С. Лихачёв использует терминологически сходные выражения: «парность построения» («Слова»), «двоичность „Слова”», «двоичность построения» («Слова») [8, с. 11]. Вообще, проблемам композиции «Слова» посвящена отдельная статья Д. С. Лихачёва в «Энциклопедии „Слова о полку Игореве”» (Т. 3, с. 67-69) [29, Т. 3]. Не обращаясь к диалоговой теории о природе Слова и Текста М. М. Бахтина [1], Д. С. Лихачёв стремился исследовать диалогичность «Слова о полку Игореве» несколько на

других путях, не без отрыва от его структурно-композиционных особенностей, но в тесной связи с контрастностью его поэтики. В статье 1976 г. Д. С. Лихачёв пишет: «Вся художественная система „Слова о полку Игореве” построена на контрастах» [12]. Это очень серьёзное, важное и ответственное заявление. Можно думать, что от него прямой путь к обсуждаемой статье 1986 г. «о диалогическом строении „Слова о полку Игореве”».

Конечно, давно замечено, что «парность», «диалогичность», «двоичность» «Слова» опирается на заявленную уже в начале текста произведения полемику, спор автора с Бояном, «песнотворцем старого времени», в аспектах поэтики «Слова», его жанра, его построения, образной системы. Об этом писали практически все исследователи «Слова» сразу после публикации 1800 г. и до наших дней. Образ Бояна и его функция в «Слове», безусловно, одна из ключевых позиций в его поэтике. Д. М. Шарыпкин в 1973 г. опубликовал статью, где диалогичность «Слова» обретала новые координаты: «Рек Боян и Ходына...» (К вопросу о поэзии скальдов в «Слове о полку Игореве»)» (Скандинавский сборник. 18. Таллинн, 1973, с. 195-201), а также затем другую статью: «Боян в „Слове о полку Игореве” и поэзия скальдов» (ТОДРЛ. 1976. Т. 31, с. 14-22) [28]. Данное прочтение, как появление образа парного к Бояну песнотворца Ходыны, – чтение, предложенное Д. М. Шарыпкиным [28], сейчас утвердилось в науке весьма прочно, во всех изданиях и комментариях (конечно, и ранее в работах, например, Рудольфа Абихта, Маргарет Шлаух, Александра Брюкнера и других учёных, говорилось о влиянии на «Слово» скальдической литературы [21], а, например, в своё время впервые высказанные подобные мысли в трудах русских учёных П. Полевого [29, Т. 4, с. 140-141] и А. Милюкова 1858 г. встретили жёсткую критику и obstruction). Отмеченное прочтение равнозначно тем критериям «амебейности» или, иначе говоря, диалогичности, диалоговой поэтики, о чём пишет Д. С. Лихачёв в обсуждаемой статье. Причём, «амебейность», по признанию самого Д. С. Лихачёва, не более чем, предположение, в отличие от «диалогического строения» текста «Слова», о чём, как уже говорилось, автор заявляет в заглавии своей работы.

По справедливому замечанию В. Г. Смолицкого [22] «вступление „Слова о полку Игореве”» – это увертюра, где в зародыше имеются уже все темы, которые будут развиты в основ-

ной части». Иными словами, вступление поэмы рассматривается как её экспозиция. И естественно, что главное место в этой части текста «Слова» занимает образ Бояна [4]. Им, по сути, открывается текст произведения, но тот же образ встречается и в его концовке: «Рек Боян...». В рассматриваемой статье Д. С. Лихачёва, как нигде в других его работах, образ и мотив Бояна встречается многократно, 35 раз, и это весьма знаменательно. Подобная частотность не могла быть случайной; она указывает на некую доминанту, связанную с данным образом, в контексте динамической поэтики «Слова». Ведь именно такова динамичная образная характеристика Бояна, данная ему в тексте вступления-экспозиции: «Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы... тогда пушашеть 10 соколов на стадо лебедей... Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пушаше, но своя вещь персты на живая струны воскладе, они же сами князем славу рокотаху... О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы!»...

Не только обрамляющая в сюжетно-композиционном плане «Слова», но иная функция образа Бояна заявлена уже в начале текста поэмы в риторическом вопросе автора: «Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче...». Совсем не случайно Боян наделён в «Слове» эпитетом «вещий» и неоднократно («Тому вещей Боян и первое припевку, смыслённый, рече...»). Боян внятно соотносён с образом одного из главных божеств древнерусского языческого пантеона – богом земных богатств и сокровищ Велесом-Волосом. Это единственное в тексте «Слова» соотнесение Бояна и Велеса. Но далеко не единственное упоминание языческих божеств – целая галерея их выстроена автором в первой части текста: Дажьбог («жизнь Дажьбожа внука») и Хорс («великому Хорсови волком путь прерыскаше») – божества Солнца; языческое божество Троян («вечи Трояни», «на землю Трояню», «На седьмом веце Трояни»); языческое божество Стрибог, бог ветров («Се ветри, Стрибожи внуци...»). Главный вопрос в понимании художественной природы «Слова»: почему автор-христианин к. XII – нач. XIII вв. использует подобный экстремальный приём в виде галереи образов языческих божеств в первой части своей поэмы? В книге «Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве» [27] мы предлагаем сле-

дующий ответ: автор поэмы намеренно сгущает образы тьмы, вводит напряжённый архаико-мифологический, языческий контекст первой половины «Слова», чтобы во второй части и финале сменить их торжеством света, солнца, динамикой христианских мотивов непосредственно после «плача-заклипания Ярославны; спасение героя, его возвращение на Русскую землю связано не только с молением Ярославны к стихиям природы, но и воле Бога христианского: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю русскую» (река Донец выступает альтернативой Каяле как река спасения – реке тьмы и гибели).

Здесь опять мы идём вослед розысканиям Д. С. Лихачёва в его книге «Слово о полку Игореве и культура его времени» (2-е изд. 1985) [9]. Комментируя текстовые эпизоды «Слова»: «Игорь князь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты»; «солнце ему тьмою путь заступаше»; «заря светъ запала, мъгла поля покрыла»; «на реце на Каяле тьма светъ покрыла», – Д. С. Лихачёв пишет: «Тьма или мгла, „синяя мгла” является в „Слове” не просто отсутствием света, но активным действующим началом, а вся борьба русских с врагами поэтически трансформируется в представление о борьбе света с тьмой – активной тьмой. Поэтому-то и возвращение Игоря из плена предстаёт в „Слове”, как победа света» [9]. Подобные тексты Д. С. Лихачёва 1985 г. [9] предстают своего рода прелюдией к статье «Предположение о диалогическом строении „Слова о полу Игореве”» 1986 г. [8]. И ключом к пониманию динамической поэтики «Слова» учёный здесь видит образ Бояна. Он не только диалогичен в понимании, предложенном Д. М. Шарыпкиным [28] и поддержанном Д. С. Лихачёвым [8] («Рек Боян и Ходына, Свято-славля песнотворца, старого времени Ярославля, Ольгава коганя хоти...»), то есть, амбебейный, диалогичный спор-дуэт двух певцов – Бояна и Ходыны. В русле предложенной выше ведущей роли образа Бояна не только во вступлении-экспозиции «Слова», но и («вещего», «внука Велеса») предвосхищающего, предопределяющего ведущий приём автора и в первой части поэмы, и всей поэмы в целом, – приём введения (на фоне предзнаменования тёмного солнца в начале похода Игоря) галереи тёмных языческих божеств в первой части текста, соотносительной с ключевой фразой «на реце на Каяле тьма свет покрыла», синонимичной поражению Игоря и гибели всей его дружины. Выше уже отмечалось, что в русле диа-

логической, динамической поэтики «Слова», контрастного строения первой и второй его части, финала (после «плача»-заклипания Ярославны) и солнце побеждает тьму, и христианские образы и мотивы как бы вытесняют тёмные языческие символы первой части текста.

Образ Бояна и здесь является ведущим: он не только (как «вещий», «Велесов внуче») создаёт автору возможность реализации образного строя и всей первой части поэмы, и (на контрасте) всей композиционной структуры в целом. Образ Бояна – певца, барда, творца художественных текстов (Д. М. Шарыпкин соотносил его с традицией скандинавских скальдов) [28], – дал Д. С. Лихачёву ключ к динамической поэтике «Слова», к «диалогическому строению «Слова о полку Игореве» [8]. Не случайно было сказано, что образ Бояна как бы витает над «Словом», выступает ключевым образом-медиатором в структуре динамического хронотопа поэмы. Автор «Слова», как следует из его программного заявления в экспозиции текста, целенаправленно сплавляет воедино событийность реально-историческую и событийность поэтическую, веи и образы языческой Руси и христианской актуальной современности, рубежи истории и рубежи поэзии, отталкиваясь, опираясь при этом на образ поэта-медиатора Бояна. Текстовая динамика в «Слове» несёт перманентную функцию преодоления бесчисленных пограничных ситуаций, пересечения бесчисленных рубежей не только реально-событийных, но и виртуально-поэтических. Учитывая особую значимость образа Бояна в «Слове», а также с ним связанного мифопоэтического хронотопа, важно подчеркнуть, что хронотоп пограничности вырастает из органического соединения хронотопа реально-событийного (автор) и хронотопа мифопоэтического (Боян), что в совокупности составляет единый текстовый хронотоп произведения. Необходимо подчеркнуть, что во всех отмеченных отношениях «Слова» отнюдь не выбивается из литературной традиции Руси XI–XIII вв., но является её наиболее ярким выразителем и представителем.

Образ Бояна – своего рода обобщающая фигура, образ-символ поэта – предшественника автора. Литература Руси к началу XIII века прошла уже не малый путь в русле новой христианской культуры. Автор «Слова» был, как установлено Д. С. Лихачёвым, прилежным «читателем» (то есть интерпретатором) «Повести временных лет» [9], им же в «Слове» избран и образ предшественника-Бояна, тоже поэта. Характерное для динамической

поэтики «Слова» контрастное соотнесение автора и Бояна (не только их времени, но и поэтики), образов, символов и поэтических представлений как бы задано, обусловлено уже изначальным введением альтернативного авторскому образу Бояна – поэта-волхва, «вещего внука Велеса», ведуна с его «замышлением» (такие черты ему приданы автором в пророческом и поэтическом контексте произведения). Ясно, что мы имеем дело с глубоко обоснованным авторским приёмом, определившим сразу художественную концепцию «Слова», поэтическую альтернативную структуру и природу его поэтического двоемирия, возможности и диапазон поэтического манёвра, которыми автор блестяще распорядился. Диалогичность: Боян – Автор (и здесь Д. С. Лихачёв в своей статье 1986 г. смотрит далеко вперёд) как аналог переключки легендарной, даже языческой древности и актуальной христианской современности – важнейшая черта антиномичной, контрастной, динамической художественной поэтики «Слова о полку Игореве».

Вместе с тем, открытия и исследования Д. М. Шарыпкина и М. И. Стеблина-Каменского [28; 24] весьма доказательно выстраивают ещё одну сферу диалогического контекста «Слова о полку Игореве». Это контекст западноевропейского средневекового книжного эпоса (разумеется, с учётом параллелей «Слова» и литературных произведений Руси XII в.). Такого рода соотнесением в течение многих лет занимался в своих публикациях А. Н. Робинсон [20], правда, не акцентируя специально книжный характер эпических текстов, а выстраивая параллели и взаимосвязи в пространстве евразийских средневековых эпических текстов. Ясно, что авторская природа текста «Слова о полку Игореве» (а это сейчас однозначно признано всеми исследователями без исключения) скорее склоняет к наработкам Д. М. Шарыпкина и М. И. Стеблина-Каменского [28; 24] в плане типологии «Слова». Недавние исследования Г. Ю. Филипповского в его книге 2016 г. «Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве» [27] выводят не только на традиционно популярный текст «Песни о Роланде», но и «Беовульфа», «Песни о Гильоме Оранжевом», «Витязя в барсовой шкуре», поддерживают означенный типолого-диалогический контекст изучения «Слова». В особенности, продуктивно соотнесение со старогрузинским эпосом к. XII – нач. XIII вв. Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», что косвенно поддерживает авторскую концепцию текста «Слова». О европейском векторе не только авторской, но и типолого-исследовательской поэтики «Слова»

Г. Ю. Филипповский пишет уже во вступительной главе своей книге 2016 г. (о работе А. С. Пушкина со «Словом о полку Игореве») [27, с. 9-11]. Что касается Д. С. Лихачёва, то подобные типолого-исследовательские подходы не были чужды ему и ранее: в «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» ему принадлежит статья о «Песни о Роланде» [29, Т. 4, С. 93-95], а соотнесение текстов «Слова» и «Повести временных лет» нашло отражение в его известной фразе «Автор „Слова“ – внимательный читатель «Повести временных лет» [26, с. 64].

Диалогичность, бинарность, контрастность в «Слове» касается не только соотносительного образа певца старых времён Бояна, но и важного для поэмы образа Солнца [29, Т. 5, С. 24-27], который встречается не менее 7 раз. Во-первых, это образ тёмного Солнца в начале и в первой части текста, который выступает не менее сюжетобразующим, чем образ князя Игоря, – побеждённого в первой части и победителя в финале. Образ Солнца в поэтическом замысле Автора не случайно удваивается: Дажьдбог – Хорс в первой «Слова» (где Дажьдбог – образ дневного Солнца, а Хорс – образ ночного Солнца на водах ночи, где оно проходит очищение и очищает воды всего мира; образ древней мифологии, восходящий ещё к древнеегипетским традициям). Героизация этого древнего мифологического сюжета в «Слове» связана, опять же в пределах первой части текста, с эпизодом о Всеславе-князе-волке-оборотне, с его ночным состязанием с Хорсом, богом ночного Солнца. Как известно, «Слово» современно эпохе рождения основных циклов русского былинного эпоса, потому и эпизод с Всеславом и Хорсом переключается с былинным сюжетом об Иване Гостиниче или Иване, Гостином сыне, где герой также соревнуется в беге с ночным Солнцем и опережает его. Кстати, в «Слове» Всеслав-волк-оборотень также опережает ночное Солнце: «...великому Хорсови ночью путь прерыскаше» [27, с. 236-253]. Удвоение образа Солнца в «Слове» сейчас признано всеми исследователями, а, следовательно, включается в общую структуру парностей, контрастов, бинарности, диалогичности, о чём говорится в обсуждаемой статье Д. С. Лихачёва.

С предшествующим материалом соотнесена другая парность: мотивы Тьмы и Света в «Слове», чему посвящена глава в книге Д. С. Лихачёва «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени» [9]. Конечно, эту парность подмечали исследователи задолго до Д. С. Лихачёва, например, М. М. Бахтин в своей работе 1940 г. «Слово о полку

Игоре́ве» в истории эпопеи» [2] или А. М. Панченко и И. П. Смирнов в статье 1971 г. «Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии XX века» [19]. Данная статья, как отмечает «Энциклопедия «Слова о полку Игоре́ве», «обращает внимание на особую значимость для художественной системы «Слова о полку Игоре́ве» метафоры движения от мрака к свету, являющейся, по мнению учёных, сюжетообразующим моментом в «Слове» [19]. Отмеченная контрастная диалогичность мотивов позволила Т. М. Николаевой создать целую серию работ о контрастных оппозициях в «Слове», например, статьи «Оппозиция туга-веселие и тьма-свет в „Слове о полку Игоре́ве”» [17] или «Функционально-смысловая структура антитез и повторов в „Слове о полку Игоре́ве”». Отмеченная выше «метафора движения от мрака к свету» в русле динамической поэтики «Слова» (термин Д. С. Лихачёва) составила основную научную концепцию книги Г. Ю. Филипповского «Средневековая идентичность «Слова о полку Игоре́ве» 2014-2016 гг. [27] Автор пришёл к этой монографии с 1986 г., со статьи «Мотив движения в „Слове о полку Игоре́ве” и литературе Руси XII в.» [26] в том же юбилейном сборнике, что и упомянутая выше работа Д. С. Лихачёва о диалогичности «Слова». Обсуждая парный для автора «Слова» мотив Бояна, Л. В. Соколова [23] опирается на исследования скандинависта Д. М. Шарыпкина [28], поддерживая пафос основной статьи сборника Д. С. Лихачёва о диалогической поэтике «Слова» [8]. Г. Ю. Филипповский в статье 1986 г. [26] также, помимо поэтической динамики Руси XII в. и месте в ней «Слова», проводит и русско-европейские параллели в литературе высокого европейского Средневековья (им посвящена работа А. Д. Михайлова «Об одной старофранцузской параллели „Слову о полку Игоре́ве”», опубликованная в том же сборнике «Исследования „Слова о полку Игоре́ве”» 1986 г. [16]).

Разделы монографии Г. Ю. Филипповского 2014-2016 гг. озаглавлены: «Аспекты сравнительно-типологической поэтики „Слова о полку Игоре́ве”» и «Аспекты литературной и динамической поэтики „Слова о полку Игоре́ве”» [27]. Ясно, что книга в целом следует в русле работок Д. С. Лихачёва о динамической поэтике «Слова». Характерно, что книге предпослано изображение иконы Спасителя первой четверти XIII в. со словами Евангелия от Иоанна «Азь есмь свет миру: ходяй по мне не имать ходити во тме, но имать свет животный» (Ин. 8,12). Эти слова Христа из

Евангелия по сути представляют собой ту путеводную звезду, ту художественную концепцию, которой, по мнению Г. Ю. Филипповского, следовал автор «Слова», выстраивая свой выдающийся текст. Действительно, образы Тьмы, включая многочисленных языческих божеств, символов первой части «Слова», далее, после эпизода Ярославны (как структурной кульминации текста), в заключительной части «Слова» как бы вытесняется христианскими образами, христианской символикой, и в финале поэмы Игорь «едет по Боричеву к святеи Богородици Пирогошеи», с текстом христианской здравицы. Что же здесь необычного? Все западноевропейские тексты книжной эпики, по сути, следуют той же текстовой модели: образы противников из мира Тьмы и в «Песне о Роланде», и в «Беовульфе», и в «Песне о Гильоме Оранжевом», в других подобных текстах, – не просто повержены, побеждены, а преодолены силой христианского Света, силой христианской Правды, Истины. «Слово о полку Игоре́ве» в ряду этих текстов выглядит вполне естественно и с точки зрения динамической поэтики, и с точки зрения контрастной поэтики Тьмы-Света. Именно об этом говорит книга Г. Ю. Филипповского [27], написанная, как уже отмечалось, в традициях Д. С. Лихачёва, в традициях динамической поэтики средневековой русской литературы.

Просматривая состав сборника 1986 г. «Исследования „Слова о полку Игоре́ве”», создаётся ощущение, что Д. С. Лихачёв как редактор-составитель сборника целенаправленно подбирал включённые в него материалы, развивая ведущую в его первой, задающей общий тон статье тональность динамической поэтики «Слова о полку Игоре́ве». По сути, в этом русле выстроены работы Г. Ю. Филипповского, Л. В. Соколовой, А. Д. Михайлова, В. В. Медведева, Я. И. Гина. Статья Л. В. Соколовой «Зачин в «Слове о полку Игоре́ве» [8], как отмечалось выше, обращается к аспектам типологической диалогичности «Слова» с опорой на работы Д. М. Шарыпкина [28]. Но всё же её основной пафос – анализ вступительных эпизодов поэмы. Хотя исследователь и не использует термин «экспозиция» [29], всё же ясно, что начало текста «Слова» с его важным для его поэтики образом Бояна играет важную, если не ведущую роль в динамической структурно-композиционной организации текста. Статья Г. Ю. Филипповского «Поэтика экспозиций в литературе Руси и „Слова о полку Игоре́ве”» появилась позже (2001 г.) [27], но и исследование Л. В. Соколовой о зачине «Слова» [23] (как и ста-

тья В. Г. Смолицкого «Вступление в „Слове о полку Игореве”» 1956 г. [22]), безусловно, прокладывали путь к уяснению функции и места вступления «Слова» в его динамической поэтике. Ещё раз следует отметить значимость в этом ряду научных работ статьи Д. М. Шарыпкина 1976 г. «Боян в „Слове о полку Игореве” и поэзия скальдов» [28]. Все названные исследования мостили путь к монографии Г. Ю. Филипповского «Средневековая идентичность „Слова о полку Игореве”» 2014-2016 гг. (1, 2, 3 издания) [27]. Здесь принципиальные открытия, термины, наработки Д. С. Лихачёва в сфере динамической поэтики «Слова о полку Игореве» нашли не только применение, но и развитие. Речь идёт о книге в целом, отдельных её главах, например, Библейско-христианские мотивы в «Слове о полку Игореве», Интегративность книжного эпоса европейского Высокого Средневековья, О природе двупланности «Слова о полку Игореве», Сюжетно-композиционная функция женских образов в литературе Руси и европейского Средневековья XI–XIII вв., О художественной концепции «Слова о полку Игореве», Мотив начал в древнерусской литературе XI–XIII вв., Автор «Слова о полку Игореве» как писатель-христианин [27].

В своей обсуждаемой статье 1986 г. Д. С. Лихачёв постоянно держит в поле внимания образ и тему автора «Слова», но отнюдь не с точки зрения гадания о его персоналии, но как важной составляющей структурной и динамической поэтики текста (выше уже говорилось о рассуждениях академика в русле амебейной, диалогичной поэтике «Слова» в духе средневековых скандинавских скальдов). Конечно, как и подавляющее большинство учёных, Д. С. Лихачёв отнюдь не считал «Слово» фольклорным текстом, но авторским, книжным произведением с богатыми мифолого-фольклорными реминисценциями. Дихотомия: Боян – Автор «Слова» – важная, если не ключевая, позиция в динамической, диалогической поэтике «Слова». Ещё раз повторим, что тема и образ Автора «Слова» повторяется практически на каждой странице исследования Д. С. Лихачёва 1986 г. [8]. Позднее в 1993 г. академик вернулся к данной теме в статье «Каким был автор „Слова о полку Игореве”?» и дал чёткий и однозначный ответ: «...автор „Слова” – профессиональный литератор» [15]. Сомнения в подлинности «Слова», связанные с его якобы поздним происхождением, сейчас убедительно отвергнуты наукой. Но основные аргументы и наиболее авторитетные результаты, в этом плане,

связаны с работами Д. С. Лихачёва. Автор данной статьи, выстраивая линии динамической поэтики «Слова» с опорой на труды Д. С. Лихачёва, не без основания считает выдающегося учёного своим учителем (Д. С. Лихачёв, ещё будучи членом-корреспондентом АН СССР в 1969 г. выступил рецензентом дипломной работы в МГУ автора данной статьи на тему «„Слово о полку Игореве” в оценке зарубежных славистов»). Ясно, что статья Г. Ю. Филипповского «Мотив движения в „Слове о полку Игореве” и литературе Руси XII в.» [26] попала в юбилейный сборник «Слова» не без воли и согласия Д. С. Лихачёва как редактора-составителя. Так что свою итоговую монографию по динамической поэтике «Слова» 2014-2016 гг. [27] её автор вполне мог посвятить светлой памяти своего учителя академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. В любом случае, введённая и обоснованная Д. С. Лихачёвым как важное направление изучения «Слова о полку Игореве» **динамическая поэтика** этого памятника литературы была и остаётся весьма продуктивным и перспективным направлением исследования текста «Слова», постижения его словесно-художественной природы.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 92-93.
2. Бахтин, М. М. «Слово о полку Игореве» в истории эпопеи [Текст] // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – нач. 1960-х гг. / ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. – М. : Русские словари, 1997. – С. 39-41.
3. Веселовский, А. Н. Три главы из исторической поэтики [Текст] // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л. : Художественная литература, 1940. – С. 200-380.
4. Дмитриев, Л. А. Боян [Текст] // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. – СПб, 1995. – С. 147-153.
5. Дмитриев, Л. А. «Слово о полку Игореве» в трудах Д. С. Лихачёва [Текст] // Проблемы культурного наследия. – М. : Наука, 1985. – С. 80-86.
6. Дмитриев, Л. А., Творогов, О. В. Д. С. Лихачёв [Текст] // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – С. 172-177.
7. Кулаковский, Л. В. Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса [Текст] / Л. В. Кулаковский. – М., 1977.
8. Лихачёв, Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» [Текст] // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д. С. Лихачёв. – Л. : Наука, 1986. – С. 9-28.
9. Лихачёв, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени [Текст] / Д. С. Лихачёв. – Л., 1985.

10. Лихачёв, Д. С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени [Текст] // Русская литература. – 1984. – № 2. – С. 130-144.

11. Лихачёв, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили [Текст] / Д. С. Лихачёв. – Л. : Наука, 1973. – 254 с.

12. Лихачёв, Д. С. Слово о полку Игореве [Текст] // «Слово о полку Игореве». – Л. : Художественная литература, 1976. – С. 3-22.

13. Лихачёв, Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. [Текст] / Д. С. Лихачёв. – М.; Л. : Изд. АН СССР, 1945.

14. Лихачёв, Д. С. Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» [Текст] // Русская литература. – 1985. – № 3. – С. 3-6.

15. Лихачёв, Д. С. Каким был автор «Слова о полку Игореве» [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 1993. – Т. 48. – С. 26-30.

16. Михайлов, А. Д. Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве» [Текст] // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л. : Наука, 1986. – С. 87-90.

17. Николаева, Т. М. Оппозиция туга-веселие, тьма-свет в «Слове о полку Игореве» [Текст] // Проблемы структурной лингвистики. – 1982. – М., 1984. – С. 121-136.

18. Орлов, А. С. Слово о полку Игореве. 2-изд. [Текст] / А. С. Орлов. – М.; Л. : Изд. АН СССР, 1946. – 215 с.

19. Панченко, А. М., Смирнов, И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии XX века [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1971. – Т. 26. – С. 33-43.

20. Робинсон, А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии [Текст] / А. Н. Робинсон. – М. : Наука, 1980. – 336 с.

21. Руди, Т. Р. Скальдическая поэзия и «Слово о полку Игореве» [Текст] // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – С. 303-306.

22. Смолицкий, В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве» [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1956. – Т. 12. – С. 5-19.

23. Соколова, Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» [Текст] // Исследования «Слова о полку Игореве». – Л. : Наука, 1986. – С. 65-74.

24. Стеблин-Каменский, М. И. Древнескандинавская литература [Текст] / М. И. Стеблин-Каменский. – М. : Высшая школа, 1979. – 192 с.

25. Творогов, О. В. Дмитрий Сергеевич Лихачёв – исследователь «Слова о полку Игореве» [Текст] // Альманах библиофила. – М., 1986. – Вып. 21. – С. 27-35.

26. Филипповский, Г. Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе Руси XII в. [Текст] //

Исследования «Слова о полку Игореве». – Л. : Наука, 1986. – С. 58-64.

27. Филипповский, Г. Ю. Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве» [Текст] / Г. Ю. Филипповский. – Ярославль : Изд. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2016. – 403 с.

28. Шарыпкин, Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 14-22.

29. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1-5 [Текст] / отв. ред. О. В. Творогов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let = Issues of literature and aesthetics. Studies of different years [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – S. 92-93.

2. Bahtin, M. M. «Slovo o polku Igoreve» v istorii jepopei = «Tale of Igor's Campaign» in the history of the epic [Tekst] // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940-h – nach. 1960-h gg. / red. S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili. – M. : Russkie slovari, 1997. – S. 39-41.

3. Veselovskij, A. N. Tri glavy iz istoricheskoi pojetiki = Three chapters from historical poetry [Tekst] // Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika. – L. : Hudozhestvennaja literatura, 1940. – S. 200-380.

4. Dmitriev, L. A. Bojan = Boyan [Tekst] // Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T. 1. – SPb, 1995. – S. 147-153.

5. Dmitriev, L. A. «Slovo o polku Igoreve» v trudah D. S. Lihachjova = «Tale of Igor's Campaign» in D. S. Likhachiov's works [Tekst] // Problemy kul'turnogo nasledija. – M. : Nauka, 1985. – S. 80-86.

6. Dmitriev, L. A., Tvorogov, O. V. D. S. Lihachjov = D. S. Likhachiov [Tekst] // Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T. 3. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 1995. – S. 172-177.

7. Kulakovskij, L. V. Pesn' o polku Igoreve: Opyt vossozdanija modeli drevnego melosa = Tale of Igor's Campaign: Experience of recreating the model of ancient melos [Tekst] / L. V. Kulakovskij. – M., 1977.

8. Lihachjov, D. S. Predpolozhenie o dialogicheskom stroenii «Slova o polku Igoreve» = Assumption on dialogue structure of «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Issledovanija «Slova o polku Igoreve» / отв. ред. D. S. Lihachjov. – L. : Nauka, 1986. – S. 9-28.

9. Lihachjov, D. S. «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni = «Tale of Igor's Campaign» and the culture of its time [Tekst] / D. S. Lihachjov. – L., 1985.

10. Lihachjov, D. S. «Slovo o polku Igoreve» i jesteticheskie predstavlenija ego vremeni = «Tale of Igor's Campaign» and aesthetic representations of its time [Tekst] // Russkaja literatura. – 1984. – № 2. – S. 130-144.

11. Lihachjov, D. S. Razvitie russkoj literatury X–XVII vv. Jepohi i stili = Development of Russian literature of the X-XVII centuries. Epochs and styles [Tekst] / D. S. Lihachjov. – L. : Nauka, 1973. – 254 s.

12. Lihachjov, D. S. Slovo o polku Igoreve = «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // «Slovo o polku Igoreve». – L. : Hudozhestvennaja literatura, 1976. – S. 3-22.
13. Lihachjov, D. S. Nacional'noe samosoznanie Drevnej Rusi. Očerki iz oblasti russkoj literatury XI–XVII vv. = National identity of ancient Russia. Essays from the field of Russian literature of the XI–XVII centuries [Tekst] / D. S. Lihachjov. – M.; L. : Izd. AN SSSR, 1945.
14. Lihachjov, D. S. Razmyshlenija ob avtore «Slova o polku Igoreve» = Reflections on the author of «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Russkaja literatura. – 1985. – № 3. – S. 3-6.
15. Lihachjov, D. S. Kakim byl avtor «Slova o polku Igoreve» = What was the author of «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. – SPb., 1993. – T. 48. – S. 26-30.
16. Mihajlov, A. D. Ob odnoj starofrancuzskoj paraleli «Slovu o polku Igoreve» = About one Old French parallel to «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Issledovanija «Slova o polku Igoreve». – L. : Nauka, 1986. – S. 87-90.
17. Nikolaeva, T. M. Oppozicija tuga-veselie, t'masvet v «Slove o polku Igoreve» = Opposition tuga-fun, darkness-light in «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Problemy strukturnoj lingvistiki. – 1982. – M., 1984. – S. 121-136.
18. Orlov, A. S. Slovo o polku Igoreve. 2-izd. = «Tale of Igor's Campaign» the 2d edition [Tekst] / A. S. Orlov. – M.; L. : Izd. AN SSSR, 1946. – 215 s.
19. Panchenko, A. M., Smirnov, I. P. Metaforicheskie arhetipy v russkoj srednevekovoj slovesnosti i v poezii XX veka = Metaphorical archetypes in Russian medieval words and in the XX century poetry [Tekst] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. – L., 1971. – T. 26. – S. 33-43.
20. Robinson, A. N. Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe Srednevekov'ja XI–XIII vv. Očerki literaturno-istoričeskoj tipologii = Literature of ancient Russia in the literary process of Middle Ages of XI–XIII centuries. Essays of literary and historical typology [Tekst] / A. N. Robinson. – M. : Nauka, 1980. – 336 s.
21. Rudi, T. R. Skal'dičeskaja poezija i «Slovo o polku Igoreve» = Scaldic poetry and «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T. 4. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 1995. – S. 303-306.
22. Smolickij, V. G. Vstuplenie v «Slove o polku Igoreve» = Foreword of «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. – M.; L., 1956. – T. 12. – S. 5-19.
23. Sokolova, L. V. Zachin v «Slove o polku Igoreve» = Beginning in «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Issledovanija «Slova o polku Igoreve». – L. : Nauka, 1986. – S. 65-74.
24. Steblin-Kamenskij, M. I. Drevneskandinavskaja literatura = Old Scandinavian literature [Tekst] / M. I. Steblin-Kamenskij. – M. : Vysshaja škola, 1979. – 192 s.
25. Tvorogov, O. V. Dmitrij Sergeevič Lihachjov – issledovatel' «Slova o polku Igoreve» = Dmitry Likhachiov – researcher of «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Al'manah bibliofila. – M., 1986. – Vyp. 21. – S. 27-35.
26. Filippovskij, G. Ju. Motiv dvizhenija v «Slove o polku Igoreve» i literature Rusi XII v. = Motive of movement in «Tale of Igor's Campaign» and literature of XII century Rus. [Tekst] // Issledovanija «Slova o polku Igoreve». – L. : Nauka, 1986. – S. 58-64.
27. Filippovskij, G. Ju. Srednevekovaja identičnost' «Slova o polku Igoreve» = Medieval identity of «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] / G. Ju. Filippovskij. – Jaroslavl' : Izd. JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2016. – 403 s.
28. Šarypkina, D. M. Bojan v «Slove o polku Igoreve» i poezija skal'dov = Boyan in «Tale of Igor's Campaign» and poetry of scalds [Tekst] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. – L., 1976. – T. 31. – S. 14-22.
29. Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve». T. 1-5 Encyclopedija «Tale of Igor's Campaign». V. 1-5 [Tekst] / otv. red. O. V. Tvorogov. – SPb. : Dmitrij Bulanin, 1996.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10587

УДК 82-95

Я. В. Сарычев

<https://orcid.org/0000-0002-3552-8513>

Возвращение «домой»: феномен «Итальянских впечатлений» В. В. Розанова

Изучение ряда произведений и обстоятельств идейно-литературного развития В. В. Розанова, еще не получивших должного научного внимания, может способствовать обновлению сложившихся представлений о творческом феномене выдающегося русского писателя и мыслителя. Анализируя в свете подобной целевой установки книгу путевых очерков и статей В. В. Розанова «Итальянские впечатления» (1909), рассматривая этот текст в контексте текущих литературно-критических оценок и характерных для конца 1900-х годов умонастроений самого автора, мы приходим к выводу об этапном значении произведения. В функциональном отношении оно фактически открывает итоговый период розановского творчества и объективно несет на себе массу его отличительных примет и противоречий. Главной проблемой для В. В. Розанова на рубеже первого и второго десятилетий XX века становится необходимость интеграции прежних (по сути, уже исчерпавших себя и утративших импульс саморазвития) идей религиозно-модернистского качества в новый идеологический и мировоззренческий формат, ассоциированный с русским национально-консервативным сознанием. Опыт непосредственной реализации подобной инициативы, немаловажной частью которого становятся «Итальянские впечатления», наглядно продемонстрировал, что в распоряжении Розанова не оказалось необходимого ресурса для осуществления задуманного, и иначе как формальным образом разрешить поставленную задачу было невозможно. Это обстоятельство вывело на поверхность слабые места в розановской системе взглядов, обнажило ряд противоречий и коллизий авторского самосознания, предопределило как минимум скептическую, а по большей части резко негативную реакцию современников писателя на предложенный российской общественности проект «нового Розанова». Таким образом, исследование ориентирует научную мысль на комплексный анализ проблем творчества В. В. Розанова 1910-х годов без абсолютизации художественных достижений данного периода; ситуативно, помимо прочего, подчеркивается гносеологическое значение дореволюционных источников.

Ключевые слова: консерватизм, модернизм, сознание, проблемы эволюции, авторская позиция, контекст, литературно-общественное восприятие.

Ya. V. Sarychev

Return of «home»: V. V. Rosanov's phenomenon of «Italian impressions»

The study of a number of works and circumstances of ideological and literary development of V. V. Rozanov, which have not yet received proper scientific attention, can contribute to the renewal of existing ideas about the creative phenomenon of the outstanding Russian writer and thinker. Analyzing the book of travel essays and articles by V. V. Rozanov «Italian impressions» (1909) in the light of such a target setting, considering this text in the context of current literary and critical assessments and the author's own mindset typical of the late 1900s, we come to the conclusion about the landmark significance of the work. In functional terms it practically opens the final period of Rozanov's creativity and objectively bears the weight of its distinguishing features and contradictions. The main problem for V. V. Rozanov at the turn of the first and second decades of the twentieth century is the need to integrate former (in fact, already exhausted and having lost the impetus to self-development) ideas of the religious-modernist quality into the new ideological and worldview format, associated with the Russian national conservative consciousness. The experience of the direct implementation of such an initiative, of which the «Italian impressions» are an important part, clearly demonstrated that Rozanov did not have at his disposal the necessary resources to carry out his plans, and a formal way to resolve the task was the only one. This circumstance brought to the surface weaknesses in Rozanov's system of views, revealed a number of contradictions and conflicts of the author's self-consciousness, predetermined at least the skeptic, and for the most part, sharply negative reaction of the writer's contemporaries to the «new Rozanov» project proposed to the Russian public. Thus, the study focuses scientific thought on a comprehensive analysis of the problems of V. V. Rozanov's creativity in the 1910s without absolutization of artistic achievements of this period; among other things, the epistemological significance of the pre-revolutionary sources is emphasized.

Keywords: conservatism, modernism, consciousness, problems of evolution, author's position, context, literary and public perception.

Сто лет, минувшие со дня смерти В. В. Розанова, дают повод лишней раз обратиться к фигуре этого выдающегося писателя и мыслителя предреволюционной эпохи, одного из флагманов русской модернистской культуры. То, что «памятная» дата не вызвала заметного резонанса в научной среде, нисколько не удивляет в свете реалий текущего времени, но одновременно может свидетельствовать и об исчерпанности типовых решений. Хорошо известно, что практически с самого начала широкого обсуждения имени В. В. Розанова в печати он воспринимался в двух проекциях: или как «философ пола» и религиозный «искатель», целенаправленно подрывавший своими специфическими «темами» нормы традиционного сознания, или как творец особой «разлагающейся литературы», строящейся на принципе крайне «парадоксального» по форме и сути авторского «самовыражения». Понятно, что обе эти максимы еще прижизненного восприятия легко интегрируются в едином образе Розанова-«парадоксалиста», который современные гуманитарии лишь окончательно абсолютизировали, восполнив весьма сомнительным в историческом отношении посылом о «постмодернистском дискурсе» и соответствующей «поэтике». Выйти из подобного аналитического тупика, из ситуации бесконечного повторения пройденного и механической ретрансляции, мягко говоря, не вполне гносеологически достоверных посылов, и впрямь достаточно непросто; фундаментальное решение подобной задачи предполагает кардинальную смену самой методологии подхода к «розановскому» материалу. Однако в качестве паллиативных средств помочь, как ни странно, способны именно «нетипичные» для Розанова произведения и обстоятельства творческого развития. Один из возможных вариантов того и другого предлагает название и проблематика настоящей статьи.

«Итальянские впечатления» (1909) – далеко не главная книга В. В. Розанова, и странно было бы искать здесь каких-то прорывных новаций в плане содержания и формы. Напротив, книга почти лишена того отличительного блеска, который присущ программным розановским вещам; по интеллектуальной и стилиевой выразительности она откровенно уступает «полометафизическим» книгам-предшественницам, будоражившим умы и сердца российской интеллигенции вкуче с духовным сословием в начале XX века. Последующие творения – от «Темного лика» до «Опавших листьев» – также несравненно более показательны для понимания существа «религиозной» и творческой личности Розанова. С точки зрения жанра

«Итальянские впечатления» вновь не представляют ничего особенного: путевой очерк достаточно распространен у Розанова, произведений подобного рода набирается на целый увесистый том [21], однако все они совершенно различны в функционально-смысловом отношении (чтобы наглядно убедиться в том, достаточно, например, сравнить «Итальянские впечатления» [21, с. 81-235] с принципиальной частью «Темного лика» – условно «путевыми» очерками «По тихим обителям» [21, с. 237-280]). Да и вообще до появления «Уединенного» (1912) приоритетом у Розанова пользовался лишь один «жанр» – критико-публицистические статьи разной степени «философичности», которые затем компоновались в книги в соответствии с тематикой и конкретным авторским заданием. Типичной *книгой статей* являются и «Итальянские впечатления».

Затем, вряд ли кто решится отрицать, что «итальянская» тема, как и весь совокупный «Запад», располагается на периферии розановского сознания, ангажированного «языческими» и «юдаическими» древностями, подверстываемыми к модерновой «религии пола, брака и семьи». Даже не заглядывая в текст, логично предположить, что на италийских просторах Розанова влекли к себе культурно-исторические артефакты предшествующих эпох и феномен католицизма в самом эпицентре его бытия. Все это так, но вот добавляла ли книга что-то оригинальное к «главным» розановским темам и мотивам, – большой вопрос, тем более если учесть, что «метафизические» реалии по определению не могли выступать здесь в качестве центрального, стратегического элемента, точнее, не замещали собой без остатка данность и автономию самих «впечатлений».

Получается одно из двух: или следует признать замысел несостоявшимся, аморфным по целеполаганию, и предать произведение забвению (все формальные основания для такого фактически давно «по умолчанию» принятого решения, как видим, налицо), или допустить, что мы не очень хорошо разбираемся в характерологии и динамике розановских замыслов. Возможно, книга ценна не формой и содержанием, а *положением* в системе творчества. За правомерность подобного ракурса, в частности, говорят некоторые детали хронологического порядка.

Так, публикация «Итальянских впечатлений» ознаменовала завершение довольно затяжного периода, почти совпадающего по срокам с годами Первой русской революции, когда Розанов не то чтобы замолчал, но откровенно выпал из ситуации напряженной литературно-общественной и,

естественно, «религиозной» борьбы, «сосредоточившись» на текущей газетной публицистике. После *шума*, производимого им на Петербургских религиозно-философских собраниях 1901-1903 годов и в «журнале Мережковских» «Новый путь» (1903-1904), после всех выходявших одна за другой книг по «метафизике пола» и «семейному вопросу», порождавших ожесточенные полемики, это было слишком заметно. И вот в первый по-настоящему спокойный, поистине «реакционный» 1909 год Розанов вновь активно заявляет о себе, и степень его «общественного» присутствия с каждым последующим сезоном начинает неуклонно нарастать. Вряд ли стоит игнорировать и то, что в «Итальянских впечатлениях» Розанов собрал свои стародавние статьи. Абсолютное их большинство увидело свет в 1901 году на страницах консервативной общерусской газеты «Новое время», редакция которой и устроила Розанову творческую командировку в Италию; еще несколько писатель предложил «эстетско-декадентскому» журналу «Мир искусства» в 1902 году. Для «книгоиздательской» стратегии Розанова подобный временной лаг в семь-восемь лет представлял что-то новое, и только в 1910-е годы мы сталкиваемся с похожими и даже еще большими хронологическими дистанциями («Темный лик», «Литературные изгнанники»).

Иной ракурс, позволяющий приблизиться к решению занимающей нас научной проблемы, предоставляет, как это ни странно, «сторонний» взгляд текущей русской критики, который во многом произвольно выявил характерные нюансы «итальянского» текста, требующие полного внимания и объективного комментария.

В массе критических откликов на «Итальянские впечатления» доминировало такое возражение: *Розанов, побывав в Италии, не увидел ее, и по его индивидуальным «впечатлениям» невозможно составить адекватного представления об итальянской (а также попутно включенной в орбиту немецкой) жизни и культуре, нельзя почувствовать характерные исторические и бытовые красоты посещенных стран.* «И вот по Италии и Германии проследовал сам В. Розанов со своим полным сердцем, и что же он увидел? Женоподобных Аполлонов, умирающего гладиатора, Сикстинскую Мадонну и... больше всего В. Розанова. Но для того, чтобы увидеть В. Розанова, не нужно было ездить в Европу, а для того, чтобы увидеть Европу, вовсе не потребуются читать книгу В. Розанова» [7, с. 156]. Столь неутешительный вердикт выносил В. Львов-Рогачевский со страниц журнала «Современный мир» и походя ревью-

мировал, что автор «написал чисто-обывательскую книгу о стране, где каждый камень красноречиво говорит о минувших... эпохах» [7, с. 155]. Иной обозреватель, П. Муратов из журнала «Русская мысль», указывал на то, что суждения «по поводу», которые «только и составляют содержание книги», «и впечатления не есть одно и то же»: «Удивительно, как мало здесь прямых впечатлений глаза... «Пейзаж»... природы, истории, жизни... отсутствует, а вместе с ним вычеркнуто пол-Италии». «В непонятном и враждебном лабиринте картин и статуй, – продолжает критик, – В. В. Розанов ищет прежде всего «знаменитое» (sic. – Я. С.) <...> по этой самой причине... не видел в Риме и в Неаполе греческого искусства, приняв за него греко-римские произведения эпохи упадка», «не говорит ни слова о художестве лучшей поры Возрождения», и вообще «прошел... мимо сокровищ гения и не заметил их» [10, с. 159]. Безымянный рецензент «Русского богатства» придерживается приблизительно того же мнения: «Странная книга (sic. – Я. С.), в которой поучения стремятся опереться на впечатления и этим самым всякий раз показывают, что автору не нужны никакие впечатления, что, раз им овладела какая-нибудь мысль, он подгонит к ней всякие впечатления. Да у него и нет внешних впечатлений... только внутренние события... но внешняя жизнь не врывается в переходы его взглядов», предопределяя манеру «думать, не видя, и попросту выдумывать» [13, с. 122-123].

Естественно, подобный автор может представлять значение только для «читателей, заинтересованных г. Розановым как таковым», а не описываемыми им реалиями, в отношении которых никто ничего дельного «не в состоянии почерпнуть»: «Г. Розанов не социолог... он – психолог, и... в его распоряжении недостаточно было материала и он с ним знакомился без определенного угла зрения, хватая его случайно, как попало... Отсюда и случайность, парадоксальность его выводов <...> Так и хочется крикнуть ему: экий ты, право, непутевый человек, куда лезешь, что тут топчешься, иди домой (sic. – Я. С.) и займись своим делом, а то всем только мешаешь!» [2, с. 335-337].

Последний из процитированных откликов относится, правда, к содержанию совсем другой книги, вышедшей сразу вслед за «Итальянскими впечатлениями», – к сборнику публицистики с розановским восприятием событий Первой русской революции «Когда начальство ушло... 1905-1906 гг.» (1910). Но, как видим, сам по себе пассаж без проблем экстраполируется на книгу-предшественницу и демонстрирует поразительное

единство стороннего «критического» взгляда на нереалистический характер восприятия Розановым окружающей действительности и познавательную ничтожность всех его «впечатлений». Любопытно также отметить, что автор высказывания Б. Глинский – сотрудник газеты «Новое время» и литературный обозреватель суворинского же журнала «Исторический вестник», то есть коллега Розанова по редакции и до известной степени единомышленник. Это обстоятельство, кстати, устраняет из рассмотрения момент политической ангажированности демонстрируемых оценок: оппоненты Розанова из прогрессивно-либеральной среды (предыдущие случаи) и его консервативные «друзья» говорят приблизительно одно и то же.

Есть у Б. Глинского и рецензия непосредственно на «Итальянские впечатления», представляющая собой, на наш взгляд, самый значимый по глубине проникновения в суть дела текст. Тональность высказывания здесь несколько иная; видно, что общая тенденция книги критику нравится: «Да, именно впечатления, впечатления непосредственной прекрасной русской природы от соприкосновения с страной классических чудес <...> Конечно, путешествовать... с его книжкой в руках невозможно <...> Розанов идет мимо (опять! – Я. С.) чудес Западной Европы... с устремленным куда-то вдаль восторженным взором... и вдруг останавливается, – что-то защемило в его сердце... он вспомнил свою родину... и точно вся стоящая перед ним живая и мертвая панорама исчезла куда-то за пределы его мысленного взора. Да, родина с ее пахучими зелеными березками, со всеми ее патриархальными нелепостями... отсталым жизненным обиходом, – вот тот центр, куда сходятся помыслы и ощущения г. Розанова, когда он бродит по улицам Рима, Неаполя, Мюнхена... Россия, русское – вот что он несет бережно, как святыню, в своем сердце и куда он постоянно возвращается памятью...» [1, с. 1116-1117].

Лучше и больше о концепции «Итальянских впечатлений», пожалуй, не скажешь. Остается определить, какое место и значение получает данная концепция (демонстрация выраженно-русского взгляда на мир, с интересом окидывающего всякие «иноязычные», зарубежные диковинки, но совершенно не плененного ими) в плане логики идейно-творческой эволюции Розанова.

В решении подобной задачи существенное подспорье способна оказать рецензия еще одного «нововременца» – Ю. Беляева. Правда, его материал по большей части рекламный, что неудивительно, ведь печатались «Итальянские впечатле-

ния» не где-нибудь, а в «родной» Типографии А. С. Суворина. Отсюда и разночтения с предыдущими источниками: Ю. Беляев вообще не видит в розановской книге недостатков, и для него «...Розанов хорош именно тем, что останавливается там, где патентованные „гиды“ проходят мимо, увлекается и разъясняет то, в чем самому, пожалуй, и не разобраться...». Но если не обращать внимания на подобную патоку, то можно увидеть подлинное жемчужное зерно материала. Впервые, рецензент вспоминает об итальянской командировке Розанова 1901 года: «Он тогда жил в Риме и посылал в „Новое Время“ яркие, оригинальные корреспонденции. Их специальная тема и мастерское изложение привлекли внимание католического духовенства. В иезуитском „Voce della Verita“ усердно цитировали Розанова и с чисто итальянским простодушием заявляли, что он имеет от своего редактора специальную миссию в духе соединения церквей. Удивлялись также тому, как быстро и ясно усвоил русский писатель дух католического богослужения, как проникся... он всем римским, как молодо и возбужденно реагировал на каждое религиозное явление, на каждую новую встречу. <...> Словом, в Риме статьи Розанова обратили общее внимание, пожалуй, большее, чем у нас...» [3, с. 3]. Во-вторых, данность свежевывшедшей книги весьма пронизательно увязывается с начатой Розановым борьбой (поддержанной, к слову, всеми «нововременцами») против Д. С. Мережковского и его новейших взглядов на «религиозную общественность»: «Вспомните его недавний „разрыв“ с религиозно-философским обществом и остроумный „выпад“ против Мережковского <...>

...Этот скромный „человек в разлетах“, носящий в сердце, по его собственному признанию, „родную русскую березу“, так далеко стоит от всякого политиканства, от всяких миссий и агентур, что обособленности его и независимости надо только подивиться» [3, с. 3].

Исконная «русскость» Розанова и его здоровый, духовно свободный консерватизм вновь налицо. Но нам важно увидеть нечто большее, нежели единство редакционной позиции «Нового времени» в отношении одного из ключевых своих сотрудников, совпадающее с розановским самоощущением и позиционированием на переломе к 1910-м годам. Спора нет, «Итальянские впечатления» и впрямь манифестировали именно эту «русскую», национально-консервативную концепцию творческой личности. Но проблема в том, что в начале века концепция была принципиально иной; соответственно, разлилось и восприятие розанов-

ских текстов, причем *тех же самых*, что вошли затем, например, в «Итальянские впечатления». Показательное заблуждение римских отцов-иезуитов насчет Розанова и его «специальной миссии» в 1901 году имело свои основания. Везде, и в России, и на Западе, Розанов воспринимался как *религиозный модернист*, поборник разрушения или, по меньшей мере, радикального «обновления» и трансформации православной церкви вкупе с самим христианством, и сам он очень много и целенаправленно работал над созданием именно такого образа «нового вероучителя». Церковная полемика против Розанова и «неохристианской ереси» в начале века исчисляется без преувеличения сотнями откликов и тысячами печатных страниц. И сотрудничал Розанов тогда как с Сувориным, так и с Мережковским (кстати, не менее известной на Западе фигурой – чего стоит лишь одна зарубежная, в том числе «католическая» подписка на «Новый путь» [8, с. 165-166]), «цинично» пользовался их ресурсами для предельного расширения потенциала своего воздействия на умы. Могли ли при таких исходных данных «иезуиты», да и вообще кто бы то ни был, предположить, что все розановские интригующие идеи и титанические усилия по замещению традиционного сознания «новым религиозным» в конечном итоге обернутся ни к чему не обязывающими и далекими от всякой реальности субъективными впечатлениями «прекрасной русской природы»?

Здесь уже обнаруживается печальное для Розанова обстоятельство, которое с ходом времени все больше и больше будет предопределять его конечную литературную судьбу. Суть дела отчетливо просматривается в рецензиях на «Итальянские впечатления»: если раньше к Розанову относились *всерьез*, то теперь пишущая братия по преимуществу отказывается видеть в его сочинениях что-либо объективно значимое, достоверное, выходящее за грани авторского самовыражения. Конечно, тут сыграли роль разнообразные факторы: от элементарного пресыщения публики розановскими идеями, с определенного момента переставшими развиваться, до понятной усталости от революционных потрясений, открывших многим глаза, помимо прочего, на утопический и социально вредоносный характер религиозного прожектерства. Как бы то ни было, но попытки Розанова изменить данную ситуацию в свою пользу (охарактеризованная выше «новременская» корректировка образа и последовавший вскоре проект «Уединенного») только усугубляли негативизм массового восприятия его фигуры. До начала массивной

печатной обструкции, выдержанной в стилистике «голого Розанова», «обнаженного нововременца» [24; 9], оставалось совсем немного времени, и достаточно было Розанову в 1911-1913 годах сделать несколько акцентированных шагов на избранном пути, например, поучаствовать в «деле Бейлиса» [22, с. 276-343], чтобы маховик уничтожения писательской репутации заработал на полную катушку.

Положение и одновременно *стратегия* Розанова на рубеже десятилетий хорошо оттеняется актом того самого «разрыва» с Мережковским и его ближайшим окружением. В январе 1909 года «Новое время» публикует «Письмо в редакцию», в котором Розанов демонстративно и с вполне отчетливой мотивацией заявляет о выходе из состава совета Петербургского религиозно-философского общества: «Вследствие совершенно изменившегося [его] характера... дабы не нести ответственность за измену прежним, добрым и нужным для России целям. <...>

Перемена эта, инициатива которой исключительно принадлежит Д. С. Мережковскому, Д. В. Filosoфову и З. Н. Гиппиус... вызвала многочисленные печатные протесты старых участников собраний <...> Общество, имевшее задачи в России, превратилось в частный, своего рода семейный кружок: без всякого *общественного значения*. <...> Был кристалл, и растворился...» [14, с. 13].

Через неделю Розанов вновь выносит на публику свои претензии «былым друзьям», в памфлетно-фельетонной манере изобличая их религиозные «измены» общему делу и сомнительные мезальянсы с радикалами [15]. И надо отметить, сама по себе критика пореволюционных установок группы Мережковского на союз с прогрессивной «общественностью» для целей грядущей «религиозной революции» довольно основательна: измена изначально принятым «неохристианским» догмам и устремлениям здесь действительно присутствовала и порождала, помимо прочего, естественный упадок творчества. Но то, что типологически схожая *закономерность* вполне распространяется и на него самого, Розанов совершенно не хотел признавать. Более того, он стремится представить дело так, что прежние совместные с Мережковскими усилия по дестабилизации церковного и общественного организма, производимые в том числе и в формате Петербургских религиозно-философских собраний 1901-1903 годов [5], о невосполнимой утрате и текущей фальсификации «задач» которых откровенно сожалеет Розанов, были поистине *патрио-*

тическим, «добрым и нужным для России» начинанием.

Это, конечно, «парадокс», однако отнюдь не из тех, что обычно занимают внимание исследователей Розанова. Здесь нет никакой «игры»; напротив, все очень серьезно, коль скоро авторское представление о направлении и перспективах дальнейшего пути творческого развития уже на самой начальной стадии оборачивается объективным противоречием или диссонансом сознания. Предлагая себя пореволюционной российской общественности в новом, существенно «поправившем» качестве и одновременно не отрекаясь ни от чего в своей предыдущей деятельности, Розанов вместо ожидаемых *разъяснений* на сей счет избирает самую уязвимую позицию *аксиоматической непогрешимости* собственного «я» и принимаемых решений. В этом смысле размежевание с «семейным кружком» Мережковских многое говорит *науке*, но как аргумент в публичном споре работает скорее против Розанова – признанного «полопантеиста», «маньяка сексуальности», поставщика «философической порнографии», «антихристианина» и «декадента сознания». Ход дальнейших событий наглядно показал, как легко подорвать писательское реноме, если ты сам двусмысленностями «общественного поведения» и позиционирования даешь оппонентам удобный повод для обвинений в ренегатстве, «двурушничестве», «гапоновщине» и том же «обнаженном нововременстве» [12; 25; 4; 6; 11]. Но даже оказавшись в ситуации откровенной литературной травли, Розанов упорно продолжал действовать в раз избранной манере встречных фельетонов против «наших социал-сутенеров» [16; 17; 18], а все его попытки «уединения» с «друзьями-читателями» и объяснений с ними относительно существа «нового поворота» [19, Т. 2, с. 388-389] производили и до сих пор производят впечатление парадоксальных эскапад.

Так о чем же *молчит* Розанов, и почему вполне естественное, типичное для многих гениальных натур авторское самосознание – неколебимая уверенность в правильности и внутренней непрерывности своего пути, ощущение единства творческой личности, нередко сопровождающееся артистическим презрением к «черни» с ее «бессмысленными» толками, – не срабатывает именно в розановском случае? Современники Розанова, по крайней мере, цельности в нем явно не чувствовали; напротив, обнаруживали большой беспорядок в его «голове» и «совести». Выражаясь научно, субъективная правота розановских жестов и посылов контрастировала с объективным положением вещей. Взять хотя бы стремление продолжать начатое «нужное и полезное» дело модернового

«устроения» «брака и христианства» под флагом русского консерватизма. Для Розанова ничего необычного в такой *логике* не было (и, если вспомнить его консервативное прошлое [23], быть не могло), но ведь консерватизм и модернизм, «реакция» и «прогресс» по самой природе вещей трудно совместимы; выражаясь розановским языком, «в них дух различный, *метод* не тот» [20, с. 482]. Столь же различными для стороннего наблюдателя предстают «разрыв» с кружком Мережковских и выход сразу вслед за этим с интервалом в три месяца [21, с. 654] «Итальянских впечатлений». Однако замысловатая логика «нового поворота» диктует именно такую последовательность, предопределяя появление книги, абсолютно свободной от каких бы то ни было ассоциаций с религиозными проектами «былых друзей». Изымается лишь один неудобный факт из биографии, и возникает нужное «впечатление»: оказывается, Розанов всегда пребывал с «Новым временем» (ну и немного с «Миром искусства»), оставаясь самим собою, вольно распоряжаясь своими, ни от кого не зависящими мыслями и наблюдениями. Однако тонкий символический посыл вновь наталкивался на неприглядную реальность: российская «общественность» предпочитала не доверяться Розанову, постоянно указывая ему на прошлое и руководствовалась совершенно иными критериями и ракурсами восприятия розановского наследия. А еще «Итальянские впечатления» наглядно продемонстрировали, что искусной компоновкой старого материала не достигаются новые цели, но зато могут явственно обнажиться внутренние проблемы творчества. И главной проблемой является то, что для нового этапа Розанов оказался не в состоянии предложить *новых идей*. В ситуации выраженного авторского нежелания продолжать работу в прежнем «религиозно-революционном» направлении отсутствие интеллектуально-содержательного обновления системы чревато масштабным кризисом, если вообще не диссоциацией творческого сознания, с чем, по сути, напрямую столкнулся Розанов в 1910-е годы. Можно, конечно, утверждать, что *кризис мыслителя* парадоксально оборачивается торжеством писателя с уникальной, единственной в своем роде поэтикой. Однако для объективной полноты картины полезно также понимать, какие именно коллизии сознания и драматические процессы эволюции предопределяют розановскую «художественность».

Вот приблизительно с чем сталкивает нас рассмотрение откровенно «не выдающегося», но значимого своим *рубежным* характером произведения, между строк которого проступают очень многие события высшего порядка, задающие «феномен Розанова» последнего десятилетия литера-

турной деятельности. Уже в «Итальянских впечатлениях» становятся визуально различимыми контуры образа «нового Розанова» – добрейшего «русского писателя», прощупывается возможность более субъективной, доверительно-парадоксальной манеры повествования, качественно видоизменяется сама гносеологическая подоплека розановского творчества: «впечатления» и необязательные суждения замещают «метафизические» конструкции и откровения. Именно отсюда, с рубежа 1909 года, начинается то самое вызвавшее ироническую либо агрессивную реакцию современников возвращение Розанова «домой» с условного «запада» модернистских «чудес», химер и утопий. Неспроста «Итальянские впечатления» открывают галерею *необычных* розановских книг, совершенно разных по тематике-проблематике и манере повествования, но одинаково «правых» по тенденции, где представлены и «новременские» полотна («Когда начальство ушло», «Литературные изгнанники», «Письма А. С. Суворина»), и неповторимая аура «опавших листьев». Но одновременно творческая деятельность Розанова, всегда предполагавшая нечто большее, чем «просто» литература, нацеленная на преобразование действительности и генерирующая «метафизические» идеи соответствующего рода, вдруг перестает обнаруживать достаточный потенциал развития и естественного самообновления. Оттого, по большому счету, все тексты, начиная с «Итальянских впечатлений», демонстрируют лишь *антураж новизны*, воссоздаваемый с разной степенью убедительности посредством одной *модернистской техники*, достаточно искусной, чтобы маскировать (фиктивно «снимать») проблемы, перед которыми Розанова ставила характерология собственного сознания и которые он не был в состоянии рациональным образом разрешить.

Библиографический список

1. Б. Г. [Глинский Б. Б.] В. Розанов. Итальянские впечатления [Текст] / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1910. – № 3. – С. 1116-1117.
2. Б. Г. [Глинский Б. Б.] В. Розанов. Когда начальство ушло... [Текст] / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1911. – № 1. – С. 335-337.
3. Беляев, Ю. Д. О Розанове [Текст] / Ю. Д. Беляев // Новое время. – 1909. – № 11954. – С. 3.
4. Доклад Совета и прения по вопросу об отношении Общества к деятельности В. В. Розанова [Текст] / подгот. текста Е. В. Ивановой // Наш современник. – 1990. – № 10. – С. 110-122.
5. Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901-1903 гг.) [Текст] / общ. ред., послесл. и краткие сведения об участниках дискуссий С. М. Половинкина. – М. : Республика, 2005. – 543 с.
6. Лукиан [Любошиц С. И.] Розанов или пакостник [Текст] / С. И. Любошиц // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1916. – № 15581. – С. 3-4.
7. Львов, В. [Львов-Рогачевский В. Л.] В. Розанов. Итальянские впечатления. Рим. – Неаполитанский залив. – Флоренция. – Венеция. – По Германии [Текст] / Л. В. Львов-Рогачевский // Современный мир. – 1909. – № 8. – С. 155-156.
8. Максимов, Д. Е. Журналы раннего символизма; «Новый Путь» [Текст] / Д. Е. Максимов // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. – Л. : Academia, 1930. – С. 83-254.
9. Мокиевский, П. Обнаженный нововременец [Текст] / П. В. Мокиевский // Русские записки. – Пг., 1915. – № 9. – С. 304-316.
10. Муратов, П. В. Розанов. Итальянские впечатления [Текст] / П. П. Муратов // Русская мысль. – 1909. – № 6. – С. 158-159.
11. Ожигов, Ал. [Ашешов Н. П.] Вместо демона – лакей [Текст] / Н. П. Ашешов // Современник. – 1913. – № 6. – С. 306-322.
12. Пешехонов, А. Бесстыжее светило, или изобличенный двурушник [Текст] / А. В. Пешехонов // Русские ведомости. – 1910. – № 278. – С. 3.
13. [Рецензия; без подписи]. В. Розанов, Итальянские впечатления [Текст] // Русское богатство. – 1909. – № 7. – С. 122-123.
14. Розанов, В. Письмо в редакцию [Текст] / В. В. Розанов // Новое время. – 1909. – № 11800. – С. 13.
15. Розанов, В. В религиозно-философском обществе [Текст] / В. В. Розанов // Новое время. – 1909. – № 11806. – С. 3.
16. Розанов, В. Открытое письмо А. Пешехонову и вообще нашим «социал-сутенерам» [Текст] / В. В. Розанов // Новое время. – 1910. – № 12487. – С. 5.
17. Розанов, В. Литературный террор [Текст] / В. В. Розанов // Новое время. – 1911. – № 12513. – С. 5.
18. Розанов, В. «Отоиди, сагана» [Текст] / В. В. Розанов // Новое время. – 1911. – № 12784. – С. 3.
19. Розанов, В. Сочинения [Текст] : В 2 т. : Т. 1. / В. В. Розанов; сост., подгот. текста и примеч. Е. В. Барабанова. – М. : Изд-во «Правда», 1990. – 638 с.
20. Розанов, В. Собр. соч.: Около церковных стен [Текст] / В. В. Розанов; под общ. ред. А. Н. Николокиной. – М. : Республика, 1995. – 734 с.
21. Розанов, В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899-1913 гг. [Текст] / В. В. Розанов; сост., коммент. и ред. В. Г. Сукача. – М. : Танаис, 1994.
22. Розанов, В. Собр. соч.: Сахарна [Текст] / В. В. Розанов; под общ. ред. А. Н. Николокиной. – М. : Республика, 2001. – 462 с.
23. Сарычев, Я. В. В. В. Розанов: логика творческого становления (1880-1890-е годы) [Текст] / Я. В. Сарычев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 320 с.
24. Тиун [Боцяновский В. Ф.] Голый Розанов [Текст] / В. Ф. Боцяновский // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. – 1915. – № 15030. – С. 3.
25. Струве, П. Б. Большой писатель с органическим пороком. Несколько слов о В. В. Розанове [Текст] / П. Б. Струве // Русская мысль. – 1910. – С. 138-146.

Reference List

1. B. G. [Glinskij B. B.] V. Rozanov. Ital'janskije vpechatlenija = V. Rozanov. Italian impressions [Tekst] / B. B. Glinskij // Istoricheskij vestnik. – 1910. – № 3. – S. 1116-1117.
2. B. G. [Glinskij B. B.] V. Rozanov. Kogda nachal'stvo ushlo... = V. Rozanov. When the superiors left... [Tekst] / B. B. Glinskij // Istoricheskij vestnik. – 1911. – № 1. – S. 335-337.
3. Beljaev, Ju. D. O Rozanove = On Rozanov [Tekst] / Ju. D. Beljaev // Novoe vremja. – 1909. – № 11954. – S. 3.
4. Doklad Soveta i preniija po voprosu ob otnoshenii Obshhestva k dejatel'nosti V. V. Rozanova = Report of the Council and debate on the attitude of the Society towards the activities of V. V. Rozanov [Tekst] / podgot. teksta E. V. Ivanovoj // Nash sovremennik. – 1990. – № 10. – S. 110-122.
5. Zapiski peterburgskih Religiozno-filosofskih sobranij (1901-1903 gg.) = Notes of St. Petersburg Religious and Philosophical Assemblies (1901-1903) [Tekst] / obshh. red., posl. i kratkie svedenija ob uchastnikah diskussij S. M. Polovinkina. – M. : Respublika, 2005. – 543 s.
6. Lukian [Ljuboshic S. I.] Rozanov ili pakostnik = Rozanov or a wretch [Tekst] / S. I. Ljuboshic // Birzhevyje vedomosti. Utrennij vypusk. – 1916. – № 15581. – S. 3-4.
7. L'vov, V. [L'vov-Rogachevskij V. L.] V. Rozanov. Ital'janskije vpechatlenija. Rim. – Neapolitanskij zaliv. – Florencija. – Venecija. – Po Germanii = V. Rozanov. Italian impressions. Rome. – Gulf of Naples. – Florence. – Venice. – In Germany [Tekst] / L. V. L'vov-Rogachevskij // Sovremennij mir. – 1909. – № 8. – S. 155-156.
8. Maksimov, D. E. Zhurnaly rannego simvolizma; «Novyj Put'» = Journals of early symbolism; «Novyj put'» [Tekst] / D. E. Maksimov // Evgen'ev-Maksimov V., Maksimov D. Iz proshlogo russkoj zhurnalistiki: Stat'i i materialy. – L. : Academia, 1930. – S. 83-254.
9. Mokievskij, P. Obnazhennyj novovremenec = Naked novovremenets [Tekst] / P. V. Mokievskij // Russkie zapiski. – Pg., 1915. – № 9. – S. 304-316.
10. Muratov, P. V. Rozanov. Ital'janskije vpechatlenija = Rozanov. Italian impressions [Tekst] / P. P. Muratov // Russkaja mysl'. – 1909. – № 6. – S. 158-159.
11. Ozhigov, Al. [Asheshov N. P.] Vmesto demon – lakej = Instead of the demon – the footman [Tekst] / N. P. Asheshov // Sovremennik. – 1913. – № 6. – S. 306-322.
12. Peshehonov, A. Besstyzhee svetilo, ili izoblichennyj dvurushnik = A shameless light, or an exposed duplicator [Tekst] / A. V. Peshehonov // Russkie vedomosti. – 1910. – № 278. – S. 3.
13. [Recenzija; bez podpisi]. V. Rozanov, Ital'janskije vpechatlenija = Rozanov. Italian impressions [Tekst] // Russkoe bogatstvo. – 1909. – № 7. – S. 122-123.
14. Rozanov, V. Pis'mo v redakciju = Letter to the editorial office [Tekst] / V. V. Rozanov // Novoe vremja. – 1909. – № 11800. – S. 13.
15. Rozanov, V. V. religiozno-filosofskom obshhestve = In religious and philosophical society [Tekst] / V. V. Rozanov // Novoe vremja. – 1909. – № 11806. – S. 3.
16. Rozanov, V. Otkrytoe pis'mo A. Peshehonovu i vobshhe nashim «social-suteneram» = Open letter to A. Peshekhonov and in general to our "social pimps" [Tekst] / V. V. Rozanov // Novoe vremja. – 1910. – № 12487. – S. 5.
17. Rozanov, V. Literaturnyj terror = Literary terror [Tekst] / V. V. Rozanov // Novoe vremja. – 1911. – № 12513. – S. 5.
18. Rozanov, V. «Otojdi, satana» = «Depart, a Satan» [Tekst] / V. V. Rozanov // Novoe vremja. – 1911. – № 12784. – S. 3.
19. Rozanov, V. Sochinenija = Compositions [Tekst] : V 2 t. : T. 1. / V. V. Rozanov; sost., podgot. teksta i primech. E. V. Barabanova. – M. : Izd-vo «Pravda», 1990. – 638 s.
20. Rozanov, V. Sobr. soch.: Okolo cerkovnyh sten = Collection of works: Near the church walls [Tekst] / V. V. Rozanov; pod obshh. red. A. N. Nikoljukina. – M. : Respublika, 1995. – 734 s.
21. Rozanov, V. V. Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo... Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899-1913 gg. = Compositions: Other earth, different sky... Full collection of travel essays, 1899-1913. [Tekst] / V. V. Rozanov; sost., komment. i red. V. G. Sukacha. – M. : Tanais, 1994.
22. Rozanov, V. Sobr. soch.: Saharna = Collection of works: Sakharna [Tekst] / V. V. Rozanov; pod obshh. red. A. N. Nikoljukina. – M. : Respublika, 2001. – 462 s.
23. Sarychev, Ja. V. V. V. Rozanov: logika tvorcheskogo stanovlenija (1880-1890-e gody) = V. V. Rozanov: Logic of creative formation (1880-1890s) [Tekst] / Ja. V. Sarychev. – Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2006. – 320 s.
24. Tiun [Bocjanovskij V. F.] Golyj Rozanov = Naked Rozanov [Tekst] / V. F. Bocjanovskij // Birzhevyje vedomosti. Vechernij vypusk. – 1915. – № 15030. – S. 3.
25. Struve, P. B. Bol'shoj pisatel' s organicheskim porokom. Neskol'ko slov o V. V. Rozanove = Big writer with organic vice. A few words about V. V. Rozanov [Tekst] / P. B. Struve // Russkaja mysl'. – 1910. – S. 138-146.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10588

УДК 821.161.1

<https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

Эмблематическое письмо Л. Н. Толстого

В статье рассмотрены особенности индивидуального стиля Л. Н. Толстого в аспекте теории «эмблематического реализма» Р. Густафсона на примере повести «Отец Сергей» и рассказа «Хозяин и работник». Субъективное осознание Толстым своей миссии пророка приводит к изменению коммуникативных установок писателя в 1880-1890-х гг. Показано, что эмблематические образы в предельно сжатом виде выражают суть размышлений Толстого об истинной жизни, а эмблематическая поэтика позволяет писателю расширять повествовательное пространство. Архетипические образы, которые являются вариациями на тему основного сюжетного события, получают в повести «Отец Сергей» подчёркнуто эмблематическое звучание. Рассказ «Хозяин и работник» содержит широкий диапазон глубинных смыслов. В контексте позднего творчества писателя категория «хозяин и работник» приобретает эмблематическое звучание. Понятие «хозяин» в значении «человек, владеющий чем-либо» преобразуется Толстым и переносится из области обыденного существования в область метафизическую, связанную с высшей божественной силой. Хозяин – не человек, а Бог. Понятие «работник» Толстой связывает с общехристианской традицией, заключающейся в том, что каждый человек исполняет волю Бога на земле: Бог – Хозяин, человек – работник. Эмблематическая история о грехе и спасении в повести «Отец Сергей» приобретает жанровые признаки притчи. Эмблематические образы в предельно сжатом виде выражают квинтэссенцию размышлений Толстого об истинной жизни. Таким образом, понятие «эмблематический реализм» оказывается концептуально значимым для определения художественного метода Толстого. Эмблематическая поэтика позволяла писателю расширять повествовательное пространство и придавать ему духовное измерение.

Ключевые слова: воскресение, повествовательное пространство, смерть, христианская идеология, эмблематический реализм.

I. Yu. Luchenetskaya-Burdina

L. N. Tolstoy's emblematic writing

The article considers the peculiarities of L. N. Tolstoy's individual style in the aspect of the theory «emblematic realism» by R. Gustafson on the example of the story «Father Sergei» and the story «Owner and Worker». Tolstoy's subjective awareness of his mission as a prophet leads to the change in the writer's communicative attitudes in the 1880-1890-s. It has been shown that emblematic images in extremely compressed form express the essence of Tolstoy's reflections on true life, and emblematic poetry allows the writer to expand the narrative space. Archetypal images, which are variations on the theme of the main story event, have emblematic sound in the story «Father Sergei». The story «Owner and Worker» contains a wide range of deep meanings. In the context of the writer's late creativity, the category «owner and worker» acquires an emblematic sound. The concept «master» in the meaning of «a person who owns anything» is transformed by Tolstoy and transferred from the realm of commonplace existence to the realm of metaphysical associated with supreme divine power. The master is not man but God. The concept «worker» is associated by Tolstoy with the pan-Christian tradition that every person performs the will of God on earth: God is the Master, man is the worker. The emblematic story of sin and salvation in the story «Father Sergei» acquires genre signs of parable. Emblematic images in extremely compressed form express the quintessence of Tolstoy's reflections on true life. Thus, the concept of «emblematic realism» turns out to be conceptually significant in defining Tolstoy's artistic method. Emblematic poetics allowed the writer to expand the narrative space and give it a spiritual dimension.

Keywords: resurrection, narrative space, death, Christian ideology, emblematic realism.

На рубеже 1880-1890-х гг. Толстой выступает как богословский рационалист. Он создаёт свою метафизику, ограниченную пространством и временем земного исчисления – царство Божие на

земле. Эта идеологическая установка не могла не отразиться на художественном методе писателя и его литературном творчестве [7, 9]. При этом необходимо сделать два уточнения: в эти годы к Тол-

стому приходит субъективное осознание своей миссии на земле в качестве пророка и, как следствие, изменение коммуникативных установок писателя при общении с читателем [8, 15].

Духовный опыт писателя лёг в основу его позднего творчества, в котором наряду с сочинениями теоретического характера («Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880-1881), «Критика догматического богословия» (1881), «Исповедь» (1881), религиозно-философский трактат «В чём моя вера?» (1884)) принципиально важны и художественные произведения, являющиеся экспериментальным полем для воплощения религиозных идей Толстого в условную реальность («Крейцера соната» (1887-1889), «Хозяин и работник» (1894-1895), «Отец Сергей» (1890-1898), «Воскресение» (1889-1899)).

В отечественном литературоведении обстоятельно изучены истории создания и публикации поздних произведений писателя [3, 11, 16]. Рассмотрены мотивы народного эпоса и древней литературы произведениях Толстого этого периода [13]. В то же время необходимо отметить, что советские литературоведы ограничивались, как правило, при прочтении поздних произведений Толстого констатацией факта смены художественного языка и переориентацией писателя на точку зрения «вечных начал нравственности» [1, 2]. Подобный однозначный подход не объяснял сложности внутренних процессов, происходящих с художником.

Исключением стала статья К. Кедрова, который рассматривал «уход» и «воскресение» героев Толстого в культурном контексте времени [12]. В последние годы появился ряд статей, в которых повесть «Отец Сергей» включается в религиозный контекст поисков писателя [4, 6]. Программный характер носит работа профессора Принстонского университета (США) Р. Ф. Густафсон, который предложил собственное прочтение жизни и творчества Толстого, основываясь на реконструкции его богословия в свете восточной христианской идеологии. По его мнению, произведения Толстого «являются эмблемами рождающейся Божьей жизни, они оказываются повестями о вечно растущей душе и о её мытарствах на разных стадиях пути спасения» [10, с. 215]. «В эмблематическом реализме изображаемая реальность – это не абстрактное или духовное качество. Изображаемая реальность включает в себя мир в нашем обычном понимании, во всей его психологической, общественной, экономической и исторической сложности. Это реализм. Но концепция реальности расширяется за пределы исторического материального мира, дабы открыть Божественное внутри и во

вне. История, культура, природа и человеческая психология превосходят свои материальные границы, и открывается дух. Следовательно, в эмблематическом реализме Толстого обозначаемое есть эта расширенная реальность, которая сама воплощает и открывает нравственную и духовную истину как персонажам, так и читателям» [10, с. 211].

Особое место в этом ряду занимает рассказ «Хозяин и работник» [14, 17], оригинальный разбор которого с точки зрения «эмблематического реализма» представлен Р. Ф. Густафсоном. Он рассматривает этот рассказ как «великолепный образец творчества Толстого», «притчу о пути к любви» [10, с. 203], «метафору религиозных исканий Л. Н. Толстого» [10, с. 208].

Рассмотрим с точки зрения методологии Густафсона повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергей» (1890-1898). В дневнике Толстого 9 августа 1890 г. появляется запись: «К Отцу Сергию. Описать новое состояние счастья – свободы, твердости человека, потерявшего всё и не могущего упереться ни на что, кроме Бога. Он узнаёт впервые твердость этой опоры» [19, с. 74]. В письме В. П. Золотареву о своем «павшем» герое Толстой пишет: «...И только в падении, осрамившись навеки перед людьми, он нашёл настоящую опору в Боге. Надо опустить руки, чтобы стать на ноги» [20, с. 268]. В повести варьируется одно сюжетно событие: уход и прозрение героя.

В драматическом поиске собственной души герою Толстого должен открыть законы жизни, постичь истину. Смерть души и её воскресение переживает отец Сергей-Касатский. Жизнь и смерть – крайние точки бытия – исследуются писателем в небольшом по объёму произведении, в котором он поднимается до философских обобщений. Движение героя к открытию мира приобретает духовное измерение. При этом наиболее значимые эпизоды (при учёте авторских комментариев) становятся подчёркнуто эмблематическими. Толстого практически не интересуют реалистические подробности монастырской жизни. Внимание писателя сосредоточено преимущественно на душевной жизни человека, на внутренней антиномичности его природы, на борьбе внешнего и внутреннего, животного и духовного Я.

Конфликт в повести «Отец Сергей» развивается от внешнего столкновения героя с миром к внутреннему неприятию себя. Касатский осудил несправедливость света и ушёл от него к духовной монастырской жизни. Монастырь – затвор – старчество – этапы достижения цели персонажем, который в то же время постигает тщетность своих

честолюбивых желаний, уничтожение «внутренней жизни» и замену её жизнью «внешней». Конфликт углубляется в онтологическую сферу, он не исчерпывается борьбой отца Сергия с женским соблазном. Это лишь один из этапов в его развитии. По замыслу Толстого, повесть обличает «соблазн славы людской и прославления, то есть обман, чтоб скрыть веру» [19, с. 78].

Толстой помогает читателю понять происходящее в душе своего героя и комментирует его состояние, используя эмблематический образ светильника: «Он (о. Сергий – И. Ю. Л.-Б.) думал о том, что он был светильник горящий, и чем больше он чувствовал это, тем больше он чувствовал ослабление, потухание божеского света истины, горящего в нём. „Насколько то, что я делаю, для Бога, и насколько для людей?“ – вот вопрос, который постоянно мучал его и на который он никогда не то что не мог, но не решался ответить себе. Он чувствовал в глубине души, что дьявол подменил всю его деятельность для Бога деятельностью для людей» [18, с. 29].

Вариациями на тему основного сюжетного события являются архетипические образы, которые в контексте произведения становятся подчёркнуто эмблематическими. Борьбы монаха с соблазнами реализуется в сюжетной ситуации сопротивления о. Сергия дьявольскому наваждению в образе Мавкиной (гл. 4): «Боже мой! Да неужели правда то, что я читал в житиях, что дьявол принимает вид женщины... Да, это голос женщины. И голос нежный, робкий и милый! Тьфу! – он плюнул» [18, с. 20]; «Глаза их встретились и узнали друг друга. <...> Сомневаться после этого взгляда в том, что это был дьявол, а не простая, добрая, милая, робкая женщина, нельзя было» [18, с. 21]. Трансформированные из древнерусской литературы мотивы борьбы добра и зла, божеского и дьявольского в душе героев подчёркивают эмблематический характер письма Толстого.

Семантической рифмой к этому эпизоду, но написанной в противоположном ключе становится сцена благословения «дщери болящей» купцовой дочери Марии и падение о. Сергия: «Она взяла руку и поцеловала ее, а потом одной рукой обвила его за пояс и прижимала к себе.

– Что ты? – сказал он. – Марья. Ты дьявол.

– Ну, авось ничего» [18, с. 36].

Исход о. Сергия (7 гл.) предопределён в соответствии с особенностями эмблематического реализма благой вестью, явленной персонажу во сне: «Наконец он заснул. И во сне он увидал ангела, который пришёл к нему и сказал: „Иди к Пашеньке

и узнай от неё, что тебе надо делать и в чём твой грех, и в чём твоё спасение”» [18, с. 38]. Образ Пашеньки создан в иной, нежели это делает Толстой-реалист, художественной системе: он подчёркнуто эмблематичен, одномерен и статичен. Это эмблема духовной жизни для других. Пашенька приоткрывает Касатскому свет любви. Путь к искуплению греха – путь в мир странником. Народную нравственность и его мудрость Толстой утверждал как идеальную норму жизни. Провозглашённая в народных рассказах, она присутствует в повестях как важная этическая координата: «И Касатскому особенно радостна была эта встреча, потому что он презрел людское мнение и сделал самое пустое, лёгкое – взял смиренно двадцать копеек и отдал их товарищу, слепому нищему. Чем меньше имело значения мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог» [18, с. 46], – поясняет состояние своего героя автор.

Мир природы в повести изображён не как разрушительная сила, противостоящая духовным устремлениям личности, но как эмблема Божьей жизни, которая возрождает и приближает героя к искомой истине: «Был чудный майский вечер, лист только что разлопушился на берёзах, осинах, вязах, черёмухах и дубах. Черёмуховые кусты за вязом были в полном цвету и ещё не осыпались. Соловьи, один совсем близко и другие два или три внизу в кустах у реки, щёлкали и заливались. С реки слышалось далеко пенье возвращавшихся, верно с работы, рабочих; солнце зашло за лес и брызгало разбившимися лучами сквозь зелень. Вся сторона эта была светло-зелёная, другая, с вязом, была тёмная. Жуки летали и хлопались и падали» [18, с. 34].

Обретение героем искомого смысла Божьей жизни показано Толстым чрез изменение его имени на протяжении всего произведения. Первоначально это красавец-князь – «Стива», в монастыре – иеромонах «Сергий», после первого исцеления – «отец Сергий», по мнению окружающих «святой», «отец», «батюшка», «угодник и чудотворец», «ангел Божий». Смена имени персонажа фиксирует этапы его душевной жизни. Первоначальная утрата собственного имени (Степан Касатский, Стива) восполняется приобретением имени духовного – «отец Сергий», «старец Сергий». В представлении Толстого 1890-х годов это ложный путь. Возвращение к себе совершается через осознание героем своей греховности:

«– Да не может быть! Стёпа! Сергий! Отец Сергий.

– Да, он самый, – тихо проговорил Сергий. – Только не Сергий, не отец Сергий, а великий греш-

ник Степан Касатский, погибший великий грешник» [18, с. 40].

Духовное возрождение персонажа происходит в момент окончательной утраты им имени собственного и обретения имени духовного:

«Спросили Касатского, кто он? – Раб Божий» [18, с. 45].

«В кульминационный момент, – по мнению Густафсона, – герой освобождается от одной миссии, чтобы принять на себя другую» [10, с. 215]. Финал повести подчёркнуто дидактичен и вписан в религиозно-этическую концепцию Толстого: «В Сибири он поселился на заимке у богатого мужика и теперь живёт там. Он работает у хозяина в огороде, и учит детей, и ходит за больными» [18, с. 46].

В контексте позднего творчества писателя категория «хозяин и работник» приобретает эмблематическое звучание. Понятие «Хозяин» в значении «человек, владеющий чем-либо» преобразуется Толстым и переносится из области обыденного существования в область метафизическую, связанную с высшей божественной силой. Хозяин – не человек, а Бог. Понятие «работник» Толстой связывает с общехристианской традицией, заключающейся в том, что каждый человек исполняет волю Бога на земле: Бог – Хозяин, человек – работник. Таким образом, эмблематическая история о грехе и спасении приобретает жанровые признаки притчи.

Для писателя принципиально важной была мысль о возможности подлинного раскаяния и последующего обретения истины через падение. Именно таков путь героя классической притчи.

Вопрос о художественном методе Л. Н. Толстого до сегодняшнего дня остаётся недостаточно прояснённым. Толстому – одному из самых сложных людей эпохи, величайшему мастеру слова и художнику собственной души, безусловно, были тесны рамки классического реализма XIX века. Писатель не принимал реалистическую детерминистскую концепцию человека, считая её «ложной» и односторонней. Следование учению Христа, понятому как учение о любви, смирении и прощении, поставило Толстого в 1870-1880-х годах в то положение, когда он, по мнению П. И. Бирюкова, «смотрел на весь окружающий его мир с высоты Нагорной проповеди» [5]. Пребывание «на высоте» означало и особое видение мира, и особенную художественную оптику.

Эмблематические образы в предельно сжатом виде выражали квинтэссенцию размышлений Толстого об истинной жизни. Понятие «эмблематический реализм» при кажущейся парадоксальности органично для определения художественного мето-

да Толстого, в основе которого лежит закон «сцепления противоречий». Эмблематическая поэтика позволяла писателю расширять повествовательное пространство и придавать ему духовное измерение. Это был способ мышления писателя-реалиста, воплощающего в произведениях не только свои представления о мире существующем, но и утверждающего правду мира должного как историю пробуждения человека к Божьей жизни.

Библиографический список

1. Азарова, Н. И. О некоторых особенностях повестей Л. Н. Толстого 80-90-х годов [Текст] / Н. И. Азарова // Л. Н. Толстой. – М., 1961. – С. 237-259.
2. Андреева, Е. П. Л. Н. Толстой-художник. Последний период деятельности [Текст] / Е. П. Андреева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та., 1980. – 270 с.
3. Асмус, В. Ф. Мироззрение и эстетика Л. Н. Толстого [Текст] / В. Ф. Асмус // Вопросы теории и истории эстетики. – М. : Искусство, 1968. – С. 431-531.
4. Багдасаров, Р. В. Мистика русского православия. «Отец Сергий» как антитрадиция [Текст] / Р. В. Багдасаров. – М. : Вече, 2011.
5. Бирюков, П. И. Биография Л. Н. Толстого, 3-е изд.: В 2 кн. [Текст] / П. И. Бирюков. – М. : Алгоритм, 2000. – Кн. I. – С. 460.
6. Водько, В. Византийские корни повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» [Электронный ресурс] / В. Водько. – URL: <https://byzantina.wordpress.com/2015/02/04/vodko/>
7. Дистерло, Р. А. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист. Критические статьи [Текст] / Р. А. Дистерло. – СПб, 1887. – 200 с.
8. Днепров, В. Д. Искусство человековедения: из художественного опыта Льва Толстого [Текст] / В. Д. Днепров – Л. : Сов.пис., 1985. – 288 с.
9. Духовная трагедия Льва Толстого [Текст] : сборник статей / сост. А. Н. Стрижёв. – М. : Отчий дом, 1995. – 320 с.
10. Густафсон, Р. Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого [Текст] / Р. Ф. Густафсон. – СПб., 2003.
11. Жданов, В. А. От «Анны Карениной» к «Воскресению» [Текст] / В. А. Жданов. – М. : Книга, 1968. – 280 с.
12. Кедров, К. Уход и «воскресение» героев Толстого [Текст] / К. Кедров // В мире Толстого. Сб. статей. – М. : Сов.пис., 1978. – С. 248-273.
13. Купреянова, Е. Н. Мотивы народного эпоса и древней литературы в произведениях Л. Н. Толстого [Текст] / Е. Н. Купреянова // Русская литература. – 1963. – № 2. – С. 163-168.
14. Лученецкая-Бурдина, И. Ю., Терентьева, Н. С. Художественное воплощение этико-религиозных идей в рассказе Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» [Текст] / И. Ю. Лученецкая-Бурдина, Н. С. Терентьева // Верхневолжский филологический вестник. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – № 5. – С. 23-27.

15. Николаева, Е. В. Художественный мир Льва Толстого: 1880-1900-е годы [Текст] / Е. В. Николаева – М. : Флинта, 2000. – 272 с.

16. Опульская, Л. Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год [Текст] / Л. Д. Опульская. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1998.

17. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. (юб.). В 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – Т. 29. – М., 1954.

18. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. (юб.). В 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – Т. 31. – М., 1954.

19. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. (юб.). В 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – Т. 51. – М., 1952.

20. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. (юб.). В 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – Т. 65. – М., 1953.

Reference List

1. Azarova, N. I. O nekotoryh osobennostjakh povestej L. N. Tolstogo 80-90-h godov = About some peculiarities of the short novels by L. N. Tolstoy of the 1980s–1990s [Tekst] / N. I. Azarova // L. N. Tolstoj. – M., 1961. – S. 237-259.

2. Andreeva, E. P. L. N. Tolstoj-hudozhnik. Poslednij period dejatel'nosti = L. N. Tolstoy-artist. Last period of activity [Tekst] / E. P. Andreeva. – Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta., 1980. – 270 s.

3. Asmus, V. F. Mirovozzrenie i jestetika L. N. Tolstogo = World view and aesthetics of L. N. Tolstoy [Tekst] / V. F. Asmus // Voprosy teorii i istorii jestetiki. – M. : Iskusstvo, 1968. – S. 431-531.

4. Bagdasarov, R. V. Mistika russkogo pravoslavlja. «Otec Sergij» kak antitradicija = Mystic of Russian Orthodoxy. «Father Sergei» as anti-tradition [Tekst] / R. V. Bagdasarov. – M. : Veche, 2011.

5. Birjukov, P. I. Biografija L. N. Tolstogo, 3-e izd.: V 2 kn. = Biography of L. N. Tolstoy, 3rd ed.: In 2 books. [Tekst] / P. I. Birjukov. – M. : Algoritm, 2000. – Kn. I. – S. 460.

6. Vod'ko, V. Vizantijskie korni povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij» = Byzantine roots of L. N. Tolstoy «Father Sergei» [Jelektronnyj resurs] / V. Vod'ko. – URL: <https://byzantina.wordpress.com/2015/02/04/vodko/>

7. Disterlo, R. A. Graf L. N. Tolstoj kak hudozhnik i moralist. Kriticheskie stat'i = Count L. N. Tolstoy as an artist and moralist. Critical articles [Tekst] / R. A. Disterlo. – SPb, 1887. – 200 s.

8. Dneprov, V. D. Iskusstvo chelovekovedenija: iz hudozhestvennogo opyta L'va Tolstogo = The art of human science: from the artistic experience of Leo Tolstoy [Tekst] / V. D. Dneprov – L. : Sov.pis., 1985. – 288 s.

9. Duhovnaja tragedija L'va Tolstogo = The spiritual tragedy of Leo Tolstoy [Tekst] : sbornik statej / sost. A. N. Strizh'jov. – M. : Otchij dom, 1995. – 320 s.

10. Gustafson, R. F. Obital' i chuzhak. Teologija i hudozhestvennoe tvorcestvo L'va Tolstogo = Resident and stranger. Theology and artistic creativity of Leo Tolstoy [Tekst] / R. F. Gustafson. – SPb., 2003.

11. Zhdanov, V. A. Ot «Anny Kareninoj» k «Voskreseniju» = From «Anna Karenina» to «Resurrection» [Tekst] / V. A. Zhdanov. – M. : Kniga, 1968. – 280 s.

12. Kedrov, K. Uhod i «voskresenie» geroev Tolstogo = The Departure and «resurrection» of Tolstoy's characters [Tekst] / K. Kedrov // V mire Tolstogo. Sb. statej. – M. : Sov.pis., 1978. – S. 248-273.

13. Kuprejanova, E. N. Motivy narodnogo jeposa i drevnej literatury v proizvedenijah L. N. Tolstogo = Motives of folk epic and ancient literature in L. N. Tolstoy's works [Tekst] / E. N. Kuprejanova // Russkaja literatura. – 1963. – № 2. – S. 163-168.

14. Lucheneckaja-Burdina, I. Ju., Terent'eva, N. S. Hudozhestvennoe voploshhenie jetiko-religioznych idej v rasskaze L. N. Tolstogo «Hozjain i rabotnik» = Artistic embodiment of ethical-religious ideas in L. N. Tolstoy's story «Master and Worker» [Tekst] / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina, N. S. Terent'eva // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. – № 5. – S. 23-27.

15. Nikolaeva, E. V. Hudozhestvennyj mir L'va Tolstogo: 1880-1900-е годы = Leo Tolstoy's art world: 1880s–1900s [Tekst] / E. V. Nikolaeva – M. : Flinta, 2000. – 272 s.

16. Opu'skaja, L. D. Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1892 po 1899 god = Leo Tolstoy: Materials for biography from 1892 to 1899 [Tekst] / L. D. Opu'skaja. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1998.

17. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. (jub.). V 90 tt. = Full collection of works (anniversary). In 90 volumes [Tekst] / L. N. Tolstoj. – Т. 29. – М., 1954.

18. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. (jub.). V 90 tt. = Full collection of works (anniversary). In 90 volumes [Tekst] / L. N. Tolstoj. – Т. 31. – М., 1954.

19. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. (jub.). V 90 tt. = Full collection of works (anniversary). In 90 volumes [Tekst] / L. N. Tolstoj. – Т. 51. – М., 1952.

20. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. (jub.). V 90 tt. = Full collection of works (anniversary). In 90 volumes [Tekst] / L. N. Tolstoj. – Т. 65. – М., 1953.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10589

УДК 82-94

Е. Я. Антонова

<https://orcid.org/0000-0002-1538-919X>

О. В. Алексеева

<https://orcid.org/0000-0002-1529-2240>

Между документальностью и художественностью (на примере дневника М. Н. Воробьевой)

Статья посвящена проблеме возможности восприятия бытового дневника как целостного произведения. Рассмотрены условия, при которых становится возможным читательское отношение к дневнику как к художественному произведению. Само по себе ведение дневника является формой литературного творчества, и автор дневника использует в своей дискурсивной практике, независимо от того, отдает он себе в этом отчет или нет, не только языковые формулы и шаблоны, но и определенный набор литературных и жанровых моделей. В некоторых случаях, когда автор описывает некое происшествие или сценку, свидетелем или участником которых он оказался, легко обнаруживаются жанровые модели, которым он следовал. Значимым также оказывается вопрос авторской рефлексии над дневником (кто он, для кого пишет), а также рецепции дневника читателем последующих поколений, и с этой точки зрения дневник зачастую воспринимается как своеобразное повествование, о чем свидетельствуют читательские отклики на этот текст. Читатель воспринимает дневник как историю его автора, придавая ей сюжетный статус. При этом в случае утраты части текста, гибели некоторых страниц или даже книг дневника читатель продолжает воспринимать текст как единую историю, опираясь на свой опыт знакомства с художественной литературой последних столетий, для которой фрагментарность является одним из элементов художественности.

На примере дневника (1938-1945) ленинградского педагога Марии Николаевны Воробьевой рассматриваются структурные особенности дневника (пространство и время, система персонажей), обусловленные, с одной стороны, авторской позицией по отношению к создаваемому им тексту, а с другой стороны – допускаемой автором возможностью прочтения текста другим человеком. Показывается механизм, определяющий рецепцию дневника Марии Николаевны как произведения, обладающего сюжетно-композиционным единством.

Ключевые слова: бытовой дневник, М. Н. Воробьева, рецепция, автор, читатель, хронотоп, система персонажей, сюжет, художественная целостность.

Ye.Ya. Antonova, O. V. Alekseeva

Between documentary and artistic (by example of M. N. Vorob'yova's diary)

The article is devoted to the problem of the possibility of perception of a household diary as an integral artwork. The conditions under which the reader's attitude to the diary as a work of art becomes possible are considered. Keeping a diary in itself is a form of literary creativity, the diary's author uses in his discursive practice (regardless of whether he is aware of this or not) not only linguistic formulas and templates but also a certain set of literary and genre models. In some cases (when the author describes some incident or scene) a witness or participant in which he was easily detected genre models which he followed. The question of the author's reflection on a diary (who is he, for whom he is writing) and reception of the diary the reader of subsequent generations is also important. At this point the diary is often perceived as a kind of narrative, as evidenced by readers responses to the text. The reader perceives the diary as the story of its author, giving it a plot status. At the same time in case of loss of a part of the text, the death of some pages or even books of the diary the reader continues to perceive the text as a single story, based on his experience of acquaintance with the fiction of the last centuries for which fragmentation is one of the elements of artistry.

By the example of the diary (1938-1945) of Leningrad educator Maria Nikolaevna Vorob'yova the structural features of the diary (space and time, the system of characters) are examined. The author's attitude toward the text and the possibility of numerous readers of this text give us the opportunity to examine the structural features of the diary. The mechanism defining reception of Maria Nikolaevna's diary as the artwork possessing compositional unity is shown.

Keywords: household diary, M. N. Vorob'yova, reception, author, reader, chronotope, system of characters, plot, artistic integrity.

Последние два десятилетия феномен дневника привлекал внимание исследователей с антропологической и социологической точки зрения ([6, 12, 16, 17, 20]). Дневники интересуют ученых прежде всего как материал психокультурный, как документ, с высокой степенью достоверности свидетельствующий об эпохе и людях. Дневники воспринимаются «не как прозрачные окна в прошлое, а как институционализованные места конституирования памяти, в значительной степени вовлеченные в политические и нравственные проблемы настоящего» [20, с. 414–415]. В первую очередь это справедливо в отношении дневников сталинского периода русской истории, но нельзя недооценивать идеологической составляющей в исследовательском интересе к дневникам других эпох. Любое прошлое «работает» на настоящее, живет в настоящем и обслуживает его интересы. Успех многочисленных дневниковых публикаций, которыми отмечены последние десятилетия (см., например, материалы сайта «Прожито», серию книг «Русские дневники», публикации в журнале «Новое литературное обозрение»), в значительной мере связан с потребностью настоящего в прошлом.

Гораздо реже исследователи ставят вопрос о литературной природе дневника, хотя надо признать, что нередко в научных работах, посвященных дневникам, можно встретить замечания о литературной и художественной ценности того или иного документального текста ([7, 12, 13, 14, 15, 18, 19]). Конечно, подобные суждения высказывались в отношении дневников прежде всего людей, заведомо обладающих репутацией литераторов, художников, музыкантов или людей, связанных с творческой средой [21]. Так или иначе проблема автора и читателя дневника, проблема цели и функционирования дневникового текста в социальной коммуникации, вопросы отбора материала и его композиции ставились неоднократно ([8, 9, 10, 11]). В какой-то мере этих вопросов касаются исследования, посвященные психологической проблематике дневников ([1, 3, 14] и др.). Но по понятным причинам эти работы оставляют в стороне литературную природу данных текстов. Филологов дневники обычно интересуют с точки зрения историко-биографической, историко-текстологической и жанровой ([8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17] и др.). Дневник в его литературной целостности, на наш взгляд, изучен недостаточно.

Само по себе ведение дневника является формой литературного творчества, и автор дневника

использует в своей дискурсивной практике, независимо от того, отдает он себе в этом отчет или нет, не только языковые формулы и шаблоны, но и определенный набор литературных и жанровых моделей. В некоторых случаях, когда автор описывает некое происшествие или сценку, свидетелем или участником которых он оказался, легко обнаруживаются жанровые модели, которым он следовал. Немаловажен также вопрос не только авторской рефлексии над дневником (кто он, для кого пишет) – важен также вопрос и рецепции дневника читателем последующих поколений, и с этой точки зрения дневник зачастую воспринимается как своеобразное повествование, и читательские отклики говорят именно об этой его природе. Читатель воспринимает дневник как историю его автора, придавая ей сюжетный статус. При этом в случае утраты части текста, гибели некоторых страниц или даже книг дневника читатель продолжает воспринимать текст как единую историю, опираясь на свой опыт знакомства с художественной литературой последних столетий, для которой фрагментарность является одним из элементов художественности.

Механизмы, благодаря которым становится возможным такое прочтение дневника, обусловлены его специфической литературной природой и, на наш взгляд, достойны изучения. При этом дневники людей, далеких от собственно литературной и творческой среды, с точки зрения природы их литературности, представляют особенный интерес: эти люди не могли предполагать, что их дневники будут интересны кому-либо, кроме них самих и их близких.

Эстетический или бытовой статус текста помимо историко-культурного и индивидуально-психологического контекста определяется авторской установкой на адресата. В случае бытовых дневников адресатом мыслится преимущественно сам автор дневника и/или его родные, близкие. А сам дневник воспринимается прежде всего как свидетельство о прожитом и пережитом, как своеобразная личная летопись, записи «для памяти». Сопоставление с летописью может выявить некоторую специфику собственно дневниковых записей. И летописи, и дневники ведутся «по ходу времени». События, отраженные в русских летописях, записываются в перспективе Страшного суда – именно тогда выявится их глубинный смысл ([4, 5]). В этом отношении летопись не просто исторический документ и историческое свидетельство – она указывает на творческий за-

мыслей Создателя. И с этих позиций появляется возможность филологической оценки летописи как целостного произведения – при том, что мы не можем говорить об одном летописце. В сознании тех, кто вел летопись, ее создателем были не они. Другие литературные формы, связанные с фиксацией исторических событий – хроники и хронографы – ориентированы на оценку будущих поколений: они могут выступить в роли поучения потомкам. Личный же дневник, с одной стороны, является актом автокоммуникации: момент записи есть момент освобождения от аффектов жизни и создает условия для рефлексии, то есть выполняет терапевтическую функцию. Но при этом существует много свидетельств тому, что бытовые дневники часто перечитываются автором, и перечитываются неоднократно. И при этом создатель дневника не преследует цели работы над собой. Он скорее смотрит на дневник как на свое alter ego, на сотворенного им друга. Такой дневник – способ посмотреть на себя со стороны, оценить свою жизнь не с практической целью извлечения уроков, подкрепления памяти, уточнения обстоятельств и т. д. Такой дневник становится самоценным произведением, благодаря которому автор самоутверждается и самореализуется.

С точки зрения жанрового своеобразия дневников, их особого литературно-исторического и литературно-документального статуса первоочередный интерес приобретают, на наш взгляд, бытовые дневники простых людей, не могущих предполагать, что их личные записи привлекут внимание широкого круга читателей. А вопрос о собственно литературной природе дневника с особенной остротой раскрывается в случае, если автор занимает некоторое «маргинальное» социокультурное положение: оставаясь рядовым читателем, он тем не менее питает определенные литературные амбиции. К числу таких дневников относится и дневник Марии Николаевны Воробьевой.

М. Н. Воробьева родилась 11 июня 1904 или 1905 года (в дневнике имеются противоречивые указания года рождения), видимо, в Санкт-Петербурге. О ее семье известно немного. Из дневниковых записей Марии Николаевны следует, что ее детский опыт был безрадостным. Известно, что она закончила гимназию, затем училась в Петроградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена. Работала в педагогическом училище, преподавала историю в Текстильном техникуме, а в военные годы читала лекции по научному коммунизму в Ярославском

педагогическом институте. В период войны она работала директором сельской школы в Сосновке, а также некоторое время была лектором горкома партии в Ярославле. Человек, по всей видимости, незаурядного личного обаяния, добросовестно относящийся к своей работе, она пользовалась уважением учеников, имела успех в качестве лектора. Но особенно важным для Марии Николаевны был интерес к литературе и собственно литературное творчество: она писала стихи, пробовала свои силы в прозе, участвовала в деятельности любительских литературных кружков и сама организовывала их. Участники такого кружка, созданного ею, и сохранили ее дневники, которые она вела на протяжении нескольких десятилетий своей жизни. Часть их оказалась утрачена. Несколько книжек пропало во время войны, когда Мария Николаевна покидала блокадный Ленинград; судьба части тетрадей, написанных после войны, остается неизвестной. После смерти автора дневники были разделены между несколькими людьми, которые взяли их на хранение, но некоторые тетради оказались утраченными.

При том, что литературные амбиции Марии Николаевны несомненны, сами ее дневники не могут быть расценены как писательские. Конечно, в них появляются записи стихов и черновики ее рассказов, но само ведение дневника в целом не отвечает задаче быть подспорьем литературному творчеству. Скорее, дневник для Марии Николаевны является сам по себе результатом творческой работы.

Мария Николаевна часто пишет о дневнике как о друге (*«Даже дневнику не удастся уделять столько времени, сколько бы хотелось. А ведь это мой единственный верный друг – глубокий, все понимающий, только, к сожалению, молчаливый»*), говорит о боли, которую переживает после утраты дневников (*«Боль от потери дневников с каждым днем возрастает. Все чаще вспоминаются различные кусочки моей жизни, так любовно уложенные в строки тридцати номерах тетрадей. Все поменяется, все, но это... Сама виновата. Я должна была вывезти их из Пушкина за долго до прихода туда немцев. А у меня было безразличие. Ну вот и лишилась»* [2]). Более того, в ее дневнике присутствуют следы работы над словом – зачеркивания, подписи, приписки и проч. Ей важно, чтобы дневник был интересным и для нее самой, и для возможного читателя (кроме нее самой у дневника, с ее точки зрения, могут быть другие читатели). Эти потенциальные читатели – близкие ей люди, друзья или возлюбленные, кото-

рым она дает читать свои дневниковые записи. Дневник есть ее своеобразный двойник, в некоторые моменты жизни наделяемый магическими свойствами: «„Да здравствует солнце! Да скроется тьма!“ Пусть эти прекрасные строки явятся магическим введением к моей будущей жизни. Я жажду Солнца, мучительно, страстно жажду, и пусть оно заблещет в природе, на фронте, в моем личном и в труде. И пусть самая эта тетрадь уподобится пучку драгоценных, золотистых солнечных лучей. Да скроется тьма!!!» [2]. Уподобление очень простой, прозаической тетради «пучку... солнечных лучей» может быть оценено как свидетельство того, что в сознании Марии Николаевны дневник обладает самоценностью, выявляет скрытые возможности ее жизни и оформляет их как действенные факторы ее существования. Таким образом, можно говорить о художественном статусе дневников Марии Николаевны.

Если рассматривать дневники с точки зрения читателя, воспринимающего его как целый, законченный текст (в перспективе читательского восприятия история Марии Николаевны и сам текст обладают статусами завершенности), то кажется правомерным оценивать его именно с эстетической точки зрения и выявить те его параметры, которые позволяют видеть в нем подобие романа. В этом отношении особенной значимостью обладает хронотоп этого текста. Основное его измерение задано самой реальностью: историческим и биографическим временем (1938-1945) и местом (Пушкин, Ленинград – Перкино (Тамбовская область) – Сосновка (Тамбовская область) – Чусовой – Ярославль – Ленинград). Пространственно-временная архитектура мира этого дневника в читательском восприятии определяется войной: это мир до, во время и после войны. И путешествие героини, вынужденной покинуть родной город, а затем вернувшейся в него, – это сюжет утраты и обретения, изгнания и возвращения. Этот по сути мифологический сюжет сопряжен с еще одним вечным сюжетом человеческого поиска любви и счастья. Сам же автор осознает свою историю как историю ожидания Чуда. Эта история разворачивается преимущественно в камерном пространстве. Внимание автора дневника сосредоточено не на доме, а на комнате, не на университете, а на аудитории, не на школе, а на учебном классе или учительской, не на библиотеке, а на читальном зале. Фокусировка авторского внимания на атрибутах пространства, свидетельствующих о присутствии в нем чувствующего и думающего человека, позволяет читателю вос-

принимать место действия отраженных в дневнике событий как художественно организованное пространство и прочитывать сам дневник как своеобразный роман о женской судьбе.

Восприятию дневника как художественного произведения способствует характер описания отдельных локусов и их взаимная соотношенность. Так, например, одно из центральных мест в пространстве дневника Марии Николаевны занимает топос довоенной комнаты в Пушкине. Значение этого топоса в хронотопе дневника определяется в силу его оппозиции бездомью и неустроенности эвакуированного человека: «*Как потерянный рай, вспоминается моя белоснежно-синяя комната. Сквозь белый тюль на окне красиво вырисовываются узоры древесной листвы – на дворе растет несколько деревьев. Обои благородной синей расцветки, а на столиках и качалке белые скатерти и дорожки. На постели голубоватое пике, на подушке белая накидка с кружевами. Я всегда любила красивое белье, поэтому даже пододеяльники у меня были с шитьем и простыни с кружевами. А украшений было немного – лишь синие стаканчики из Кисловодска с изображениями орла над нарзанским источником и с надписью «Малышке» (подарок Василия Никифоровича), несколько фарфоровых слонов (от Веры), две-три дорожных мне фотографии и ваза с цветами. Вот и все. А в целом впечатление чистого уютного гнездышка, в котором бывало очень хорошо вдвоем. Теперь же нет не только вышитых пододеяльников, но пришлось даже отказаться от простыни – сплю на одной половине одеяла, а другой половиной покрываюсь» [2]. Образ комнаты возникает именно в воспоминаниях автора, и в этом отношении можно говорить о хронотопе воспоминаний: время и расстояние создают необходимую дистанцию для художественно ценностного взгляда на утраченный мир, центром которого становится комната в Пушкине. Интересно, что в восприятии Марии Николаевны комната оказывается не только «уютным гнездышком», но и соотносится, пусть даже опосредованно (через цитату), с морским пространством: «комната, как море голубая». А сам уют, с нежностью вспоминаемый автором, создается холодными цветами – белым и голубым. Хронотоп комнаты – это хронотоп одновременно и замкнутый, и открытый: в памяти Марии Николаевны это скорее хронотоп мечты и/или «потерянного рая». Но если обратиться к дневниковым записям, в которых пространство комнаты существует не в прошлом, а в настоящем и воспринимается не дистанцированно, то можно увидеть,*

что и в настоящем без этой пространственно-временной дистанции пространство комнаты в восприятии Марии Николаевны практически всегда открыто: она постоянно упоминает деревья и небо за окном («Сквозь белый тюль на окне красиво вырисовываются узоры древесной листвы – на дворе растет несколько деревьев» [2]).

Еще один значимый топос в мире дневника Марии Николаевны – город, и это только Ленинград. Город – это личное пространство встреч, свиданий – и одновременно это пространство, в котором личное соприкасается с общественным. В записи о приобретении «голубой книги» («История ВКП(б)», Мария Николаевна отмечает: «Весь Ленинград с голубыми книгами» [2]. Если восприятие комнаты определяется пространственной и временной дистанцией, то город воспринимается автором *hic et nos*. По всей видимости, именно поэтому внимание автора сосредоточено на погоднo-климатических аспектах существования города («1 июля. Наконец то, сегодня хорошая погода», «Всегда – из года в год – двадцатые число июня мне бывает нехорошо. И погода хмурая, дождливая», «Зима совсем уж обнаглела – как никак 17ое марта, а на улице мороз 16° по Реомюру. И снег такой плотный, по январски искристый. И окна в затянуты льдистым настилом. Хочется весны, хотя что она мне даст» [2]) и на городском и пригородном транспорте («Потом ехали до Невского в трамвае», «...он бережно взял меня под руку и повел к трамваю», «Потом села в автобус и поехала на Выборгскую к матери. На нижегородской, выскочив из автобуса, столкнулась с Николаем», «Вышли из вагона на перрон – и вдруг Петруччио» [2] и т. п.), а развернутые картины, включающие описания городских зданий, как и взгляд на город в целом, появляется в экстремальные моменты истории. Можно говорить, что пространство в дневнике Марии Николаевны меняет свой статус в зависимости от дистанции, с которой автор его оценивает. Угроза утраты или разрешения пространственных локусов делает их видимыми для Марии Николаевны, и в этот момент ее взгляд становится взглядом художника: чтобы сохранить, надо сотворить.

Время в дневнике, на первый взгляд, не может быть предметом особой рефлексии (записи ведутся по денно с небольшими пропусками), и необходимая для возникновения эстетического отношения дистанция, казалось бы, не успевает возникнуть. В таком временном режиме, какой допускает дневник, возможно эстетическое отношение к бы-

ту как к бытию, то есть возможно возникновение лирической художественности.

Однако в дневнике Марии Николаевны, наряду с лирическими зарисовками, органичными для дневниковой формы, появляется и эпическое время. Иногда Мария Николаевны не только вспоминает своих прежних поклонников, не только сравнивает свое прошлое с настоящим, но и выходит к сопоставлениям социально-исторического характера, сравнивая семейный быт мещанского Петербурга/Петрограда своего детства с новыми общественными формами советского времени. При этом ее сопоставление не декларативно: «В детстве я не только не любила праздники – Рождество и Пасху – я боялась их. Я знала, что они будут отмечены пьянством, скандалами, драками..., знала, что взрослые будут до крови бить друг друга, а мы, дети, будем отчаянно реветь... Может, в суматохе повалится елка, – вспыхнет пожар, либо кого-нибудь придавит. Хорошо мне было только в школе – недаром же я ее так любила» [2]. Эта эпическая перспектива возникает, конечно, благодаря воспоминаниям, а время воспоминаний – как правило, общественные и личные праздники. Интересно, что записи, свидетельствующие об интересе Марии Николаевны к политике, к событиям на фронтах, не имеют следов эстетической оценки: это регистрация, сообщение о фактах и его оценка с позиции советского учителя истории («Немцы похитили Муссолини... пишу я об этом лишь по инерции – ведь как историк я так недавно еще живо интересовалась всем происходящим», «5 февраля. Ночь. Историческая миссия Англии – это давать убежище реакционерам» [2]).

Сюжетная сторона дневника, какой она складывается в восприятии читателя, касается прежде всего личной судьбы Марии Николаевны, а в этой личной судьбе она прежде всего женщина в поисках личного счастья и ранимый, честный человек, болезненно реагирующий на безобразные стороны жизни.

В глазах читателя Мария Николаевна становится героиней романа, и ее самохарактеристики задают для читателя систему оценок действующих лиц дневника. О себе Мария Николаевна пишет, что она «концентрат женщины», и поэтому персонажи дневника – это мужчины и женщины, возлюбленные и соперницы. Эротический аспект человеческих взаимоотношений в значительной степени определяет дневниковую оценку людей, окружающих автора: «Все здешние мужчины либо совершенные и совсем еще неинтересные мальчи-

ки, либо – старики. Это по внешнему виду...» [2]. Часто взгляд на женщину – это заинтересованный взгляд на соперницу («Коган явился вчера с женой. Она пугалица. В жизни совсем неинтересна. Низкорослая и какая-то неуклюжая. А лицо большое» [2]), а взгляд на мужчину – это взгляд женщины с точки зрения возможности любовного романа. Но при этом «внутренний багаж» человека имеет для Марии Николаевны первостепенное значение: «что же касается внутреннего багажа, то ни одно лицо из виденных здесь мною не дает возможности предположить наличие каких-то особых богатств» [2].

Особую тему представляет собой социальная и профессиональная самореализация автора. Отношения с людьми для Марии Николаевны очень важны. Фактически любой человек, упомянутый в ее записях, получает не только психологическую, этическую и профессиональную оценку, но и оценку эстетическую, причем эстетическое касается не внешности – Мария Николаевна именно создает его образ. Особенно наглядно эта творческая интенция проявляется в зарисовках с натуры случайных в ее жизни людей («Вчера дважды испытала чистую, бескорыстную радость за других. Впервые – днем. Обтрепанный мальчишка деревенского вида, всхлипывая, должно-быть, от отчаяния, просил по квартирам. Двери открывались, на миг показывалась рука с рублем или куском хлеба, и снова двери захлопывались. Было что-то в этом мальчишке дерущее за душу. По той неумелости, с которой он просил, по внезапным вспышкам отчаяния видно было, что очень этот ребенок несчастен.

– Нет ли у Вас рубашки какой...

– Нет, мальчик...

– Может, кофточки рваной... Ну хоть тряпочки... – и снова трагические всхлипы.

Эта настойчивая просьба дать «хоть тряпочку» была почти непонятна.

– Да зачем тебе тряпка.

– У нас маленький в поезде голый. Бабушка бы что-нибудь сделала... завернула.

Почувствовала, что я уже не могу. Слишком мучительно видеть горе этого двенадцатилетнего человечка: мать в немецком плену, бабушка и четверо ребят (трое маленьких) возвращаются на родину в Старую Руссу. Ни денег, ни одежды, ни еды... Поезд в Ярославле стоит до 5-го, и вот он, кормилец, добывает средства к жизни. Вытащила ему свою рваную шерстяную жакетку. Как же он обрадовался, и как же хорошо стало мне. А в 11 вечера приехала с Перекопа и узнаю –

у Евгении Осиповны был гость с фронта, привез ей письмо и посылку от полковника брата, стоящего с частью в Восточной Пруссии. Она вся светилась, и, глядя на нее, я второй уже раз за этот день наполнилась большой хорошей радостью» [2]). Для нее в этом мальчишке воплотился образ бедствующего народа.

Особая категория людей, отношения с которыми приобретают напряженный характер, – это соседи по коммунальной квартире в Пушкине и в комнате в эвакуации, а также коллеги по работе. Мария Николаевна создает по сути их завершенные художественные образы: коллеги Пихтелевой как образцы вульгарности и примитивной грубой сексуальности, коллеги и соседки по комнате Фингерт как идеологического противника.

Система человеческих оценок Марии Николаевны очень ярко обнаруживается в портретах ее соседок и подруг, а также в описанных ею сценках с их участием. Как только ей становится ясно, что именно ей не нравится в человеке, ее записи о нем приобретают заметный эстетический художественный характер. Справедливо и обратное: осознание природы очарования какого-либо человека также пробуждает в Марии Николаевне художника («Его голос звучал сочно и сильно, слова все были простые, понятные, но он их давал в каких-то удивительно свежих сочетаниях. При этом ничего лишнего, полное отсутствие лексического сорра. Мысль сильная, умная облекалась в достойную словесную одежду. Слушая это на редкость культурное выступление, пронизанное тонким юмором, я опять ощутила, что в сердце моем совершается что-то такое – нежное и радостное – чего не было уже года три. Из глубин моего сладко пораженного существа какой-то голос заявлял, что вот это и есть мужчина, который смутно маячил в грезах, который близко, близко подошел к моему идеалу» [2] или: «У Фингерт какое-то бескостное отношение к людям и происходящим с ними событиям. Жалеет она безотносительно, стоит ли человек жалости, радуется даже за такое неприятное существо, «которое не мешало бы проучить бедой, дабы оно научилось быть чутким. При этом и жалость и радость как-то очень мелко и ограничиваются всего лишь словесным выражением. Эта мелкость нередко и в суждениях. Напр., недавно в моем присутствии вдруг говорит профессору Смирнову:

– А как Вы думаете, любили Горького женщины?.. Он же очень некрасив был... Я бы не могла в него влюбиться.

Меня покорило. Так говорить о Горьком, который до того был пропитан, пронизан красотой, до того она его распирала, что возле него начинали, наверно, хорошеть и уроды. Если б такой галантерейный подход к красоте обнаружила какая-нибудь фабричная девушка – куда ни шло, мириться б было можно, да и та, вероятно, не пустилась в подобные рассуждения» [2].

Особенно ярко это проявляется в сценических зарисовках: «Обе они избалованы дома и очень привередливы в еде. И вот недавно подали на завтрак манную кашу.

– Я ее не ем. – решительно заявила Вава, но т. к. здесь мамы все же нет, а сестра хозяйка на подобные заявления никак не реагирует, Ваве пришлось пододвинуть блюдо обратно. Ела она неохотно, с гримасой, но все-таки ела. Мне стало смешно, и я немножко подтрунила над нею.

– Не трогай, пусть ест. – сурово остановила меня Вера» [2].

Для портрета человека ей важны диалоги, описание сцен с участием ее самой или других людей, она отмечает детали, которые приобретают обобщающе-оценивающий характер («Фингерт упивается Горьким. Это ее любимец, к стене над своєю постелью она даже пристроила два портрета Алексея Максимовича – оба вырезаны из библиотечных книг (преступление с ее точки зрения совершенно невинное). Проблематика Горького – тема ее диссертации, которую осенью она намерена защищать» [2]). Фиксируя свои реакции на присутствие другого человека (раздражение, восхищение), Мария Николаевна стремится найти психологические причины этого, проявляя склонность к психологическому анализу. И оценки, к которым она приходит в результате размышлений, иногда жесткие («Я уткнулась в книгу, и разговор прекратился. Но в комнате сразу стало душно и тесно. Сколько в ней еще старого, не нашего. Жизнь хлестнула парочку раз, – и человек скис, развалился. Интеллигентская хлипкость» [2]), основываются на наблюдениях, а не опережают их. При этом надо признать, что она изначально доброжелательна в своем отношении к людям. В оценке женщин для нее важна оппозиция красота – безобразие. Внешность же представителей противоположного пола в дневнике практически не описывается. Описание внешности людей, с которыми складываются или могут сложиться глубокие личностные отношения, избыточны, и в своем дневнике Мария Николаевна не видит внешность, смотрит как будто сквозь нее. Прозрачность внешности – то, что характерно для

портретов мужчин. Они становятся субъектами действия, отношения с ними составляет событийную интригу дневника, их личности раскрываются по мере развития романа с автором дневника. При этом известно, что какие-то дневниковые записи автор давала читать наиболее важным для себя людям. Таким образом героини романа становились его читателями, и их оценка дневниковых записей, в свою очередь, оценивалась Марией Николаевной в дневнике. Современному читателю такая повествовательная структура знакома, и восприятие дневника колеблется от увлеченности сюжетом до рефлексии по отношению к самому автору дневника, от сюжетной интриги к интриге психологической. Сама структура текста дневника позволяет читателю прочитывать его как художественное произведение, опираясь на знакомые литературные романские модели сюжетного, геройного, пространственно-временного планов. Независимо от замысла автора современный читатель волен воспринимать дневник не столько как документ эпохи, сколько как увлекательную историю жизни. В случае дневника Марии Николаевны эта возможность создается не только за счет культурно обусловленных аспектов биографии как повествования о жизни человека, но и за счет элементов художественной рефлексии автора, обладающего несомненными литературными способностями.

Библиографический список

1. Булдакова, Ю. В. Лирическое начало в жанровой структуре дневника писателя (на материале литературы русского зарубежья) [Текст] // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 3 (1). – С. 102-105.
2. Воробьева, М. Н. Дневники [Электронный ресурс] / М. Н. Воробьева. – URL: <http://prozhito.org/person/931>
3. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Л., 1971. – 464 с.
4. Данилевский, И. Н. Замысел и название «Повести временных лет» [Текст] // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 101-110.
5. Данилевский, И. Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы изучения летописных текстов [Текст] / И. Н. Данилевский. – М., 2004. – 383 с.
6. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник 19 века. История и теория жанра: Исследование [Текст] / О. Г. Егоров. – М., 2003. – 279 с.
7. Зализняк, А. А. Дневник: к определению жанра [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 106. – С. 162-180.
8. Кальщикова, Т. А. Жанровые стандарты в дневнике А. Блока [Текст] // Вестник Челябинского госу-

дарственного университета. – 2010. – № 32 (213). – Вып. 48. – С. 58-61.

9. Киреева, Н. В. Проблема квалификации дневника как книги определенного речевого жанра (на примере «Дневников» М. М. Пришвина) [Текст] // Омский научный вестник. – 2006. – № 9 (47). – С. 231-234.

10. Кобрин, К. Р. Дневники: между текстом и творчеством. Похвала дневнику [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 61. – С. 288-295.

11. Кознова, Н. Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2009. – № 1. – С. 137-143.

12. Криволапова, Е. М. Признаки «дневниковости» в произведениях В. Розанова «Опавшие листья» и «Уединенное» [Текст] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 22-29.

13. Летягин, Л. Н. Личный дневник: самосознание жанра [Текст] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 56. – С. 56-67.

14. Михеев, М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) [Текст] / М. Ю. Михеев. – М., 2007. – 264 с.

15. Новожилова, А. М. Повествовательное пространство Петербургских дневников З. Н. Гиппиус [Текст] // «Восток-Запад: пространство русской литературы». – Сборник материалов международной научной конференции. – Волгоград, 2004. – С. 18-25.

16. Ромашкина, М. В. Дневник: эволюция жанра [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15447> (дата обращения: 27.09.2019).

17. Сизюхина, К. В. Дневники А. М. Достоевского: проблема жанра [Текст] // Омский научный вестник. – 2006. – № 9 (47). – С. 231-234.

18. Федотова, В. В. К вопросу о художественности дневниковой прозы И. А. Бунина [Текст] // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 296-300.

19. Федотова, В. В. К проблеме подвижности границ между литературой и нелитературой [Текст] / В. В. Федотова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: сборник статей и материалов II международной конференции (5-9 мая 2008 года). – Казань, 2009. – С. 158-163.

20. Хелльбек, Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи [Текст] / Й. Хелльбек. – М., 2017. – 416 с.

21. Шапорина, Л. В. Дневник [Текст] / Л. В. Шапорина. – М., 2017.

Reference List

1. Buldakova, Ju. V. Liricheskoe nachalo v zhanrovj strukture dnevnika pisatelja (na materiale literatury russ-

kogo zarubezh'ja) = Lyrical beginning in the genre structure of the writer's diary (on the material of literature of the Russian abroad) [Текст] // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2009. – № 3 (1). – С. 102-105.

2. Vorob'eva, M. N. Dnevniky = Diaries [Elektronnyj resurs] / M. N. Vorob'eva. – URL: <http://prozhito.org/person/931>

3. Ginzburg, L. Ja. O psihologicheskoj proze = About psychological prose [Текст] / L. Ja. Ginzburg. – L., 1971. – 464 s.

4. Danilevskij, I. N. Zamysel i nazvanie «Povesti vremennyh let» = Intention and title «Primary Chronicle» [Текст] // Otechestvennaja istorija. – 1995. – № 5. – С. 101-110.

5. Danilevskij, I. N. «Povest' vremennyh let»: hermenevticheskie osnovy izuchenija letopisnyh tekstov = «Primary Chronicle»: hermeneutic foundations in studying chronicle texts [Текст] / I. N. Danilevskij. – М., 2004. – 383 s.

6. Egorov, O. G. Russkij literaturnyj dnevnik 19 veka. Istorija i teorija zhanra: Issledovanie = Russian literary diary of the XIX century. History and theory of the genre: Research [Текст] / O. G. Egorov. – М., 2003. – 279 s.

7. Zaloznjak, A. A. Dnevnik: k opredeleniju zhanra = Diary: to the definition of genre [Текст] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2010. – № 106. – С. 162-180.

8. Kal'shnikova, T. A. Zhanrovye standarty v dnevnike A. Bloka = Genre standards in A. Block's diary [Текст] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 32 (213). – Вып. 48. – С. 58-61.

9. Kireeva, N. V. Problema kvalifikacii dnevnika kak knigi opredelennogo rechevogo zhanra (na primere «Dnevnikov» М. М. Prishvina) = The problem of qualification of the diary as a book of a certain speech genre (on the example of «Diaries» by М. М. Prishvin) [Текст] // Омский научный вестник. – 2006. – № 9 (47). – С. 231-234.

10. Kobrin, K. R. Dnevniky: mezhdju tekstom i tvorchestvom. Pohvala dnevniku = Diaries: between text and creativity. Praise for diary [Текст] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2003. – № 61. – С. 288-295.

11. Koznova, N. N. Dnevniky, pis'ma, memuary: k voprosu o vzaimodejstvii zhanrov = Diaries, letters, memoirs: to the question of the interaction of genres [Текст] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija «Russkaja filologija». – 2009. – № 1. – С. 137-143.

12. Krivolapova, E. M. Priznaki «dnevnikovosti» v proizvedenijah V. Rozanova «Opavshie list'ja» i «Udinennoe» = Signs of «diary style» in V. Rozanov's works «Fallen Leaves» and «Secluded» [Текст] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. – 2012. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 22-29.

13. Letjagin, L. N. Lichnyj dnevnik: samosoznanie zhanra = Personal diary: genre self-awareness [Текст] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2008. – № 56. – С. 56-67.

14. Miheev, M. Ju. Dnevnik kak jego-tekst (Rossija, XIX–XX) = Diary as ego text (Russia, XIX–XX) [Tekst] / M. Ju. Miheev. – M., 2007. – 264 s.
15. Novozhilova, A. M. Povestvovatel'noe prostranstvo Peterburgskih dnevnikov Z. N. Gippius = Narrative space of St. Petersburg diaries by Z. N. Gippius [Tekst] // «Vostok-Zapad: prostranstvo russkoj literatury». – Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Volgograd, 2004. – S. 18-25.
16. Romashkina, M. V. Dnevnik: jevoljucija zhanra = Diary: evolution of a genre [Elektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. – 2014. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15447> (data obrashhenija: 27.09.2019).
17. Sizjuhina, K. V. Dnevnik A. M. Dostoevskogo: problema zhanra = A. M. Dostoevsky's diaries: the problem of genre [Tekst] // Omskij nauchnyj vestnik. – 2006. – № 9 (47). – S. 231-234.
18. Fedotova, V. V. K voprosu o hudozhestvennosti dnevnikovoj prozy I. A. Bunina = To the question of the artistic nature of I. A. Bunin's diary prose [Tekst] // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2010. – № 1. – S. 296-300.
19. Fedotova, V. V. K probleme podvizhnosti granic mezhdu literaturoj i neliteraturoj = To the problem of the mobility of boundaries between literature and non-literature [Tekst] / V. V. Fedotova // Sintez dokumentalnogo i hudozhestvennogo v literature i iskusstve: sbornik statej i materialov II mezhdunarodnoj konferencii (5-9 maja 2008 goda). – Kazan', 2009. – S. 158-163.
20. Hell'bek, J. Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj jepohi = First-person revolution: Stalin-era diaries [Tekst] / J. Hell'bek. – M., 2017. – 416 s.
21. Shaporina, L. V. Dnevnik = Diary [Tekst] / L. V. Shaporina. – M., 2017.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.11.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10590

УДК 82.09

А. А. Коновалов

<https://orcid.org/0000-0001-9311-3239>

«Писательское» осмысление русской литературы в литературно-критических трудах Л. Д. Ржевского

Данная статья посвящена обзору и систематизации литературно-критических идей Леонида Денисовича Ржевского (Л. Д. Суражевского, 1903-1986) – писателя и литературоведа второй волны русской эмиграции.

К настоящему моменту жанр литературной критики в обширном наследии русского зарубежья исследован недостаточно, несмотря на то, что именно критика признается многими учеными наиболее сильной в литературе эмиграции. Творчество Л. Д. Ржевского, которого коллеги и современники считали его настоящим знатоком классической литературы (его литературоведческие работы охватывают полуторавековой период – от А. С. Пушкина до советских и зарубежных писателей и поэтов, живших в одно с ним время), исключением не является.

В статье предпринята попытка анализа тем, к которым Ржевский-писатель постоянно возвращался на протяжении всей своей научной работы. Результатом проведенного исследования стали подробное описание данных тем и группировка их по четырем кластерам критической проблематики:

- вопросы взаимосвязи языка и культуры (языковые процессы, вызванные к жизни тоталитарным режимом в СССР, например, эволюция и особенности использования в литературном творчестве приема тайнописи, возникшего как результат тоталитарных запретов);
- тоталитаризм и эстетика литературы (в том числе метод социалистического реализма как объект исследования для литературного критика);
- противостояние русской культуры эмиграции и советской русской культуры;
- исследования, посвященные творчеству отдельных писателей и поэтов, среди которых были признанные классики русской литературы, советские поэты и прозаики, а также литераторы первой и второй волн эмиграции.

Материал данного исследования позволяет абсолютно по-новому взглянуть на тексты Ржевского-писателя, поскольку анализируемый литературоведческий опыт наложил значительный отпечаток на художественную прозу автора.

Ключевые слова: эмиграция, литературная критика, язык и культура нации, тоталитарный запрет, тайнопись, метод социалистического реализма, русская культура эмиграции, советская русская культура

А. А. Konovalov

The «writer's» comprehension of Russian literature in literary-critical works of L. D. Rzhevsky

This article is devoted to the overview and systematization of literary-critical ideas of Leonid Rzhevsky – a writer and a literary critic of the second wave of Russian emigration.

Currently, the genre of literary criticism in the vast legacy of the Russian foreignness has not been studied enough, despite the fact that criticism is recognized as the most significant component in the literature of emigration. And the creativity criticism of L. D. Rzhevsky is not an exception.

This article attempts to analyze the topics constantly addressed by Rzhevsky-writer throughout his scientific work. The result of the study is a detailed description of these topics and their grouping into four clusters of critical issues:

- the questions of the relationship between language and culture (the linguistic processes caused by the totalitarian regime in the USSR, in particular, the evolution and peculiarities of the use of the secret writing technique in literary works, which arose as a result of totalitarian prohibitions);
- totalitarianism and aesthetics of literature (including the method of socialist realism as an object of study for literary critic);
- the confrontation of Russian culture of emigration and Soviet Russian culture;
- the researches dedicated to the work of individual writers and poets, including the recognized classics of Russian literature, Soviet poets and prose writers, writers of the first and second waves of emigration.

The material of this study allows taking a fresh look at the texts of Rzhevsky-writer, because the critical experience has left a significant imprint on the author's fiction.

Keywords: emigration, literary criticism, the language and culture of the nation, totalitarian prohibition, secret writing, the method of socialist realism, Russian culture of emigration, Soviet Russian culture.

Литературоведческие работы Л. Д. Ржевского, по замечанию В. Синкевич, охватывают полтора десятилетия русской литературы: от Пушкина до советских и зарубежных прозаиков и поэтов. Самый интенсивный период его работы в этой области был, безусловно, в Америке, где автор прожил почти четверть века (он переселился в США в 1963 году)» [20, с. 16].

Леонида Ржевского ценили и уважали его коллеги – писатели и критики: по словам В. Синкевич, «Ржевский, знаток классической литературы, был исключительно чутким и внимательным современником: так же, как о классиках, он писал о прозаиках и поэтах нашего времени..., живших в старой России, а в наше время по обе стороны рубежа» [20, с. 16]. Он откликался не только на сугубо литературные явления и факты, но и на культурно-общественные: Ржевский глубоко и деятельно любил Россию, и, не боясь патетики, можно сказать, что всего себя посвятил русской культуре, будучи убежденным в высоком культурном потенциале русского человека.

Ржевский публиковал свои работы на страницах зарубежной печати: в мюнхенском журнале «Грани», редактором которого он был с 1952 по 1955 годы, в журналах «Посев» (Германия), «Новом журнале» (США), газете «Новое русское слово» (США) и др. Отдельными книгами выходило несколько работ, посвященных конкретным вопросам литературы, языковедения и социологии. В 1970 году вышел сборник статей «Прочтение творческого слова: литературоведческие проблемы и анализы», в которой помимо ранее опубликованных аналитических статей была представлена концепция филологического анализа. В 1990 году, посмертно, вышла книга «К вершинам творческого слова», где были собраны основные научно-критические статьи Л. Ржевского.

В литературоведческих и публицистических трудах Л. Д. Ржевского можно выделить несколько тем, к которым исследователь возвращался на протяжении всей своей научной работы. Их можно сгруппировать следующим образом:

1) вопросы тесной взаимосвязи языка и культуры нации, в частности, какие языковые процессы повлек за собой тоталитарный режим в СССР;

2) тоталитаризм и эстетика литературы, в частности, исследование существа метода социалистического реализма и актуализированного в свя-

зи с ним феномена криптографичности литературного текста;

3) проблемы национальной культуры и эмиграции;

4) исследования, посвященные творчеству отдельных писателей и поэтов.

Стоит отметить особую черту литературно-критических работ Ржевского: критик всегда оставляет право выбора за читателем. Он только предлагает одно из толкований, делает акцент на важном, на его взгляд, аспекте проблемы. Для стиля литературоведческих статей Ржевского характерны субъективно-модальные выражения *может быть, в какой-то мере, пожалуй, вряд ли, по-видимому*. Приведем примеры: в 1950 году в Париже вышел сборник стихов С. Есенина со вступительной статьей Г. Иванова; в рецензии на эту книгу Л. Ржевский полемизирует – в очень характерной для него, «мягкой», манере – с утверждением Г. Иванова, что «по размеру своего дарования С. Есенин не только не Пушкин, но и не Некрасов и не Фет»: «Оставив в стороне два первых наивных сопоставления, скажу лишь, что поэтическое дарование (не поэтическая культура!) Есенина, *по всей вероятности*, значительно выше фетовского [17, с. 177]. «Заранее отказывается от притязаний на полноту и разносторонность анализа и автор предлагаемой работы», – пишет Ржевский в интереснейшей, богатой лингвистическими наблюдениями, работе «Роман Доктор Живаго Б. Пастернака. Стилль и замысел» [14, с. 89]. Такое отсутствие авторитаризма, деликатность в обсуждении темы, оценке того или иного явления сохраняются и в художественной прозе Ржевского.

Примечательно, что на страницах своей художественной прозы Ржевский постоянно обращается и к темам, обозначенным выше. Охарактеризуем каждую из представленных групп.

1. Язык как отображение национальной культуры

Большое внимание в своих литературоведческих работах Ржевский уделял языку – как отражению культуры нации и как объекту изучения авторского стиля. «В университетские годы овладел мною интерес к языку как предмету науки», – пишет Ржевский в автобиографии [13, с. 222]. В соавторстве с другими методистами в 1932 году вышла первая книга Ржевского – учебник по русскому языку (глава «Морфология»; по другим све-

дениям – глава «Орфография»). В 1941 году, перед самым отъездом на фронт, Ржевский защитил диссертацию о языке комедии «Горе от ума».

Жесткие идеологические рамки, в которых оказались творческие люди в годы сталинских репрессий, обусловили интерес Ржевского к проблеме зависимости языка и политического режима. В 1949 году в очерке «Живое и мертвое слово» автор утверждает: «Трагедия современного советского литературного языка – не в засорении его чистоты, не в нарушении привычных литературных норм. Она – в потере свободы. Язык, у которого отняли свободу, беднеет не только в средствах внешней выразительности. Иссыкают животворящие его силы, гибнет душа языка» [9, с. 67]. «Светофоры на путях советского языкознания», «Запечатленный язык» – таковы названия статей Ржевского по данной проблеме. «Запечатленный язык истощается, как река в засуху – вширь и вглубь; беднеет количественно: выпадают целые словарные пласты, относящиеся, например, к области религиозного сознания, немарксистской философии и морали, нематериалистической эстетики, непартийной социологии и т. п. Хиреет он и качественно, потому что под непрерывным давлением и контролем оскудевает его синонимическое богатство, больше того – иссыкают сами животворящие его силы, искажается, опустошается душа языка, на смену живой правде и широте приходит безжизненность и убогость трафарета...» [16, с. 34]. Никто не вправе пренебрегать взаимосвязанностью триады *язык – сознание – свобода* [16, с. 32]. Свои наблюдения Ржевский обобщил в работе «Язык и тоталитаризм», опубликованной в 1951 году в Мюнхене, где, в частности, не только включился в дискуссию о марризме, но и задался вопросом: почему «Новое учение о языке» как научная теория (безотносительно ее «ненаучности») и ученые, ее представляющие, оказываются «выброшенными на свалку», когда как в течение стольких лет та же власть ее «пестовала». Ответ, по Ржевскому, очевиден: «Понять эту кажущуюся непоследовательность можно, только вспомнив, что большевизм как тоталитарная система на данном ее этапе вполне и безусловно чужд всякой науке» [18, с. 49].

В очерках о творчестве Солженицына (1972) Ржевский обращает внимание именно на тот факт, что Солженицыну удалось русский язык «раскрепостить», «воскресить». Источниками обновления словаря для Ржевского становятся широкое использование словаря Даля, возвращение в язык художественной литературы утерянных и забытых

речений (критик использовал для их обозначения термин «уроненные»); активное словотворчество, «подслушанное» автором в живом разговорном окружении. Причем два последних источника иной раз нелегко различить, как когда-то и у Лескова, отмечает ученый. Еще одним путем обогащения речи, в понимании Ржевского, становится синтаксис или «склад», по Солженицыну, понимаемый последним как способ «управления слов словами, их стыковки, их расположения в обороте, интонационных переходов между ними» [16, с. 31-52].

Негативные процессы в языковой сфере Ржевский отмечал не только в Советском Союзе, но и в эмигрантской среде: «мы здесь, в эмиграции, к своему языку невнимательны... писания вполне грамотных в языковом отношении людей содержат то и дело досаднейшие длинноты, туманности, трафареты – результат небрежения языковой культурой» [12, с. 24].

2. Тоталитаризм и литературная эстетика

Многие русские критики и писатели, оказавшиеся в эмиграции, следили за развитием художественной, художественно-публицистической и научной литературы у себя на Родине. Основная тональность наблюдений критиков русской эмиграции – неприятие сложившейся системы контроля над творчеством писателей. Так, Л. Т. Осипова в книге «Явное рабство и тайная свобода», анализируя основные произведения советской литературы 30-50-х годов, заключает, что советский писатель лишен права быть правдивым, так как литература в СССР самостоятельного значения не имеет – она лишь инструмент пропаганды, облеченной в форму стихов, повестей, романов, очерков. В соответствии с целями пропаганды «фальсифицируется все: история, русская и советская, настроения населения, до- и послереволюционные чувства, надежды и верования советского человека» [6, с. 13].

Ржевский посвятил этому вопросу несколько своих работ («Главное направление», «Потом», публикации «По страницам московских журналов» и др.), основные из которых – «Зашифрованный термин (о существовании социалистического реализма)» [10, с. 23-42] и «Гайнописное в послеоктябрьской литературе» [15]. Идея первой работы заключается в том, что, по мнению автора, понятие «социалистический реализм» не поддается определению в рамках эстетических категорий. Ржевский подвергает тщательному анализу трактовки соцреализма советских же литературоведов,

а также советскую критику и публицистику, и приходит к выводу: беспристрастного исследователя должно «поразить отсутствие литературоведческого, т. е. собственно художественного, критерия в практике советской критики» [10, с. 110]. Таким образом, «формула социалистического реализма со стороны литературоведческой не определяет какого-либо собственно творческого метода, являясь лишь директивной художнику в части отбора, осмысления и изображения действительности, обязательных в целях коммунистического воспитания людей» [10, с. 114]. Тенденция этой директивы – «запретительность». В своих статьях Ржевский не раз цитирует строчки поэта И. Елагина, которые «хорошо передают важнейшую направленность „метода“»: «Ведь для того же социалистический / И существует реализм / Чтобы никто не мог реалистически / Изображать социализм» [14, с. 22]. О продолжении этой темы в художественном преломлении мы будем говорить в параграфе «Образ автора».

«Бремя запрета в выборе и толковании творческого объекта, гнетущее советского писателя-неприспособленца» [8] вызывает к жизни литературно-эстетический феномен *тайнописи*. Определяя его как «приемы творческого выражения темы, которые предусматривают ее второе, не вдруг раскрывающееся, прочтение» [15, с. 112], Ржевский замечает, что сам по себе прием тайнописи не нов: «ранним примером аллюзии в русской письменности начала XVIII века могла бы служить надпись на лубочной картинке „Как мыши кота погребают“, знаменующей ликование некоторых консервативных народных групп по поводу смерти Петра I» [15, с. 113]. Прием близок к инсказанию басни, аллегории, притчи, а также и символа. С позиций литературоведения и лингвистики Ржевский исследует тайнописное в творчестве Б. Пастернака (переводы Пастернака, роман «Доктор Живаго»), Ю. Олеси (роман «Зависть»), М. Булгакова («Мастер и Маргарита»). Сопоставляя оригинальный булгаковский текст с текстом, искаженным цензурой, Ржевский подчеркивает «мотив осуждения *трусости* как структурный мотив тайнописного в романе, осуждения предательства и попустительства злу, рожденных страхом за личное благополучие» [15, с. 125]. Зоркий и вдумчивый критик, Ржевский находит тайнописное и в литературоведческих трудах, например, в книге А. Белинкова о творчестве Юрия Тынянова: и аллюзивные оценки прошлого, и «словоотбор современного типа» не должны вызывать сомне-

ний – «перед нами фрагменты авторского „запечатленного“ самовыражения» [15, с. 128].

Л. Ржевский не был скован партийными директивами в своем художественном творчестве. Тем не менее, концепт тайнописи, описанный им с позиций литературоведения, как нам представляется, получил развитие в его художественных текстах – в несколько другом аспекте: речь идет о многочисленных литературных реминисценциях, пронизывающих любую из его текстов.

3. Национальная культура и эмиграция

К середине XX века вполне оформилось противостояние двух культур – русской культуры эмиграции и советской русской культуры. Советская литература, если и упоминала литературу эмиграции, то трактовала ее не иначе как контркультуру, то есть как культуру, враждебную советской власти и родине. Эмиграция первой волны породила иную точку зрения, состоящую в признании в качестве «настоящей» только культуры эмиграции. Л. Березовая по этому поводу замечает, что «логика здесь была почти „большевистская“: поскольку в новой, советской, России нет политической и гражданской свободы, то всякая свободная духовная жизнь невозможна, а идеологизированная культура не может таковой называться. Сначала это было романтическое высказывание литератора и публициста Р. Б. Гуля: „Мы унесли Родину на подошвах своих сапог“. А потом – и позиция некоторых „непримиримых“ из числа русских эмигрантов» [2, с. 120]. Литераторы обеих сторон обычно имели тенденцию к упрощению картины литературного процесса, имевшего место в СССР. Об этой тенденции хорошо высказался Г. Адамович в своей статье «Литература в СССР» в 1938 году: «В Москве утверждают, что все русские настроения и стремления, в частности настроения и стремления литературные, проникнуты единством, потому что власть и партия в совершенной точности и чистоте выражают волю страны. В эмиграции до сих пор распространено убеждение, что разрыв между властью и страной, так сказать, абсолютен и что поэтому в советской печати подвизаются лишь лакеи или рабы, а люди, еще не окончательно утратившие самостоятельности и человеческого достоинства, оказались из нее мало-помалу исключены. По обеим формулам можно было бы написать стройную с виду „историю советской литературы“» [5, с. 28].

В 1951 году на расширенном совещании издательства «Посев» (Германия) Леонид Ржевский выступил с докладом «Национальная культура и

эмиграция», в котором суммировал и изложил литературные, литературоведческие и социокультурные проблемы эмиграции. Некоторые идеи сообщения Ржевского актуальны и по сей день в среде русской эмиграции, поэтому остановимся на основных тезисах доклада. Его пафос, возможно, лучше всего передает мысль, позднее высказанная Ржевским в «Сентиментальной повести» (1954): «Свою родину я уже не мог изображать только черно-белым, с осью, рассекающей ее на „после” и „до”. Да и не хотел. Я любил ее и „до” и „после”, а „после”, пожалуй, больше любил, потому что сам был частью этого „после”...» [19, с. 393]. Ржевский выступил категорически против непреходимой границы между русской культурой в эмиграции и русской – он настаивал на этом – русской культурой в СССР: самостоятельной советской духовной культуры не существует, а есть «традиционная культура нашего народа на том этапе его истории, который мы называем тоталитарным... Эту культуру надо знать, а не предавать анафеме, изучать, а не оставаться к ней равнодушным, свысока – всякому, кто утверждает, что осуществляет здесь, в Зарубежье, национальное культурное представительство» [12, с. 15]. Ржевский вступил в полемику с теми, кто занижает культурный потенциал советских людей: да, «программы гуманитарных вузов в СССР, в силу партийного их опустошения, во многих разделах убоги, но... косность и догма преодолеваются живой любознательностью», – авторитетно заявил Ржевский, много лет работавший до войны с советскими студентами. Состояние советских людей Ржевский охарактеризовал как «пребывание духа впроголодь», состояние, которое «обещает для будущей культуры несравненно больше, чем уютная религиозность Запада» [12, с. 14]. Заметим, что Л. Ржевский был не одинок в своем мнении о том, что национальную русскую культуру надо рассматривать как единое целое, не расчленяя ее искусственно на культуру метрополии и эмиграции. Так, В. Вейдле, убежденный в том, что «не было двух литератур, была одна русская литература двадцатого столетия», уже после войны, подводя итоги, писал: «Зарубежную Россию в целом лишь теперь, когда ей за пятьдесят перевалило, стали понемногу замечать, и зарубежную русскую литературу сопоставлять с той, что все эти полвека прозябала за колючей проволокой – лагерной или пограничной – у себя на родине. Можно, конечно, сказать, что и зарубежная, хоть и по совсем другим причинам, прозябала больше, чем цвела, но если два эти прозябания по очереди рассмотреть,

их различие взвесить, а затем одно с другим сложить, получится все же не столь безутешная картина. Вместе взятые, два прозябания все-таки ближе окажутся к цветению, чем каждое из них взятое в отдельности» [5, с. 31].

В довольно резком тоне в упомянутом докладе Л. Ржевский обрисовал тип «мансардного эмигранта» – созерцательного патриота, чей патриотизм выражается «чаще всего декоративно во внешнем оформлении его „русскости”». Такой тип Ржевский выводит и в своем романе «Между двух звезд»: «от „русского” осталась у него немножко беспорядочная доброта и легкий – в манерах и языке – налет „гусарства”; от зарубежной жизни – стилизованные в изгнании представления о советской действительности и какие-то опереточные... планы реконструкции „Святой Руси”» [19, с. 164]. Любая изоляция тупикова и неконструктивна, и другому своему герою из рассказа «Полдюжины талантов» Ржевский поручает выражение, слышанное им от одного из «подсоветских людей, переселившихся за океан: „Благодарю каждый день Бога, что унес меня из гнуснейшей России. Английского языка не знаю, русских газет не читаю принципиально. Занимаюсь огородничеством”». На это Ржевский ответил в докладе: «Логично, конечно: оторвавшемуся от культуры отечественной, не вошедшему в западную – остается только культура огородная» [12, с. 9].

Ржевский-литературовед остается мастером художественного слова и в литературной публицистике, вовлекая в речь яркую метафорику: так, говоря о послеоктябрьской русской поэзии, Ржевский утверждает: «Творчески целостно выраженных мастеров поэзии в СССР действительно нет. В этом смысле свет погас. Но погас не потому, что иссяк талант – источник света, а потому что электрики регулируют ток» [12, с. 19]. Или: «Но в целом профиль нашей эмигрантской литературы представляется мне порой в некотором роде египетским: с большим в фас поставленным глазом, устремленным по преимуществу в *прошлое*» [12, с. 25].

Не умаляя значения и художественного достоинства творений эмигрантов первой волны – И. Бунина, Н. Шмелева, Б. Зайцева, Ржевский призывал «писателей Зарубежья к переключке с тематикой литературы на нашей Родине... живой интерес к современности всегда был традицией нашей большой литературы» [12, с. 27]. Он – «за преодоление провинциализма в культурной жизни российского зарубежья...» Ржевский был убежден: «представительствовать нашу национальную

культуру не значит оплакивать ее прошлое или отталкиваться от ее настоящего, а значит *бороться за ее будущее*» [12, с. 30].

4. Исследования, посвященные творчеству отдельных писателей и поэтов

По кругу писателей и поэтов, творчество которых было предметом литературно-критического разбора Ржевского, можно судить о литературоведческих, философских и эстетических позициях самого Ржевского. Такими авторами стали как признанные классики русской литературы – Ф. Достоевский, А. Пушкин, так и писатели XX века, среди которых были и советские поэты и прозаики (И. Бабель, Б. Пастернак и др.), и литераторы первой и второй волн эмиграции – И. Бунин, И. Елагин, Н. Моршен, Р. Гуль, Г. Газданов, А. Ремизов, Д. Кленовский, В. Максимов, А. Седых, Тэффи и др.

При знакомстве с литературоведческими трудами Ржевского обращает на себя внимание, в первую очередь, присущее критику стремление к объективности при обращении к творчеству различных писателей; эту черту отметил в нем Е. Эткинд, обозначив ее как «благородство объединителя»: «В ту пору было... принято считать, что Восток и Запад, метрополия и эмиграция противостоят друг другу как силы враждебные, исполненные взаимной ненависти. В Москве они [эмигранты] считались предателями, литературными власовцами... о советских писателях [говорили] – как о профессиональных лжецах, холуях преступного режима, продажных шелкоперах. Леонид Ржевский со спокойной вдумчивостью обсуждает литературный процесс; с уважением и часто благодарностью пишет он о Бабеле, Эренбурге, Белле Ахмадулиной, Паустовском, Багрицком и многих других писателях советской литературы... для него место проживания и даже партийность не определяют художественного уровня» [21, с. 6].

Большая часть работ Ржевского посвящена творчеству Ф. Достоевского. В сборнике «Три темы по Достоевскому» (1972) критик выносит на обсуждение такие вопросы, как «Мотив жалости в поэтике Достоевского», «Мистерия соблазна у Достоевского», «Язык романа „Бесы“ и образ автора». Имя Достоевского, реминисценции из его творчества – почти в каждом художественном тексте Ржевского, а в последнем романе – «Бунте подсолнечника» (1981) – Достоевский оказывается фактически героем этого философского по своей проблематике произведения.

Анализируя творчество А. Чехова, Ржевский видел главным в его поэтике «синтетизм мироощущения». Под этим определением он подразумевал «сложную противоречивость жизни, слиянность в ней до нерасчленимости светлого и мрачного...» [11, с. 82]. Значительная часть работ Ржевского-литературоведа также посвящена И. Тургеневу, М. Булгакову, Б. Пастернаку, А. Солженицыну, И. Бабелю, Л. Толстому и др.

Нельзя обойти стороной поэтическую часть литературоведческого интереса Ржевского. Ржевскому принадлежат оригинальные конструктивные разборы поэзии не только эмигрантов И. Елагина, Д. Кленовского, но и советских поэтов – Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского. В работе «„Звоны“ и строфы в современной русской поэзии» на материале поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, И. Елагина, Н. Моршена, И. Чиннова, Д. Кленовского и др. критик рассматривает действие «звуковой инструментовки текста», т.е. аллитераций и ассонансов, которые Ржевский называет «звонами». Он предлагает деление звонов: 1) звоны-имитации; 2) звоны-метафоры; 3) звоны-структуры [11, с. 194-212].

Вопросами интертекстуальности – концептом, введенным в научный обиход в середине XX века и разработанным постструктуралистами Р. Бартом, Ю. Кристевой [1; 7; 22], – Л. Ржевский прямо не занимался, но среди его работ можно найти такие, которые связаны с этим понятием. При этом он, внимательный исследователь, находит не всегда очевидные критикам его времени литературно-творческие связи. В статье «Об одной творческой преемственности» Ржевский пишет о переключках в творчестве Достоевского и Пушкина: «пушкинской светлостью и гармонией Достоевский был впечатлен на всю жизнь, к ней – недостижимо – стремился...» [11, с. 57] Пушкин откликнулся в Достоевском в первом же романе «Бедные люди»: образ Макара Девушкина, по мнению Ржевского, коррелирует с образом пушкинского Самсона Вырина, а не гоголевского Акакия Акакиевича. Ржевский находит и переключки в речевом строе писателей: например, он сравнивает два зимних пейзажа, сопутствующих переживаниям героев, из «Пиковой дамы» и «Записок из подполья» [11, с. 61].

Стиль И. Бабея – 1) щедрость и патетика красок, 2) ироничное отношение автора к объекту повествования – Ржевский связывает с «плеядой мастеров слова», которую дала советской литературе Одесса в 20-30-х годах: Э. Багрицкий, В. Инбер, И. Ильф и Е. Петров, В. Катаев [14,

с. 76]. В творчестве Е. Евтушенко и А. Вознесенского критик усматривает следы влияния поэтики И. Елагина [17]. В работе, посвященной роману «Доктор Живаго», Ржевский проводит параллели «Пастернак–Блок», «Пастернак–Рильке». Иногда замечания о литературных реминисценциях делаются «мимоходом»: так, в работе о «Докторе Живаго» Ржевский соотносит сказовую стилизацию заговора Кубарихи, «перерастающего постепенно из собственно заговора в своеобразный трактат о колдовстве», со стилем А. Ремизова [14, с. 145].

Литературный и литературоведческий опыт Ржевского, безусловно, наложил отпечаток на его художественную прозу и в плане создания множества интертекстуальных связей с литературной традицией прошлого [4], а потому при исследовании художественной прозы Л. Д. Ржевского необходимо постоянно иметь в виду «что исследуемый художественный материал – произведения писателя-филолога, кандидата филологических наук, в совершенстве владеющего всем богатством аналитического аппарата – как отечественного, так и зарубежного» [3, с. 5].

Библиографический список

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Текст] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М.: МГУ, 1987.
2. Березовая, Л. Г. Культура русской эмиграции (1920-30-е гг.) [Текст] // Новый исторический вестник. – 2001. – № 3.
3. Коновалов, А. А. Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского) [Текст] / А. А. Коновалов. – М., 2000.
4. Коновалов, А. А. Художественный мир Л. Д. Ржевского: проблемы поэтики и эстетики [Текст] / А. А. Коновалов. – М.: «Прометей» МПГУ, 2004.
5. Критика Русского зарубежья [Текст] в 2-х т.: Т. 1 / сост., прим., преамбулы О. Коростелева, Н. Мельникова. – М., «Олимп», 2002.
6. Осипова, Л. Т. Явное рабство и тайная свобода [Текст] / Л. Т. Осипова. – Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1960.
7. Ржанская, Л. П. Интертекстуальность. Возникновение понятия. Об истории и теории вопроса [Текст] // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002.
8. Ржевский, Л. Д. Главное направление [Текст] // Новое русское слово. – 1982.
9. Ржевский, Л. Д. Живое и мертвое слово: (очерки) [Текст] // Грани. – 1949. – № 5.
10. Ржевский, Л. Д. Зашифрованный термин (о существе социалистического реализма) [Текст] // Новый журнал. – 1981. – № 145.
11. Ржевский, Л. Д. К вершинам творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Нью-Йорк: Univ. Press, 1970.
12. Ржевский, Л. Д. Национальная культура и эмиграция: Доклад, прочитанный на расширенном совещании «Посева» 7-12 сентября 1951 г. в г. Лимбурге [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952.
13. Ржевский, Л. Д. Про себя самого: (Автобиография) [Текст] // Грани. – 1987. – № 144.
14. Ржевский, Л. Д. Прочтение творческого слова: литературные проблемы и анализы [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Нью-Йорк: New York University Press, 1970.
15. Ржевский, Л. Д. Тайнописное в русской послеоктябрьской литературе [Текст] // Новый журнал. – 1970. – № 98.
16. Ржевский, Л. Д. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972.
17. Ржевский, Л. Д. Черты эмигрантской литературы послевоенного времени [Текст] // Новое русское слово. – 1983.
18. Ржевский, Л. Д. Язык и тоталитаризм [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Мюнхен: Изд-во Института по изучению СССР, 1951.
19. Ржевский, Л. Д. Между двух звезд [Текст] / предисл. В. Синкевич, послеслов. В. Агеносова. – М.: Терра-спорт, 2000.
20. Синкевич, В. Леонид Ржевский – писатель и человек [Текст] / В. Синкевич. – М.: Терра-спорт, 2000.
21. Эткинд, Е. Е. Благородство объединителя [Текст] // К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики. – Норвич, 1990.
22. Kristerva, J. Revolution in poetic language. – New York: Columbia Univ. Press, 1984.

Reference List

1. Bart, R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvoatel'nyh tekstov = Introduction to structural analysis of narrative texts [Tekst] // Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, jesse. – M.: MGU, 1987.
2. Berezovaja, L. G. Kul'tura russkoj jemigracii (1920-30-e gg.) = Culture of Russian emigration (1920-30-s) [Tekst] // Novyj istoricheskij vestnik. – 2001. – № 3.
3. Konovalov, A. A. Tvorcheskij put' L. D. Rzhhevskogo (Surazhevskogo) = Creative way of L. D. Rzhhevsky (Surazhevsky) [Tekst] / A. A. Konovalov. – M., 2000.
4. Konovalov, A. A. Hudozhestvennyj mir L. D. Rzhhevskogo: problemy pojetiki i jestetiki = Art world of L. D. Rzhhevsky: problems of poetry and aesthetics [Tekst] / A. A. Konovalov. – M.: «Prometej» MPGU, 2004.

5. Kritika Russkogo zarubezh'ja = Criticism of the Russian abroad [Tekst] v 2-h t. : T. 1 / sost., prim., preambuly O. Korosteleva, N. Mel'nikova. – M., «Olimp», 2002.
6. Osipova, L. T. Javnoe rabstvo i tajnaja svoboda = Explicit slavery and secret freedom [Tekst] / L. T. Osipova. – Mjunhen : Izd. COPJe, 1960.
7. Rzhanskaja, L. P. Intertekstual'nost'. Voznikovenie ponjatija. Ob istorii i teorii voprosa = Intertextuality. Origin of the concept. On history and theory of the question [Tekst] // Hudozhestvennye orientiry zarubezhnoj literatury XX veka. – M. : IMLI RAN, 2002.
8. Rzhevskij, L. D. Glavnoe napravlenie = Main direction [Tekst] // Novoe russkoe slovo. – 1982.
9. Rzhevskij, L. D. Zhivoe i mertvoe slovo: (ocherki) = Living and dead word: (essays) [Tekst] // Grani. – 1949. – № 5.
10. Rzhevskij, L. D. Zashifrovannyj termin (o sushhestve socialisticheskogo realizma) = Coded term (about the creature of socialist realism) [Tekst] // Novyj zhurnal. – 1981. – № 145.
11. Rzhevskij, L. D. K veršinam tvorcheskogo slova: Literaturovedcheskie problemy i analizy = To the tops of the creative word: literary problems and analyses [Tekst] / L. D. Rzhevskij. – N'ju-Jork : Univ. Press, 1970.
12. Rzhevskij, L. D. Nacional'naja kul'tura i jemi-gracija: Doklad, pročitannyj na rasshirennom soveshhanii «Poseva» 7-12 sentjabrja 1951 g. v g. Limburge = National culture and emigration: a report read at the extended meeting of «Posev» on September 7-12, 1951 in Limburg [Tekst] / L. D. Rzhevskij. – Frankfurt-na-Majne : Posev, 1952.
13. Rzhevskij, L. D. Pro sebja samogo: (Avtobiografija) = About himself: (Autobiography) [Tekst] // Grani. – 1987. – № 144.
14. Rzhevskij, L. D. Prochten'e tvorcheskogo slova: literaturnye problemy i analizy = Reading of the creative word: literary problems and analyses [Tekst] / L. D. Rzhevskij. – N'ju-Jork : New York University Press, 1970.
15. Rzhevskij, L. D. Tajnopisnoe v russkoj posleoktjabr'skoj literature = Secretly written in Russian post-October literature [Tekst] // Novyj zhurnal. – 1970. – № 98.
16. Rzhevskij, L. D. Tvorec i podvig: Oчерki po tvorčestvu Aleksandra Solzhenicyna = Creator and feat: Essays on the work of Aleksandr Solzhenitsyn [Tekst] / L. D. Rzhevskij. – Frankfurt-na Majne : Posev, 1972.
17. Rzhevskij, L. D. Cherty jemigrantskoj literatury poslevoennogo vremeni = Features of immigrant literature of post-war times [Tekst] // Novoe russkoe slovo. – 1983.
18. Rzhevskij, L. D. Jazyk i totalitarizm = Language and totalitarianism [Tekst] / L. D. Rzhevskij. – Mjunhen : Izd-vo Instituta po izucheniju SSSR, 1951.
19. Rzhevskij, L. D. Mezhdv dvuh zvezd = Between two stars [Tekst] / predisl. V. Sinkevich, posleslov. V. Agenosova. – M. : Terra-sport, 2000.
20. Sinkevich, V. Leonid Rzhevskij – pisatel' i čelovek = Leonid Rzhovsky – writer and man [Tekst] / V. Sinkevich. – M. : Terra-sport, 2000.
21. Jetkind, E. E. Blagorodstvo ob#edinitelja = Nobility of the unifier [Tekst] // K veršinam tvorcheskogo slova: Literaturovedcheskie stat'i i otkliki. – Norvich, 1990.
22. Kristerva, J. Revolution in poetic language. – New York : Columbia Univ. Press, 1984.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.11.2019
Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

Журналистика

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10591

УДК 070.15

З. А. Милославская

<https://orcid.org/0000-0003-0580-2371>

Тенденции развития российских медиа в десятилетней перспективе

Целью данной статьи является анализ тенденций развития современных российских средств массовой коммуникации – включающих традиционные медиа, новые медиа и социальные сети – с позиций оценки качества их контента. Предметом исследования выбран медиатекст российских медиа, условно разделенных для удобства исследования на две категории: финансируемые из государственного бюджета и имеющие негосударственные источники финансирования. Сформулированы критерии анализа контента: интеллектуальность, способность обогащать потребителя познавательной-образовательной информацией, безопасность – нетравматичность – для аудитории. Перечислены конкурентные преимущества различных типов современных российских медиа, а также основные угрозы для аудитории, исходящие от их продукта. Среди основных угроз выделены следующие: манипулирование аудиторией, в том числе через фальсификацию информации; кибербуллинг и его подвид троллинг в социальных сетях; формирование зависимостей от контента традиционных и новых медиа и социальных сетей; падение интеллектуальной ценности медиаматериалов. Сделана попытка прогнозирования дальнейшего развития российских медиа в следующих направлениях: объективность информации и вероятность отказа от манипулятивных практик, интеллектуальность медиaproдукта и его вероятное разнообразие – в том числе наличие новых тем. Выдвинуты следующие предположения: существует вероятность увеличения доли фейковой информации и применения манипулятивных практик; наиболее интеллектуальный и безопасный контент, вероятно, будет сконцентрирован в неполитических проектах; в журналистике ожидается появление новых тем как ответ на вызовы современного мира и появление новых профессий.

Ключевые слова: медиаконвергенция, полимедиа, соцсети, медиатекст, постжурналистика, инфотейнмент, экотекст, фейк, кибербуллинг, троллинг, манипулирование, постправда.

Journalism

Z. A. Miloslavskaya

Trends in the development of Russian media in the 10-year perspective

This paper analyzes the development trends of modern Russian mass media – including traditional media, new media and social networks – from the standpoint of assessing the quality of their content. The subject of the study was the media text of Russian media, conveniently divided into two categories for the benefit of this research: the media financed by the government budget and the one having non-government sources of funding. The criteria for analyzing content are formulated as follows: intellectual value, the ability to enrich the consumer with educational information, safety (no harm) for the audience. The competitive advantages of various types of modern Russian media are listed, as well as the main threats to the audience emanating from their product. Among the main threats are the following: manipulation of the audience, including falsification of information; cyberbullying and its subcategory, trolling, in social networks; the formation of dependencies on the content of traditional and new media and social networks; decline in the intellectual value of media materials. An attempt was made to predict the further development of Russian media in the following areas: objectivity of information and the likelihood of abandoning manipulative practices, the intelligence of the media product and its likely diversity – including the availability of new topics. The following assumptions were put forward: there is a possibility of an increase in the share of fake information and in the use of manipulative practices; the most intelligent and secure content is likely to be concentrated in non-political projects; new topics are expected in journalism as an answer to the challenges of the modern world and the emergence of new professions.

Keywords: media convergence, polymedia, social networks, media text, post-journalism, infotainment, ecotext, fake, cyberbullying, trolling, manipulation, post-truth.

Бурная трансформация современных российских медиа находится в фокусе внимания не только исследователей, но и самих журналистов [21], а также той части аудитории, которая способна анализировать процесс и последствия перехода представителей журналистской профессии от традиционной модели работы с фактом и мнением к постжурналистским форматам [13, 14, 32], предполагающим в том числе использование медиа *как инструмента* для широкого круга целей. С одной стороны, возможности так называемых «полимедиа» – всей совокупности медиа в средствах массовой коммуникации (СМК) [9, с. 336] – обогащают медиополе, способствуя созданию разнообразного и удерживающего внимание контента, который поставляется оперативно и доступен всем. С другой стороны, этот контент – медиатекст (совокупность всех текстов в СМК в широком, семиотическом, смысле, независимо от технологического формата и жанра) – не всегда можно назвать *качественным*, а именно:

а) интеллектуальным (образовательно-познавательным, расширяющим кругозор), так как пользователь зачастую не готов потреблять продукт инфотейнмента – способа подачи информационно-аналитического содержания в игровой форме, служащего для повышения рейтинга СМИ;

б) безопасным (экологичным текстом, «экотекстом» [11, с. 44-47], относящимся к «экодискурсу» [3, с. 83]), так как медиополе изобилует «токсичным» продуктом: фейковой информацией; агрессивными и манипулятивными материалами; возможностями, вызывающими зависимости (несмотря на спор исследователей, от чего именно мы зависим – от самой технологии или от продукта/ услуги, получаемых с её помощью [27, с. 234]).

На фоне очевидного перелома в журналистской профессии, связанного как с трансграничными причинами – глобальным процессом медиаконвергенции, так и с причинами национальными – политическими и экономическими кризисами, становится актуальным вопрос, как может выглядеть российская журналистика в десятилетней перспективе, с учетом общемировых тенденций. Позволим себе попытку прогноза возможной трансформации медиапродукта, проанализировав предварительно его качество в различных типах медиа. Для этих целей условно разделим медиа на две категории: зависимые от государства и так называемые «свободные». К катего-

рии зависимых от государства отнесем медиа, полностью или частично финансируемые из бюджета страны, к «свободным» – те, которые финансируются негосударственным инвестором (частные СМИ и соцсети). Кратко рассмотрим особенности контента этих «игроков» российского медиополя. Критериями качества будем считать: наличие интеллектуальной составляющей в материале; взвешенную авторскую позицию, выраженную в стремлении к максимальной объективности; применение редакционного фактчекинга и/или разумной модерации пользовательского контента, обусловленное желанием производить нетравматичный медиапродукт.

Государственные медиа

Государственные телеканалы, радиостанции, газеты, журналы (а также их онлайн-версии), финансируемые из госбюджета и зависимые от медиapolитики государства, традиционно вызывают ряд нареканий со стороны тех, кто исследует аксиологическую состоятельность их контента. Исследователи отмечают:

– падение интеллектуальной ценности материалов: подачу в расчете на очень среднего потребителя и ставку на скандальность, приносящую рейтинг [8, с. 25-27];

– манипулирование аудиторией, служащее задаче построения стабильности в обществе, но отнимающее у аудитории право на свое видение [2, с. 40-41] – проблема, следующая из того, что ключевые медиа в мире становятся неотъемлемой частью властных структур [30, с. 95-96].

Анализируя *содержание* этих медиа, отметим преобладание контента, рассчитанного на развлечение, на эмоции и игру на инстинктах: обилие скандальных и «жёлтых» телевизионных ток-шоу («Пусть говорят», «На самом деле», «Давай поженимся», «Мужское/Женское»); шокирующих «подробностей» политических конфликтов («Право голоса», «Вечер с Владимиром Соловьевым», информационные выпуски). Отмечая небезопасную *форму* подачи материала, необходимо упомянуть три основные угрозы:

– фальсификацию информации – т. н. «фейк-ньюз», источники которых сегодня называют «антиисточниками» [6, с. 71];

– психологическое насилие – кибербуллинг и, в особенности, его подвид троллинг: перманентное провоцирование медийными героями друг друга (здесь мы имеем в виду именно *деструктивную* форму троллинга как вида провокатив-

ного поведения, а не игровую [5, с. 85], к которой, вероятно, могут быть отнесены даже некоторые виды агонального дискурса – например, реп-батл [17, с. 205-206]);

– формирование зависимостей: например, синдром «застывшего взгляда» [12, с. 7-12] – феномен подавления воли телезрителя, его неспособность оторваться от экрана под воздействием телевизионной картинке с последующей потерей способности критически воспринимать информацию.

Осмысляя эти угрозы, необходимо более подробно остановиться на феномене «фейкньюз» – предмете бурных дискуссий в развитых странах. Здесь хочется заострить внимание на способах фальсификации информации, способствующих формированию т. н. «постправды» [4, с. 186-188], а именно – на трех «цехах» «фабрики фейков», производящих родственные «продукты»: фальсифицированную новостную повестку; фальсифицированные новости/информацию; виртуальных медийных персонажей. Фальсификация повестки сегодня по-прежнему достигается в основном тремя классическими приемами:

– «Перекрытый вентиль» – информационная блокада какой-либо темы: например, блокада рядом СМИ информации о митингах в Москве, о числе задержанных и манере обращения с ними.

– «Односторонний негативный / позитивный вентиль» – сугубо негативная или сугубо позитивная подача информации: например, особенности освещения текущего российско-украинского конфликта, причем с обеих сторон.

– «Открытый вентиль» – потопление нежелательного факта в море незначительных подробностей: например, освещение расследования убийства оппозиционного политика Бориса Немцова [16, с. 46-47].

Что касается фальсификации информации, то для этого существует целый арсенал приемов, часть из которых широко применима в процессе информационных войн [22, с. 196-197]: преподнесение полуправды, создание ярлыков и эксплуатация стереотипов, использование некачественных социологических данных и т. д.. Фальсификация медиаперсонажей – менее распространенное явление, но, безусловно, опасное. Вопреки бытующему убеждению, фейковые герои – виртуальные и полувиртуальные конструкции – используются не только в политике: шаблоны для их создания разнятся в зависимости от целей создателей [10, с. 89-90, 96-99].

Формулируя промежуточные выводы о качестве продукта медиа, полностью или частично финансируемых из государственного бюджета, можно резюмировать следующее. Отмечая сильные стороны, упомянем высокое качество технологических платформ, дорогой дизайн, периодическое появление содержательных экспертов, не подходящих под расхожее определение «говорящая голова» (например, филолог Мария Штейнман, японист Дмитрий Стрельцов), а также наличие отдельных качественных проектов – в первую очередь, речь о документальном и художественном кино, также, согласно типологии, относящемся к медиатексту. Своей долгой жизнью и популярностью у зрителя известны такие документальные проекты, как, например, «Ржев: Неизвестная битва Георгия Жукова» (НТВ, 2009), «Брест. Крепостные герои» (НТВ, 2010) и др. Добротные художественные сериалы на литературной или исторической основе, создаваемые по заказу мультимедийных холдингов, – давняя хорошая традиция: например, Первый канал – «Дело гастронома номер 1» (2011), «Троцкий» (2017); Россия-1 – «Мастер и Маргарита» (2005), «Ликвидация» (2007), «Бесы» (2014).

Переходя к анализу информационно-аналитической составляющей, сформулируем основное нарекание исследователей: государственные медиа – аудио-визуальные, в первую очередь – дают аудитории достаточно конкретную, черно-белую, картину мира, отвечающую подсознательным запросам большинства, обусловленным так называемыми «когнитивными ловушками» – эволюционными чертами человеческой психики, позволяющими манипулировать человеком [16, с. 30-33]. Визуальность, главенство образа над словом – основное оружие современной т. н. «шоу-цивилизации» [6, с. 71] – дает широкие возможности для использования медиа в целях влияния на аудиторию. Констатация факта вредности влияния фейковых и/или манипулятивных материалов на человеческую психику стала общим местом работ по аксиологии журналистики и медиаэкологии. Исследователи констатируют процесс девальвации факта как такового, погружение пользователя в среду «постправды» – сознательного пренебрежения фактической информацией, полного отрыва от нее [7, с. 132], следствием чего является создание эмоциональной реальности. Постправда расценивается не как ложь, а как другая реальность, в которой эмоции по поводу фактов стоят выше самих фактов [29, с. 4]. (Причем некоторые западные исследователи,

например, полагают, что эра постправды началась задолго до того, как мы осознали этот феномен, и отсылают в его изучении к агнотологии – науке об игнорировании знаний [33, с. 7.] Сталкивание человека в поле эмоциональных оценок с полюсами «плохо» / «хорошо» лишает его способности критически мыслить. Справедливости ради отметим, что среди причин появления фейков не только редакционная политика СМИ, не только потребность любого развитого государства в пропаганде своих идей (в этой модели журналисты рассматриваются как «агенты пропаганды» [31, с. 173]), но и организационно-технические проблемы. Например: постоянная спешка журналистов в погоне за оперативностью и рейтингом, «бег наперегонки» с технологиями и «коллективным автором», а также зачастую нежелание глубоко изучать освещаемую проблему. В заключение промежуточного вывода уточним: в научной литературе еще нет жестких разграничений между несколькими родственными понятиями, соотносящимися, например, как цель и средство или как частное и общее, – «пропаганда», «постправда», «фейкньюз». Для ряда исследователей граница между ними проведена жестко [25, с. 1100-1101], а другие отмечают их взаимозаменяемость [24].

«Свободные» медиа

Вторую категорию медиа – их сегодня негласно именуют «свободными» (речь об условной свободе, конечно, так как у любого медиа есть владелец и редакционная политика) – вероятно, можно условно разделить на две части:

– Медиа, финансируемые негосударственным инвестором, – традиционные и новые. Например: издания ИД «Коммерсантъ» (газета, журналы, сайт, тематические приложения), «Ведомости», «Forbes», порталы «Медуза», «Арзамас», «ПостНаука». Отдельно отметим «умирающие» проекты – некогда содержательные и интеллектуальные, но теряющие свои позиции сегодня: такие как сетевые (теперь) «Известия», в прошлом качественное онлайн-издание «Газета.ру».

– Социальные сети.

Упомянутые качественные негосударственные медиа (за исключением «умирающих»), отличаются разнообразием тем, высоким качеством контента, добротным фактчекингом. Альтернативные – «Медуза», например – обыкновенно восполняют «слепые» зоны, оставленные другими СМИ: непривычными точками зрения, «свежими» экспертами и темами. Однако заметим, что в период политических обострений в июле-августе

2019 года в Москве портал «Медуза» резко сузил охват тем, сфокусировавшись на протестной тематике и практически игнорируя другие события. 27 июля и 3 августа 2019 г. наглядным было сопоставление пяти первых новостей на порталах «Медуза» и «Газета.ру»: на «Медузе» была исключительно протестная тематика, а «Газета.ру» не содержала ни одного упоминания о московских событиях. В целом же, абстрагировавшись от радикализации дискурса в отдельных СМИ, вероятно, можно сказать, что качественные негосударственные медиа – «сегмент надежды» для будущей российской журналистики. Деловые издания высоко ценят свою репутацию и всерьез относятся к процедуре фактчекинга. Издания научно-популярные, просветительские удачно экспериментируют с форматом контента и с выбором тем, специализируясь на производстве образовательнопознавательных материалов. Вкупе это создает условия для передачи лучших журналистских традиций и способствует выживанию той журналистики, которую западные исследователи называют «good journalism» и «great journalism» [28].

Если еще 1-2 года назад можно было размышлять о том, как социальные сети дополняют информационную картину и частично дублируют основные события, то сегодня всё очевидней становится их уход в сторону формирования собственного контента – повседневная жизнь пользователей соцсетей становится важнее тех событий, которые принято считать социально значимыми. Однако функцию заполнения пустот, которые образуются в различных СМИ в силу редакционной политики и цензурных соображений, соцсети, конечно же, по-прежнему выполняют. Их безусловные преимущества как полноправных участников глобального медийного процесса заключаются в том, что:

– соцсети являются пространством многофункционального креолизованного медиатекста: их контент разнообразен, креативен и относительно свободен (не в значении «объективен», а в значении – «неподцензурен с точки зрения позиции»);

– соцсети – это сфера бытования «коллективного автора», и мы можем видеть массу новых точек зрения и персон, которые не имели бы шанса появиться в классическом СМИ (особо отметим такой опыт, как Telegram-каналы, предоставлявшие в том числе и крайне разнообразный, качественный и разумно сегментированный контент [15, с. 326-327]);

– соцсети оперативны: в них возможна мгновенная коммуникация и еще более оперативная доставка информации, чем в сетевых медиа.

Сильные стороны соцсетей неизбежно компенсируются слабыми, несущими угрозу пользователю:

– наличием т. н. «информационных пузырей», замыкающих пользователя в среде схоже мыслящих людей и ограничивающих информационный горизонт;

– слабой модерацией или её отсутствием, на почве чего изобилует фейковая информация, развиваются такие опасные для психического и физического здоровья явления, как кибербуллинг (исследователи сегодня выделяют явление «буллизм» – попытка покончить с собой под влиянием сетевой травли [1, с. 155]);

– возможностью наблюдать за чужой жизнью (что для пользователей зачастую интересней, чем проживать собственную жизнь), которая способствует появлению зависимости от сетевого контента с ярко выраженными психологическими и физиологическими симптомами и последствиями: тревога, депрессия, страх, боли в спине, потеря веса, бессонница и т. д. [26];

– предоставлением площадки для очень простого личного PR, что чревато формированием другого вида аддиктивного поведения со схожими последствиями, PR-аддикции – зависимости человека от медиатекста, посвященного ему самому (посты и бесчисленные селфи).

Формулируя промежуточный вывод о состоянии т. н. «свободных» медиа, отметим, что это динамично развивающийся сегмент медиаполя. Негосударственные медиа, традиционные и сетевые, ориентированы на создание максимально разнообразного делового, общественно-политического, образовательного контента; они в большинстве своем ответственно относятся к фактчекингу и всё чаще делают ставку не на кликабельность материала, а на его прочтение / просмотр до конца – то есть на качество [23]. Примечательно, что даже партнерские материалы, предполагающие PR-составляющую, в качественных медиа отвечают требованиям «экологичности». Кроме того, применительно к этой категории медиа часто можно говорить о наличии журналистской традиции, профессиональной школы («школа «Коммерсанта» например, «школа «Русского репортера» и т. д.). Социальные сети и видеохостинги, как ни странно, также способствуют формированию традиции – именно здесь нашла своё продолжение качественная авторская журналистика (Леонид Парфенов, Алексей Пивоваров, Юрий Дудь).

Переходя к попытке прогнозирования, постараемся сформулировать ключевые вопросы относительно будущего российской медиасреды и попытаться ответить на них.

Вопрос первый: станет ли медиапродукт более объективным – сократится ли в медиа доля манипулирования мнением пользователя и доля недостоверной информации? Опыт развитых стран показывает, что любое сильное государство использует медиаканалы – особенно аудиовизуальные – для формирования лояльности общества. С манипулированием можно столкнуться не только в СМИ, но и в соцсетях, где очевидны два параллельных процесса: манипуляция пользователем «сверху» (т. н. «фабрики троллей») и попытки пользователей манипулировать друг другом. Этому процессу использования манипулятивных техник и распространения недостоверной информации, вероятно, можно противопоставить медиаграмотность: учить пользователя видеть манипуляции и фальсификации, осознанно искать и анализировать информацию различной политической направленности, что будет способствовать выходу из «информационных пузырей». Доля фейковой информации, вероятно, также не имеет перспективы снижения – интернет-пространство становится всё шире, а заинтересованных сторон всё больше. Пока медиасфера воспринимается как поле для реализации собственных интересов, скорее всего, ставка на фактчекинг останется личным выбором сообществ и редакций. Кроме того, повышающийся темп производства информации вкупе с отказом от бумажного носителя неизбежно приводит к росту ненамеренных ошибок, которые также относятся к категории фейков.

Вопрос второй: станет ли медиатекст более состоятельным аксиологически, более «экологичным» – не травмирующим и обогащающим пользователя. Что касается СМИ, то основные аксиологические надежды связаны, вероятно, с неполитическими проектами. Здесь стоит вспомнить появление и поступательное развитие сетевых проектов, ориентированных на производство образовательно-познавательного контента: Арзамас, Постнаука, N+1 и т. п.. Вероятно, рост этого сегмента сможет компенсировать «токсичный» контент, существующий как в поле государственных и негосударственных (но политически ориентированных) медиа, так и в открытых для «коллективного автора» соцсетях. Параллельный процесс «экологизации» медиатекста прослеживается в трансформации пользовательского контента: его индивидуализация способствует появлению по-

знавательной-образовательной информации – любительских рецензий, рекомендаций в разных сферах культуры, увлекательных путеводителей, иногда допускающих элементы рекламы, но оттого не менее состоятельных аксиологически. В соцсетях и в СМИ, очевидно, продолжит развиваться и формат PR-журналистских – партнерских – материалов: информационно-познавательных, балансирующих на стыке интересов субъекта PR и пользователя медиатекста. Немаловажно, на наш взгляд, что потребителем медиапродукта сегодня становится поколение Z, при потреблении как таковом руководствующееся и этическими соображениями [19], соответственно, можно гипотетически допустить изменение структуры пользовательского спроса на медиапродукт.

Вопрос третий, логически связанный с предыдущим: появятся ли в медиа новые темы? Вероятно, этого можно ожидать – во всяком случае, в сегменте развития технологий. Известно, например, что исследователи во всем мире прогнозируют новые вызовы и как ответ на них – появление новых профессий на рынке труда, что, с высокой вероятностью, найдет отражение в медиаполе. Если предположить, что эти вызовы и профессии станут нашим настоящим через несколько лет, то, вероятно, стоит ожидать появления новых тематических ниш в медиа, к работе в которых можно готовиться уже сегодня. Отметим некоторые из них:

– в области науки: биология, генетика (диетическая генетика, генетическая психология, генетическая косметология, спортивная генетика, генетические соцсети – подбор партнера по генетическому паспорту) [34, с. 45-52];

– в области высоких технологий: робототехника (и, возможно, сопутствующая ей социальная тема безработицы под натиском технологий); 3D-печать; новые материалы, улучшающие качество привычных вещей [18];

– индустрия игр [20].

В связи с такими прогнозами, возможно, есть надежда на рост запроса на «научпоп» – научно-популярные журналистские, публицистические, кинематографические произведения – пусть и в современном инфотейнмент-формате.

В целом же, вероятно, стоит ожидать продолжения интеграции в медиаполе разных типов словесного и несловесного творчества – журналистики, PR, рекламы, медиатекстов культуры и искусства. Причем постоянная трансформация глобального медиатекста – результат не только внутренних слияний, но и влияния извне, со стороны

«коллективного автора», также несущего ответственность за качество медиа.

Библиографический список

1. Бенгина, Е. А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка [Текст] / Е. А. Бенгина, С. А. Гришаева // Вестник университета. – 2018. – № 2. – С. 153-157.
2. Буренко, В. И. Сознательное и бессознательное в политике (Платон и «пещерные люди») [Текст] / В. И. Буренко // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2018. – № 3. – С. 34-46.
3. Верещагин, О. А. Экодискурс и его номологические корреляты в социогуманитаристике [Текст] / О. А. Верещагин // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2018. – № 3 (27). – Т. 2. – С. 76-86.
4. Гарбузняк, А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе [Текст] / А. Ю. Гарбузняк // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1. – С. 184-192.
5. Дускаева, Л. Р., Коняева, Ю. М. Троллинг в русскоязычных медиа [Текст] / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2017. – № 5. – С. 84-100.
6. Ильченко, С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики [Текст] / С. Н. Ильченко // Гуманитарный вектор. – 2018. – № 5. – Т. 13 – С. 70-76.
7. Котова, Н. С., Дусян, С. С. Феномен «фейка» в политическом дискурсе эпохи «постправды» [Текст] / Н. С. Котова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 2. – С. 130-135.
8. Короченский, А. П. Гибридизация медиатекстов как тенденция современных СМК [Текст] / А. П. Короченский // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации : матер. междунар. науч.-практ. конф. – Ростов-н/Д., 2014. – С. 25-28.
9. Мадьяну, М., Миллер, Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении [Текст] / М. Мадьяну / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 1. – С. 334-356.
10. Милославская, З. А. Современный текст средств массовой коммуникации в аспекте аксиологии журналистики [Текст] / З. А. Милославская. – М., 2018. – 222 с.
11. Милославская, З. А. «Экотекст» как тип глобального медиатекста [Текст] / З. А. Милославская // Журналистика – вызовы времени : сб. науч. ст. кафедры журналистики и медиакоммуникаций / под ред. Т. Н. Владимировой, В. А. Славиной, Н. В. Кодола. – М. : МПГУ, 2018. – 84 с. – С. 44-48.
12. Пацлаф, Р. Застывший взгляд: Физиологическое воздействие телевидения на развитие детей [Текст] / Р. Пацлаф – М. : Evidentis, 2011. – 224 с.

13. Почепцов, Г. Г. Постжурналистика: новые реалии XXI века [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов // Глубинная психология. Учения и методики. – URL: <https://www.psyoffice.ru/8973-17-333.html>
14. Почепцов, Г. Г. Постжурналистика в современном мире [Электронный ресурс] / Г. Г. Почепцов // Глубинная психология. Учения и методики. – URL: <https://psyfactor.org/lib/postjournalism2.htm>
15. Солдаткина, Я. В. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров [Текст] / Я. В. Солдаткина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2018. – № 3. – Т. 23. – С. 323-330.
16. Соловей, В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования [Текст] / В. Д. Соловей. – М.: «ЭКСМО», 2015. – 135 с.
17. Степанов, В. Н., Болотова С. К., Леонова, А. Р. Жанрово-стилистические признаки рэп-батла [Текст] / В. Н. Степанов // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 204-210.
18. Сухова, С. Россия не выучила урок компьютерной эпохи. Что такое закрывающие технологии и чем они опасны [Электронный ресурс] // Огонёк. – № 16. – 2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3953643?from=main_ogoniok
19. Хвостик, Е. Люди Зет выходят на тропу потребления [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3960595?from=main_5
20. Черных, А., Миронова К. В будущем возьмут не всех. «Ъ» разобрался, какие профессии будут востребованы через несколько лет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3939291?from=doc_vrez.
21. Черткова, Д. «Границ больше нет»: Михаил Зыгарь рассказал о новом продюсерском проекте, смерти традиционной журналистики и будущем технологий [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Стиль. – 2019. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4040173?query=%D0%B7%D1%8B%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%8C>
22. Шестак, Л. А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюз [Текст] / Л. А. Шестак // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – № 3 – Т. 3. – С. 194-199.
23. Эссе: настоящее [Электронный ресурс] // Полное исследование медиатека. – URL: <https://media.mail.ru/now/>
24. Bentzen, N. Understanding disinformation and fake news. European Parliamentary Research Service // At a glance. – 2017. – April. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/599408/EPRS_ATA\(2017\)599408_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/599408/EPRS_ATA(2017)599408_EN.pdf)
25. Corner, J. Fake news, post-truth and media-political change // Media, Culture & Society. – 2017. – Vol. 39 (7). – P. 1100-1107.
26. Gregory, C. Internet Addiction Disorder. Signs, symptoms, diagnosis, and treatments for those who may be addicted to the Web on their PC or smart phone // Psycom. – URL: <https://www.psycom.net/iadcriteria.html>
27. Griffiths, M. D. Conceptual Issues Concerning Internet Addiction and Internet Gaming Disorder: Further Critique on Ryding and Kaye (2017) // International Journal of Mental Health and Addiction. – 2018. – Vol. 16 (1) – P. 233-239.
28. Haney, L. Times Union editor explores future of journalism in post-truth era // Skidmore. – 2018. – URL: <https://www.skidmore.edu/news/2018/1102-journalism-in-posttruth-era.php>
29. Hasen, Richard L. Deep Fakes, Bots, and Siloed Justices: American Election Law in a Post-Truth World // St. Louis University Law Journal, 2019, Forthcoming UC Irvine School of Law Research Paper. – 2019. – No. 2019-36 – P. 1-33.
30. Klaehn, J. Media, Power and the Origins of the Propaganda Model: An Interview with Edward S. Herman // Media Theory. – 2018. – № 2, Vol. 2. – P. 95-100.
31. Klaehn, J., Broudy, D., Fuchs, C., Godler, Y., Zollmann, F., Chomsky, N., Pedro-Caranana, J., Mills T., Boyd-Barret, O. Media Theory, Public Relevance and the Propaganda Model Today // Media Theory. – 2018. – № 2. – Vol. 2. – P. 164-191.
32. Lepore, J. Does Journalism Have a Future? In an era of social media and fake news, journalists who have survived the print plunge have new foes to face // The New Yorker. – 2019. – URL: https://www.newyorker.com/magazine/2019/01/28/does-journalism-have-a-future?irclid=xD-V-6TL0xyJWOiwUx0Mo3EzUklVXqQhFR6PQk0&irgwc=1&source=affiliate_impactpmx_12f6tote_desktop_adgoal%20GmbH&utm_source=impact-affiliate&utm_medium=123201&utm_campaign=impact&utm_content=Online%20Tracking%20Link&utm_brand=tny
33. Modreanu, S. The Post-Truth Era? // Human and Social Studies. – 2017. – Vol. 6 (3). – P. 7-9.
34. The Future of Jobs Report, 2018 / Insight Report // Centre for the New Economy and Society, 2018. – 133 p.

Reference List

1. Bengina, E. A., Grishaeva S. A. Kiberbulling kak novaja forma ugrozy psihologicheskomu zdorov'ju lichnosti podrostanta = Cyberbullying as a new form of threat to the psychological health of a teenager 's personality [Tekst] / E. A. Bengina, S. A. Grishaeva // Vestnik universiteta. – 2018. – № 2. – S. 153-157.
2. Burenko, V. I. Soznatel'noe i bessoznatel'noe v politike (Platon i «peshhernye ljudi») = Conscious and unconscious in politics (Plato and «cave people») [Tekst] / V. I. Burenko // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. – 2018. – № 3. – S. 34-46.
3. Vereshhagin, O. A. Jekodiskurs i ego nomologicheskie korreljaty v sociogumanitaristike = Ecodiscours

and its nomological correlates in sociohumanitaristics [Tekst] / O. A. Vereshhagin // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. – 2018. – № 3 (27). – T. 2. – S. 76-86.

4. Garbuznjak, A. Ju. Fenomen postpravdy: deval'vacija fakta v medijnom diskurse = The phenomenon of post-truth: devaluation of fact in media discourse [Tekst] / A. Ju. Garbuznjak // Znanie. Poniimanie. Umenie. – 2019. – № 1. – S. 184-192.

5. Duskaeva, L. R., Konjaeva, Ju. M. Trolling v russkojazychnyh media = Trolling in Russian-language media [Tekst] / L. R. Duskaeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika. – 2017. – № 5. – S. 84-100.

6. Il'chenko, S. N. Fejk kak antiistochnik informacii: risk dlja professional'nyh standartov zhurnalistiki = Fake as an anti-source of information: a risk to professional standards of journalism [Tekst] / S. N. Il'chenko // Gumanitarnyj vektor. – 2018. – № 5. – T. 13 – S. 70-76.

7. Kotova, N. S., Dukjan, S. S. Fenomen «fejka» v politicheskom diskurse jepohi «postpravdy» = The phenomenon «fake» in the political discourse of the post-truth era [Tekst] / N. S. Kotova // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2018. – № 2. – S. 130-135.

8. Korochenskij, A. P. Gibridizacija mediatekstov kak tendencija sovremennyh SMK = Hybridization of mediatexts as a trend of modern mass media [Tekst] / A. P. Korochenskij // Reklama i svjazi s obshhestvennost'ju: tradicii i innovacii: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Rostov-n/D., 2014. – S. 25-28.

9. Madianu, M., Miller, D. Polimedia: novyj podhod k ponimaniju cifrovyh sredstv kommunikacii v mezhlchnostnom obshhenii = Polymedia: a new approach to understanding digital communication in interpersonal communication [Tekst] / M. Madianu / per. s angl. A. Paukovej, V. Chumakovej // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomiccheskie i social'nye peremeny. – 2018. – № 1. – S. 334-356.

10. Miloslavskaja, Z. A. Sovremennij tekst sredstv massovoj kommunikacii v aspekte aksiologii zhurnalistiki = Modern text of mass communication in the aspect of journalism axiology [Tekst] / Z. A. Miloslavskaja. – M., 2018. – 222 s.

11. Miloslavskaja, Z. A. «Jekotekst» kak tip global'nogo mediateksta = «Ecotext» as a type of global media [Tekst] / Z. A. Miloslavskaja // Zhurnalistika – vyzovy vremeni: sb. nauch. st. kafedry zhurnalistiki i mediatekstov / pod red. T. N. Vladimirovoj, V. A. Slavinoj, N. V. Kodola. – M.: MPGU, 2018. – 84 s. – S. 44-48.

12. Paclaf, R. Zastyvshij vzgljad: Fiziologicheskoe vozdejstvie televidenija na razvitie detej = Frozen look: physiological impact of television on children's development [Tekst] / R. Paclaf – M.: Evidentis, 2011. – 224 s.

13. Pochepcov, G. G. Postzhurnalistika: novye realii HHI veka = Postjournalism: new realities of the XXI century [Elektronnyj resurs] / G. G. Pochepcov // Glubinnaja psihologija. Uchenija i metodiki. – URL: <https://www.psyoffice.ru/8973-17-333.html>

14. Pochepcov, G. G. Postzhurnalistika v sovremenom mire = Postjournalism in the modern world [Elektronnyj resurs] / G. G. Pochepcov // Glubinnaja psihologija. Uchenija i metodiki. – URL: <https://psyfactor.org/lib/postjournalism2.htm>

15. Soldatkina, Ja. V. Problemy segmentacii kontenta v SMI i novye vozmozhnosti mobil'nyh messendzherov = Media content segmentation challenges and new mobile messaging capabilities [Tekst] / Ja. V. Soldatkina // Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika. – 2018. – № 3. – T. 23. – S. 323-330.

16. Solovej, V. D. Absolutnoe oruzhie. Osnovy psihologicheskoy vojny i mediamanipulirovanija = Absolute weapons. Foundations of psychological warfare and media manipulation [Tekst] / V. D. Solovej. – M.: «Jeksmo», 2015. – 135 s.

17. Stepanov, V. N., Bolotova S. K., Leonova, A. R. Zhanrovo-stilisticheskie priznaki rjep-batla = Genre-stylistic signs of rap battle [Tekst] / V. N. Stepanov // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 3. – S. 204-210.

18. Suhova, S. Rossija ne vyuchila urok komp'juternoj jepohi. Chto takoe zakryvajushhie tehnologii i chem oni opasny = Russia has not learned the computer era's lesson. What are closing technologies and why they are dangerous [Elektronnyj resurs] // Ogonjok. – № 16. – 2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3953643?from=main_ogoniok

19. Hvostik, E. Ljudi Zet vyhodjat na tropu potreblenija = Zet people go on the consumption trail [Elektronnyj resurs] // Kommersant#. – 2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3960595?from=main_5

20. Chernyh, A., Mironova, K. V budushhem voz'mut ne vseh. «##» razobratsja, kakie professii budut vostrebovany cherez neskol'ko let = Not everyone will be taken in the future. «##» figured out what professions would be in demand in a few years [Elektronnyj resurs] // Kommersant. – 2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3939291?from=doc_vrez

21. Chertkova, D. «Granic bol'she net»: Mihail Zygar' rasskazal o novom prodjuserskom proekte, smerti tradicionnoj zhurnalistiki i budushhem tehnologii = «There are no more borders»: Mikhail Zygar spoke about the new production project, the death of traditional journalism and the future of technology [Elektronnyj resurs] // Kommersant Stil'. – 2019. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4040173?query=%D0%B7%D1%8B%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%8C>

22. Shestak, L. A. Politicheskaja lingvistika: frejm sobytija i fejk-n'juz = Political linguistics: event frame and fake news [Tekst] / L. A. Shestak // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – № 3 – T. 3. – S. 194-199.

23. Jesse: nastojashhee = Essay: present [Elektronnyj resurs] // Polevoe issledovanie mediaceha. – URL: <https://media.mail.ru/now/>

24. Bentzen, N. Understanding disinformation and fake news. European Parliamentary Research Service // At a glance. – 2017. – April. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/599408/EPRS_ATA\(2017\)599408_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2017/599408/EPRS_ATA(2017)599408_EN.pdf)
25. Corner, J. Fake news, post-truth and media-political change // Media, Culture & Society. – 2017. – Vol. 39 (7). – R. 1100-1107.
26. Gregory, C. Internet Addiction Disorder. Signs, symptoms, diagnosis, and treatments for those who may be addicted to the Web on their PC or smart phone // Psychom. – URL: <https://www.psychom.net/iadcriteria.html>
27. Griffiths, M. D. Conceptual Issues Concerning Internet Addiction and Internet Gaming Disorder: Further Critique on Ryding and Kaye (2017) // International Journal of Mental Health and Addiction. – 2018. – Vol. 16 (1) – R. 233-239.
28. Haney, L. Times Union editor explores future of journalism in post-truth era // Skidmore. – 2018. – URL: <https://www.skidmore.edu/news/2018/1102-journalism-in-posttruth-era.php>
29. Hasen, Richard L. Deep Fakes, Bots, and Siloed Justices: American Election Law in a Post-Truth World // St. Louis University Law Journal, 2019, Forthcoming UC Irvine School of Law Research Paper. – 2019. – No. 2019-36 – R. 1-33.
30. Klaehn, J. Media, Power and the Origins of the Propaganda Model: An Interview with Edward S. Herman [Text] // Media Theory. – 2018. – № 2, Vol. 2. – R. 95-100.
31. Klaehn, J., Broudy, D., Fuchs, C., Godler, Y., Zollmann, F., Chomsky, N., Pedro-Caranana, J., Mills T., Boyd-Barret, O. Media Theory, Public Relevance and the Propaganda Model Today // Media Theory. – 2018. – № 2. – Vol. 2. – P. 164-191.
32. Lepore, J. Does Journalism Have a Future? In an era of social media and fake news, journalists who have survived the print plunge have new foes to face // The New Yorker. – 2019. – URL: https://www.newyorker.com/magazine/2019/01/28/does-journalism-have-a-future?irclid=xD-V-6TL0xyJWOiwUx0Mo3EzUkIVXqQhFR6PQk0&irgwc=1&source=affiliate_impactpmx_12f6tote_desktop_adgoal%20GmbH&utm_source=impact-affiliate&utm_medium=123201&utm_campaign=impact&utm_content=Online%20Tracking%20Link&utm_brand=tny
33. Modreanu, S. The Post-Truth Era? // Human and Social Studies. – 2017. – Vol. 6 (3). – R. 7-9.
34. The Future of Jobs Report, 2018 / Insight Report // Centre for the New Economy and Society, 2018. – 133 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.11.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10592

УДК 659.4

Л. В. Селезнева

<https://orcid.org/0000-0002-8546-6496>

С. Н. Воробьева

<https://orcid.org/0000-0003-0980-8893>

Пресуппозиционный каркас как связующая основа дискурса (на материале PR-дискурса и религиозного дискурса)

В данной статье речь идет о дискурсе как процессе текстообразования, который рассматривается в совокупности как внешних, так и внутренних условий формирования текста. В центре внимания проблема соотношения текстового и нетекстового уровня дискурса, которая рассматривается с учетом пресуппозиций, играющих ведущую роль при построении дискурса. Обращение к данному вопросу обусловлено желанием авторов показать, как фонд внеязыковых знаний используется участниками коммуникации при формировании содержательной связности текста. Особое внимание уделяется условиям, влияющим на выбор данного смыслового компонента текста, релевантность которого данному дискурсу предопределяет уместность и/или успешность высказывания. На восприятие высказывания действует механизм вероятного прогнозирования, работа которого обеспечивается за счет пресуппозиций. На основе отбора общих знаний говорящего и слушающего, ограничения всевозможных пресуппозиций и формируется пресуппозиционный каркас дискурса. Анализ осуществляется на материале текстов религиозного и PR-дискурса, дающими возможность показать процессы текстопостроения дискурсов, которые рассматриваются как механизм для построения текста и использования необходимых пресуппозиций в аспекте его интерпретации и выявления имплицитной информации в тексте, определения таких языковых значений, как событие, факт, оценка. Категория «пресуппозиционный каркас» рассматривается как формообразующая категория дискурса, так как представляет дотекстовый и послетекстовый период в процессе формирования дискурса. Анализ проводится в рамках дискурс-анализа с использованием сопоставительного метода исследования.

Ключевые слова: дискурс, текст дискурс-анализ, пресуппозиция, текстообразование, PR-дискурс, религиозный дискурс.

L. V. Selezneva, S. N. Vorobieva

Presuppositional framework as a binding basis of discourse (on PR discourse material and religious discourse)

In this article we are talking about discourse as a process of text formation, which is considered in conjunction with both external and internal conditions of its formation. The article focuses on the problem of correlation of textual and non-textual level of discourse, which is considered taking into account the presuppositions that play a leading role in the construction of discourse. The appeal to this question is due to the desire of the authors to show how the fund of non-language knowledge is used by communication participants in the formation of meaningful coherence of the text.

Special attention is given to the conditions influencing the choice of this semantic component of the text, the relevance of which to this discourse determines the relevance and / or success of the statement. The perception of speech is influenced by the mechanism of probable prediction, the work of which is ensured by presuppositions. On the basis of selection of the General knowledge of the speaker and the listener, restriction of various presuppositions the presuppositional framework of discourse is formed. The analysis is carried out on the material of texts of religious and PR-discourse, giving the opportunity to show the processes of text-building discourses, which are considered as a mechanism for constructing the text and using the necessary presuppositions in the aspect of its interpretation and identification of implicit information in the text, determining such linguistic meanings as event, fact, evaluation. The category «presuppositional framework» is presented as a formative category of discourse, as it represents the pre-text and post-text period in the process of forming discourse. The analysis is carried out within the framework of discourse analysis using the comparative method of research.

Keywords: discourse, text, discourse-analysis, presupposition, text formation, category, subject, PR-discourse, religious discourse.

Предметом исследования дискурса как процесса текстопостроения является текст в своей данности, рассматриваемый не отдельно от ситуации создания (как отмечал Phillips N., Hardy C., «тексты не обладают смыслами сами по себе» [14]), а в совокупности с внешними условиями его формирования. Это требует определенного ракурса рассмотрения и зависит от задач исследователя [5, 8, 12].

В дискурс-анализе на первый план выходит проблема соотношения текстового и нетекстового уровня дискурса, которая может быть рассмотрена с учетом пресуппозиции. В. А. Звегинцев отводил пресуппозиции ведущую роль при построении дискурса: «По правилам, которые подсказываются пресуппозициями речи, предложения вступают в синтагматические отношения, образуя уровень, находящийся выше уровня предложения, т. е. дискурс» [5, с. 294].

Категория пресуппозиции имеет немало трактовок, которые были подробно представлены в ряде фундаментальных работ [2; 3; 5; 9; 10]. Пресуппозиция относится к числу прагматических понятий, носителем которых выступает субъект высказывания. Она представляет собой компонент смысла текста, который не выражается эксплицитно, а является некой базой знаний, необходимых для восприятия текста, или, как называл В. А. Звегинцев, «потенциальный фонд неявной информации» [5, с. 299].

Пресуппозиция не несет новой информации, это та смысловая основа, которая необходима как для порождения высказывания, так и для его правильного понимания. Например, пресуппозиция нормативных документов корпорации, которые формируют ядро PR-дискурса, основана на непреложности этических и нравственных правил, ценности корпоративных интересов. Поэтому в тексте часто обозначены те действия, которые необходимо произвести работнику, чтобы правила не были нарушены, поэтому важным становится употребление глагола «должен» в нормативных высказываниях:

Работники Общества должны избегать ситуаций, при которых у них возникает конфликт интересов. В случае возникновения конфликта интересов работники должны информировать об этом своего непосредственного руководителя, а в случаях, указанных в ст. 14 настоящего Кодекса, орган, уполномоченный рассматривать вопросы этики поведения, – Комиссию по корпоративной этике Общества. В случае возникновения конфликта интересов у единоличного исполнительного органа подконтрольной Обществу организации последний должен информировать об этом Ко-

миссию по корпоративной этике ОАО «Газпром» (2014-02-25-codex-of-corporate-ethics.pdf. С. 7).

Конфликт интересов представляет собой ситуацию, в которой могут быть нарушены нравственные правила, если в результате личной заинтересованности работник причиняет вред Обществу. Субъект дискурса, в роли которого выступает корпорация, в своей оценке исходит из корпоративных интересов, и пресуппозицией в данном случае является суждение о ценности прежде всего интересов Общества.

Если в PR-дискурсе ценности чаще всего скрыты, подразумеваются, «то в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей» [6, с. 223], которые формулируются в виде норм и правил поведения. Пресуппозиция религиозного дискурса основана на ценностях веры в Бога и заключает в себе как информацию о жизни небесной, жизни после смерти, так и постулирует правила жизни религиозного человека, в соответствии с чем дискурс носит назидательный характер: в тексте избивают предложениями в повелительном наклонении, с модальными глаголами долженствования. В качестве примера приведем назидания царя Давида, представленные в 37 псалме:

Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину...Покорись Господу и надейся на Него.....Перестань гневаться и оставь ярость свою..... Уклоняйся от зла и делай добро и будешь жить вовек..... Уповай на Господа и держись пути Его...Наблюдай за непорочным и смотри на праведного.....» [Псалтирь, 37: 3-34].

Данный псалом представляет собой совокупность речевые высказывания назидательного характера (смысловой акцент ставится на глаголы повелительного наклонения), которые объясняют верующему, как ему следует поступать и жить, почему от него ожидают именно такого поведения («ибо Господь любит правду», «ибо благословенные им наследуют землю» и др). Нарушение нравственных правил создает ситуацию конфликта верующего и Церкви.

В идеале пресуппозиция, понимаемая как фоновые знания, должна быть общей для адресанта и адресата [7, с. 477] и, как отмечает Р. С. Столнейкер, «поэтому для достижения взаимопонимания крайне важно, чтобы участники любого фиксированного контекста имели общий набор пресуппозиций». Когда набор пресуппозиций разный, то возможны коммуникативные ошибки и нарушение коммуникации. Это можно проиллюстрировать басней И. А. Крылова «При-

хожанин»:

*Душ пастырь кончил поученье:
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар!»
Из слушателей тут сказал один другому:
«Какая сладость, жар!
Как сильно он влечет к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» – «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода».*

В данной басне представлены два дискурса, имеющие разную архитектонику: первый дискурс складывается между пастырем и прихожанами его прихода, второй дискурс – между пастырем и прихожанином не его прихода. Набор пресуппозиций прихожан разных приходов определяется на основании их утверждений. Если в первом дискурсе прихожане восхищаются речью пастыря («Какая сладость, жар! Как сильно он влечет к добру сердца народа!»), то нездешнего прихожанина речь пастыря не тронула («Да плакать мне какая стать: Ведь я не здешнего прихода»). Именно пресуппозиция прописки выступает тем сложным предрасположением (термин Р. С. Столнейкера), которое и проявляется в речевом поведении.

Пресуппозиционные знания оформляются в языковом сознании коммуникантов в виде суждений и являются частью семантической структуры текста на его глубинном уровне. В перспективе формирования дискурса можно говорить о процедуре отбора знаний. Если на первой ступени речь идет об отборе обобществленных знаний о мире, которые необходимы для построения грамматически правильного предложения, то на второй ступени из того круга пресуппозиций, которые выделяются в пределах предложения, происходит отбор релевантных дискурсу пресуппозиций, которые образуют «связующую основу дискурса» [5, с. 284]. В зависимости от того, какие знания креатор выбирает, складывается тот или иной дискурс, т. к. знания, вербализуемые в высказывании, определяют его содержание.

А. А. Залевская, например, коллективное, культурное знание относит к важным условиям формирования дискурса, отмечая, что оно «задает те ориентиры, в соответствии с которыми продуцент текста придает последнему определенную структуру, отвечающую принятым культурой требова-

ниям к языковому оформлению содержания высказывания (текста в широком смысле)» [4, с. 26].

Целью отбора является удовлетворение потребностей самого дискурса, что приводит, с одной стороны, к «ситуативной привязанности предложений», т. е. создаются высказывания, уместные для данной ситуации, а с другой – текст становится связным, т. к. между предложениями складывается пресуппозиционная связь. Так строится пресуппозиционный каркас дискурса как его формообразующая категория и необходимое условие интерпретации дискурса.

Идея пресуппозиционного каркаса была высказана в свое время В. А. Звегинцевым и до настоящего момента остается неразработанной. Пресуппозиционный каркас представляет собой совокупность всевозможных для данного дискурса пресуппозиций, которые необходимо удовлетворить, чтобы создаваемые высказывания были уместными, соответствовали интенции субъекта и были поняты в прямом смысле.

При построении пресуппозиционного каркаса важен отбор пресуппозиций по принципу релевантности, чтобы дискурс соответствовал двум параметрам: «1) суждение Р тем релевантнее в некотором контексте С, чем больше его контекстуальные эффекты в данном контексте; 2) суждение Р тем релевантнее в некотором контексте С, чем меньше усилия, когнитивно необходимые для его обработки» [10, с. 132]. Для построения подобных суждений накладываются ограничения на знания, информацию. Креатор, с одной стороны, выбирает из всевозможных пресуппозиций релевантные данному дискурсу пресуппозиции, а с другой – учитывает пресуппозиции реципиента («Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важнейших условий его (речевого акта – Л. С.) эффективности» [1, с. 358]) и тем самым предопределяет уместность и/или успешность высказывания.

Данные пресуппозиционные ограничения являются по мере разворачивания дискурса. Они соответствуют интенции адресованности PR-дискурса и логике развития дискурса, которая «представляет как бы развитие одной темы, обычно задаваемой первым предложением, и каждое последующее предложение включается в единую цепь, нанизывается на единый смысловой стержень» [5, с. 291].

Приведем в качестве примера высказывания из PR-дискурса ПАО «МегаФон», ПАО «МТС» и ПАО «ВымпелКом»:

1. «МегаФон» – федеральный оператор связи, занимающий ведущие позиции на телекоммуникационном рынке в России и мире. Компания и её

дочерние предприятия работают во всех регионах России, в республиках Абхазия, Южная Осетия и Таджикистан. По итогам 2015 года общая абонентская база насчитывала более 76,8 миллионов человек.

Акции компании торгуются на бирже в Москве и Лондоне с 2012 года, в июне 2014 г. ценные бумаги «МегаФона» внесены в высший котировальный список Московской биржи. «МегаФон» – одна из компаний с самым высоким

кредитным рейтингом как в российской телекоммуникационной отрасли, так и в России в целом (<http://corp.megafon.ru/about/megafon>).

2. ПАО «МТС» – крупнейший оператор мобильной связи в Восточной и Центральной Европе. Мы считаем открытость залогом успешного бизнеса и предоставляем подробную информацию о финансовом статусе компании и ее положении на рынке услуг мобильной связи (<http://www.company.mts.ru/comp/ir/>).

3. ПАО «ВымпелКом» – российская компания международной коммуникационной группы *VimpelCom Ltd.*, работающей для более чем 200 миллионов клиентов по всему миру. *VimpelCom* оказывает услуги голосовой связи, фиксированного и мобильного интернет-доступа и предоставляет клиентам современные *digital-сервисы*. (<http://moskva.beeline.ru/about/about-beeline>).

Данные дискурсы развивают тему компаний как крупнейших операторов сотовой связи, и пресуппозиционные ограничения связаны с отбором такой информации, которая соответствует этой теме: какую территорию охватывает сеть, сколько абонентов обслуживает компания. Схожесть используемых пресуппозиций очевидна: они получают реализацию в текстах «О компании», или бэкграундерах.

В религиозном дискурсе раскрытие темы, задаваемое первым и последующими предложениями в единую смысловую цепь, смысловой стержень наблюдается, например, в определенной последовательности псалмов и их закреплённости за определенной кафизмой Псалтири, каждый текст которой является песней, «от всего сердца» воспевающей Создателя (Сир.47:10):

1. *Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его (Пс. 102: 1-2).*

2. *Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием (Пс. 103: 1).*

3. *Славьте Господа; призывайте имя Его; возвещайте в народах дела Его; воспойте Ему и пойте Ему; поведайте о всех чудесах Его (Пс. 104: 1-2).*

4. *Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его. Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его? Блаженны хранящие суд и творящие правду во всякое время! (Пс. 105: 1-3).*

5. *Готово сердце мое, Боже, [готово сердце мое]; буду петь и воспевать во славе моей. (Пс. 107: 1).*

Первые строчки каждого псалма выражают эмоции человека, его внутреннее состояние в момент личного общения с Богом, что также указывает на схожесть используемых пресуппозиций.

Методология интерпретации дискурса путем определения пресуппозиций была предложена в свое время В. А. Звегинцевым, Т. ван Дейком, В. Кинчем [5; 13]. Используя разную терминологию, они исходили из одного тезиса о том, что понимание (интерпретация) текста складывается из понимания ситуации, о которой идет речь, и отмечали, что для анализа пресуппозиций текст можно последовательно сократить («свернуть»), убрать все лишнее из предложений и оставить лишь самое существенное с точки зрения того коммуникативного задания, которое выполняет текст.

Результатом такого процесса является макроструктура (термин Т. ван Дейка), которая представляет собой взаимосвязанные пропозиции (a network of interrelated propositions), которые выводятся по правилам организации информации и ее редукции, так называемым макроправилам. К таким правилам Т. ван Дейк относит: удаление (deletion) – исключение тех пропозиций, которые не являются условиями интерпретации; обобщение (generalization) – объединение однотипных пропозиций; построение (construction) – замена нескольких пропозиций одной. Эти правила организуют текст и определяют значение дискурса. При этом, макроправила представляют собой семантические правила преобразования: «They relate proposition sequences with proposition sequences at a higher level, and thus derive the global meaning of an episode or a whole discourse from the local, sentential meanings of the discourse» [13, с. 190]. (Они соотносят последовательность предложений с последовательностью предложений на более высоком уровне, и таким образом выводят глобальное значение эпизода или всего дискурса из локальных, пропозициональных смыслов дискурса – пер. мой – Л. С.). Фактически макроструктура может быть выражена в самом дискурсе (в заглавии, предложениях, выражающих тему, в резюме) и

может быть образована путем сокращения текста.

Обращение к данным правилам позволяет определить структуру дискурса, в которой «each higher level more condensed than the previous one» [13, с. 52-53] (каждый уровень будет более сжатым, чем предыдущий. – перевод мой – Л.С.). Данная иерархическая структура коррелирует с общим социальным контекстом (general social context, по Т.ван Дейку), в котором выделяют разные виды социальной ситуации: личные, общественные, институциональные и неформальные. Из социального контекста на основе отбора формируется пресуппозиционный каркас дискурса.

Покажем это на примере анализа IR-релиз от 26.08.2015 ОАО «Газпром» и IR-релиз от 14 ноября 2019 года (официальный сайт РПЦ):

1. Стороны нацелены на успешное завершение переговоров по «западному» маршруту. Сегодня в Пекине состоялись рабочие встречи Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера с Первым заместителем Премьера Государственного Совета КНР Чжан Гаоли и Председателем Совета Директоров Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации (CNPC) Ван Илинем.

Стороны обсудили вопросы двустороннего сотрудничества. Речь шла о подготовке контракта на поставку российского природного газа в Китай по «западному» маршруту. Отмечено, что переговоры по контракту уверенно продвигаются. Стороны нацелены на их успешное завершение.

Также были рассмотрены такие направления сотрудничества как подземное хранение газа, электроэнергетика, проекты в области машиностроения для нефтегазовой сферы, сотрудничество в третьих странах. [<http://www.gazprom.ru/press/news/2015/august/article244867/>].

Макроструктура данного текста сводится к сообщению о том, что состоялась рабочая встреча в Пекине Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера с Первым заместителем Премьера Государственного Совета КНР Чжан Гаоли. Дискурс опирается на пресуппозиционный каркас, построенный из идеологических пресуппозиций желания и предположения о том, что сотрудничество принесет Газпрому и Китаю взаимную выгоду, что страны добьются реализации своих планов, что переговоры по «западному» маршруту будут успешно завершены. Цель субъекта – убедить слушателя в истинности данных предположений. Пресуппозиция в этом случае выступает в роли пропозиционной установки или как «представления коммуникантов о контекстуальных

условиях [13, с. 54] актуализации высказываний в дискурсе и их интерпретации» [10, с. 136].

Пресс-релиз, размещенный на официальном сайте Московского Патриарха, рассказывает о рабочей встрече Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Президентом Азербайджанской Республики И. Г. Алиевым:

2. 14 ноября 2019 года в Баку состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Президентом Азербайджанской Республики И. Г. Алиевым. Его Святейшество напомнил о необходимости солидарности представителей разных религий в деле защиты традиционных ценностей, вместо которых современному человеку навязываются ложные представления о мире, семье, человеческой жизни. Глава государства также остановился на усилиях, предпринимаемых Азербайджаном для развития межкультурного, межрелигиозного диалога, подчеркнув значимость II Бакинского саммита религиозных лидеров мира. Высказав слова благодарности за теплое гостеприимство, Предстоятель Русской Православной Церкви подчеркнул, что есть только один базис для мирового консенсуса – это мораль, потому что она универсальна, и понятия добра и зла одинаковы для всего человечества. Его Святейшество пожелал главе Азербайджанской Республики помощи Божией в его дальнейших трудах. В завершение встречи стороны обменялись памятными подарками. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5531592.html>

Данный дискурс формируется через последовательное развертывание пресуппозиции первого предложения о том, что русская православная церковь активно поддерживает и развивает межрелигиозные отношения. Каждое последующее предложение, вступая в смысловые отношения друг с другом, проявляет и поясняет пресуппозицию солидарности: для построения предложений отбираются только те пресуппозиции, которые релевантны для данного дискурса. Появление новых пресуппозиций – защита традиционных ценностей – конкретизирует круг обсуждаемых ключевых вопросов, которые фокусируются вокруг таких понятий, как мир, семья, человеческая жизнь. Логическим продолжением предыдущих пресуппозиций является сообщение о необходимости межнационального диалога, основой которого является мораль, основанная на понятиях добра и зла, общих для всего человечества. Введение данных пресуппозиций необходимо для представления понимания коммуникантов контекстуальных условий плодотворного сотрудничества.

Таким образом, ограничение всевозможных пресуппозиций и отбор необходимых для постро-

ения дискурса представляют собой процессы формообразования дискурса и показывают ту существенную роль, которую играют пресуппозиции (пресуппозиционный каркас) «в определении того, как будет развиваться речевая ситуация».

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата [Текст] // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – № 4. – 1981. – С. 356-367.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова, Н. Д., Падучева, Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика: Сборник / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – С. 3-43.
4. Залевская, А. А. Текст и его понимание [Текст] : монография / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской государственный университет, 2001. – 177 с.
5. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : из-во Московского университета, 1976. – 308 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Клущина, Н. И. Пресуппозиция [Текст] // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник / под редакцией А. П. Сковородникова. Электронное издание. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 477-478
8. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] : учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : УРСС Эдиториал, 2000. – 352 с.
9. Кобозева, И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 100-114.
10. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
11. Молитвослов и Псалтирь [Текст]. – М. : Благовест, 2011. – 408 с.
12. Якобсон, Р. Избранные работы [Текст] / сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1987(б). – 456 с.
13. Dijk van T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. – New York : Academic Press, 1983. – 423 p.
14. Phillips N., Hardy C. What Is Discourse Analysis? // Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – PP. 1-18.

Reference List

1. Arutjunova, N. D. Faktor adresata = Addressee's factor [Tekst] // Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka. – T. 40. – № 4. – 1981. – S. 356-367.
2. Arutjunova, N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytija. Fakt = Language value types: Evaluation. Events. Fact [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Nauka, 1988. – 341 s.
3. Arutjunova, N. D., Paduceva, E. V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki = Origins, problems and categories of pragmatics [Tekst] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 16. Lingvisticheskaja pragmatika: Sbornik / sost. i vstup. st. N. D. Arutjunovoj i E. V. Paducevoj; obshh. red. E. V. Paducevoj. – M. : Progress, 1985. – S. 3-43.
4. Zalevszkaja, A. A. Tekst i ego ponimanie = Text and its understanding [Tekst] : monografija / A. A. Zalevszkaja. – Tver' : Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001. – 177 s.
5. Zvegincev, V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k jazyku i rechi = Suggestion and its relation to language and speech [Tekst] / V. A. Zvegincev. – M. : iz-vo Moskovskogo universiteta, 1976. – 308 s.
6. Karasik, V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse [Tekst] / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.
7. Klushina, N. I. Presuppozicija = Presupposition [Tekst] // Jeffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovye kompetencii). Slovar'-spravochnik / pod redakciej A. P. Skovorodnikova. Jelektronnoe izdanie. – Krasnojarsk : Sibirskij federal'nyj universitet, 2014. – S. 477-478
8. Kobozeva, I. M. Lingvisticheskaja semantika = Linguistic semantics [Tekst] : uchebnoe posobie / I. M. Kobozeva. – M. : URSS Jeditorial, 2000. – 352 s.
9. Kobozeva, I. M. Lingvo-pragmaticheskij aspekt analiza jazyka SMI = Linguo-pragmatic aspect of media language analysis [Tekst] // Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija. – M. : Izd-vo MGU, 2003. – S. 100-114.
10. Makarov, M. L. Osnovy teorii diskursa = Bases of the discourse theory [Tekst] / M. L. Makarov. – M. : ITDGC «Gnozis», 2003. – 280 s.
11. Molitvoslov i Psaltir' = Prayer and Psalms [Tekst]. – M. : Blagovest, 2011. – 408 s.
12. Jakobson, R. Izbrannye rabota = Elite work [Tekst] / sost. i obshh. red. V. A. Zveginceva. – M. : Progress, 1987(b). – 456 s.
13. Dijk van T. A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. – New York : Academic Press, 1983. – 423 p.
14. Phillips N., Hardy C. What Is Discourse Analysis? // Phillips N., Hardy C. Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – PP. 1-18.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.11.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10593

УДК 070

Е. В. Быкова

<https://orcid.org/0000-0003-3842-8419>

Медийный диалог «журналист – журналист» в аспекте корпоративного речевого поведения

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности корпоративного речевого поведения в медийном диалоге в формате «журналист – журналист». Медийный диалог, особенно если он репрезентирован в жанре интервью публичного лица, всегда представляет идеологию корпоративной системы, которой публичное лицо принадлежит. Специфика проявления корпоративного начала в речевом поведении соответствует коммуникативному статусу субъекта речи в системе корпоративных отношений. Коммуникативный статус журналиста подчинен медиасистеме, которая требует определенного речевого поведения от членов конкретной корпоративной системы на профессиональном, внутрикорпоративном и внешнекорпоративном уровнях, соблюдения правовых и этикетных норм медийной корпорации.

Коммуникативный статус задается структурой корпоративной среды, определяющим положение субъекта речи в организационной иерархии, и регулируется этическим профессиональным кодексом. Субъекты корпоративной системы прямо или косвенно цитируют первое лицо, что является показателем принадлежности к корпорации и свидетельством лояльности. Коммуникативный статус определяет ценностные ориентиры, стратегии и тактики речевого поведения субъекта.

В статье анализируется арсенал коммуникативных средств, используемых субъектом речи в конкретных коммуникативных ситуациях в процессе медийного диалога. Несоблюдение законов корпоративного речевого поведения или речевое поведение, не соответствующее коммуникативному статусу субъекта речи, подлежит санкционированию со стороны корпорации. Интервьюеры избегают любых проявлений некорпоративного поведения. «Свобода» слова в сфере управления медиадискурсом является не абсолютной, а относительной.

Эмпирический материал, составляющий основу анализа – четыре видеointервью ведущих российских журналистов общей протяженностью 5 часов 37 минут.

Ключевые слова: интервью, коммуникативный статус, корпоративное речевое поведение, корпоративные ценности, медийный диалог.

Е. V. Bykova

Media dialogue «journalist – journalist» in the aspect of corporate speech behavior

The purpose of the article is to identify and analyze the peculiarities of corporate speech behavior in the media dialogue in the format «journalist – journalist». Media dialogue, especially if it is represented in the genre of public face interviews, always represents the ideology of the corporate system to which the public face belongs. The specificity of the manifestation of corporate origin in speech behavior corresponds to the communicative status of the speech subject in the system of corporate relations. The communicative status of a journalist is subordinate to the media system, which requires certain speech behavior from members of a specific corporate system at the professional, internal and external corporate levels, compliance with the legal and etiquette norms of the media corporation.

Communicative status is defined by the corporate environment structure that determines the position of the subject of speech in the organizational hierarchy, and is regulated by the ethical professional code. Subjects of the corporate system directly or indirectly quote the first person, who is an indicator of membership of the corporation and an indication of loyalty. Communicative status defines value guidelines, strategies, and tactics of the subject's speech behavior.

The article analyzes the arsenal of communicative means used by the subject of speech in specific communicative situations in the process of media dialogue. Non-compliance with corporate speech laws or speech behavior that does not correspond to the communicative status of the subject of speech is authorized by the corporation. Interviewers avoid any manifestation of non-corporate behavior. The «freedom» of speech in media management is not absolute but relative.

Empirical material, which forms the basis of the analysis, is four video interviews of leading Russian journalists with a total length of 5 hours 37 minutes.

Keywords: interview, communicative status, corporate speech behavior, corporate values, media dialogue.

Введение. Видеоинтервью сегодня находится в центре внимания исследований в сфере медиакоммуникаций. «Автор статьи может воздействовать на читателя только текстом, только буквами. У автора передачи есть другие возможности. Он работает голосом, мимикой, и всем, чем может» [3, с. 266]. Интервью обрело особую популярность в российской медиасреде в 90-х годах, когда у интервьюируемого появилась возможность высказать в беседе с журналистом свою точку зрения, актуализировать идеологическую позицию, мировоззренческие ценности, следовать своей индивидуальной речевой манере, сохранять привычный стиль одежды. Журналист в видеоинтервью сегодня напоминает художника, который в определенном интерьере создает портрет собеседника и демонстрирует его зрителю. Звучащая беседа журналиста с социально значимой персоной, ее личностный характер, является новой драматургией с театрализованными эффектами, рассчитанными на зрителя, поскольку оба коммуникатора являются известными медийными персонами.

Особого внимания здесь заслуживает видеоинтервью в формате *независимый журналист* (часто собственник и продюсер своего канала) и *журналист, представляющий федеральное СМИ*. Коммуникативная паритетность в речевом поведении современного интервью уравнивает социальные роли собеседников вне зависимости от их социального статуса, возраста и мировоззрения. Такое «равноправие», равенство социальных ролей собеседников (адресата и адресанта) создает особую тональность, особый новый тип публичного диалога» [11] и формирует новый вариант нормы публичного речевого поведения. Партнеры по диалогу выступают как равноправные собеседники и актуализируют собственную мировоззренческую и гражданскую позицию.

Однако выражение мировоззренческой и гражданской позиции относительно социально значимых вопросов в публичном поле сегодня регулируется не столько личностными, сколько корпоративными ценностями, которые отождествляются социологами с понятием групповой структуры [20]. Корпоративные ценности, репрезентированные в речи публичных субъектов, актуализируются и соотносятся с их коммуникативным статусом в иерархической системе [14, с. 82-88]. В современной медиасреде нравственный императив и моральный выбор журналиста так или иначе проявляется на речевом уровне в индивидуальной речевой манере, но ограничивается, сдерживается

коммуникативным статусом в структуре корпорации, от имени которой он выступает.

Гипотеза. Влияние PR на журналистику последнее время существенно возросло и определило смещение ценностного вектора в сторону корпоративных ценностей в медиасреде. Корпоративные ценности сегодня закладывают основы для распространения идей для формирования и популяризации патриотического мировоззрения, которое системно оформляется и бытует в официальной медиасреде федеральных СМИ. В этом аспекте в профессиональной журналистской среде в бинарной оппозиции демонстрируется корпоративное (официальное, системное, патриотичное) и некорпоративное (неофициальное, несистемное, непатриотичное) речевое поведение.

Работающие в государственных медиахолдингах журналисты встроены в корпоративную систему ценностей, становятся ее неотъемлемой частью, носителями ее идеологии и трансляторами базовых ценностей независимо от канала, на котором работают. Поэтому стиль речевого поведения журналиста, сохраняя индивидуальные, узнаваемые зрителем, читателем, слушателем черты, на ценностном уровне сегодня задается и определяется его коммуникативным статусом в корпоративной иерархической системе. Любая коммуникативная личность и личность журналиста не исключение, стереотипизирована, поскольку представляет идеологию своей коммуникативной системы (семьи, корпорации, партии, государства, группы единомышленников) и публично транслирует эту идеологию своим речевым поведением в медиасреде.

Эмпирический материал. В статье проанализированы видеоинтервью, данные журналисту Юрию Дудю в авторской программе «ВДудь» Дмитрием Киселевым, Алексеем Венедиктовым, Николаем Доренко, Владимиром Познером, так как «профессиональный журналист обычно отталкивается от поездок, от встреч с людьми» [Бовин, 2017:54].

– Дудь – Познер от 27.09.2018: 1 час 18 мин.; 8 916 183 просмотров; 275 тыс. лайков; 12 тыс. дизлайков.

– Дудь – Киселев от 05.02.2018: 1 час 43 мин.; 8 390 624 просмотров; 152 тыс. лайков; 330 тыс. дизлайков.; 1 час 37 мин.; 7 760 068 просмотров; 142 тыс. лайков; 26 тыс. дизлайков.

– Дудь – Венедиктов от 13.03.2018: 1 час 37 мин.; 7 760 068 просмотров; 142 тыс. лайков; 26 тыс. дизлайков.

– Дудь – Доренко от 14.08.2018: 1 час 39 мин.; 5 170 353 просмотров; 92 тыс. лайков; 33 тыс. дизлайков.

Как показывает статистика просмотров, наибольший интерес у зрителей вызывают интервью представителей главных телеканалов страны, что в очередной раз ставит под сомнение расхожий тезис о том, что ТВ умирает. В соответствии с этой

иерархией по степени популярности в Интернете в статье проанализировано каждое интервью.

Мы учитывали аспект профессиональной социализации, которая связана с социально-политическим дискурсом каждого конкретного периода при входе анализируемого субъекта речи в журналистскую профессию.

Таблица 1

Журналист	Возраст	Телевизионный канал и профессиональный статус	Начало профессиональной деятельности
Владимир Познер	1934 г. р., 85 лет	Автор и ведущий передачи «Познер» (Первый канал).	1961 г.
Дмитрий Киселев	1954 г. р., 65 лет	Генеральный директор российского международного информационного агентства «Россия сегодня», заместитель генерального директора ВГТРК, ведущий...	1985 г.
Алексей Венедиктов	1955 г. р., 63 года	Главный редактор, ведущий радиостанции «Эхо Москвы», президент телекомпании «Эхо-ТВ» (Газпром Медиа Холдинг).	1990 г.
Сергей Доренко	1959 г. р., 59 лет	Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва» (Москва Медиа), ведущий...	1985 г.
Юрий Дудь	1986 г. р., 32 года	«ВДудь» You tube Почему ничего не сказано о его профессиональном статусе?	2001 г.

Ю. Дудь является представителем молодого поколения журналистов, чье речевое поведение и социализация произошли в 2000-е гг., во время торжества Интернета. Его собеседники – представители классической школы журналистов, чье политическое мировоззрение, аксиологическая шкала сформировались в период советского и перестроечного, постсоветского периода, когда доминировала печатная пресса и телевидение.

Целью анализа четырех видеосюжетов общей протяженностью 5 часов 37 минут, было выявление особенностей корпоративного речевого поведения и актуализация в процессе анализа ценностных концептов, транслируемых журналистами, работающими на федеральных каналах, массовому адресату в ходе интервью на независимом интернет-канале «ВДудь».

В. Познер является выразителем мнения шестидесятников, поколения хрущевской оттепели; Сергей Доренко и Дмитрий Киселев вошли в журналистику в год начала перестройки Михаила Горбачева и начала расшатывания прежней медиасистемы, Алексей Венедиктов вошел в профессию в период окончательного распада СССР и начала периода президентства Бориса Ельцина, становления новой медиасистемы, Юрий Дудь вошел в журналистику в период первого срока президентства Владимира Путина, политическая стратегия которого была поначалу ориентирована

на западноевропейские ценности, а в последующие сроки избрания претерпела кардинальные изменения, став национально-патриотической.

Методологическая основа. Представленный в статье эмпирический материал был подвергнут концептуальному анализу с целью выявления корпоративного речевого поведения коммуникантов в процессе диалога, что обнаруживается в вербальной составляющей интервью в форме концептов. «Концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [18, с. 96, 215]. Под концептом мы будем здесь понимать совокупность разнородных речевых средств, обладающих лингвокультурным весом и актуализирующих ценностные аспекты в диалоге. Фрейм представлен нами как свернутый сценарий речевой ситуации, известной обоим коммуникантам [13].

Теоретическая концепция. Исследователь Т. А. Саблина выделяет три группы ценностей профессиональной деятельности журналиста. Первая группа характеризуется обращением к миру индивидуального субъекта. Вторая группа ценностей отражает отношение журналиста к профессиональному сообществу. Третья группа характеризует понимание миссии журналиста в общественной системе координат [16, с. 72-73]. На наш взгляд, аксиосфера журналиста, репрезенти-

рованная в его речевом поведении, может анализироваться на уровне личности (личностное измерение), на уровне социальной группы (корпоративное измерение), на уровне общества в целом (общественное измерение). На уровне социальной группы профессионального сообщества журналистов сегодня заметны некоторые сдвиги в понимании фундаментальных и этических основ журналистики. «Акцент сместился с ответственности на права и попытки сдерживания злоупотреблений» [19, с. 80]. Особенно ярко это проявляется в случае выражения резко противоположных позиций по отношению к событию, получившему широкий общественный резонанс.

В основу теоретической концепции предложенной гипотезы положены понятия коммуникативного статуса и речевого поведения субъекта речи. *Коммуникативный статус члена корпоративной системы* – это базовая категория корпоративной коммуникационной системы, согласно которой каждый член корпорации разделяет на ценностном уровне корпоративную идеологию, является ее носителем и транслятором в публикациях и устных выступлениях [11, с. 38-42]. Это речевые права и обязанности субъекта, определяемые местом в иерархической структуре корпорации. [4, с. 325]. Базовые ценностные нарративы корпоративной миссии репрезентированы в различных стилистических формах, характерных для индивидуального стиля журналиста. Журналист как коммуникативная (и языковая) личность призвана управлять коммуникацией и воздействовать на процесс коммуникации в существующей коммуникационной системе с субъектами различных социальных структур.

Коммуникативный статус неотделим от понятия коммуникативной личности, которая раскрывается в жанре интервью: «В диалоге человек участвует весь и всей жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [2, с. 318]. Коммуникативная личность демонстрирует речевым поведением свой социальный статус при вступлении в общение.

В ценностном плане под коммуникативным статусом личности понимается совокупность индивидуальных свойств и характеристик личности, определяемых степенью коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе социализации [10, с. 169].

«Моральный выбор рассматривается как сохранение подлинной моральной идентичности и важнейший элемент в определении аксиологических приоритетов творческой деятельности» [15,

с. 69-70]. Моральный выбор журналиста в плане разделения или неразделения корпоративного речевого поведения определяется «совокупностью регуляторов должного поведения, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное существо. Представления о морали формируются в процессе осмысления правильного поведения, основанное на идеальном понятии долга... [курсив наш]. Согласно одному из наиболее распространенных современных подходов, мораль трактуется как императивный способ регуляции поведения человека» [17, с. 337-338].

Корпоративное речевое поведение зачастую не находит точек соприкосновения с этикой профессиональной, мы порой наблюдаем некий дуализм, который проявляется в речевом поведении журналистов в особо острых, знаковых ситуациях [1, с. 48.]. Однако актуализация корпоративного начала в речевом поведении неизменно побеждает, так как присутствует и подчеркивается в ответах на самые острые и болезненные вопросы.

Анализ материала. Дудь (я молодой глупый, какой-то Дудь) – Познер (но я же понимаю, что это не так...не какой-то) [8].

В интервью Ю. Дудь и В. Познер продемонстрировали общность мировоззренческой позиции либерального толка, что выражается в следующих высказываниях коммуникатора о свободе слова и сути журналистской профессии:

Ю. Дудь: *Вас многие спрашивают о профессии, задают вопросы...Как вы сами себя чувствуете при этом? У вас нет ощущения, что люди собираются выбрать для себя ремесло, которое сейчас находится в жесточайшем кризисе и в общем-то не нужно ни государству, ни стране?*

В. Познер: *Когда я на факультете журналистики выступаю, такое ощущение есть, я им всем говорю, что в России сегодня нет журналистики, а есть журналисты, отдельно взятые. Журналистика, как профессия, ее нет сейчас. Может, она возникнет снова, я даже уверен, что возникнет снова как некая четвертая власть. Предсказывать я не мастак. Я просто уверен, что это будет. Потому что без этой профессии ни одно государство существовать не может.*

В. Познер демонстрирует корпоративное речевое поведение с подчёркиванием этического кодекса журналистов, который предписывает не давать оценку политическим взглядам другого журналиста, а оценивать только его профессионализм, что В. Познер демонстрирует при ответе на вопрос Ю. Дудя о речевом поведении журналиста А. Шейнина на Первом канале в программе «Вре-

мя покажет»:

Ю. Дудь: *Готовясь к программе, я узнал, что Артем Шейнин чуть ли не 10 лет один из ведущих игроков вашей команды. Человек, который делает в вами самые разные проекты, человек, который работал шеф-редактором команды Познер. ...У меня возникает вопрос: как это возможно?*

В. Познер: *Он и по-прежнему является шеф-редактором моей программы. Ну, так называется его должность. Он ничего не редактирует. Он по сути тот человек, который организует, когда кого-то приглашают, чтоб была студия, чтоб поехали, и так далее... Что касается его ну что ли так политических взглядов. То я с ним об этом не говорю, и он со мной не говорит. Я скажу, что я просто этого как бы не замечаю. И это факт.*

Актуализация корпоративного речевого поведения сотрудников Первого канала здесь подчеркивается: не давать публичной оценки политическим взглядам и профессиональной деятельности сотруднику, своему коллеге, работающему в одной корпорации. То есть здесь соблюдается два корпоративных стандарта: поддержание журналистского профессионального кодекса [9] и соблюдение правил корпоративного поведения, соответствующего коммуникативному статусу ведущего программы на Первом канале. Профессионализм В. Познера как журналиста проявляется на всех уровнях организации его речевого поведения в ходе интервью.

В. Познер жестко придерживается профессионального этического кодекса журналиста (*Я о людях, которые работают в моей профессии не говорю ни хорошо, ни плохо. Просто у меня такой принцип*), уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания (*Он товарищ мой. Он, я знаю точно. Что он сделает все возможное, чтобы мне помочь, если мне будет плохо. Он преданный человек*).

В. Познер полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должностей в руководящих органах политических партий и других организаций политической направленности (*есть либералы, которые не знают, чей я, на какой стороне, почему я не желаю выступить с их стороны? Я пытаюсь занять позицию журналистскую. Которая является объективной и не выступать за кого-либо. Так что там тоже есть люди, которые меня сильно не любят. Их довольно много, я думаю*).

В. Познер разделяет корпоративную идеологию: не высказываться публично нелицеприятно о своих сотрудниках и коллегах.

В. Познер не игнорирует корпоративные ценности Первого канала, медиа-холдинга, контрольный пакет акций которого (51 %) принадлежит государству, он их разделяет в той или иной степени (*Ну у меня с Песковым отношения такие... как вам сказать. неофициальные. Он мне не начальник. Но он прекрасно понимает... Нет он не может мне разрешить или не разрешить. Он может дать совет. Совет, основанный на том, что он знает какие-то вещи, несомненно. Так что я как раз пользуюсь этим. К сожалению, это так. К сожалению. Видите ли, до тех пор, пока телевидение либо напрямую, либо опосредованно контролируется государством. Будет такая ситуация. Государство будет решать. Кто может. А кто не может... государство в лице институтов власти, кто может, а кто не может появиться на этом экране.*)

В аспекте деления ключевых позиций государственной идеологии В. Познер тоже вполне репрезентативен: *«А Путин нравится это или не нравится.... Он сумел вернуть Россию, заставить весь остальной мир и в том числе Соединенные Штаты считаться с интересами России, а не сказать, вы проиграли холодную войну? Сидите!... Отсутствие свободы в СМИ к этому не имеет никакого отношения. Нет, вы ставите знак равенства между свободой СМИ и нанесением России на карту. Я с этим не согласен».*

Дудь (я молодой и неопытный, чайниковская колокольня) – Киселев: (фронтмен телевидения) [7].

Профессиональный кодекс журналиста (этический кодекс профессионального сообщества) предписывает: *«Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений» [9].* В речевом поведении Д. Киселева соблюдение этого положения Кодекса проявляется в том, что он разбивает атакующую стратегию Ю. Дудя тем, что тот свои вопросы формирует на основе непроверенных, неуточненных данных, фейках, и распространяет их. В ответ на вопрос Ю. Дудя о комментарии нападения маньяка на журналистку телеканала «Эхо Москвы» Татьяны

Фельгенауэр в программе «Вести недели», Д. Киселев ответил: *«Комментарий мой был о том, что Эхо Москвы представило это как политическую историю, имеющую политическую подоплеку, более того, многие комментаторы даже стали обвинять меня в том, что это я создаю атмосферу ненависти в стране, что журналистов с Эха Москвы приезжают убивать. А комментарий касался журнала Time о том, что неправомерно поставили Татьяну Фельгенгауэр в компанию преследуемых журналистов. Вот это было главным. Поскольку на нее напал сексуальный маньяк, который сейчас сидит в психиатрической лечебнице по приговору суда и проходит принудительное лечение».*

В своих ответах Д. Киселев подчеркивал, что журналисты «Эха Москвы» в своей работе не проявляют журналистской солидарности и нарушают профессиональный Кодекс: *«Мы объявили кампанию «Найти Андрея Стенина». Россия 24 вышла со специальной меткой, проявил журналистскую солидарность, а Эхо Москвы этого не сделало. И во время войны с Грузией, это характерно для этого канала, журналистка называла нашу армию вражеской, а когда 2 журналиста комсомольской правды попали в плен, их просто забрали и посадили в какой-то зиндан, подземную тюрьму, на Эхе Москвы говорили, что они не журналисты, а там типа разведчики, шпионы. ...Тем самым, на мой взгляд, они выпадают из журналистского сообщества».*

Д. Киселев демонстрирует своим речевым поведением приверженность внутрикорпоративным ценностям (идеология канала «Россия 1»), на котором так же ведет свою программу «Вести недели»). При ответе на вопрос Ю. Дудя «Кого вы считаете лучшими журналистами России прямо сейчас?» Д. Киселев перечислил своих сотрудников: *Александр Рогаткин, наш специальный корреспондент. Да. Я считаю, что, Женя Попов, который ведет со своей женой Ольгой. Программа 60 минут. Да, он из Владивостока сам, был корреспондентом на Украине, был корреспондентом в Штатах и вот сейчас ведет эту программу. Прекрасны совершенно. Прекрасный репортер. И если взять из Агентства, то Виктор Мараховский. Наш обозреватель. Да, я считаю, что этот очень успешный телевизионный проект и ребята молодцы, конечно. Безусловно. Мне вообще нравится телевидение; Да, я доволен, потому что Степаненко, это наш военный корреспондент там, он рассказывал то, о чем видит; Мне очень понравился. Наша корреспондентка добралась до ост-*

рова Шикотан и мы там показали реальных людей; Я позвонил и попросил, я специально позвонил и взял под защиту эту журналистку.

На внешнекорпоративном уровне (державность и патриотизм) Д. Киселев демонстрирует себя государственным, подчеркивает приверженность конституционному праву, отвергает насилие: *Я не поддерживаю госперевороты; Государство – это резервуар для общества, это резервуар для очень многого. Без патриотизма мы потеряем Россию; Религия воспроизводит ценности из поколения в поколение. И эти критерии всеми принимаются. Без церкви и без религии все расползется. И уже расплзается.*

Приверженность традиционным семейным ценностям в речевом поведении Д. Киселева прочитывается в его высказываниях: *Я сейчас помогаю его семье. У него осталась трое дочерей и Оля, его жена прекрасная Оля Киселева. Красавица. Она выпускница семинарии, регентского отделения. Помогаю сейчас этой семье, конечно.*

Несмотря на разницу мировоззренческих позиций В. Познера (либерала, западника) и Д. Киселева (государственника, умеренного консерватора), их речевое поведение в интервью Ю. Дудю имеет определенное сходство в аспекте приверженности корпоративной идеологии и этическим профессиональным кодексам на уровнях профессионального журналистского сообщества, они разделяют корпоративную идеологию канала, на котором ведут авторские передачи и разделяют базовые постулаты государственной идеологии (целостность государства).

Дудь (на все эфиры, кроме своей радиостанции вы ходите за кэш?)

– Доренко (совершенно правильно) [6].

В речевом поведении С. Доренко ярко метафоричен и демонстрирует приверженность корпоративным ценностям, актуализируя на лексико-семантическом уровне кодекс чести военного, пользуется сочным солдатским юмором с элементами дворового жаргона из гарнизонного детства: *Миша Леонтьев пишет программу партии Путина. Прямо вот здесь вот. На лавочке для рядового состава; я гарнизонный мальчик, керченский хлопчик; Я как хомяк, я складываю. Все думаю преодолеть проклятья про в поте лица своего один чувак сказал, я вот думаю, а на хрен бы оно надо. В поте лица своего будешь зарабатывать, сказал один чувак.*

С. Доренко признает, когда и почему он нарушил правила корпоративного поведения и журналистский кодекс, за что был уволен с канала ОРТ

после материала из Видяево об АПЛ «Курск»: Я был как зомби, с таким состоянием идут под танки; Это будет мой удар с правой за Видяево; А это значит поехал кукухой. Да. То есть я забылся.

С. Доренко показывает восхищение былым имперским величием страны: советский Версаль, величественное прошлое, Империя, величественное дыхание декаданса, смерти; Там жили какие-то... семья бывших ученых, которых недорастреляли.

В области проявления речевом поведении профессиональной журналисткой солидарности С. Доренко избирателен по формату журналистской работы, с одними солидарен, других не воспринимает всерьез: Познер не информированный человек. Он никогда не работал в новостях. Видите ли, в чем дело, я вырос в авиационных гарнизонах и в журналистике для меня новостники как летчики. Все остальные это параша. Это сапоги. Все остальные. Неинтересно. Я ценю только новостников. Венедиктов наш. А не новостники – это портянки. Мы признаем их, они уважаемые люди, но нам противно быть рядом с ними.

На вопрос об отношении к работе В. Соловьева С. Доренко отвечает в корпоративном стиле: он после съемки вот так на кулаки встает через стол и говорит мне: «Ну ты понял, что я здесь настоящий телекиллер, а не ты?» Я говорю, Володь, что ты несешь? Ты-то, кто хочешь. Но я-то никогда не был телекиллером в своей жизни. Я ироник, я саркастик, но я не понимаю, что ты сейчас говоришь? Я не телекиллер никакой.

Журналист демонстрирует приверженность корпоративной идеологии не ситуативно, а системно: Вот к Эрнсту вообще никаких претензий. Он просто мне сказал насинг персонал, Сережа, довел до двери и там шепнул: нонперсонал. Я сказал ему ноу проблем, Константин. Нет Эрнст никогда за меня не отвечал. Я был зам Кости Эрнста, которому вменялось в обязанности отвечать за меня самого. Я был его зам, который курировал меня. Эрнст за меня никогда не отвечал. Я напрямую ходил к Путину. Даже когда ОРТ как канала уже не существует, как и директора этого канала. При ответе на вопрос о феномене Б. Березовского С. Доренко предельно корректен по отношению к бывшему патрону, то есть он соблюдает правила корпоративного поведения не только в существующих, но даже в уже несуществующих отношениях, демонстрируя последовательность и системность: Какой олиграх? Он хозяин моего канала. Хозяин моего канала. Вам хо-

зяин звонит с какой-нибудь из сраного места, где вы работаете? Вам повезло. Когда у вас будет хозяин, он вам будет иногда звонить. И что? А лучше Березовского существует начальник, ну хоть один? Он лучший начальник; А Путин не бывает начальником. Путин – это трон. Путин – это человек, который даст тебе гранату и скажет, иди под танки. Это трон. Это император. Это император небесный. Он отвечает за восход и закат.

С. Доренко, поскольку принимал участие в освещении президентской кампании первого срока В. Путина, демонстрирует свою ответственность за проведенную агитационную кампанию на телевидении и лояльность к избранной народом власти: делает президентом человека только народ; вот эта Россия, она заслужила брата-солдата, брат-солдат – это Путин. Брат-солдат, понимаешь, нет? Что братан приедет, вступится за тебя. В хорошем смысле. Надо было е сказать. Что приедет братан и решит все вопросы. Впряжется за тебя. Пожалуешься и он прямо это. И все. Почувствовал. Мы виделись на инаугурации последний раз сейчас, 7 мая. Вот сейчас. В Кремле. На инаугурации в Георгиевском зале он был ...Я инаугурировал президента российской Федерации. С вашего разрешения А что? Я не понял? Я не хочу выглядеть идиотом. Вы не должны идти против своего народа никогда. Никогда. Понимаете, в чем дело? Это глупо. Нами правят очень просвещенные люди. Вы просто не в курсе. Это же не чеченцы нами правят. Пока. Нет. Нами правят питерские интеллигенты.

Как показали приведённые примеры из интервью, С. Доренко, несмотря на эпатажную речевую манеру, вошедшую в моду в период 90-х и во многом определивших вольный индивидуальный журналистский стиль А. Невзорова, Л. Парфенова и др., в своем речевом поведении продемонстрировал соблюдение кодекса журналиста, корпоративную лояльность к коллегам по цеху настоящим и бывшим патронам, разделение ценностей объединяющей идеи патриотизма.

Дудь (вам Путин надоел?) – Венедиктов (Нет) [5].

Речевое поведение А. Венедиктова демонстрирует корпоративную лояльность, поскольку «Эхо Москвы» является частью медиахолдинга, контролируемого государством: Мы перешли на ты, что бывает достаточно редко. Он (Дмитрий Песков – пояснение мое) приличный парень; Мое кресло никоим образом не зависит от Дмитрия Сергеевича. Мое кресло зависит от Владимира

Владимировича. Путин трижды спасал Эхо; Мы являемся витриной свобод слова. Почему это иллюзия? Мы реальны. Хорошая, промытая витрина; Вот это важная история с профессиональной просьбой. И это нормальные отношения. Когда я при Ельцине еще торговался за информацию; Мы закрытое акционерное общество. С этим предложением я иду к акционерам, и они имеют право первой покупки. Это Газпром.

Хотя «Эхо Москвы» считается выразителем оппозиционности и свободомыслия, ее главный редактор А. Венедиктов своим речевым поведением публично демонстрирует приверженность официальной патриотической идеологии, косвенно цитируя послания Президента, публично и открыто поддерживает официальный курс на патриотическую повестку: *Россия встала с колен; Такие миссии не имеют конца; Путин подобрал свое, вернул свое; Во дворцы, в которых он будет жить, я не верю; Не Бог, Путин. Вы что-то путаете; Постимперская Россия снова стала великой; И люди его любят. Он осуществил мечту Мое кресло зависит от Владимира Владимировича.*

Речевое поведение Алексея Венедиктова, представителя оппозиционного канала либерального толка, как это ни удивительно, демонстрирует еще более жесткую приверженность официальной идеологии. Если проанализировать речевую партию А. Венедиктова и сравнить ее с речевыми партиями Д. Киселева, то существенной разницы в актуализации ценностных аспектов мы не увидим, что в очередной раз демонстрирует системность корпоративной идеологии, которая разделяется всеми ее членами и транслируется массовому адресату.

Д. Киселев: «Я считаю, что он (Путин) сохранил государство наше, и даже не просто сохранил, он его воссоздал. И вот эта модель государства будет существовать, слава Богу, и после него».

В. Познер: «Он (Путин) умеет поставить, то, как он понимает интересы России таким образом, что приходится с этим считаться» «Кто, если не Путин? Мне некого назвать. Он действительно сильный. Он на самом деле сильный».

С. Доренко: «Путин не бывает начальником. Путин – это трон. Это император. Это император небесный. Он отвечает за восход и закат».

А. Венедиктов: «Россия встала с колен. Возникла миссия восстановления, воссоединение русского мира. Такие миссии не имеют конца».

Как показал проведенный анализ, все журналисты, представители разных каналов транслируют один и тот же ценностный патриотический

посыл, имеющий характер коммуникативной стратегии: *сохранение государства, с нами приходится считаться, он действительно сильный, противопоставить ему некого, Россия встала с колен, эта миссия бесконечна.*

Все субъекты речи выражают ценности корпоративной системы государственного медиахолдинга. Субъект речи, не вписанный в систему государственного медиахолдинга, остается маргинализированным элементом, который корпоративная система использует как инструмент для трансляции базовых ценностей в интернет-среде (см. количество просмотров).

Коммуникативный статус задается внешними факторами и не связан с мировоззрением личности: личности с корпорацией необходимо считаться. Личность подчинена корпоративной иерархии. Первое лицо излагает истину по определению, нижестоящие эту истину транслируют. Коммуникативные статусы корпоративного и некорпоративного мировоззрения представлены в бинарной оппозиции и имеют эффект воздействия на разделение свой-чужой.

Влияние PR на журналистику последнее время существенно возросло и определило смещение ценностного вектора в сторону корпоративных ценностей. Корпоративные ценности в медиасреде сегодня закладывают основы для распространения патриотической идеологии.

Корпоративная идеология с доминированием пресс-службы в выстраивании отношений с журналистским сообществом в связи с возникновением ПАО переходит на стратегический государственный уровень и готовит базу для формирования и закрепления патриотической идеологии. Интернет является площадкой для транслирования базовых ценностей в стилистических одеждах, приемлемых для массового адресата и понятных ему. «Газпром-Медиа» занимает в формировании ценностной патриотической повестки особое место в системе российских СМИ, контролируется финансово-промышленной компанией «РАО Газпром». В свою очередь под контролем Газпрома находится около 200 компаний, работающих в различных сегментах медиабизнеса: печать, телевидение, радиовещание, кинематография, реклама, PR-деятельность, онлайн-медиа.

Выводы

В результате проведенного наблюдения за системно представленным речевым материалом мы пришли к следующим выводам.

Коммуникативный статус личности задается экстралингвистическими факторами и сферой общения: корпоративной средой и ее кодексом положением в иерархии.

Согласно корпоративному кодексу лицо, возглавляющее корпорацию, государственную структуру, партию, некоммерческую организацию или целое государство априори излагает «истину по определению».

Нижестоящие субъекты корпоративной системы обязаны цитировать первое лицо, что является показателем принадлежности к корпорации, возглавляемой первым лицом.

Коммуникативные статусы друзей и врагов корпоративной системы репрезентированы в бинарной оппозиции, легко распознаются и потому имеют манипулятивный эффект.

Коммуникативный статус подчинен медиасистеме, которая требует определенного речевого поведения, жесткого соблюдения правовых и этикетных норм, вне которых коммуникативный статус отторгается системой и входит в стоп-лист.

На общем фоне свободы стилистического самовыражения регулятивные свойства системы требуют от личности соблюдения коммуникативного формата, соответствующего статусу, любые ошибки в актуализации коммуникативного статуса субъектов речи становятся информационными поводами с соответствующими репутационными последствиями.

Библиографический список

1. Абилюкенова, В. А. Новый вызов идентичности журналиста: ситуация дуализма профессиональной и корпоративной этики [Текст] // Социальная миссия и профессия / Материалы международной научно-практической конференции. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2015. – С. 48-49.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 444 с.
3. Бовин, А. Е. XX век как жизнь. Воспоминания [Текст] / А. Е. Бовин. – М. : «Центрполиграф», 2017. – 930 с.
4. Быкова, Е. В. Коммуникативный статус [Текст] / Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. – М. : Флинта, 2018. – С. 325-326.
5. Дудь – Венедиктов [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/f0wv89CdksM>
6. Дудь – Доренко [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ufbtj14TdpM>
7. Дудь – Киселев [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7JrIAY5G7jE>
8. Дудь – Познер [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE>

9. Кодекс профессиональной этики российского журналиста [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruj.ru/_about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php

10. Конечкая, В. П. Социология коммуникаций [Текст] / В. П. Конечкая. – М. : Международный университет Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с.

11. Коньков, В. И. Речевая власть корпорации [Текст] // Top-Manager. – 2004. – № 11. – С. 38-42.

12. Крысин, Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих [Текст] // Социально-лингвистические исследования / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1976. – С. 42-52.

13. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.

14. Петренко, Д. А. Категория социальной роли и речевое общение [Текст] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – С. 82-88.

15. Подоляк, Т. В. Этика журналиста: аксиологические приоритеты профессии [Текст] // Социальная миссия и профессия / Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 69-70.

16. Саблина, Т. А. Аксиология профессиональной деятельности современного журналиста [Текст] // Социальная миссия и профессия / Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 72-73.

17. Словарь философских терминов [Текст]. – М., 2007. – С. 337-338.

18. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – С. 96, 215. – 284 с.

19. Филатова, И. В. Социальная миссия журналистики и саморегулирование СМИ в условиях трансформации ценностной парадигмы [Текст] // Социальная миссия и профессия / Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 79-80.

20. Фролов, С. С. Социология [Текст] / С. С. Фролов. – М. : Наука, 1994. – 256 с.

Reference List

1. Abil'kenova, V. A. Novyj vyzov identichnosti zhurnalista: situacija dualizma professional'noj i korporativnoj jetiki = A new challenge to the journalist's identity: a situation of dualism of professional and corporate ethics [Tekst] // Social'naja missija i professija / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – М. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2015. – S. 48-49.
2. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Esthetics of verbal creativity [Tekst] / M. M. Bahtin. – М. : Iskusstvo, 1979. – 444 s.

3. Bovin, A. E. XX vek kak zhizn'. Vospominaniya = XX century as life. Memoirs [Tekst] / A. E. Bovin. – M. : «Centropoligraf», 2017. – 930 s.
4. Bykova, E. V. Kommunikativnyj status = Communicative status [Tekst] / Medialingvistika v terminah i ponjatijah. Slovar'-spravochnik. – M. : Flinta, 2018. – S. 325-326.
5. Dud' – Venediktov = Dud – Venediktov [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://youtu.be/f0wv89CdkSM>
6. Dud' – Dorenko = Dud – Dorenko [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ufbtj14TdpM>
7. Dud' – Kiselev = Dud – Kiseliov [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7JrIAY5G7jE>
8. Dud' – Pozner = Dud – Pozner Dud – Pozner [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE>
9. Kodeks professional'noj jetiki rossijskogo zhurnalista = Code of professional ethics of a Russian journalist [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.ruj.ru/_about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php
10. Koneckaja, V. P. Sociologija kommunikacij = Sociology of communications [Tekst] / V. P. Koneckaja. – M. : Mezhdunarodnyj universitet Biznesa i Upravlenija, 1997. – 304 s.
11. Kon'kov, V. I. Rechevaja vlast' korporacii = Speech power of corporation [Tekst] // Top-Manager. – 2004. – № 11. – S. 38-42.
12. Krysin, L. P. Rechevoe obshhenie i social'nye roli govornjashhij = Speech communication and speakers' social roles [Tekst] // Social'no-lingvisticheskie issledovaniya / L. P. Krysin. – M. : Nauka, 1976. – C. 42-52.
13. Minskij, M. Frejmy dlja predstavlenija znanij = Frames for representing knowledge [Tekst] / M. Minskij. – M. : Jenergija, 1979. – 152 s.
14. Petrenko, D. A. Kategorija social'noj roli i rechevoe obshhenie = Category of social role and speech communication [Tekst] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie nauki. – 2015. – T. 1 (67). – № 3. – S. 82-88.
15. Podoljak, T. V. Jetika zhurnalista: aksiologicheskie prioritety professii = Journalist's ethics: axiological priorities of profession [Tekst] // Social'naja missija i professija / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – M., 2015. – S. 69-70.
16. Sablina, T. A. Aksiologija professional'noj dejatel'nosti sovremennogo zhurnalista = Axiology of professional activity of a modern journalist [Tekst] // Social'naja missija i professija / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – M., 2015. – S. 72-73.
17. Slovar' filosofskih terminov = Dictionary of philosophical terms [Tekst]. – M., 2007. – S. 337-338.
18. Telija, V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects [Tekst] / V. N. Telija. – M. : Shk. «Jazyki rus. Kul'tury», 1996. – S. 96, 215. – 284 s.
19. Filatova, I. V. Social'naja missija zhurnalistiki i samoregurovanie SMI v uslovijah transformacii cenostnoj paradigmy = Social mission of journalism and self-regulation of mass media in conditions of transformation of value paradigm [Tekst] // Social'naja missija i professija / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – M., 2015. – S. 79-80.
20. Frolov, S. S. Sociologija = Sociology [Tekst] / S. S. Frolov. – M. : Nauka, 1994. – 256 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.11.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10594

УДК 659

Л. В. Ухова

<https://orcid.org/0000-0002-0222-082X>

А. Г. Жукова

<https://orcid.org/0000-0001-6502-2540>

Вовлечение как доминирующая коммуникативная стратегия клиентоориентированного маркетинга

В статье рассматривается феномен речевого вовлечения в клиентоориентированных маркетинговых офлайн-практиках. Понятие *вовлечения / вовлеченности* сегодня весьма актуально в сфере маркетинговых коммуникаций, и не только в интернет-среде, но и офлайн-взаимодействии потребителя с брендом. Это подтверждается и результатами опроса посетителей предприятий общественного питания, которые в своих анкетах отмечают важность коммуникативного контакта персонала с клиентами и креативность устного и письменного речевого общения в подобных заведениях. К такому обслуживанию стремятся практически все предприятия, выбравшие стратегию маркетинга «с человеческим лицом» и реализующие разнообразные системы лояльности, которые превращают случайных клиентов в постоянных, стимулируют их к долгосрочным отношениям с компанией. Современные маркетинговые концепции, такие как маркетинг отношений и маркетинг вовлечения, в отличие от классического маркетинга, отдают приоритет именно таким отношениям с потребителем, непрерывному взаимодействию с ним. Под вовлечением в данной работе понимается одна из манифестаций речевого воздействия, асимметричный речекommunikативный процесс, инициируемый и осуществляемый вовлекателем и направленный на то, чтобы вызвать у реципиента (вовлекаемого) готовность / намерение / желание вступить во взаимодействие с вовлекателем (предприятием, брендом). Под вовлеченностью понимается когнитивное / речеповеденческое состояние реципиента, связанное с той или иной степенью включенности в коммуникацию с вовлекателем. Эти готовность / намерение / желание совершить те или иные действия по осуществлению такого взаимодействия или, по крайней мере, ощутить эмоциональные или когнитивные реакции на предлагаемые вовлекателем речевые стимулы формируется на основе общности когнитивной базы, позитивных ассоциаций и эмоциональных реакций. Речевое вовлечение в данной работе рассматривается на примере сети семейных кафе-кондитерских «АдерСон». Выявляются основные вовлекающие тактики, используемые в речевой практике заведений, входящих в указанную сеть. Делается вывод о том, что анализируемый кейс является примером разноаспектной, комплексной реализации вовлечения потребителя во взаимодействие с предприятием в формате офлайн.

Ключевые слова: речевое вовлечение, речевое воздействие, асимметричное вовлечение, речевые стимулы, эмоциональное вовлечение, когнитивное вовлечение, клиентоориентированный маркетинг, маркетинг вовлечения, маркетинг взаимоотношений, речевые тактики.

L. V. Ukhova, A. G. Zhukova

Involvement as a dominant communicative strategy of the client-oriented market

The article discusses the phenomenon of speech involvement in customer-oriented marketing offline practices. The concept of involvement / engagement is very relevant in the sphere of marketing communications today, and not only in the Internet environment, but also offline – interaction of the consumer with a brand. This is confirmed by the results of surveying visitors of catering enterprises, who note the importance of communicative contact of staff with clients and creativity of oral and written speech communication in such institutions in their questionnaires. Such service is sought by almost all enterprises that have chosen a marketing strategy «with a human face» and implement a variety of loyalty systems, which turn random customers into permanent ones, stimulate them to long-term relations with the company. Modern marketing concepts, such as relationship marketing and involvement marketing, unlike classical marketing, give priority to this kind of relationship with the consumer, continuous interaction with him. Involvement in this work is understood as one of demonstrations of speech influence, the asymmetric speech communicative process initiated and which is carried out by the one who involves and directed to causing readiness / intention / desire of the recipient to interact with a the one who involves (an enterprise, a brand). Involvement refers to the cognitive/recipient state of the recipient associated with some degree of inclusion into communication with the recipient. This willingness/intent/desire to perform any action to effect such interaction, or at least to sense emotional or cognitive responses to speech stimuli offered by the participant, is formed on the basis of a common cognitive base, positive associations and emotional

responses. Speech involvement in this work is considered on the example of the network of family cafe-confectionery «AderSon». The main engaging tactics used in speech practice of establishments included in the specified network are identified. It is concluded that the analyzed case is an example of a diverse, complex implementation of consumer involvement in interaction with the enterprise in the offline format.

Keywords: speech engagement, linguistic manipulation, asymmetric engagement, speech incentives, emotional involvement, cognitive engagement, client-oriented marketing, involvement marketing, interaction marketing, speech tactics.

Постановка проблемы

В современном обществе актуальны маркетинговые концепции, нацеленные на построение «тесных и долгосрочных отношений с потребителем, включению его в непрерывное взаимодействие с компанией / брендом» [1, с. 75-76]. Для их обозначения используются семантически прозрачные термины, такие как *маркетинг взаимоотношений*, *маркетинг вовлечения*, *клиентоориентированный маркетинг* и т. д. Востребованность подобных концепций связана с переносом потребительской и торговой активности в онлайн-среду, «выравниванием» предложений разных субъектов бизнеса по цене и качеству на фоне снижения покупательской лояльности, негативным отношением потребителей к прямому рекламному воздействию [1; 2; 13; 14].

Феномен **вовлечения** достаточно активно исследуется в гуманитарных науках, в том числе в языкознании, однако применительно к маркетинговой лингвистике [3; 16] данная категория пока не разработана. В то же время очевидно, что для последней актуально изучение эффективных форм речевого взаимодействия бизнеса с потребителями, направленного на формирование и поддержание потребительской лояльности – приверженности, верности бренду / товару. Все это заставляет нас обратиться к анализу лингвистических исследований вовлечения.

История вопроса

Феномен вовлечения вызывает значительный исследовательский интерес в разных областях знания (юриспруденции, педагогике, психологии, экономике, социологии, философии, культурологии и др.), в том числе лингвистического (этнография речи, дискурс-анализ, интеракциональная социолингвистика, юридическая лингвистика и др.). Междисциплинарность данной категории приводит к многозначности термина [10, с. 90].

Необходимо отметить, что традиция изучения <речевого> вовлечения пришла к нам с Запада, где данное понятие обозначается двумя англоязычными терминами *involvement* и *engagement*, которые, «с одной стороны, синонимичны, а с дру-

гой – имеют определенные сочетаемостные традиции и специализацию» [8, с. 134]. Указанные термины переводятся на русский язык однокоренными словами с разной грамматической семантикой: *вовлечение* (действие субъекта по отношению к объекту) и *вовлеченность* (характеристика объекта, подвергшегося соответствующему действию). Толкование глагольной пары *вовлекать / вовлечь* («побуждать, склонять к какой-либо деятельности, к участию в чем-л.») в толковых словарях русского языка дается с использованием глаголов воздействующей семантики: *привлекать, побуждать, склонять, соблазнять*, которые в совокупности делают практически обязательной речекommunikативную составляющую рассматриваемого феномена [8, с. 135-136].

Обобщая результаты изучения речевого вовлечения (точнее, понятийного комплекса *вовлечение / вовлеченность*) в лингвистических работах зарубежных и отечественных ученых, можно выделить целый ряд трактовок:

– «степень когнитивной и поведенческой задействованности в разговоре, отношениях, ситуации» [20, с. 463]; «степень когнитивного и поведенческого участия в коммуникативном процессе» [6, с. 65];

– готовность участвовать в общении в противоположность отказу от общения [5; 19];

– достижение эмоционального контакта между людьми на основе объединяющих их событий и обстоятельств [23];

– деятельность говорящего / пишущего по поддержанию взаимодействия со слушающим / читающим, удержанию его внимания и интереса к предлагаемому высказыванию / тексту [22];

– формирование речекommunikативными средствами готовности реципиента к участию в какой либо-деятельности, группе, совершению совместных действий [10] и др.

Как видим, одна часть данных трактовок относится к вовлечению, а другая – к вовлеченности. При изучении межличностной коммуникации более востребованным является понятие вовлеченности, трактуемое как один из принципов эффективного социального взаимодействия [21, с. 8] и обязательное условие успешной коммуникации

вообще [20, с. 463]. Как отмечает И. Гофман, «вовлеченность обязывает к взаимному диалогу» [5, с. 436].

В маркетинговых же практиках мы имеем дело с **вовлечением** как манифестацией речевого воздействия, целенаправленной деятельностью субъекта вовлечения (вовлекателя) по изменению поведения и сознания объекта (вовлекаемого). Следовательно, вовлечение выступает здесь как асимметричное, но социально оправданное взаимодействие между компанией (брендом) и потребителями с целью повышения лояльности последних. Потребительская лояльность, как отмечают маркетологи, сегодня определяется не столько удовлетворенностью покупателей, сколько их «эмоциональной вовлеченностью во взаимодействие с брендом» [2, с. 77].

В работах отечественных ученых, рассматривающих вовлечение в юрислингвистическом аспекте (вовлечение в криминальную, сектантскую, экстремистскую деятельность), были выделены следующие признаки этого феномена: 1) организованность, стадиальность, градация по степени достигнутого эффекта; 2) кумулятивный характер (эффект вовлечения накапливается из нескольких коммуникативных событий, а не достигается только одноразовым речевым актом); 3) интердискурсивность, т. е. совмещение нескольких дискурсов (маркетингового, политического, дидактического и т. п.); 4) достижение эффекта сочетанием разнотипных и разноуровневых средств [11, с. 416-417]. Эти признаки, как мы покажем в дальнейшем, актуальны и для «маркетинговой» трактовки вовлечения.

Методика исследования

По отношению к маркетинговой сфере вовлечение может быть интерпретировано как асимметричный речекоммуникативный процесс, инициируемый и осуществляемый вовлекателем с целью вызвать у реципиента (вовлекаемого) готовность / желание / намерение вступить во взаимодействие с вовлекателем (предприятием, брендом). Несомненно, вовлечение в таком понимании – явление стратегическое, основанное на планировании результата и действий по его достижению. Поэтому в рамках данной статьи мы рассматриваем **вовлечение** как **коммуникативную стратегию**, направленную на формирование у адресата когнитивной и/или эмоциональной включенности (вовлеченности) в коммуникацию с брендом / предприятием, готовности к продолже-

нию коммуникации и совершению действий по ее осуществлению.

Под коммуникативной / речевой стратегией, мы, вслед за О. С. Иссерс, понимаем «план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для „обработки“ партнера» [9, с. 102], установку на коррекцию его модели мира (добавим: и поведения – авт.) [9, с. 109]. Стратегия реализуется при помощи обобщенных действий, направленных на коррекцию определенного сегмента модели мира адресата – речевых тактик.

Цель настоящего исследования состоит в определении специфики данной коммуникативной стратегии в условиях офлайн-взаимодействия бренда с потребителем на основе выявления комплекса реализующих ее тактик и речевого инструментария. Для реализации данной цели использовались методы дискурс-анализа, коммуникативно-прагматического и лингвокогнитивного анализа, интернет-опроса с помощью Google Forms.

Итак, вовлечение сегодня осуществляется через все каналы связи с потребителем, при этом, как отмечают маркетологи, преимущество сегодня за цифровыми каналами. Однако целый ряд разновидностей бизнеса взаимодействует с потребителем в первую очередь офлайн. Примером тому могут служить заведения общественного питания. Проанализируем тактики и инструменты речевого вовлечения на примере сети семейных кондитерских «АндерСон». Материалом для нашего исследования явились письменные тексты, функционирующие в дискурсе предприятия общественного питания и обеспечивающие офлайн-взаимодействие между заведением (брендом) и клиентом (потребителем).

Семейное кафе «АндерСон» не случайно послужило объектом настоящего исследования. С целью выявления потребительских предпочтений в выборе заведений общественного питания на предварительном этапе был проведен интернет-опрос с помощью Google Forms, в котором приняли участие 170 человек – мужчины и женщины в возрасте от 20 до 63 лет (имеющие и не имеющие семью). Результаты опроса показали, что, помимо качества пищи и стоимости заказа, при посещении заведений общественного питания респонденты обращают внимание на качество обслуживания (75 % опрошенных), дизайн интерьера (53 % опрошенных) и креативность в оформлении помещения (25 % опрошенных). Качество устной и письменной коммуникации в заведениях обще-

ственного питания важно для 82 % опрошенных. И если в устной коммуникации в равной степени оцениваются прежде всего приветливость, общительность, грамотность речи и чувство юмора, то в письменной коммуникации приоритетные позиции занимают такие параметры, как соответствие тематике заведения, креативность текста, оформление и дизайн помещения и столовых зон. Кроме того, 61 % опрошенных предпочитают заведения с творческим подходом к текстовому оформлению меню и креативной информацией на столах. В числе кафе-лидеров по всем указанным параметрам оказалась сеть семейных кафе «АндерСон».

Итак, дискурс сети семейных кафе «АндерСон» представляет собой пересечение двух типов дискурса. Во-первых, это *глuttonический* (гастрономический) дискурс (от лат. *gluttonare* – ‘есть, питаться, пожирать, объедаться’), напрямую ассоциированный с концептосферой «Пища, еда». Лингвосемиотическое пространство гастрономического дискурса организовано в соответствии с такими параметрами, как национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные и социальные характеристики [15, с. 157]. Во-вторых, это дискурс развлекательно-досуговой, связанный с проведением праздничных мероприятий для детей и взрослых, детских семейных мастер-классов, организацией досуга детей в игровой комнате. Посетители приходят в заведения не только поесть, но и в большинстве случаев пообщаться, хорошо провести время.

Сеть семейных кафе «АндерСон» работает с 2009 г. и является пионером в этой нише кафе, ориентированных на данную целевую группу – семьи с детьми. В настоящее время сеть включает собственную фабрику-кухню и 52 заведения (работают по франшизе) в разных городах России, а также Казахстане, Азербайджане и Белоруссии. Кроме того, занимается кейтерингом и развивает направление STM – поставку продукции в различные торговые сети. Бренд «АндерСон» позиционирует себя как кафе для детей и взрослых. Это не только еда, но и досуг: кафе специализируется на проведении ивентов (детских праздников, дней рождения, свадеб). В каждом кафе сети есть игровая комната, в которой дети могут поиграть, пока родители заняты разговорами. Есть также специальное детское меню, специально оформленные детские блюда.

В рекламе сети, как и во многих отзывах клиентов, подчеркивается особая уютная атмосфера кафе, обеспечиваемая креативным и в то же время

изысканным дизайном интерьера. Неотъемлемой частью этого дизайна являются речевые произведения разного объема и назначения, представленные в разных локациях и на различных носителях, Речевая подукция заведений сети – это меню, тексты на плейсментах (бумажные подложки для индивидуальной сервировки стола), тейбл-тентах, меню-холдерах, на табличках, витринах, стенах, посуде, листовках, открытках, воздушных шариках, униформе аниматоров, праздничной атрибутике и т. д.

Именно эта речевая продукция является основным средством речевого вовлечения, направленным на каждого посетителя, будь то мама с ребенком, большая компания с детьми, взрослые без детей и т. д.

Как уже отмечалось выше, вербальное вовлечение действует в комплексе с невербальным: цветовой гаммой и предметами интерьера, создающими атмосферу одновременно домашнего уюта, хорошего вкуса и креативности, неповторимым обликом каждого кафе и одновременно узнаваемостью бренда. В интерьере много интересных деталей, предметов, которые хочется разглядывать, забавных игрушек (овечек, медведей, лосей), обращает на себя внимание цветное и графическое оформление логотипа и всей текстовой продукции.

Целевая аудитория кафе – семьи с детьми, что обуславливает двойную адресацию в подаче информации. Бренд ориентирован и на детей, и на родителей, взрослых, которые иногда не прочь почувствовать себя детьми. Это означает, что основной адресат здесь все-таки родители: ср. слоган сети: *Мы любим детей и знаем, что любят они. Знаете почему? У нас тоже есть дети.* В этом слогане содержится главная «вовлекающая» идея бренда, как и в тексте на сайте сети: *Ваши дети полюбят это место за ощущение праздника, атмосферу веселья и вкусную еду. Ваши гости будут приводить сюда своих гостей, и, собираясь большой компанией, вы будете думать только о том, как тут хорошо. В «АндерСоне» уютно вам и весело вашим детям, а это и есть рецепт прекрасного семейного отдыха!*

Речевое вовлечение в данном кейсе представляет собой комплексный, разноаспектный процесс. Как нам представляется, можно говорить о двух уровнях данного процесса, каждый из которых реализуется через присутствующие в пространстве кафе тексты, содержащие речевые стимулы для когнитивных и эмоциональных реакций, а также для непосредственной коммуникации по-

сетителей с сотрудниками заведения или между собой:

а) вовлечение в коммуникацию «здесь и сейчас» (единовременное вовлечение): сервис-патруль, меню, надписи на разнообразных носителях;

б) вовлечение в отложенную коммуникацию (долгосрочное вовлечение): программы лояльности, специальное мобильное приложение, реклама мероприятий и услуг сети, адрес сайта, адреса других кафе сети, информация о мероприятиях.

Единовременное вовлечение ограничивается сроком пребывания в заведении – долгосрочное связано с продолжением взаимодействия онлайн (подписка на аккаунты кафе в социальных сетях, установка мобильного приложения, посещение сайта) и офлайн (новые посещения, присоединение к программам лояльности).

Специфика аудитории обуславливает использование таких приемов вовлечения, которые были бы ориентированы и на детей, и на родителей. Последние выступают в двух ипостасях: и как собственно родители, и как «большие дети». Оба уровня вовлечения реализуются через *непосредственное* вовлечение (детей, взрослых) и *опосредованное* (родителей через детей, детей через родителей). Вовлечение «здесь и сейчас» заключается в том, что посетителю постоянно предлагают вступить в коммуникацию по разным поводам (заказ блюда, посещение туалета, проведение времени в ожидании заказа, предложение тем для разговора, обсуждения и т. д.). При этом адресант-вовлечатель позиционирует себя как своего рода старший член семьи, демонстрируя заботу, контроль и эмпатию одновременно.

Стратегия вовлечения в анализируемом кейсе характеризуется одновременно **дидактичностью** и **развлекательностью**. При этом дидактичность, направленная на поддержание дистанции и напоминание родителям об их обязанностях, проявляется ненавязчиво и тактично, прежде всего благодаря дружеской, шутливой тональности. Так, в сети действует официальный документ – «Правила поведения в кафе АндерСон», который регулирует поведение посетителей на территории заведений. Предполагается, что приходящие в кафе посетители знакомы с правилами и согласны с ними. Вот примеры некоторых пунктов из этих правил: «*На территории АндерСон ответственность за Ребенка несет исключительно Посетитель, сопровождающий ребенка. <...> В АндерСон нельзя оставлять Ребенка без присмотра одного. В случае обнаружения Ребенка без при-*

смотра одного на территории АндерСон, АндерСон вправе обратиться в уполномоченные государственные органы (в комиссию по делам несовершеннолетних и/или полицию)». Понятно, что подобный текст разрушает атмосферу сказки и игры, поэтому на видном месте располагаются, например, такие шуточные тексты-предостережения, как: *Дети, оставленные без присмотра, будут съедены или проданы в рабство*. (Хотя ради справедливости следует отметить, что такой своего рода «черный» юмор может восприниматься и как шоковая тактика; препятствием для этого служит общая игровая тональность дискурса, поддерживаемая всем комплексом речевой продукции).

Шутливая, юмористическая тональность способствует реализации и других тактик, в том числе дидактической «ориентации» (роль вовлечателя – родитель):

А. «Родительские» тактики:

– тактика совета / лайфхака: *Кушать надо хорошо* (прецедентный образ строгой бабушки, ср. соответствующее изображение); табличка в туалете: *Перед выходом всегда лучше вещи проверить. Телефон, ключи, бумажник надо сразу забирать!*; *Купи домой – скажи, что сделал сам* (название раздела меню, посвященного блюдам, которые можно купить с собой); *В любой непонятной ситуации ешь торт!* (надпись на стене);

– тактика предостережения: *Осторожно! Во мне настоящие ягоды! Они могут быть с косточкой* (табличка на витрине); *Смотри не лопни!* (надпись на дне суповой тарелки);

– тактика предупреждения: *Дорогой друг, не пугайся! Наша Фея Света выключает свет каждые 30 секунд. Похлопай ей в ладоши, и свет загорится снова* (табличка в туалете);

– тактика «семейной» навигации: «*Комната для кормления*», «*Комната для пеленания*», «*Игровая комната*», «*Парковка для колясок*»; «*Трон именинника*» и т. д.;

– тактика демонстрации готовности помочь: надпись возле кнопки вызова официанта: «*Позови нас на помощь ☺*»; надпись на меню: *Обязательно познакомьтесь с официантом и в дружеской беседе расскажите ему о своей пищевой аллергии. А он принесет вам преискурнт с подробным составом блюд* (языковые средства с семантикой помощи, дружеской расположенности);

– тактика поощрения (адресату предоставляется свобода выбирать то, что ему нравится): *Когда захочешь, тогда и завтрак* (название раздела

в меню, где представлены блюда, которые обычно едят на завтрак, но которые можно заказать в любое время); *Делаем детям счастливую маму* (название раздела меню, посвященного салатам); *Папа любит пиво* (раздел меню, посвященный пиву); *Маме нужен выходной* (раздел меню алкогольных напитков, посвященный винам); *Для пап, которые пришли без детей* (раздел крепкого алкоголя меню алкогольных напитков). *Самое любименькое!* (название раздела десертов); *Приходите ходить на ушах!* (надпись на воздушном шарике с рекламой детских праздников);

– тактика распоряжения: *Некогда объяснить – ешь!* (надпись на стене); *Некогда объяснить – съешь меня* (надпись на бортике тарелки);

– тактика нравов: реализуется различными шуточными предложениями, в основном относящимися к глуттоническому дискурсу: *Размышлять всегда разумней с широко раскрытым ртом; Самая искренняя любовь – это любовь к сладкому; Не стоит откладывать до ужина то, что спокойно можно съесть за обедом; В любой непонятной ситуации – ешь торт!; Блин – лучший друг человека; Чтобы хорошо жить, надо хорошо есть!* В таких ситуациях часто реализуется прием парадокса, поскольку в приведенных предложениях «опрокидываются» обычные правила и запреты.

Б. Игровые тактики:

– тактика «оживления предметов», типичная для сказок (прием олицетворения): *Я полотенце. Помашите мне рукой; Я мыло. Протяните руки – давайте знакомиться!; Привет, я фен. Посушу маленьких непосед. С удовольствием* (таблички в туалете);

– тактика игровой инструкции: *Поиграй, пока мы готовим для тебя еду! Покорми зверюшку! Соедини линией изображение животного и кружочки с едой, которую оно может съесть* (текст из детского меню). *Нажми на кнопку – посади попугая* (надпись над унитазом, при нажатии на кнопку происходит автоматическая смена одноразового сиденья);

– тактика словесной игры: *Мама, я понял, кем я стану – съедателем; Му-му-лочные коктейли; Макароны настроение* (названия разделов меню); Заголовок меню: *Андерсон про еду!* (обыгрывание многозначности предложно-падежной конструкции *про еду*: совмещаются значения 'о еде' ('Андерсон рассказывает о еде') и 'связанное с едой, направленное на еду' ('Андерсон – место, где стоит поесть / хорошая еда'); *Шариковое меню* (название для преискусурнта на воздуш-

ные шарики для праздничных мероприятий). *День рождения в АндерСон: праздник имени тебя!* (реклама на тейбл-тентах); *Цветок жизни с характером* (надпись на кружке).

В. Тактика эмпатии: *Человек идет и улыбается, потому что в человеке – пирожок!; Не забудь про любимых: возьми домой черничный торт; Правило этого дня: голодных – накормить, грустных – обнять. Приходи в гости: попьем чаю, съедем фисташковый рулет. Никто не может грустить, если у него есть воздушный шарик* (надписи на открытке, плейсметах, стенах). Данная тактика реализуется языковыми средствами с семантикой эмоций, сенсорных ощущений и связана с обозначением элементов как глуттонического, так и развлекательного дискурсов, в их «семейном», «домашнем» преломлении, эксплуатируя соответствующие ассоциации и представления адресата.

Г. Тактика запроса мнения адресата: табличка на столе: *«Сервис-патруль. Оцени обслуживание и атмосферу. Проверь время подачи блюд. Заполни чек-лист. Пройди опрос и сообщи об этом официанту. Сфотографируйся с хештегом, выложи в социальную сеть, отметь нас и получи большое овсяное печенье в подарок!* Здесь реализуется принцип простых действий и вознаграждения за них (осуществляется в жанре инструкции и ориентирован как на одновременное, так и на долгосрочное вовлечение). Для прохождения опроса следует перейти на сайт, где мы видим слоганы-призывы к активному участию в контроле качества заведений сети: *«Патрулируй! Проверь! Предлагай!» «Хочешь ходить в лучшее кафе? Сделай его таким!»*. Языковые средства здесь подчёркивают востребованность активной позиции адресата, его «влиятельность» по отношению в бренду.

Д. Тактика диалогизации: *Заказали брускетту, а принесли волшебство какое-то!* (высказывание из меню, имитирующее удивленно-восхищенную реплику посетителя); *Есть что погрызть или сломать?* (надпись на бумажном колпаке для праздника, имитирующая реплику ребёнка, воплощающую его желание); *Моей бодрости завидует даже кофе* (надпись на бумажном стаканчике с кофе на вынос, имитирует реплику покупателя); *«Веду себя хорошо, когда могу»;* (надпись на кружке, имитирующая реплику ребёнка).

Е. Тактика «семейно-ролевого» нейминга. Семейная тема проявляется себя в наименовании бонусных рангов в программе лояльности «Дру-

зья Андерсона», действующей для посетителей сети. Дифференциация бонусных рангов программы лояльности (размер скидки, разумеется, связан с величиной чека) производится при помощи лексики тематической группы «Дружба» и выглядит следующим образом: *Знакомый, Приятель, Друг, Лучший друг, Дорогой друг, Любимый друг, Почти родственник*.

Результаты исследования

Итак, идея дружеского, почти семейного круга общения реализуется в комплексе вовлекающих тактик на основе общности, близости ассоциаций, эмоционального опыта адресанта и адресата – опыта детства. Стратегия вовлечения в анализируемом кейсе соотносится с общей концепцией заведений сети «Андерсон» и представляет собой вовлечение в «семейную» коммуникацию, демонстрирующую расположение, доброжелательность, способность играть и шутить и одновременно проявлять родительскую заботу и контроль. Погружение в общение / игру осуществляется посредством целого ряда тактик, демонстрирующих одновременно дидактичность и развлекательность. Общая юмористическая, игровая тональность дискурса делает рекламные призывы менее очевидными, что сближает их с нативной рекламой [4; 17]. Стратегия вовлечения, иницируемая компанией / брендом, реализуется при помощи речевых тактик, работающих на «снижение градуса» рекламности и создание эффекта равноправного взаимодействия [7].

Выводы

Таким образом, по отношению к офлайн-взаимодействию бренда и потребителя речевое вовлечение может быть осмыслено как коммуникативная стратегия, нацеленная на включение адресата во взаимодействие с брендом: как единовременное, так и отложенное, направленное на перспективу. Комплекс вовлекающих тактик, объединяемых общей шутливой, игровой и в то же время подчеркнута дружеской, семейной тональностью, связан как с непосредственным, так и опосредованным воздействием с учетом двойной адресации (родители – дети). Активно используются вовлекающие возможности элементов глуттонического и развлекательно-досугового дискурсов. Описанные в статье вовлекающие средства можно обнаружить в маркетинговых практиках и других заведениях общественного питания, разумеется, с учетом их специализации и целевых групп.

Речевое вовлечение становится сегодня доминирующей коммуникативной стратегией клиентоориентированного маркетинга, и не только в интернет-среде, но и офлайн-взаимодействии потребителя с брендом. Это подтверждается и результатами опроса посетителей предприятий общественного питания, которые в своих анкетах отмечают важность коммуникативного контакта персонала с клиентами и креативность устного и письменного речевого общения в подобных заведениях. К такому обслуживанию стремятся практически все предприятия, выбравшие стратегию маркетинга «с человеческим лицом» и реализующие разнообразные системы лояльности, которые превращают случайных клиентов в постоянных, стимулируют их к долгосрочным отношениям с компанией.

Библиографический список

1. Багиев, Г. А., Юлдашева, О. У., Боброва, Е. А. Как купить душу покупателя? Маркетинговая концепция вовлечения покупателя во взаимодействие с брендом [Текст] / Г. А. Багиев, О. У. Юлдашева, Е. А. Боброва // Креативная экономика. – 2008. – № 8. – С. 70-79.
2. Боброва, Е. А., Юлдашева, О. У., Окольников, И. А. Проблемы формирования и развития конкурентоспособного бренда в условиях экономики впечатлений [Текст] / Е. А. Боброва, О. У. Юлдашева, И. А. Окольников // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2011. – Вып. 1. – С. 74-85.
3. Борисова, Е. Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы [Текст] / Е. Г. Борисова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 140-143.
4. Быкова, Е. В. Нативная реклама: речевые особенности презентации информации [Текст] / Е. В. Быкова // Медиалингвистика. – 2018. – Т. 5. – № 4. – С. 534-544.
5. Гофман, И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу [Текст] / И. Гофман. – М.: Смысл, 2009. – С. 138-164.
6. Гуляева, М. А. Теоретические основы изучения вовлеченности в коммуникацию [Текст] / М. А. Гуляева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2006. – № 9-10 (113). – С. 65-69.
7. Жукова, А. Г. «Вовлекающие» речевые стратегии и тактики в продвигающем контенте социальных сетей [Текст] / А. Г. Жукова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник науч. тр. Международной научной конференции (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1-2 октября 2019 года). – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 554-571.
8. Жукова, А. Г., Катышев, П. А. Речевое вовлечение в деятельность радикальной организации [Текст] /

А. Г. Жукова, П. А. Катышев // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 134-142.

9. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М. : УРСС, 2008. – 288 с.

10. Катышев, П. А., Кильдибекова, Б. Е. Вовлечение с позиций риторической критики [Текст] / П. А. Катышев, Б. Е. Кильдибекова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 89-96.

11. Катышев, П. А., Оленев, С. В. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций [Текст] / П. А. Катышев, С. В. Оленев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII. Ч. 3. – СПб. : Наука, 2016. – С. 407-419.

12. Кузьмина, О. Г. Формирование имиджа бренда в интернет-пространстве: социолингвистические и социально-психологические технологии [Текст] / О. Г. Кузьмина // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4. – № 4. – С. 431-440.

13. Манжосов, А. Е. Диджитализация рынков услуг и потребительская лояльность [Текст] / А. Е. Манжосов // Вестник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 3(111). – С. 151-156.

14. Окольников, И. А. Теоретическая база маркетинговой концепции вовлечения покупателей во взаимодействие с брендом [Текст] / И. А. Окольников // Научный вестник Уральской Академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2011. – № 1(14). – С. 56-65.

15. Олянич, А. В. Гастрономический дискурс [Текст] / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН. – 2015. – № 2. – С. 157-160.

16. Ухова, Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции [Текст] / Л. В. Ухова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 71-82.

17. Ухова, Л. В. Нативная реклама как эффективный инструмент брендинга [Текст] / Л. В. Ухова // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Д. Кривоносова. – 2018. – С. 61-63.

18. Цой, А. В. Социальные сети как инструмент маркетинга вовлечения [Текст] / А. В. Цой // Вестник факультета управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – СПб. : Изд-во: СПбГЭУ, 2017. – С. 343-347.

19. Segala, D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence // Communication Education, 1981. – № 30. – P. 110-121.

20. Coker, D., Burgoon, J. The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns//

Human Communication Research, 1987. – № 13. – P. 463-494.

21. De Vito, Joseph A. The interpersonal Communication Book. Longman, 2001. – 432 p.

22. Hyland, K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science // Journal of English for Academic Purposes, 2010. – № 9. – P. 116-127.

23. Tannen, D. Talking voices: Repetition, dialogue, and image in conversational discourse. 2nd Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 342 p.

Reference List

1. Bagiev, G. A., Juldasheva, O. U., Bobrova, E. A. Kak kupit' dushu pokupatelja? Marketingovaja koncepcija vovlechenija pokupatelja vo vzaimodejstvije s brendom = How can we buy a customer's soul? Brand Engagement Marketing Concept [Текст] / G. A. Bagiev, O. U. Juldasheva, E. A. Bobrova // Kreativnaja jekonomika. – 2008. – № 8. – S. 70-79.

2. Bobrova, E. A., Juldasheva, O. U., Okol'nishnikova, I. A. Problemy formirovanija i razvitija konkurentosposobnogo brenda v uslovijah jekonomiki vpechatlenij = Problems of formation and development of competitive brand in impression economy conditions [Текст] / E. A. Bobrova, O. U. Juldasheva, I. A. Okol'nishnikova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Jekonomika i pravo. – 2011. – Vyp.1. – S. 74-85.

3. Borisova, E. G. Marketingovaja lingvistika: napravlenija i perspektivy = Marketing linguistics: directions and perspectives [Текст] / E. G. Borisova // Verhnevoldzhskij filologičeskij vestnik. – 2016. – № 4. – S. 140-143.

4. Bykova, E. V. Nativnaja reklama: rechevyje osobennosti prezentacii informacii = Native advertising: speech features of information presentation [Текст] / E. V. Bykova // Medialingvistika. – 2018. – Т. 5. – № 4. – S. 534-544.

5. Gofman, I. Ritual vzaimodejstvija: Očerki povedenija licom k licu = Ritual of interaction: Essays of behavior head to head [Текст] / I. Gofman. – М. : Smysl, 2009. – S. 138-164.

6. Guljaeva, M. A. Teoreticheskie osnovy izuchenija vovlečenosti v kommunikaciju = Theoretical basis for the study of involvement into communication [Текст] / M. A. Guljaeva // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – 2006. – № 9-10 (113). – S. 65-69.

7. Zhukova, A. G. «Vovlekajushhie» rechevyje strategii i taktiki v prodvigajushhem kontente social'nyh setej = «Involvement» speech strategies and tactics in promoting social media content [Текст] / A. G. Zhukova // Sovremennaja teoreticheskaja lingvistika i problemy sudebnoj jekspertizy: sbornik nauch. tr. Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 1-2 oktjabrja 2019 goda). – М. : Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2019. – S. 554-571.

8. Zhukova, A. G., Katsyhev, P. A. Rechevoje vovlečenje v dejatel'nost' radikal'noj organizacii = Speech involvement in radical organization [Текст] / A. G. Zhukova, P. A. Katsyhev // Politicheskaja lingvistika. – 2018. – № 5. –

S. 134-142.

9. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki v russkoj rechi = Communicative strategies and tactics in Russian speech [Tekst] / O. S. Issers. – M. : URSS, 2008. – 288 s.

10. Katyshev, P. A., Kil'dibekova, B. E. Vovlechenie s pozicij ritoricheskoj kritiki = Involvement from the rhetorical criticism position [Tekst] / P. A. Katyshev, B. E. Kil'dibekova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 4. – S. 89-96.

11. Katyshev, P. A., Olenev, S. V. K voprosu o sudebnoj lingvisticheskoj jekspertize po delam, svjazannym s vovlecheniem v dejatel'nost' nelegal'nyh organizacij = On the issue of judicial language expertise in cases concerning involvement into illegal organizations activity [Tekst] / P. A. Katyshev, S. V. Olenev // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij. T. XII. Ch. 3. – SPb. : Nauka, 2016. – S. 407-419.

12. Kuz'mina, O. G. Formirovanie imidzha brenda v internet-prostranstve: sociolingvisticheskie i social'no-psihologicheskie tehnologii = Formation of brand image in the Internet space: sociolinguistic and socio-psychological technologies [Tekst] / O. G. Kuz'mina // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2015. – T. 4. – №4. – S. 431-440.

13. Manzhosov, A. E. Didzhitalizacija ryнков uslug i potrebitel'skaja lojal'nost' = Digitalisation of service markets and consumer loyalty [Tekst] / A. E. Manzhosov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. – 2018. – № 3(111). – S. 151-156.

14. Okol'nishnikova, I. A. Teoreticheskaja baza marketingovoj koncepcii vovlechenija pokupatelej vo vzaimodejstvie s brendom = Theoretical basis of marketing concept of customer involvement in interaction with the brand [Tekst] / I. A. Okol'nishnikova // Nauchnyj vestnik Ural'skoj Akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologija, jekonomika, sociologija, pravo. – 2011. – № 1(14). – S. 56-65.

15. Oljanich, A. V. Gastronomicheskij diskurs = Gastronomic discourse [Tekst] / A. V. Oljanich // Diskurs-Pi. – Ekaterinburg : Institut filosofii i prava UrO RAN. – 2015. – № 2. – S. 157-160.

16. Uhova, L. V. «Prodvigajushhij tekst»: ponjatie, osobennosti, funkcii = «Promoting text»: concept, features, functions [Tekst] / L. V. Uhova // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 3. – S. 71-82.

17. Uhova, L. V. Nativnaja reklama kak jeffektivnyj instrument brendinga = Native advertising as an effective branding means [Tekst] / L. V. Uhova // Brending kak komunikativnaja tehnologija XXI veka: Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii / pod red. A. D. Krivososova. – 2018. – S. 61-63.

18. Coj, A. V. Social'nye seti kak instrument marketinga vovlechenija = Social media as an involving marketing means [Tekst] / A. V. Coj // Vestnik fakul'teta upravlenija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. – SPb. : Izd-vo: SPbGJeU, 2017. – S. 343-347.

19. Cegala, D. Interaction involvement: A cognitive dimension of communicative competence // Communication Education, 1981. – № 30. – P. 110-121.

20. Coker, D., Burgoon, J. The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns // Human Communication Research, 1987. – № 13. – P. 463-494.

21. De Vito, Joseph A. The interpersonal Sommunication Book. Longman, 2001. – 432 p.

22. Hyland, K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science // Journal of English for Academic Purposes, 2010. – № 9. – P. 116-127.

23. Tannen, D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imageary in conversational discourse. 2nd Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 342 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.11.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10595

УДК 32.019.5

О. Л. Цветкова

<https://orcid.org/0000-0003-4297-3567>

Стратегии репрезентации символической власти в современной рекламе

В статье рассматривается идея, в соответствии с которой важной характеристикой современной цивилизации является символическое понимание потребления. Реклама, формирующая потребности, образы жизни, стили поведения, мнения и отношения, – это мощный институт власти, использующий самые различные медиа, посредством которых создают нужную производителю рекламы и рекламируемых товаров действительность. Значительное разнообразие рекламных практик, расширение медиапространства рекламы, приводят к освоению все более изощренных форм рекламирования продукта. Реклама оказывает сильнейшее влияние на параметры формирования идентичности, публичной позиции индивида, а также на широкий пласт культурных и социальных процессов в целом. Это актуализирует необходимость критического анализа рекламных продуктов, внимание к развитию рекламы товаров и рекламы как товара. Реклама как средство массовой информации способствует формированию стереотипов, самооценки и самоотношения аудитории. Рекламная индустрия продолжала играть двойную, то есть одновременно экономическую и политическую роль. Поскольку она обращалась не к общим для всех фантазиям и желаниям, а лишь к стремлениям каждого индивида как частного лица, она внесла решающий вклад в деполитизацию населения и укрепление рыночного и товарного обществ. Социальная система, основанная на потреблении, способна радикально изменить морфологию общественных связей, основанных на традиционных иерархических взаимоотношениях. Автор приходит к выводу, что реклама, как мощный драйвер общества потребления, приводит к фундаментальному сдвигу в представлениях о природе человека, меняющему многие привычные устои социального порядка.

Ключевые слова: реклама, общество потребления, потребности, медиа, идеология, симулякр, бренд, реклама, аномия, семиократия, знак, обладание, ценность, идентичность.

O. L. Tsvetkova

Representation strategies for symbolic power in modern advertising

The article considers the idea, according to which an important characteristic of modern civilization is a symbolic understanding of consumption. Advertising that shapes needs, lifestyles, behaviors, opinions and relationships is a powerful institution of power, using a variety of media, through which they create the reality necessary for the producer of advertising and advertised goods. A significant variety of advertising practices, the expansion of the media advertising space lead to the development of increasingly sophisticated forms of product advertising. Advertising has a strong influence on the parameters of the formation of identity, the public position of the individual, as well as on a wide layer of cultural and social processes in general. This actualizes the need for a critical analysis of advertising products, attention to the development of advertising of goods and advertising as a product. Advertising as a mass media contributes to the formation of stereotypes, self-esteem and self-attitude of the audience. The advertising industry continued to play a dual, that is, both economic and political role. Since she did not appeal to fantasies and desires common to all, but only to the aspirations of each individual as a private person, she made a decisive contribution to the depoliticization of the population and the strengthening of market and commodity societies. A social system based on consumption is capable of radically changing the morphology of social relations based on traditional hierarchical relationships. The author comes to the conclusion that advertising, as a powerful driver of a consumer society, leads to a fundamental shift in ideas about the nature of man, changing many of the usual foundations of the social order.

Keywords: advertising, consumer society, needs, media, ideology, simulacrum, brand, advertising, anomie, semicracy, sign, possession, value, identity.

Формирование постиндустриального общества, инициированное интенсивным развитием науки и внедрением новых способов обработки информации, характерное для текущего столетия,

не привело к тотальной рационализации социальной жизни. XX век породил целую систему потребления, призванную осуществить воспроиз-

водство социального порядка и указать отдельно взятому индивиду в нем место.

Бурное развитие коммуникационного пространства обусловило циркуляцию мифов массовой культуры в планетарном масштабе, сделало возможным появление проектов вестернизации, культурной экспансии, а также информационных войн [2, с. 17].

Становление общества потребления, обусловленное логикой развития капитализма, вызвало к жизни специфические формы мифотворчества, связанные с манипуляцией общественным сознанием во имя продвижения товаров, – рекламу и PR-технологии. Индустрия досуга и развлечений, киноиндустрия также вносят свой специфический вклад в рост и развитие идеологической системы общества потребления.

Поскольку раньше внешний мир был тождественен человеку, реальность была просто реальностью. Сейчас же окружающий человека мир расширяется или сужается, в зависимости от того, какие транслируются образы (именно этот тезис является одним из основополагающих в социальной теории постмодернизма). А образы производит индустрия рекламы, вызывая к жизни необходимые *симулякры*, которые приходят на смену аутентичным контекстам. И человеку, чтобы не оказаться «на обочине» и не стать маргиналом, приходится принудительно вводить себя в семиотический дискурс [8].

Таким образом, реклама делает нормативной всю нашу жизнь, транслируя необходимые образы, не тождественные действительности, посредством медиа в общество. Общество же эту власть медиа, соответственно, над собой признает, добровольно вступая в семиократический контекст и подчиняясь его правилам. «Символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок», – пишет выдающийся французский социолог, философ и политолог XX века Пьер Бурдьё [9].

Различные виды капитала сейчас трансмутируют в символический капитал без видимых затрат энергии. А власть знака – повсеместна, как и сами знаки. В этой связи можно говорить о *семиократии*, власти знаков. Семиократия – это концепт, в котором существует современное общество. Тему семиократии в свое время начинал исследовать Бурдьё, говоря о «символической власти», а также Анри Лефевр, упоминая повсеместность знаков.

«Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять

видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир – это власть квазимагическая, которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть признана, т. е. не воспринимается как произвол» [9, с. 96].

Власть символа признается, и власть символа осуществляется при содействии тех, кто ей подвержен, и кто сам ее осуществляет. Властью навязываются произвольные средства познания и выражения социальной реальности.

И действительно, ввиду крайней степени символичности окружающего мира в целом, человек осознает свое место в иерархии общества по тому, какими вещами владеет. «Вещи – символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни», – отмечает российский философ С. Кара-Мурза [13, с. 114].

На вопросы, которыми задаются теоретики и практики рекламы на протяжении многих лет, крайне сложно дать однозначные исчерпывающие ответы. Что управляет потреблением в обществе? Законы рыночной экономики? Необходимость удовлетворения базовых потребностей? Или то, как продукты функционируют в качестве культурных объектов и знаков в пределах системы кодов обмена? Очевидно, что сам по себе продукт не становится культурным объектом: таковым его делает реклама. Реклама – это говорение о продукте, дискурс о нем и его свойствах (реальных, воображаемых, символических).

Продукт в рамках определенной товарной группы часто ничем не выделяется и имеет ряд товаров-субститутов до тех пор, пока ему не будут приписаны в процессе говорения определенные свойства (будь это говорение многомиллионным рекламным проектом или единичной «передачей» сарафанного радио).

Реклама обещает потенциальным покупателям не улучшение их общего положения, а напротив, возможность для каждого избежать общей участи и попасть в число «счастливиц», которые могут позволить себе вот этот новый, лучший и уникальный товар.

Реклама поощряет индивидуалистическое решение коллективных проблем. Она обещает, что рынок может решить эти проблемы, не ограничивая независимость и личные интересы индивида. Она призывает к тому, чтобы он как социальный индивид оторвался от социального существования.

Она занимается антисоциальной социализацией [11, с. 70].

Поскольку реклама воздействует на воображение, желания, чувства, одним словом, на сферу субъективности, она относится к области художественного творчества. Однако это подневольное творчество стоит на службе товара. Искусство рекламы, как и пропаганда в тоталитарных режимах, имеет целью отнюдь не освобождение восприятия публики от шаблонов, стереотипов и мифологем, которыми она опутана. Ее главная цель – путем распространения эстетических, символических и социальных норм – продать выдаваемые за продаваемые произведения искусства товары, причем предлагаемые нормы должны быть тягучи и недолговечны, чтобы их можно было заменить новыми.

Как самый привилегированный распространитель этих норм, образ торговой марки при помощи рекламной коммуникации участвует в захвате нематериальным капиталом власти над социальным пространством, повседневной культурой и человеческой фантазией.

Бодрийяр в связи с этим отмечает: «Но можно прийти к разрыву, двигаясь из другого места, – описав его в терминах смены эпох общественной жизни... и марксисты, и немарксисты разделяли общее ощущение того, что в некоторый момент после Второй мировой войны стал формироваться новый тип общества (по-разному обозначаемый как постиндустриальное общество, транснациональный капитализм, общество потребления, медийное общество и так далее). Новые типы потребления; планируемая смена одних поколений вещей другими; постоянно убыстряющийся темп изменений стилистики моды и энвайронмента; проникновение рекламы, телевидения и медиа в самые глубокие слои социальности; нейтрализация прежнего напряжения в отношениях между городом и селом, между центром и провинцией через появление пригорода и процесс универсальной стандартизации; разрастание огромной сети хайвеев и приход автомобильной культуры, – все это лишь отдельные черты, которые, как нам кажется, маркируют радикальный разрыв с прежним довоенным обществом, в котором высокий модернизм был еще некой андерграундной силой» [6, с. 8].

Рассмотрим основные стратегии, при помощи которых символическая власть осуществляется современной рекламой.

1. Создание различия на уровне индивидуального потребления.

Как отмечал Пьер Бурдьё, «когда мы мыслим в категориях отличия, получается так, словно бы основанием порождения различных видов поведения людей было осознанное и представленное ими намерение отличиться, тогда как на самом деле основанием их действия является то, что, будучи отличительны, они отличают друг от друга, хотя бы они того или нет» [10, с. 416]. На помощь создания различия приходит реклама. Каковы объективные отличия Кола и Пепси? Кто-то говорит, что Пепси более сладкий и менее газированный, кто-то утверждает обратное. Основное же различие коренится в тех культурных значениях, которые прикрепляются к обоим брендам с помощью рекламных сообщений.

Все чаще в рекламных сообщениях фигурируют обещания дать больше, нежели сам рекламируемый товар: «Русское Радио: больше, чем радио», «Tissot: More than a watch». Этим «больше» обычно являются привязанные к товару коннотации: забота о своих близких, о себе и своем здоровье (реклама чистящих средств – Domestos, Vanish), успех у окружающих (реклама гигиенических и косметических средств – Tampraх, Shamtu), удовольствие (Tess Pleasure: посмотри как вкусно, попробуй, как красиво), свободу (Sprite: свобода от жажды), исполнение желаний (Nivea for men: то, что хотят мужчины) [17, с. 77].

2. Стирание различий (между непохожими друг на друга вещами).

В современном мире моды основное внимание направлено на бренд одежды. Если еще полвека назад отвечая на вопрос «Что на тебе надето?» люди начинали перечислять элементы одежды, то теперь зачастую – названия брендов. Имя знаменитого дизайнера становится гарантией не только качества одежды, но и социального успеха тех, кто ее приобретает. Однако достаточно часто рекламируется бренд в целом, что не позволяет заметить существенную разницу в различных подразделениях бренда: так, например, Armani Jeans, базовая линия одежды Армани, существенно отличается от Armani Collezioni, топ-категории дизайнерского готового платья.

Тот же механизм работает, когда бренд, признанный европейский лидер по производству бытовой химии, открывает заводы на постсоветском пространстве по производству дешевого стирального порошка. Главными ставками в рекламной кампании становятся низкая цена и фраза «Качество Henkel». Продукт, таким образом, наделяется

важным свойством – высоким европейским качеством, – и позиционируется в одном ряду с дорогими стиральными порошками, произведенными на европейских заводах.

3. Формирование групповой идентичности.

Наделяя товары теми или иными свойствами, репрезентируя их в рамках различных социальных групп, реклама продает не только товар, но и символическую принадлежность к той или иной социальной группе. Реклама интерпеллирует, в соответствии с терминологией Луи Альтюссера, всех людей как потенциальных членов сообщества, независимо от их актуального статуса [14]. Реклама играет на восприятии человека себя как социального существа, входящего в состав определенных социальных групп и подгрупп, а также на древнем ощущении защищенности в группе, сохранившемся с времен, когда коллективное действие (охота, кочевание) гарантировало успех в большей мере, нежели индивидуальное [6, с. 209]. Во многих рекламных кампаниях идея принадлежности к той или иной социальной группе реализуется даже на уровне слогана («Pepsi: Поколение Next», «Билайн – живи на яркой стороне», «Zegna: Great minds think alike»).

4. Формирование гомогенизированной индивидуальности.

Ряд рекламных концепций наоборот призваны удовлетворить самолюбие человека, эксплуатируя уникальность каждого индивида, его инаковость и отличие от других. Подобная стратегия играет на эгоцентрических и нарциссических нотках человеческой сущности: если ощущение принадлежности к группе дарит чувство безопасности, то акцент на индивидуальности – ощущение собственной значимости, исключительности в толпе. Символически удовлетворяя человеческую потребность быть уникальным, реклама тем самым удовлетворяет нашу потребность в фрагментации. Теоретики Франкфуртской школы называют подобное явление псевдоиндивидуальностью: в условиях массового производства реклама, обращаясь одновременно к миллионам потенциальных покупателей, продает гомогенизацию под маской индивидуальности [1].

Тенденции к акцентированию индивидуальности заметно усилились в рекламе последних лет. В рамках культуры постмодерна (с ее вниманием к отклонению, фрик-культурам, индивидуальным способам самовыражения) реклама следует общему тренду, заостряя внимание на самовыражении, демонстрации индивидуальности (есте-

ственно, с помощью продукта или санкционированное тем или иным брендом).

Наиболее примитивным приемом индивидуализации в рекламе является прямое обращение на Вы (Ты) (Ford Focus: Все дороги в твоих руках; Max Factor Age Renew Foundation: Мгновение – и вы моложе на 5 лет!; Nissan Micra Active Luxury – Ваше модное украшение). Подобный тип обращения очевидно парадоксален: несмотря на плюралистичность, он претендует на то, чтобы быть индивидуальным.

Порой апелляции к индивидуальности содержатся в слогане: «Reebok: I Am What I Am». Довольно часто (особенно в рекламе косметических средств) делается ставка на свойстве продукта подстраиваться под индивидуальные потребности (Oriflame Skin Individual: Dermo-Adapt – интеллектуальная адаптивная технология, сохраняющая молодость кожи. Революционная адаптивная технология Dermo-Adapt определяет потребности вашей кожи и действует там, где это необходимо» [15, с. 74]. В кампании «Dove в защиту красоты» сделана ставка именно на индивидуальность («Неужели только женщины с идеальной кожей могут быть красивыми? Dove считает, что есть множество способов быть красивой»), однако и эта индивидуальность находится под эгидой бренда, а значит является контролируемой и подверженной отбору.

Еще одним немаловажным аспектом психологического функционирования рекламы является ее терапевтическая роль. Бергер и Лукман определяют терапию как один из важнейших институциональных инструментов социального контроля, работающих на профилактику и устранение возможных девиаций в рамках институционализованного определения реальности [5]. Терапевтические практики обычно включают в себя:

- теорию девиации (теоретизирование возможных причин отклонений);
- систему диагностики (симптомология, превентивные меры);
- систему терапии (техники лечения, эффективность и необходимость которых подтверждена теоретически).

Сегодня медийный дискурс (и рекламный в частности) зачастую становится такой системой терапии, предупреждающей, а при необходимости направленной на излечение девиантных проявлений в обществе.

5. Игра самоидентичностью.

Реклама дает потребителю импульс к игре идентичностями, нашими видениями самих себя,

проектами не только личности, но и телесными проектами, которые более не воспринимаются как заранее заданные, данные от рождения и закономерные. Реклама говорит нам о том, кто мы есть, кем можем (а иногда и должны) стать. Несмотря на то, что порой человек не замечает рекламных призывов, бессознательно он принимает их во внимание, включает в свой жизненный проект [3, 4].

Реклама предлагает модели-образцы, говоря нам, таким образом, какими нас хотят видеть другие. Сознательно или бессознательно мы сравниваем себя с предложенными нам образами, что может повлечь за собой недовольство своим образом, внешностью, стилем и принудить к самоидентификации. Реклама утверждает торжество разнообразия, контролируемое, однако, тем, что человек потребляет.

Товар наделяется определенными коннотациями (дополнительными значениями), а его приобретение представляется как путь присвоения этих значений. Соответственно, символический статус человека зачастую зависит не от его реальных поступков, но от брендов, с которыми он связывает свое имя.

Реклама дарит человеку свободу изменяться, однако это изменение полностью зависит от потребления. Так, Coca-Cola в рекламе Coca-Cola Light использовала слоган «Меняйся с легкостью», скрывая в игре слов (Light – легкий) основной посыл: меняйся вместе с кока-колой. Sunsilk также на уровне слогана предлагает меняться с помощью рекламируемого продукта: «Свобода быть разной! Меняй прически хоть каждый день, а Sunsilk позаботится о здоровье и красоте твоих волос! Легкий крем Sunsilk Питание и восстановление с липидами [12, с. 55]. Экспериментируй каждый день, будь яркой, модной и разной!».

Тема изменения (в особенности изменения личностных характеристик вслед за изменением характеристик материальных – одежды, аромата духов и т. д.) часто муссируется в рекламе продуктов, предназначенных для женской аудитории, предлагая женщине мобильность (настроения и телесного образа), тщательно контролируемую, однако тем, во что она одета, используемыми ею ароматами, стиральными порошками и даже средствами для посудомоечных машин.

Реализация вышеизложенных стратегий происходит в четко очерченном поле, которое проявляет себя следующим образом.

Во-первых, как источник культурных ценностей. К концу XX в. реклама стала одним из основных источников культурных ценностей, роль

которых ранее играли различные социальные сообщества (школа, церковь, профессиональные сообщества) и в первую очередь семья. Более того, современная реклама не только отражает социальные и культурные ценности, напротив, она является дискурсом, который эти ценности активно создает.

Важное место в этом процессе отведено рекламному слогану: «Ardi: вырвись на свободу!» (фирма-производитель женского белья, возможно, подразумевает сексуальную свободу и раскрепощенность); «Chevrolet плюс зависть подружек» (посыл: верный путь к признанию и самоутверждению – пробуждение зависти даже у друзей);

Реклама стала постоянным диалогом внутри культуры о значении объектов. С одной стороны она является дискурсом о товарах и услугах, с другой – дискурсом об обществе и культуре. Реклама, черпая вдохновение из мира повседневности, также играет значительную роль в популяризации различных культурных практик.

Во-вторых, эстетизируя реальность.

Сами рекламные продукты становятся эстетическими объектами, произведениями искусства (так, рекламные принты водки Absolut находятся в фонде музея). Рекламные фестивали (Cannes Lions и другие) обычно оценивают степень «креативности» рекламного продукта, а не степень его эффективности (увеличение продаж и пр.), т. е. не оценивают рекламную коммуникацию как таковую, но ее творческую составляющую. Кроме того, реклама может совмещать рекламное содержание и форму арт-объекта (инсталляцию, перформанс, произведение tech-art и т. д.).

В-третьих, создавая воображаемую репрезентацию картины мира.

В терминах теории Л. Альтюссера реклама – это своеобразная форма идеологии, представляющей воображаемое отношение индивида к реальным условиям существования. Идеология, таким образом, формирует воображаемую репрезентацию мира, предлагая субъектам ее принять в качестве своей точки зрения.

Логика рассуждений Альтюссера такова: каждый индивид интерпеллируется в качестве субъекта; однажды восприняв подобный факт, индивид, ставший субъектом в результате акта интерпелляции, более не может отказаться от этой идентификации, а навязывание ему различных форм идентичности не воспринимается индивидом как насилие, но как естественный порядок вещей (сходным образом мы оправдываем существование в рекламе идеальных моделей и ролей:

«А что же, им ведь надо продать товар, не показывать же неудачников!») [19, с. 85].

В рекламе интерпелляция становится процессом, в ходе которого потребитель осознает себя в позиции субъекта, которая предлагается в ходе репрезентации продукта (первым шагом к покупке становится тот простой факт, что оказываясь в поле действия рекламы, мы осознаем себя в качестве потенциальных адресатов этого сообщения, признаем, что оно нас касается).

Именно поэтому фактический (контактоустанавливающий) элемент рекламного сообщения считается крайне важным: необходимо, чтобы оно было замечено. Эта функция может реализовываться огромным количеством способов: с помощью яркого дизайна, неожиданного визуального решения, непривычного места размещения или необычного рекламного носителя, прямого обращения к потребителю на Вы\ты, взгляда модели, направленного прямо в камеру, а значит и на зрителя и т. д.

В-четвертых, реклама маскирует реальность. В целях создания новых потребностей реклама довольно часто прибегает к созданию новых страхов, напрямую связанных с действием рекламируемых продуктов. Угрожающие жизни микробы под ободком унитаза, прыщи (морщины / запах пота / желтые зубы), разрушающие личную жизнь, «усталая» кожа (что бы это могло значить), непослушные жесткие волосы (современный культ гладкости и послушности отмечается многими исследователями), загрязненные посудомоечные машины, «не соответствующие стандарту бриллиантовой чистоты» – все эти искусственные «ужасы» представляются в качестве непосредственных опасностей, подстерегающих всех нас в повседневной жизни.

Окруженные этими близкими опасностями, мы часто перестаем замечать за ними глобальные участки напряженности (нехватку ресурсов на Земле, неравенство, нетерпимость и т. д.). Как правило, срабатывает психологический защитный механизм: закрываясь в кругу близких опасностей (в отношении которых мы можем занять активную позицию, с которыми можем бороться с помощью соответствующих рекламируемых продуктов), мы заслоняемся ими от более серьезных глобальных проблем, требующих более серьезного выбора, нежели борьба с призрачным налетом на барабане стиральной машины [20, с. 25].

В-пятых, реклама является ведущим драйвером развития консьюмеристского капитализма последних полутора веков. В терминах марксистской

теории реклама является средством создания потребности в товаре [21, с. 145]. Она способствует стимулированию сбыта и наращиванию объемов прибыли от реализации продукции за определенную единицу времени.

Даже в самых бедных и примитивных обществах человеческие потребности и желания конструируются в культуре и зависят от социума. Человеческие потребности существуют не только для выживания, но и для чувства принадлежности, не только для существования, но и для значения. Потребности социально конструируемы. Адам Смит писал, что вещи, жизненно необходимые человеку, это «не только товары, которые необходимы для поддержания жизнедеятельности, но и все то, отсутствие чего у достойного человека – даже из самых низких слоев – считается в рамках данной культурной традиции неподобающим» [24].

Соответственно, порогом бедности считается не снижение дохода ниже определенной планки, но определяется относительно того, что определенное общество считает достойным уровнем жизни.

Маркс идет дальше и разделяет все товары на товары повседневного спроса (нечто, что обычно и широко употребляется среди рабочего класса) и предметы роскоши. Важно, что все вещи имеют ценность лишь по отношению друг к другу: постройте в рабочем районе домик такого же размера, как и соседние жилища, и он будет удовлетворять вас. Но если рядом кто-то построит роскошный особняк, то ваш домик на его фоне может показаться лачугой [23, с. 81]. Самым страшным изобретением капитализма Маркс считал изобретение концепта биологических потребностей и расчет прожиточного минимума, который мог бы поддерживать жизнь в человеке, а также его способность эффективно работать и размножаться. Существование естественных, рациональных, истинных потребностей отвергается и Бодрийром [6, 8].

Сегодня культурные и социальные условия не только являются контекстом рекламных сообщений, но и конструируются ими. Соответственно, реклама имеет возможность напрямую влиять на человеческие потребности и желания, сообщая потребителям (напрямую или завуалировано) кем они должны / могут быть, какими их хотят видеть многочисленные другие. Реклама предъявляет ряд претензий к человеку (его телу, коммуникативным способностям, стилю жизни и т. д.), порождая, таким образом, беспокойство человека относи-

тельно параметров его существования (будь это желтые зубы или стеснительность в общении).

Однако вовсе не в интересах рекламы оставлять человека в зоне негативного самовосприятия. Рекламные сообщения конструируют терапевтический дискурс, в рамках которого в ответ на иницированное самой же рекламой беспокойство, зависть, неудовлетворенность и кризис идентичности предлагается гармония и перспективы самореализации (конечно, с помощью бренда в целом или конкретного товара \ услуги в частности). Стюарт Ивен (Stuart Ewen) назвал феномен конструирования и реконструирования нашей идентичности частично с помощью потребления тех или иных товаров товарным Я. Маркс очень точно заметил, что производство не просто создает объект (товар) для субъекта, но и субъекта для объекта (=потребления товара). Реклама, например, говорит нам о том, какими мы должны или можем быть, подводя нас к нашему новому Я через Хананские долины различных товаров. Реклама как один из основных двигателей производства иницирует у потребителя потребность потреблять (не случайный каламбур, верно?). Итак, «производство не просто производит товары, но производит людей для их потребления и соответствующие потребности» [23, 24].

Таким образом, реклама в марксистской теории рассматривается как способ создания потребностей, спроса на продукцию, заставляющих людей покупать все больше и больше. Также для анализа рекламы в рамках марксистской парадигмы необходимыми являются такие понятия как товар, меновая и потребительная стоимость. Меновая стоимость (Tauschwert) – это то, сколько стоит определенный продукт в существующей системе обмена.

Потребительная стоимость (Gebrauchswert) связана с употреблением продукта внутри общества. Марксистская теория выступает с критикой капиталистического акцента на меновой стоимости, в рамках системы которой вещи ценятся не за то действие, какое они оказывают в реальности, но за их абстрактную ценность. Так, действие недорогой марки автомобиля и автомобиля класса люкс примерно одинаково: автомобиль перевозит вас из точки А в точку Б (хотя и с различным уровнем комфорта). Следовательно, их потребительные стоимости примерно равны. Однако меновые стоимости автомобилей столь различных классов несравнимы (автомобиль люкс класса может стоить в сотни раз больше малолитражки в стандартной комплектации). Однако за меновой

стоимостью тянется длинный шлейф значений, которые связаны в обществе с тем или иным товаром (в данном случае с автомобилем) [22].

Концепция потребительной стоимости (ценности) однако достаточно идеологична: что ценно для одного, необязательно имеет ценность для другого. Кроме того, это понятие оставляет за своими рамками ценность статуса, удовольствия, самоудовлетворения, принадлежности, которые может принести тот или иной товар, наделенный в рамках данного общества соответствующими коннотациями (так, человек может быть принят в определенном обществе как свой при условии, что будет обладать атрибутами, привычными для данного общества – будь то автомобиль, одежда, часы и т. д.).

В марксистской критике рекламы существенную роль играет понятие «товарный фетишизм». Термин отсылает к процессу, в ходе которого продукты массового производства отчуждаются от значений, связанных с их изготовлением (контекст, рабочая сила) и наделяются новыми значениями, мистифицирующими продукт и превращающими его в фетиш. В частности, ярлыки на одежде не несут информации относительно того, кто ее пошил, где была произведена ткань, в рамках какой культуры она появилась. Вместо этого одежда снабжается логотипом определенного бренда, который реклама наделяет теми или иными значениями [25].

Подобный процесс – неотъемлемая часть перехода к массовому производству и потреблению. Раньше, когда производство товаров не было столь масштабным, покупатель обычно хорошо знал, кто и где сделал этот товар, часто знал мастера в лицо. С приходом массового промышленного производства это знание было упразднено. Ностальгия остается в форме той ценности, которая придается сегодня hand-made вещам, продуктам, выпущенным в ограниченном количестве (limited edition) или произведенным в домашних условиях. «Одомашнивание» производства продуктов – частый прием в современной рекламе (как на уровне названий продукта, так и на уровне рекламного повествования и визуального ряда (Лапша «Роллтон по-домашнему»)).

Таким образом, наделить товар качествами и возможностями, на самом деле ему внутренне не присущими, и означает наделить его статусом фетиша. Здесь ярко актуализируется этимология слова фетиш – от латинского *facticus* (искусственный, ненастоящий). «Фетишизм заключается в видении значения вещей как неотъемлемой ча-

сти их физического существования, в то время как в реальности это значение создается посредством их интегрирования в ту или иную систему значений» [16, с. 76].

Существенной частью процесса фетишизации товаров является операция материализации абстрактных идей, в ходе которой они постулируются как реальные и конкретные. Частой рекламной стратегией является присвоение продуктам человеческих качеств (персонификация), что облегчает процесс переноса этих качеств на себя потенциальным покупателем. Реклама подспудно призывает потреблять не товары, но знаки товаров, прикрепляемые к ним коннотации и культурные значения. Потребляем товары, мы потребляем их как знаки товаров (commodity signs). Такую возможность дает рекламе: презумпция релевантности (значимости, важности сообщаемого, что автоматически легитимирует рекламный дискурс как репрезентирующий реальность, в то время как существует скорее параллельный рекламный мир, развивающийся по своим законам) создание отношений эквивалентности между элементами рекламного сообщения.

Одним из фундаментальных законов человеческого восприятия является стремление находить общее в расположенных рядом объектах. Таким образом, подсознательно мы переносим качества, которыми наделяем основную ветвь, на минеральную воду (чего и добивались рекламодатели). Важно отметить, что работает не только пространственное, но и временное соположение, в частности приурочивание выхода рекламы к какому-либо любимому празднику: положительные эмоции от праздника переходят на товар (вспомним ставшую традиционной рождественскую рекламу с использованием соответствующей образности).

Несмотря на то, что особое внимание практикам потребления стало уделяться не столь давно, очевидно, что человек потреблял всегда. Однако когда произошел переход от акта потребления к обществу потребления? Термин «общество потребления» стал широко употребляться в 1960-х гг. Однако едва ли можно назвать точную дату рождения общества нового типа. Традиционно называют ряд признаков общества потребления: широкая доступность товаров, дающая возможность выбора; практики самовыражения посредством товаров; высокая плотность, изобилие товаров.

Однако все эти характеристики достаточно поверхностны. Гораздо более глубокую характеристику механизмам общества потребления дал

Ж. Бодрийяр. Сущность общества такого типа не в материальных практиках и не в изобилии товаров, но в организации всего этого в качестве продуцируемой вселенной знаков и смыслов. Потребление является систематическим актом манипуляции знаками, а общество потребления – семиотическим миром, в котором происходит постоянная циркуляция знаков, т. е. у рекламы две основных функции: одна – явная – стимулировать приобретение товаров, вторая же – скрытая – социализировать каждого конкретного индивида в обществе потребления [6].

Внешние признаки расцвета общества потребления можно увидеть невооруженным глазом.

Одним из первых его признаков Бодрийяр в работе «Общество потребления: его мифы и структуры» называет нагромождение, изобилие предметов. Однако это изобилие – не простая демонстрация товара, не просто реальность больших магазинов, где на полках должно быть выставлено достаточное количество товара для удовлетворения большого потока посетителей [24, с. 27]. Это в то же время знак уничтожения нужды, «очевидность излишка», «предзнаменование земли обетованной». Обществу необходим не просто достаток, но визуализация расточительства, возможность (пусть и символическая) расточительства. Человек, находясь в травматической ситуации постоянных требований от различных социальных групп (экономить природные ресурсы, пожертвовать деньги для голодающих в Африке, сократить количество потребляемых товаров и, соответственно, мусора, и т. д.), нуждается в символическом отдыхе.

Бодрийяр указывает, что это стремление к излишку, разбазариванию, расходованию является характерной приметой не только современного общества, но и всех обществ: «только в потреблении излишка, избытка индивид, как и общество, чувствует себя не только существующим, но и по-настоящему живущим». Бодрийяр указывает на потлач (праздник американских индейцев), в ходе которого происходит прелюдное уничтожение материальных благ – для укрепления своей значимости (сходным образом во все века поступала и поступает аристократия, подтверждая таким образом свое классовое превосходство) [6, с. 127].

Сходным образом каждому человеку психологически необходимо обладать хотя бы одной вещью, которая бы причислялась к классу предметов роскоши, тем, что выходило бы за рамки вещей, обозначенных в качестве его прожиточного минимума (порой реклама пытается создать хотя

бы видимость подобной эксклюзивной роскоши – «Dove: Шелковый шоколад»).

Сведение человека к кругу товаров, необходимых только лишь для поддержания его жизнедеятельности и репродуктивных сил означает сведение его до статуса животного. Человеку же нужно ощущать свою значимость, принадлежность, что и достигается посредством акта расточительства [19, с. 35].

Обилие товаров успокаивает: исчезла необходимость бороться за тот или иной ресурс – все они представлены и доступны, все продается и покупается. Бодрийяр обобщает это изобилие в собирательной метафоре дара, праздника, играющих терапевтическую роль [8].

В рамках сходной логики развивается сегодня и реклама. В мире, где все имеет свою цену, реклама все чаще предлагает нам что-то в дар, совершенно бесплатно («McDonald's Coke Glasses for Free»).

Многочисленные акции, распродажи, магазины-стоки, сувениры, прилагаемые к основной покупке, пробники и многое другое – это то «чудо бесплатности», которое дарит нам реклама. Принятая на заре развития рекламной индустрии техника «жестких продаж», когда рекламное сообщение буквально принуждало к покупке именно этого товара, быстро показала свою несостоятельность. Постепенно специалисты по рекламе осознали всю важность создания вокруг рекламы «разряженной атмосферы», определяемой в терминах «игры, праздника, благотворительного института, бесприбыльной социальной услуги» [8, с. 27]. Рекламист должен был перестать быть навязчивым коробейником и превратиться в подобие личного врача, советника, а порой и психоаналитика. Тотальная замена прямого требования, принуждения, насилия на «терапевтические методы» – характерная черта современного общества, описываемая Фуко и Бодрийяром.

Реклама также является системой репрезентации. Достаточно часто мы забываем об этом, воспринимая происходящее на экране или изображенное на рекламном принте как фрагмент реальности. Более того, реклама является многослойной системой репрезентации, так как с одной стороны она функционирует по собственным законам, принятым в рамках рекламного дискурса, а с другой – использует технические средства других систем репрезентации (кино, языка, изображений и т. д.). Можно сказать, что реклама является системой репрезентации второго порядка, организующей первичные системы репрезентации по

законам своего жанра. Таким образом, в мире рекламы мы сталкиваемся с двумя условностями: условностями мира рекламы как такового и условностями тех систем репрезентации, которые реклама задействует для коммуницирования значений. Условности мира рекламы формируют особый рекламный мир, претендующий на существование как реальность, но в то же время являющийся не более чем симулякром (знаком, отсылающим к несуществующему референту).

Репрезентация – это использование знаков и знаковых систем (языка, изображений и т. д.) для создания значений в окружающем мире. Каждая из знаковых систем существует и развивается по своим законам, каждая имеет определенные конвенции – как и соответствующие системы репрезентации. Существует два взгляда на репрезентацию: 1) репрезентация является формой мимесиса, точной, зеркальной имитацией реальности; 2) посредством репрезентаций мы коммуницируем свое собственное знание о мире, конструируя тем самым мир вокруг нас (теория социального конструктивизма) [25, с. 135]. Системы репрезентации одновременно являются продуктом окружающей нас реальности (коль скоро мы, агенты этих систем, социализируемся в этом мире) и той движущей силой, которая организует и конструирует наше восприятие реальности, являясь тем стеклом, через которое мы смотрим на окружающий мир. В рамках той или иной системы репрезентации мы используем ее средства (слова / образы и т. д.) для замещения реально существующих объектов, являющихся референтами конструируемых нами знаков.

Реклама предъявляет нам знакомые объекты, о существовании которых нам доподлинно известно, однако эти объекты вовсе не являются гарантиями подлинности или реальности рекламного мира. Рассмотрим простой пример. Знаменитая модель, рекламирующая очередной революционный крем от морщин, рассказывает перед камерой о том, как через 14 дней использования крема ее морщины сократились на N% и стали почти незаметными. Нам демонстрируется состояние лица модели до применения крема (в целом очень и очень удовлетворительное, но с обязательным присутствием дефекта – например, видимым при приближении морщин) и после его применения (лицо становится идеально гладким) [18, с. 74]. Какова связь этого нарратива с реальностью? На первый взгляд мы определяем несомненную реальность сюжета: в кадре движется узнаваемый человек, оперирующий узнаваемыми и привыч-

ными в повседневной реальности предметами. Однако можно ли поставить между моделью в кадре и моделью в реальной жизни знак равенства? В реальности героиня скорее всего имеет более значительные дефекты кожи (вполне естественные в ее возрасте), возможно, они были своевременно подправлены инъекциями или пластическими операциями. Возможно, в день съемок на лице вскочил прыщик, а под глазами образовались круги. Однако идеально загримированное лицо на экране – с незаметными порами, идеально ровными густыми ресницами и т. д. – не имеет аналога в реальности: в настоящем мире такого лица не существует. Весь ролик был снят за один съемочный день, промежуток в 14 дней, репрезентированный в ролике, также отсылает к несуществующему референту.

Законы развития действия в рекламе – также специфическая конструкция рекламного мира: здесь существуют магические помощники, удивительные превращения, человек представляется всемогущим творцом своей судьбы, все несчастливые обстоятельства преодолимы. Все это и многое другое является в рекламе в качестве закономерности, в то время как в реальном мире это скорее частные случаи. Кроме того, существуют условности тех систем репрезентации, которые использует реклама в качестве информационного носителя. Даже на уровне технического исполнения каждая из систем репрезентации имеет свои особенности, не позволяющие говорить об имитации мира, но только о его репрезентации тем или иным образом. Так, фотография, традиционно считавшаяся наиболее нейтральной репрезентацией реальности, в действительности не так уж невинна. Коннотативно нагружен объект, выбранный для съемки (почему именно этот, а не другой), техника (любительский / профессиональный снимок), ракурс, освещение, время дня, декорации, ракурс, постановка кадра и многое другое. На фотографии мы сталкиваемся не с фрагментом мира, но с видением этого фрагмента мира фотографа [25, с. 97]. Он не показывает нам реальный мир, а приглашает взглянуть на этот мир через объектив своего фотоаппарата.

В ситуации постоянного мощного манипулятивного воздействия посредством всех возможных знаковых и кодовых систем человек живет с постоянным навязчивым желанием *чего-то*. Но главное то, что желание обладать определяется желанием вписываться в социальную систему, в социальную иерархию, быть ее частью, а не выходить за рамки, поскольку обладание определен-

ным набором вещей определяет статус. Поэтому получить, приобрести что-либо *любой ценой* – далеко не редкость, и люди зачастую поступают некоторыми принципами и социально одобряемыми методами достижения цели. Многие скатываются к принятию принципа «Человек человеку волк». Наиболее удобный с технической точки зрения способ получает предпочтение перед институционно предписанным поведением. По мере развития этого процесса интеграция общества ослабевает и развивается аномия. «*Рушатся солидарные связи, соединявшие население в народ*» [13]. Система потребностей, по мнению С. Карамурзы, обладает инерцией и имеет свойство воспроизводится даже при условии изоляции.

Реклама преподносит символы успеха, и эти символы успеха одинаковы для всех, однако в действительности они доступны ограниченному кругу лиц. Все же остальные, стремясь пробиться наверх социальной иерархии и испытывая в этом постоянную потребность (ведь «быть на вершине» также культивируется рекламой), вынуждены зачастую действовать неодобряемыми социумом методами.

Реклама, формирующая потребности, образы жизни, стили поведения, мнения и отношения, – это мощный институт власти, использующий самые различные медиа, посредством которых создают нужную производителю рекламы и рекламируемым товарам действительность.

Библиографический список

1. Адорно, Т., Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты [Текст] / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.-Спб., 1997.
2. Бауман, З. Моральная слепота: Утрата чувствительности в эпоху текучей современности [Текст] / пер. с англ. А. И. Самариной. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 368 с.
3. Бауман, З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция Зигмунта Баумана. 06 мая 2011. [Электронный ресурс] / З. Бауман. – URL: www.polit.ru/topic/video/
4. Бауман, З. Текучее зло [Текст] / пер. с англ. А. И. Самариной. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. – 247 с.
5. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : «Медиум», 1995.
6. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / пер. с фр. Е. А. Самарской. – М. : Культурная революция; Республика, 2006.
7. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Изд-во РУДОМИНО, 2001.
8. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Рипол-классик, 2015 – 240 с.

9. Бурдые, П. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдые. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87-96.
10. Бурдые, П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс / П. Бурдые. – М.: Издательский дом «ДЕЛО», 2019. – 416 с.
11. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал [Текст] / А. Горц. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – С. 70.
12. Даудрих, Н. Психосемантические методы в исследованиях бренда. [Текст] / Н. Даудрих. – М., 2003. – 240 с.
13. Кара-Мурза, С. Г. Аномия в России: причины и проявления [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во Научный эксперт, 2013. – 264 с.
14. Современная западная философия. Энциклопедический словарь [Текст] / под. ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова, при участии Т. А. Дмитриева. – М., 2009. – С. 146.
15. Уэллс, У., Бернет, Дж., Мориарти, С. Реклама: принципы и практика [Текст] / У. Уэллс, Дж. Бернет, С. Мориарти. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – С. 31-39.
16. Шенерт, В. Десять тезисов в защиту рекламы. В: Грядущая реклама. [Текст] / В. Шенерт. – М.: «Интерэксперт», 1999. – С. 3-6.
17. Bator, Renee J., Cialdini, Robert B. The Application of persuasion theory to the development of effective proenvironmental public service announcements. In: Journal of Social Issues. – Vol. 56. – No. 3. – 2000. – pp. 541.
18. Goffman, E. Gender advertisements. – NY: Harper & Row Pub. – Pp. 24-84.
19. Goldman, R. This is not an ad, The postmodernism that failed. In: Reading ads socially. – pp. 202-232.
20. Doyle, W. From Naturalization to Socialization: Changing Paradigms for Analyzing Visual Advertising. Online. – URL: http://www.allacademic.com/meta/p111559_index.html
21. Leigh, J. H. The Use of Figures of Speech in Print Ad Headlines. In: Journal of Advertising. – Vol. 23. – No. 2 (Jun., 1994). – pp. 17-33.
22. Levinson, Jay C., Horowitz, Shel Don't get stuck in the greenwashing swamp. In: Guerrilla marketing goes green: Winning strategies to improve your profits and your planet. – John Wiley & Sons. – Pp. 119-122.
23. Schiffman, L. G., & Kanuk, L. L. Consumer behavior. Upper Saddle River, N. J.: Pearson Prentice Hall. – Pp. 80-109.
24. Schudson, M. An Anthropology of Goods. In: Advertising, The Uneasy Persuasion. – NY: Basic Books, 1984. – Pp. 129-146.
25. Sturken M., Cartwright, L. Addressing the postmodern consumer. In: Practices of Looking: An Introduction to Visual culture. – Oxford University Press, 2004. – Pp. 270-277.
- ment. Philosophical fragments [Текст] / Т. Adorno, M. Horkhajmer. – М.-Spb., 1997.
2. Bauman, Z. Moral'naja slepota: Utrata chuvstvitel'nosti v jepohu tekucej sovremennosti = Moral blindness: Loss of sensitivity in the age of fluid modernity [Текст] / per. s angl. A. I. Samarinoj. – SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2019. – 368 s.
3. Bauman, Z. Tekuchaja modernost': vzgljad iz 2011 goda. Lekcija Zigmunta Baumana = Fluid modernity: a look from 2011. Zigmunt Bauman's lecture [Elektronnyj resurs] / Z. Bauman. – URL: www.polit.ru/topic/video/
4. Bauman, Z. Tekucee zlo = Fluid evil [Текст] / per. s angl. A. I. Samarinoj. – SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2019. – 247 s.
5. Berger, P., Lukman, T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya = Social design of reality. Treatise on sociology of knowledge [Текст] / P. Berger, T. Lukman. – М.: «Medium», 1995.
6. Bodrijjar, Zh. Obshestvo potreblenija. Ego mify i struktury = Consumption society. Its myths and structures [Текст] / per. s fr. E. A. Samarskoj. – М.: Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006.
7. Bodrijjar, Zh. Sistema veshhej = System of things [Текст] / Zh. Bodrijjar. – М.: Изд-во RUDOMINO, 2001.
8. Bodrijjar, Zh. Simuljakry i simuljacija = Simulacra and simulation [Текст] / Zh. Bodrijjar. – М.: Ripol-klassik, 2015 – 240 s.
9. Burd'e, P. Sociologija social'nogo prostranstva = Sociology of social space [Текст] / P. Burd'e. – М.: In-tekperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2007. – S. 87-96.
10. Burd'e, P. Jekonomicheskaja antropologija: kurs lekcij v Kollezhe de Frans = Economic anthropology: lectures at the Collège de France / P. Burd'e. – М.: Izdatel'skij dom «DELO», 2019. – 416 s.
11. Gorc, A. Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital = Non-material. Knowledge, value and capital [Текст] / A. Gorc. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – С. 70.
12. Daudrih, N. Psihosemanticheskie metody v issledovanijah brenda = Psychosocial methods in brand research [Текст] / N. Daudrih. – М., 2003. – 240 s.
13. Kara-Murza, S. G. Anomija v Rossii: prichiny i projavlenija = Anomaly in Russia: causes and manifestations [Текст] / S. G. Kara-Murza. – М.: Изд-во Nauchnyj jekspert, 2013. – 264 s.
14. Sovremennaja zapadnaja filosofija. Jenciklopedicheskij slovar' = Modern western philosophy. Encyclopedia dictionary [Текст] / pod. red. O. Heffe, V. S. Malahova, V. P. Filatova, pri uchastii T. A. Dmitrieva. – М., 2009. – С. 146.
15. Ujells, U., Bernet, Dzh., Moriarti, S. Reklama: principy i praktika = Advertising: principles and practices [Текст] / U. Ujells, Dzh. Bernet, S. Moriarti. – SPb.: Изд-во «Питер», 1999. – С. 31-39.
16. Shenert, V. Desjat' tezisov v zashhitu reklamy. V: Grjadushhaja reklama = Ten talking points in support of advertising. Q: Upcoming advertising [Текст] / V. Shenert. – М.: «Интерэксперт», 1999. – С. 3-6.

Reference List

1. Adorno, T., Horkhajmer, M. Dialektika Prosveshhenija. Filosofskie fragmenty = Dialectic of Enlighten-

17. Bator, Renee J., Cialdini, Robert B. The Application of persuasion theory to the development of effective proenvironmental public service announcements. In: *Journal of Social Issues*. – Vol. 56. – No. 3. – 2000. – pp. 541.
18. Goffman, E. *Gender advertisements*. – NY : Harper & Row Pub. – Pp. 24-84.
19. Goldman, R. This is not an ad, The postmodernism that failed. In: *Reading ads socially*. – pp. 202-232.
20. Doyle, W. *From Naturalization to Socialization: Changing Paradigms for Analyzing Visual Advertising*. Online. – URL: http://www.allacademic.com/meta/p111559_index.html
21. Leigh, J. H. The Use of Figures of Speech in Print Ad Headlines. In: *Journal of Advertising*. – Vol. 23. – No. 2 (Jun., 1994). – pp. 17-33.
22. Levinson, Jay C., Horowitz, Shel Don't get stuck in the greenwashing swamp. In: *Guerrilla marketing goes green: Winning strategies to improve your profits and your planet*. – John Wiley & Sons. – Pp. 119-122.
23. Schiffman, L. G., & Kanuk, L. L. *Consumer behavior*. Upper Saddle River, N. J. : Pearson Prentice Hall. – Pp. 80-109.
24. Schudson, M. *An Anthropology of Goods*. In: *Advertising, The Uneasy Persuasion*. – NY : Basic Books, 1984. – Pr. 129-146.
25. Sturken M., Cartwright, L. *Addressing the post-modern consumer*. In: *Practices of Looking: An Introduction to Visual culture*. – Oxford University Press, 2004. – Pp. 270-277.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10596

УДК 811

М. А. Дрога

<https://orcid.org/0000-0003-3077-5803>

Н. В. Юрченко

<https://orcid.org/0000-0002-7455-6357>

С. Х. О. Контрерас

<https://orcid.org/0000-0002-2163-9239>

Языковая картина мира как отражение культурного фонда (на примере паремий русского языка)

Понятие языковой картины мира вызывает немало дискуссий в поиске ее истинного определения. Рассмотрена позиция нескольких исследователей, которые, каждый по-своему, трактуют это понятие. Языковая картина мира является своеобразной основой мироощущения, которая выражается в разнообразии видов поведения человека. К подобным видам относят речь людей. Также рассмотрен вопрос, с чем связано понятие языковой картины мира и составляющие ее элементы; исследуются явления, формирующие языковую картину мира и влияние на нее культуры определенной страны и этноса. Паремии – составляющие, которые представляют информацию об окружающем нас мире. Выступают актуальными единицами, активно используются человеком в коммуникативных актах. Современные ученые-лингвисты отмечают большое количество терминов, обозначающих паремии. Некоторые из них выделяют переходные явления, то есть не четко разграничивают пословицы и поговорки. Востребованность пословиц и поговорок объясняется их краткостью и емкостью, действием закона языковой экономии. Кроме того, паремиологический фонд хранит и накапливает культурную информацию, в чем проявляется их аккумулятивная функция. Пословицы и поговорки описывают и сохраняют человеческий опыт, а также рассказывают о жизненных ситуациях следующим поколениям. Таким образом, паремии заключают в себе культурный код, отражая картину мира. В науке допускается несколько синонимичных терминов: «зеркало культуры», «эталон общества», «автобиография народа», «энциклопедия народной жизни». Язык связывает людей с действительностью. Вербальное общение человека представляет собой результат влияния культурных традиций, продукт осмысления знаний о мире.

Ключевые слова: картина мира, метафора, научная картина мира, стереотип, языковая картина мира, язык, паремии.

LINGUISTICS

Russian language

М. А. Droga, N. V. Yurchenko, S. J. O. Contreras

Language picture of the world as reflection of a cultural foundation (based on paremias of the Russian language)

This article concerns one of the basic concepts of cultural linguistics – a world picture. Despite enough the points of view on the nature of the term «language picture of the world», the fact of reflection in it of national culture is indisputable. The language picture of the world is a peculiar basis of attitude, which is expressed in a variety of types of the person's behavior. The valuable language fund of any people is made by proverbs, sayings, phraseological units and other set expressions. Also comes to light the substance of the studied concept; the factors influencing a language picture of the world and formation of stereotypes are specified. Paremias are the constituents of world pictures, which

provide information on matter surrounding us. Act as relevant units, are actively used by the person in communicative acts. Modern linguists note a lot of terms denoting paremias. Some of them allocate transitional processes, in other words, do not clearly distinguish proverbs from sayings. The demand of proverbs and sayings is explained by their brevity and capacity, operation of the law of language economy. Besides, the paremiological fund stores and accumulates cultural information in what their accumulative function is shown. Proverbs and sayings describe and keep human experience and also tell about life situations to the next generations. Thus, paremias comprise the cultural code, reflecting a world picture. In science several synonymous terms are allowed: «culture mirror», «standard of society», «autobiography of the people», «encyclopedia of national life». Language connects people with reality. Verbal communication of the person represents result of influence of cultural traditions, a product of comprehension of knowledge of the world.

Keywords: world picture, metaphor, language picture of the world, stereotype, cultural linguistics, language, paremias.

Лингвокультура тесно связана с понятием «картина мира». Выражение «картина мира» применяется в различных научных областях: в культурологии, в философии, в психолингвистике, в психологии. Этот термин подвергается трансформации, может меняться на синонимичные названия. Например, «концептосфера» (в отношении к языкознанию), «образ мира» (применительно к психологии), «менталитет» [9]. В некотором смысле понятие лингвокультура сближается с языковой картиной мира. Но «эти феномены онтологически различны» [8, с. 60]. Первый термин по своей природе более широкий [3].

Проанализировав теоретические положения, скажем, что языковая картина мира – база мировосприятия, которая реализуется во множестве форм человеческого поведения, к которым относится и человеческая речь; сумма знаний о мире, которая отражается в различных словах и выражениях, формируется в определённую систему взглядом, потребностей своего дальнейшего осмысления [12]. Однако, термин «языковая картина мира» (ЯКМ) неоднозначен. Под ЯКМ понимается далее представление о действительности, отражённое в языковых знаках, «языковое членение мира», «особый способ мировидения», выражающийся различными языковыми средствами. ЯКМ антропоцентрична. В её центре стоит человек и всё, что с ним тесно связано. «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлён в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться», писал Э. Бенвенист [6, с. 56-58].

Представления народа хранятся в языковой системе, в её центре. Вообразим, что мир видится нам через конкретную область, которую и считают составляющей человеческого мироощущения. «В свою очередь мировоззрение (миропонимание) как высший уровень самосознания индивида включает в свою систему картину мира, которая

понимается как образ, возникающий в процессе репрезентации сознанием окружающей действительности» [12, с. 20]. ЯКМ является своеобразным связующим звеном между сознанием и языком, соединяя сознание народа и язык. Компоненты, репрезентирующие смысл понятия «языковая картина мира»:

– область языка лежит в рамках ЯКМ и включает элементы, свойственные определенной нации, то есть язык отражает представления человека;

– языковое пространство, с одной стороны, – это место жизни (среда) языка, с другой – отражение реального пространства в языковом сознании говорящих;

– языковое пространство и языковая картина мира подтверждают взаимосвязь «язык-культура».

Лингвисты говорят о том, что словари отражают картину мира, которая основывается на научных взглядах. Научная картина мира лежит в основе семантики любых научных терминов, в то время как фразеология языка, его фольклор отражают в большинстве случаев наивную языковую картину мира, «единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1, с. 67]. Семантика паремий связана с отражением фоновых знаний носителей языка, с культурно-историческими традициями народа, что важно учитывать при описании языковой картины мира [6, с. 58].

Язык – это хранилище народных представлений, отображение мышления людей. Термин «картина мира» изначально предназначался к использованию в лингвистическом контексте – он был введен физиком Г. Герценом для описания существующего многообразия в процессе исследования объектов внешнего мира. В современной

лингвистике знания о ЯКМ существуют в виде двух научных школ.

Так, одна группа ученых под языковой картиной мира понимают результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества: Е. В. Бердникова, Г. В. Колшанский, В. А. Маслова, Н. И. Сукаленко и др. [9].

Представители другого течения (Д. Ю. Апресян [1], Л. Л. Нелюбин, Е. С. Яковлева [17]) определяют языковую картину мира как представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире.

Мы полагаем так же, как и исследователи второго направления, что «языковая картина мира есть не что иное, как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике, представляющая собой „пространство значений“, часть внутренней организации знаний человека о мире, куда входит национально-культурный опыт народа» [14, с. 6].

Итак, ЯКМ, относящиеся к разным языкам, отражают характер определенного народа. Картины мира различных культур имеют сходства и различия, что находит фиксацию в языковых знаках. Так, пословицы и поговорки, являясь составным компонентом народного творчества, содержат элементарные знания всевозможных народов о реальной действительности.

Общеизвестным является тот факт, что язык не развивается изолированно: он видоизменяется под влиянием культурных трансформаций, человеческого мышления. О проблеме взаимосвязи языка и культуры существует достаточно большое количество научных взглядов. Об этой важной теме писали В. Фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Е. М. Верещагин, Е. Ф. Тарасов, В. В. Воробьев; в последнее десятилетие отмечается активная работа С. А. Кошарной. Все исследователи-лингвисты сходны во мнении, что культурный код запечатлен в языке. В свою очередь, язык связывает людей с окружающей его действительностью. Вербальное общение человека – результат влияния культурных традиций, продукт осмысления знаний о мире.

«Динамизация современного общества вызвала активизацию национального сознания, а с ним и интерес к такому малому жанру фольклора, как пословицы и поговорки» [13, с. 6]. И это не случайно: паремии считаются источником данных о

культурных традициях народа. Устойчивые речевые обороты, называемые пословицами и поговорками (паремиями) «позволяют раскрыть особенности русской картины мира, показать взаимодействие системы „культура – язык – личность“, выявить специфику культурно-значимых единиц языка как сложных знаковых образований» [14, с. 337].

Паремии в современной науке наделяют разнообразными наименованиями: например, называют их «зеркалом культуры», «эталонном общества», «автобиографией народа», «энциклопедией народной жизни». Подобное синонимичное использование терминов говорит о том, что связь между языком, культурой и сознанием человека является тесной и взаимообусловленной.

В науке существует много определений, отражающих суть пословицы. Ученые советуют вкладывать в *пословицу* следующий смысл: логически законченное образное или безобразное изречение, которое имеет поучительный смысл и характеризуется необычной ритмической и фонетической организацией. А *поговорку* они предлагают трактовать вместе с устойчивыми сравнениями как фразеологизм в узком смысле слова. Для обозначения слова *паремии* следует использовать широкий смысл: от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста.

«Паремия» соответствует таким понятиям, как притча, поговорка, пословица, в их древнерусских значениях. Наука о паремиях – паремиография – берет свое начало в глубокой древности, фиксация пословиц учеными происходила еще в Древней Греции и Риме. Изучению пословиц как единиц языка посвятили свои труды Ф. И. Буслаев (1954), А. А. Потебня (1894), И. М. Снегирев (1859), В. Шерер (1888).

Интересен тот факт, что ученые разделяли понятия «пословица» и «поговорка». Пословица воспринималась как суждение, взятое из жизни, поговорка, наоборот, понималась ими как оборот речи, не заключающий в себе полного смысла, а выражающий только намек [13, с. 16]. В. И. Даль также разграничивал эти понятия, трактовал пословицу как текст назидательного характера, а поговорку – как первую половину пословицы, то есть выражение без притчи, осуждения [13, с. 16].

В работах современных ученых таких, как И. Е. Аничков, В. П. Жуков, В. В. Колесов, Г. Л. Пермяков, Л. Б. Савенкова, понятия «пословица» и «поговорка» получают более широкую трактовку. Например, И. Е. Аничков называет паремии выражением общепризнанного мнения,

основанного на многовековом коллективном опыте. Пословица понимается им как «обращающееся в языке наряду со словами и словосочетаниями предложение или сцепление предложений, представляющее сознательную ссылку на коллективный опыт предшествующих поколений». Поговорка – это «неполное или короткое предложение, имеющее менее ясно выраженный, чем пословица, характер сознательной ссылки на опыт предшествующих поколений» [15]. Таким образом, поговорки имеют прямой план содержания, а пословицы – иносказательный [15, с. 67].

Как мы видим, современные исследователи, несмотря на достаточное количество терминологических изысканий, склонны находить переходные явления, то есть не четко разграничивают пословицы от поговорок. Бесспорным фактом является структурный принцип, помогающий определять языковые явления. Так, пословица – грамматически законченное предложение, которое может использоваться как в прямом, так и в переносном значении. Таким образом, пословица – это минимальный художественный текст и в отличие от слова, она воспринимается индивидуально, избирательно. Пословиц «для всех» нет, так как их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от уровня языковой компетенции. Поговорка содержит глагол в личной форме и имеет незамкнутую структуру. Пословицы и поговорки фиксируют опыт людей, сохраняя описание жизненных ситуаций.

Паремии – единицы, которые доставляют информацию об окружающей нас действительности. Они являются актуальными и в повседневном общении, активно используются человеком в процессе общения. Подобная популярность объясняется их краткостью и емкостью, что выражается в законе экономии языковых средств. Кроме того, паремиологический фонд хранит и накапливает культурную информацию, в чем проявляется их аккумулятивная функция.

Не вызывает сомнения, что паремии отражают особенности национальной истории и мироощущения того или иного народа. В связи с этим их располагают по темам: «Семья», «Любовь», «Характер» и т. п. Подобное разделение на тематические блоки приняло общий характер, к тому же появилась проблема так называемого «паремиологического минимума». «Паремиологический минимум – это не только „живой фольклор“, но и та заповедная часть образного и экспрессивного национального языкового фонда, которую следует рекомендовать иностранцам, желающим постичь

нашу загадочную славянскую душу. Это и та группа пословиц, которую следует рассеивать в качестве „разумного, доброго, вечного“ в школах и вузовских учебниках, особо комментировать в пособиях по культуре речи и культурологических справочниках» [10, с. 14]. При этом необходимо учитывать, что использование паремий в речи – добровольный выбор говорящего. Если человек тонко чувствует слово, то он может активно использовать их, если же он замкнут и немногословен – паремии практически не употребляются. В связи с этим идею пармиологического минимума предложили трансформировать в создание паремиологического фонда. Так, белорусский паремиолог Л. Г. Пермяков занялся описанием такого фонда на основе славянских языков.

«Пословицы и поговорки обнаруживают тесную связь с эталонами и стереотипами сознания определенного этноса, позволяют увидеть его мировоззрение, а также проследить каким образом народный опыт и коллективная мудрость закрепляются в языковой форме» [17, с. 214].

Своеобразие о содержании культуры определяется сущностью человека. Он, в свою очередь, является не только носителем языка, но и его культуры [16, с. 253]. «Образ женщины представлен в русском материале в количественном, но и в качественном отношении: отражены разнообразные социальные роли, степени родства (невеста, мать, жена, сестра, сватья, золовка, кума, свекровь, дочь), этапы жизни женщины, ее разнообразные задачи и умения» [2].

Главными героями паремий русского языка выступают «муж» и «жена». В этой группе отражается зависимость как жены от мужа, так и мужа от жены, а также равенство обоих. Полагается, что для создания счастливой семьи муж с женой должны подходить друг другу, в чём-то быть похожими. К тому же, чем дольше они вместе живут, всё больше становятся похожими друг на друга, понимают друг друга с полуслова или же усваивают манеры друг друга: *Муж да жена – одна душа; У мужа и жены мысли одни; Живут рука в руку, душа в душу; Муж да жена – одно тело, одно дело, себя не бьёшь и на неё руки не подымай; Жена да муж – змея да уж; Муж и жена – одна сатана; Муж с женою бранится, да под одну шубу ложится; Не надобен и клад, коли у мужа и жены лад; Муж с женою, что мука с водою, сболтать сболтаешь, да не разболтаешь.* Муж и жена не могут существовать один без другого, но одновременно с этим, мужчина нуждается в заботе женщины: *Мужик без бабы пуце малых деток*

сирота; Муж без жены, что гусь без воды; Жена мужу – подруга, а не прислуга; Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки; Без мужа, что без головы, без жены, что без ума; Без жены как без шапки; Одному с женою радость, другому горе; а женщина в нём находит свою опору: Жена при муже хороша; Красна пава перьем, а жена мужем; Без мужа жена всегда сирота; Птица крыльями красна, жена мужем красна; Жена мужу пластырь, а он ей пастырь; Жена без мужа – всего хуже; К мужу пришла, так своё нашла.

Сложившийся стереотип женщина – домохозяйка, мужчина – глава семьи работает в следующих многочисленных фактах, отражённых в паремиях. Заданием идеальной жены было сидеть дома, готовить, убирать – там её место: *Бабе там место, где месят тесто; Женщине дорога – от печи до порога; Сиди, девица, за тремя порогами; Муж вези гуж, а жена шей рубашки; Муж молоти пшеницу, а жена пеки паленицы;* проявлять заботу и внимание по отношению к своему мужу, быть доброй и уступчивой: *Любого мужа беречь нужно; Доброй жене домоседство не мука; Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье; Добрая жена – венец мужу своему и беспечалие, а зла жена – лютая печаль, истощение дому; Доброю женою и муж честен; Добрая жена да щи – другого добра не ищи; У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит; У хорошей жены и плохой муж будет молодцом; Лучшие хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать.* Тем не менее, женщина имеет большую важность для мужчины – она является олицетворением тепла и уюта в доме, без неё бы был дом пуст: *Без жены дом – содом; Без хозяйки нет хозяина; Мир в семье женой держится; Дом без жены, что год без весны; Добрая жена дом сбережёт, а плохая – рукавом разнесёт; Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога; Чем умнее жена, тем сильнее семья; Горько, что беда, а мило, что жена; Жена не рукавица, с руки не сбросишь; Жена не сапог, с ноги не скинешь; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повешишь; Жена мужу не прислуга, а подруга.*

В представлении русского народа главной ролью и назначением женщины являлось материнство. Пословицы этой группы указывают на мать как на хранительницу семейного очага, олицетворение любви и доброты: *Маменька родимая – свеча неугасимая; Мать всякому делу голова; Любящая мать – душа семьи; Сыр калача белее, а мать всех милее; Родную мать никем не заме-*

нишь; От солнышка тепло, от матушки добро; Жена для совета, тёща для привета, а нет милее родной матушки; Нет лучшего дружка, чем родная матушка; Мать праведна – ограда каменная; Скверную мать трудно отыскать; Без отца полсироты, а без матери – и вся сирота; Отцов много, а мать одна. В пословицах также говорится об испытаниях женщины-матери, заботе и ответственности, связанных с материнством и воспитанием детей. Мать занимает главное место в жизни ребёнка, она готова пожертвовать чем угодно ради своих детей; всегда готова им помочь, простить, понять; никогда не оставит их в беде. Любовь матери бескорыстна и безгранична, её ничем не заменишь: *Мать кормит детей, как земля людей; Мать в детях как в цветку цветёт; Материнская любовь до гроба; Материны глаза слепы; Сердце матери лучше солнца греет; Птица радуется весне, а дитя – матери; Материнское благословение на воде не тонет, на огне не горит; Материнская молитва со дна моря вынимает; Куда мать, туда и дитя; Сердце матери отходчиво; Материнский гнев, что весенний снег: и много его выпадает, да скоро тает; Материнская душа кривая, материнская любовь слепая.*

В фонде русского языка хранятся пословицы, затрагивающие ещё один стереотип: *Не та мать, что родила, а та, что возматерила.* Отсюда широкое использование лексемы «мачеха» в представленных ниже выражениях: *Иному счастье мать, а иному мачеха; Мать гладит по шерсти, мачеха – насупротив; Мать и бьёт, так гладит, а чужая и гладит, так бьёт; Мачеха добра, да не мать родна; Не всякая мачеха недруг.*

Подводя итоги, можно сказать, что культура рождается, развивается, «существует в обществе бок о бок с человеком и становится его неотъемлемой частью» [7, с. 136]. В пословицах и поговорках русского языка роль женщины отображена, в первую очередь, как матери и жены-хозяйки. Представленные пословицы и поговорки указывают на равноправие между мужчиной и женщиной, в них трудно найти доминанту, что является свидетельством неразрывной связи между мужским и женским началом, невозможности существования друг без друга. Паремии представляют языковую картину мира, включающую культурный код русского народа. «Паремии, обладая мотивировочным потенциалом внутренней формы, также нуждаются в исследовании в различных контекстах их употребления, создающих условия для генерирования новых смыслов» [5, с. 151].

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
2. Болтенко, Э. Н. Стереотип как основание гендерных исследований в лингвистике [Текст] // Педагогический университетский вестник Алтая. – 2002. – №4. – С. 17-23.
3. Бутенко, Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии [Текст] // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2008. – № 2. – С. 321-328.
4. Евграфова, Ю. А. Мужики и бабы. Гендер в паремиологической картине мира [Текст] // Ю. А. Евграфова. – М. : Флинта, 2017. – 41 с.
5. Евграфова, Ю. А. Структурно-семантические особенности паремий: вербализация константы «внешность человека» в русском и английском языках [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №1. – С. 145-151.
6. Есмурзаева, Ж. Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях [Текст] // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-3. – С. 56-58.
7. Зубарева, Г. С. К вопросу о взаимосвязи языка и культуры (на материале русского, немецкого и английского языков) [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 135-138.
8. Красных, В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии [Текст] // Русский язык за рубежом. – 2011. – №4. – С. 60-66.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/osnovnie-ponyatia/bazovie-ponyatija-lingvokulturologii/1910/?q=641&n=1910>
10. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) [Текст] // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6-20.
11. Новакова, Д., Дрога М. А. Языковая картина мира как основная категория лингвокультурологии [Текст] // Проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. научн.ст. – Вып. VII. – Белгород, 2019. – С. 104-107.
12. Орлова, О. В. Языковая картина мира и национально-культурная идентичность [Текст] // О. В. Орлова. – М. : ГАСК. – 2010. – 108 с.
13. Позднякова, Е. Ю. Языковая картина мира и языковое пространство во взаимосвязи «язык-культура» [Текст] // Филология и человек. – 2010. – № 1. – С. 20-28.
14. Ромеро Интриаго, Д. И., Кравченко, О. Н. Взаимодействие языка и культуры в процессе обучения русскому языку как иностранному (на примере русских и китайских паремий) [Текст] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – С. 335-339.

15. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та. – 2002. – 239 с.
16. Халуло, О. И. Взаимосвязь языка и культуры как основополагающий принцип формирования лингвокультурной компетенции [Текст] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 250-256.
17. Яковлева, Е. А. Интеграция китайских пословиц и поговорок в американское лингвокультурное пространство: [Текст] // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-3. – С. 212-216.

Reference List

1. Apresjan, Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisaniya = Human image by language – attempt of system description [Tekst] // Voprosy jazykoznanija. – 1995. – № 1. – S. 37-67.
2. Boltenko, Je. N. Stereotip kak osnovanie gendernyh issledovanij v lingvistike = Stereotype as the basis of gender studies in linguistics [Tekst] // Pedagogicheskij universitetskij vestnik Altaja. – 2002. – №4. – S. 17-23.
3. Butenko, E. Ju. Bazovye edinicy lingvokul'turologii = Basic units of cultural linguistics [Tekst] // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. – 2008. – № 2. – S. 321-328.
4. Evgrafova, Ju. A. Muzhiki i baby. Gender v paremiologicheskoy kartine mira = Men and women. Gender in the paroemiological picture of the world [Tekst] // Ju. A. Evgrafova. – M. : Flinta, 2017. – 41 s.
5. Evgrafova, Ju. A. Strukturno-semanticheckie osobennosti paremij: verbalizacija konstanty «vneshnost' cheloveka» v russkom i anglijskom jazykah = Structural-semantic features of paremias: verbalization of the constant «appearance of man» in Russian and English [Tekst] // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – №1. – S. 145-151.
6. Esmurzaeva, Zh. B. Ponjatija «jazykovaja kartina mira» i «konceptual'naja kartina mira» v sovremennyh issledovanijah = Concepts «language picture of the world» and «conceptual picture of the world» in contemporary research [Tekst] // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. – 2008. – № 2-3. – S. 56-58.
7. Zubareva, G. S. K voprosu o vzaimosvjazi jazyka i kul'tury (na materiale russkogo, nemeckogo i anglijskogo jazykov) = To the question of the relationship between language and culture (in Russian, German and English) [Tekst] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. – 2011. – № 4. – S. 135-138.
8. Krasnyh, V. V. Osnovnye postulyaty i nekotorye bazovye ponjatija lingvokul'turologii = Basic postulates and some basic concepts of linguoculturology [Tekst] // Russkij jazyk za rubezhom. – 2011. – №4. – S. 60-66.
9. Maslova, B. A. Lingvokul'typologija = Linguoculturology [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/osnovnie-ponyatia/bazovie-ponyatija-lingvokulturologii/1910/?q=641&n=1910>

10. Mokienko, V. M. Sovremennaja paremiologija (lingvističeskie aspekty) = Modern paremiology (linguistic aspects) [Tekst] // Mir russkogo slova. – 2010. – №3. – S. 6-20.
11. Novakova, D., Droga M. A. Jazykovaja kartina mira kak osnovnaja kategorija lingvokul'turologii = Linguistic picture of the world as the main category of linguoculturology [Tekst] // Problemy lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauchn.st. – Vyp. VII. – Belgorod, 2019. – S. 104-107.
12. Orlova, O. V. Jazykovaja kartina mira i nacional'no-kul'turnaja identičnost' = Language picture of the world and national cultural identity [Tekst] / O. V. Orlova. – M. : GASK. – 2010. – 108 s.
13. Pozdnjakova, E. Ju. Jazykovaja kartina mira i jazykovoe prostranstvo vo vzaimosvjazi «jazyk-kul'tura» = Language picture of the world and language space in language-culture relationship [Tekst] // Filologija i čelovek. – 2010. – № 1. – S. 20-28.
14. Romero Intriago, D. I., Kravčenko, O. N. Vzaimodejstvie jazyka i kul'tury v processe obučeniya russkomu jazyku kak inostrannomu (na primere russkih i kitajskih paremij) = Interaction of language and culture in the process of teaching Russian as a foreign language (on the example of Russian and Chinese paremias) [Tekst] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. – 2013. – № 9 (152). – S. 335-339.
15. Savenkova, L. B. Russkaja paremiologija: semantičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty = Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects [Tekst] / L. B. Savenkova. – Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost, un-ta. – 2002. – 239 s.
16. Halupo, O. I. Vzaimosvjaz' jazyka i kul'tury kak osnovopolagajushhij princip formirovanija lingvokul'turnoj kompetencii = The interrelationship of language and culture as a fundamental principle of linguistic competence [Tekst] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Puškina. – 2012. – T. 1. – № 1. – S. 250-256.
17. Jakovleva, E. A. Integracija kitajskih poslovic i pogoovorok v amerikanskoe lingvokul'turnoe prostranstvo = Integrating Chinese proverbs and sayings into the American linguocultural space [Tekst] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 2-3. – S. 212-216.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10597

УДК 811.161.1

Н. П. Галкина

<https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в современной публицистике

В статье представлены результаты статистического анализа сложноподчинённых предложений со значением обусловленности в контексте их функционирования в публицистических текстах. Исследование проводится в рамках изучения выражения отношений обусловленности посредством сложноподчинённых предложений в произведениях книжного стиля – научном и публицистическом. В качестве источников использовались печатные и онлайн книги, а также периодические газеты и журналы, публикующие аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно-значимые темы. Обусловленность объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, доказательство, аргумент, довод, стимул, целевая мотивировка, вывод. Весь этот круг отношений является актуальным в публицистических текстах. Показано, что дистрибуция сложноподчинённых предложений с придаточными условия, причины, цели, уступки и следствия в общем поле обусловленности коррелирует с основными функциями публицистического стиля: информационной, просветительской, оценочной, побудительной, воздействующей. Наиболее актуальными являются отношения условной и каузальной семантики. Менее частотными оказываются предложения целевой, уступительной и следственной семантики, в целом составляя треть всех исследуемых конструкций. В статье также описаны наиболее общие особенности функционирования данных предложений в публицистическом стиле. В выборке условных конструкций помимо придаточных, выражающих условие, значительное число предложений имеет десемантизованную или фразеологизированную условную часть. Отмечено, что в публицистических текстах довольно широко представлена парцелляция, что служит усилению побудительной и оценочной составляющей высказывания. Парцеллированные структуры встречаются в анализируемых произведениях во всех типах исследуемых предложений, но наиболее часто – в причинных и уступительных конструкциях.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, придаточное предложение, обусловленность, значение, функция, синтаксис, стиль, стилистическое средство, парцелляция, публицистика.

N. P. Galkina

Complex sentences with the meaning of conditionality in a publicistic style of the contemporary Russian language

The paper presents the results of a statistical analysis of complex sentences of conditionality in the context of their functioning in publicistic texts. The study is conducted in the framework of the study of the expression of conditionality relationships by complex sentences in the works of the book style – scientific and publicistic. The sources used were printed and online books, as well as periodicals and magazines publishing analytical articles, essays, reports, and interviews on socially significant topics. Conditionality combines in itself such meanings as condition, reason, justification, proof, argument, stimulus, target motivation, conclusion. This whole range of relationships is relevant in journalistic texts. It has been shown that the distribution of complex sentences with subordinate clauses of condition, cause, purpose, concession and consequence in the general field of conditionality correlates with the main functions of the journalistic style: informational, educational, evaluative, incentive, influencing. The relations of conditional and causal semantics are found to be the most productive. Sentences with the meaning of purpose, concession and consequence are less frequent, making up one third of all the structures under consideration. The paper also describes the most common features of such sentences functioning in a journalistic style. In the sample of conditional constructions, in addition to the subordinate constructions expressing the condition, a significant number of sentences have a desemantized or phraseological clause. It is noted, that in journalistic texts parcellation is quite widely represented and serve to strengthen the incentive and evaluative component of the statement. Parcel structures are found in the analyzed works in all types of studied sentences, but most often in causal and concessive constructions.

Keywords: complex sentence, subordinate clause, conditionality, meaning, function, syntax, style, stylistic device, parceling, publicism.

Введение

Термин «предложения обусловленности» при классификации сложноподчинённых предложений (СПП) был введен В. А. Белошапковой для обозначения совокупности СПП расчленённой структуры, включающих придаточные условия, уступки, причины, цели, следствия [2, с. 222]. Представление об общности указанных значений прослеживались в грамматической литературе и раньше. Так, например, у И. И. Давыдова причинные (винословные), условные, уступительные и целевые придаточные объединены в группу «причинных» [5, с. 148-151]. В «Русской грамматике» весь круг значений обусловленности предстаёт как целостное единство на том основании, что «предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [12, с. 562]. Обусловленность, т. е. причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, доказательство, аргумент, довод, стимул, целевая мотивировка, вывод. Весь круг указанных отношений является актуальным в научных текстах [3, с. 85]. Возникает вопрос: каково место и дистрибуция конструкций данной категории в другом обширном по объёму и разнообразию пласте книжного стиля – публицистическом.

Каждый функциональный стиль отбирает и организует языковые средства в зависимости от сферы употребления и задач общения. Произведения публицистического стиля отражают сферу политико-идеологических, экономических, общественных, культурных отношений. Задача публицистического стиля – информирование, передача общественно-значимой информации с одновременным воздействием на читателя, убеждением его в чём-то, внушением определенных идей, взглядов, побуждением к определенным поступкам, действиям. Данный стиль характеризуется широтой, разнообразием и неоднородностью жанров (дискуссия, критическая заметка, репортаж, интервью, журнальная или газетная статья, хроника, рецензия, очерк, зарисовка, информационная заметка, эссе, выступление, доклад, фельетон, реклама), многие из которых выполняют не просто информационную, но и просветительскую функцию. Публицистическое произведение должно отличаться достоверностью, точностью фактов, конкретностью, обоснованностью и в то же время общедоступностью, эмотивностью, стремлением заинтересовать, «зацепить» читателя. Выполнение функции сообщения на общественно-значимые темы, убеждения, воздействия, побуждения обес-

печивается оценочной авторской позицией, проявлением «авторского я». «Невозможно бесстрастно писать о том, что волнует миллионы людей, например об этнических конфликтах, о ценах и инфляции. Необходима оценка социальных, политических явлений, тенденций, процессов» [18, с. 204].

Таким образом, для публицистического стиля характерны логичность, образность, эмоциональность, оценочность, призывность. В нём широко используется как нейтральная, общестилевая, так и специальная лексика, разнообразные виды синтаксических конструкций [4, с. 25; 16, с. 21]. Отмечено, что из-за неоднородности и разнообразия задач публицистический стиль плохо поддаётся унифицированному описанию. Тем не менее, представляется, что на уровне синтаксиса (как наиболее устойчивом каркасе языка) в произведениях публицистического стиля выявляются общие характерные черты, обусловленные экстралингвистическими факторами его употребления. Хотя грамматика языка едина, однако «каждый функциональный стиль по-своему использует грамматические формы и конструкции, оказывая предпочтение тем или иным из них» [19, с. 175].

В качестве материала для исследования методом сплошной выборки мы отобрали из произведений публицистического стиля различных жанров 1100 двухкомпонентных сложноподчинённых предложений со значением обусловленности (СППО), представляющих собой как отдельную синтаксическую единицу, так и часть в составе многокомпонентных предложений. По результатам анализа, 42 % исследуемых конструкций занимают условные СПП. Вторыми по частоте использования являются СПП с придаточными причины (27 %). Предложения целевой, уступительной и следственной семантики в произведениях публицистического стиля в целом составляют 1/3 всех исследуемых СППО. Целевые предложения здесь занимают лидирующие позиции и составляют 15 % СППО; на долю СПП уступки и СПП следствия приходится соответственно 11 % и 5 % всех исследуемых двухкомпонентных конструкций.

Отметим, что при сравнении типологии подобных конструкций в научном стиле наблюдается общая тенденция дистрибуции СППО в поле обусловленности. Так, по материалам нашего предыдущего исследования, в произведениях естественнонаучного цикла наиболее актуальными в общем поле обусловленности также являются отношения условной и каузальной семантики (54 % и 27,3 % соответственно). На долю целевых, уступительных и следственных СПП в научном стиле прихо-

дится соответственно 8,8 %, 4,8 % и 5 % всех исследуемых двухкомпонентных конструкций.

В то же время проявляются характерные особенности функционирования СППО в публицистическом стиле, обусловленные его основными функциями (информационной, просветительской, оценочной, побудительной, воздействующей). Так, в выборке условных СПП помимо придаточных, выражающих условие того, о чём говорится в главной части, обнаруживается значительное число с так сказать десемантизированной или фразеологизированной условной частью: «если хотите», «если угодно», «если быть честным», «если верить...», «если можно так сказать», «если помните» и т. п. Сравним:

1. *Если ресурсы иссякнут, реактор моментально лопнет...* [15, с. 13].

2. *Теперь потребители из ЕС могут спокойно переоборудовать свои НПЗ под арабское или американское сырьё, если их и дальше будет не устраивать качество российской Urals* [10, с. 18].

3. *(Это были случаи с деморализованными группами противника,) которые, если успевали, разворачивались обратно* [8, с. 8].

4. *Если верить легендам, в былые времена во время наводнений Нева затопляла устье реки Охты...* [16, с. 2].

5. *Это правильно, особенно с тех пор, как я приехал в Анн-Ар-бор с российской зубокарической работой, если можно так выразиться* [11, с. 21].

6. *В ней было величие, если угодно, имперское величие* [11, с. 40].

В первых трёх примерах условие выражено придаточными с союзом *если* в пре-, пост- и интерпозиции соответственно. В примерах 4, 5, 6 структурные компоненты предложений с союзом *если* не указывают на условие, а представляют собой авторскую ремарку, уточнение, ссылку. Позиция этих частей также может быть различна. Такие предложения довольно частотны и занимают в различных произведениях от 10 % до 63 % из корпуса выписанных условных конструкций. Данная особенность соответствует требованию к достоверности излагаемого материала, а также присутствию «авторского я», оценочной позиции в текстах публицистического стиля.

Как уже говорилось выше, задачей публицистического стиля является информирование читателя с целью воздействия, пробуждения эмоций, чувств, побуждения к действию. Как отмечает Г. Я. Солганик, воздействующая функция публицистики ярко проявляется в синтаксисе: «Из разнообразного синтаксического репертуара публицистика отбирает конструкции, обладающие зна-

чительным потенциалом воздействия» [18, с. 205]. Применительно к нашему материалу, это должно находить отражение в частотности предложений со значением цели. Действительно, в нашей выборке 15 % СППО приходится на СПП с придаточными цели, прикреплёнными, главным образом, союзом *чтобы* (реже составным союзом *для того чтобы*). Отметим, что данный показатель в два раза выше, чем, например, в научном стиле, где целевые отношения тоже имеют важное значение. Приведём примеры: 1) *Минобороны должно будет поддерживать их в рабочем состоянии, чтобы они на 100 % работали, а не простаивали* [20, с. 12]. 2) (...) *чтобы сделать это десять раз, организму нужны очень серьёзные аргументы* [15, с. 6].

В данных предложениях придаточные цели прямо указывают на цель того, о чём говорится в главной части. Позиция придаточного связана с коммуникативной установкой говорящего: в первом случае она направлена от констатации факта на цель его совершения (постпозиция придаточного), а во втором – от указания цели к тому, что необходимо для её достижения. В обоих предложениях количественные элементы (*100 %*, *десять раз*) в целевых компонентах усиливают экспрессию, подчёркивая важность или сложность поставленной задачи. В следующем примере целевое придаточное оформлено в виде отдельного предложения, тем самым акцентируя внимание на его содержании: *Такой герой нужен для подрастающего поколения. Чтобы наши внуки знали, чего стоила нашим народам та война* [1, с. 4]. Данный стилистический приём, называемый парцелляция, служит усилению побудительной и оценочной составляющей высказывания.

Парцелляция (от французского «parcelle» – частица) – это особое членение текста, при котором части одного предложения оформляются как несколько самостоятельных предложений, для придания фразе большей выразительности [13, с. 272-273]. С информационной точки зрения парцелляция – это восполнение упущенных возможностей высказывания, добавление или исправление какого-либо существенного, по мнению говорящего, признака обсуждаемого предмета [9, с. 297]. Публицисты активно используют это стилистическое средство с целью расстановки приоритетов, привлечения внимания, подчёркивания некоторых деталей, акцентирования на условиях, причине, обосновании, цели, результате, следствии, противоречии и т. п. [17, с. 172-176]. Тем самым усиливается воздействие на читателя или высвечивается оценочная составляющая – обязательные характеристики публицистического сти-

ля. Парцелированные структуры встречаются в анализируемых произведениях во всех типах СППО, составляя в целом более 10 % исследуемых конструкций. Например: *Кроме того, очень большую роль играет телевидение. Если по нему идут нескончаемым потоком сериалы ...* [15, с. 19]. В приведённом примере автор говорит о большой роли телевидения в формировании общественного мнения. О роли негативной, и чтобы подчеркнуть, в каком случае телевидение оказывает отрицательное воздействие, автор разделяет высказывание, отдельно оформляя констатацию факта и условие его осуществления. В следующем примере условная часть, оформленная отдельным предложением, следующим за главным, выражает ссылку автора на фольклор для подтверждения достоверности сказанного в главной части: *Так в Петербурге одна за другой появились три «виллы общего пользования». Если, конечно, вернуть фольклору* [16, с. 47].

Наиболее часто парцелляция встречается в причинных и уступительных конструкциях, где автор после сообщения о факте, событии высказывает его подтверждение, объяснение (часто субъективное) или указывает на противоречие, дополнительное обстоятельство, которое могло бы помешать тому, что описано в главной части. Всё это придаёт убедительность и оценочную коннотацию таким построениям. См., например: 1) *И этот принцип не работает. Потому что так нельзя, всех под общую гребенку* [11, с. 13]. 2) *(Конечно, мы не можем остановить войну), но мы должны говорить о мире, о добре, о человечности. Потому что все хотят, (чтобы эта проклятая война закончилась)* [7, с. 7]. В приведённых примерах придаточные причины, оформленные союзом *потому что*, не просто выражают причину или основание для вывода. Отделённые от главной части и построенные как самостоятельные предложения, они притягивают внимание читателя, звучат более настойчиво, призывно.

В следующем примере использовано придаточное уступки. В главной части автор констатирует факт. В придаточной, стоящей отдельно от главной, автор акцентирует внимание на противоречии, привнося свою оценку, свою позицию в отношении этого факта: *(...) по новому закону о языке старики будут лишены возможности получить в поликлинике ответ по-русски. Хотя при такой медицине и пенсии им осталось недолго* [14, с. 14]. Предложения такого рода наиболее частотны и составляют примерно половину всех парцелированных структур в нашей выборке. Приведём ещё примеры: *Стремительное возрождение мощи России и, соответственно, переход*

Москвы полностью к самостоятельной внешней политике стали для НАТО шоком, от которого альянс не может отойти до сих пор. Хотя ещё в августе 2009 года Россия продемонстрировала на Кавказе, (что с ней надо считаться) [21, с. 5]. *(...) формальные достижения конструктивизма или, скажем, футуризма вновь дали себя знать. Хотя, казалось бы, никаких предпосылок к тому не было* [11, с. 42]. *Надо полагать, теперь он стал садом Дворца творчества юных. Хотя, кажется, никаких официальных подтверждений этому, вроде бы, нет* [16, с. 26].

Заключение

Как указывает М. Н. Кожина, говоря о синтаксических средствах различных функциональных стилей, следует иметь в виду частоту употребления синтаксических единиц и их достаточно устойчивую специализацию [6, с. 148]. В данной статье мы представили результаты статистического анализа сложноподчинённых предложений со значением обусловленности в публицистических текстах, что позволило обнаружить наиболее общие особенности функционирования предложений данной категории в публицистическом стиле современного русского языка. Для выявления частных особенностей каждого типа СППО необходимо провести структурно-семантический анализ, что и будет предметом дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Бабурин, С. Забытый подвиг [Текст] // Завтра. – №18 (1325). – 2019. – С. 4.
2. Белошапкина, В. А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст] / В. А. Белошапкина. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
3. Галкина, Н. П. Сложные предложения со значением обусловленности в научном стиле русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла) [Текст] / Н. П. Галкина // Диалог культур – культура диалога: материалы X юбилейной междунар. науч.-практ. конф. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – С. 84-87.
4. Гвоздев, А. Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А. Н. Гвоздев. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
5. Евтюхин, В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке [Текст] / В. Б. Евтюхин. – СПб., 1997. – 198 с.
6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка [Текст] / М. Н. Кожина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
7. Крученкова, О. Агент любви Юрий Шевчук [Текст] // Союзное вече. – №11 (602). – 2015. – С. 7.
8. Курилкин, А. Из поверженного Берлина – на Прагу [Текст] // Завтра. – №18 (1325). – 2019. – С. 8.

9. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Матвеева. – Ростов н/ Д. : Феникс, 2010. – 562 с.
10. Плужников, С. Хлоропровод «Дружба» [Текст] // Наша Версия. – №17 (692). – 2019. – С. 18.
11. Полухина, В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью [Электронный ресурс] / В. Полухина. – URL: <http://rubooks.net/book.php?book=7351>
12. РГ 1980 – Русская грамматика в 2 т. Т. II. Синтаксис [Текст] / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан; гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 714 с.
13. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976. – 544 с.
14. Святогоров, И. Украинский тупик [Текст] // Наша Версия. – №17 (692). – 2019. – С. 14.
15. Сёмин, К. Агитпроп. Идеология победы [Электронный ресурс] / К. Сёмин. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163>
16. Синдаловский, Н. Легенды петербургских садов и парков [Электронный ресурс] / Н. Синдаловский. – URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274>
17. Сквородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка [Текст] / А. П. Сквородников. – Томск : Изд. Томского ун-та, 1981. – 255 с.
18. Солганик, Г. Я. Стилистика текста [Текст] / Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 256 с.
19. Солганик, Г. Я., Дроняева, Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи [Текст] / Г. Я. Солганик. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2005. – 256 с.
20. Степанов, А. Курс на снижение [Текст] // Наша Версия. – №17 (692). – 2019. – С. 12.
21. Хромчихин, А. Уроки учебных боев [Текст] // Союзное вече. – №11 (602). – 2015. – С. 5.
5. Evtjuhin, V. B. Kategorija obuslovlennosti v sovremennom russkom jazyke = Condition category in modern Russian [Текст] / V. B. Evtjuhin. – SPb., 1997. – 198 s.
6. Kozhina, M. N. Stilistika russkogo jazyka = Russian stylistics [Текст] / M. N. Kozhina. – 3-e izd., pererab. i dop. – М. : Prosveshhenie, 1993. – 224 s.
7. Kruchenkova, O. Agent ljubvi Jurij Shevchuk = Love agent Yuri Shevchuk [Текст] // Sojuznoe veche. – № 11 (602). – 2015. – S. 7.
8. Kurilkin, A. Iz poverzhenogo Berlina – na Pragu = From defeated Berlin – to Prague [Текст] // Zavtra. – № 18 (1325). – 2019. – S. 8.
9. Matveeva, T. V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov = Full dictionary of linguistic terms [Текст] / T. V. Matveeva. – Rostov n/ D. : Feniks, 2010. – 562 s.
10. Pluzhnikov, S. Hloroprovod «Druzhba» = Chlorowire «Druzhba» [Текст] // Nasha Versija. – № 17 (692). – 2019. – S. 18.
11. Poluhina, V. Iosif Brodskij. Bol'shaja kniga interv'ju = Iosif Brodsky. Big interview book [Elektronnyj resurs] / V. Poluhina. – URL: <http://rubooks.net/book.php?book=7351>
12. RG 1980 – Russkaja grammatika v 2 t. T. II. Sintaksis = RG 1980 – Russian grammar in 2 vol. Vol. II. Syntax [Текст] / E. A. Bryzgunova, K. V. Gabuchan; gl. red. N. Ju. Shvedova. – М. : Nauka, 1980. – 714 с.
13. Rozental', D. Je. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms [Текст] / D. Je. Rozental', M. A. Telenkova. – 2-e izd., ispr. i dop. – М. : Prosveshhenie, 1976. – 544 s.
14. Svjatogorov, I. Ukrainskij tupik = Ukrainian deadlock [Текст] // Nasha Versija. – №17 (692). – 2019. – S. 14.
15. Sjomina, K. Agitprop. Ideologija pobedy = Agitprop. Victory ideology [Elektronnyj resurs] / K. Sjomina. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163>
16. Sindalovskij, N. Legendy peterburgskih sadov i parkov = Legends of St. Petersburg gardens and parks [Elektronnyj resurs] / N. Sindalovskij. – URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274>
17. Skovorodnikov, A. P. Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka = Expressive syntax constructs of modern Russian literary language [Текст] / A. P. Skovorodnikov. – Tomsk : Izd. Tomskogo un-ta, 1981. – 255 s.
18. Solganik, G. Ja. Stilistika teksta = Text stylistics [Текст] / G. Ja. Solganik. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 256 с.
19. Solganik, G. Ja., Dronjaeva, T. S. Stilistika sovremennogo russkogo jazyka i kul'tura rechi = Stylistics of modern Russian language and speech culture [Текст] / G. Ja. Solganik. – 3-е изд., стер. – М. : Akademiya, 2005. – 256 с.
20. Stepanov, A. Kurs na snizhenie = Course towards decrease [Текст] // Nasha Versija. – №17 (692). – 2019. – S. 12.
21. Hromchihin, A. Uroki uchebnyh boev = Lessons of educational fights [Текст] // Sojuznoe veche. – №11 (602). – 2015. – S. 5.

Reference List

1. Baburin, S. Zabytyj podvig = The forgotten feat [Текст] // Zavtra. – №18 (1325). – 2019. – S. 4.
2. Beloshapkova, V. A. Sovremennij russkij jazyk. Sintaksis = Modern Russian. Syntax [Текст] / V. A. Beloshapkova. – М. : Vysshaja shkola, 1977. – 248 s.
3. Galkina, N. P. Slozhnye predlozhenija so znacheniem obuslovlennosti v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale proizvedenij estestvennonauchnogo cikla) = Complex sentences with the value of conditionality in the scientific style of the Russian language (on the material of works of the natural scientific cycle) [Текст] / N. P. Galkina // Dialog kul'tur – kul'tura dialoga: materialy X jubilejnoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2011. – S. 84-87.
4. Gvozdev, A. N. Oчерки по стилистике русского языка = Essays on the style of the Russian language [Текст] / A. N. Gvozdev. – 3-е изд. – М. : Prosveshhenie, 1965. – 408 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10598

УДК 811.161.1

<https://orcid.org/0000-0001-5540-8052>

О. М. Баринава

**Репрезентация концептов «любовь» и «надежда» в письмах
И. С. Тургенева к Л. Н. Толстому 1855-1861 гг.**

Рассматриваются языковые средства репрезентации концептов «любовь» и «надежда» в эмоциональной картине мира И. С. Тургенева на материале его писем к Л. Н. Толстому в период 1855-1861 гг., который отмечен знакомством двух писателей, зарождением их взаимоотношений, развитием разногласий и споров, приведших к долговременному перерыву в общении, завершению коммуникации. Данные концепты, являющиеся центральными и значимыми в данный период для И. С. Тургенева, изучаются как ментальные единицы индивидуально-авторской концептосферы, что дает возможность познакомиться с психологически и эмоционально значимыми фрагментами языковой картины мира писателя и его идиостилем.

Методом нацеленной выборки были выявлены лексемы, использованные адресантом для демонстрации расположения, любви и надежды, формирующие особенности объема указанных концептов семантическими компонентами их реализованных в текстах писем семем. Проводится анализ концептуального объема текстов писем, анализ маркеров отношения корреспондентов, отразившихся в содержании данных концептов, учитывается специфика семантических и грамматических особенностей языковых средств. Выявленные языковые репрезентации концептов оказываются наиболее значимыми для Тургенева как творческой и социализированной личности, члена дворянского круга и писательского сообщества.

Концепты «любовь» и «надежда», относящиеся к внутреннему миру человека и формирующие определенные образные представления, помогли выявить объективные и личностные смыслы в объеме концептов, отраженные в языковой картине мира писателя. Образы содержания данных концептов оказались взаимосвязаны, их концептуальные поля пересекаются, а концепт «дружба» вбирает в себя концепты «любовь» и «надежда», что свидетельствует об эволюции ментального содержания концептов в процессе коммуникации.

Ключевые слова: концептосфера, концепты «дружба», «любовь» и «надежда», языковая картина мира, лексема, эпистолярный текст, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой.

О. М. Barinova

**Representation of the concepts «love» and «hope»
in the Turgenev's letters to L. Tolstoy 1855-1861**

The language means of representing the concepts of «love» and «hope» are discussed in the Turgenev's emotional picture of the world on the material of his letters to L. Tolstoy in the period 1855-1861, which was marked by the acquaintance of two writers, the emergence of their relationship, the development of disagreements and disputes, which led to a long break in communication, the completion of communication. These concepts, which are central and significant in this period for I. Turgenev, are studied as mental units of the individual author's conceptsphere, which makes it possible to get acquainted with psychologically and emotionally significant fragments of the writer's linguistic picture of the world and his idiostyle.

The method of targeted sampling are revealed lexemes used by the addressee to demonstrate location, love and hope, which form the peculiarities of the volume of these concepts by the semantic components of their seeds implemented in the texts of letters. In the article the conceptual volume of letter texts is analyzed and the correspondent markers reflected in the content of these concepts are analyzed, the specifics of the semantic and grammatical features of language tools is taken into account. The revealed linguistic representations of concepts turn out to be the most significant for Turgenev as a creative and socialized person, a member of the noble circle and the writing community.

The concepts «love» and «hope» related to the inner world of a person and forming certain figurative representations, helped to reveal objective and personal meanings in the volume of concepts reflected in the writer's linguistic picture of the world. The images of the content of these concepts are turned out to be interconnected, their conceptual fields intersect and the concept «friendship» incorporates the concepts «love» and «hope», which indicates the evolution of the mental content of concepts in the process of communication.

Keywords: sphere of concepts, concepts «friendship», «love» and «hope», linguistic picture of the world, lexeme, epistolary text, I. Turgenev, L. Tolstoy.

© Баринава О. М., 2019

Проблема изучения концептосферы (под данным термином мы понимаем совокупность концептов [18, с. 162], характеризующих ментально-лингвальный комплекс языковой личности) остается актуальной и значимой в рамках современной когнитивной науки, поскольку в результате исследований вскрываются особенности языковой личности в соотношения языка и мышления, чувственного опыта, предметно-практической деятельности, освоения средств вербального и невербального общения.

При анализе объема концептов выявляются представления языковой личности о ментальных и эмоциональных образах в определенные периоды жизни, так как индивидуальный опыт человека влияет на смысловое наполнение языковых средств в речи и, как следствие, в языке, своеобразии объема концептосферы и ее зон, так как «потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [18, с. 151].

Вслед за А. Вежбицкой и Р. М. Фрумкиной под концептом мы подразумеваем некую ментальную сущность, которая проецируется носителем языка в мышлении и проявляется через язык. И к тому же одна и та же лексема может вызывать в сознании языковых личностей различные ассоциации и представления, когда «за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты» [32, с. 59].

Концепт, как показали охваченные нами работы лингвистов, многогранное и сложно организованное явление ментального характера, который наполняет индивидуально-авторскую картину мира и при этом обладает этнокультурной спецификой.

Так, познакомиться с психологически и эмоционально значимыми фрагментами языковой картины мира И. С. Тургенева и его идиостиля нам представляется возможным, благодаря подробному изучению таких базовых концептов, как «любовь» и «надежда», в период дружеских отношений с Л. Н. Толстым, коммуникативно проявленных в переписке.

Предметом исследования в статье выступили языковые единицы, вербализующие концепты «любовь» и «надежда» в идиолекте Тургенева, эксплицирующие особенности его идиостиля. Был осуществлен нацеленный семантический анализ средств, репрезентирующих эти концепты, с элементами компонентного анализа значе-

ний слов-репрезентантов; использовались также традиционные лингвистические методы (статистический метод, методика сплошной выборки и лексикографической обработки). Актуальность статьи видится в том, что были проанализированы языковые репрезентации наиболее значимых для Тургенева как творческой и социализированной личности, члена дворянского круга и писательского сообщества, концептов «любовь» и «надежда», которые относятся к внутреннему миру человека и формируют определенные образные представления, что помогло выявить объективные и личностные смыслы в объеме концептов, отраженные в языковой картине мира писателя.

Концепты «любовь» и «надежда» рассматриваются как ментальные единицы индивидуально-авторской концептосферы, которые проявляются в эпистолярных посланиях к Толстому в период 1855-1861 гг. Данный период в эпистолярном воплощении можно назвать завершенным коммуникативным актом. Он отмечен знакомством двух писателей, зарождением их взаимоотношений, развитием разногласий и споров, приведших к долговременному перерыву в общении, завершению коммуникации (см.: 15). Поэтому такие концепты, как «любовь» и «надежда», являются центральными и значимыми, разнообразно представленными в системе репрезентантов тургеневской языковой картины мира.

Концепты «любовь» и «надежда» относятся к числу базовых культурных концептов, которые отражают духовную и эмоциональную составляющую языковой личности, имеют сложную и тонкую структуру и являются показателями ценностных ориентаций человека.

Концепт «любовь», который проявляется в произведениях большинства прозаиков, поэтов, публицистов, исследуется учеными в различных аспектах, как с лингвистической точки зрения, так и с лингвокультурологической. Данной проблематикой занимались Л. Э. Кузнецова (2005) [14], Е. В. Лобкова (2005) [19], С. М. Колесникова (2006) [10], С. Г. Воркачев (2007) [6], С. Д. Фомина (2008) [31], Т. В. Соловьева (2008) [25], Л. В. Русинова (2011) [23], Г. Ф. Валиуллина (2014) [4], А. И. Анфиногенова (2015) [1], А. В. Королькова (2017) [12], Е. С. Скляр (2018) [24] и др.

Понятие 'любовь' как ядерное в объеме одноименного концепта включает в себя «высокую степень эмоционально положительного отноше-

ния, выделяющего его объект среди других и помещающего его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта. Чувство любви глубоко интимно и сопровождается ситуативно возникающими и изменяющимися эмоциями нежности, восторга, ревности и т. п., переживаемыми в зависимости от индивидуально-психологических особенностей личности» [21, с. 254-255].

С. Г. Воркачев утверждает, что концепт «любовь» отражает представления о базовых ценностях, в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами «счастье», «вера», «надежда», «свобода». Концепт «любовь» напрямую связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия [5, с. 189].

Семантическое пространство концепта «любовь» не имеет определенных границ, поскольку данный концепт «входит в число лексических единиц, у которых число ассоциативно-вербальных связей значительно превышает среднестатистическое, и которые составляют ядро лексикона естественного языка» [7, с. 1]. Лексико-семантическое поле концепта «любовь» может пересекаться с целым рядом других полей, которые имеют отношения к сфере эмоций и межличностных отношений, что позволяет лингвистам рассматривать его как гиперконцепт, так как в сознании носителей русского языка такие поля оказываются связанными между собой.

Концепт «любовь» представляет собой сложную и многомерную структуру, включающую в себя несколько семантических компонентов. Так, рассматривая любовь как межличностные отношения, в лексикографии выделяют значения «любви» по отношению к объекту: 1) любовь эротическая – чувство привязанности, основанное на половом влечении; чувство горячей, сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; 2) любовь родительская, братская – чувство привязанности, основанное на инстинкте; чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства; 3) «хорошее отношение» – дружеское расположение, симпатия – чувство расположения, симпатии, близости к кому-либо; 4) любовь к ближнему (христианская) [7, с. 5-6].

Анализ концептуального объема текстов писем, направленных в период 1855-1861 г. к Толстому, позволяет установить, что у Тургенева концепт «любовь» проявляется осмысленным

через чувство дружеского расположения и симпатии по отношению к адресату.

Помимо того, что любовь относится к сфере эмоциональных переживаний и является положительным чувством, она, однако, сопровождается различными негативными переживаниями, связанными с боязнью потери любимого, близкого человека, поэтому в представлении о любви есть также чувства веры и надежды на лучшее устройство дел.

В результате того, что в обозначенный период между двумя писателями устанавливаются непростые отношения, появляются разногласия и конфликты. См.: ...с Вашей сестрой жить очень легко – но Вы не умеете жить легко. Вы хотите во всем полноту и ясность – и хотите всё это тотчас. Вы беспрестанно щупаете пульс своим отношениям с людьми и собственным ощущениям: всё это **мешает** гладкому и легкому течению дня (№ 654) [29], где мешать – ‘создавать кому-чему-н. препятствие, затруднять кого-что-н., быть, служить препятствием’ [28]; Вы сами слишком проникательны, чтобы не знать, что если кому-нибудь из нас двух приходится **завидовать** другому-то уже, наверное, не мне (№528) [29], где завидовать – ‘испытывать чувство зависти к кому-чему-н.’ [28]; ...в ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почел своей обязанностью объявить Вам у Фета: увлеченный чувством невольной **неприятности**, в причины которой теперь входит не место, я **оскорбил** Вас безо всякого положительно-го повода с Вашей стороны (№ 1189) [30]; см. **неприятнь** – ‘нерасположение, недоброжелательное, скрыто враждебное отношение к кому-чему-н.’ [28]; **оскорбить** – ‘крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-чему-н.’ [28]; ...происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими **противуположными** натурами, каковы Ваша и моя – не могут повести ни к чему хорошему (№ 1189) [30], где **противуположный**, см. **противоположный** – ‘совершенно несходный, обратный данному, противоречащий данному’ [28]. Но Тургенев никогда не терял надежды сблизиться и примириться после размолвки с Л. Н. Толстым. Будучи по натуре незлобивым и добродушным человеком, писатель всегда старался избегать ссор, а в случае разногласий – принести извинения первым. Так, в ментально-лингвальном комплексе и, соответственно, в языковой картине мира Тургенева можно отметить, что концепт «любовь» отличается незамкнуто-

стью границ и взаимодействует с концептом «надежда».

‘Надежда’ – одно из ключевых понятий русской и мировой культуры, которое по-разному проявляется в национальном сознании. По мнению А. Вежбицкой, «надежда» не является специфическим русским концептом, Ю. С. Степанов не относит его к числу констант русской культуры, не включает его в «Словарь русской культуры». В русской языковой картине мира (ЯКМ) имеется неделимая концептуальная группа «Вера, надежда, любовь», и, при рассмотрении этих понятий как самостоятельных концептов, «надежда» имеет более низкий рейтинг и менее важное значение с учетом социальной значимости концептов [26, с. 38].

При обращении к лексикографическим источникам можно определить, какие компоненты (пласты) включены в данный концепт в рамках русской языковой картины мира. Это 1) чувство; 2) ожидание; 3) что-то хорошее, благоприятное; 4) направленность в будущее; 5) уверенность в осуществлении задуманного, желаемого. Также можно указать потенциальные семы, которые только косвенно отражены в словарных дефинициях и реализуются лишь в определенном контексте: 6) сомнение в осуществлении задуманного, желаемого; 7) способность возвышаться (окрылять); 8) отношение к высшей силе [8].

Концепт «надежда» в современной лингвистике изучался в работах таких ученых, как Э. Лассан (2002) [17], Е. А. Кругликова (2002) [13], Е. А. Мошина (2005) [20], М. И. Жук (2009) [8], Е. Ю. Балашова (2011) [2], М. В. Пименова (2011) [22], Е. Д. Зорина (2017) [9], Р. Р. Яхина, Э. Р. Мардиева (2017) [33].

Исследователями выделяются категориальные семантические компоненты, относящиеся к ментальным понятиям, такие, как ‘вера’, ‘доверие’, ‘желание’, ‘ожидание’, ‘знание’, которые поддерживают эмоциональное наполнение основного значения и обуславливают его экспрессивно-интенсивный компонент. Нам близка данная точка зрения, потому что позволяет понять, что концепт «надежда» может отражать эмоциональное состояние языковой личности (автора текста) с положительным настроением.

При анализе тургеневских писем было выявлено, что концепт «любовь» раскрывается на лексико-семантическом уровне с помощью языковых единиц с коннотативными оттенками ‘приязни’, выраженных словами разных частей

речи. Нами было выделено несколько тематических групп репрезентирующих средств.

Наиболее представительной по объему оказалась группа средств, выраженная глагольными единицами, среди которых наиболее частотными оказались лексемы с семантикой ‘симпатия, расположение’ – глаголы становления эмоционального состояния [27, с. 528-531] *любить* (зафиксировано 7 употреблений): *Словом, друзьями в Руссовском смысле мы едва ли когда-нибудь будем; но каждый из нас будет любить другого, радоваться его успехам* (№ 528) [29]; *Я чувствую, что люблю Вас как человека (об авторе и говорит нечего)* (№545) [29], а также производное от данного глагола – действительное причастие – *любящий* (‘исполненный любви; выражающий любовь’ [28]), которое встречается исключительно в этикетных формулах прощания; *радоваться / радоваться* и однокоренные *обрадовать, порадовать* – ‘испытывать радость, предаваться радости, возбуждать радость в ком-чем-н.; привлекать, казаться приятным, радостным для чего-н.’ [28], был использован 12 раз, что говорит о положительном эмоциональном настрое Тургенева в процессе коммуникации с Толстым: *Радуюсь Вашему намерению выйти в отставку* (№ 559) [29]; *Скажу Вам без обиняков, любезный Толстой, что Ваше письмо меня очень обрадовало* (№ 1145) [30]; *В особенности меня порадовало известие, что Вы возвращаетесь к искусству* (№ 1150) [30]. Также востребован писателем глагол эмоционально-оценочного отношения *нравиться* ‘располагать к себе, производить хорошее впечатление’ [27, с. 595], который зафиксирован нами 13 раз: *Мои вещи могли Вам нравиться – и, может быть, имели некоторое влияние на Вас – только до тех пор, пока Вы сами сделались самостоятельными* (№ 545) [29].

Менее частотными можно назвать глаголы приведения в эмоциональное состояние *заинтересовать* – ‘возбудить чей-н. интерес, внимание, любопытство’ [27, с. 532-541] (*Чрезвычайно заинтересовали Вы меня тем, что Вы мне говорите о «Записках» Вашего брата* (№ 503) [29]); *утешить* – ‘успокоить кого-н., доставить отраду кому-н., облегчить кому-н. горе, тревогу’ [28] (*Не знаю, много ли радуют Вас мои письма, но Ваши меня утешают* (№ 567) [29]); *льстить* – ‘доставлять удовлетворение, удовольствие кому-н., какому-н. чувству, склонности’ [28] (...*благодарю Вас душевно за посвящение мне Вашей «Рубки лису» – ничего еще во всей моей литературной*

карьере так не **полюстило** моему самолюбию (№ 439) [29]).

К группе глаголов межличностных отношений [27, с. 593-603] были отнесены глаголы *дорожить* – ‘высоко ценить, считать очень хорошим, беречь, бояться потерять’ [28] (...я никогда не перестану любить Вас и **дорожить** Вашей дружбой (№528); Если вздумается, напишите мне Ваше мнение, Вы знаете, что я им очень **дорожу** (№ 666) [29]) и *благодарить* – ‘выражать признательность, благодарность кому-н.’ (Еще раз **благодарю** Вас за мысль написать мне это письмо, которое разом и навсегда вправило бывший вывих (№ 1145) [30]). Глагол *сойтись* Л. Г. Бабенко не указывает ни в одной из выделенных нами групп, но в ТСУ зафиксировано значение ‘сблизиться, подружиться’ [28], что дает нам право утверждать значимость глагола в построении межличностных отношений (...мне кажется, мы бы **сошлись** – и наговорились вдо-воль).

Ко второй группе репрезентантов рассматриваемого концепта можно отнести существительное *нежность* – ‘ласковость и мягкость в отношениях к кому-н.’ [28] (...сердце мое к Вам лежит как к брату – и я даже чувствую **нежность** к Вам (№ 545) [29]). В философском аспекте нежность раскрывается как «мягкость по отношению к тем, кого любишь; любовь, лежащая в основе этой мягкости» [11]. Данные определения помогают выявить наличие чувственных проявлений, ощущение подобия родственных отношений и душевной близости между корреспондентами.

К третьей группе относим прилагательные, выражающие семантику ‘дружественного расположения’: *дружелюбный* – ‘дружески относящийся к кому-л., доброжелательный, приятный’ [28] (...я не хотел ограничиться с Вами одними простыми **дружелюбными** сношениями – я хотел пойти далее и глубже (№ 528); ...да и кроме того, это всего письма веяло чем-то кротким и ясным, какой-то **дружелюбной** тишиной (№ 555) [29]); *любезный* / и его форма *любезнейший* (‘дорогой, внушающий любовь, любимый, приятный’ [28]) и *милый* (‘дорогой, любимый, близкий душе, сердцу’ [28]) – эпитеты в этикетных формулах приветствия и прощания, которые свидетельствуют о теплом расположении к адресату.

К четвертой группе относим наречия с положительнооценочным коннотативным фоном, уточняющие значения предикатов, благодаря ко-

торым в письмах усиливается семантика ‘любви’ и ‘привязанности’, подчеркивается эмоциональный настрой адресанта: *весело* (*спорил бы с Вами до упаду, но весело и дружелюбно*); *душевно* (*благодарю Вас душевно*); *искренно* (*Ваше сочувствие меня искренно и глубоко обрадовало*); *свободно* (*так же весело и свободно подадим друг другу руки*); *хорошо* (*нам было бы хорошо от Вашего присутствия*).

Привлекает наше внимание употребление фразеологических единиц с использованием существительного *рука*: *подать руку* – ‘мириться’; *протянуть руку* – ‘помириться’ [3]; *идти руку об руку* – ‘взявшись за руки, рядом, вместе’ [16, с. 356]. Номинация *рука* в составе фразем представляется как бы образом-символом примирения между писателями, несёт положительные коннотации, относится к средствам репрезентации концепта «дружба». Использование этих средств подтверждает, что Тургенев искал способы сближения, пытался сгладить конфликты и восстановить дружественные связи. В текстах писем можно найти такие примеры в подтверждение: *Когда Вы уgomонитесь, когда брожение в Вас утихнет, мы, я уверен, так же весело и свободно подадим друг другу руки, как в тот день, когда я в первый раз увидел Вас в Петербурге (№ 528); ...мне остается протянуть Вам руку через "овраг", который уже давно превратился в едва заметную щель (№ 555); При свидании попытаемся опять пойти руку об руку – авось удастся лучше (№ 545) [29].*

Подробный разбор показал, что наличие данных лексических единиц в письмах к Толстому отражает добрые чувства адресанта, приветливый, радостный и дружелюбный эмоциональный настрой Тургенева по отношению к корреспонденту. Несмотря на наличие разногласий и спор впоследствии, Тургенев никогда не терял надежды на встречу и сближение, он умел ждать и во многом полагаться на судьбу.

В текстах писем концепт «надежда» реализуется на лексико-семантическом уровне посредством таких глагольных лексем, как *надеяться* / синоним-ОГИО *не терять надежды* – ‘иметь надежду, рассчитывать на что-н., возлагать надежду на что-н., полагаться на кого-н., быть уверенным в ком-н.’ [28] (*Но обо всем этом мы будем еще иметь время толковать, живя, как я надеюсь, невдале друг от друга и часто посещая друг друга в течение лета (№ 666) [29]; Однако я не теряю надежды выехать в воскресенье или в понедельник – и увидеться с Вами (№ 1154) [30];*

убедить – ‘заставить поверить чему-н., уверить в чем-н.’ [28] (*Я убежден, что мы свидимся и будем видаться часто* (№ 528) [29]); *отчаиваться* – ‘впасть в отчаяние, потеряв всякую надежду на что-н.’ [28] (...*отлагаю всё это до свидания личного, в котором я не отчаиваюсь* (№439) [29]); *пытаться* – ‘делать попытку, стараться, пробовать что-н. сделать’ [28] (*При свидании попытаемся опять пойти руку об руку* (№ 545) [29]), а также посредством предикатива *уверен* – от *уверенный* ‘совершенно убежденный в чем-н., твердо верящий в кого-что-н.’ [28] (*Я уверен, что мы встретимся в России хорошими друзьями и останемся таковыми, куда бог продлит жизни* (№ 1145) [30]).

Анализ показывает, что концепт «надежда» для Тургенева – ментальное образование в сознании, связанное с чувством надежды и с положительными эмоциями, с его содержанием сопрягается ожидание осуществления чего-то положительного и приятного в будущем. Надежда выступает как не рациональное, не объективное, кратковременное чувство, имеющее эмоциональные признаки, поскольку определяет настроение корреспондента, приравнивается к желанию, ожиданию чего-либо, в том числе свыше.

Подводя итог, можно сделать заключение, что в письмах Тургенева 1855-1861 гг., адресованных Толстому, «любовь» концептуализируется тремя основными компонентами: 1) испытывать любовь, 2) испытывать внутреннюю склонность, внутреннее влечение к чему-н., 3) стремиться к тому, чтобы слышать, видеть, воспринимать лицо или предмет. «Надежда» репрезентируется системой смыслов, опирающихся на семантические компоненты в структуре лексических значений вербализаторов: 1) чувство, 2) ожидание, 3) что-то хорошее, благоприятное, 4) направленность в будущее, 5) уверенность в осуществлении задуманного, желаемого.

Образы содержания данных концептов взаимосвязаны, их концептуальные поля пересекаются, а концепт «дружба» вбирает в себя взаимосвязанные «любовь» и «надежда», о чем свидетельствуют проанализированные языковые единицы. Наличие в языковой картине мира автора средств, отражающих концепт «надежда» параллельно с концептом «любовь», указывает, что в процессе коммуникации происходит эволюция ментального содержания концепта «дружба» и связанных с чувством дружбы эмоций. Это может составить предмет самостоятельного исследования в дальнейшем.

Библиографический список

1. Анфиногорова, А. И. Английские переводческие соответствия русских эмотивных лексем, репрезентирующих концепт «любовь» (на материале переводов пьес А. П. Чехова) [Текст] / А. И. Анфиногорова // Вестник науки и образования. – 2015. – № 9 (11). – С. 47-50.
2. Балашова, Е. Ю. Лингвокультурная доминанта вера, надежда, любовь в религиозном дискурсе (на текстовом и системно-языковом материале) [Текст] / Е. Ю. Балашова // Язык и мир изучаемого языка. – 2011. – № 2. – С. 12-19.
3. Большой толково-фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. М. И. Михельсона. – М.: ЭТС, 2005. – 2208 с.
4. Валиуллина, Г. Ф. Исследование концепта «любовь» в современной лингвистике [Текст] / Г. Ф. Валиуллина // В мире научных открытий. – 2014. – № 11-2 (59). – С. 977-980.
5. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189-208.
6. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
7. Воркачев, С. Г., Воркачева, Е. А. Лингвокультурный концепт «любовь»: значимостная составляющая [Текст] / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева // Научные труды КубГТУ. – 2016. – № 4. – С. 1-12.
8. Жук, М. И. Художественный мир Булата Окуджавы: концепты Вера, Надежда, Любовь [Текст] / М. И. Жук. – М.: Морской гос. университет им. адм. Г. И. Невельского, 2009. – 251 с.
9. Зорина, Е. Д. Образные признаки концептов «надежда» и «отчаяние» на материале текстов песен Веры Матвеевой [Текст] / Е. Д. Зорина // Синергия Наук. – 2017. – № 18. – С. 1706-1710.
10. Колесникова, С. М. Концепт «любовь» [Текст] / С. М. Колесникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2006. – № 1. – С. 17-27.
11. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь [Текст] / А. Конт-Спонвиль. – М.: Этерна, 2012. – 1120 с.
12. Королькова, А. В. Концепт любовь в русской афористике [Текст] / А. В. Королькова // Известия Смоленского государственного университета. 2017. – № 1 (37). – С. 89-98.
13. Кругликова, Е. А. О концепте надежды в истории русского языка [Текст] / Е. А. Кругликова // Разноразличные характеристики лексических единиц. – Смоленск: Смядынь, 2002. – С. 163-166.
14. Кузнецова, Л. Э. Ассоциативный аспект эмоционального концепта «любовь» с учетом тендерного параметра [Текст] / Л. Э. Кузнецова // Актуальные

проблемы современного иноязычного образования. – Курск, 2005. – С. 45-46.

15. Курляндская, Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература. Гл. IV. Тургенев и Толстой [Текст] / Г. Б. Курляндская. – М. : Просвещение, 1980. – 194 с.

16. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка [Текст] / Ю. А. Ларионова. – М. : Аделант, 2014. – 512 с.

17. Лассан, Э. «Надежда»: семантический и концептуальный анализ [Текст] / Э. Лассан // *Respectus Philologicus*. – 2002. – № 2. – С. 28-47.

18. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачёв // *Очерки по философии художественного творчества*. – 2-е изд., доп. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – С. 147-165.

19. Лобкова, Е. В. Концепт «любовь» как фрагмент языковой картины мира (на материале произведений И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского) [Текст] / Е. В. Лобкова // *Филологический ежегодник*. Вып. 5-6. – Омск : ОмГУ, 2005. – С. 95-98.

20. Мошина, Е. А. Концептуализация надежды витальными признаками и способы их реализации в языковой картине мира [Текст] / Е. А. Мошина // *Грамматика. Семантика. Концептология* / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2005. – С. 129-134.

21. Новейший психологический словарь [Текст] / под ред. В. Б. Шапаря. – 4-е изд. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 806 с.

22. Пименова, М. В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта надежда) [Текст] / М. В. Пименова // *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. – 2011. – № 2 (37). – С. 85-93.

23. Русинова, Л. В. Вербализация личностно значимых смыслов в периферийном слое концепта Любовь в современной женской прозе (на материале текстов В. Токаревой) [Текст] / Л. В. Русинова // *Русский язык в полицентричном мире: проблемы и перспективы* Материалы II междунар. научно-методич. конф. (г. Москва, 17-18 февраля 2011 г.). – 2011. – С. 243-246.

24. Скляр, Е. С. Концепт «любовь» как фрагмент эмоциональной картины мира в лирике А. А. Фета и Э. А. Асадова [Текст] / Е. С. Скляр // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 155-159.

25. Соловьёва, Т. В. Концепт «любовь» как отражение индивидуального образа мира (на материале творчества Константина Скворцова) [Текст] / Т. В. Соловьёва // *Вестник ЧелГУ*. – 2008. – № 23. – С. 121-125.

26. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

27. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Сино-

нимы. Антонимы [Текст] / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

28. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/>

29. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. : Т. 3 [Текст] / И. С. Тургенев / под ред. М. П. Алексеева. – М. : Наука, 1987. – 702 с.

30. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. : Т. 4 [Текст] / И. С. Тургенев / под ред. М. П. Алексеева. – М. : Наука, 1987. – 767 с.

31. Фомина, С. Д. Связи концепта «Любовь» в тезаурусе Л. Н. Толстого [Текст] / С. Д. Фомина // *Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований. Материалы 3-й международной научно-практической конференции*. В. 4 т. Т. 2. – Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. – С. 167-173.

32. Фрумкина, Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике [Текст] / Р. М. Фрумкина // *Вопросы языкознания*. – 1996. – № 2. – С. 55-67.

33. Яхина, Р. Р., Мардиева, Э. Р. Репрезентация концепта «надежда» (на материале устойчивых выражений) [Текст] / Р. Р. Яхина, Э. Р. Мардиева // *Первые шаги в науку третьего тысячелетия: материалы XIII Всероссийской студенческой научно-практич. конф.* – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – С. 234-237.

Reference List

1. Anfinogenova, A. I. Anglijskie perevodcheskie sootvetstvija russkih jemotivnyh leksem, reprezentirujushih koncept «ljubov'» (na materiale perevodov p'es A. P. Chehova) = English translation matches of Russian emotive lexemes, representing the concept «love» (on the material of translations of A. P. Chekhov's plays) [Текст] / A. I. Anfinogenova // *Vestnik nauki i obrazovaniya*. – 2015. – № 9 (11). – S. 47-50.

2. Balashova, E. Ju. Lingvokul'turnaja dominantna vera, nadezhda, ljubov' v religioznom diskurse (na tekstovom i sistemno-jazykovom materiale) = Linguocultural dominant faith, hope, love in religious discourse (on text and system-language material) [Текст] / E. Ju. Balashova // *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka*. – 2011. – № 2. – S. 12-19.

3. Bol'shoj tolkovo-frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Large defining and phraseological dictionary of the Russian language [Текст] / pod red. M. I. Mihel'sona. – М. : JeTS, 2005. – 2208 s.

4. Valiullina, G. F. Issledovanie koncepta «ljubov'» v sovremennoj lingvistike = Exploring the concept «love» in modern linguistics [Текст] / G. F. Valiullina // *V mire nauchnyh otkrytij*. – 2014. – № 11-2 (59). – S. 977-980.

5. Vorkachev, S. G. Koncept ljubvi v russkom jazykovom soznanii = The concept of love in Russian language consciousness [Текст] / S. G. Vorkachev // *Kommunikativnye issledovanija 2003: Sovremennaja antologija*. – Volgograd : Peremena, 2003. – S. 189-208.

6. Vorkachev, S. G. Ljubov' kak lingvokul'turnyj kon-

cept = Love as a linguocultural concept [Tekst] / S. G. Vorkachev. – M. : Gnozis, 2007. – 284 s.

7. Vorkachev, S. G., Vorkacheva, E. A. Lingvokul'turnyj koncept «ljubov'»: znachimostnaja sostavljajushhaja = Linguocultural concept «love»: value component [Tekst] / S. G. Vorkachev, E. A. Vorkacheva // Nauchnye trudy KubGTU. – 2016. – № 4. – S. 1-12.

8. Zhuk, M. I. Hudozhestvennyj mir Bulata Okudzhavy: koncepty Vera, Nadezhda, Ljubov' = Art world of Bulat Okudzhava: concepts Faith, Hope, Love [Tekst] / M. I. Zhuk. – M. : Morskoj gos. universitet im. adm. G. I. Nevel'skogo, 2009. – 251 s.

9. Zorina, E. D. Obraznye priznaki konceptov «nadezhda» i «otchajanie» na materiale tekstov pesen Very Matveevoj = Figurative signs of concepts «hope» and «despair» on the material of lyrics of Vera Matveeva [Tekst] / E. D. Zorina // Sinergija Nauk. – 2017. – № 18. – S. 1706-1710.

10. Kolesnikova, S. M. Koncept «ljubov'» = Concept «love» [Tekst] / S. M. Kolesnikova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. – 2006. – № 1. – S. 17-27.

11. Kont-Sponvil', A. Filosofskij slovar' = Philosophical dictionary [Tekst] / A. Kont-Sponvil'. – M. : Jeterna, 2012. – 1120 s.

12. Korol'kova, A. V. Koncept ljubov' v russkoj aforistike = Concept of love in Russian aphorism [Tekst] / A. V. Korol'kova // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. – № 1 (37). – S. 89-98.

13. Kruglikova, E. A. O koncepte nadezhdy v istorii russkogo jazyka = About the concept of hope in the history of the Russian language [Tekst] / E. A. Kruglikova // Raznourovnevyje karakteristiki leksicheskikh edinic. – Smolensk : Smjadyn', 2002. – S. 163-166.

14. Kuznecova, L. Je. Associativnyj aspekt jemocional'nogo koncepta «ljubov'» s uchetom tendernogo parametra = Associative aspect of the emotional concept «love» taking into account the tender parameter [Tekst] / L. Je. Kuznecova // Aktual'nye problemy sovremennogo inozjazychnogo obrazovanija. – Kursk, 2005. – S. 45-46.

15. Kurljandskaja, G. B. I. S. Turgenev i russkaja literatura. Gl. IV. Turgenev i Tolstoj = I. S. Turgenev and Russian literature. Chapter. IV. Turgenev and Tolstoy [Tekst] / G. B. Kurljandskaja. – M. : Prosveshhenie, 1980. – 194 s.

16. Larionova, Ju. A. Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka = Phraseological dictionary of modern Russian language [Tekst] / Ju. A. Larionova. – M. : Adelant, 2014. – 512 s.

17. Lissan, Je. «Nadezhda»: semanticheskij i konceptual'nyj analiz = «Hope»: semantic and conceptual analysis [Tekst] / Je. Lissan // Respectus Philologicus. – 2002. – № 2. – S. 28-47.

18. Lihachjov, D. S. Konceptosfera russkogo jazyka = Sphere of concepts of Russian [Tekst] / D. S. Lihachjov // Oчерki po filosofii hudozhestvennogo tvorcestva. – 2-e izd., dop. – Spb. : BLIC, 1999. – S. 147-165.

19. Lobkova, E. V. Koncept «ljubov'» kak fragment jazykovoj kartiny mira (na materiale proizvedenij

I. S. Turgeneva i F. M. Dostoevskogo) = Concept «love» as a fragment of the language picture of the world (on the material of the works by I. S. Turgenev and F. M. Dostoevsky) [Tekst] / E. V. Lobkova // Filologicheskij ezhegodnik. Vyp. 5-6. – Omsk : OmGU, 2005. – S. 95-98.

20. Moshina, E. A. Konceptualizacija nadezhdy vital'nymi priznakami i sposoby ih realizacii v jazykovoj kartine mira = Conceptualization of hope with vital features and ways of their realization in the language picture of the world [Tekst] / E. A. Moshina // Grammatika. Semantika. Konceptologija / otv. red. E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Kemerovo : Grafika, 2005. – S. 129-134.

21. Novejšij psihologicheskij slovar' = The latest psychological dictionary [Tekst] / pod. red. V. B. Shaparja. – 4-e izd. – Rostov-na-Donu : Feniks, 2009. – 806 s.

22. Pimenova, M. V. Metod opisanija konceptual'nyh struktur (na primere koncepta nadezhda) = Method of describing conceptual structures (on the example of the concept of hope) [Tekst] / M. V. Pimenova // Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. – 2011. – № 2 (37). – S. 85-93.

23. Rusinova, L. V. Verbalizacija lichnostno znachimyh smyslov v periferijnom sloe koncepta Ljubov' v sovremennoj zhenskoi proze (na materiale tekstov V. Tokarevoj) = Verbalization of personally significant meanings in the peripheral layer of the concept Love in modern female prose (on the material of texts by V. Tokareva) [Tekst] / L. V. Rusinova // Russkij jazyk v policentrichnom mire: problemy i perspektivy Materialy II mezhdunar. nauchno-metodich. konf. (g. Moskva, 17-18 fevralja 2011 g.). – 2011. – S. 243-246.

24. Skljjar, E. S. Koncept «ljubov'» kak fragment jemocional'noj kartiny mira v lirike A. A. Feta i Je. A. Asadova = The concept «love» as a fragment of the emotional picture of the world in the lyrics of A. A. Fet and E. A. Asadov [Tekst] / E. S. Skljjar // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2018. – T. 7. – № 1 (22). – S. 155-159.

25. Solov'eva, T. V. Koncept «ljubov'» kak otrazhenie individual'nogo obraza mira (na materiale tvorcestva Konstantina Skvorcova) = Concept «love» as a reflection of the individual image of the world (on the material of the creativity of Konstantin Skvortsov) [Tekst] / T. V. Solov'jova // Vestnik ChelGU. – 2008. – № 23. – S. 121-125.

26. Stepanov, Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury = Constants: Dictionary of Russian culture [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.

27. Tolkovyj slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie jekvivalenty. Sinonimy. Antonimy = A defining dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms [Tekst] / pod red. prof. L. G. Babenko. – M. : AST-PRESS, 1999. – 704 s.

28. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. = The defining dictionary of the Russian language: In 4 vol.

[Elektronnyj resurs] / pod red. D. N. Ushakova. – M. : Gos. in-t Sov. jencikl.; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1935-1940. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/>

29. Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. : T. 3 = Complete collection of works and letters: in 30 vol.: Vol. 3 [Tekst] / I. S. Turgenev / pod red. M. P. Alekseeva. – M. : Nauka, 1987. – 702 s.

30. Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. : T. 4 = Complete collection of works and letters: in 30 vol.: Vol. 4 [Tekst] / I. S. Turgenev / pod red. M. P. Alekseeva. – M. : Nauka, 1987. – 767 s.

31. Fomina, S. D. Svjazi koncepta «Ljubov'» v tezauruse L. N. Tolstogo = Connections of the concept «Love» in L. N. Tolstoy's thesaurus [Tekst] / S. D. Fomina // Rol' universitetov v podderzhke gumanitarnyh nauchnyh issledovanij. Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchno-

prakticheskoy konferencii. V. 4 t. T. 2. – Tula : TGPU im. L. N. Tolstogo, 2008. – S. 167-173.

32. Frumkina, P. M. «Teorii srednego urovnja» v sovremennoj lingvistike = «Middle-level theories» in modern linguistics [Tekst] / R. M. Frumkina // Voprosy jazykoznanija. – 1996. – № 2. – S. 55-67.

33. Jahina, R. R., Mardieva, Je. R. Reprezentacija koncepta «nadezhda» (na materiale ustojchivyh vyrazhenij) = Representation of the concept «hope» (on the material of stable expressions) [Tekst] / R. R. Jahina, Je. R. Mardieva // Pervye shagi v nauku tret'ego tysjacheletija: materialy XIII Vserossijskoj studencheskoj nauchno-praktich. konf. – Ufa : RIC BashGU, 2017. – S. 234-237.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10599

УДК 81.373.211.1 + 801.311

С. А. Попов

<https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Проблемы лексикографического описания топонимии Воронежской области

Статья выполнена в рамках деятельности Воронежской ономастической школы. Статья посвящена рассмотрению проблем лексикографического описания топонимии Воронежской области, прослеживается история исследования наименований географических объектов региона, обозначаются перспективы в указанном направлении. Автор отмечает, что для каждого субъекта Российской Федерации назрела острая необходимость в лексикографической фиксации результатов проведенных региональных топонимических исследований. Цель исследования заключается в анализе ряда топонимических словарей Воронежской области (ойконимических, урбанонимических, микротопонимических) и в разработке плана работы над региональными словарями разных типов (гидронимов, катоиконимов, ушедших наименований населенных пунктов, «Воронежской топонимической энциклопедии»). Воронежская область рассматривается как субъект Российской Федерации, входящий в Центральный федеральный округ. Автор отмечает, что современная топонимия Воронежской области исследована достаточно полно: лексикографическое обеспечение топонимических исследований в Воронежской области свидетельствует о высокой степени лингвокраеведческой изученности региона. Автор статьи приходит к выводу, что у воронежских исследователей имеются перспективы лексикографического описания всех топонимических реалий Воронежской области.

Ключевые слова: ономастика, топонимия, ойконимия, лексикография, лингвокраеведение, Воронежская область.

S. A. Popov

Problems of the lexicographic description of the toponymy of the Voronezh region

The article is implemented within the framework of the activity of the Voronezh Onomastic School. The article is devoted to the consideration of problems of lexicographic description of toponymy of the Voronezh region, the history of research of names of geographical objects in the region is traced, prospects in the specified direction are marked. The author notes that for each subject of the Russian Federation there is an urgent need for lexicographic recording of the results of regional toponymic studies. The aim of the study is to analyze a number of toponymic dictionaries of the Voronezh region (oikonymic, urbanonymic, microtoponymic) and to develop a plan of work on regional dictionaries of different types (hydronymes, cathoikonimes, gone names of settlements, «Voronezh toponymic encyclopedia»). The Voronezh region is considered as a subject of the Russian Federation, which is part of the Central Federal District. The author notes that the modern toponymy of the Voronezh region has been studied quite fully: lexicographic support of toponymic research in the Voronezh region testifies to the high degree of linguoregional study of the region. The author of the article concludes that Voronezh researchers have prospects of lexicographic description of all toponymic realities of the Voronezh region.

Keywords: onomastics, toponymy, oikonymy, lexicography, linguistic study of local lore, Voronezh region.

1. Введение

Многочисленные лингвокраеведческие исследования, проводившиеся в субъектах Российской Федерации в прошлом и продолжающиеся в настоящее время, свидетельствуют о повышенном интересе нашего общества к фактам местной истории и культуры, зафиксированным в языке родного края. Не только профессиональные исследователи, но и школьные учителя, журналисты, школьники, библиотекари из числа местных

жителей стали активнее обращаться к изучению региональных ономастических реалий. На это указывают, в частности, и возросшее количество публикаций лингвокраеведческих материалов на страницах районных и областных газет, интернет-сайтах информационных агентств, новинки краеведческой литературы, посвященной как целым муниципальным районам и городским округам, так и отдельным населенным пунктам, выход в эфир специализированных теле- и радио-

программ, специфическая тематика региональных краеведческих конференций школьников.

Тем не менее, разрозненные публикации, особенно вышедшие небольшими тиражами, часто теряются среди научных статей и монографий и не попадают на стол исследователя местной «старшины глубокой», отразившейся в топонимическом пространстве региона. В связи с этим для каждого субъекта Российской Федерации назрела острая необходимость в лексикографической фиксации результатов проведенных топонимических исследований региона, поскольку «в настоящее время возрастает роль словарей не только в духовной жизни общества, в осмыслении культурного наследия человечества, но и в деловом общении социума, когда лексикографические источники становятся необходимыми для работы органов власти и управления, образовательных и социокультурных учреждений» [10, с. 8].

Не стала исключением и Воронежская область. Местная топонимия имеет более чем четырехсотлетнюю историю. На данной территории в течение длительного времени смешивались, взаимодействуя, пласты лексики различных языковых групп, отразившиеся в географических названиях. Воронежские топонимы многоплановы как по времени появления, так и по языковому происхождению (кроме славянских – иранские, финно-угорские и тюркские языки), словообразованию и семантике.

В данной статье рассматриваются проблемы лексикографического описания топонимии Воронежской области и обозначаются перспективы исследований в указанном направлении.

2. Воронежская область как субъект Российской Федерации

Несмотря на длительное существование в различных административных формах (наместничество, губерния), Воронежская область была образована в 1934 году в результате деления Центрально-Черноземной области на Воронежскую и Курскую области в соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК от 13 июня 1934 г. [25]. Первоначально в ее состав входили 84 района. Затем в течение нескольких десятков лет административно-территориальное устройство Воронежской области неоднократно менялось: в состав вновь созданных областей отходили районы, затем часть из них снова возвращалась, образовывались новые районы. Границы Воронежской области также были изменены в 1954 году в связи с образованием Каменской, Балашовской,

Липецкой и Белгородской областей. В 1957 году в связи с ликвидацией Каменской и Балашовской областей в состав Воронежской области были частично возвращены районы, отходившие к этим областям в момент их образования. Таким образом, с 1957 года границы Воронежской области остаются неизменными, хотя до 1977 года проводились внутренние изменения районного деления.

Данная территория была заселена и освоена намного раньше. Поэтому история Воронежского края намного древнее, несмотря на то, что истоки и относят регион к территории позднего заселения. Здесь необходимо различать период заселения до славян (поселение Костёнки, относящееся к неолиту) и непосредственно славянами (в XII–XIX вв.).

В настоящее время Воронежская область входит в состав Центрального федерального округа (административный центр области – г. Воронеж). Территория – 52,2 тыс. кв. км (0,3 % территории России). Территориальные границы: на севере – с Липецкой и Тамбовской областями, на востоке – с Саратовской и Волгоградской областями, на юге – с Ростовской областью, на западе – с Белгородской и Курской областями. Протяженность: с севера на юг – 277,5 км, с запада на восток – 352 км. Расстояния: от Воронежа до Москвы (по железной дороге) – 587 км, от Воронежа до экватора – 5772 км, от Воронежа до Гринвичского меридиана – 2710 км.

Административно-территориальное деление на 1.01.2019: число муниципальных районов – 31, городских округов – 3, поселений – 445, в том числе: городских – 28, сельских – 417. Всего населенных пунктов – 1731, в том числе: городских населенных пунктов – 32 (городов – 15, поселков городского типа – 4, рабочих поселков – 13), сельских населенных пунктов – 1699.

Численность постоянного населения Воронежской области на 1 января 2019 года составила 2327821 человек (1,6 % населения России), плотность – 44,6 человека на один квадратный километр [6].

3. Степень разработанности проблемы и материал исследования

Топонимические процессы, происходившие на территории Воронежской области, в разное время исследовались историками, географами, лингвистами, фольклористами, журналистами. Современная топонимия Воронежской области исследована достаточно полно.

3.1. Из истории исследования воронежской топонимии

Отдельные элементы воронежской топонимии и гидронимии были зафиксированы в Книге Большому Чертежу (М. – Л., 1950, 228 с.).

А в 1800 г. историк, археограф, видный церковный деятель, краевед и писатель Е. А. Болховитинов издал в Воронеже свой фундаментальный труд «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», в котором дал первое подробное описание Воронежской губернии в границах конца XVIII в., упомянул и объяснил названия некоторых воронежских рек и населенных пунктов, отчасти захватил и микротопонимию, дал некоторые этимологические справки по отдельным названиям, привел топонимические предания и легенды о происхождении географических названий.

С середины XIX в. начинается активное историческое, естественно-географическое и экономико-статистическое исследование Воронежской губернии, которое продолжилось и в дореволюционный период XX века. Результатом этой нелегкой работы явилось издание различной научной, справочной и краеведческой литературы. В указанный период были опубликованы первые экономико-статистические справочники и картографические труды по Воронежской губернии, в которых содержалась сухая статистическая информация по населенным пунктам губернии: расстояние от уездного и губернского города, количество жителей, наличие православных храмов, ярмарок, ближайших водных, почтовых и железнодорожных путей и др. Для исследователя воронежской топонимии эти справочники важны, прежде всего, наличием географических названий и вариантов названий ряда населенных пунктов, что помогает выявить первичное наименование, предположить происхождение ойконима.

Среди указанной литературы большую ценность для исследователя-топонимиста представляют списки населённых мест Воронежской губернии [5; 15; 24]. В воронежской краеведческой литературе XIX в. нередко встречались топонимические отступления, однако объяснение значения географических названий в них носило случайный характер.

Воронежская периодика середины XIX в. также представляет собой интерес для топонимического изучения края. Наиболее важные публикации помещены в «Воронежских губернских

ведомостях». На их страницах регулярно печатались заметки по этнографии, истории, географии, статистике и экономике как по всей губернии в целом, так и по отдельным уездам и населенным пунктам. В «Воронежских епархиальных ведомостях» встречаются описания приходов Воронежской епархии и отдельных сел. Поскольку ряд восточных районов современной Воронежской области ранее входил в состав Тамбовской губернии, исследователям также будет интересно ознакомиться с выпусками «Тамбовских епархиальных ведомостей».

Серьезным подспорьем для исследователя-топонимиста являются «Памятные книжки Воронежской губернии». На их страницах опубликованы, в частности, «Алфавитные списки населенных мест Воронежской губернии, с указанием числа жителей, числа дворов, волости, стана, участка мирового судьи, судебного следователя и расстояния от уездного города» [1]. Ценнейшим источником по воронежской топонимии также является опубликованный на страницах этого издания в 1893 г. «Алфавитный список церковных приходов Воронежской епархии» [2], в котором содержится список населенных пунктов Воронежской губернии с указанием количества, времени возникновения и названий православных храмов в них. Это дает возможность современным исследователям выяснить предысторию названия того или иного населенного пункта, если оно было дано по расположенному в нем храму (с. *Введенка*, с. *Никольское*, с. *Новобогородицкое*, с. *Петропавловка*, с. *Покровское* и т. д.).

В начале XX века в Воронеже выходил ежегодник «Воронежская старина». На его страницах встречались интересные материалы по истории и современной жизни Воронежской епархии. В ряде статей делались попытки этимологии некоторых топонимов.

В первые годы советской власти также публиковались списки населенных мест Воронежской губернии [3]. Кроме того, топонимическое пространство региона в разные годы исследовали географы, историки, журналисты, лингвисты из других регионов России и ближнего зарубежья (А. М. Селищев, Н. П. Гринкова, Е. С. Отин, Н. К. Фролов, Г. Л. Щеулина и др.).

Основу лингвистического исследования региональной топонимии на филологическом факультете Воронежского государственного университета в конце 1960-х годов заложила доктор филологических наук, профессор М. В. Федорова. Сферой ее научных интересов стали славянско-

финно-угорские следы в топонимии Центрального Черноземья. В сферу научных интересов профессора кафедры славянской филологии ВГУ В. И. Дьяковой прочно вошла местная топографическая терминология, лежащая в основе названий населенных пунктов (ойконимов) и названий мелких географических объектов (микротопонимов). В 1973 г. она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Географическая терминология Воронежской области».

В настоящее время региональная топонимическая проблематика является объектом изучения филологов Воронежского государственного университета и его Борисоглебского филиала, а также Воронежского государственного педагогического университета. Основная работа ведется лабораторией воронежского лингвострановедения имени профессора В. И. Собинниковой под руководством основателя Воронежской ономастической школы, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой славянской филологии ВГУ Г. Ф. Ковалева.

3.2. Топонимия Воронежской области в лексикографическом аспекте

В. И. Супрун справедливо замечает, что «первые региональные топонимические словари созданы географами и любителями-краеведами. В них обычно отсутствует лингвистическая характеристика описываемого объекта» [26, с. 266].

3.2.1. Словари воронежских ойконимов

Однако первая лексикографическая публикация по воронежской топонимии была подготовлена историком ВГУ В. П. Загоровским и увидела свет в 1966 году [8]. В 1973 году он издал следующий свой историко-топонимический труд [9]. В указанных работах содержатся сведения по истории возникновения и заселения населенных пунктов, о народах, населявших территорию Воронежской губернии. Лингвистическое толкование топонимов не являлось целью данных исследований, поэтому объектом их стала не вся масса названий населенных пунктов региона, а лишь те из них, этимология которых наиболее прозрачна.

Журналист и краевед В. А. Прохоров в 1973 году опубликовал историко-топонимический словарь Воронежской области, содержащий 1200 ойконимов [21]. Автор привел этимологии известных ему названий. Его как журналиста интересовали достопримечательности населенного пункта: исторические хроники, известные лю-

ди – уроженцы этих мест, особенно связанные с революционной деятельностью. Не все имеющиеся на карте Воронежской области наименования населенных пунктов вошли на страницы издания.

В 2003 году была опубликована монография «Ойконимия Воронежской области в системе лингвострановедческих дисциплин» [17], в качестве приложения к которой приведен «Словарь названий населенных пунктов Воронежской области», содержащий около 2000 словарных статей. Помимо современных воронежских ойконимов в словарь вошел ряд названий исчезнувших населенных пунктов. Заголовки данных словарных статей были набраны полужирным курсивом и отмечены знаком «*».

В 2009 году увидел свет «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями)» В. И. Дьяковой и В. И. Хитровой [7], в котором подробно рассмотрена географическая лексика апеллятивного происхождения, являющаяся основой многих современных воронежских топонимов и микротопонимов (с. *Елань-Колено*, пос. *Верхняя Елань*, пос. *Еланка* > *елань* – ‘лесная поляна’; с. *Ендовище* > *ендова* – ‘пологая или плоская низменность с луговой растительностью’, ‘плоский, пологий овраг’).

В 2018 году опубликована книга «Топонимия Воронежского края» [18], состоящая из двух разделов: «Словарь названий населенных пунктов Воронежской области» (содержит 1731 словарную статью – по количеству официально существующих населенных пунктов региона), и «Воронежские топонимические предания». В издании представлена информация об административно-территориальной принадлежности всех населенных пунктов Воронежской области, времени их возникновения, прежних названиях, владельцах и первопоселенцах, времени и причинах переименований, этимологию названий, норму их произношения. При указании точной даты переименования упор делается на федеральные и региональные нормативные правовые акты в сфере топонимической номинации региона (топонимическое законодательство). Второй раздел представляет собой сборник топонимических преданий, собранных студентами филологического факультета ВГУ с 1979 года. Большая часть текстов преданий представлена в аутентичной записи с сохранением особенностей речи информаторов. Это издание обобщает многолетний труд по записи и систематизации топонимических преданий. Вступитель-

ная статья, рассказывающая об особенностях преданий Воронежской области, содержит описание тематической классификации преданий, особенностей композиции и языка текстов, особенности появления названий топонимов. Запись и публикация топонимических преданий позволит надолго сохранить в нашей памяти народные представления прошлых эпох о происхождении названий на карте нашей области.

Историко-культурное издание «Топонимия Воронежского края» стало одним из важнейших результатов научной деятельности Воронежской ономастической школы под руководством профессора Г. Ф. Ковалева.

3.2.2. Словари урбанонимов г. Воронежа

Происхождение названий внутригородских объектов областного центра давно интересовало воронежских исследователей.

Первые мини-словари урбанонимов г. Воронежа были посвящены героям Великой Отечественной войны, чьими именами были названы улицы и площади столицы Черноземья [13; 14; 23]. Авторы указанных публикаций приводят биографии уроженцев Воронежской области, ставших героями на фронтах Великой Отечественной войны за пределами родного края, а также уроженцев других регионов Советского Союза, совершивших подвиги в ходе освобождения Воронежа от немецко-фашистских захватчиков в 1942-1943 годах, сведения о прежних названиях воронежских улиц, которые впоследствии были переименованы в честь героев. К 75-летию со дня освобождения областного центра региональное информационное агентство «Воронеж» запустило новый просветительский проект «Воронеж. Улицы победителей» [4]. Корреспонденты портала gavrn.ru вместе с известным воронежским историком Владимиром Размустовым рассказали о героях Великой Отечественной войны, имена которых получили улицы Воронежа, об их подвигах и людях, которые лично были знакомы с воинами-защитниками.

В 2003 году воронежский краевед и журналист П. А. Попов опубликовал словарь названий улиц г. Воронежа [16]. В словарных статьях приводится информация об истории улиц и переулков областного центра, в случае переименования указываются предыдущие названия, дается биографическая справка о людях, чьими именами названы внутригородские объекты.

3.2.3. Словари микротопонимов Воронежской области

Профессор ВГУ Г. Ф. Ковалев в 2007 и 2017 годах опубликовал словари микротопонимов региона, содержащие более 20000 словарных статей [11; 12]. В настоящее время им же подготовлен «Словарь микротопонимии Воронежской области» в трех томах. Словарные статьи построены здесь в алфавитном порядке. Если названия одинаковы, то алфавитный порядок выстраивает статьи по населенному пункту. Статья подается таким образом:

1. Название прописными буквами.
2. Название в круглых скобках подается в дольно упрощенной транскрипции, чтобы материалом могли пользоваться не только филологи, но и историки, краеведы, географы, не только учителя, но и учащиеся.
3. Дефиниция или объяснение, в котором подается номенклатурный термин (*ул., пруд, лес* и т. п.), обозначен населенный пункт.
4. Объяснение происхождения микротопонима (по возможности дается этимология).
5. По возможности дается также диалектный текст, включающий микротопоним или объясняющий его значение (иногда легендарное, с использованием народной этимологии).
6. Сокращение названия населенного пункта (только при вариантных или повторяющихся названиях).

4. Перспективы лексикографирования топонимии Воронежской области

Как видно из приведенных примеров, лексикографическое обеспечение региональных топонимических исследований в Воронежской области свидетельствует о высокой степени лингвокраеведческой изученности региона.

Тем не менее, следует отметить, что при всей полноте исследований современной топонимии Воронежской области в настоящее время имеются следующие перспективы ее дальнейшего лексикографирования.

1. Имеющийся научный задел позволяет поднять проблему необходимости подготовки **региональных словарей гидронимов и катойконимов**, поскольку в конце 1990-х – начале 2000-х годов в Воронежском государственном университете под научным руководством доктора филологических наук, профессора Г. Ф. Ковалева были защищены соответствующие кандидатские диссертации (Фролова В. П. Типология русских катойконимов на фоне германских языков; Сёмуш-

кин В. А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты).

2. В настоящее время также назрела необходимость подготовки и издания **расширенного словаря названий внутригородских объектов г. Воронежа**, поскольку спустя семь лет с момента публикации книги П. А. Попова [16], в 2010 году, реорганизовано более 20 территориальных единиц городского округа город Воронеж (пригородные поселки, рабочие поселки, сёла) в форме их присоединения к городу Воронежу. Чтобы избежать дублирования названий улиц, администрация городского округа город Воронеж приняла постановление, в соответствии с которым больше ста улиц и переулков в присоединенных населенных пунктах были переименованы [20]. Стремительное жилищное строительство также привело к появлению новых улиц. В настоящее время в реестр наименований элементов планировочной структуры и элементов улично-дорожной сети городского округа город Воронеж входит 58 элементов планировочной структуры (жилые массивы, кордоны, базы отдыха и др.), 1512 элементов улично-дорожной сети (улицы, проспекты, бульвары, площади, скверы, набережные, проезды, переулки, тупики, площадки, километры), 76 садоводческих и дачных некоммерческих объединения граждан, товариществ собственников недвижимости, 654 элементов улично-дорожной сети на территориях садоводческих и дачных некоммерческих объединений граждан, товариществ собственников недвижимости (улицы, линии, переулки) [19]. Многие из указанных объектов топонимически не исследованы.

3. Необходимо также издание **словаря ушедших наименований населенных пунктов Воронежского края**. Данный вид ойконимов комплексно до настоящего времени не исследован ни историками, ни лингвистами, ни географами (особенно слабо изучены украиноязычные названия). Лишь в отдельных районных газетах периодически публикуются материалы по исчезнувшим населенным пунктам (в основном это были хутора, поселки и деревни), в которых приводятся исторические сведения, изредка – этимологии ушедших названий. Только с 1959 года по 2018 год в Воронежской области официально исчезло более 1200 населенных пунктов. Вместе с населенными пунктами ушли и их названия – ойконимы, являвшиеся частью языкового и культурно-исторического наследия региона. За рядом ушедших топонимов стоит многовековая исто-

рия, восходящая к периоду заселения и хозяйственного освоения Воронежского края. Более молодые по возрасту исчезнувшие ойконимы также обладали большим этнокультурным потенциалом, в них отразились ландшафтные и природные особенности, картина мира, уклад жизни, особенности хозяйственной и социальной деятельности воронежцев. Со временем последующие поколения жителей Воронежской области могут совсем ничего не знать об ушедших населенных пунктах и их названиях, поскольку исчезнувшие топонимы катастрофически уходят и из живого употребления в русском языке (*пос. Балабон, пос. Бирюч, хут. Згадкий, хут. Копани, пос. Крушина, хут. Плещо, пос. Солоти, хут. Стублянка, хут. Чечеры* и др.), и в этом смысле они являются своеобразным языковым памятником.

4. **Воронежская топонимическая энциклопедия** станет венцом топонимических исследований наименований географических объектов Воронежского края, учитывающим их результаты. Основой словника станет Реестр географических названий объектов Воронежской области, зарегистрированных в Государственном каталоге географических названий (по состоянию на 15.10.2019 в него входит 4090 записей: помимо населенных пунктов он содержит также такие типы географических объектов, как кордоны, пристани, урочища, реки, озера, болота, балки, яры, леса, железнодорожные станции, остановочные пункты и др.). В структуру энциклопедии также войдут словарные статьи об исчезнувших топонимах, исследователях воронежской топонимии, людях, чьими именами названы населенные пункты и внутригородские объекты региона. Предполагаемый объем – не менее 6000 словарных статей.

5. Заключение

В настоящее время Воронежская область является одним из субъектов Российской Федерации, который наиболее полно исследован в топонимическом отношении, что зафиксировано в разнообразных региональных топонимических словарях. Однако у воронежских исследователей имеются перспективы лексикографического описания всех топонимических реалий Воронежской области.

Библиографический список

1. Алфавитные списки населенных мест Воронежской губернии, с указанием числа жителей, числа дворов, волости, стана, участка мирового судьи, судебно-

го следователя и расстояния от уездного города [Текст] // Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 г. / Издание Воронежского губернского статистического комитета. – Воронеж : Типо-Литография Губернского правления, 1886. – С. 5-190.

2. Алфавитный список приходов Воронежской епархии (по данным Духовной консистории) [Текст] / сост. А. М. Правдин // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год / Издание Воронежского губернского статистического комитета. – Воронеж : Типо-Литография Губернского правления, 1893. – С. 97-116.

3. Алфавитный указатель населенных мест Воронежской губернии [Текст] / сост. Губстатбюро и Орг. отд. Воронежск. губисполкома. – Воронеж : Орготд. Воронежск. губисполкома, 1925. – 123 с.

4. Воронеж. Улицы победителей [Электронный ресурс]. – URL: https://riavrn.ru/theme/victory_streets/

5. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. [Текст] / обраб. Н. Штиглицом. – СПб. : Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1865. – 157 с.

6. Воронежская область в цифрах. Краткий статистический сборник [Текст] / предс. ред. коллегии И. В. Соловьева. – Воронеж : Воронежстат, 2019. – 84 с.

7. Дьякова, В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) [Текст] / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова. – Воронеж : ВГУ, 2009. – 343 с.

8. Загоровский, В. П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области [Текст] / В. П. Загоровский. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. – 111 с.

9. Загоровский, В. П. Историческая топонимика Воронежского края [Текст] / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1973. – 136 с.

10. Ильин, Д. Ю., Сидорова, Е. Г. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики [Текст] / Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2014. – № 3 (22).

11. Ковалев, Г. Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь [Текст] / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : Артефакт, 2007. – 407 с.

12. Ковалев, Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. [Текст] / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. – Т. 1 : А–Л. – 412 с.; Т. 2 : М–Я. – 420 с.

13. Литвинов, М. В. Их именами названы улицы Воронежа [Текст] / М. В. Литвинов. – Воронеж : Воронежское книжное издательство, 1960. – 51 с.

14. Навечно в памяти народной. Их именами названы воронежские улицы [Текст] / сост. Р. Н. Литвинов. – Воронеж : Воронежское книжное издательство, 1980. – 166 с.

15. Населенные места Воронежской губернии: справочная книга [Текст] / издание Воронежского губернского земства; автор предисловия Ф. Щербина. – Воронеж : Типо-Литография В. И. Исаева, 1900. – 482 с.

16. Попов, П. А. Воронеж. История города в названиях улиц [Текст] / П. А. Попов. – Воронеж : Кварта, 2003. – 447 с.

17. Попов, С. А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин [Текст] / С. А. Попов / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : Издательский Дом Алейниковых, 2003. – 285 с.

18. Попов, С. А. Топонимия Воронежского края [Текст] / С. А. Попов, Т. Ф. Пухова, Е. А. Грибоедова. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018. – 336 с.

19. Постановление администрации города Воронежа от 14 января 2002 года № 52 «Об утверждении реестра наименований элементов планировочной структуры и элементов улично-дорожной сети городского округа город Воронеж» (с изменениями на 22 октября 2018 года) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/440510318>

20. Постановление администрация городского округа город Воронеж от 3 марта 2011 г. № 225 «О переименовании улиц и переулков в городе Воронеже» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.voronezh-city.ru/administration/normative_base/detail/2582

21. Прохоров, В. А. Вся Воронежская земля: историко-топонимический словарь [Текст] / В. А. Прохоров. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. – 367 с.

22. Реестр (справочник) «Административно-территориальное устройство Воронежской области» (по состоянию на 1 декабря 2018 года) [Текст]. – Воронеж : АО «Воронежская областная типография», 2018. – 192 с.

23. Сапелкин, Н. С. Воронеж: улицы героев [Текст] / Н. С. Сапелкин. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2018. – 96 с.

24. Сведения о населенных местах Воронежской губернии [Текст] / Издание Воронежского губернского статистического комитета. – Воронеж : Типо-Литография губернского правления, 1906. – 196 с.

25. Собрание узаконений РСФСР [Текст]. – 1934. – № 26. – Ст. 153.

26. Супрун, В. И. Сколько экстралингвистики может быть в топонимическом словаре?: Взгляд географа, историка и лингвиста [Текст] / В. И. Супрун // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции 14-16 февраля 2018 г. – М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 266-268.

Reference List

1. Alfavitnye spiski naselennyh mest Voronezhskoj gubernii, s ukazaniem chisla zhitel'ej, chisla dvorov, volosti, stana, uchastka mirovogo sud'i, sudebnogo sledovatel'ja i rasstojanija ot uездного goroda = Alphabetical lists of populated places of the Voronezh province, indicating the number of residents, the number of yards, the parish, the camp, the section of the justice of the

peace, the court investigator and the distance from the county city [Tekst] // Pamjatnaja knizhka Voronezhskoj gubernii na 1887 g. / Izdanie Voronezhskogo gubernskogo statističeskogo komiteta. – Voronezh : Tipo-Litografija Gubernskogo pravlenija, 1886. – S. 5-190.

2. Alfavitnyj spisok prihodov Voronezhskoj eparhii (po dannym Duhovnoj konsistorii) = Alphabetical list of the Voronezh Diocese parishes (according to the Spiritual Consistory) [Tekst] / sost. A. M. Pravdin // Pamjatnaja knizhka Voronezhskoj gubernii na 1893 god / Izdanie Voronezhskogo gubernskogo statističeskogo komiteta. – Voronezh : Tipo-Litografija Gubernskogo pravlenija, 1893. – S. 97-116.

3. Alfavitnyj ukazatel' naseleennyh mest Voronezhskoj gubernii = Alphabetical index of populated places of the Voronezh province [Tekst] / sost. Gubstatburo i Org. otđ. Voronezhsk. gubispolkoma. – Voronezh : Orgotđ. Voronezhsk. gubispolkoma, 1925. – 123 s.

4. Voronezh. Ulicy pobeditelej = Voronezh. Streets of winners [Elektronnyj resurs]. – URL: https://riavr.ru/theme/victory_streets/

5. Voronezhskaja gubernija. Spisok naseleennyh mest po svedenijam 1859 g. = Voronezh Province. List of localities according to 1859 [Tekst] / obrab. N. Shtiglicom. – SPb. : Central'nyj statističeskij komitet Ministerstva vnutrennih del, 1865. – 157 s.

6. Voronezhskaja oblast' v cifrah. Kratkij statističeskij sbornik = Voronezh region in numbers. A brief statistical compendium [Tekst] / preds. red. kollegii I. V. Solov'eva. – Voronezh : Voronezhstat, 2019. – 84 s.

7. D'jakova, V. I. Slovar' geograficheskoj leksiki Voronezhskogo kraja (s istoričeskimi kommentarijami) = Dictionary of geographical vocabulary of the Voronezh Krai (with historical comments) [Tekst] / V. I. D'jakova, V. I. Hitrova. – Voronezh : VGU, 2009. – 343 s.

8. Zagorovskij, V. P. Kak vznikli nazvanija gorodov i sel Voronezhskoj oblasti = How the names of cities and villages of the Voronezh region appeared [Tekst] / V. P. Zagorovskij. – Voronezh : Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1966. – 111 s.

9. Zagorovskij, V. P. Istoričeskaja toponimika Voronezhskogo kraja = Historical toponymy of the Voronezh region [Tekst] / V. P. Zagorovskij. – Voronezh : Izd-vo VGU, 1973. – 136 s.

10. Il'in, D. Ju., Sidorova, E. G. Teoreticheskie osnovy postroenija slovarja-spravočnika regional'noj toponimiki = Theoretical basis of regional toponymy dictionary construction [Tekst] / D. Ju. Il'in, E. G. Sidorova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie. – 2014. – № 3 (22).

11. Kovalev, G. F. Mikrotoponimija Voronezhskoj oblasti. Slovar' = Microtoponymy of the Voronezh region. Dictionary [Tekst] / G. F. Kovalev. – Voronezh : Artefakt, 2007. – 407 s.

12. Kovalev, G. F. Slovar' mikrotoponimov Voronezhskoj oblasti: v 2 t. = Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: in 2 vol. [Tekst] / G. F. Kovalev. –

Voronezh : NAUKA-JuNIPRESS, 2017. – T. 1 : A–L. – 412 s.; T. 2 : M–Ja. – 420 s.

13. Litvinov, M. V. Ih imenami nazvany ulicy Voronezha = Their names are named streets of Voronezh [Tekst] / M. V. Litvinov. – Voronezh : Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 51 s.

14. Navečno v pamjati narodnoj. Ih imenami nazvany voronezhskie ulicy = Forever in the memory of the people. Their names are named Voronezh streets [Tekst] / sost. R. N. Litvinov. – Voronezh : Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. – 166 s.

15. Naseleennye mesta Voronezhskoj gubernii : spravočnaja kniga = Populated places of the Voronezh province: reference book [Tekst] / izdanie Voronezhskogo gubernskogo zemstva; avtor predislovija F. Shherbina. – Voronezh : Tipo-Litografija V. I. Isaeva, 1900. – 482 s.

16. Popov, P. A. Voronezh. Istorija goroda v nazvanijah ulic = Voronezh. History of the city in street names [Tekst] / P. A. Popov. – Voronezh : Kvarta, 2003. – 447 s.

17. Popov, S. A. Ojkonimija Voronezhskoj oblasti v sisteme lingvokraevdčeskich disciplin = Oykonymia of the Voronezh region in the system of linguo-regional natural history disciplines [Tekst] / S. A. Popov / nauch. red. G. F. Kovalev. – Voronezh : Izdatel'skij Dom Alejnikovyh, 2003. – 285 s.

18. Popov, S. A. Toponimija Voronezhskogo kraja = Toponymy of the Voronezh region [Tekst] / S. A. Popov, T. F. Puhova, E. A. Griboedova. – Voronezh : Centr duhovnogo vozroždenija Chernozemnogo kraja, 2018. – 336 s.

19. Postanovlenie administracii goroda Voronezha ot 14 janvarja 2002 goda № 52 «Ob utverždenii reestra naimenovanij jelementov planirovočnoj struktury i jelementov ulično-dorožnoj seti gorodskogo okruga gorod Voronezh» (s izmenenijami na 22 oktjabrja 2018 goda) = Resolution of the Administration of the City of Voronezh No. 52 of January 14, 2002 «On Approval of the register of names of elements in the planning structure and elements of the street-road network of the city district of Voronezh» (amended on October 22, 2018) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/440510318>

20. Postanovlenie administracija gorodskogo okruga gorod Voronezh ot 3 marta 2011 g. № 225 «O pereimenovanii ulic i pereulokov v gorode Voronezhe» = Resolution of the administration of the city district of Voronezh dated from March 3, 2011 № 225 «On renaming streets and alleys in the city of Voronezh» [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.voronezh-city.ru/administration/normative_base/detail/2582

21. Prohorov, V. A. Vsja Voronezhskaja zemlja: istoriko-toponimičeskij slovar' = The whole Voronezh land: historical and toponymic dictionary [Tekst] / V. A. Prohorov. – Voronezh : Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1973. – 367 s.

22. Reestr (spravočnik) «Administrativno-territorial'noe ustrojstvo Voronezhskoj oblasti» (po sosťojaniju na 1 dekabrja 2018 goda) = Register (Directory)

«Administrative and territorial structure of the Voronezh Region» (as of December 1, 2018) [Tekst]. – Voronezh : AO «Voronezhskaja oblastnaja tipografija», 2018. – 192 s.

23. Sapelkin, N. S. Voronezh: ulicy geroev = Voronezh: streets of heroes [Tekst] / N. S. Sapelkin. – Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2018. – 96 s.

24. Svedenija o naseleennyh mestah Voronezhskoj gubernii = Information on populated places of the Voronezh province [Tekst] / Izdanie Voronezhskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. – Voronezh : Tipografija gubernskogo pravlenija, 1906. – 196 s.

25. Sobranie uzakonenij RSFSR = Meeting of RSFSR legalizations [Tekst]. – 1934. – № 26. – St. 153.

26. Suprun, V. I. How much extralinguistics can there be in the toponymic dictionary?: The view of a geographer, historian and linguist [Tekst] / V. I. Suprun // Persekaja granicy: mezhkul'turnaja kommunikacija v global'nom kontekste: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii 14-16 fevralja 2018 g. – M. : Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2018. – S. 266-268.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10600

УДК 811.161.1

А. П. Баженова

<http://orcid.org/0000-0003-2628-2862>

В. В. Леденева

<http://orcid.org/0000-0002-3795-6861>

Прецедентные имена *Роберт Оуэн* и *Нью-Ланарк* в ранней публицистике Н. С. Лескова

Поддержано Грантом РФФИ 17-04-00421

«Лингвистическая подготовка и создание электронного „Живого стилистического словаря русского языка”»

В статье рассмотрены в их стилистической значимости единицы проприальной лексики *Роберт Оуэн* и *Нью-Ланарк*, с использованием которых как прецедентных в текстах публицистических произведений Н. С. Лескова связаны рассуждения автора о социальных, культурных и иных проблемах, возможных путях их решения в послереформенной России. Онимы характеризуются как представители англосферы, вербализаторы актуалем, экспликаторы интенций и прагматических установок Лескова-публициста, в чём видится актуальность и новизна исследования. Прецедентные имена рассматриваются в качестве идиолектем, формирующих индивидуальную концептосферу, с учетом их ассоциативного и коннотативного потенциала. Доказано, что функционирование онимов в авторском тексте как ментефактов обусловлено их социальной детерминированностью, что в масштабах авторского сверхтекста способствует трансляции концептуальной информации в индивидуальной интерпретации. Определена роль проприальной лексики англосферы в ономастическом пространстве текстов публициста. Актуализированы культурно-информационный фон имен *Роберт Оуэн* и *Нью-Ланарк* и их интертекстуальные связи в идиостиле публициста. Выявлены стилистические функции указанных прецедентных имён. Использовались методы наблюдения, анализа, применявшегося в отношении материала, извлечённого нацеленной выборкой, концептуальный подход. Сформулированы выводы о прагматике использования прецедентных имен в ранних публицистических текстах Н. С. Лескова как репрезентантов англосферы и манифестантов авторской интенции. Статья может иметь практическое значение для расширения лингвистического лесковедения, исследования англосферы, языковой картины мира и подобных образований, уточнения функций проприальной лексики в масштабах хронологически очерченного сверхтекста автора и ее роли в активизации читательской интерпретации.

Ключевые слова: язык произведений Лескова, публицистический текст, англосфера, проприальная лексика, прецедентные онимы, Роберт Оуэн, Нью-Ланарк.

A. P. Bazhenova, V. V. Ledeneva

Precedent names *Robert Owen* and *New Lanark* as representatives of the anglosphere in the early journalism of N. S. Leskov

The article considers in their stylistic significance the units of proprietary vocabulary of Robert Owen and New Lanark, with the use of which, as precedent in the texts of publicistic works of N. S. Leskov, the author's arguments about social, cultural and other problems, possible ways of their solution in Russia are connected. Onyms are characterized as representatives of the anglosphere, verbalizing actualemes, explicators of intentions and pragmatic attitudes of Leskov-publicist, what is seen as the relevance and novelty of the study. Proper names are considered as idiolectemes, shaping individual conceptsphere taking into account its associative and connotative potential. It is proved that functioning of the onyms in the author's text as mentifacts is connected with their social determinism, which promotes delivering of conceptual information in individual interpretation. The role of proper names representing anglosphere in onomastic space of the publicistic texts is defined. Cultural-informative background of the names *Robert Owen* and *New-Lanark* are actualized regarding their intertextual connections in the publicist's idiostyle. Stylistic functions of these proper names are revealed. Methods of observation, analysis applied to the material extracted by the targeted sample, conceptual approach were used. Conclusions concerning the pragmatics of the usage of proper names in early publicistic texts by Leskov as representatives of anglosphere and demonstrators of the author's intention are drawn. The article may have practical importance for the extension of linguistic Leskov research, research in the field of anglosphere, linguistic picture of the world and similar entities, exploration of the functions of proper names in the scale of chronologically outlined author's text and their role in activating readers' involvement.

Keywords: language of Leskov's works, journalistic text, anglosphere, proprietary vocabulary, precedent onyms, Robert Owen, new Lanark.

Проприальная лексика способна передать многослойную информацию при погружении её единиц в текст любого стиля и жанра. В публицистике они нередко являются вербализаторами актуалем, под которыми понимаются социально-исторически, культурно и хронологически детерминированные по степени актуальности, подверженные изменениям, ротации и переоценке в содержательном и ценностном планах «концепты, которые являются коллективно осознаваемыми, отражают те экстралингвистические реалии (события, явления, факты, проблемы), которые вызывают общественный интерес» [21, с. 71-72], резонансны, дают частотные рефлексии в отношении какой-либо обсуждаемой ситуации и т. п. Антропоним при этом может называть персону, а топоним – место, привлёкшие внимание социума. Но, как представляется нам, любое из имён собственных, с которыми связано образование актуалем, их воспроизведение в текстах, обогащение смыслами, стимулированными уроками действительности, закрепление в концептосфере, безусловно, прецедентное. Социальную детерминированность значимости онимов предугадывал ещё о. Павел Флоренский, подчеркнувший, что «имена ведут себя в жизни общества как некие фокусы социальной энергии» [20]. Как результат коллективного осмысления, продукт информационной переработки, плод культуры духовной, такие онимы суть ментефакты – «элементы „содержания” сознания, идеальной стороны действительности, единицы-репрезентанты культурного пространства» [10, с. 121; ср. 22].

В масштабах авторского сверткста прецедентные имена собственные образуют ономастическое пространство. Они становятся представителям фрагментов индивидуальной концептосферы, их репрезентантами, в том числе в качестве идиолекта – констант идиостиля, складывающихся на определённом этапе творчества, слов-манифестантов интенций создателя текста [см. 16, с. 33-7; 11, с. 27-28] как социализированной личности, чей неповторимый ментально-лингвальный комплекс (термин В. В. Морковкина [27, с. 20-21]) сохраняет разнообразные знания, концептуализируя информацию, доступную человеку в его эпоху, транслирует накопленное в индивидуальной интерпретации.

Ономастическое пространство идиостиля Н. С. Лескова в ранних публицистических произ-

ведениях образовано разнообразными именами собственными, часть которых представляет *англосферу*, понимаемую нами как совокупность англоязычных стран, разделяющих принципы общего права и прав человека, цивилизационный облик которых характеризуется рядом единых черт, обусловленных особо тесной исторической связью этих стран с Британскими островами [23].

Исследователи творчества писателя отмечают, что его произведения в ономастическом аспекте представляются недостаточно изученными [3], что позволяет нам считать обращение к именам *англосферы* в данной статье актуальным, обуславливает её новизну. Цель исследования – охарактеризовать избранные для анализа имена собственные в ранней публицистике Н. С. Лескова [12; 13; 14; 15] в качестве репрезентаторов англосферы, выявить их стилистические функции. Докажем, что выбор автором лексических единиц с учётом их ассоциативного и коннотативного (оценочного) потенциала позволяет рассматривать использование публицистом прецедентного имени из круга представляющих англосферу в качестве стилистического приема.

Прецедентный феномен в публицистике является средством актуализации информации, а лингвокультурологическая составляющая адресована просвещённому читателю, на фоновые знания которого автор рассчитывает. Следовательно, прецедентные имена могут выполнять регулятивную функцию при доминировании экспрессии над стандартом в соответствии с интенцией публицистического текста. «Степень прецедентности имени обусловлена его известностью в определенной культуре, частотностью использования представителями национально-культурного сообщества, метафоричностью, наличием инварианта восприятия» [9, с. 76].

Прецедентные онимы, представляющие англосферу в публицистике Лескова, как показывает их анализ, могут быть причислены к характерным менамам английской культуры. Они функционируют в качестве стилистически значимых единиц и в денотативном, и в коннотативном значениях. Употребление проприальных единиц способствует реализации прагматических задач публицистического текста, а именно воздействующей и культурно-просветительской. Организуя текстовое пространство, антропонимы аккумулируют ассоциативные значения, отвечающие авторской праг-

матике в раскрытии темы, и ориентируют на тонкое понимание глубинных интенций в его размышлениях по поводу обсуждаемой социальной проблемы (см. об авторской прагматике [6]; см. об ироническом взгляде писателя [8, с. 17]).

Проблемное поле ранних лесковских очерков охватывает широкий спектр вопросов, связанных с Россией, что нацеленно отражается в названиях статей. Уже представлены научные заключения, от которых можно отталкиваться в исследовании, например: «Контент *русский* в публицистике Н. С. Лескова рассмотрен в двух ракурсах: в сопоставительном (свой – чужой) и аналитическом (применительно к своему)» [4, с. 544]. Следовательно, концептуальный подход позволяет утверждать, что прагматика использования английских понятий связана со стремлением публициста осмыслить национально-культурные особенности двух народов для формирования объективной оценки социально-культурных проблем и в целом жизни современного общества России.

Прецедентное имя *Роберт Оуэн*, принадлежащее известному английскому социалисту-утописту, и связанный с его деятельностью топоним *Нью-Ланарк* (в графико-орфографическом оформлении *New-Lanark* [12, с. 370]; *Новый Ланарк* [12, с. 427], *Нью Ленарк* [14, с. 183] зафиксированы нами как частотные в ранних текстах Лескова (14 употреблений).

В прогрессивных для начала XIX столетия – периода промышленной революции – положениях Роберта Оуэна, представлявших инициированную тяжёлыми проблемами социально-экономической и духовной жизни «новую науку о человеке», которая была близка по духу просветительской философии, вина за человеческие пороки, злобу, невежество возлагалась на «окружающую среду, которая у Оуэна предстает, скорее, социальной и экономической», а появление *совершенного человека* виделось возможным «только в том случае, если существующий строй, повсеместно доказавший свою негодность», будет изменён [2, с. 62]. Таким образом, согласно Оуэну («Новый взгляд на общество, или Опыты формирования характера»), характер и нравственное развитие человека зависят от внешних условий и воспитания. Его социально-педагогический эксперимент, реализованный на примере знаменитой фабрики *Нью-Ланарка*, стал одной из памятных вех в истории развития Европы.

Улучшение качества жизни простых рабочих, создание условий для обучения и просвещения безграмотных и детей разного возраста привлекли

внимание мировой общественности в начале XIX века, донесли до России, как мы можем видеть и из контекстов публицистических очерков Н. С. Лескова, где выделяем компоненты, составляющие смысловой объём антропонима *Оуэн*, являющегося прецедентным в мировой культуре, её гуманитарной сфере.

В ходе анализа ранних лесковских публицистических статей выявлен топоним в графически не освоенном виде – варваризм: «Мы благородно восторгаемся слухами о *человеколюбивом Британце*, который *воспитывал* людей в *New-Lanark*'е и с легкой руки которого начали *развиваться кооперативные ассоциации* <...>» [12, с. 370]. Здесь «человеколюбивый Британец» – описательная перифрастическая конструкция, позволяющая избежать прямой номинации, но указывающая на Роберта Оуэна, – реализует оценочное суждение, эксплицирующее мелиоративную оценку Лесковым упомянутой личности, что подтверждается контекстуальным партнёром *человеколюбивый* в значении 'гуманный', 'человечный'.

Более того, не характерная для русского текста капитализация апеллятивной лексемы *Британец* является средством актуализации принадлежности прецедентного имени к английскому культурному пространству. В английском языке имена существительные в заголовках, в перифрастической номинации регулярно пишутся с заглавной буквы. Вытекающие отсюда имплицитные семы положительной оценки, подкрепляющие статус «великий» для читающей публики, подчеркиваются характеристикой *человеколюбивый* и контекстуальными партнёрами *благородно восторгаемся, с лёгкой руки*. Топоним *New-Lanark* Лесков передает в оригинальном виде как иноязычное вкрапление, варваризм, что также подчеркивает его отнесение писателем к английскому миру.

В критической статье «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“» Н. С. Лесков анализирует упомянутое художественное произведение, отмечая, что «роман странно написан». Главные персонажи, по мнению Лескова, выступают истинными, ищущими нигилистами, стремящимися к гармоничной системе соотношения труда и капитала. Системы такой нет и в Европе, но среди немногих людей, стремящихся к ее реализации, Лесков выделяет *Роберта Оуэна* (графико-орфографический вариант *Овэн* [15, с. 417]). Мечта автора программы «система кооперации», впервые использовавшего термин социалистический, мыслимый как «кол-

лективистский» [2, с. 64; 19], об обществе всеобщего благоденствия и социальной справедливости находит отклик в произведении Чернышевского. Проприальная единица реализована, следовательно, как прецедентная в русском дискурсе того времени, в различных в стилистическом и жанровом отношении текстах. Н. Г. Чернышевский, будучи заключенным в Петропавловской крепости, рисует образ идеального революционера Рахметова, который готовится принести себя в жертву. Революционная ячейка – мастерская, описанная в романе, – стала образцом для сторонников революционных преобразований, а четвертый сон Веры Павловны воспринимается в качестве иллюстрации утопического мира будущего с зданиями из стекла и бетона и счастливыми, духовно развитыми и плодотворно работающими гражданами. Это содержание, следовательно, соотносимо с объемом антропонима *Оуэн* как прецедентного имени в тот период.

Но для Лескова-публициста в 60-е годы XIX концепции Оуэна и Мора, идеи Чернышевского – это лишённые почвы идеи, которые рассыпаются в прах и даже извращаются исполнителями при первом же столкновении с реальностью, попыткой их воплотить: «Если бы Роберт Оуэн видел большинство говорящих о нём русских; если бы он слышал людей, исповедующих устами его учение <...> то незлобивому старцу пришлось бы дать миру ещё одно весьма сильное доказательство своего незлобия... не отвернуться от своих лжеучеников» [13, с. 495]. Неодобрительная оценка эксплицирована словоформой негативнооценочной лексемы *лжеученик*, где *лже* – ‘лживый, не истинный’. Однокоренные слова *незлобивый* и *незлобие* насыщены иронией, проявляют пейоративность в контексте. Ср. мелиоративные книжные в узусе: ‘кроткий, простодушный’ и – соответственно – ‘кротость, добродушие, простодушность’ [18].

Лесков также писал, реализуя имплицитную ироническую интенцию в отношении несостоятельности последователей *Оуэна*: «Такой человек был известный нигилист *Роберт Оуэн*. Врагов и порицателей у *Роберта Оуэна* было много, пустозвонных насмешников – и того больше. *Роберт Оуэн* (признававший, между прочим, что каждый человек имеет право на наше внимание и посильную помощь) умер, и его *Нью Ленарк* расплылся» [14, с. 183]. Эксплицирована негативная оценка предикатной лексемой *нигилист*, прецедентной в русской культуре. См.: «*Нигилист* (от латинск. *nihil* «ничто»: человек, ничего не признающий,

отрицатель) – общественно-политический и литературный термин, широко распространённый в русской публицистике и художественной лит-ре 60-х гг.» [1]. Называя *Оуэна известным нигилистом*, Лесков определяет масштаб его деятельности и значение в когнитивной картине мира не только англичан, но и всего современного ему мирового сообщества, что подчёркивается контекстуальными партнёрами, формирующими противопоставление: *пустозвонные насмешники* (‘пустые, легкомысленные, не имеющие доказательной базы’).

В смысловом объёме прецедентного имени отразились и негативные представления о его обладателе – Роберте Оуэне. Социалистическая критика современной промышленной системы и попытки построить общество на основе принципов уравнительного коммунизма привели к краху деятельности Оуэна. Критики воспринимали его идеи как утопические и нежизнеспособные, не нашедшие нужных продолжателей, вследствие чего, по Лескову, «его Нью Ленарк расплылся» [ср.: 7, с. 34]. В данном контексте Лесков использует имя собственное *Оуэн* в качестве символа. Этим продемонстрировано, что данное имя обрело не только энциклопедическую, но и культурно-историческую значимость, вобрало оценочные коннотации и тонкие смысловые оттенки, которые актуализированы публицистическим дискурсом с его полемической константой. Налицо кумулятивная функция исследуемого онима. Смысловое наполнение лексемы *расплыться*, реализованное в значении ‘рассеяться’, обеспечивает в тексте образное восприятие *Нью Ленарка* как символа утопической идеи англосферы, идеального общества, которого не удаётся построить. Но сама гуманистическая идея заботы о сохранении и развитии человека в человеке в ранних публицистических текстах Лескова рассматривается как прогрессивная и необходимая не только английскому миру, но и России. Его многочисленные публицистические выступления в 60-е годы по различным вопросам (медицина и гигиена для народа, сводные браки, спиритизм, проблемы образования, женский вопрос, влияние западного образа жизни на некоторые слои русского общества и внедрение неприемлемых для России европейских идей и др.) критические по главной интенции автора, пронизанные иронией, судя по тональности текста, при этом требующие позитивных изменений в общественном сознании, согласно прагматической установке: «Публицист напоминает читателям о

таких постулатах, как совесть, гражданская активность, нравственные ценности» [5, с. 23].

Лесков, страстный публицист, в своих статьях вызывает к общественности, затрагивая вопрос об устройстве жизни бедных слоев, требуя внимания, сочувствия и соучастия, отхода от равнодушной констатации в созерцательном отстранении. В язвительно-обличительном тоне статей читается искренняя боль и переживания автора за физическое и духовное здоровье народа и судьбу его будущего. «Где же это почтение к высоким стремлениям Роберта Оуэна, не знавшего людей, достойных отвержения, и считавшего сытный стол в Нью-Ланарке одним из условий, после которого человек способен взяться за честный труд и почувствовать себя человеком, не зависящим ни от кого, кроме своего труда и умения чтить в чужом праве своё?» [13, с. 495]. Оценочное суждение автора эксплицировано в мелиоративной характеристике Оуэна и его теории: *высокие стремления, честный труд, сытный стол, чтить (чужое) право*.

Таким образом, прецедентные имена – антропоним Роберт Оуэн и топоним Нью-Ланарк – выполняют ряд важных функций в тексте Лескова: собственно номинативную, оценочную, кумулятивную и интертекстуальную. Оним Нью-Ланарк (как и его графико-орфографические варианты у Н. С. Лескова) в соответствии со статусом имён собственных не имеет традиционного лексического значения, зато приобретает контекстуальное и прецедентные объемы. Роберт Оуэн становится символом эпохи, нового взгляда на устройство общества в мире.

Прагматика использования прецедентных имен англосферы Роберт Оуэн и Нью-Ланарк в ранней публицистике Н. С. Лескова связана с интенцией автора представить и обобщить опыт одной из передовых европейских культур как в социально-политических идеях и доктринах, так и в бытовом мирозерцании, показать актуальность постепенного пути преобразований, необходимых русскому обществу, доказать прямым и имплицитным сравнением, что Россия должна развиваться в контексте мировой европейской цивилизации, сохраняя при этом свою историческую самобытность.

Библиографический список

1. Академик [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dic.academic.ru>
2. Андерсон, К. М. Роберт Оуэн и зарождение доктрин кооперативизма [Текст] // Русская политология. – 2018. – №1 (6). – С. 61-71.
3. Вязовская, В. В. Ономастика романа Н. С. Лескова «Соборяне» [Текст]: монография / В. В. Вязовская. – Воронеж: Научная книга, 2007. – 174 с.
4. Головачева, О. А. Национально-культурный компонент в заголовках и текстах публицистических произведений Н. С. Лескова 60-х гг. XIX века [Текст] // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция. Международный форум русистов. – Новозыбков, 2018. – С. 543-550.
5. Головачева, О. А. Нравственные проблемы публицистики Н. С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора [Текст]: монография / О. А. Головачева. – Брянск: ГУП «Брянск. Обл. полигр. объединение», 2011. – 144 с.
6. Головачева, О. А. Особенности функционирования фразеологизмов в статье Н. С. Лескова «О петербургском пойле, пензенских тротуарах и орловских мостках, а также о разных бедных людях и о некоторых попечителях Роберта Оуэна» [Текст] // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 314-319.
7. Демченко, Е. С. Роберт Оуэн: его мысли и действия касательно детского труда в Англии начала XIX века [Текст] // Культура. Духовность. Общество. – 2013. – № 3. – С. 30-34.
8. Ильинская, Т. Б. Ирония как вид комментария у Н. С. Лескова [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2019 – № 3 (18). – С. 16-221.
9. Карпенко, С. М. Прецедентное имя как средство регулятивности в газетно-публицистических текстах [Текст] // Вестник ТГПУ. – 2018. – 2 (191). – С. 75-78.
10. Красных, В. В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход [Текст] // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей рус. яз. – М.: МГУ, 2004. – С. 120-121.
11. Леденёва, В. В. Ментефакты и идиолектемы [Текст] // Педагогическое образование и наука: Научно-методический журнал МАНПО. – № 4. – 2004. – С. 27-28.
12. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 30 т.: Т. 1. / вступ. ст. И. Столяровой. – М.: ТЕРРА, 1996. – 912 с.
13. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 30 т.: Т. 2 / Н. С. Лескова. – М.: ТЕРРА, 1998. – 992 с.
14. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 30 т.: Т. 3 / Н. С. Лескова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 800 с.
15. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 30 т.: Т. 6 / Н. С. Лескова. – М.: ТЕРРА, 1999. – 816 с.
16. Лошаков, А. Г. Текст остаётся текстом? (круглый стол) [Электронный ресурс] / Лошаков А. Г., Папуша И. С., Беглова Е. И., Бойцова О. Ю., Ширинянец А. А., Гуроров В. А., Халикова Н. В., Симашко Т. В.,

Швецова В. М., Герасименко Н. А., Шаповалова Т. Е., Муратова Е. Ю., Акулова А. А., Леденёва В. В., Артамонова Ю. Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – № 2. – С. 3-7. URL: www.evestnik-mgou.ru

17. Морковкин, В. В., Морковкина, А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) [Текст] / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М.: ИРЯП, 1997. – 414 с.

18. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. – URL: <http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117>

19. Трунов, А. А., Черникова, Е. И., Семененко, Г. А. Социально-экономическая специфика идеологии раннего кооперативного движения [Текст] // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2018. – № 4. (71).

20. Флоренский, П. А. Имена. Часть 1. Имена (ономатология) [Электронный ресурс] / П. А. Флоренский. – М.: Изд-во Мысль, 2000. – URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/211/173/>

21. Черникова, Н. В. Акутальные концепты и их лексические репрезентанты [Текст] // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 71-80.

22. Kripke, S. Naming and Necessity / S. Kripke. – Cambridge, MA: Harvard UP, 1980. – 288 p.

23. Word Spy. – URL: <https://wordspy.com>

Reference List

1. Akademik = Academician [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.dic.academic.ru>

2. Anderson, K. M. Robert Oujen i zarozhdenie doktrin kooperativizma = Robert Owen and the birth of cooperativism doctrines [Tekst] // Russkaja politologija. – 2018. – №1 (6). – S. 61-71.

3. Vjazovskaja, V. V. Onomastika romana N. S. Leskova «Soborjane» = Onomastics of N. S. Leskov's novel «Soborians» [Tekst]: monografija / V. V. Vjazovskaja. – Voronezh: Nauchnaja kniga, 2007. – 174 s.

4. Golovacheva, O. A. Nacional'no-kul'turnyj komponent v zagolovkah i tekstah publicisticheskikh proizvedenij N. S. Leskova 60-h gg. XIX veka = National-cultural component in the headlines and texts in N. S. Leskov's journalistic works the 1960s [Tekst] // Kommunikativnye pozicii russkogo jazyka v slavjanskom pogranich'e: dvujazychie i mezh#jazykovaja interferencija. Mezhdunarodnyj forum rusistov. – Novozybkov, 2018. – S. 543-550.

5. Golovacheva, O. A. Nравственные проблемы публицистики N. S. Leskova 60-h godov XIX veka. Jazykovye sredstva otrazhenija pozicii avtora = Moral problems of the publicist N. S. Leskov of the 1960s. Language means of reflecting the author's position [Tekst]: monografija / O. A. Golovacheva. – Brjansk: GUP «Brjansk. Obl. poligr. ob#edinenie», 2011. – 144 s.

6. Golovacheva, O. A. Osobennosti funkcionirovanija frazeologizmov v stat'e N. S. Leskova «O peterburgskom poje, penzenskih trotuarah i orlovskih mostkah, a takzhe o raznyh bednyh ljudjah i o nekotoryh popechiteljah Roberta Oujena» = Peculiarities of the functioning of phraseologisms in N. S. Leskov's article «About St. Petersburg floodwaters, Penza sidewalks and Oryol bridges, as well as about different poor people and about some trustees of Robert Owen» [Tekst] // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 2. – S. 314-319.

7. Demchenko, E. S. Robert Oujen: ego mysl i dejstvija kasatel'no detskogo truda v Anglii nachala XIX veka = Robert Owen: his thoughts and actions regarding child labour in early XIX century England [Tekst] // Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo. – 2013. – № 3. – S. 30-34.

8. Il'inskaja, T. B. Ironija kak vid kommentarija u N. S. Leskova = Irony as N. S. Leskov's kind of comment [Tekst] // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. – 2019 – № 3 (18). – S. 16-221.

9. Karpenko, S. M. Precedentnoe imja kak sredstvo reguljativnosti v gazetno-publicisticheskikh tekstah = Precedent name as a means of regularity in newspaper and publicity texts [Tekst] // Vestnik TGPU. – 2018. – 2 (191). – S. 75-78.

10. Krasnyh, V. V. Sovremennaja nauchnaja paradigma: lingvo-kognitivnyj podhod = Modern scientific paradigm: linguo-cognitive approach [Tekst] // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': II Mezhdunar. kongress issledovatelej rus. jaz. – M.: MGU, 2004. – S. 120-121.

11. Ledenjova, V. V. Mentefakty i idiolektemy = Mentefacts and idiolecteme [Tekst] // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka: Nauchno-metodicheskij zhurnal MANPO. – № 4. – 2004. – S. 27-28.

12. Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works [Tekst]: v 30 t.: T. 1. / vstup. st. I. Stoljarovoj. – M.: TERRA, 1996. – 912 s.

13. Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works [Tekst]: v 30 t.: T. 2 / N. S. Leskova. – M.: TERRA, 1998. – 992 s.

14. Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works [Tekst]: v 30 t.: T. 3 / N. S. Leskova. – M.: TERRA, 1996. – 800 s.

15. Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works [Tekst]: v 30 t.: T. 6 / N. S. Leskova. – M.: TERRA, 1999. – 816 s.

16. Loshakov, A. G. Tekst ostajotsja tekstom? (kruglyj stol) = Does the text remain to be text? (Round table) [Elektronnyj resurs] / Loshakov A. G., Papusha I. S., Beglova E. I., Bojcovaja O. Ju., Shirinjanc A. A., Gutorov V. A., Halikova N. V., Simashko T. V., Shvecova V. M., Gerasimenco N. A., Shapovalova T. E., Muratova E. Ju., Akulova A. A., Ledenjova V. V., Artamonova Ju. D. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). – 2017. – № 2. – S. 3-7. – URL: www.evestnik-mgou.ru

17. Morkovkin, V. V., Morkovkina, A. V. Russkie agnominymy (slova, kotorye my ne znaem) = Russian agnonyms

(words we don 't know) [Tekst] / V. V. Morkovkin, A. V. Morkovkina. – M. : IRJaP, 1997. – 414 s.

18. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Russian language defining dictionary [Elektronnyj resurs] / pod red. D. N. Ushakova. V 4 t. – M. : Gos. in-t «Sov. jencikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935-1940. – URL: <http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117>

19. Trunov, A. A., Chernikova, E. I., Semenenko, G. A. Social'no-jekonomicheskaja specifika ideologii ranego kooperativnogo dvizhenija = Socio-economic specificity of the ideology of the early cooperative movement [Tekst] // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava. – 2018. – № 4. (71).

20. Florenskij, P. A. Imena. Chast' 1. Imena (onomatologija) = Names. Part 1. Names (onomatology) [Jel-

ektronnyj resurs] / P. A. Florenskij. – M. : Izd-vo Mysl', 2000. – URL:

<http://www.agnuz.info/app/webroot/library/211/173/>

21. Chernikova, N. V. Akutal'nye koncepty i ih leksicheskie reprezentanty = Modern concepts and their lexical representants [Tekst] // Filologicheskie nauki. – 2007. – № 6. – S. 71-80.

22. Kripke, S. Naming and Necessity / S. Kripke. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1980. – 288 p.

23. Word Spy. – URL: <https://wordspy.com>

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

Романские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10601

УДК 811.133.1

Ю. В. Бутько

<https://orcid.org/0000-0001-7108-0878>

**Трансформированные паремии во французском языке как результат
интертекстуальной деривации**

Статья посвящена вопросам изменения устойчивых единиц французского языка в ходе интертекстуальной деривации с помощью структурно-семантических трансформаций. В последние десятилетия лингвисты много пишут о вторичности текстов, о вплетении старых текстов во вновь создаваемые и о формируемом таким образом вертикальном текстовом универсуме. Это одно из проявлений интертекстуальности, или использования компонента содержательной структуры одного текста в процессе текстопорождения и создания нового текста. Пользователи языка трансформируют цитаты, паремии и другие прецедентные тексты в рамках прагматической установки высказывания, вызывая приращение смыслов, заставляя собеседника мыслить объемно. Устойчивые единицы языка подвергаются интертекстуальной деривации, в результате образуются трансформированные паремии. Данное явление получило теоретическое осмысление на материале русского и английского языков, в то время как в области французского языка масштабного исследования еще не проводилось. Данный факт определил **цель исследования**: проанализировать происходящие в ходе интертекстуальной деривации структурно-семантические трансформации паремий французского языка, приводящие к образованию трансформированных паремий.

Анализ материала в количестве 200 единиц, собранных писателем Б. Вербером, показал, что трансформации осуществляются в рамках описанных структурно-семантических трансформаций фразеологизмов, однако в случае с паремиями следует говорить также о структурно-семантических трансформациях игрового характера, где основным текстопорождающим фактором является каламбур или игра слов. Основными выявленными механизмами трансформации паремий французского языка являются замены, добавления, перестановки элементов и создание вторичных трансформированных паремий на основе первичного текста со смысловым развитием, ироничным переосмыслением и разрушением исходного парадокса. Меняются и семантические поля дериватов: провозглашаются ценности свободы, равенства, индивидуализма и деятельностного подхода в современном обществе научно-технического прогресса. Смысл прототипа накладывается на смысл деривата, смыслы множатся, отвечая потребностям современного лингвокультурного сообщества, отражая его карнавальную раскованность и демократизацию языковых процессов.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремия, интертекст, интертекстуальная деривация, трансформированная паремия, структурно-семантические трансформации, языковая игра.

Romance languages

Yu. V. Butko

Transformed proverbs in French as a result of intertextual derivation

The article is devoted to the issues of changing proverbial and aphoristic units of the French language in the process of intertextual derivation with the help of structural-semantic transformations. In recent decades, linguists have been writing a lot about the secondary nature of texts, about interweaving old texts into newly created ones, and about a vertical text universe thus formed. Quotes, proverbs and other well-known ready-made texts are widely used. This is one of the manifestations of intertextuality, or the use of a component of the content structure of one text in the process of text-generation and the creation of a new text. Users of the language transform texts within the framework of the pragmatic attitude, causing an increment of meanings. Ready-made language units undergo intertextual derivation, resulting in transformed proverbs. This phenomenon has received theoretical understanding on the material of the Russian and English languages, while in the field of French large-scale research has not yet been conducted. This fact determined the purpose of the study: to analyze the structural-semantic transformations of the French language proverbs occurring during intertextual derivation, leading to the formation of transformed proverbs.

An analysis of 200 units of proverbs and sayings collected by writer B. Werber showed that transformations are carried out within the framework of the described structural-semantic transformations of phraseological units, however, in the case of paremias one of the main text-generating factors is pun. Transformations are replacements, additions, permutations of elements and the creation of secondary transformed paremias based on the primary text with semantic development, ironic rethinking and destruction of the original paradox. The semantic fields of derivatives are also changing: the values of freedom, equality, individualism and a proactive activity approach in modern society of scientific and technological progress are proclaimed. The meaning of the prototype is superimposed on the meaning of the new proverb, meanings multiply, responding to the needs of the modern linguocultural community, reflecting its carnival freedom and democratization of language processes.

Keywords: linguoculturology, paremia, intertext, intertextual derivation, transformed paremia, structural-semantic transformations, play on words, pun.

Введение

В последние десятилетия лингвисты особенно много пишут о вторичности текстов, о вплетении старых текстов во вновь создаваемые и о формируемом таким образом «вертикальном текстовом универсуме» [1; 12; 22]. Великий ученый М. М. Бахтин говорил, что после прародителя Адама вряд ли кто может надеяться на оригинальность, первичность своих слов. Обо всем уже подумали, обо всем сказали [2]. Современный человек, по мнению многих лингвистов, не склонен к текстопорождению [3; 22]. Широко используются цитаты, текстовые реминисценции и другие прецедентные тексты. Это одно из проявлений интертекстуальности, под которым понимается «использование сегмента (компонента содержательной структуры) одного текста в процессе текстопорождения и создания нового текста (в широком понимании)» [15, с. 21]. Интерес вызывает тот факт, что говорящие и пишущие уже не довольствуются готовыми текстами. Они трансформируют их в рамках прагматической установки высказывания, вызывая приращение смыслов, заставляя собеседника мыслить объемно и разгадывать загадки [3; 24]. Цитаты, крылатые выражения, афоризмы и, наконец, пословицы подвергаются интертекстуальной деривации (ИД). В результате образуются трансформированные паремии (ТП). Таким образом, **цель исследования** – проанализировать происходящие в ходе интертекстуальной деривации структурно-семантические трансформации паремий французского языка, приводящие к образованию трансформированных паремий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач:

- провести анализ литературы по проблеме трансформированных паремий;
- отобрать из собрания писателя Бернара Вербера на его персональном сайте [39] паремии, подвергнувшиеся структурно-семантическим трансформациям (методом сплошной выборки);

- проанализировать и описать семантику трансформированных паремий по сравнению с их прототипами;

- рассмотреть трансформированные паремии в контексте постмодернистских явлений интертекстуальности и интертекстуальной деривации;

- проанализировать структурно-семантические трансформации паремий игрового и неигрового характера.

Степень разработанности проблемы и материал исследования

Что касается степени разработанности данного вопроса, в отдельных работах представлены те или иные грани феномена ИД на материале фразеологии, афористики и паремий [9; 14; 24; 26] в русском языке [4; 5; 6; 7; 8; 24], на материале английского и немецкого языка [30; 32; 33; 34], французского языка [19; 28; 35; 37; 40], но комплексного исследования ТП в этой плоскости пока не проводилось, хотя явление трансформации паремий для французской лингвокультуры не является новым. Поэт Франсуа Вийон (1431-?) в «Балладе истин наизнанку», как красноречиво свидетельствует название стихотворения, делает попытку переосмысления и карнавализации вековых культурно-бытовых ценностей, заложенных в пословицах и поговорках:

Il n'est soin que quand on a faim Ne service que d'ennemi, Ne mâcher qu'un botel de fain, Ne fort guet que d'homme endormi, Ne clémence que félonie, N'assurance que de peureux, Ne foi que d'homme qui renie, Ne bien conseillé qu'amoureux... [38].	Враг помогает, друг вредит; Вкус мы находим только в сене; Бесстыдник тот, кто терпит стыд; Без равнодушия нет влечения; Порука силы – ослабление; Бывает мышь страшней, чем слон; Примета памяти – забвение; Не глуп лишь дурень, что влюблен... (перевод Ю. Корнеева) [38].
---	--

Современный французский писатель Бернар Вербер (род. в 1961) отдал дань вековой мудрости,

разместив на своем сайте [39] более 200 вариантов паремий и их трансформированных вариантов, собранных с помощью неравнодушных пользователей сети, рядовых носителей французской лингвокультуры, что свидетельствует о «живом» и актуальном характере данного материала, который и проанализирован в настоящей статье, где мы хотели бы представить на единой платформе интертекстуальность и интертекстуальную деривацию устойчивых выражений французского языка, приводящую к образованию трансформированных паремий.

Анализ семантических полей трансформированных паремий

Афоризмы, крылатые выражения, пословицы, фразеологические единицы являются интеллектуальным и культурным достоянием нации и человечества. Они широко используются носителями той или иной лингвокультуры и выполняют различные функции: моделирующую, орнаментальную, развлекательную [17, с. 87-91], парольную, персуазивную, юридическую [21, с. 87-88] и др. С точки зрения лингвокультурологии вышеупомянутые пласты языкового богатства являются наиболее «культуроносными», отражая скрытые в наивной картине мира следы взаимодействия языка и культуры [17]; [26, с. 17-18]. В плоскости лингвокультурологии лежит и изучение семантических полей ТП. К примеру, анализ практического материала показал, что для среднего француза актуальны следующие ценности:

– свобода: *Les plus jolis oiseaux sont en cage. => Les plus jolis oiseaux sont en liberté* [39]. Здесь и далее сначала приведена исходная паремия, затем ее трансформированный вариант; примеры взяты с сайта <http://www.bernardwerber.com/interactif/antiproverbes.php>.

– равенство: *Baisse la tête devant plus grand que toi. => Lève la tête devant plus grand que toi;*

– индивидуализм: *Un pour tous. Tous pour un. => Personne pour rien. Rien pour personne; Un grand homme ne s'abandonne pas à lui même. => Un grand homme est souvent livré à lui même.* Здесь индивидуализм граничит с одиночеством, одной из насущных проблем современного европейского общества;

– гуманистические идеалы и постмодернистский взгляд человека внутрь себя: *Si tu veux la paix, prépare la guerre. => Si tu veux la paix, prépare la paix. Ne fais pas aux autres ce que tu ne*

veux pas qu'on te fasse. => Ne te fais pas à toi-même ce que tu ne veux pas qu'un autre te fasse.

– изменения в подходах к школьному образованию: *Ce qu'on apprend péniblement, se retient plus longtemps. => Ce qu'on apprend avec plaisir, se retient plus longtemps.* Замена компонента. Отражение кардинальных изменений в педагогических и дидактических методиках, впервые ясно сформулированных в трудах М. Монтессори;

– протестные настроения молодежи: *Les murs ont des oreilles. => Vos oreilles ont des murs (graffiti contestataire);*

– проблемы безработицы: *Bon ouvrier ne reste jamais sans rien faire. => Bon ouvrier reste souvent sans rien faire;*

– ценности европейской демократии: *Bon silence vaut mieux que mauvaise dispute. => Bonne dispute vaut mieux que mauvais silence;*

– проактивный деятельностный подход к событиям окружающей действительности: *Tout vient à point à qui sait attendre. => Tout vient à point à qui sait s'y prendre. Dans le doute, abstiens-toi. => Dans le doute, essaie. Supporte et attends. => Essaie de changer ce que tu ne peux plus supporter.* В эпоху технического прорыва для появления новых важна не столько воля, сколько интеллектуальные способности: *Entre le possible et l'impossible se mesure la volonté des hommes. => Entre le possible et l'impossible se mesure l'intelligence des hommes.* Однако следующая ТП вступает в диалог с предыдущей, иронизирует и снижает пафос: *Sans maîtrise, la puissance n'est rien. => Sans puissance, nul besoin de maîtrise.*

Деньги и власть в современных условиях глобализации не уступают пальму первенства другим ценностям: *Amour fait beaucoup, mais argent fait tout. => L'argent fait beaucoup mais l'amour brouille tout. L'argent ne fait pas le bonheur. => La pauvreté ne fait pas le bonheur.*

В эпоху информационного взрыва и главенства масс-медиа меняется подход к информации: *La curiosité est un vilain défaut. => La curiosité est une sublime compétence (relatif à la théorie de l'information). Trois sortes de gens disent la vérité: les sots, les enfants et les ivrognes => Trois sortes de gens disent des bêtises: les sots, les enfants et les ivrognes. La paresse est la mère de tous les vices. => La presse est la mère de tous les vices.* Меняется взгляд на религию и науку: *L'homme sans la science craint Dieu. => L'homme avec la science se prend pour Dieu.*

Трансформированные паремии в контексте интертекстуальности

Говорящий и пишущий носитель языка стремится сделать речь более оригинальной и выразительной с помощью готовых форм – клише, цитат, паремий. Они хорошо известны и эмоционально емки для представителей данной лингвокультуры, поэтому на них распространяется закон карнализации ценностей (по М. М. Бахтину): наиболее важное подвергается осмеянию. Это и ведет к тому, что готовые образцы используются не только в исходном, но и в трансформированном виде. Единица встраивается в новый текст, порождая конструкцию «текст в тексте». Трансформируемый текст T1 служит материалом для образования текста T2: *Il n'est jamais trop tard pour bien faire.* => *Quand il est trop tard, on ne peut plus rien faire.* Пословица получает продолжение и смысловое развитие, образуется новое текстовое единство с приращением смысла: *Il faut souffrir pour être belle.* => *Il faut se faire plaisir pour être belle.* Выполнена антонимическая замена, ведущая к переосмыслению стандартного подхода к уходу за собой в рамках гедонистической философии современного человека.

Таким образом, можно говорить о том, что на базе структурно-семантических трансформаций и в результате языковой игры в живой речи, в художественной прозе и т. п. происходит интертекстуальная деривация устойчивых оборотов: с помощью различных лингвистических способов из исходных выражений (паремий-прототипов) или на основе прецедентных текстов (ПТ) иного рода образуются авторские паремии. Компонент содержательной структуры одного текста используется в процессе текстопорождения и создания нового текста. Деривация при таком подходе понимается как образование текста T2 от текста T1. Ю. Н. Караулов, который впервые заговорил о ПТ, называет таковыми тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [10, с. 105].

Для более объемного представления феномена ИД, ведущей к образованию трансформированных паремий, следует остановиться на понятиях интертекста и интертекстуальности. Текстовое пространство, в котором мы живем, можно

назвать интертекстуальным пространством (см. подробнее [16; 23]). В основе этого понятия лежит идея о всеобщем многомерном пространстве Текста, в котором любое произведение возникает как отклик и реплика на другое высказывание. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотнесенности, поскольку все тексты находятся в общем интертекстовом пространстве. К подобному по своей сути выводу пришел еще М. М. Бахтин: «Не существует ни одного высказывания вне его взаимодействия с другими высказываниями. Слова языка – ничьи, но в тоже время мы слышим их только в определенных индивидуальных произведениях, и здесь слова имеют не только типическую, но и более или менее выраженную (в зависимости от жанра) индивидуальную экспрессию, определяемую неповторимо-индивидуальным контекстом высказывания» [2, с. 284]. Наша речь, т. е. все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полны чужих слов, разной степени «чужести» или разной степени освоенности. Эти чужие слова приносят с собой экспрессию, свою оценку, которая осваивается, переакцентируется нами [2, с. 285]. Таким образом, единственное, что может автор, – это выбирать те или иные элементы и варьировать их в контексте общепринятых шаблонов, а также переносить эти элементы из одной системы в другую. Это и есть принцип калейдоскопа, провозглашенный постмодернистами: «Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано: смешение определенных элементов дает все новые комбинации» [18, с. 334].

Термин *интертекстуальность* был введен Ю. Кристевой в 1967 на основе анализа концепции «полифонического романа» М. М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с текстами и жанрами, предшествующими и параллельными ему во времени. В целом, концепция интертекстуальности восходит к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения [11, с. 333]. Основной заслугой русского мыслителя Ю. Кристева считается то, что он впервые предложил взамен статического членения текстов модель, в которой литературная структура не существует как данность, но вырабатывается по отношению к другой структуре. Любой текст, по М. М. Бахтину, строится как мозаика цитат, «любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого

текста, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [11, с. 428–429]. В. П. Руднев, исследователь постмодернизма, определяет интертекст как основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Цитата в поэтике интертекста перестает играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, она становится залогом самовозрастания смысла текста [20].

Авторы «Словаря крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко [15] говорят в этой связи об интертекстуальной динамике: текст-источник (паремия-прототип или иной ПТ) включается в новый текст и развивается в нем. Авторы считают целесообразным введение термина **интертекстема**, под которым понимается межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи [15, с. 22]. Выделяются 1) интертекстема первого (исходного) ранга: исходное выражение в этом случае берется таким, каким оно представлено в тексте-источнике; 2) интертекстема второго (трансформационного) ранга – варианты, приобретающие в новом тексте функциональную автономность или самостоятельность, являющиеся в структурно-количественном или лексико-семантическом отношении производными от собственно «канонического слова» [15, с. 23]. Нас более интересуют интертекстема второго ранга, так как мы рассматриваем единицы, испытавшие те или иные трансформации с образованием ТП: *La vérité sort de la bouche des enfants.* => *De la bouche des enfants sortent les paroles des parents.* Выполнено смысловое развитие через комплексное преобразование и создание ТП на основе известной структуры. *Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se casse.* => *Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle est pleine.* Замена и окказиональная антонимия ведут к ироническому переосмыслению паремии, благодаря полисемии *plein* – *полон*: в положительном значении – наполненный, не пустой, в отрицательном значении – пресыщенный, потерявший смысл дальнейших действий.

Семантические и структурно-семантические трансформации паремий французского языка

Лингвистически ИД может осуществляться в рамках описанных структурно-семантических трансформаций ФЕ по А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [14], но мы считаем необходимым уточнить данную классификацию по наличию игрового момента, выделив, таким образом: I. Семантические и структурно-семантические трансформации неигрового характера; II. Структурно-семантические трансформации игрового характера.

I. Семантические и структурно-семантические трансформации неигрового характера:

1. Семантические преобразования. К преобразованиям этого типа относятся процессы, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру паремии. Паремия приобретает дополнительный семантический оттенок.

– Изменение коннотативного содержания. Коннотация (экспрессивный и функционально-стилистический компоненты значения) неразрывно связана с предметно-логическим содержанием языкового знака: *L'argent mène le monde.* => *L'argent mène le monde à sa perte.*

– Двойная актуализация и буквализация значения. Прямое значение паремии, представляющее собой образную основу, не только актуализируется, но выступает на первый план: *Si vous voulez récolter de l'argent, il faut en semer.* => *L'argent ne pousse pas sur les arbres.* Диалог с исходной паремией и буквализация *semer* через столкновение с *pousser*.

– Переосмысление и экспликация внутренней формы. При введении в соответствующий «раскрывающий» контекст устанавливаются семантические ассоциации, определяющие новую внутреннюю форму: *L'argent fait la loi.* => *L'argent fait la loi parce que certains homme l'ont voulu et les autres ont laissé faire.* Выполнено смысловое развитие через добавление придаточного предложения.

2. Структурно-семантические преобразования представляют собой смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы паремии. Отметим, в силу специфики самого материала не всегда удается привести пример, где имеет место лишь одно преобразование. Нередко они сочетаются. Среди них выделяют два основных типа (вслед за авторами [14]): 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества паремий; 2) преобразования, в результате которых возника-

ют *окказиональные* пословицы и поговорки. В результате структурно-семантических преобразований первого типа создаются различные индивидуально-авторские антипословицы, конкретизирующие и развивающие смысловое содержание, усиливающее экспрессивность в пределах тождества паремии. Преобразования второго типа характеризуются признаками, свидетельствующими о нарушении тождества паремии: изменением предметно-понятийного содержания, категориальной семантики, нетождественностью образной основы [14, с. 28]. Однако при ближайшем рассмотрении сам антипословичный материал оказывает сопротивление такому жесткому разделению, вызывая в сознании исследователя сомнение, в какой степени нарушается тождество паремии и порождая вопрос: где заканчивается тождество паремии и начинается *окказиональность*? В рамках настоящей работы мы оставляем этот вопрос дискуссионным. Итак, среди преобразований первой подгруппы следует отметить:

1. Изменение компонентного состава пословицы.

– Замена компонента пословицы словом или словосочетанием: *Les contraires s'attirent.* => *Les contraires s'annihilent. Ce qui ne tue pas rend plus fort.* => *Ce qui ne tue pas rend plus méfiant* (антонимическая замена). *Qui a bu, boira.* => *Qui a bu n'a plus soif.* Буквализация и снижение пафоса предсказания.

– Добавление и расширение компонентного состава пословицы: *Le monde appartient à ceux qui se lèvent tot.* => *Le monde appartient à ceux qui ont des employés qui se lèvent tot. Faute avouée est à moitié pardonnée.* => *Faute non avouée n'a pas besoin d'être pardonnée.* Смысловое развитие.

– Сокращение компонентного состава (эллипсис). При этом смысловое содержание может сохраняться, а может приобретать новые черты. Экспрессивность, образность может усилиться, так как на первый план выходит комический эффект: *Quand le soleil s'éclipse, on en voit la grandeur.* => *Quand le soleil s'éclipse, on ne le voit plus.* Опущение компонента, отрицание. *Mieux vaut vivre enchaîné près de celui que l'on aime, que libre au milieu des jardins près de celui que l'on hait.* => *Mieux vaut vivre libre près de celui que l'on aime, au milieu des jardins!*

2. Изменения в расположении компонентов.

– Синтаксическая инверсия как средство усиления экспрессивности, смыслового выделения компонентов: *Chaque solution amène de nouveaux problèmes.* => *Chaque nouveau problème amène de nouvelles solutions. Les succès produisent les suc-*

cès, comme l'argent produit l'argent. => *Les succès produisent l'argent, comme l'argent produit le succès.* Хиазм – стилистическая фигура, которая предполагает обратный параллелизм в симметричных частях фразы, часто с двойным лексическим повтором [29], зеркальная перестановка компонентов. Хиазм – один из самых распространенных механизмов трансформации собранных Б. Вербером паремий французского языка, т. к. данная стилистическая фигура представляет собой «выворачивание на изнанку» в чистом виде, ту самую «*twisted wisdom*» в терминах англоязычных исследователей [34].

– Переход утвердительных форм в отрицательные, и наоборот: *Qui cherche, trouve!* => *Qui ne cherche pas, trouve. Aide-toi et le ciel t'aidera.* => *Aide-toi car le ciel ne t'aidera pas.* Замена положительной формы глагола на отрицательную и характера связи между простыми предложениями (сочинение на подчинение) приводит к преосмыслению пословицы в контексте деятельностного подхода.

– Полная деформация. При этом отдельные компоненты могут употребляться обособленно, не вступая в синтаксические связи, или употребляются в качестве смысловых центров сочетаний, коренным образом отличающихся структурой и лексическим составом от исходного: *Tous les hommes d'action sont des rêveurs.* => *Les hommes d'action n'ont pas le temps de rêver.*

– Использование отдельных компонентов, выражающих элементы значения паремии: *L'amour rend aveugle.* => *L'attachement rend aveugle, la séparation rend la vue. Supporte et attends.* => *Essaie de changer ce que tu ne peux plus supporter.* Смысловое развитие. Деятельностный проактивный подход европейского сознания.

В результате преобразований второй подгруппы возникают *окказиональные* (индивидуально-авторские) паремии. Сюда примыкает образование авторских афоризмов, основанных на уже существующих паремиях-прототипах и фразеологических единицах. Могут иметь место:

– Структурно-семантическая (ролевая) инверсия: *On n'offense personne en l'aimant.* => *En offensant, personne ne nous aime. Un âne peut donner un coup de pied à un lion mort.* => *Un lion mort fera trébucher les ânes.*

– Конверсия ситуации. Происходит замена ситуации, отражающей действие, производимое определенным субъектом, ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производи-

мое другим субъектом: *Qui ne tente rien n'a rien.* => *Qui n'a plus rien tente tout. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait ...* => *Si vieillesse savait ce que jeunesse pouvait!* Хиазм, синтаксическая трансформация условного придаточного в дополнительное придаточное, изменение цели высказывания.

– Контаминация: объединение пословиц, фразеологизмов и др., в результате чего может возникнуть антипословица. Контаминация частей двух или трех пословиц, фразеологизмов или полных пословиц: *L'argent n'a pas d'odeur.* => *L'argent mène le monde par le bout du nez même s'il n'a pas d'odeur (Jean Dion). A beau mentir qui vient de loin.* => *Nul n'est prophète en son pays.* Диалог двух паремий.

– Коренное переосмысление паремий. При этом может наблюдаться утрата смысловых связей, нарушение семантического тождества с производящей паремией. Лексический состав и грамматическая структура прототипа могут быть частично сохранены: *La tartine tombe toujours du côté qui est complètement beurré.* => *Comme la tartine, l'ivrogne tombe toujours du côté qui est complètement beurré.*

– Образование окказиональных ТП: а) по моделям на базе образа при частичном изменении значения и образной основы: *La vérité sort de la bouche des enfants.* => *De la bouche des enfants sortent les paroles des parents.* Смысловое развитие через комплексное преобразование. Создание новой паремии на основе известной структуры. *Ne pas voir. Ne pas entendre. Ne pas parler. (Secret du Bonheur).* => *Apprendre à regarder. Etre à l'écoute. Transmettre.* б) на основе авторских афоризмов: *Médiocre est l'élève qui ne dépasse pas le maître. (Léonard De Vinci).* => *Médiocre est le maître dont l'élève le surpasse. Un ami, c'est quelqu'un qui sait tout de toi, et qui t'aime quand même (F. W. Hubbard).* => *Un ex ami, c'est quelqu'un qui ne t'aime plus parce qu'il sait tout de toi.* Примеры данного пункта представляют собой диалог с исходной паремией.

В дополнение к используемой классификации структурно-семантических трансформаций [14] в исследуемом материале наблюдаются трансформации, ведущие к смысловому развитию:

– с разрушением парадокса: *Le mieux est l'ennemi du bien.* => *Le pire est l'ennemi du bien.* Антонимическая замена, разрушение парадокса. *Qui paie ses dettes s'enrichit.* => *Qui paie ses dettes s'appauvrit. Apprends la sagesse dans la sottise des autres.* => *Apprends la sagesse dans l'intelligence*

des autres. L'exception confirme la règle. => *L'exception détruit la règle.*

– с образованием парадокса: *Qui cherche, trouve!* => *Qui ne cherche pas, trouve.*

II. Структурно-семантические трансформации игрового характера. Их отличие от первой группы в том, что замена, добавление компонентов и другие операции проходят с образованием каламбура или другого вида языковой игры. Оговоримся, что иногда трансформации происходят на стыке первого и второго типа. В этом случае не всегда возможно причислить результат такой ИД бесспорно к тому или иному типу. Более подробно о игровых трансформациях при образовании ТП см. [4], о каламбуре и паронимазе во французском языке см. [31]. Итак, среди игровых трансформаций представлены: а) двойная актуализация и буквализация значения: *On se heurte toujours où l'on a mal.* => *On a toujours mal où l'on se heurte.* Mal – а) плохо б) больно (семический каламбур), se heurter – а) сталкиваться с препятствием б) ударяться, причинять себе боль; б) замена компонента на иной, вступающий с исходным в отношении паронимической аттракции (паронимаза): *Plus on est de fous, plus on rit.* => *Plus on est de fous, plus on périt. Tous les goûts sont dans la nature.* => *Tous les égouts vont dans la Nature. Si tu ne peux le combattre, embrasse ton ennemi.* => *Si tu ne peux le combattre, embarrasse ton ennemi.* Фонический каламбур на основе паронимии; в) замена компонента омофоном: *Plus on est de fous plus on rit.* => *Plus on est de fous et moins il y a de riz;* г) замена компонентов, приводящая к раскрытию полисемии компонентов: *Heureux est l'élève qui comme la rivière arrive à suivre son cours sans sortir de son lit.* => *Heureux est l'élève qui ne suis pas ses cours en sortant du lit.* Lit – 1) кровать; 2) русло реки.

Результаты исследования

В статье представлены преобразования, порождающие ТП на основе существующих в языке пословиц и поговорок, размещенных на сайте писателя Б. Вербера и собранных с помощью рядовых носителей французской лингвокультуры. Систематизация преобразований может послужить полем для психолингвистического экспериментирования, выявляющего определенные механизмы ассоциативно-образного мышления. Этот способ ментального освоения действительности отражается в узуальных и окказиональных употреблении паремий, в их конфигурациях, фиксация которых служит воссозданию языковых моделей мира в динамике. Текст превращается в интертекст,

встраиваясь в общий вертикальный контекст текстового универсума. Готовые образцы – прецедентные тексты и другие устойчивые формы – зачастую используются не в исходном, а в трансформированном виде, т.е. подвергаются интертекстуальной деривации. ИД осуществляется путем различных структурно-семантических трансформаций: **семантические преобразования**, среди которых изменение коннотативного содержания, двойная актуализация и буквализация значения, переосмысление и экспликация внутренней формы; **структурно-семантические преобразования**, в числе которых замена компонента, добавление и расширение компонентного состава, эллипсис, изменения в расположении компонентов, синтаксическая инверсия, хиазм, переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот, полная деформация, использование отдельных компонентов, выражающих элементы значения паремии, конверсия ситуации, контаминация, коренное переосмысление паремий, образование окказиональных ТП с разрушением или образованием парадокса. **Структурно-семантические трансформации игрового характера** происходят в результате замены компонентов на иные, вступающие в отношения паронимии, омофонии и полисемии с исходными элементами. Не всегда представляется возможным провести четкую границу между трансформированной и окказиональной паремией. Иногда трансформированная паремия создается на основе прототипа по образцу и структурному подобию, не сохраняя исходную семантику. Смысл прототипа накладывается на смысл деривата, смыслы множатся, отвечая потребностям современного лингвокультурного сообщества, отражая его карнавальную раскованность и демократизацию языковых процессов.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст]: сборник статей / И. В. Арнольд; науч. редактор П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин / сост. и автор вступ. ст. С. Г. Бочаров. – СПб.: Азбука, 2000. – 333 с.
3. Бурвикова, Н. Д., Костомаров, В. Г. Жизнь в миллетных мелочах. [Текст] / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 2006. – 69 с.
4. Бутько, Ю. В. Каламбур как способ реализации «антипословицы» [Текст] / Ю. В. Бутько // Язык и общество: Диалог культур и традиций. Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». – Вып. 6. – Т. 1. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2007. – С. 34-41.
5. Бутько, Ю. В. Структурно-семантические трансформации в паремиях Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] / Ю. В. Бутько // Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – С. 197-201.
6. Бутько, Ю. В. Новые паремии как результат интертекстуальной деривации [Текст] / Ю. В. Бутько // Фразеология в прошлом и настоящем Материалы XXXVII Международной филологической конференции. Факультет филологии и искусств СПбГУ. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2009. – С. 37-45.
7. Бутько, Ю. В. Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов (на материале лингвокультурологического анализа паремий) [Текст] / Ю. В. Бутько. – Ярославль, 2009. – 232 с.
8. Бутько, Ю. В. Трансформированные паремии как вторичный текст [Текст] / Ю. В. Бутько // Проблемы теории и практики межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. Т. В. Шульдешовой. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 113-117.
9. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы в современной живой русской речи [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. – С. 3-17.
10. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105-126.
11. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ «Прогресс», 2000. – С. 427-457.
12. Майданова, Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов [Текст] / Л. М. Майданова // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994.
13. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
14. Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – С. 844-854.
15. Мокиенко, В. М., Сидоренко, К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина [Текст] / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
16. Нестерова, Н. М. Текст и перевод в зеркале философских парадигм [Текст] / Н. М. Нестерова /

Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2005. – 203 с.

17. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремологии [Текст] / Г. Л. Пермяков. – М.: «Наука», 1988. – 240 с.

18. Постмодернизм. Энциклопедия [Текст]. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.

19. Раадранириана, А. М. Представление феномена антипаремии в русском, французском и малагасийском языках [Электронный ресурс] / А. М. Раадранириана // Вестник РУДН. Серия: Теория Языка. Семиотика. Семантика. 2017. – Том 8. – № 4. – С. 975-984. – URL: <http://journals.rudn.ru/semioticssemantics>

20. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М.: «Аграф», 2001. – 608 с.

21. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

22. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление [Текст] / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-28.

23. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов [Текст] / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

24. Федорова, Н. Н. Современные трансформации русских пословиц [Текст] / Н. Н. Федорова. – Псков: Изд.-во ООО «Гименей», 2007. – 226 с.

25. Фокина, М. А. Интертекстуальная деривация крылатых выражений в литературно-художественном дискурсе [Текст] / М. А. Фокина // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 315-322.

26. Фразеология в контексте культуры [Текст]. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 336 с.

27. Шумакова, А. П. Французский афоризм как текст [Текст] / А. П. Шумакова. – М.: МПГУ, 2006. – 23 с.

28. Anscombe, J. C. Proverbes et formes proverbialises: valeur evidentielle et argumentative / J. C. Anscombe. – 2000. – Vol. 102. – № 1. – P. 95-107.

29. Bacry, P. Les figures de style : et autres procédés stylistiques / P. Bacry. – Paris: Belin, coll. «Collection Sujets», 1992. – 335 p.

30. Gutknech, C. Lauter spitze Zungen / C. Gutknech. – München, 1997. – 296 s.

31. Héber, A. Calembour et paronomase. Une plus ou moins grande charge sémantique? / A. Heber // Verbum, № 1-2-3, 1993. – Nancy: Presses universitaires de Nancy. – P. 111-118.

32. Litovkina, Anna T. Old proverbs Never Die: Anti Proverbs in the Language Classroom / A. T. Litovkina // Foldes, Csaba (ed.) Res humanae proverbium et sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder. – Tubingen: Gunter Narr Verlag, 2004. – P. 295-326.

33. Mieder W. Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden, 1983. – Band 1. – 235 S.

34. Mieder W., Litovkina A. T. Twisted Wisdom, Modern Anti-proverbs / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Vermont, 1999. – 254 p.

35. Miliča, I. Proverbs et antiproverbs / I. Miliča // Proverbs and proverbials forms: evidential and argumentative volume 102. – Paris. Anscombe, J. C. 2000-2011. – 117 p.

36. Montessori M. Impariamo dai bambini ad essere grandi / M. Montessori. – Garzanti Libri s.r.l., Milano, Gruppo editoriale Mauri Spagnol, 2014. – 197 p.

37. Shapira C. Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation / C. Shapira // Languages. – 2000. – Vol. 34. – № 139. – P. 81-97.

38. Villon, F. Ballade des contre-vérités // F. Villon. – URL: <http://villon-poetry.ru/ballades/28>

39. Werber B. Faites vous aussi vos anti-proverbes // B. Werber. – URL: <http://www.bernardwerber.com/interactif/antiproverbes.php>

40. Zouogbo J. P. Le proverbe entre langue et culture / Zouogbo J. P. – Bern: Peter Lang SA, 2006. – 361 p.

Reference List

1. Arnol'd, I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality [Tekst]: sbornik statej / I. V. Arnol'd; nauch. redaktor P. E. Buharkin. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 444 s.

2. Bahtin, M. M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk = Author and hero: To philosophical foundations of the humanities [Tekst] / M. M. Bahtin / sost. i avtor vstup. st. S. G. Bocharov. – SPb.: Azbuka, 2000. – 333 s.

3. Burvikova, N. D., Kostomarov, V. G. Zhizn' v mimoletnyh melochah = Life in fleeting trifles [Tekst] / N. D. Burvikova, V. G. Kostomarov. – SPb.: Zlatoust, 2006. – 69 s.

4. But'ko, Ju. V. Kalambur kak sposob realizacii «antiposlovcy» = Pun as a way to implement «antiproverbs» [Tekst] / Ju. V. But'ko // Jazyk i obshchestvo: Dialog kul'tur i tradicij. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». – Vyp. 6. – T. 1. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU imeni K. D. Ushinskogo, 2007. – S. 34-41.

5. But'ko, Ju. V. Strukturno-semanticheskie transformacii v paremijah Frazеologizm i slovo v nacional'no-kul'turnom diskurse (lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty) = Structural-semantic transformations in parems Phraseologism and word in national-cultural discourse (linguistic and linguometric aspects) [Tekst] / Ju. V. But'ko // Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, posvjashhennaja jubileju d.f.n., prof. A. M. Melerovich (Kostroma, 20-22 marta 2008 g.). – M.: ООО «Izdatel'stvo JeLPIS», 2008. – S. 197-201.

6. But'ko, Ju. V. Novye paremii kak rezul'tat intertekstual'noj derivacii New paremies as a result of intertextual derivation [Tekst] / Ju. V. But'ko // Frazеologija v proshlom i nastojashhem Materialy XXXVII Mezhdunarodnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». – M.: JeLPIS, 2010. – S. 10-15.

narodnoj filologicheskoy konferencii. Fakultet filologii i iskusstv SPbGU. – Sankt-Peterburg – Grajfsval'd, 2009. – S. 37-45.

7. But'ko, Ju. V. Lingvokul'turologicheskaja karakteristika mezhtekstovyyh svyazey v usloviyah demokratizacii jazykovykh processov (na materiale lingvokul'turologicheskogo analiza paremij) = Linguoculturological characteristic of inter-text connections in the conditions of democratization of language processes (on the material of linguoculturological analysis of paremias) [Tekst] / Ju. V. But'ko. – Jaroslavl', 2009. – 232 s.

8. But'ko, Ju. V. Transformirovannye paremii kak vtorichnyj tekst = Transformed paremias as secondary text [Tekst] / Ju. V. But'ko // Problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauch. tr. / pod red. T. V. Shul'deshovoj. – Jaroslavl' : JarGU, 2010. – S. 113-117.

9. Val'ter, H., Mokienko, V. M. Antiposlovicy v sovremennoj zhivoj russkoj rechi = Antithetics in modern living Russian speech [Tekst] / H. Val'ter, V. M. Mokienko // Val'ter H., Mokienko V. M. Antiposlovicy russkogo naroda. – Spb. : Izdatel'skij Dom «Neva», 2005. – S. 3-17.

10. Karaulov, Ju. N. Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti = Role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality [Tekst] / Ju. N. Karaulov // Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury. Doklady sovetskoj delegacii na VI kongresse MAPRJaL. – M. : Russkij jazyk, 1986. – S. 105-126.

11. Kristeva, Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman = Bakhtin, word, dialogue and novel [Tekst] / Ju. Kristeva // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. – M. : IG «Progress», 2000. – S. 427-457.

12. Majdanova, L. M. Rechevaja intencija i tipologija vtorichnyh tekstov = Speech intention and typology of secondary texts [Tekst] / L. M. Majdanova // Chelovek – tekst – kul'tura. – Ekaterinburg, 1994.

13. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija = Linguoculturology [Tekst] : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / V. A. Maslova. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. – 208 s.

14. Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. Frazeologizmy v russkoj rechi. Slovar' = Phraseologisms in Russian speech. Dictionary [Tekst] / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko. – M. : Russkie slovari, 1997. – S. 844-854.

15. Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. Slovar' krylatyh vyrazhenij Pushkina = Dictionary of Pushkin's winged phrases [Tekst] / V. M. Mokienko, K. P. Sidorenko. – SPb. : Izd-vo SPbGU; Folio-Press, 1999. – 752 s.

16. Nesterova, N. M. Tekst i perevod v zerkale filosofskih paradig = Text and translation in the philosophical paradigm mirror [Tekst] / N. M. Nesterova / Perm. gos. tehn. un-t. – Perm', 2005. – 203 s.

17. Permjakov, G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii = Foundations of structural paremiology [Tekst] / G. L. Permjakov. – M. : «Nauka», 1988. – 240 s.

18. Postmodernizm. Jenciklopedija = Postmodernism. Encyclopedia [Tekst]. – Minsk : Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. – 1040 s.

19. Raadraniriana, A. M. Predstavlenie fenomena antipareмии v russkom, francuzskom i malagasijskom jazykah = Presentation of the phenomenon of antiparemia in Russian, French and Malagasy [Jelektronnyj resurs] / A. M. Raadraniriana // Vestnik RUDN. Serija: Teorija Jazyka. Semiotika. Semantika. 2017. – Tom 8. – № 4. – S. 975-984. – URL: <http://journals.rudn.ru/semioticssemantics>

20. Rudnev, V. P. Jenciklopedicheskij clovar' kul'tury HH veka = Encyclopedia of the XX century culture [Tekst] / V. P. Rudnev. – M. : «Agraf», 2001. – 608 s.

21. Slyshkin, G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse [Tekst] / G. G. Slyshkin. – M. : Academia, 2000. – 128 s.

22. Suprun, A. E. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie = Textual reminiscences as a language phenomenon [Tekst] / A. E. Suprun // Voprosy jazykoznanija. – 1995. – № 6. – S. 17-28.

23. Fateeva, N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili intertekst v mire tekstov = Counterpoint intertextuality, or intertext in the world of texts [Tekst] / N. A. Fateeva. – M. : Agar, 2000. – 280 s.

24. Fedorova, N. N. Sovremennye transformacii russkih poslovic = Modern transformations of Russian proverbs [Tekst] / N. N. Fedorova. – Pskov : Izd.-vo OOO «Gimenej», 2007. – 226 s.

25. Fokina, M. A. Intertekstual'naja derivacija krylatyh vyrazhenij v literaturno-hudozhestvennom diskurse = Intertextual derivation of winged phrases in literary and artistic discourse [Tekst] / M. A. Fokina // Kul'turnye sloi vo frazeologizmah i diskursivnyh praktikah / otv. red. V. N. Telija. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – S. 315-322.

26. Frazеологія в контексте кул'туры = Phraseology in the context of culture [Tekst]. – M. : «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. – 336 s.

27. Shumakova, A. P. Francuzskij aforizm kak tekst = French aphorism as text [Tekst] / A. P. Shumakova. – M. : MPGU, 2006. – 23 s.

28. Anscombe, J. C. Proverbes et formes proverbial-es: valeur evidentielle et argumentative / J. C. Anscombe. – 2000. – Vol. 102. – № 1. – P. 95-107.

29. Bacry, P. Les figures de style : et autres procédés stylistiques / P. Bacry. – Paris : Belin, coll. «Collection Sujets», 1992. – 335 p.

30. Gutknecht, C. Lauter spitze Zungen / C. Gutknecht. – München, 1997. – 296 s.

31. Héber, A. Calembour et paronomase. Une plus ou moins grande charge sémantique? / A. Heber // Verbum, № 1-2-3, 1993. – Nancy : Presses universitaires de Nancy. – P. 111-118.

32. Litovkina, Anna T. Old proverbs Never Die: Anti

Proverbs in the Language Classroom / A. T. Litovkina // Foldes, Csaba (ed.) *Res humanae proverbium et sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder*. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. – P. 295-326.

33. Mieder W. *Antisprichwörter* / W. Mieder. – Wiesbaden, 1983. – Band 1. – 235 S.

34. Mieder W., Litovkina A. T. *Twisted Wisdom, Modern Anti-proverbs* / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Vermont, 1999. – 254 p.

35. Miliča. I. *Proverbs et antiproverbs* / I. Miliča // *Proverbs and proverbials forms: evidential and argumentative volume 102*. – Paris. Anscombe, J. C. 2000-2011. – 117 p.

36. Montessori M. *Impariamo dai bambini ad essere grandi* / M. Montessori. – Garzanti Libri s.r.l., Milano, Gruppo editoriale Mauri Spagnol, 2014. – 197 p.

37. Shapira C. *Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation* / C. Shapira // *Languages*. – 2000. – Vol. 34. – № 139. – R. 81-97.

38. Villon, F. *Ballade des contre-vérités* // F. Villon. – URL: <http://villon-poetry.ru/ballades/28>

39. Werber B. *Faites vous aussi vos anti-proverbes* // B. Werber. – URL: <http://www.bernardwerber.com/interactif/antiproverbes.php>

40. Zouogbo J. P. *Le proverbe entre langue et culture* / Zouogbo J. P. – Bern: Peter Lang SA, 2006. – 361 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10602

УДК 8; 811.133.1

С. И. Соловьева

<https://orcid.org/0000-0001-8467-152x>

Функционирование разговорной сниженной лексики в современных французских СМИ

В данной статье речь идет об особенностях функционирования разговорной сниженной лексики в текстах современных французских средств массовой информации. Автор отмечает тенденцию французской молодежи к стремлению сокращения слов до минимума, пренебрежение правилами орфографии и пунктуации, а также использование большого количества жаргонных слов и выражений. Анализируются особенности функционирования жаргона в целом и жаргона французской молодежи в частности, поскольку он представляет собой одну из наиболее динамичных составляющих лексической системы французского языка и приобретает все большую популярность, что отражается не только в разговорном языке, но и в текстах средств массовой информации. Именно в газетах и журналах, рассчитанных на молодежь, данная лексика находит своё применение. Так на примере текстов из французских молодежных журналов «Окари» и «Phosphore» проведен анализ характерных особенностей употребления разговорной сниженной лексики в СМИ, рассчитанных на молодежную аудиторию. Авторы статей стремятся приблизиться к своей потенциальной аудитории и сделать материал максимально интересным и понятным для молодежи. Выявлены основные грамматические и семантические способы образования лексических единиц, относящихся к разговорной сниженной лексике, а также их функции в текстах вышеупомянутых молодежных СМИ.

Основной **целью** данного исследования является анализ особенностей функционирования разговорной сниженной лексики в современных французских молодежных СМИ.

Задачи исследования: дать понятие таких видов разговорной сниженной лексики, как жаргон и сленг; проанализировать основные способы образования разговорной сниженной лексики; выявить основные функции разговорной сниженной лексики в текстах французских молодежных СМИ.

Ключевые слова: современные французские СМИ, разговорная сниженная лексика, сленг, жаргон, obscene лексика, верлан, арготизмы, сленговые выражения, фразеологические единицы, словообразование.

S. I. Solovieva

Functioning of colloquial reduced vocabulary in modern French media

This article is about the features of the functioning of colloquial reduced vocabulary in the texts of modern French media. On the example of texts from the French youth magazines «Ocarie» and «Phosphore», an analysis of the characteristic features of the use of colloquial reduced vocabulary in the media, aimed at youth audience, is carried out. The main grammatical and semantic ways of forming lexical units related to colloquial reduced vocabulary, as well as their functions in the texts of the aforementioned youth media, are revealed.

The main purpose of this study is to analyze the functioning of conversational reduced vocabulary in modern French youth media.

Research objectives are to give the concept of such types of colloquial reduced vocabulary such as jargon and slang; to analyze the main methods of formation of spoken reduced vocabulary; to identify the main functions of colloquial reduced vocabulary in the texts of the French youth media.

Keywords: modern French media, colloquial reduced vocabulary, slang, jargon, obscene vocabulary, verlan, phraseological units, word formation.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение функционально-стилевых систем языка, реализующихся в различных коммуникативных сферах современного общества. Растёт интерес исследователей к проблемам языка СМИ, поскольку масс медиа не

только информируют аудиторию о значимых событиях в стране и мире, но и воздействуют на общепринятые нормы речевого поведения. Материалы СМИ, особенно молодёжных, пополняют лексикон разговорной сниженной лексикой.

Интерес к особенностям функционирования разговорной сниженной лексики во французском языке, способам её образования и употребления проявляют как отечественные, так и зарубежные лингвисты и филологи.

Обзор литературы: Проблемой лексико-грамматического анализа французской прессы прямо и косвенно занимались такие авторы, как: А. Ю. Верёвкина [7], Г. С. Захарчук [11], Н. В. Парминский [16] и другие.

Активное изучение свойств медиаречи началось во второй половине XX века, когда внимание российских и зарубежных ученых стали привлекать самые различные аспекты использования языка в СМИ: от лингвостилистических и прагматических до функционально-семиотических. Вопросы языкового обеспечения массовых коммуникационных процессов рассматривались в работах: А. А. Аминовой, А. А. Хафизовой [1], Н. Д. Арутюновой [3], Ю. Р. Афлитоновой, С. М. Давлетшина [4], И. З. Борисовой [6], Е. Ф. Гринёвой, Т. Н. Громова [9], Н. В. Захаровой, А. Г. Ермошиной [10], Ш. Н. Зияевой [12], Н. Н. Лопатникова, Н. А. Мошовой [15], Л. В. Сафонова [19], А. Lehmann, F. Martin-Berthet [22] и др.

Актуальность исследования проблемы функционирования сниженной лексики обусловлена тем, что одним из наиболее востребованных направлений современной лингвистики выступает анализ функционально-стилевых особенностей языка, которые находят свою реализацию в различных сферах коммуникации современного общества. Соответственно, растет интерес исследователей к особенностям языка средств массовой информации, поскольку их функцией является не только информирование потенциальной аудитории о значимых событиях в стране и мире посредством создания информационной картины мира, но также и воздействие на общепринятые нормы речевого поведения аудитории. Материалы, представленные в современных СМИ, не только пополняют лексикон представителей социума, но также и существенным образом влияют на развитие литературного языка. Вышесказанное справедливо по отношению ко всем языкам, в том числе и к французскому. Соответственно, представляется целесообразным проанализировать особенности функционирования разговорной сниженной лексики в современных французских средствах массовой информации.

Методология исследования: основными методами исследования являются контент-анализ,

метод сплошной выборки, а также метод обобщений.

Французы называют свой родной язык «la langue qui bouge», что можно перевести как «язык, который находится в движении», что означает его стремительную эволюцию. Публикации в Интернете и в прессе, а также разговорная речь французов дает возможность отследить эту стремительную эволюцию, которая нравится далеко не всем представителям французской лингвокультуры. И если раньше такими изменениями были озабочены только пуристы, то в настоящее время новые языковые тенденции вызывают беспокойство не только франкоговорящих, но и самих французов. Тот факт, что образование становится все более доступным для всех слоев населения, ведет к постепенному размыванию языковых барьеров, что, в свою очередь, приводит к определенному нивелированию французского литературного языка [18, с. 482]. Результатом отсутствия граней между слоями социума является постоянно ускоряющееся смешение языковых стилей. Вышесказанное приводит к тому, что речь даже весьма образованного и воспитанного француза изобилует не только современными научно-техническими терминами, но также словами и выражениями, которые бы, скорее всего, вызвали непонимание у его предков. Речь в данном случае идет о простонародной лексике, арготизмах и сленговых выражениях, представляющих собой один из пластов разговорной сниженной лексики, а также о «телеграфном стиле», который широко используется современными французами.

В настоящее время наблюдается широкое использование не просто сниженной разговорной лексики, а именно жаргонных выражений всеми слоями населения, причем вне зависимости от возраста человека, а также его социальной, профессиональной и религиозной принадлежности. Необходимо обратить особое внимание на тот факт, что жаргонные выражения ведут к исключению из речи целых пластов литературной лексики, что ведет к обеднению и загрязнению французского языка, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние как на интеллектуальное, так и на творческое развитие личности каждого отдельно взятого представителя французской лингвокультуры [2, с. 88].

Проблемами исследования жаргона и особенностей его функционирования в современном французском языке как одной из разновидностей разговорной сниженной лексики занимались как известные отечественные исследователи, среди

которых можно назвать Э. М. Береговскую, З. Н. Левит, О. С. Сапожникову, В. А. Тархову и др., так и зарубежные (С.Бахман, Л.-Ж. Кальве, Ж.-П. Гудайе, П. Мерль) [7, с. 182]. В их исследованиях затрагиваются различные вопросы, основными из которых можно назвать: определение сущности понятия «жаргон», специфика его употребления и особенности функционирования в современном французском языке, основные характеристики жаргона как социального явления, возрастные аспекты его употребления и т. д. Тем не менее, вопросы, касающиеся особенностей функционирования жаргона как одного из разновидностей разговорной сниженной лексики в текстах современных французских СМИ, требуют более детального изучения, поскольку в настоящее время можно наблюдать все более широко распространяющееся повсеместное использование разговорной сниженной лексики не только в бытовой речи, но также в художественной и публичной, в процессе официального и неофициального общения, в кроме того – в текстах средств массовой информации.

На протяжении жизни одного поколения людей словарный состав любого языка (в том числе и французского), серьезно изменяется. Эти изменения идут как в направлении увеличения или уменьшения его объема, так и по пути исчезновения целого ряда слов и выражений, а также появления новых или же семантической эволюции отдельных единиц языка и перехода их в разряд стилистически сниженной лексики [13, с. 140].

Принимая во внимание вышесказанное, можно согласиться с высказыванием лингвиста Г. Камского, который полагает, что «язык представляет собой живое существо, меняющееся каждый день. Сегодня язык не похож на себя вчерашнего, а завтра он вновь будет меняться. Язык самостоятельно отбирает наиболее жизнеспособные формы, одновременно отвергая попытки привнесения чего-либо нового насильственным путем.» [16, с. 66].

Соответственно, представляется целесообразным проанализировать особенности функционирования разговорной сниженной лексики в текстах современных французских средств массовой информации, причем целесообразно обратить внимание именно на СМИ, рассчитанные на молодежь, поскольку именно молодежная аудитория наиболее охотно и на постоянной основе употребляет разговорную сниженную лексику (сленг, жаргон, обсценную лексику и т. д.) и, соответственно, именно в газетах и журналах, рассчитан-

ных на молодежь, данная лексика находит свое наиболее широкое применение.

Необходимо отметить, что в ряде случаев во французском языке слово «сленг», имеющее английское происхождение, употребляется в качестве синонима французского слова «жаргон». Сленг молодежи, как и жаргон людей более старшего поколения, весьма неоднозначен. Данные виды сниженной разговорной лексики постепенно проникают во все сферы общественной жизни, зарождаясь сначала среди представителей определенной группы и получая дальнейшее распространение в пределах данного социального класса. Люди, которые к нему не принадлежат, иногда также пользуются жаргоном для того, чтобы их речь была более убедительной, что, в свою очередь, способствует его широкому распространению в обществе.

В рамках современного французского языка, в зависимости от того, о какой сфере употребления идет речь, принято выделять такие виды жаргона, как газетный (журналистский), армейский, компьютерный (который, в свою очередь, можно подразделить на игровой и сетевой), молодежный, радиолобительский, жаргон футбольных фанатов, и, в качестве особой разновидности – криминальный [5, с. 32]. Однако, наибольший интерес исследователей вызывает именно жаргон французской молодежи, поскольку он представляет собой одну из наиболее динамичных составляющих лексической системы французского языка, которая является непосредственным отражением тех изменений во французском обществе, которые обладают социокультурной значимостью.

Необходимо отметить, что французская молодежная культура представляет собой особый мир, значительным образом отличающийся от всего. От мира взрослых людей ее отличает повышенная экспрессивность, а иногда даже резкость и грубость манеры выражения своих мыслей и чувств, некий словесный абсурд, употребляемый только представителями молодого поколения. Следствием этого является возникновение французского молодежного жаргона, бытующего не только в сфере учащейся городской молодежи, но также и среди отдельных, более замкнутых референтных групп [11, с. 35].

Многочисленные исследования показывают, что формирование французского молодежного жаргона происходит в рамках возрастной категории между 14-15 и 24-25 годами, причем им охватываются практически все области жизни современного молодого поколения [8, с. 84]. Жаргон

современной молодежи, служащий для описания практически всех бытовых ситуаций, может быть определен как результат эмоционального отношения говорящего к предмету разговора. Молодое поколение стремится к созданию своего собственного языка общения, понятного только ему. Таким образом, можно говорить о том, что представителями молодежи вырабатывается свой собственный подъязык на основе родного языка, который в полной мере отражает особенности жизни его носителей.

Как правило, жаргон молодежи начинает формироваться в качестве одного из видов протеста против словесных штампов, или же в качестве желания отличиться, выглядеть оригинально, что свойственно представителями молодого поколения. В процессе использования разговорной сниженной лексики представители французского молодого поколения стремятся к выражению своего критического или иронического отношения к миру взрослых, а также к попытке показать себя более независимыми и завоевать популярность среди сверстников. Все вышесказанное направлено, главным образом, на попытки отличить себя от взрослых носителей языка, а также на сокрытие смысла произносимого от тех, кто относится к другим социальным или возрастным группам.

У языка французской молодежи имеется множество отличий от литературного французского языка. Он имеет тенденцию к сокращению и уменьшению слов и выражений, а также к формированию значительного количества аббревиатур, направленных на экономию времени, простоту и удобство. Пополнение лексики молодежного французского жаргона происходит, главным образом, посредством заимствований из других языков. Однако, необходимо отметить, что большая часть жаргонных слов и выражений формируется в процессе переосмысления общеупотребительных слов и образования новых, среди которых можно выделить широко известный процесс словообразования, получивший название «verlan» (верлан), который представляет собой написание слов в обратном порядке [17, с. 107]. Название «верлан» образовалось от французского наречия «à l'envers», которое переводится как «наоборот». Хорошо известными примерами верлана являются следующие: la meuf – la femme (женщина); musique – zismu (музыка) [21]; père – eup (отец); discret – s'crédi (тайный) [20] и др.

Употребление данного «кодированного» языка, в первую очередь, тесно связано с желанием представителей молодого поколения отделить себя от

мира взрослых, а также показать свою принадлежность к определенной группе или возрастной категории. В речи французской молодежи верлан выполняет такие функции, как символическая, экспрессивная и игровая, что связано, главным образом, с его создателями – подростками [13, с. 141].

В настоящее время верлан употребляется не только в разговорной речи, но также и в рекламе, текстах СМИ, песнях и фильмах, что способствует привлечению внимания представителей молодого поколения, в связи с чем верлан также получил название «langage des jeunes» – «языка молодежи». Необходимо также отметить, что верлан постоянно развивается и совершенствуется, дополняясь новыми вариантами слов. Кроме верлана в речи представителей французской молодежи также часто встречается два других кодированных языка, а именно: «вэль» – «veul» (примеры: comme за – sakom – asmeuk; look – kelou -keul) и «яурт» – «yaourt» (примеры: deusk (от disque) – компактный диск; fonb (от hovffon) – дурак), набирающие в последнее время популярность [16, с. 68].

Из модных слов и выражений, представляющих собой варианты сниженной разговорной лексики французской молодежи, можно составить множество словарей. Исследователи-лингвисты выделили два основных источника возникновения и дальнейшего становления словарного состава языка французской молодежи. К первым относятся внутренние источники, подразделяемые на грамматические и семантические, а ко вторым – образование фразеологизмов и фразеологических единиц.

Далее представляется целесообразным привести примеры слов, являющихся частью разговорной сниженной лексики и встречающихся в текстах наиболее популярных среди французской молодежи журналов «Окари» [23] и «Phosphore» [24].

В процессе грамматического словообразования происходит изменение формы слова, причем образование новых слов идет на основе слов и словосочетаний, реже – предложений. К данному способу словообразования относятся такие средства словообразования, как: деривация (префиксация, суффиксация), аббревиация, конверсия, телескопия, что продемонстрировано на примерах ниже:

– аффиксация: cafard (ябеда) – cafarder (ябедничать) [9], Mon ami voulait pas le cafarder (Мой дружан не хотел ябедничать) [23], carotte (шпаргалка) – carotter (использовать шпаргалку) [9], Personne ne carotte aujourd'hui, s'il y a un téléphone

(Никто уже не пользуется шпаргалками, если есть телефон) [23], balade (прогулка, поездка) – balader (болтаться) [9], Je suis allée me balader, hier (Вчера я пошла прогуляться) [24];

– префиксация: cyber-: cyber-harcèlement – кибер-преследование, домогательство [9], Cyber-harcèlement, atteinte à la vie privée sont devenus une affaire quotidienne aujourd'hui (Кибер-преследование, вторжение в личную жизнь стало сегодня обыденным делом) [24];

– суффиксация: -asser: rêvasser – грезить, по мечтать [9], Ça vaut mieux que de continuer à rêvasser (Это лучше, чем всё время мечтать) [23];

– er: booster – усилить [9], Pour booster votre confiance en vous-même, faites-vous beau et tenez-vous droit (Чтобы усилить уверенность в себе, приведите себя в порядок и держитесь с достоинством) [24];

– аббревиация: BD (bande dessinée) – комикс, мультфильм [9], C'est une BD américaine sur une équipe de super-héros (Это американский комикс о команде супергероев [23], OSF (on s'en fout) – наплевать, какая разница [9], C'est sûrement vrai, mais OSF (Всё так и было, но какая разница) [24];

– конверсия: choses chouettes (от choses de chouettes) – классные вещи [9],

Une des choses chouettes que les filles aiment (Одна из классных штучек, что любят девчонки) [23], planète collègue (от planète de collègue) – планета колледж [9], Notre ami est le nouveau président du planète collègue Jacques Prévert (Наш друг стал новым президентом планеты колледж Жак Превьер) [24], soirée ciné -киновечер (от soirée cinéma) [9], Prêts pour une soirée ciné «L'élève Discobu»? (Готовы к вечернему просмотру кино «Ученик Дюкобу») [23];

– телескопия: cipote – друг, проживающий в одном и том же квартале -cite + pote [14], La liste des parcs, 24 heures sur 24, comprend le Square Louis XIII, les Grands Explorateurs, le Boucicaud, le Villemin, la Gardette, Georges Meliès, la Citroën où les cipotes et les visiteurs peuvent passer un bon moment [24], timal – парень – petit + male [14], C'est trop tard, timal (Боюсь, уже поздно, парень) [23].

В процессе семантического способа словообразования не происходит изменения формы слова, поскольку меняется только его значение или функция. К основным разновидностям данного способа можно отнести метонимию, метафору и синонимию, что продемонстрировано на примерах ниже:

– метонимия: la lame – лезвие, вместо couteau – нож [14], Prenez celui avec la lame

tranchante pas le couteau à pain (Возьмите с нормальным лезвием, а не для хлеба) [24];

– метафора: albums truffés – альбом, напищенный хитами, où le cerveau bouillonne – кипят мозги [14], Le cerveau bouillonne à la quantité de devoirs (От количества домашнего задания у школьников кипят мозги) [23], petite frappe – маленькая взбучка, выволочка [14], Pour la désobéissance, vous pouvez obtenir une petite frappe (За непослушание вы можете получить маленькую взбучку)[24];

– синонимия: défouler – se détendre – расслабиться, выпустить пар [14], J'ai vraiment besoin de me défouler (Мне действительно нужно оторваться по полной, выпустить пар) [23], flemme – paresse – лень [14], Moi, j'appelle ça de la flemme (Я бы сказал, что это от лени) [24].

Также необходимо сказать несколько слов об общих тенденциях употребления разговорной сниженной лексики авторами статей в современных французских СМИ.

Журналисты и авторы текстов французских СМИ, речь которых должна выступать в качестве примера для подражания, зачастую сами не владеют языковыми нормами, что вызывает вполне обоснованное возмущение пуристов. Так, например, журналистами достаточно часто используется уже упоминавшийся «телеграфный» стиль, который изобилует сокращениями и аббревиатурами. Так, например, журнал «Le Nouvel Observateur» часто называют «Le Nouvel Obs», просто отбрасывая последние три слога. Экономия места и попытка не отставать от времени, одновременно завоевывая симпатии читателей, побуждает журналистов широко использовать многочисленные способы сокращений. Нельзя с полной уверенностью говорить о том, что такого рода сокращения представляют собой языковые ошибки, однако, они представляют собой тенденцию, в рамках которой разговорная сниженная лексика проникает в речь СМИ, что вызывает осуждение, как лингвистов, так и пуристов [2, с. 90]. Лексика французского языка представляет собой область, которая наиболее открыта для такого рода эволюции и проникновения разнообразных новшеств. Так, анализ электронных версий статей двух молодежных журналов дал возможность обнаружения многочисленных заимствований, отсутствия отрицательной частицы, огромного количества сокращений, а также весьма вольного обращения с орфографией вплоть до того, что слова заменяются числами и знаками.

Лексическая бедность языка, на котором напи-

саны статьи в молодежных СМИ, представляет собой еще один предмет, который вызывает беспокойство лингвистов. В проанализированных СМИ широко употребляются такие варианты разговорной сниженной лексики, как «cool» и «génial» в тех случаях, где можно было бы использовать множество других прилагательных. Так, например, слово «cool» широко используется молодежью в значении «очень хороший, замечательный», в то время как в словаре Robert его значение определяется как «спокойный, расслабленный». В качестве еще одного примера можно привести широкое использование «se kiffer» – «втюриться», вместо «je t'aime» – «я тебя люблю», например:

Ça le fait kiffer de surfer sur Internet [23].

Сюда же можно отнести широкую распространенность метафорического значения таких слов, как: piger, capter, scotcher и др.

Je crois que je commence à piger (Мне кажется, я начинаю понимать) [24], Quelqu'un cherche à capter ton attention (Кто-то хочет привлечь твоё внимание) [23], Marie, je vais te prendre en photo ici et ça va les scotcher, ОК? (Мари, я сделаю с тобой фото, чтобы они все иззавидовались, хорошо?) [24].

Жаргон французской молодежи не является постоянным явлением, отраженным в СМИ, поскольку в процессе смены одного модного явления на другое люди забывают старые слова, отдавая предпочтение другим. Данный процесс отличается стремительным протеканием, что связано с переменами в жизни общества, так как жаргон, будучи частью разговорной сниженной лексики, представляет собой «живую» часть языка, и в нем значительно быстрее, чем в литературном варианте языка, отражаются наиболее современные тенденции, идеи и новости окружающего мира. Именно в силу данной причины слово, которое может просуществовать достаточно долго в другом пласте языка, может стремительно исчезнуть из молодежного жаргона. Тем не менее, необходимо отметить, что разговорная сниженная лексика постепенно начинает занимать определенное место в нормативном варианте современного французского языка, поскольку его распространению способствуют тексты СМИ, фильмы, песни, компьютерные игры и др.

Формирование пласта разговорной сниженной лексики французской молодежи происходит в пределах словообразовательной базы обще французского языка. Укоренение новых словообразований имеет место не только в речи молодого поколения, но также и в лексике тех людей, которые

давно вышли из молодого возраста, однако они, тем не менее, встраиваются также и в их речь в качестве ее неотъемлемой части.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Таким образом, подводя итог исследованию, проведенному в рамках анализа заявленной темы, можно сделать вывод о том, что функционирование разговорной сниженной лексики в современных французских средствах массовой информации является одним из направлений современных лингвистических исследований французского языка. Так, например, было установлено, что молодежный жаргон, особенности функционирования которого в текстах СМИ были проанализированы в данной работе, приобретает все большую популярность, что отражается не только в разговорном языке, но и в текстах средств массовой информации. Под молодежным жаргоном необходимо понимать социальный диалект, который характерен для носителей языка в возрасте 14-25 лет. Его возникновение продиктовано попытками молодежи отделить себя от представителей более старших поколений, а также от официальной системы французского общества. Так, например, если говорить о повседневной разговорной речи, то можно проследить тенденцию французской молодежи к стремлению сокращения слов до минимума, пренебрежение правилами орфографии и пунктуации, а также использование большого количества жаргонных слов и выражений. Что же касается использования жаргона как одной из разновидностей разговорной сниженной лексики в текстах современных французских средств массовой информации, рассчитанных на молодежь, то необходимо отметить, что это происходит по нескольким причинам, а именно: попытки авторов статей приблизиться к своей потенциальной аудитории и сделать материал максимально интересным и понятным для молодежи; попытки идти «в ногу со временем», показывая, таким образом, схожесть мыслей авторов статей с таковыми у читателей; падение уровня грамотности молодых журналистов.

Проведенное исследование ставит вопрос о специфике употребления разговорной сниженной лексики в других французских СМИ. Является ли использование данной лексики особенностью только современных французских молодежных СМИ или это явление характерно для всех СМИ? Только дальнейшее исследование данной темы может ответить на этот вопрос.

Библиографический список

1. Аминова, А. А., Хафизова, А. А. Проблемы адаптации стилистически сниженной лексики в языке переводов [Текст] / А. А. Аминова, А. А. Хафизова // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 11-17.
2. Аристова, В. Н. Французская инвективная лексика и проблема ее классификации [Текст] / В. Н. Аристова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14. – № 1. – С. 86-94.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Афлитанова, Ю. Р., Давлетшина, С. М. Изучение особенностей пейоративной лексики на примере русского, английского и французского языков [Текст] / Ю. Р. Афлитанова, С. М. Давлетшина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2018. – С. 228-231.
5. Балыш, Ю. А. Коннотативные особенности стилистически сниженной лексики современного французского языка [Текст] / Ю. А. Балыш // Актуальные проблемы французской филологии. – 2002. – № 2. – С. 30-35.
6. Борисова, И. З. Экспрессивные этнонимы в современном французском языке [Текст] / И. З. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2014. – Вып. 10. – С. 19-23.
7. Верёвкина, А. Ю. Новые тенденции французской лексики на материале прессы [Текст] / А. Ю. Верёвкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 181-184.
8. Горшкова, В. Е. Перевод сниженной лексики в современном французском кино [Текст] / В. Е. Горшкова // Вестник Московского университета. – Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 81-95.
9. Гринёва, Е. Ф., Громова, Т. Н. Французско-русский словарь арг, просторечий и фамильяризм [Текст] / Е. Ф. Гринёва, Т. Н. Громова – М.: Нестор Академик, 2012. – 1168 с.
10. Захарова, Н. В., Ермошина, А. Г. Особенности перевода французской разговорной лексики на русский язык [Текст] / Н. В. Захарова, А. Г. Ермошина // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – Выпуск 12. – С. 63-66.
11. Захарчук, Г. С. Стилистически окрашенная лексика во французской прессе [Текст] / Г. С. Захарчук // Язык и культура. – 2016. – № 22. – С. 34-40.
12. Зияева, Ш. Н. Современные проблемы французского словообразования и словосложения [Текст] // Молодой ученый. – 2018. – № 50. – С. 484-488.
13. Зыкова, А. В. Разговорная лексика французского языка. Современные тенденции: в кн. «Формирова-
- ние иноязычной лексической компетенции на различных этапах иноязычного образования» [Текст] / А. В. Зыкова / под науч. ред. Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова. – М.: Перспектива, 2015. – С. 134-148.
14. Кузёма, Т. Б., Синдеева, К. А. Жаргон как социальная разновидность французской лексики [Текст] / Т. Б. Кузёма, К. А. Синдеева // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 2 (5). – С. 72-78.
15. Лопатников, Н. Н., Мошович, Н. А. Лексикологии современного французского языка [Текст] / Н. Н. Лопатников, Н. А. Мошович. – М.: Высш. шк., 2001. – 247 с.
16. Парминский, Н. В. Особенности языка и стиля современной французской печати [Текст] / Н. В. Парминский // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Литературоведение, журналистика. – 2010. – № 1. – С. 64-73.
17. Пересторонина, И. Л., Урмилова, А. Д. Разговорная и просторечная лексика в языке молодежи (на примере французских художественных фильмов) [Текст] / И. Л. Пересторонина, А. Д. Урмилова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2017. – № 13. – С. 103-111.
18. Полянская, Л. П. Семантическое развитие французской лексики [Текст] / Л. П. Полянская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 1481-1485.
19. Сафонова, Л. В. О лингвистической сущности пейоративности в лексике [Текст] / Л. В. Сафонова // Теория и методы лексикологических исследований: сб. науч. тр. – Ленинград: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 52-58.
20. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le Petit Robert 2014. – Paris: Le Robert, 2013. – 2880 p.
21. Larousse. Dictionnaire du français argotique et Populaire. Editions France Loisirs. – Paris, 2005. – 234 p.
22. Lehmann, A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. – Paris: Nathan, 2002. – 201 p.
23. Okapi. Le vrai journal des 11-15 ans. – P.: Bayard. – 2019. – № 1088. – 56 p.
24. Phosphore. – P.: Bayard. – 2019. – № 473. – 50 p.

Reference List

1. Aminova, A. A., Hafizova, A. A. Problemy adaptacii stilisticheski snizhennoj leksiki v jazyke perevodov = Problems of adapting stylistically reduced vocabulary in translation language [Tekst] / A. A. Aminova, A. A. Hafizova // Filologija i kul'tura. – 2016. – № 2 (44). – S. 11-17.
2. Aristova, V. N. Francuzskaja invektivnaja leksika i problema ee klassifikacii = French invective vocabulary and problem of its classification [Tekst] / V. N. Aristova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2016. – T. 14. – № 1. – S. 86-94.
3. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and world of the person [Tekst] /

N. D. Arutjunova. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.

4. Aflitonova, Ju. R., Davletshina, S. M. Izuchenie osobennostej pejorativnoj leksiki na primere russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov = Studying the features of pejorative vocabulary using the example of Russian, English and French [Tekst] / Ju. R. Aflitonova, S. M. Davletshina // Gumanisticheskoe nasledie prosvetitelej v kul'ture i obrazovanii: materialy XII Mezhduнародной nauchno-prakticheskoi konferencii. – Ufa, 2018. – S. 228-231.

5. Balysh, Ju. A. Konnotativnye osobennosti stilisticheskoi snizhennoj leksiki sovremennogo francuzskogo jazyka = Connotative features of the stylistically reduced vocabulary of modern French [Tekst] / Ju. A. Balysh // Aktual'nye problemy francuzskoi filologii. – 2002. – № 2. – S. 30-35.

6. Borisova, I. Z. Jekspressivnye jetnonimy v sovremennom francuzskom jazyke = Expressive ethnonyms in modern French [Tekst] / I. Z. Borisova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Cheljabinsk, 2014. – Vyp. 10. – S. 19-23.

7. Verjovkina, A. Ju. Novye tendencii francuzskoi leksiki na materiale pressy = New trends in French vocabulary on press material [Tekst] / A. Ju. Verjovkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: lingvistika. – 2010. – № 1. – S. 181-184.

8. Gorshkova, V. E. Perevod snizhennoj leksiki v sovremennom francuzskom kino = Translation of reduced vocabulary in modern French cinema [Tekst] / V. E. Gorshkova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Serija 19: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2006. – № 1. – S. 81-95.

9. Grinjova, E. F., Gromova, T. N. Francuzsko-russkij slovar' argo, prostorechij i famil'jarizmov = French-Russian dictionary of argo, colloquialism and familiarisms [Tekst] / E. F. Grinjova, T. N. Gromova – M. : Nestor Akademik, 2012. – 1168 s.

10. Zaharova, N. V., Ermoshina, A. G. Osobennosti perevoda francuzskoi razgovornoj leksiki na russkij jazyk = Features of translation of the French spoken language into Russian [Tekst] / N. V. Zaharova, A. G. Ermoshina // Perevod i sopostavitel'naja lingvistika. – 2016. – Vypusk 12. – S. 63-66.

11. Zaharchuk, G. S. Stilisticheski okrashennaja leksika vo francuzskoi presse = Stylistically coloured vocabulary in the French press [Tekst] / G. S. Zaharchuk // Jazyk i kul'tura. – 2016. – № 22. – S. 34-40.

12. Zijaeva, Sh. N. Sovremennye problemy francuzskogo slovoobrazovanija i slovoslozhenija = Contemporary problems of French word formation and vocabulary [Tekst] // Molodoj uchenyj. – 2018. – № 50. – S. 484-488.

13. Zyкова, A. V. Razgovornaja leksika francuzskogo jazyka. Sovremennye tendencii: v kn. «Formirovanie inozazychnoj leksicheskoj kompetencii na razlichnyh etapah inozazychnogo obrazovanija» = Spoken vocabulary of French. Modern trends: in book. «Formation of foreign language lexical competence at different stages of foreign language education» [Tekst] / A. V. Zyкова / pod

nauch. red. G. V. Sorokovyh, T. I. Zharkova. – M. : Perspektiva, 2015. – S. 134-148.

14. Kuzjoma, T. B., Sindeeva, K. A. Zhargon kak social'naja raznovidnost' francuzskoi leksiki = Jargon as a social variety of French vocabulary [Tekst] / T. B. Kuzjoma, K. A. Sindeeva // Gumanitarnaja paradigma. – 2018. – № 2 (5). – S. 72-78.

15. Lopatnikov, N. N., Moshovich, N. A. Leksikologii sovremennogo francuzskogo jazyka = Lexicology of modern French [Tekst] / N. N. Lopatnikov, N. A. Moshovich. – M. : Vyssh. shk., 2001. – 247 s.

16. Parminskij, N. V. Osobennosti jazyka i stilja sovremennoj francuzskoj pechati = Features of the language and style of modern French press [Tekst] / N. V. Parminskij // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. – Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2010. – № 1. – S. 64-73.

17. Perestoronina, I. L., Umrilova, A. D. Razgovornaja i prostorechnaja leksika v jazyke molodezhi (na primere francuzskih hudozhestvennyh fil'mov) = Spoken and simple language in the language of young people (on the example of French feature films) [Tekst] / I. L. Perestoronina, A. D. Umrilova // Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. – 2017. – № 13. – S. 103-111.

18. Poljanskaja, L. P. Semanticheskoe razvitie francuzskoi leksiki = Semantic development of French vocabulary [Tekst] / L. P. Poljanskaja // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». – 2017. – T. 31. – S. 1481-1485.

19. Safonova, L. V. O lingvisticheskoj sushhnosti pejorativnosti v leksike = About the linguistic essence of pejorativeness in vocabulary [Tekst] / L. V. Safonova // Teorija i metody leksikologicheskikh issledovanij: sb. nauch. tr. – Leningrad : Izd-vo LGPI im. A. I. Gercena, 1985. – S. 52-58.

20. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le Petit Robert 2014. – Paris : Le Robert, 2013. – 2880 p.

21. Larousse. Dictionnaire du français argotique et Populaire. Editions France Loisirs. – Paris, 2005. – 234 p.

22. Lehmann, A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. – Paris : Nathan, 2002. – 201 p.

23. Okapi. Le vrai journal des 11-15 ans. – P. : Bayard. – 2019. – № 1088. – 56 p.

24. Phosphore. – P. : Bayard. – 2019. – № 473. – 50 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10603

УДК 811.133.1

Ю. А. Дроздова

<https://orcid.org/0000-0002-8143-9386>

М. Н. Зубкова

<https://orcid.org/0000-0001-8174-6469>

Характеристика вопросительного оборота «*est-ce que*» во французском языке (диахронный аспект)

В настоящей статье авторы рассматривают некоторые особенности вопросительной конструкции «*est-ce que*» в старофранцузском языке, употребляющейся как в общем, так и в частном вопросе, с точки зрения диахронии. В статье выделяются основные причины, обусловившие появление оборота *est-ce que* в вопросительных предложениях, в частности разрушение склонения, фонетическая эволюция местоимения *ce*, ритмическая организация французской фразы. Авторы статьи прослеживают особенности исторического развития оборота *est-ce que*, базируясь на анализе примеров из аутентичных текстов на французском языке разных периодов – с XII по XVI век. В статье проводится анализ морфологического статуса *est-ce que*, исследуется процесс грамматикализации указанной конструкции в ранне-, средне- и новофранцузский период развития французского языка, трансформация мотивированной конструкции в немотивированную. Исследователями приводятся различные доказательства отсутствия грамматикализации вопросительного оборота *est-ce que* в старофранцузский период. Авторы отмечают разнообразие вариантов написания указанной вопросительной конструкции в определенные периоды развития французского языка.

В заключении исследователями делается вывод о последовательном превращении вопросительного оборота *est-ce que* в процессе исторического развития в полностью грамматикализованную структуру, в рамках которой составные элементы теряют семантику и грамматическую самостоятельность, вследствие чего вся конструкция в современный период развития французского языка ограничивается лишь значением усиления вопросительного значения предложения.

Ключевые слова: вопросительный оборот, грамматикализация, старофранцузский период, среднефранцузский период, новофранцузский период, мотивированная конструкция, немотивированная конструкция.

Yu. A. Drozdova, M. N. Zubkova

Description of interrogative construction «*est-ce que*» in French (diachronic aspect)

The authors of the following article describe some particular qualities of interrogative construction «*est-ce que*» in the Old French language, used both in general and constituent questions, in diachronic aspect. The article deals with main reasons determining the appearance of *est-ce que* interrogative construction in interrogative sentences, in particular, the disappearance of declension, phonetical evolution of *ce* pronoun, rhythmical organization of French sentences. The authors of the article retrace particularities of historical development of *est-ce que* construction, basing at the analyzing of examples from authentic French texts of different periods from the XII to the XVI century. The article shows the analysis of morphological status *est-ce que*, examines grammaticalization process of the abovementioned construction during Old, Middle and New French periods of French language development, the transformation of the motivated into unmotivated construction. The researchers furnish different evidences of grammaticalization absence of the *est-ce que* interrogative construction during the Old French period. The authors mention the variety of spelling of the abovementioned construction during different periods of the French language development.

Finally the researchers make a conclusion concerning successive transformation of the *est-ce que* interrogative construction during historical development process into absolutely grammaticalised structure in frames of which integral parts lose semantics and grammatical autonomy, ensuing that during modern period of French language development the abovementioned construction is limited only by reinforcing of interrogative value of the sentence.

Keywords: interrogative construction, grammaticalization, Old French period, Middle French period, New French Period, motivated construction, unmotivated construction.

Существование разнообразных форм для выражения вопроса не перестает вызывать интерес у исследователей языка, которые стремятся дать объяснение этому явлению с различных точек зрения [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. По мнению ученых, специализирующихся на вопросительных конструкциях французского языка, речь идет о различии регистров языка [23; 47], другие учитывают исключительно коммуникативное намерение говорящего [25; 28]. Среди прочих условий приводятся, в частности, социолингвистические факторы (возраст, образование говорящего и т. д.) [40; 41].

Из средств выражения вопросительности отдельного внимания заслуживает оборот *est-ce que*, употребляющийся как в общем, так и в частном вопросе для усиления вопросительного значения. Считается, что *est-ce que* позволил установиться прямому порядку слов, более логичному. [24; 27; 35].

Среди причин, обусловивших появление оборота *est-ce que* в вопросительных предложениях, наиболее часто приводятся следующие: разрушение склонения, фонетическая эволюция *се*, которое становится безударным [27]. Другие возможные факторы касаются ритмической организации французской фразы. Так, недостаточный акцент на вопросительном слове в начале фразы (в силу восходящей интонации) компенсируется ударением на *est-ce que* [22].

Рассматривая *est-ce que* в диахронном плане, следует отметить, что его появление в общепросительных предложениях традиционно датируется XV–XVI веками [22, с. 314; 24; 27]. В более ранних источниках уже можно встретить данный оборот в сочетании с вопросительным словом *que*, где он имеет эмфатическое значение (*emphase*, *insistence*). [29; 38, с. 172]. Так, будучи маркером лишь частного вопроса (с XII в.), он выделился из вопросительного оборота *que est-ce que*, постепенно расширяя сферу употребления.

Существует ряд проблем, связанных с анализом оборота *est-ce que* с точки зрения диахронии. Они касаются, в частности, морфологического статуса *est-ce que*.

Подробному исследованию данного вопроса посвящены труды М. Rouquier [45; 46]. В ее работах подробно описывается функционирование *est-ce que* во французском языке старо- и среднефранцузского периода; разбирается эволюция составных элементов оборота, их статус. Согласно мнению автора, в современном французском языке

процесс грамматикализации оборота *est-ce que* полностью завершен.

Синтез различных теорий грамматикализации *est-ce que* присутствует в работе S. TAILLEUR, где автор анализирует результаты исследований различных лингвистов по данному вопросу [47, с. 63]. Среди прочих затрагивается и проблема статуса *est-ce que*, причем процесс грамматикализации *c'est* рассматривается отдельно от *que* [47, с. 62].

В отношении анализа оборота *est-ce que* и его статуса в современном языке показательно исследование R. Druetta [26]. Итальянский ученый установил следующие этапы грамматикализации:

juxtaposition – syntaxisation – morphologisation – fusion – chute.

Исследователь выявил возможность употребления усеченной формы *est-ce que* в сочетании с другими вопросительными словами: *qu'est-ce* или *quand ce que* [26] в современном разговорном французском языке. Автор подчеркивает, что выпадение некоторых элементов еще раз свидетельствует о том, что составные части оборота не являются независимыми элементами, а образуют единый блок. Так, он утверждает, что *est-ce que* – вопросительная морфема (*morphème interrogatif*), полностью грамматикализованная, и что последняя стадия этого процесса – возможное разрушение этой структуры в частных вопросах (*chute*).

На основании всего вышесказанного можно утверждать, что в современном языке оборот является полностью грамматикализованным элементом. Представляется интересным проследить, как шел процесс его грамматикализации, базируясь на примерах из текстов на французском языке разных периодов – с XII по XVI век.

Следует отметить, что в старофранцузский период (согласно периодизации истории французского языка, предлагаемой Н. А. Катагощиной и Н. М. Васильевой [13]) оборот используется только в частновопросительных предложениях, и, бесспорно, еще не является грамматикализованным.

Это подтверждается, во-первых, тем, что в вопросительных структурах *qu'est-ce que*, *qui est ce qui* и др. глагол «быть» сохраняет свое лексическое значение и грамматические свойства:

1) *Qui fu ce qui vous delivra?*

- *Certes, Tristans, li niés lo roi,*

Qui molt fu de riche conroi. [34, с. 99]

2) *Que fu-ce qu'il vos demanda,*

Quant dedenz vostre chambre entra? [43, Т. 2, с. 560]

Во-вторых, способность наречий «вклиниваться» в структуру *est-ce que* также говорит о неспаянности ее элементов в старофранцузский период:

...e **cument dunc est que** Adonias règne e rei se fait? Et puis a dit: «**Qui est ce ci**

Qui s'est couchiez dedenz mon lit?...» [43, Т. 2, с. 279]

В-третьих, составные элементы оборота *est-ce que* – **ce** и **que** являются независимыми. Так, автономность **ce** подтверждается возможностью его препозиции по отношению к глаголу «быть»:

«**Ha! Sire, por Dieu, fet cil, que ce est que** vos dites? Il a bien passé dis anz que je ne poi aler sanz aide d'autrui» [31, с. 275].

Et **ke c'est?** Querés vous eür? [43, Т. 4, с. 15]

Другим аргументом может служить возможность опущения как **ce** (1), так и **que** (2, 3, 4, 5, 6):

1) De Dieu te puist-il souvenir;

Dist li prestres, **qu'est que** tu dis? [43, Т. 1, с. 191]

2) Chascuns escrie: Halas! Halas!

Secorez nos, saint Nicolas!

Fait li muniers : **Qu'est ce** c'avez?

Por quoi si durement criez? [43, Т. 5, с. 87]

3) **Que est ce**, Lancelot, nos lairez vos a cest jor qui si est hauz? – [31, с. 1]

4) **Qu'est ce** c'on fet? [43, Т. 2, с. 530]

5) **Qu'est ce** la, sire, avez ja fait? [37, Т. 2, с. 114]

6) **Que est-ce** dont? dites le moi [43, Т. 1, с. 33]

Можно говорить о начале процесса грамматикализации *est-ce que* в среднефранцузский период. Об этом свидетельствует, в частности, возможное его написание как *esse que*.

Однако, хотя эта форма и встречается уже в конце XIII века [13], широкое распространение она получила только в XV веке [20; 22].

1) Biaux dous sires, biaux amis dous?

Qu'esse ke ne respondés vous? [43, Т. 4, с. 7]

2) Et **qu'esse donc?** Dictes-le-moy, dist il. [33, с. 323]

3) **Comment esse que** l'en t'appelle? [30, с. 35]

Как уже отмечалось для старофранцузского периода, в XV–XVI веках сохраняется возможность опущения **ce** или **que**, что свидетельствует о незавершенности грамматикализации. Например:

Satan: **Qu'est la**, Lucifer? Qu'avez vous?

A yl chose qui vous deplaise? [32, с. 11]

Lucifer: **Qu'est la? qu'est la?**

d'où me viennent ces estradeurs ? [32, с. 437]

Представляется, что *qu'est ce* – усеченная форма от *qu'est-ce que*, а не инвертированное сочетание *c'est+attr*. Косвенным доказательством этому может служить сочетание с наречием места полной формы в аналогичном контексте:

Satan: **Femme, qu'est ce la que** tu dis?

Pourquoy n'osez vous bien menger

De tous fruits de ce beau verger? [32, с. 11]

В случае сочетания оборота *qu'est ce* без **que** с наречием места возможны следующие варианты написания:

- *qu'est cecy/i*;

- *qu'esse cy*;

- *que est ce cy/i*;

Isambert: **Vertu divine, qu'est cecy?**

qui vit oncques mes tel merveille? [32, с. 66]

Et **qu'esse cy?** Esse a meshuy? [30, с. 23]

Holos, holos! dist Grandgousier, **qu'est ceci**, bonne gents? [42, с. 77]

Здесь возможна двойная интерпретация *cesy* в зависимости от контекста: как слияние *ce* и наречия *ci* и как указательное местоимение *cesy* (на это обращает внимание M. Rouquier [45, с. 116]).

Что касается вариативности временно-модальных форм глагола «быть», то в этот период она сохраняется, равно как и другие грамматические характеристики составных элементов оборота.

S. Andry: Il y a cy ung jeune enfant

qui porte icy en dernussons

cing pains et deux petis poissons,

lesquelz on aroit de léger;

mes **que seroit ce** pour manger

entre tant de peuple et si grant? [32, с. 167]

В среднефранцузский период оборот *est-ce que* в сочетании с вопросительными словами остается типичным для частных вопросов. Так, вопрос к неодушевленному подлежащему строится с помощью *qu'est ce qui*:

Mon seigneur, Dieu de mal vous garde,

Et vous doint bonne vie aussi.

Qu'est ce qui vous amaine cy,

Mon chier seigneur? [37, Т. 2, с. 14]

В вопросе к неодушевленному дополнению по-прежнему широко используется *qu'est-ce que*:

Diex! **qu'est ce que** me dites, sire? [37, Т. 6, с. 266]

Las! **qu'est ce que** j'ai dit? Je sui advuglé. [37, Т. 2, с. 40]

Joseph: O glorieuse trinite,

Qu'est ce que je voy a ceste heure?

J'apercois ung enfant qui pleure,... [32, с. 65]

Вопрос к одушевленному дополнению конструируется с помощью *qui est ce que*:

Andrometa: Et **qui est ce que** vous querez

Si chauldement, dame Aquiline? [32, с. 121]

Est-ce que широко используется и с другими вопросительными словами:

Ai! pour Dieu, maistre, **quel bois est ce** dont que

je voy? [44, с. 80]

Aloris: O Dieu d'Israel, quel chose est ce que je voy devant et derriere?

oncques je ne vys tel lumiere, bergiers, regardez que voicy. [32, с. 66]

Raab: Se vous ne croyez mon langage, suyez moy, je vous y menray.

Castorin: Ou est ce qu'il tient son menage? moult volentiers je le verray... [32, с. 152]

A propos truellle, pourquoi est-ce que les cuisses d'une damoiselles

sont tousjours fraisches? [42, с. 85]

В сочетании с вопросительным наречием *quant* возможна постановка последнего в интерпозицию:

Est ce quant que tu en feras? [30, с. 46]

Как уже упоминалось выше, оборот *est-ce que* начинает использоваться в общевпросительных предложениях только в начале ранненовофранцузского периода – с XV–XVI вв.:

Comment? dirent ilz. Esse-ce que vous en scavez? Et n'avez-vous pas

eu les lettres qui vous furent escriptes? [33, с. 113]

В этот период по-прежнему наблюдается парадигматическое варьирование глагола *être*.

Mais quand sera-ce, ô mon vray Redempteur;

Que j'auray trefue, que de ma saliuie

Je pourray sain arrouser ma genciue,

Et l'avalant refreschir ma douleur? [39, с. 186]

Принято считать, что процесс грамматикализации *est-ce que* завершился только в новофранцузском периоде (в XVII веке), когда глагол «быть» перестал варьировать во времени и наклонении.

Итак, появлению вопросительного оборота *est-ce que* во французском языке способствовал ряд фонетических и грамматических факторов, в частности, особенности ритмического строя французского предложения, фонетическая эволюция местоимения *se*, исчезновение категории склонения имени существительного. В ходе исторического развития языка *est-ce que* расширяет сферу употребления, становясь средством выражения не только частного, но и общего вопроса. Соответственно, меняется и морфологический статус как отдельных составных частей указанной конструкции, так и самого оборота в целом. Так, если в старофранцузский период *est-ce que* не был еще грамматикализован, (что подтверждается относительной автономностью его составных частей, возможностью элиминации *se* или *que*, выбором различных модальных и временных форм глагола «быть», вариативностью написания), то в новофранцузский период оборот уже является

полностью слитной и неделимой структурой. То есть, *est-ce que* постепенно превращается из мотивированной структуры в немотивированную, где каждый компонент теряет свою семантику и грамматическую самостоятельность, а весь оборот приобретает лишь значение усиления вопросительного значения предложения в целом. Таким образом, диахронный анализ, описанный в настоящей статье, позволяет проследить в ретроспективе, на примере вопросительного оборота *est-ce que*, процесс эволюции грамматических конструкций, их трансформацию из мотивированных структур в полностью грамматикализованные.

Библиографический список

1. Абраменко, В. В., Кругликова, Е. А. Вопросительные конструкции как имплицитный способ выражения оценки в жанре англоязычного интернет-комментария [Текст] / В. В. Абраменко, Е. А. Кругликова // Молодой ученый. – 2019. – № 21 (259). – С. 550-552.
2. Алимджанов, А. А. Вопросительное высказывание как интерактивная единица [Текст] / А. А. Алимджанов // Романо-германистика. Сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции / отв. ред. Г. А. Баева, Н. Г. Мед, Т. И. Петухова, Н. А. Шадрина. – 2017. – С. 76-83.
3. Амосова, Н. В. Вопросительные предложения с вопросительным словом в разговорной речи [Текст] / Н. В. Амосова // Вестник научных конференций. – 2018. – № 8-1 (36). – С. 14-17.
4. Белошицкая, Н. Н. Особенности жанрового и метадискурсивного использования высказываний, построенных по моделям удостоверительно-вопросительных конструкций в русском и английском языках [Текст] / Н. Н. Белошицкая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 9. – С. 65-69.
5. Белошицкая, Н. Н. Функционирование высказываний, построенных по модели удостоверительно-вопросительной конструкции, в качестве метадискурсивных маркеров [Текст] / Н. Н. Белошицкая // Филологический аспект. – 2019. – № 1 (45). – С. 138-147.
6. Вакуленко, Т. А. Местоименные вопросительные предложения фразеологизированной структуры – констативные речевые акты (на материале современного английского языка) [Текст] / Т. А. Вакуленко // Sciences of Europe. – 2018. – № 23-3 (23). – С. 53-58.
7. Волошина, Т. Г., Миронова, Г. В. Семантика и прагматика косвенных речевых актов вопросительных конструкций (на материале англоязычных сценарных текстов) [Текст] / Т. Г. Волошина, Г. В. Миронова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2 (69). – С. 72-74.
8. Воробьева, Е. Н. О некоторых эмфатических конструкциях эмоционального вопросительного высказывания (на материале корпуса английского языка)

[Текст] / Е. Н. Воробьева // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Филология. – 2018. – № 2. – С. 69-75.

9. Гылычмырадов, Ш. Р. Отрицательно – вопросительные конструкции в современном английском языке [Текст] / Ш. Р. Гылычмырадов // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4 частях. – 2017. – С. 94-97.

10. Джуманиязова, Г. И., Никитинская, Л. В. Семантико-коммуникативные разновидности вопросительных высказываний в рамках англоязычного диалога [Текст] / Г. И. Джуманиязова, Л. В. Никитинская // Вопросы филологии и перевода. Сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – 2018. – С. 87-91.

11. Калинина, А. А. Проблема границ вопросительного предложения [Текст] / А. А. Калинина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2018. – № 6. – С. 264-269.

12. Карашулакова, М. Ж. Особенности употребления вопросительных конструкций в монологическом тексте [Текст] / М. Ж. Карашулакова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. Материалы IV Международной заочной (электронной) научной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета БашГУ / отв. ред. А. Р. Мухтаруллина. – 2017. – С. 98-106.

13. Катагощина, Н. А., Васильева, Н. М. Курс истории французского языка [Текст]: учеб. для институтов и фак. иностр. яз. / Н. А. Катагощина, Н. М. Васильева – М.: «Диана», 1997. – 424 с.

14. Маричева, А. С. Вопросительные предложения с *si*, выражающие предположение о целесообразности / желательности действия (на материале французского языка) [Текст] / А. С. Маричева // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Лингвистика. – 2017. – № 5. – С. 150-155.

15. Мельник, А. Д. Фразеосхемы с опорным компонентом – вопросительным словом в немецком языке: антропоцентрический подход [Текст] / А. Д. Мельник // Информационно-коммуникативная культура: наука и образование. Сборник статей Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2018. – С. 70-73.

16. Пестова, М. О., Чижикова, Л. А. Отбор вопросительных конструкций для тестирования сформированности англоязычной речевой компетенции [Текст] / М. О. Пестова, Л. А. Чижикова // World science: problems and innovations. Сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – 2019. – С. 146-150.

17. Репнина, Т. В. Монопредикативные вопросительные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) [Текст] / Т. В. Репнина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика

и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 102-115.

18. Рузиев, Х. Б. Употребление вопросного и вопросительного предложения в устной речи в английском языке [Текст] / Х. Б. Рузиев // Развитие и актуальные вопросы современной науки. – 2018. – № 2 (9). – С. 69-73.

19. Труфанова, Н. О. Вопросительные конструкции как один из способов манифестации иллюкутивной цели в текстах англоязычной баннерной рекламы [Текст] / Н. О. Труфанова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 158-161.

20. Ульяницкая, Л. А., Шумков, А. А. Подлежащее в вопросительных предложениях английского языка [Текст] / Л. А. Ульяницкая, А. А. Шумков // Актуальные проблемы языкознания. – 2018. – Т. 7. – С. 157-163.

21. Цзян, В. Вопросительные предложения в различных аспектах исследования [Текст] / В. Цзян // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. Материалы II международного форума. – 2018. – С. 56-59.

22. Boer, C de. L'évolution des formes de l'interrogation en français / C. de Boer – Romania LII, 1926. – P. 307-327.

23. Boucher, P. L'interrogation partielle en français: l'interface syntaxe/sémantique / P. Boucher // Syntaxe et sémantique – 2010/1. – N° 11. – P. 55-82.

24. Buridant, C. Grammaire nouvelle de l'ancien français / C. Buridant – P.: SEDES, 2000. – 357 p.

25. Coveney, A. L'approche variationniste et la description de la grammaire du français: le cas des interrogatives. / A. Coveney // Langue française, 1997. – № 115. – P. 88-100.

26. Druetta, R. Qu'est-ce tu fais? État d'avancement de la grammaticalisation de est-ce que. Deuxième partie / R. Druetta – Linguae & (Milano, LED Edizioni), 1/2003. – P. 21-35.

27. Foulet, L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation / L. Foulet // Romania, tome 47, n°186-187, 1921. – P. 243-348.

28. Gadet, F. La variation, plus qu'une écume / F. Gadet // Langue française, 1997. – № 115. – P. 5-18.

29. Jensen, F. Old French and Comparative Gallo-Romance Syntax / F. Jensen. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1990. – 590 p.

30. La farce de maître Pathelin. – Gallimard. Paris. 1999 – 215 p.

31. La Queste del Saint Graal. Roman du XIIIe siècle. Edité par Albert Pauphilet – P.: Honoré Champion (CFMA, 33), 2003 – 301 p.

32. Le Mystère de la Passion, d'Arnoul Greban, publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire – P.: Gallimard, 1987. – 542 p.

33. Les Cent Nouvelles nouvelles. Dites les Cent nouvelles du roi Louis XI. – P.: Delachays, 1858. – 324 p.

34. Les deux poèmes de la folie Tristan. – P.: Joseph

Bédier, 1907. – 126 p.

35. Les quatre livres des rois: traduits en français du XIIe siècle. suivis d'un Fragment de moralités sur Job et d'un Choix de sermons de Saint Bernard / publiés par M. Le roux de Lincy. – Paris, 1841. – 580p.

36. Marchello-Nizia, Ch. Grammaticalisation et évolution des systèmes grammaticaux / Ch. Marchello-Nizia // Langue française, n°130, 2001. – La linguistique diachronique: grammaticalisation et sémantique du prototype, sous la direction de Walter De Mulder et Anne Vanderheyden. – P. 33-41.

37. Miracles de Nostre-Dame, par personnages. – Tome 1-7 publiés d'après le ms. de la Bibliothèque nationale, par Gaston Paris et Ulysse Robert [Edition de 1876-1897]. – 402 p.

38. Moignet, G. Grammaire de l'ancien français: morphologie, syntaxe / G. Moignet – P. : Klincksieck, 1973. – 445 p.

39. Oeuvres complètes de Rémy Belleau ([Reprod. en facsim.) nouv. éd. publ. d'après les textes primitifs avec variantes et [...]Belleau, Rémi. – T. 2. – Paris, 1867. – 366 p.

40. Pohl, J. Observations sur les formes d'interrogation dans la langue parlée et dans la langue écrite non littéraire / J. Pohl // Actes du Xe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes, 1965. – Tome 2. – P. 51-55.

41. Quillard, V. La diversité des formes interrogatives – comment l'interpréter? / V. Quillard // Langage et société, 95 – 2001. – P. 57-72.

42. Rabelais, F. Oeuvres de François Rabelais, contenant la vie de Gargantua et celle de Pantagruel. / F. Rabelais – P. : Nouvelle Librairie Française, 1957. – 340 p.

43. Recueil général et complet des Fabliaux des XIII et XIV siècles – Genève, Editions Slatkine, 1973. – 332 p.

44. Roman de Berinus, tome 1, édité par Robert Bos-suat – Paris, Société des anciens textes français, 1931. – 255 p.

45. Rouquier, M. La séquence est-ce dans les interrogatives en qui/que en ancien et en moyen français / M. Rouquier // Journal of French Language Studies, 2003. – P. 2-27.

46. Rouquier, M. Les interrogatives en qui/que est-ce qui/que en ancien et en moyen français / M. Rouquier // Cahiers de grammaire, 2002, 27. – P. 97-120.

47. Tailleur S. The French Wh Interrogative System: Est-ce que, Clefting? / S. Tailleur. – Canada : University of Toronto, PhD thesis, 2013. – 175 p.

Reference List

1. Abramenko, V. V., Kruglikova, E. A. Voprositel'nye konstrukcii kak implicitnyj sposob vyrazhenija ocenki v zhanre anglojazychnogo internet-kommentarija = Question constructs as an implicit way of expressing mark in the genre of English-language internet commentary [Tekst] / V. V. Abramenko, E. A. Kruglikova // Molodoj uchenyj. – 2019. – № 21 (259). – S. 550-552.

2. Alimdzhanov, A. A. Voprositel'noe vyskazyvanie kak interaktivnaja edinica = Interrogative statement as an

interactive unit [Tekst] / A. A. Alimdzhanov // Romano-germanistika. Sbornik statej po materialam XLVI Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferencii / otv. red. G. A. Baeva, N. G. Med, T. I. Petuhova, N. A. Shadrina. – 2017. – S. 76-83.

3. Amosova, N. V. Voprositel'nye predlozhenija s voprositel'nym slovom v razgovornoj rechi = Interrogative sentences with question word in spoken speech [Tekst] / N. V. Amosova // Vestnik nauchnyh konferencij. – 2018. – № 8-1 (36). – S. 14-17.

4. Beloshickaja, N. N. Osobennosti zhanrovogo i metadiskursivnogo ispol'zovanija vyskazyvanij, postroennyh po modeljam udostoveritel'no-voprositel'nyh konstrukcij v ruskom i anglijskom jazykah = Features of genre and methodiscursive use of statements built according to models of stating and question structures in Russian and English languages [Tekst] / N. N. Beloshickaja // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. – Serija: Gumanitarnye nauki. – 2018. – № 9. – S. 65-69.

5. Beloshickaja, N. N. Funkcionirovanie vyskazyvanij, postroennyh po modeli udostoveritel'no-voprositel'noj konstrukcii, v kachestve metadiskursivnyh markerov = Function of statements constructed according to the model of stating -question design as metadiscourse markers [Tekst] / N. N. Beloshickaja // Filologicheskij aspekt. – 2019. – № 1 (45). – S. 138-147.

6. Vakulenko, T. A. Mestoimennye voprositel'nye predlozhenija frazeologizirovannoj struktury – konstativnye rechevyje akty (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) = Pronominal questions of phraseologised structure – stating speech acts (on material of modern English) [Tekst] / T. A. Vakulenko // Sciences of Europe. – 2018. – № 23-3 (23). – S. 53-58.

7. Voloshina, T. G., Mironova, G. V. Semantika i pragmatika kosvennyh rechevyh aktov voprositel'nyh konstrukcij (na materiale anglojazychnykh scenarnykh tekstov) = Semantics and pragmatics of indirect speech acts of interrogative constructions (on material of English-language script texts) [Tekst] / T. G. Voloshina, G. V. Mironova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 3-2 (69). – S. 72-74.

8. Vorob'eva, E. N. O nekotoryh jemfaticeskikh konstrukcijah jemocional'nogo voprositel'nogo vyskazyvanija (na materiale korpusa anglijskogo jazyka) = About some emphatic constructions of emotional interrogative statement (on English language body material) [Tekst] / E. N. Vorob'eva // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. – Serija: Filologija. – 2018. – № 2. – S. 69-75.

9. Gylychmyradov, Sh. R. Otricatel'no-voprositel'nye konstrukcii v sovremennom anglijskom jazyke = Negative-interrogative constructions in modern English [Tekst] / Sh. R. Gylychmyradov // Vzaimodejstvie nauki i obshhestva: problemy i perspektivy. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii: v 4 chastjah. – 2017. – S. 94-97.

10. Dzhumanjazova, G. I., Nikitinskaja, L. V. Semantiko-kommunikativnye raznovidnosti vopros-

itel'nyh vyskazyvanij v ramkah anglojazыchnogo dialoga = Semantic-communicative varieties of interrogative statements in English language dialogue [Tekst] / G. I. Dzhumanijazova, L. V. Nikitinskaja // Voprosy filologii i perevodovedenija. Sbornik nauchnyh statej / otv. red. N. V. Kormilina, N. Ju. Shugaeva. – 2018. – S. 87-91.

11. Kalinina, A. A. Problema granic voprositel'nogo predlozhenija = Problem of border in interrogative sentences [Tekst] / A. A. Kalinina // Dinamika jazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii. – 2018. – № 6. – S. 264-269.

12. Karashulakova, M. Zh. Osobennosti upotreblenija voprositel'nyh konstrukcij v monologicheskom tekste = Features of using interrogative constructions in monological text [Tekst] / M. Zh. Karashulakova // Aktual'nye problemy teoreticheskoj i prikladnoj filologii Materialy IV Mezhdunarodnoj zaochnoj (jelektronnoj) nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 60-letiju filologicheskogo fakul'teta BashGU / otv. red. A. R. Muhtarullina. – 2017. – S. 98-106.

13. Katagoshhina, N. A., Vasil'eva, N. M. Kurs istorii francuzskogo jazyka = French language history course [Tekst]: ucheb. dlja institutov i fak. inostr. jaz. / N. A. Katagoshhina, N. M. Vasil'eva – M.: «Diana», 1997. – 424 s.

14. Maricheva, A. S. Voprositel'nye predlozhenija s si, vyrazhajushhie predpolozhenie o celesoobraznosti / zhelatel'nosti dejstvija (na materiale francuzskogo jazyka) = Interrogative sentences with si suggesting the feasibility/desirability of action (in French) [Tekst] / A. S. Maricheva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – Serija: Lingvistika. – 2017. – № 5. – S. 150-155.

15. Mel'nik, A. D. Frazeshemy s opornym komponentom – voprositel'nym slovom v nemeckom jazyke: antropocentricheskij podhod = Phraseoschemes with a reference component – a question word in German: anthropocentric approach [Tekst] / A. D. Mel'nik // Informacionno-kommunikativnaja kul'tura: nauka i obrazovanie. Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenykh. – 2018. – S. 70-73.

16. Pestova, M. O., Chizhikova, L. A. Otbor voprositel'nyh konstrukcij dlja testirovanija sformirovannosti anglojazыchnoj rechevoj kompetencii = Selection of interrogative structures for testing the formation of English-language speech competence [Tekst] / M. O. Pestova, L. A. Chizhikova // World science: problems and innovations. Sbornik statej XXVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii: v 2 ch. – 2019. – S. 146-150.

17. Repnina, T. V. Monopredikativnye voprositel'nye uslovnye konstrukcii v katalanskom jazyke (v sopostavlenii s ispanskim i francuzskim) = Monopredicative interrogative conditional constructions in Catalan (compared to Spanish and French) [Tekst] / T. V. Repnina // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2018. – T. 16. – № 3. – S. 102-115.

18. Ruziev, H. B. Upotreblenie voprosnogo i voprositel'nogo predlozhenija v ustnoj rechi v anglijskom jazyke = Use of question and interrogative sentence in English oral speech [Tekst] / H. B. Ruziev // Razvitie i aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. – 2018. – № 2 (9). – S. 69-73.

19. Trufanova, N. O. Voprositel'nye konstrukcii kak odin iz sposobov manifestacii illokutivnoj celi v tekstah anglojazыchnoj bannernoj reklamy = Interrogative constructions as a way to demonstrate an illoquent target in English language banner advertisements [Tekst] / N. O. Trufanova // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. – Serija: Gumanitarnye nauki. – 2018. – № 2. – S. 158-161.

20. Ul'janickaja, L. A., Shumkov, A. A. Podlezhashhee v voprositel'nyh predlozhenijah anglijskogo jazyka = Subject in interrogative sentences in English [Tekst] / L. A. Ul'janickaja, A. A. Shumkov // Aktual'nye problemy jazykoznanija. – 2018. – T. 7. – S. 157-163.

21. Czjan, V. Voprositel'nye predlozhenija v razlichnyh aspektah issledovanija = Interrogative sentences in various aspects of the study [Tekst] / V. Czjan // Russkij jazyk, literatura i kul'tura v prostranstve ATR. Materialy II mezhdunarodnogo foruma. – 2018. – S. 56-59.

22. Boer, C. de. L'évolution des formes de l'interrogation en français / C. de Boer – Romania LII, 1926. – R. 307-327.

23. Boucher, P. L'interrogation partielle en français: l'interface syntaxe/sémantique / P. Boucher // Syntaxe et sémantique – 2010/1. – № 11. – P. 55-82.

24. Buridant, C. Grammaire nouvelle de l'ancien français / C. Buridant – P.: SEDES, 2000. – 357 p.

25. Coveney, A. L'approche variationniste et la description de la grammaire du français: le cas des interrogatives. / A. Coveney // Langue française, 1997. – № 115. – P. 88-100.

26. Druetta, R. Qu'est-ce tu fais? État d'avancement de la grammaticalisation de est-ce que. Deuxième partie / R. Druetta – Linguae & (Milano, LED Edizioni), 1/2003. – P. 21-35.

27. Foulet, L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation / L. Foulet // Romania, tome 47, n°186-187, 1921. – P. 243-348.

28. Gadet, F. La variation, plus qu'une écume / F. Gadet // Langue française, 1997. – № 115. – P. 5-18.

29. Jensen, F. Old French and Comparative Gallo-Romance Syntax / F. Jensen. – Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1990. – 590 p.

30. La farce de maître Pathelin. – Gallimard. Paris. 1999 – 215 p.

31. La Queste del Saint Graal. Roman du XIIIe siècle. Edité par Albert Pauphilet – P.: Honoré Champion (CFMA, 33), 2003 – 301 p.

32. Le Mystère de la Passion, d'Arnoul Greban, publié d'après les manuscrits de Paris, avec une introduction et un glossaire – P.: Gallimard, 1987. – 542 p.

33. Les Cent Nouvelles nouvelles. Dites les Cent

nouvelles du roi Louis XI. – P. : Delahays, 1858. – 324 p.

34. Les deux poèmes de la folie Tristan. – P. : Joseph Bédier, 1907. – 126 p.

35. Les quatre livres des rois: traduits en français du XIIe siècle. suivis d'un Fragment de moralités sur Job et d'un Choix de sermons de Saint Bernard / publiés par M. Le roux de Lincy. – Paris, 1841. – 580p.

36. Marchello-Nizia, Ch. Grammaticalisation et évolution des systèmes grammaticaux / Ch. Marchello-Nizia // Langue française, n°130, 2001. – La linguistique diachronique: grammaticalisation et sémantique du prototype, sous la direction de Walter De Mulder et Anne Vanderheyden. – P. 33-41.

37. Miracles de Nostre-Dame, par personnages. – Tome 1-7 publiés d'après le ms. de la Bibliothèque nationale, par Gaston Paris et Ulysse Robert [Edition de 1876-1897]. – 402 p.

38. Moignet, G. Grammaire de l'ancien français: morphologie, syntaxe / G. Moignet – P. : Klincksieck, 1973. – 445 p.

39. Oeuvres complètes de Rémy Belleau ([Reprod. en facsim.) nouv. éd. publ. d'après les textes primitifs avec variantes et [...]Belleau, Rémi. – T. 2. – Paris, 1867. – 366 p.

40. Pohl, J. Observations sur les formes d'interrogation dans la langue parlée et dans la langue écrite non littéraire / J. Pohl // Actes du Xe Congrès Inter-

national de Linguistique et de Philologie Romanes, 1965. – Tome 2. – P. 51-55.

41. Quillard, V. La diversité des formes interrogatives – comment l'interpréter? / V. Quillard // Langage et société, 95 – 2001. – P. 57-72.

42. Rabelais, F. Oeuvres de François Rabelais, contenant la vie de Gargantua et celle de Pantagruel. / F. Rabelais – P. : Nouvelle Librairie Française, 1957. – 340 p.

43. Recueil général et complet des Fabliaux des XIII et XIV siècles – Genève, Editions Slatkine, 1973. – 332 p.

44. Roman de Berinus, tome 1, édité par Robert Bosuat – Paris, Société des anciens textes français, 1931. – 255 p.

45. Rouquier, M. La séquence est-ce dans les interrogatives en qui/que en ancien et en moyen français / M. Rouquier // Journal of French Language Studies, 2003. – P. 2-27.

46. Rouquier, M. Les interrogatives en qui/que est-ce qui/que en ancien et en moyen français / M. Rouquier // Cahiers de grammaire, 2002, 27. – P. 97-120.

47. Tailleur S. The French Wh Interrogative System: Est-ce que, Clefting? / S. Tailleur. – Canada : University of Toronto, PhD thesis, 2013. – 175 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10604

УДК 811.131.1/811.161.1

Г. В. Денисова

<https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

А. В. Лентовская

<https://orcid.org/0000-0002-3592-0865>

Особенности употребления итальянского герундия прошедшего времени в переводах с русского языка

Статья посвящена вопросу, актуальному для рассмотрения в ракурсе сравнительно-сопоставительного анализа в теоретическом языкознании и в переводоведении, а именно употреблению итальянского герундия прошедшего времени, который описывается как форма, находящаяся на пути к исчезновению и свойственная только высокому стилю. В попытке выявить причины такого положения сложного герундия в системе анализируется употребление форм итальянского герундия настоящего и прошедшего времени, проводятся параллели с деепричастиями русского языка. Из сравнения количества, функций и контекстов употребления итальянских герундиев в переводе следует, что, по сравнению с другими неличными формами, частотность появления герундия настоящего времени возрастает: этому способствуют его синтаксическая многофункциональность, гибкая временная референтность и стилистическая нейтральность. Также итальянский герундий настоящего времени в переводе русских текстов на итальянский язык конкурирует с личными глагольными формами, отвечая стремлению итальянского текста к большей синтаксической связности. Ни одной из перечисленных характеристик не обладает герундий прошедшего времени, чем и обусловлена чрезвычайная редкость использования данной формы. Действительно, «сложный» итальянский герундий маркирован во временном отношении как форма, выражающая только предшествование по отношению к глаголу главного предложения, аспектуально маркирован как перфективная форма и, следовательно, не обладает достаточной семантической гибкостью для успешной конкуренции с другими глагольными формами. Материалом для исследования послужили рассказы и повести В. С. Токаревой, богатые деепричастными оборотами с деепричастиями обоих видов, в переводе на итальянский язык.

Ключевые слова: вытеснение герундия прошедшего времени, распространение герундия настоящего времени, стилистически нейтральные ситуации, тексты Токаревой, положение герундия в системе, временные отношения в системе неличных форм глагола, тенденции к большей синтаксической связанности текста.

G. V. Denisova, A. V. Lentovskaya

The use of Italian gerundio passato in translations from Russian

The topic of this paper is a matter of discussion from the perspective of comparative analysis in theoretical linguistics and translation studies. The author argues that the Italian gerundio passato (Past Gerund) is an endangered form presently common only for the elevated style and formal language. In an attempt to identify the reasons for this condition of this form in the system, the usage of Present and Past Italian gerunds is analyzed, parallels are drawn with the forms of the gerunds (adverbial participles) in Russian. The investigation of the frequency, functions and contexts of using Italian gerundial forms in translation, showed that, compared with other non-personal forms, the number of occurrences of Present Gerund increases: this is facilitated by its syntactic multifunctionality, flexible temporal reference and stylistic neutrality. In Russian-Italian translations, Present Gerund also competes with personal verb forms, responding to the propensity of Italian texts for greater syntactic coherence. Past Gerund does not possess any of the listed characteristics, which explains the extreme rarity of using this form. Indeed, the compound Italian gerund is marked as a form expressing only anteriority with respect to the verb of the main sentence, and as a perfective form only, therefore, does not have sufficient semantic flexibility for successful competition with other verb forms. The article analyses the use of gerundio passato and presente in comparison with the use of Russian adverbial participles in novels and short tales by V. Tokareva.

Keywords: Italian Gerund, endangered Past Gerund, highly frequent Present Gerund, stylistically neutral situations, Tokareva's texts, the system of gerundial forms, tenses and infinitives, increasing syntactical coherence in the texts.

В итальянских лингвистических исследованиях нескольких последних десятилетий герундий прошедшего времени зачастую характеризуется как «форма в кризисе» или даже «на пути к исчезновению», а также как форма, свойственная «высокому, литературно-эссеистическому, бюрократическому стилю», постепенно регрессирующая и все реже встречающаяся в современном итальянском языке [7, гл. 2; 23, с. 70; 20, с. 310; 17, с. 571; 14, с. 88-89].

Данные о герундиальных формах в целом тем не менее свидетельствуют об увеличении их употребительности на фоне очевидного сужения сферы их употребления. Если в тексте Бенедетто Кроче 1951 г. и в корпусе текстов народного происхождения, собранных за период с 1915 по 1980 г., герундий появляется соответственно в 3,6 % и в 1,3 % сложноподчиненных предложений [21, с. 655], то, по данным 1985 г., герундий в текстах, написанных респондентами в возрасте от 17 до 54 лет, составляет почти 10 % [27, с. 425]. Вместе с тем процесс распространения герундия сопровождается обеднением возможностей его применения: на уровне синтаксиса вариант герундия, замещающий подлежащее придаточное, широко распространенный в старом итальянском, полностью исчез из употребления:

(1) *Quella nostra Beatrice udio da certe persone di te ragionando...* – Наша Беатриче услышала от некоторых лиц, о тебе говоривших...

Сохраняет свои позиции герундий, замещающий сказуемое:

(2) *La montagna ci sovrastava torreggiando* – Гора нависала на нас своей громадой (нависала и возвышалась) [22, с. 315; 1; 9].

Герундий «фразы» [22, с. 316], замещающий целое придаточное предложение, также широко употребляем:

(3) *Studiando, potrà sentirsi realizzato.* – Если он станет учиться, то почувствует, что реализовал себя как личность [22, с. 316].

На уровне семантики, по данным некоторых исследований, герундий все реже передает семантически маркированные значения причины, времени, уступки и проч., и все чаще употребляется в семантически нейтральных ситуациях:

(4) *Costringeva i ragazzi ad annoiarsi, cercando un diversivo nell'immaginazione* [23, с. 13]. – Он навел на ребят скуку и вместе с тем пытался фантазировать, чтобы развлечь их.

Если в старом итальянском на долю семантически нейтральных значений герундия приходилось всего 31 %, то в итальянском языке нескольких

последних десятилетий герундий семантически нейтрален в 77 % случаев. Кроме того, неуклонно снижается частотность употребления сложного герундия: как уже было сказано, форма прошедшего времени характеризуется как «почти вышедшая из употребления» (0,6 %) [25, с. 500]. Яркой иллюстрацией данного утверждения может послужить тот факт, что в достаточно обширном корпусе (593 контекста и 619 употреблений итальянского герундия), который стал основой исследования Ю. А. Стуликовой [7], присутствуют только 3 примера сложного герундия (0,5 %), найденные в произведениях «Повесть о бедных влюбленных» В. Пратолини (5) и «Татарская пустыня» Д. Буццати (6) в переводе Л. Вершинина и Ф. Двин:

(5) *Il curioso fu che nostra madre non si fece alcuna illusione che Cosimo, avendole mandato un saluto, si disponesse a metter fine alla sua fuga e a tornare da noi.* – Любопытно, что наша матушка не питала никаких иллюзий, будто сын, раз он послал ей привет, решил спуститься и вернуться в дом [7, с. 80].

(6) «*Morel ammalato?*» *chiese non avendo afferrato che le ultime parole.* – Морель заболевает? – Ничего, кроме этих последних слов, он не услышал [7, с. 82].

Если в примере (6), по свидетельству исследовательницы, выбор сложной формы помогает «избежать обобщенной трактовки действия», которая неизбежна при употреблении простой формы герундия от глагола состояния *afferrare* ‘уловить, расслышать’ [7, с. 82], то в примере (5) со сложным герундием от моментативного глагола конкурирует простая герундиальная форма и выбор герундия прошедшего времени можно объяснить только желанием автора акцентировать внимание на конкретном сегменте информации (см. также примеры 7-8).

Увеличение употребительности наряду с сужением сферы употребления какой-либо формы может свидетельствовать о том, что эта форма становится более частотной за счет вытеснения с привычных позиций какой-либо другой конструкции.

Вышеприведенные факты подвели нас к вопросу о том, как такая ситуация повлияла на перевод русских деепричастных форм несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) вида, употребительность которых в литературных текстах стабильно высока, на итальянский язык. Мы основывались на комплексных выводах, сделанных Э. Я. Кушкиной [4, с. 70-88] и Ю. А. Стуликовой [7], и наиболее при-

стальное внимание уделили вероятности употребления герундия прошедшего времени при переводе русских деепричастных форм обоих видов.

В качестве материала для исследования этого вопроса мы выбрали рассказы и повести В. С. Токаревой, несколько переводов которых на итальянский язык было опубликовано в период 1990-1999 гг. [8; 15]. Основным источником для работы стал перевод Серджи Рапетти [26], последний из опубликованных, а также наиболее полно и точно передающий текст оригинала. Тексты Токаревой были выбраны для работы не случайно: сказовость и стилистическая лаконичность ее повестей трактовались переводчиком как проявление живости и разговорности языка (это следует из примечания переводчика к изданию). Таким образом, он не чувствовал себя скованным в выборе тех или иных оборотов речи.

Анализ языкового материала (около 400 примеров из текста, богатого деепричастными оборотами с деепричастиями обоих видов, и соответствующих им конструкций в переводе) показал, что герундий прошедшего времени практически не используется в переводе: нами было выявлено всего два примера его употребления. В обоих случаях (примеры 7-8) эта форма не была употреблена для перевода деепричастных конструкций и может расцениваться, в том числе, как один из способов выделения сегментов важной смысловой информации:

(7) ... он... хотя и слинял, но все-таки существовал [8, с. 428]. – lui..., pur essendosi defilato in quella maniera, continuava comunque ad esistere [26, с. 133].

(8) Ясно, – поняла я [8, с. 517]. — Chiaro, – dissi, avendo capito [26, с. 330].

Деепричастия НСВ и СВ в подавляющем большинстве случаев оказались переданными в переводе с помощью простого герундия (герундия настоящего времени). Таким образом, учитывая, что русские деепричастия СВ могут передавать все три типа временных отношений обозначаемого ими действия к действию главного предложения (одновременности, следования, а также предшествования), можно предположить, что возможности временных соотношений между итальянским простым герундием и глагольной формой главного предложения столь же широки.

В ряду итальянских неличных глагольных форм герундий противостоит причастию прошедшего времени и инфинитиву по признаку «внутреннего времени»: эта форма выражает незаконченное действие, без указания на завершенность, в то время как причастие прошедшего вре-

мени выражает завершенное действие, а инфинитив нейтрален по отношению к указанию на завершенность.

Таким образом, исходя из статуса герундия в иерархии неличных форм, он должен был бы выражать лишь одновременность по отношению к глагольной форме главного предложения. Такая возможность, действительно, очень широко используется в современном итальянском языке:

(9) Gli andò incontro sorridendo. – Он пошел ему навстречу, улыбаясь.

(10) Lavorando, il falegname cantava [23, с. 14]. – Работая, (за работой) плотник пел.

В действительности, временные отношения, которые простой герундий может устанавливать с глагольной формой главного предложения, гораздо разнообразнее, чем те, употребление которых ожидается от этой формы исходя из ее положения в системе неличных форм глагола и из ее «незаконченной», имперфективной природы. Герундий может выражать предшествование (11) или следование по отношению к глаголу главного предложения (12):

(11) Partendo dal centro della città, abbiamo impiegato esattamente sei ore per arrivare a destinazione. – Выхав из центра города, мы добрались до места ровно через шесть часов.

(12) L'auto ha travolto un pedone, finendo contro un muro [23, с. 17]. – Автомобиль сбил пешехода и врезался в стену.

Этот факт редко находит отражение в нормативных грамматиках: Батталья и Перниконе отмечают только одновременность, выражаемую простым герундием; Лепски упоминают о том, что простой герундий может выражать предшествование лишь по отношению к глаголу в будущем времени в главном предложении, и умалчивают о возможности выражения следования. Тем временем употребление простого герундия выражающего следование, неоднократно отмечалось еще в старом итальянском языке различными исследователями: о нем говорят Скерль, Корти, Брамбилла-Аджено, Л. И. Жолудева, М. С. Соколова и другие [24, с. 245; 12, с. 341; 18, с. 379; 15, с. 302; 2; 6].

Большее разнообразие временных отношений герундия с глаголом главного предложения, напротив, отмечают Моретти и Орвието [20, с. 180] на примерах из Буццати, Павезе, Гинзбург и Моравиа; а также Серианни, автор грамматики итальянского языка, опубликованной в 1988 г. [23, с. 407]. Также и Лонци в статье, вошедшей в «Большую справочную грамматику итальянского языка» [19, с. 571-592], упоминает о выражении герундием одновременности, следования и даже

предшествования, с оговоркой о том, что данный вид временной соотнесенности возможен только для герундия условия:

(13) *Salendo sulla torre potrai vedere anche il mare* [19, с. 575]. – Если поднимешься на башню, то увидишь море.

Разнообразие временных отношений простого герундия в сложноподчиненном предложении представлено в исследовании Розалии Соларино «Возможные времена итальянского герундия» [25]. Она объясняет временную полифункциональность герундия в терминах Романа Якобсона [17, с. 3] тем, что форма, не маркированная во временном отношении, располагает большей семантической свободой, чем маркированные формы. Чтобы присвоить значение такой семантически свободной форме, необходимо каждый раз черпать информацию из личной формы глагола, наряду, например, со сведениями о лице и числе герундиальной формы.

Таким образом, личная форма глагола в главном предложении может вовлекать простой герундий в более разнообразные временные отношения, нежели те, что предписаны данной форме ее имперфективной природой (т. е. отношения одновременности). Следовательно, можно предположить, что герундий выражает отношения предшествования и следования под влиянием прагматических факторов: значения задействованных во фразе глаголов, а также их временные отношения зачастую побуждают герундиальную форму к выражению несвойственных ей изначально видовых значений, т. е. значения завершенности [3, с. 23-32; 5; 24-32].

Ведь даже в «системной имперфективности» герундия действие без указания на его завершение может выражать два различных временных отношения. Такие отношения можно передать с помощью конструкций «и одновременно делал что-либо» – здесь второстепенное действие протекает одновременно с главным и длится столько же, сколько и главное (14), или же «и делал что-либо в рамках главного действия», где речь идет о второстепенном действии, которое накладывается на главное частично (15):

(14) *Passeggiavano conversando amabilmente.* – Они прогуливались и мило болтали.

(15) *Uscendo, incontrai Luigi* [25, с. 166]. – Уходя, я встретил Луиджи.

Чтобы выделить значение второстепенного действия, выраженного герундием, участники коммуникации в каждом случае привлекают прагматические знания о ситуации.

На присвоение подобного «относительного времени» герундию влияют также факторы иного рода, такие как расположение во фразе и наличие или отсутствие паузы. Существует статистически значительное соответствие между положением герундия во фразе и выражаемым им временным соотношением: герундий находится в превербальной позиции при выражении предшествования и одновременности накладываются действия, и наоборот, находится после глагола при выражении одновременности параллельного действия и следования [25, с. 167].

Вместе с тем простой герундий может реализовывать ряд семантических функций, которые зависят от семантико-прагматических отношений между действиями-процессами или состояниями, выражаемыми простым герундием и глаголом главного предложения: значения причины, уступки, времени, условия, образа действия и т. д. Как было сказано выше, реализация подобных семантических функций простым герундием происходит все реже (особенно в разговорном языке) и герундий становится все более стилистически нейтральным, но при выборе между простым и сложным герундием, который сохранил в своих немногих употреблениях лишь оттенки причины и уступки, предпочтение отдается первому.

Таким образом, расширение сферы употребления простого герундия происходит благодаря временной гибкости, синтаксической ясности и семантической полифункциональности этой формы. В подобной ситуации сложный герундий не выдерживает конкуренции.

Все вышеприведенные доводы находят свое подтверждение на конкретных примерах из текста перевода.

Подавляющее большинство деепричастий НСВ, передающих в русском языке значение одновременности с действием главного предложения, были переведены с помощью простого герундия или же других конструкций, которые в нашей статье не рассматриваются. Но сложный герундий для их перевода не использовался:

(16) Мне было жаль своей жизни, своей любви, мне было так же, как в самолетном сне, когда я летел, прорезая облака [8, с. 414]. – *Provavo pena per la mia vita, il mio amore, mi sentivo come in quel sogno sull'aeroplano, quando volavo bucando le nuvole* [26, с. 106].

Как упоминалось выше, подавляющее большинство деепричастий СВ от предельных и не-предельных глаголов также переведены формой простого герундия или другими конструкциями,

но сложный герундий не употреблялся для их перевода.

Простой герундий используется для перевода деепричастий СВ, выражающих одновременность действия или состояния по отношению к главному действию; зачастую речь идет о лексических формах, описывающих внешний облик кого-либо или чего-либо:

(17) А трубач уже сидел... на моем месте, поставив трубу на колено, приподняв брови на лбу [8, с. 414]. – E il trombettista era già tornato a sedere, al mio posto..., appoggiando la tromba al ginocchio e aggrottando le ciglia [26, с. 106].

(18) И, приподняв лицо, он будет ждать, что ему дадут кусочек сахара или поглядят по щеке [8, с. 451]. – Alzando verso di lei il viso, lui avrebbe aspettato il pezzetto di zucchero o la carezza sulla guancia [26, с. 153].

Такой же тип перевода наблюдается для деепричастий СВ, выражающих следование по отношению к главному действию:

(19) Он вошел в примерочную, задернув плюшевую занавеску [8, с. 435]. – Entrò nel camerino tirando la tendina di felpa [26, с. 134].

Нужно отметить, что деепричастия СВ, выражающие предшествование, тоже переводятся с помощью простого герундия: в большинстве случаев такие герундиальные формы предшествуют глаголу, но иногда и следуют за ним. В таких случаях информацию о последовательности событий читатель выносит из лексических и прагматических сведений о высказывании.

Наиболее распространены следующие примеры:

(20) Войдя в столовую, Инна оглядела зал [8, с. 426]. – Entrando nella sala del ristorante, Inna dette un'occhiata circolare [26, с. 122].

(21) Увидев Адама и Инну, они притихли, как бы наполнились уважением [8, с. 437]. – Vedendo Adam e Inna esse smisero di chiacchierare, come comprese di rispetto [26, с. 136].

(22) Освободившись от хозяина, собака выскочила на берег [8, с. 453]. – Sfuggendo al padrone, la cagna saltò sulla riva [26, с. 155].

Тем не менее нередки и формы простого герундия, передающие значение предшествования в переводе и находящиеся в постпозиции к глаголу; простые герундиальные формы употребляются с предельными глаголами, такими как *addurre*, *riunire*, *tracciare*:

(23) Тот человек, которого она любила и на которого рассчитывала, очень симпатично слинял, сославшись на объективные причины [8, с. 426]. – L'uomo che lei amava e sul quale faceva affidamento

s'era sfilato molto simpaticamente adducendo ragioni obiettive [26, с. 131].

(24) Обе старушки обежали Инну и Адама глазами, объединив их своими взглядами, как бы проведя вокруг них овал [8, с. 426]. – Tutte e due le vecchiette percorsero Inna e Adam con gli occhi, riunendoli negli sguardi, come tracciando attorno ad essi un ovale [26, с. 131].

Употребляются они и с неопредельными глаголами, такими, как *avvertire*:

(25) Потрясающе, – обрадовалась Инна, услышав в себе этот необходимый компонент [8, с. 437]. – Formidabile, – si rallegrò Inna, avvertendo in sé la presenza di questo indispensabile componente [26, с. 136].

Необходимо отметить еще два обстоятельства. Зачастую для перевода деепричастных форм в итальянском переводе используются другие лексические средства – личные формы глагола, причастия, наречия, существительные с предлогом и т. д.; их подробное описание можно найти в уже упоминавшихся работах Э. Я. Кушкиной [4] и Ю. А. Стуликовой [7]. Тем не менее примерное соотношение количества форм герундия и деепричастий в русском и переводном тексте – 1:1. Вызвано это прежде всего тем, что во многих случаях простой итальянский герундий употребляется для перевода одного из простых сказуемых в сложносочиненном предложении:

(26) Она все время ждет, что он найдет себе помоложе и бросит ее [8, с. 427]. – Lei si aspettava da un momento all'altro che lui se ne trovasse una più giovane piantando lei [26, с. 132].

(27) Я должен играть и не слышать себя. Я должен только чувствовать [8, с. 413]. – Dovrei suonare senza ascoltarmi. Seguendo solo ciò che sento dentro [26, с. 105].

(28) Он снова помолчал. Послушал себя [8, с. 413]. – Restò in silenzio. Ascoltando se stesso [26, с. 104].

Такая особенность перевода связана с отмечаемой многими исследователями тенденцией к большей синтаксической связности итальянского текста и к более сильной синтаксической иерархичности, по сравнению с русским текстом. Синтаксические связи в итальянском тексте акцентированы, и огромное значение уделяется отношениям логического порядка – цели, следования, причины, условия и т. д. В связи с этим зачастую логические отношения устанавливаются даже между формально независимыми высказываниями [16, с. 66].

Часто встречающийся перевод деепричастий СВ с помощью итальянского причастия прошедшего

шего времени вполне закономерен, учитывая, что такая неличная форма содержит в себе указание на завершенность действия. Кроме того, многие исследователи говорят о функциональной близости и даже о родстве причастия прошедшего времени и сложного герундия [13; 12]: Анна Антони-ни [10, с. 89], например, утверждает, что сложный герундий всегда выполнял функцию такого причастия, ссылаясь при этом на Пьетро Бембо, который в «Рассуждении в прозе о народном языке» хвалил Боккаччо за использование причастия вместо громоздкого сложного герундия. Именно поэтому, по мнению исследовательницы, сейчас сложный герундий находится в кризисе, который, по-видимому, разрешится не в пользу этой конструкции.

В заключение отметим, что проведенный нами анализ переводов художественного текста с русского языка на итальянский полностью подтверждает тенденцию к исчезновению из употребления форм сложного герундия: эти формы вытесняются формами герундия настоящего времени и другими личными и неличными глагольными конструкциями. Частотное употребление итальянского сложного герундия при переводе каких бы то ни было форм и даже деепричастий СВ допустимо лишь в условиях текста бюрократического или же отчетливо высокопарного стиля. В любом случае появление такой формы в тексте не может считаться стилистически нейтральным.

Библиографический список

1. Алигьери, Д. Новая жизнь [Текст] / Д. Алигьери; пер. с ит. А. Эфроса. – М. : Худ. лит., 1975. – 178 с.
2. Жолудева, Л. И. Структурные особенности абсолютных причастных и герундиальных оборотов в итальянской прозе XVI века [Текст] / Л. И. Жолудева // Древняя и Новая Романия. – 2015. – Т. 16. – С. 89-98.
3. Зализняк, А. А., Микаэлян, И. Л., Шмелев, А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары [Текст] / А. А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 391 с.
4. Кушкина, Э. Я. Соответствия русскому деепричастию в итальянском языке [Текст] / Э. Я. Кушкина // Романские языки на фоне русского: Структурно-семантические соответствия; под общ. ред. М. К. Сабанеевой. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. – С. 70-88.
5. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке [Текст] / Е. В. Падучева. – 2-е изд, испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
6. Соколова, М. С. Семантическая классификация герундия в староитальянском языке на примере «Декамерона» Боккаччо [Текст] / М. С. Соколова // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – М., 2008. – №. 9 – С. 31-45.
7. Стуликова, Ю. А. Итальянский герундий и его русские эквиваленты (значения вида и времени) [Текст] / Ю. А. Стуликова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Уральский гос. пед. ун-т». – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2007. – 152 с.
8. Токарева, В. С. Один день без вранья [Текст] / В. С. Токарева. – М. : Квадрат, 1995.
9. Alighieri, D. Vita nova, XII, 6. – Milano : Mondadori, 1999.
10. Antonini, A. Il problema del gerundio // Studi di grammatica italiana. – 1974. – №. 4. – P. 85-107.
11. Baselica, G. Se non sei dissidente non esisti / Tradurre. – №. 7. – 2014. – URL: <https://rivistatradurre.it/2014/11/se-non-sei-dissidente-non-esisti>
12. Battaglia, S., Pernicone, V. La grammatica italiana. – Torino : Loescher Editore, 1963.
13. Brambilla Ageno, F. Verbo: gerundio // Enciclopedia Dantesca. Appendice. – Roma : Istituto della Enciclopedia italiana, 1978. – Vol. 4. – P. 292-304.
14. Corti, M. Studi sulla sintassi della lingua poetica avanti lo Stilnovo. – Perugia : Sismel, 1953.
15. De Roberto, E. Usi concorrenziali di infinito e gerundio in italiano antico // Actas del XXVI Congreso Internacional de Lingüística y de Filología Románicas; a cura di E. Casanova Herrero, C. Calvo Rigual. – Berlin-New York : De Gruyter. – Vol. II. – 2013. – P. 125-136.
16. Govorukho, R. Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo // Studi di grammatica italiana, 2001 – № 20. – P. 53-67.
17. Jacobson, R. Implicazioni degli universali linguistici per la linguistica // La tipologia linguistica; a cura di R. Ramat. – Bologna : Il Mulino, 1971.
18. Lepschy, A. L., Lepschy, G. C. La lingua italiana. – Torino : Einaudi, 1981.
19. Lonzi, L. Frasi subordinate al gerundio // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. II; a cura di L. Renzi e G. Salvi. – Bologna : Il Mulino, 1991. – P. 571-592.
20. Moretti, G. B., Orvieto, G. R. Grammatica italiana. – Perugia : Benucci, 1979. – 237 p.
21. Policarpi, G. Tipi di proposizione e di periodo nell'italiano popolare contemporaneo e in Croce // Fenomeni morfologici e sintattici nell'italiano contemporaneo; a cura di M. Medici, A. Sangregorio. – Roma : Bulzoni, 1974. – P. 651-716.
22. Policarpi, G., Rombi, M. Altre metodologie per la sintassi: tipi di gerundio e tipi di participio // Italia linguistica: idee, storia, strutture; a cura di L. F. Albano et al. – Bologna : Il Mulino, 1983. – P. 309-331.
23. Serianni, L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. – Torino: UTET, 1988. – 728 p.
24. Skerlj, St. Syntaxe du participe présent et du gérondif en vieil italien, avec une introduction sur l'emploi du participe présent et de l'ablatif du gérondif en latin. – Paris : Champion, 1926.

25. Solarino, R. I tempi possibili: le dimensioni temporali del gerundio italiano. – Padova : Unipress, 1996. – 140 p.

26. Tokareva, V. Dimmi qualcosa nella tua lingua; trad. dal russo di Sergio Rapetti. – L'Aquila : Textus, 1999.

27. Voghera, M. Sintassi e intonazione nell'italiano parlato. – Bologna : Il Mulino, 1978. – 344 p.

Reference List

1. Alig'eri, D. Novaja zhizn' = New life [Tekst] / D. Alig'eri; per. s it. A. Jefrosa. – M. : Hud. lit., 1975. – 178 s.

2. Zholudeva, L. I. Strukturnye osobennosti absoljutyh prichastnyh i gerundial'nyh oborotov v ital'janskoj proze XVI veka = Structural features of absolute participial and gerunds phrases in XVI century Italian prose [Tekst] / L. I. Zholudeva // Drevnjaja i Novaja Romanija. – 2015. – T. 16. – S. 89-98.

3. Zaliznjak, A. A., Mikajeljan, I. L., Shmelev, A. D. Russkaja aspektologija: v zashhitu vidovoj pary = Russian aspectology: in defense of species pair [Tekst] / A. A. Zaliznjak, I. L. Mikajeljan, A. D. Shmelev; Rossijskaja akad. nauk, In-t russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. – 391 s.

4. Kushkina, Je. Ja. Sootvetstvija russkomu deeprichastiju v ital'janskom jazyke = Compliance with Russian verbal adverb in Italian [Tekst] / Je. Ja. Kushkina // Romanskije jazyki na fone russkogo: Strukturno-semanticheskie sootvetstvija; pod obshh. red. M. K. Sabaneevoj. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1993. – S. 70-88.

5. Paducheva, E. V. Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke = Semantic studies. Semantics of tense and voice in Russian [Tekst] / E. V. Paducheva. – 2-e izd, ispr. i dop. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. – 480 s.

6. Sokolova, M. S. Semanticheskaja klassifikacija gerundija v staroital'janskom jazyke na primere «Dekameron» Bokkacheho = Semantic classification of gerund in Old Italian on the example of Boccaccio's «Decameron» [Tekst] / M. S. Sokolova // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Serija 9: Filologija. – M., 2008. – №. 9 – S. 31-45.

7. Stulikova, Ju. A. Ital'janskij gerundij i ego russkie jekvivalenty (znachenija vida i vremeni) = Italian gerund and its Russian equivalents (values of voice and tense) [Tekst] / Ju. A. Stulikova; M-vo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovanija «Ural'skij gos. ped. un-t». – Ekaterinburg : Ural'skij gos. ped. un-t, 2007. – 152 s.

8. Tokareva, V. S. Odin den' bez vran'ja = One day without lying [Tekst] / V. S. Tokareva. – M. : Kvadrat, 1995.

9. Alighieri, D. Vita nova, XII, 6. – Milano : Mondadori, 1999.

10. Antonini, A. Il problema del gerundio // Studi di grammatica italiana. – 1974. – №. 4. – P. 85-107.

11. Baselica, G. Se non sei dissidente non esisti / Tradurre. – №. 7. – 2014. – URL: <https://rivistatradurre.it/2014/11/se-non-sei-dissidente-non-esisti>

12. Battaglia, S., Pernicone, V. La grammatica italiana. – Torino : Loescher Editore, 1963.

13. Brambilla Ageno, F. Verbo: gerundio // Enciclopedia Dantesca. Appendice. – Roma : Istituto della Enciclopedia italiana, 1978. – Vol. 4. – P. 292-304.

14. Corti, M. Studi sulla sintassi della lingua poetica avanti lo Stilnovo. – Perugia : Sismel, 1953.

15. De Roberto, E. Usi concorrenziali di infinito e gerundio in italiano antico // Actas del XXVI Congreso Internacional de Lingüística y de Filología Románicas; a cura di E. Casanova Herrero, C. Calvo Rigual. – Berlin-New York : De Gruyter. – Vol. II. – 2013. – P. 125-136.

16. Govorukho, R. Sintassi e pragmatica nella coesione testuale in italiano e in russo // Studi di grammatica italiana, 2001 – №. 20. – P. 53-67.

17. Jacobson, R. Implicazioni degli universali linguistici per la linguistica // La tipologia linguistica; a cura di R. Ramat. – Bologna : Il Mulino, 1971.

18. Lepschy, A. L., Lepschy, G. C. La lingua italiana. – Torino : Einaudi, 1981.

19. Lonzi, L. Frasi subordinate al gerundio // Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. II; a cura di L. Renzi e G. Salvi. – Bologna : Il Mulino, 1991. – P. 571-592.

20. Moretti, G. B., Orvieto, G. R. Grammatica italiana. – Perugia : Benucci, 1979. – 237 p.

21. Policarpi, G. Tipi di proposizione e di periodo nell'italiano popolare contemporaneo e in Croce // Fenomeni morfologici e sintattici nell'italiano contemporaneo; a cura di M. Medici, A. Sangregorio. – Roma : Bulzoni, 1974. – P. 651-716.

22. Policarpi, G., Rombi, M. Altre metodologie per la sintassi: tipi di gerundio e tipi di participio // Italia linguistica: idee, storia, strutture; a cura di L. F. Albano et al. – Bologna : Il Mulino, 1983. – P. 309-331.

23. Serianni, L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. – Torino : UTET, 1988. – 728 p.

24. Skerlj, St. Syntaxe du participe présent et du gérondif en vieil italien, avec une introduction sur l'emploi du participe présent et de l'ablatif du gérondif en latin. – Paris : Champion, 1926.

25. Solarino, R. I tempi possibili: le dimensioni temporali del gerundio italiano. – Padova : Unipress, 1996. – 140 p.

26. Tokareva, V. Dimmi qualcosa nella tua lingua; trad. dal russo di Sergio Rapetti. – L'Aquila : Textus, 1999.

27. Voghera, M. Sintassi e intonazione nell'italiano parlato. – Bologna : Il Mulino, 1978. – 344 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

Германские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10605

УДК 811.111(035.3)

Т. В. Леденева

<https://orcid.org/0000-0003-3090-5639>

Н. А. Зинкевич

<https://orcid.org/0000-0002-3992-5647>

Эгалитарно-инклюзивные трансформации категории рода в современном английском языке

В статье представлены результаты исследования изменений, происходивших с категорией рода в английском языке в 1970-2010-е годы, когда в силу определенных лингвистических и социально-культурных факторов она оказалась в центре внимания как профессиональных лингвистов и средств массовой информации, так и официальных структур США и Западной Европы. Процесс эволюции категории рода в этот период можно условно разделить на два этапа: 1970-90-е и 2000-е годы. В первый период произошла коррекция лингвистической асимметрии, выразившаяся в реформе употребления генерического личного местоимения мужского рода единственного числа *he* и значительном увеличении существительных женского рода, обозначающих профессии, титулы и звания. Второй этап был связан с политикой инклюзивности, в результате чего использование гендерно-нейтральных существительных и местоимений стало нормативным.

В центре данного исследования находится совокупность собственно лингвистических и социокультурных факторов, вызвавших изменения в нормативном словоупотреблении, связанном с грамматической категорией рода. Особый интерес представляет выявленное противоречие между прескриптивными усилиями общества по реформированию языка и собственно лингвистическими закономерностями, в соответствии с которыми часть нововведений прижилась в языке, а часть была им отвергнута. Теоретические обобщения и выводы данной статьи, а также вводимые в обращение конкретные речевые примеры заслуживают внимания как лингвистов, так и преподавателей английского языка.

Ключевые слова: категория рода, гендерная лингвистика, инклюзия, феминистская лингвистика, феминитив, генерическое местоимение, гендерно-нейтральные местоимения.

Germanic languages

T. V. Ledeneva, N. A. Zinkevich

Egalitarian and inclusive transformations of the Gender category in contemporary English

The paper embraces the research deliverables on the evolution of Gender in Modern English Grammar and Vocabulary over the 1970-2010s. A broad range of linguistic and socio-cultural factors contributed to genuine interest in the category of Gender not only on the part of linguists but also from mass media and administrative bodies in the USA and Western Europe. The evolution process falls into two stages, that of the 1970-90-s and the 2000-s. The first period led to redressing the gender asymmetry and resulted in reforming the usage rule of generic pronoun *he* as well as in a significant increase in the number of feminitives. The second period is characterized by linguistic adjustment to the main trends of sociocultural inclusiveness and has led to the increasing role of gender-neutral pronouns.

The study of both periods focuses on the analysis of linguistic and sociocultural factors bringing the changes in the Gender category to life. Particular attention is given to the controversy between prescriptive efforts purporting to reform the language and inherent linguistic patterns due to which not all innovations have managed to take root in contemporary English. Theoretical deductions and conclusions as well as the factual linguistic data introduced in the article are worth the attention of both linguists and English language teachers.

Keywords: gender, gender linguistics, inclusiveness, feminist linguistics, feminitive, generic pronoun, gender-neutral pronouns.

Целью данной работы является анализ изменений в категории рода в современном английском языке на грамматическом, лексическом и словообразовательном уровнях с тем, чтобы установить причины, вызвавшие наблюдаемые трансформации, и последствия произошедших реформ. В поле исследования попадают изменения, которые берут начало в 1970-е годы и продолжаются по настоящее время. При этом в центре внимания оказываются как собственно лингвистические факторы, так и внешние социально-культурные и административные.

Категория рода в английском языке является актуальным объектом изучения и научной дискуссии в нашей стране и за рубежом. В последние двадцать лет в России было защищено несколько диссертаций по этой теме. Однако появившийся в последние пять лет языковой материал показал, что обсуждаемые проблемы далеко не исчерпаны и в высшей степени актуальны. Как показывают публикации последних лет [1, 4, 6], категория рода в английском языке продолжает вызывать научный интерес.

Сугубо академическая категория рода в английском языке стала предметом острых общественно-политических дискуссий в 70-е годы XX века. Основной движущей силой процесса стало феминистское крыло академического сообщества. В университетах проходили семинары и конференции по проблемам языка и пола. Появились яркие лингвистические исследования, доказывавшие, что традиционный английский язык непригоден для использования ввиду того, что он пропитан маскулинными идеями и ценностями (*masculine bias in the language*) [18, 19, 20].

В это время западная лингвистика находилась под сильным влиянием гипотезы лингвистического релятивизма Сепира-Уорфа, согласно которой язык определяет мышление, и, соответственно, когнитивные категории строго детерминируются лингвистическими категориями. Казалось, что достаточно изменить национальные языки, чтобы преобразить мир. Необходимо только обнажить скрытую в обычных словах и грамматических формах функцию андроцентризма, мужского доминирования.

Под андроцентризмом понимался не просто взгляд на мир с мужской точки зрения, но и представление мужских нормативных и жизненных моделей в качестве универсальных общечеловеческих, а женской системы ценностей как маргинальной аномалии. По определению Энн Пауэлз

(Ann Pauwels), основными признаками андроцентризма английского языка являются незаметность женщин в языке; изображение женского статуса через референцию к мужчине; стереотипическая репрезентация обоих полов; изображение женщин, как имеющих подчиненный статус [22, p. 48].

В пылу дискуссии случалось использование в качестве аргументации псевдонаучной игры слов. Например, выдвигалось требование радикального пересмотра истории как науки, поскольку традиционная история – это *history = his-story*, которой необходимо противопоставить *her-story*. На самом деле существительное *history* восходит к древнегреческому *histor* (*мудрец, судья*).

С появлением в 1976 г. академического журнала *Women and Language* феминистская критика языка оформилась как новое направление в лингвистике, направленное на реформирование традиционных языков с целью устранения их гендерной асимметрии. В результате феминистского этапа лингвистической реформы в английском языке произошел ряд изменений, направленных на восстановление паритета в использовании форм мужского и женского рода.

В частности, усилия феминистской лингвистики, направленные на утверждение равноправия и создание позитивного имиджа женщины в языке, привели к изменению традиционной практики употребления местоимения *he*, так называемого, генерического *he* (*generic he*). Если в недалеком прошлом можно было прочесть в школьном учебнике: *The first grader should be ready for his first day at school, bring his books, pencils, and paper*, то сегодня это предложение выглядит либо как: *The first grader should be ready for his or her first day at school, bring his books, pencils, and paper*, либо (предпочтительный вариант): *First graders should be ready for their first day at school, bringing their books, pencils, and paper*. Введено нормативное требование согласования существительных общего рода с двойным личным местоимением 3-го лица: *If a student is ill, he or she must send a medical certificate* [27, p. 653].

В лексическом составе английского языка также произошли значительные изменения. Практически вышли из употребления существительные с компонентом *-man*, не имеющие парных дериватов с компонентом *-woman*, такие, как *mankind* (*человечество*). Устаревшими стали словосочетания, в которых мужчина определяется по его социальному или профессиональному статусу, а женщина – по семейному положению: *man and*

wife. Реформа коснулась и глагольной парадигмы слова *to man* в значении *укомплектовывать людьми, кадрами, личным составом*. Так, в сообщениях и документах NASA «пилотируемый космический корабль» отныне не *manned ship*, а *crewed ship*. [16, p. 648-649]. Остаются под вопросом формулировки в исторических документах, таких как «Декларация независимости» с ее знаменитым тезисом «All men are created equal».

По подсчетам А. П. Нилсен, словарь Вебстер содержал в пять раз больше существительных мужского рода с указанием профессий, чем женских [21, p. 7]. Для устранения количественного лексического дисбаланса были созданы сотни новых существительных женского рода, производных от однокоренных существительных мужского и общего рода. Самую большую группу составили феминитивы с обозначением профессии, должности, звания и титула (*policeman-policewoman, businessman-businesswoman, chairman-chairwoman, anchorman-anchorwoman, governor-governess, steward-stewardess, headmaster-headmistress, priest-priestess, cowboy-cowgirl, manager-manageress, aviator-aviatrix, etc.*) [21, p. 58].

С одной стороны, исследование гендерных асимметрий языка способствовало более глубокому изучению словообразовательной и номинативной систем языка, а также культурных стереотипов женственности и мужественности в целом [10]. С другой стороны, учитывая социально-политическую остроту проблемы гендерного неравенства и возрастающую роль женщины в обществе, с 1987 по 1995 г. вопрос об устранении «лингвистической дискриминации» женщины ежегодно обсуждался на генеральных конференциях ЮНЕСКО и находил отражение в официальных документах этой организации [13]. В 1990 году Совет Европы призвал СМИ пользоваться свободным от сексизма языком [13]. В результате были разработаны специальные инструкции для работников СМИ с политически корректными эквивалентами для «сексистских» слов и форм.

Административная реформа сделала новые языковые нормы обязательными для таких стилевых регистров, как политический и академический дискурс, деловое общение и язык средств массовой информации. Однако на глубинном речевом уровне традиционная категория рода продолжала функционировать по-прежнему. Более того, ни массовый энтузиазм подвижников-реформаторов, ни прескриптивное, волюнтаристски-административное навязывание языку новых слов не привели автоматически к исчезновению

культурных стереотипов, лежащих в основе гендерного неравенства. Семантического уравнивания значений существительных мужского и общего рода с феминитивами не произошло. Как когда-то М. Цветаева интуитивно предпочла называться поэтом, а не поэтессой, так и многие англоязычные женщины-профессионалы болезненно отреагировали на женские варианты номинации их вида деятельности, чувствуя их уязвимость, заложенную в самой природе языка.

В итоге далеко не все феминитивы вошли в узус, большинство осталось либо на уровне окказиональных казусов, либо были впоследствии заменены гендерно-нейтральными дериватами. Например, не прижилось существительное *governess* (*женщина-губернатор*), поскольку в XIX веке это слово означало *гувернантка*. Словосочетания *career officer, career diplomat* в значении *кадровый военный, дипломат*, оказались семантически уязвимыми к негативным коннотациям в сочетании с существительным женского рода. Такие словосочетания, как *career girl, career woman* стали употребляться в значении *карьеристка*. Известен казус, когда по этой причине Сара Фергюссон, княгиня Йоркская, отказалась принимать участия в программе Би-Би-Си, посвященной профессиональным успехам женщин из высшего света Великобритании, именно потому, что ей категорически не понравилось словосочетание *career girl*.

Даже попытки заменить гендерно-маркированные компоненты на нейтральные, такие как *person*, привели к тому, что сегодня слово *person* (*chairperson, businessperson*) нередко интерпретируется как замаскированное *woman*. Дебора Кэмерон (*Deborah Cameron*) приводит в своей монографии следующие примеры из современной английской художественной литературы: «— *God damn careless person. — She must have been. — I didn't say she, Mr Lockwood. — If it had been a man you'd have said so, but you said 'God damn careless person'.*» (*J. O'Hara*). «*Unless it has to do with the ships or sparking, you just suppose a person is female till you learn otherwise.*» (*D. Brin*) [10, p. 29].

К неоднозначным результатам привело и нормативное введение паритетного обращения к лицу женского пола *Ms*, призванного устранить недостатки традиционных обращений *Mrs* (указывавшего, что денотат замужем), *Miss* (указывавшего, что денотат не замужем). В настоящее время при обращении к женщине *Ms* стали иногда добавлять в скобках аббревиатуры *Miss* или *Mrs* для выражения более уважительного отношения к

ее матримониальному статусу, в то время как аббревиатура *Ms* приобрела по умолчанию семантические коннотации *разведенная женщина* или *женщина, для которой жизненным приоритетом является профессиональная карьера*.

Одним из объяснений того, почему применение мужского обозначения к референту-женщине значительно повышает её статус в глазах окружающих, можно найти в выведенной Н. С. Трубецким закономерности, лежащей в основе деления фонологических оппозиций на привативные и эквивалентные.

Если применить эту оппозицию к лексике, как предлагает исследователь А. Пиперски [5], то в случае эквивалентной оппозиции противопоставляемые слова равны по статусу. В случае же с продуктивной моделью образования феминитивов мы имеем дело с привативной оппозицией – дериват по определению имеет признак, снижающий его статус по сравнению с базовым словом. Ситуация могла бы быть иной, если бы словообразование происходило и в другую сторону – существовали бы дериваты от основы женского рода. В современном английском языке такие случаи единичны и относятся к 19 веку, например, *widow-widower*.

Ограниченность диапазона воздействия феминистских инноваций на английский язык проявилась и в том, что массовая культура их практически проигнорировала. В качестве примера можно привести опыт американской лингвистики Сюзет Хейден Элджин (*Suzette Haden Elgin*), которая в 1980-е годы разработала искусственный феминистический язык лаадан (*Laáadan*) с фонетикой, грамматикой, синтаксисом и словарем. Элджин опубликовала научно-фантастическую трилогию, в которой женщины, лишённые по сюжету гражданских прав, говорят на этом языке [12]. Категория рода представлена в языке лаадан весьма своеобразно: личные местоимения не классифицируются по родам, а существительные мужского рода являются производными от существительных женского рода: *thul* (*мать/родитель*) – *thulid* (*отец*). В интервью от 12 июня 2007 г. Элджин признала, что *лаадан* не привлек широкого внимания читателей, несмотря на опубликованные словарь, грамматику и аудиозаписи. Даже феминистические журналы обошли его вниманием. Никто не обратился к автору за интервью, не появилось и традиционных рецензий [2]. И это при том, что созданный в те же годы для фильма «Звездный путь» искусственный клингонский язык нашел массу поклонников и последователей:

публикуются учебники этого языка, на нем ставятся оперы, на него даже переведена Википедия.

С конца XX века начался новый этап гендерных исследований английского языка, направленный на преодоление избирательной ограниченности предыдущего периода сугубо феминистическими проблемами. В социолингвистическом аспекте сформировался и вошел в широкое международное употребление концепт «гендер», акцент в котором делается уже не на биологическое, а на социально-культурное различие между полами [3, с. 10]. В конце XX века сформировалась как самостоятельная дисциплина гендерная лингвистика, успешно решающая задачу системного осмысления и описания языка в связи с феноменом пола.

Социальная борьба за равноправие полов постепенно распространилась и на лиц «третьего пола», а гендерная реформа языка стала рассматриваться как частный случай более широкого феномена – социальной и лингвистической инклюзивности, т. е. включенности в язык и культуру всех гендерных групп и идентичностей. В социальном плане процесс инклюзии тесно связан с глобальной тенденцией гуманизации общества. Английский термин *inclusive society* (*инклюзивное общество*) означает такой принцип организации жизни в обществе, который позволяет участвовать в ее разных аспектах (повседневная жизнь, образование, культура и искусство, трудовая занятость) всем людям, независимо от их внешности, этнического происхождения, возраста, пола, социального статуса и состояния здоровья. Для этого необходимо создать такие условия, при которых каждый человек чувствует себя принятым и понятным полноправным членом общества. Идея «включающего» языка распространилась на небинарные идентичности, возникла необходимость предоставить равные лингвистические средства трансгендерным и интерсекс-людям. Универсальной моделью решения этой проблемы стали административные нововведения по гендерной нейтрализации английского языка.

К традиционным аббревиатурам *Mr* и *Ms*, употребляемым перед именем собственным, добавилась форма *Mx*, не указывающая на пол или гендер [24, р. 70]. Вместо традиционного обращения *ladies and gentlemen* все чаще стало звучать *friends and guests*. А в динамиках лондонского метро теперь раздаётся: *Hello, everyone*. 31 января 2018 года был опубликован отредактированный текст англоязычного национального гимна Канады, в котором строка *True patriot love in all sons commands...* была заменена на *True patriot love in all of*

us commands...

В новой редакции традиционных стилистических справочников и руководств для школьников, студентов, журналистов появились рекомендации избегать одушевленных существительных с ярко выраженными признаками мужского и женского пола, заменяя их на гендерно-инклюзивные. Популярный компьютерный сайт *writinghelp-central.com* предлагает 250 нейтральных лексических единиц. Во многих исчезли компоненты *man-woman* (вместо *chairman-chairwoman* рекомендуется *chair*; вместо *policeman-policewoman* – *police officer*; *steward-stewardess* – *flight attendant*, *freshman* – *first-year student*, *man-made* – *machine-made*, *the common man* – *the average person*, *congressman* – *legislator/ congressional representative* и т. д.). Компонент *person* теперь встречается намного реже, но остается в таких словах, как *spokesperson*, *businessperson*. В творческих профессиях реабилитированы существительные двойного рода *actor*, *poet*, *writer*.

Все приведенные выше модели лексической нейтрализации языка преследуют одну цель -- сделать невидимой (*gender-blind*) в языке категорию рода как гендерный маркер.

Особое место в данном процессе занимают изменения, происходящие на наших глазах с местоимением множественного числа *they* (*они*), которое приобретает нормативную функцию не просто гендерно-нейтрального местоимения единственного числа (*Singular they*), но гендерно-инклюзивного (*unisex*). В первом случае местоимение *they*, традиционно являющееся маркером множественного числа, употребляется вместо «сдвоенных» местоимений *he or she* применительно к существительным двойного или общего рода: *If the student has any questions they can contact their lecturer. If somebody wants my ticket, they can have it* [27, p.197]. Оксфордский словарь утверждает, что *singular they* было впервые зафиксировано в письменной речи в 1375 г. в средневековом романе «*William and the Werewolf*» и встречается в произведениях таких классиков английской литературы, как Д. Остен, У. Теккерей и Дж. Б. Шоу: «*The older a person grows the more important it is that their manners...*» (*J. Austen*); «*A person can't help their birth.*» (*W. M. Thackeray*); «*Nobody would ever marry if they thought it over.*» (*G. B. Shaw*). Современная художественная литература поддерживает эту традицию: «*Not one person raised their hand.*» (*J. K. Rowling*) [24, p.74].

Однако в случае *unisex they* референтом выступает лицо неопределенного (*non-binary*) пола в

единственном числе: **They** are a writer. I am proud of **them**. That is **their** book. /That book is **theirs**. That person likes **themselves**.

Британские и американские лингвисты ведут бескомпромиссную дискуссию по поводу нормативности *singular they* в современном языке. Нестандартная форма возвратного местоимения *themselves* квалифицируется пока подавляющим большинством руководств по стилю как разговорная, несмотря на то, что она уходит корнями в историческое прошлое и зафиксирована в американской литературе XIX–XX веков: «*Themselves are all I have ...*» (*E. Dickinson*); «*He's one of those guys who's always patting themselves on the back.*» (*J. D. Salinger*) [11]. Любопытно, что современные пособия по гендерно-инклюзивному стилю предлагают тем, кто пока не готов принять местоимение *themselves*, использовать в этом случае имя собственное в притяжательном падеже: *Ann wrote the book Ann's self*. [15].

Как видно из примеров, в предложении *They are a writer* происходит явное нарушение традиционной нормы грамматического согласования по категории единственного и множественного числа, что вызывает вопросы и споры по поводу стандартизации *singular/unisex they*. Сторонники нововведения [8, p. 156] предлагают вспомнить эволюцию местоимения *you*, которое так же, как и *they*, было в прошлом маркером множественного числа (в единственном тогда употреблялись *thou*, *thee*, *thy*), а сегодня естественно звучит по отношению к референту единственного числа, согласовываясь при этом с глаголом множественного числа.

В 2015 г. *singular/unisex they* было названо в США словом года как самое популярное альтернативное местоимение для лиц, не желающих ассоциировать себя с традиционными *he/she*. Примерно в это же время в студенческой среде развернулась массовая кампания за право индивидуального выбора гендерного местоимения (*PGP – preferable gender pronoun*). В настоящее время считается хорошим тоном, представляясь незнакомому человеку, называть не только свое имя, но и свое местоимение: «*Hi, I'm Diego. I'm 17, a senior, and my preferred gender pronouns are 'he', 'him', and 'his'.*» Или *'they', 'them', and 'their'*. Или любое другое из списка на официальном сайте учебного заведения. Или можно придумать свое собственное местоимение с полной парадигмой. [9]. Списки наиболее часто встречающихся местоимений висят на стенах кампусов [15].

He/She	Zie	Sie	Ey	Ve	Tey	E
Him/Her	Zim	Sie	Em	Ver	Ter	Em
His/Her	Zir	Hir	Eir	Vis	Tem	Eir
His/Hers	Zis	Hirs	Eirs	Vers	Ters	Eirs
Himself/Herself	Ziese lf	Hir- self	Eir- self	Ver- self	Ter- self	Em- self

Проводятся специальные тренинги по заучиванию парадигм: *Xena ate their food because they were hungry. Xena ate zir food because zie was hungry.*

Трудно сказать, насколько долговременной окажется данная административная реформа и насколько прочно приживется такое нововведение в английской речи. По данным Гарварда, количество студентов, выбирающих небинарные личные местоимения, составляет лишь один процент от всех обучаемых [9]. Однако никто не имеет права нарушать новую норму. Наказанием для преподавателя может быть увольнение с работы, а для студента стать парией. Тенденция набирает обороты и распространяется по всей сфере профессиональной занятости.

Лингвисты дают исторический обзор попыток внедрения в речь небинарных местоимений и предупреждают, что ни одна из них не увенчалась успехом. Согласно Дэнису Бэррону, (*Baron, Dennis*), они начались с середины 19 века. В 1884 г. юрист Чарльз Конверс (*Charles Crozat Converse*) предложил местоимение *thon (that one)*, которое было зафиксировано в словаре Вебстера и до сих пор имеет своих поклонников. [8, p. 10]. В начале XX века американские газеты шумно обсуждали местоимения математика Майкла Спивака (*Michael Spivak*): *e, es, em (e wrote; es eyes are blue)*. С 1970-х годов местоименные неологизмы для небинарных людей (гендерквиров) были широко распространены в медицинских справочниках и молодежных коммунах. Так, в международных молодежных коммунах имеет широкое хождение местоимение *so*, придуманное в 1970 г. писательницей-феминисткой Мери Орован (*Mary Orovan*) [26] и зафиксированное в ряде уставов коммун и других официальных документах.

Особенность данной реформы состоит в том, что пока количество небинарных местоимений, предлагаемых для использования, чересчур велико для такой традиционно закрытой категории служебных слов. Можно привести пример шведского языка, где с 2015 г. к бинарным местоимениям *han(он)* и *hon(она)* было официально приравнено гендерно-нейтральное местоимение *hen* [7], но только одно. Иными словами, происходящие в данный момент социокультурные перемены вступают

в резкое противоречие с закономерностями функционирования естественного языка. К каким последствиям это может привести? К необходимости искусственно перестраивать категорию рода? Энтузиасты, внедряющие гендерную реформу языка, руководствуются верой в то, что, изменив гендерно-маркированную лексику на гендерно-нейтральную, они устранят социальную дискриминацию и замалчивание меньшинств. Однако пока альтернативные местоимения воспринимаются подавляющим большинством носителей языка как инородные маркеры-ярлыки, что в корне противоречит предназначенной для них функции нейтральной инклюзивности референтов.

Под влиянием таких экстралингвистических факторов, как социально-культурные предрассудки, гендерная реформа языка приводит не столько к стиранию бинарности в речи, сколько к ее подчеркиванию. Неологизмы, феминитивы, альтернативные местоимения, призванные способствовать инклюзии, примирению, включению в сообщество, на деле становятся раздражающими маркерами чужой идеологической позиции, провоцирующими на неприятие. На практике гендерно-нейтральная нормативность оказывается лишь «заменой ярлыков», а не реформой системы, производящей бинарный гендерный порядок. Проанализированный в статье материал в принципе опровергает гипотезу Сепира-Уорфа, наглядно показывая, что язык не настолько всемогущ, чтобы изменить устойчивую культурную традицию. Пока не изменится сама система, нагружающая определенным смыслом гендерно-детерминированные номинации, не прекратится практика ограничения языкового самовыражения «исключенных» групп. Сначала должен измениться контекст, делающий категорию рода в английском языке функционально необходимой, и только потом начнется длительный процесс коренных изменений в языке. Одних усилий подвижников-реформаторов и администраторов для этого недостаточно.

Библиографический список

1. Бахаева, Л. М. Грамматическая категория рода в английском языке на фоне гендерной проблематики [Текст] / Л. М. Бахаева // Известия Чеченского государственного университета. – 2018. – № 2 (10). – С. 89-93.
2. Интервью с С. Х. Элджин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.livelib.ru/translations/post/22075-intervyu-so-syuzet-hejden-eldzhin/>
3. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М.: Институт со-

циологии РАН, 1999.

4. Колесникова, Е. Д. Категория рода английского языка как отражение социальных тенденций [Текст] / Е. Д. Кириллина // Наука в мегаполисе. – 2019. – № 1(9). – С. 5.

5. Пиперски, А. Ч. Юристка и юрист: Лингвист о будущем феминитивов и изменениях в языке [Электронный ресурс] / А. Ч. Пиперски. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life-interview/234057-alexander-piperski/>

6. Рохмистров, И. С., Золотухина, Е. А. К вопросу о категории рода в современном английском языке [Текст] / И. С. Рохмистров, Е. А. Золотухина // Вестник современных исследований. – 2019. – № 3.11(30). – С. 149-152.

7. Факты о Швеции. Гендерное равенство [Электронный ресурс]. – URL: <https://sweden.se/wp-content/uploads/2013/10/Gender-equality-in-Sweden-Russian-low-resolution.pdf>

8. Baron Dennis. Grammar and Gender. – Yale UP, 1986.

9. Binkley Collin. Pick your own pronoun at university. – URL: <https://www.pressreader.com/canada/torontostar/20150919/281913066905634>

10. Cameron Deborah. Feminism and Linguistic Theory. – New York, NY, Palgrave Macmillan, 1992.

11. Carey Stan. Reflecting on the reflexive pronoun 'themselves'. – URL: <https://stancarey.wordpress.com/2012/05/31/reflecting-on-the-reflexive-pronoun-themselves/>

12. Clare Antonia, Wilson J. J. Total English Student's Book. – Pearson Longman, 2006. – 176 p.

13. Elgin S. H., Martin D. A First Dictionary and Grammar of Láadan. – Madison, Society for the Furtherance and Study of Fantasy and Science Fiction, 1988.

14. European Commission Recommendation for Promotion of Equal Opportunities. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/aid_development_fundamental_rights/annual_report_ge_2019_en.pdf

15. Forsey Caroline. Gender Neutral Pronouns: What They Are & How to Use Them. – URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/gender-neutral-pronouns>

16. Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. – Oxford UP, 2009.

17. Gender-neutral equivalent words. – URL: <http://www.writinghelp-central.com/gender-neutral.html>

18. Key M. R. Male/Female Language. – New Jersey, Metuchen, Scarecrow Press, 1975.

19. Lakoff R. Language and Woman's Place. – New York, Harper, 1975.

20. Miller C., Swift K. The Handbook of Non-Sexist Writing. – London, The Women's Press, 1981.

21. Nilsen A. P. (ed.). Sexism and Language. – Urbana, National Council of Teachers of English, 1977.

22. Pauwels A. Women Changing Language. – London, Longman, 1998. – 267 p.

23. Pronouns – Safe Zone. – URL: <https://wou.edu/wp/safezone/pronouns/>

24. Seely John. Oxford A–Z of Grammar and Punctuation. – Oxford UP, 2013.

25. Siemund Peter. Pronominal Gender in English: A Study of English Varieties from a Cross-Linguistic Perspective. – New York, Routledge, 2008.

26. Skyhouse Community – Bylaws. – URL: skyhousecommunity.org.

27. Swan M. Practical English Usage. – Oxford UP, 2005. – 688 p.

Reference List

1. Bahaeva, L. M. Grammaticheskaja kategorija roda v anglijskom jazyke na fone gendernoj problematiki = Grammatical category of the gender in English against the background of gender problematics [Текст] / L. M. Bahaeva // Izvestija Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 2 (10). – S. 89-93.

2. Interv'ju s S. H. Jeldzhin = Interview with S. H. Elgin [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://www.livelib.ru/translations/post/22075-intervyu-so-syuzet-hejden-eldzhin/>

3. Kirilina, A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty = Gender: linguistic aspects [Текст] / A. V. Kirilina. – М.: Institut sociologii RAN, 1999.

4. Kolesnikova, E. D. Kategorija roda anglijskogo jazyka kak otrazhenie social'nyh tendencij = Category of English as a reflection of social trends [Текст] / E. D. Kirilina // Nauka v megapolise. – 2019. – № 1(9). – S. 5.

5. Piperski, A. Ch. Juristka i juristec: Lingvist o budushem feminitivov i izmenenijah v jazyke = Lawyer-lady and lawyer-man: A linguist about the future of femininitives and changes in language [Jelektronnyj resurs] / A. Ch. Piperski. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life-interview/234057-alexander-piperski/>

6. Rohmistrov, I. S., Zolotuhina, E. A. K voprosu o kategorii roda v sovremennom anglijskom jazyke = To the question of the category of gender in modern English [Текст] / I. S. Rohmistrov, E. A. Zolotuhina // Vestnik sovremennyh issledovanij. – 2019. – № 3.11(30). – S. 149-152.

7. Fakty o Shvecii. Gendernoe ravenstvo = Gender equality [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://sweden.se/wp-content/uploads/2013/10/Gender-equality-in-Sweden-Russian-low-resolution.pdf>

8. Baron Dennis. Grammar and Gender. – Yale UP, 1986.

9. Binkley Collin. Pick your own pronoun at university. – URL: <https://www.pressreader.com/canada/torontostar/20150919/281913066905634>

10. Cameron Deborah. Feminism and Linguistic Theory. – New York, NY, Palgrave Macmillan, 1992.

11. Carey Stan. Reflecting on the reflexive pronoun 'themselves'. – URL: <https://stancarey.wordpress.com/2012/05/31/reflecting-on-the-reflexive-pronoun-themselves/>

12. Clare Antonia, Wilson J. J. Total English Student's Book. – Pearson Longman, 2006. – 176 p.
13. Elgin S. H., Martin D. A First Dictionary and Grammar of Láadan. – Madison, Society for the Furtherance and Study of Fantasy and Science Fiction, 1988.
14. European Commission Recommendation for Promotion of Equal Opportunities. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/aid_development_cooperation_fundamental_rights/annual_report_ge_2019_en.pdf
15. Forsey Caroline. Gender Neutral Pronouns: What They Are & How to Use Them. – URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/gender-neutral-pronouns>
16. Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. – Oxford UP, 2009.
17. Gender-neutral equivalent words. – URL: <http://www.writinghelp-central.com/gender-neutral.html>
18. Key M. R. Male/Female Language. – New Jersey, Metuchen, Scarecrow Press, 1975.
19. Lakoff R. Language and Woman's Place. – New York, Harper, 1975.
20. Miller C., Swift K. The Handbook of Non-Sexist Writing. – London, The Women's Press, 1981.
21. Nilsen A. R. (ed.). Sexism and Language. – Urbana, National Council of Teachers of English, 1977.
22. Pauwels A. Women Changing Language. – London, Longman, 1998. – 267 p.
23. Pronouns – Safe Zone. – URL: <https://wou.edu/wp/safezone/pronouns/>
24. Seely John. Oxford A-Z of Grammar and Punctuation. – Oxford UP, 2013.
25. Siemund Peter. Pronominal Gender in English: A Study of English Varieties from a Cross-Linguistic Perspective. – New York, Routledge, 2008.
26. Skyhouse Community – Bylaws. – URL: skyhousecommunity.org.
27. Swan M. Practical English Usage. – Oxford UP, 2005. – 688 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10606

УДК 81

О. Ю. Богданова

<https://orcid.org/0000-0001-6895-4087>

В. Н. Бабаян

<https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Эмотивно-диктемный анализ заглавий британских художественных произведений

В данной работе проводится исследование заглавий британских художественных произведений с основой на методологию лингвистики эмоций, а также диктемную организацию текста. Авторы статьи рассматривают эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста, поскольку именно в художественной литературе эмоции достигают наибольшей репрезентации, будучи представленными в различных эмоциональных ситуациях межличностной коммуникации, а также выраженными различными способами и средствами их языкового, речевого и текстового описания. Эмоциональное состояние закрепляется в смысловой структуре слов-образов тех объектов, с которыми они ассоциируются.

Заглавие, рассматриваемое как диктемное имя текста, представляет собой наименьшую тематическую единицу особого рода, в которой актуализируются четыре важнейшие функции: номинация, предикация, тематизация и стилизация. Результатом их актуализации является формирование ряда рубрик информации, но авторы данной статьи выделяют прежде всего информацию эмотивную, импрессиивную и эстетическую.

Новизна проводимого исследования диктемного имени художественного текста в настоящей работе выражается в представленном авторами эмотивно-диктемном анализе заглавий, позволяющем раскрыть особенности проявления эмоционального отношения и состояния автора художественного произведения. Заглавия-символы британских авторов на рубеже XIX–XX вв. особенно ярко демонстрируют коннотативную часть лексического значения слова-символа, транслирующего миропонимание писателя и индуцирующего соответствующие эмоционально окрашенные образы у партнеров по акту коммуникации. Эмотивная часть диктемного имени текста, как правило, связана с прямым отражением эмоционального состояния автора произведения. Однако для более полного анализа представленной в данной статье проблематики требуется проведение дальнейшего более глубокого исследования заглавий англоязычных художественных произведений, в частности современных авторов, что позволит выявить особенности выражения эмоций автора в диктемном имени текста.

Ключевые слова: эмотивность, эмотив, эмоциональная ситуация, эмоциональное состояние и отношение, художественный текст, заглавие, диктема, диктемное имя текста.

O. Yu. Bogdanova, V. N. Babayan

Emotive and diceme analysis of the British fiction titles

The given article studies the English fiction titles basing on the methodology of linguistics of emotions, as well as the text diceme organization. The authors of the article consider emotiveness as a means of interpreting the meaning of a literary text, since it is in fiction that emotions achieve the greatest representation, being presented in various emotional situations of interpersonal communication, as well as in various ways and means of their linguistic, speech and textual description. The emotional state is fixed in the semantic structure of the word-images of those objects which they are associated with.

The title, considered as the text diceme name, is the smallest thematic unit of a special kind, in which four major functions are actualized. They are nomination, predication, thematization and stylization. These four major functions actualize results in the formation of a number of information headings, but the authors of the article primarily focus on the emotional, impressive and aesthetic information.

The originality of the literary text diceme name study is expressed in the presented by the authors' emotive-literal analysis of the titles, which makes it possible to reveal the peculiarities of the writer's emotional attitude and state. Titles-symbols of the British authors at the turn of the XIX–XX centuries demonstrate the connotative part of the word-symbol lexical meaning vividly. They translate the writer's world outlook and induce the corresponding emotionally coloured images of the partners in the act of communication. The emotive part of the diceme text name is usually associated with a direct reflection of the author's emotional state. However, for a more complete and detailed analysis of the problem presented in this article, it is necessary to conduct a further in-depth study of the English language titles,

in particular, of contemporary authors, which will make it possible to reveal the special peculiarities of writer's emotions expression in the text dicteme name.

Keywords: emotiveness, emotive, emotional situation, emotional state and attitude, literary text, title, dicteme, text dicteme name.

Введение

В рамках лингвистики принято разграничивать понятия «эмоциональность» и «эмотивность». Именно эмотивность может являться лингвистическим выражением внеязыковой категории эмоциональности. Эмотивность, представляя собой дополнительную сему в значении слова, отображающую эмоциональное отношение к объекту, отражает субъективное отношение говорящего к предмету. Под эмотивами понимаются слова, выражающие какую-либо эмоцию и стремящиеся быть понятийно обусловленными. Несомненно, что содержание некоторых эмоционально окрашенных слов через семантику слов может вызывать эмоции, «социально закрепленные за соответствующими словами и репродуцируемыми при их употреблении в речи» [13, с. 61].

Впервые вопрос об эмоциональном аспекте языка и тесной взаимосвязи когниции и эмоции представлен Ф. Данешом на пленарном заседании IV Международного конгресса лингвистов в Берлине в 1987 г. За последние десятилетия изучение языкового выражения эмоций стало приоритетным направлением лингвистических исследований многих отечественных и зарубежных лингвистов. Стало общепринятым выделять две семиотические системы эмоций – Body Language и Verbal Language, причем первая система по скорости, надежности, качеству выражения эмоций в коммуникации превосходит вторую, т. к. многие аспекты жизнедеятельности человека просто невозможно выразить словами. Вербальная идентификация эмоций всегда субъективна, поскольку эмоции никогда не проявляются в отдифференцированном чистом виде [19, с. 26-27]. Эмоции всегда когнитивны и ситуативны, а, следовательно, ситуативен, т. е. дискурсивен, будет и выбор языковых средств их выражения [20, с. 182].

Методы и материал исследования

Суть лингвистического подхода к изучению эмоций заключается в отражении человеком окружающего мира не механически, а пристрастно, когда субъект выбирает только то, что ему необходимо в данный момент или интересно по каким-либо причинам. Эмоции выступают в качестве посредника между миром и его отражением в

языке человека, тем самым регулируя процесс отражения и выражения значения объектов мира для человека. Через эмоции в сознании человека воспроизводятся его эмоциональные отношения к миру, которые являются достаточно субъективными, но одновременно и социально осознанными. Эмоциональные процессы фиксируются и отображаются в семантике слов, которые в дальнейшем используются для вербализации эмоциональных взаимоотношений коммуникантов. Эмоциональное состояние закрепляется в смысловой структуре слов-образов тех объектов, с которыми они ассоциируются. Таким образом, формируется эмотивность слова, т. е. его семантическая способность репродуцировать опыт вербального выражения конкретных эмоциональных отношений субъектов в соответствующих типизированных условиях [16, с. 20].

Интересным представляется тот факт, что эмотивов с отрицательной семантикой в разных языках гораздо больше, чем эмотивов с положительной семантикой, однако по ряду объективных причин используются они реже. В различных языковых культурах положительные эмоции выражаются однообразно и диффузно, в то время как отрицательные – конкретно и многообразно [22, р. 83]. Чаще всего в лингвоэкологических исследованиях изучаются неэкологичные эмоциональные речевые действия, ведущие к деструкциям разного рода [10, с. 20]. В разных культурах о значимости той или иной эмоции может свидетельствовать количество лексических единиц, номинирующих тот или иной тип эмоционального состояния. Так, используя метод реверсивности при исследовании семантического объема разноязычных лексических единиц, Н. А. Дмитриева определяет степень эквивалентности английских, французских, итальянских слов соответствующим лексемам русского языка. Согласно результатам её исследования, во французском языке проявление удивления представлено гораздо разнообразней, чем в английской, итальянской и русской лингвокультурах, что может указывать на значимость данного вида эмоции во французской культуре [8, с. 87].

Тем не менее, до сих пор среди ученых-филологов нет единства в трактовке понятия

«эмотивность». Одни лингвисты занимаются изучением классов слов или отдельных лексем, называющих эмоции, другие – связывают понятие эмотивности с оценочностью, ограничивая эмотивную лексику словами, выражающими и описывающими эмоции.

Так, В. И. Шаховский полагает, что эмоциональное отношение и эмоциональное состояние могут представляться в языке различными способами: прямой номинацией и непосредственным выражением (междометиями, инвективной лексикой и др.). Лексика, которая обозначает эмоции, являясь потенциально эмотивной, чем нейтральной, занимает промежуточное положение между эмотивной лексикой и неэмотивной [14, с. 35].

Наибольшую репрезентацию эмоции достигают в произведениях художественной литературы, поскольку именно в художественных текстах представлен депозитарий категориальных эмоциональных ситуаций межличностного общения, а также способов и средств их языкового, речевого и текстового описания и выражения. В лингвистике эмоций выделяют три семантических статуса эмотивности: *обязательный (денотативный) статус, факультативный и статус потенциальной эмотивности*. Денотативный статус представляет эмотивное значение слова. Факультативный статус выражает коннотацию слова. Статус потенциальной эмотивности составляет эмотивный потенциал слова. В художественных текстах практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию, поскольку любой текст может быть эмоциогенным, т. к. вызывает эмоции у читателя. Однако важно определить различие между эмоциональностью высказывания и его эмотивностью. Что касается художественного текста, то эмоциональное выражение не имеет цели воздействия на читателя, в то время как эмотивное высказывание представлено осознанно, преднамеренно и имеет интенцию оказать воздействие на адресата, при этом используются эмотивные средства специальной лексики и синтаксиса.

Исследуя эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста, В. И. Шаховский и П. С. Волкова рассматривают эмотивность в качестве универсального метода, направляющего и корректирующего речевое взаимодействие авторов, которые стремятся к достижению межличностной коммуникации [17, с. 136]. Ученые полагают, что преимущество художественной коммуникации перед коммуникацией обыденной является неоспоримым, поскольку автор имеет возможность вдумчиво работать с со-

общением своего речевого партнера, представленным на уровне книги, картины или нот, в результате чего художественное произведение становится для его автора «входным билетом» в пространство межличностной коммуникации. Для читателя ценностное отношение автора к прежде нейтральным значениям, зафиксированным на уровне знаков языка в художественном тексте, обретает «значение для меня» и насыщается личностным смыслом, тем самым представляя эмотивность в качестве универсального метода, пробуждающего собственно человеческого в человеке. Автор художественного произведения, в свою очередь, транслирует своё миропонимание и индуцирует соответствующие эмоционально окрашенные образы у своих коммуникативных партнеров. Эти образы эмоционально окрашены и более голографичны (голографичность – есть форма духовного пробуждения), чем эмоциональность слов, а степень аппроксимации образных голограмм влияет на степень успешности эмоциональной коммуникации автора с читателем. Общение становится гармоничным в результате настройки речевых партнеров друг к другу в прагматических целях [15, с. 104]. О высокой эмотивной компетенции автора может свидетельствовать его умение завуалировать собственные эмоции и переживания по отношению к читателю, т. е. умение менять вектор эмоции в конкретном дискурсе [18]. Данная компетенция даётся человеку на инстинктивном уровне, но также может формироваться вместе с опытом эмоционального общения.

Творимый художником-писателем мир, как правило, вымышлен и воображаем, поэтому художественная речь весьма условна. Текст, составляющий художественное произведение, в высшей степени модальен, поскольку отражает авторское субъективное видение и объяснение мира. Художественный текст представляет собой закрытую художественную систему, из которой невозможно изъять или заменить тот или иной элемент. Несомненно, текст художественной литературы прагматически нацелен на формирование вкусов и идеалов читателя и является продуктом сознательной литературной обработки. На разных уровнях – в языке, в характере, в сюжете, в идеях – многопланово проявляется и личность автора. Через идейную направленность художественного текста проявляется и мировоззрение автора. Индивидуализация художественного текста отражается в его композиции и сюжете. Между автором и читателем устанавливается своеобразный диалог,

что позволяет рассматривать проблему художественного текста как запрограммированного сообщения с одной стороны, так и возможных толкований информации, заложенной в нем, с другой стороны [11, с. 203]. Очевидно, что художественный текст, воспроизводя эмоциональную жизнь людей, устанавливает эмоциональный контакт или аффектацию чувств, при этом эмоции в художественном тексте выражаются не прямо, а через материальные и наблюдаемые специфические языковые знаки [21, с. 190]. Следует также отметить, что с точки зрения лингвистики эмоциональное выражение автора требует эмоциональной реакции читателя, но не предполагает рациональной рефлексии [23].

В. Н. Бабаян считает основой художественной речи-диалога подражание естественной разговорной речи, и подчеркивает, что в ней вырабатываются некие нормы естественно диалогической речи, модели литературной разговорной речи. Они обладают рядом синтаксических, лексических и даже фонетических признаков устной речи всегда в условном к ней приближении, в пределах, ограниченных требованиями художественной структуры, закономерностями её восприятия [1, с. 43-44; 2, с. 68-69].

Рассматривая термин «текст» в семиотическом смысле, следует отметить, что в настоящее время под текстом понимается необязательно связанное и законченное образование. Понятие «текст» перенесено на многие жизненные явления и в качестве текстов рассматриваются различные знаковые образования невербального происхождения, такие как музыкальные сочинения, произведения изобразительного искусства, немое кино и т. п. Иначе говоря, можно утверждать, что культура в целом представляет собой текст в её знаковом воплощении.

За последние годы усилился интерес исследователей к изучению структурно-семантических единиц текста, «загадочная сущность» которого выражается в смысловой и содержательной стороне языка [4, с. 4]. Текст как объект изучения исследовался в работе целого ряда лингвистов: И. Р. Гальперина, Г. В. Кольшанского, И. В. Арнольд, З. Я. Тураевой, Р. Барта, З. И. Шмидта и др. В основном исследователи сходятся во мнении, что текст является продуктом речетворного процесса, при этом выделяя завершенность и/или законченность текста среди существенных его черт и подчеркивая коммуникативность как важнейшую функцию текста. В нашем понимании текст есть речевое целое, являющееся «сферой выхода функций элементов языка в про-

цессе речеобразования» и представляющее собой «формирование знаково-тематическое, осуществляющее раскрытие определенной темы, которая объединяет все его части в информационное единство». Элементарной тематической единицей текста является *диктема*, в которой выявляются четыре важнейших функционально-знаковых аспекта речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация [6, с. 57]. Результат актуализации отмеченных функций в общении выражается в формировании конкретной информации. Однако в данной работе нас прежде всего интересует информация эмотивная, связанная с непосредственным выражением чувств, информация импрессионная, реализующая коннотацию целевого воздействия на слушателя/ читателя, а также информация эстетическая, формирующая аспект художественно-образного выражения мысли.

С позиции теории диктемной организации текста, сформулированной и разработанной профессором М. Я. Блохом [6, с. 56], заглавие художественного произведения может рассматриваться как *диктемное имя* текста, представленное диктемой особого рода [5, с. 173]. Основными функциями заглавия текстов художественных произведений являются номинативная, концептуально-содержательная и аттрактивная функции. По своей значимости для каждого конкретного заглавия указанные функции будут не равнозначны. Несомненно, номинативная функция присуща исключительно всем заглавиям, поскольку диктемное имя текста называет художественное произведение. Что касается концептуально-содержательной функции, которая является основополагающей с точки зрения диктемного строя, то очень часто заглавие лишь опосредованно связано с содержательно-концептуальной информацией, и смысл названия бывает завуалирован метонимически или метафорически. Смысловое содержание диктемного имени текста в сознании читателя на входе в текст и на выходе из него, как правило, не совпадает, поскольку заглавие требует макротекста всего произведения для своей полной реализации. Следовательно, только в ретроспективном прочтении диктемное имя текста будет являться выражением точки зрения автора. Говоря об аттрактивной функции заглавия, реализующейся в привлечении внимания и интереса читателя к прочтению художественного произведения, то в разных случаях она выражена менее ярко и более ярко.

Эмотивная часть диктемного имени текста связана с прямым отражением эмоционального со-

стояния автора произведения. Язык обладает обширной системой средств выражения сложной гаммы чувств и эмоций в движениях души и рефлексии в сознании автора. Иначе говоря, эмотивная область информации отображает чувственное «Я» автора произведения. Импрессивная информация проявляется в воздействующей силе высказывания, отражающейся в действительности реакции слушателя/ читателя. Следовательно, эмотивность соответствует самовыражению говорящего и замыкается в «Я», в то время как импрессивность соответствует апелляции к слушателю/ читателю и отображает отношение «Я» к «Ты», предполагающее реакцию второго лица речевой ситуации [7, с. 12].

Изучив эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста, а также рассмотрев вопрос диктемной организации текста, представляется целесообразным провести эмотивно-диктемный анализ заглавий художественных произведений, используя примеры, взятые из англоязычной художественной литературы.

С конца XVII–XVIII вв. британская художественная проза по своим языковым особенностям приблизилась к документам, напоминающим хроники, где одной из распространенных форм был дневник. Лишенные эмоциональности, заглавия художественных произведений этого периода представляли собой краткий «отчет» о сюжете с упоминанием имени главного героя и основных событий: «The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner» (D. Defoe), «The Life, Adventures and Piracies of the Famous Captain Singleton» (D. Defoe), «A Journey Made in the Summer of 1794 through Holland and the Western Frontier of Germany» (A. Radcliffe), «A Sentimental Journey through France and Italy by Mr. Yorick» (L. Sterne) и др. Как видим, подобные заглавия-описания, являясь самодостаточными, полностью снимают «загадку» текста. Характерные для данной эпохи длинные, но лишённые разнообразия заглавия демонстрируют бесстрастный, деловой стиль просветителей.

Резко отличаются от предыдущих эпох заглавия художественных произведений британских авторов конца XVIII–XX столетий, когда повысился уровень образованности как читателей, так и писателей и простое описание приключений перестало интересовать читательскую аудиторию. Стали постепенно создаваться глубокие по смыслу и содержанию произведения. Однако в XIX в. самым распространенным типом заглавия произведений становится имя собственное, которое по

своей сути лишено характеризующей силы и не дает читателю практически никакой информации о содержании произведения. Приведем несколько примеров подобных заглавий: «Oliver Twist», «David Copperfield» (Ch. Dickens), «Emma» (J. Austen), «Jane Eyre» (Ch. Bronte), «Romola» (G. Eliot) и др. В процессе чтения антропоним, вынесенный в заглавие, начинает постепенно обрывать информацией о герое, его взаимоотношениях с окружающим миром. И лишь на выходе из текста имя собственное становится своеобразным сигналом, вызывающим у читателя множество ассоциаций. Вполне очевидно, что эмотивность подобного рода диктемного имени текста проявляется весьма слабо и связано это, прежде всего, с тем, что писателей этого периода больше занимал личностный фактор, когда в фокусе внимания оказывалась жизнь человека, а в судьбе отдельной личности отражалась эпоха и ее нравы. Но, если имя собственное в заглавии сопровождается эпитетом, как, например, «Little Dorrit» (Ch. Dickens), «Jude the Obscure» (T. Hardy), то через такой эпитет, как правило, выражается авторское отношение, которое превращается в некий сигнал читателю при интерпретации всего текста. Эпитет, употребленный по отношению к герою романа «Lucky Jim» (K. Amis), показывает авторскую иронию, которая становится очевидной при чтении, ведь неприятности буквально сыплются на голову героя.

Несомненно, заглавие типа «Kidnapped» (R. L. Stevenson) интригует читателя, вызывая у него обширный спектр чувств. Диктемное имя функционирует в данном случае в качестве сигнала текста, который обеспечивает дальнейшее продвижение интерпретации фактуальной информации, т. е. объективной действительности, к подтекстовой информации, т. е. субъективной реальности, с последующим выходом на содержательную-концептуальную информацию. Таким образом, заглавие становится эмотивным сигналом текста, обеспечивающим правильное направление мыслительному субъекту интерпретации [12, с. 140].

На рубеже XIX–XX вв. в названиях художественных произведений британских авторов стали появляться заглавия-символы. XIX столетие в английской литературе ознаменовалось переходом от просветительского нравоучительного романа к психологическому роману, особенно в 30–60-е гг., на которые приходится расцвет критического реализма. Вынесенные в заглавие предметы и явления стали носить символический характер. Так,

фоном трагических событий становится дождь в произведении «Rain» (*W. S. Maugham*), а старый и новый колокол монастыря в романе «The Bell» (*I. Murdoch*) – символом духовного конфликта.

Слово «символ» имеет греческое происхождение и означает «метание, бросание». Впоследствии «символом» стали обозначать некий вещественный знак с условным тайным значением. В философии символ определяется как знак или образ, воплощающий какую-либо идею. В психологии символ интерпретируется как образ, являющийся представителем других образов, содержащий, отношений. В лингвистике символ – знак особого рода, объединяющий прямое и абстрактные значения, являющиеся в данном случае равноправными. Символ может выступать в качестве «посредника» между противоположностями сознательного и бессознательного, идеального и реального, вечного и бесконечного, универсального и индивидуального, а также может являться средством интуитивного художественного познания мира [3, с. 419]. Символ является представителем обобщающего значения некоего функционально-значимого предмета, и повторяется символ в разных контекстах и ситуациях достаточно часто.

Что касается эпохи критического реализма в британской литературе, то в этот период заглавия, содержащие какой-либо символ, появляются всё чаще. Так, например, символ, использованный в заглавии романа «Vanity Fair» (*W. M. Thackeray*), уже был знаком читателям из произведений английского писателя – пуританского проповедника John Bunyan (*The Pilgrim's Progress*, 1678). Используя символический образ «ярмарка тщеславия», обозначающий английское общество, где можно было купить честь, совесть, мужа, жену, Теккерей наполнил его жизненным содержанием. Несомненно, объективация эмоционально-непосредственного личностного смысла, сопровождаемого эмоциональными переживаниями писателя, происходит посредством слова (в данном случае слова-символа), тем самым претворяя эмоциональные переживания автора в категорию эмотивности. В данной эмоциональной ситуации можно говорить об эмоциональных отношениях, складывающихся между автором-субъектом эмоционального реагирования и читателем-объектом, на который направлено это реагирование [9, с. 125]. Эмоциональное состояние и отношение писателя так или иначе проявляется через коннотативную часть лексического значения слова-символа в диктемном имени текста. Причем в структуру коннотации наряду с эмотивностью мо-

гут входить как экспрессивность, так и оценочность.

Обсуждение результатов и выводы

Подводя итог анализа заглавий британских произведений художественной литературы, отметим, что данная проблематика требует дальнейшего исследования. Список исследуемых заглавий может быть расширен и только в этом случае представится возможность для более полного и глубокого исследования понятия эмотивности в диктемном имени текста. Однако очевидно, что в рассмотренных в данной работе заглавиях присутствует позитивная форма коммуникации между автором и читателями, которая рассматривается в языковом сообществе как типично положительная. Вероятно, это связано прежде всего с атмосферой, царившей в обществе в XVII–XIX столетиях. Интересным представляется дальнейшее исследование диктемного имени текста и современных англоязычных произведений, что способствует проведению эмотивно-диктемного анализа заглавий художественных произведений разных эпох в компаративном аспекте.

Библиографический список

1. Бабаян, В. Н. Диалогический дискурс терциарной речи в произведениях А. С. Пушкина [Текст] / В. Н. Бабаян // Традиции русской литературы и преемственность их изучения в вузовской и школьной методике: коллективная монография / под науч. ред. Н. Н. Иванова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. – С. 43–56.
2. Бабаян, В. Н. Диалог в триаде с молчаливым наблюдателем [Текст] / В. Н. Бабаян. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008. – 290 с.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание. Сборник. [Текст] / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 525 с.
4. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / В. П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.
5. Богданова, О. Ю. Заглавие с позиции теории диктемной структуры текста (на материале английского языка) [Текст] / О. Ю. Богданова // Ярославский педагогический вестник. □ 2009. □ № 2 (59). – С. 172–175.
6. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка [Текст] / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.
7. Блох, М. Я., Кашурникова, Л. Д. Эмоциональность, экспрессивность и восклицательность как структурно-семантические параметры предложения [Текст] / М. Я. Блох, Л. Д. Кашурникова // Структурно-семантические аспекты романогерманских языков на морфологическом и синтаксиче-

ском уровнях: Межвуз. сб. науч. тр. / Кировский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1985. – С. 10–14.

8. Дмитриева, Н. А. Сопоставительный анализ семантической структуры лексических единиц, вербализующих концепт «эмоция» в лингвокультурах русского, английского, французского и итальянского языков [Текст] / Н. А. Дмитриева // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 81–93.

9. Илинская, А. С. Формирование и реализация функционально-семантического поля эмотивности в английском языке [Текст] / А. С. Илинская // Филология и человек, 2007. – № 4. – С. 121–129.

10. Ионова, С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения [Текст] / С. В. Ионова // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 20–30.

11. Сергеева, Ю. М. Художественный текст как объект лингвистического исследования [Текст] / Ю. М. Сергеева // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: сборник статей к юбилею профессора М. Я. Блоха: в 2-х частях. – Барнаул. – 2004. – С. 150–154.

12. Шаховский, В. И., Волкова П. С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский, П. С. Волкова // Мир Лингвистики и Коммуникации: Электронный Научный журнал. – 2017. – № 50. – С. 138–163. – URL: <http://tverlingua.ru>

13. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст]: монография / В. И. Шаховский. – М.: Гиозис, 2008. – 416 с.

14. Шаховский, В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психологии. – 2009. – № 9. – С. 29–43.

15. Шаховский, В. И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении [Текст] / В. И. Шаховский // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 104–106.

16. Шаховский, В. И. В начале была ...эмоция [Текст] / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный научный журнал. – 2008. – № 11. – С. 19–23.

17. Шаховский, В. И., Волкова П. С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации [Текст] / В. И. Шаховский, П. С. Волкова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – № 1 (134). – С. 132–138.

18. Goleman, D. The emotional intelligence / D. Goleman // Bentam Books. – N. Y., 1997.

19. Diller, H.-J. Emotions and the Linguistics of English / H. Diller // Anglistentags «1991, Düsseldorf»: Proceedings / edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. – Tübingen, 1992. – P. 25–29.

20. Heller, A. A. Theory of Emotions / A. A. Heller. – Assen, 1979. – P. 179–189.

21. Nischik, R. Betrayal psychohistorically: The Representation of emotions in the British Drama / R. Nischik // Proceedings. Edit. by Wilhelm L. Busse. – Tübingen: Niemeier, 1992. – P. 189–204.

22. Nöth, W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Nöth // Anglistentags «1991, Düsseldorf»: Proceedings / edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. – Tübingen, 1992. – P. 72–89.

23. Volek, B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian / B. Volek. – Amsterdam–Philadelphia, 1987.

Reference List

1. Babajan, V. N. Dialogicheskiy diskurs terciarnoj rechi v proizvedenijah A. S. Pushkina = Dialogue discourse of tertiary speech in A. S. Pushkin's works [Tekst] / V. N. Babajan // Tradicii russkoj literatury i preemstvennost' ih izuchenija v vuzovskoj i shkol'noj metodike: kollektivnaja monografija / pod nauch. red. N. N. Ivanova. – Jaroslavl': RIO JaGPU, 2018. – S. 43–56.

2. Babajan, V. N. Dialog v triade s molchashhim nabljudatelem = Dialogue in the triad with the silent observer [Tekst] / V. N. Babajan. – Jaroslavl': RIC MUBiNT, 2008. – 290 s.

3. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie. Sbornik = Symbolism as world perception. Collection [Tekst] / A. Belyj. – M.: Respublika, 1994. – 525 s.

4. Beljanin, V. P. Psiholingvisticheskie aspekty hudozhestvennogo teksta = Psycholinguistic aspects of literary text [Tekst] / V. P. Beljanin. – M.: Izd-vo MGU, 1988. – 120 s.

5. Bogdanova, O. Ju. Zaglavie s pozicii teorii diktemnoj struktury teksta (na materiale anglijskogo jazyka) = Title from the position of the theory of the dictatorship structure of the text (on the material of English) [Tekst] / O. Ju. Bogdanova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. □ 2009. □ № 2 (59). – S. 172–175.

6. Bloh, M. Ja. Diktema v urovnevoj strukture jazyka = Dictema in the level structure of the language [Tekst] / M. Ja. Bloh // Voprosy jazykoznanija. – 2000. – № 4. – S. 56–67.

7. Bloh, M. Ja., Kashurnikova, L. D. Jemocional'nost', jekspressivnost' i vosklicatel'nost' kak strukturno-semanticheskie parametry predlozhenija = Emotional, expressiveness and exclamation as structural-semantic parameters of the sentence [Tekst] / M. Ja. Bloh, L. D. Kashurnikova // Strukturno-semanticheskie aspekty romano-germanskih jazykov na morfologicheskom i sintaksicheskom urovnjah: Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Kirovskij gos. ped. in-t im. V. I. Lenina, 1985. – S. 10–14.

8. Dmitrieva, N. A. Sopostavitel'nyj analiz semanticheskij struktury leksicheskikh edinic, verbalizujushchih koncept «jemocija» v lingvokul'turah russkogo, anglijskogo, francuzskogo i ital'janskogo jazykov = Comparative analysis of the semantic structure of lexical units that verbalize the concept «emotion» in linguocultures of Russian, English, French and Italian [Tekst] / N. A. Dmitrieva // Vestnik RUDN, serija Lingvistika. – 2015. – № 1. – S. 81–93.

9. Ilinskaja, A. S. Formirovanie i realizacija funkcional'no-semanticheskogo polja jemotivnosti v anglijskom

jazyke = Formation and implementation of functional-semantic field of emotivity in English [Tekst] / A. S. Pinskaja // Filologija i chelovek, 2007. – № 4. – S. 121–129.

10. Ionova, S. V. Jemocional'nye jeffekty pozitivnoj formy obshhenija = Emotional effects of positive communication [Tekst] / S. V. Ionova // Vestnik RUDN, serija Lingvistika. – 2015. – № 1. – S. 20–30.

11. Sergeeva, Ju. M. Hudozhestvennyj tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Literary text as object of linguistic study [Tekst] / Ju. M. Sergeeva // Kommunikativno-paradigmaticheskie aspekty issledovaniya jazykovyh edinic: sbornik statej k jubileju professora M. Ja. Bloha: v 2-h chastjah. – Barnaul. – 2004. – S. 150–154.

12. Shahovskij, V. I., Volkova P. S. Jemotivnost' kak princip poznajushhej i smysloobrazujushhej dejatel'nosti soznaniya = Emotivity as a principle of the knowledge and meaning-forming activity of consciousness [Jelektronnyj resurs] / V. I. Shahovskij, P. S. Volkova // Mir Lingvistiki i Kommunikacii: Jelektronnyj Nauchnyj zhurnal. – 2017. – № 50. – S. 138–163. – URL: <http://tverlingua.ru>

13. Shahovskij, V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij = Linguistic theory of emotions [Tekst]: monografija / V. I. Shahovskij. – M. : Giozis, 2008. – 416 s.

14. Shahovskij, V. I. Jemocii kak ob#ekt issledovaniya v lingvistike = Emotions as an object of study in linguistics [Tekst] / V. I. Shahovskij // Voprosy psihologii. – 2009. – № 9. – S. 29–43.

15. Shahovskij, V. I. Jemocional'nyj t'juning v rechevom obshhenii = Emotional tuning in speech communication [Tekst] / V. I. Shahovskij // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. – 2015. – № 1. – S. 104–106.

16. Shahovskij, V. I. V nachale byla ...jemocija = At the beginning there was... emotion [Tekst] / V. I. Shahovskij // Mir lingvistiki i kommunikacii: Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2008. – № 11. – S. 19–23.

17. Shahovskij, V. I., Volkova P. S. Jemotivnost' kak metod vhozhdeniya v prostranstvo mezhlichnostnoj kommunikacii = Emotivity as a method of entering the space of interpersonal communication [Tekst] / V. I. Shahovskij, P. S. Volkova // Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki. – 2019. – № 1 (134). – S. 132–138.

18. Goleman, D. The emotional intelligence / D. Goleman // Bentam Books. – N. Y., 1997.

19. Diller, H.-J. Emotions and the Linguistics of English / H. Diller // Anglistentags «1991, Düsseldorf»: Proceedings / edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. – Tübingen, 1992. – P. 25–29.

20. Heller, A. A. Theory of Emotions / A. A. Heller. – Assen, 1979. – P. 179–189.

21. Nischik, R. Betrayal psychohistorically: The Representation of emotions in the British Drama / R. Nischik // Proceedings. Edit. by Wilhelm L. Busse. – Tübingen: Niemeier, 1992. – P. 189–204.

22. Nöth, W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Nöth // Anglistentags «1991, Düsseldorf»: Proceedings / edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. – Tübingen, 1992. – P. 72–89.

23. Volek, B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian / B. Volek. – Amsterdam–Philadelfia, 1987.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10607

УДК 81-11

О. В. Лукин

<https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>

Две немецкие грамматики Вильгельма Вильманнса

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-00200–ОГН

Статья посвящена биографии и научному творчеству одного из крупнейших немецких филологов конца XIX – начала XX веков Вильгельму Вильманнсу. Получив классическое филологическое образование в Берлинском университете и защитив докторскую диссертацию по древнеримской филологии, молодой ученый начинает свою деятельность вначале как домашний учитель, затем – как школьный учитель. С 1874 года он – профессор в университете г. Грейфсвальда (Германия), с 1876 года до конца своих дней – профессор немецкого языка и литературы в Боннском университете. Известнейший литературовед и выдающийся специалист по немецкой орфографии, он вошел в историю немецкого языкознания и как грамматист, создавший не только фундаментальное четырехтомное произведение «Немецкая грамматика. Готский, древне-, средне- и нововерхненемецкий», но и школьную грамматику немецкого языка «Немецкая грамматика для младших и средних классов средних учебных заведений. Вместе с официальными правилами орфографии и списком слов». Создание одним ученым одновременно школьной и научной грамматик представляется автору статьи достаточно редким феноменом в истории науки о языке ввиду их традиционного противопоставления. Школьная грамматика была написана вначале по поручению министерства просвещения, научная была задумана и написана только спустя 17 лет после школьной как пособие для учителей. Опираясь на данные современной ему науки о языке, В. Вильманнс создал научную грамматику немецкого языка в духе младограмматиков. Однако сами младограмматики критиковали ученого за то, что не вполне соответствовало их научной концепции. Поэтому автор статьи полагает, что В. Вильманнс не является младограмматиком в чистом виде, а скорее находится на стыке лингвистических парадигм.

Ключевые слова: лингвистическая историография, Ф. В. Вильманнс, школьная грамматика, научная грамматика, грамматика немецкого языка, младограмматики, Германия, XIX век.

О. V. Lukin

Two German Grammar books of Wilhelm Wilmanns

The article is devoted to the biography and scientific work of Wilhelm Wilmanns – one of the largest German philologists of the late XIX – early XX centuries. After receiving a classical philological education at the University of Berlin and defending his doctoral thesis on ancient Roman Philology, the young scientist began his career as a home teacher and continued as a school teacher. In 1874 he was appointed Professor at the University of Greifswald (Germany), from 1876 till the end of his life he worked as Professor of German Language and Literature at the University of Bonn. The most famous literary critic and an outstanding specialist in German orthography, he entered the history of German Linguistics as a grammarian, who created not only a fundamental four-volume work called «German grammar. Gothic, ancient, middle and new German», but also a school grammar book of the German language under the title of «German grammar for junior and middle classes of secondary schools. With the official spelling rules and word list». It's a rather rare phenomenon in the history of Linguistics, from the writer's point of view, that one and the same person was the author of both school and scientific German Grammar books, considering the fact that traditionally they were opposed to each other. School grammar book was written initially on behalf of the Ministry of Education, the scientific one was intended and written as a guide for teachers only 17 years later. Using the knowledge of the science of language of that time, Wilmanns created a scientific grammar of the German Language in the spirit of neogrammarians. However, neogrammarians criticized the scientist for the facts that were not quite consistent with their scientific outlook. For this reason, the author of the article believes that V. Wilmanns can't be considered an unalloyed neogrammarian, but rather stands at the junction of linguistic paradigms.

Keywords: linguistic historiography, F. W. Wilmanns, school grammar, scientific grammar, German grammar, neogrammarians, Germany, 19th century.

Вильгельм Вильманс (нем. Franz Wilhelm Wilmanns; 14.03.1842-29.01.1911) – один из сравнительно малоизвестных филологов девятнадцатого столетия, чей жизненный путь закончился уже в веке двадцатом, когда он стал старейшим германистом во всех университетах Германии [6, S. 345] (биографические данные приводим по: [6, 18, 21] – О. Л.). Ученый, в студенческие годы более всего интересовавшийся классической филологией, он вошел в историю языкознания как грамматист, опубликовавший не только фундаментальный четырехтомный труд «Немецкая грамматика. Готский, древне-, средне- и новонемецкий» (нем. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch) (перевод с немецкого языка на русский здесь и далее наш, оригинальная орфография источников везде сохранена – О. Л.), но и школьную грамматику немецкого языка «Немецкая грамматика для младших и средних классов средних учебных заведений. Вместе с официальными правилами орфографии и списком слов» (нем. Deutsche Grammatik für die Unter- und Mittelklassen höherer Lehranstalten. Nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Orthographie nach der amtlichen Festsetzung). Он весьма известен также и как крупный специалист по немецкой орфографии, участвовавший вместе с К. Дуденом (Konrad Alexander Friedrich Duden, 3.01.1829-1.08.1911) в первой и второй орфографических конференциях (соответственно в 1876 и 1901 гг.) (о роли В. Вильманса в немецкой орфографии см., например [3, с. 11, 12, S. 7]). Однако более всего он известен своими многочисленными трудами по истории немецкой литературы («Zur Geschichte des Eckenlieds in den Altdeutschen Studien von Jännicke, Steinmeyer und W.» (Berlin, 1871), «Die Entwicklung der Kudrundichtung» (Halle, 1873), «Quellenstudien zu Goethes Götze» (Berlin, 1874), «Beiträge zur Erklärung und Geschichte des Nibelungenlieds» (Halle, 1877), «Leben und Dichten Walthers von der Vogelweide» (Bonn, 1882), «Beiträge zur Geschichte der ältern deutschen Litteratur» (Bonn, 1885-1888)) (полный список работ В. Вильманса см. [6, S. 440-449]).

В. Вильманс родился в небольшом немецком городке Ютербоге (нем. Jüterbogk) и был четвертым из двенадцати детей окружного строительного инспектора. По окончании начальной школы в родном городе он поступил в старейшую берлинскую гимназию «У серого монастыря» (нем. zum Grauen Kloster), где показывал большие способно-

сти к математике и рисованию (об этой гимназии и одном из ее профессоров и директоров Т. Гейнзиусе см. в нашей статье [2]). Однако, по совету отца и своих учителей, особенно директора гимназии И. Ф. Беллерманна (нем. J. F. Bellermann, 08.03.1795-05.02.1874), известного немецкого педагога и филолога, восемнадцатилетний юноша посвятил себя изучению филологии в университете Берлина [18, S. 90].

Его университетскими профессорами были знаменитый филолог-классик А. Бёк (нем. August Voeskh, 24.11.1785-3.08.1867), крупный историк и теоретик истории И. Г. Дройзен (нем. Johann Gustav Droysen, 6.07.1808-19.06.1884), выдающийся филолог и знаток классических древностей М. Гаупт (нем. Rudolph Friedrich Moriz Haupt, (27.07.1808-5.02.1874), известный философ, филолог и педагог Ф. А. Тренделенбург (нем. Friedrich Adolf Trendelenburg, 30.11.1802-24.01.1872). Однако особое влияние на становление В. Вильманса как филолога оказали известный германист, профессор немецкого языка и древностей К. В. Мюлленгоф (нем. Karl Victor Müllenhoff, 8.09.1818-19.02.1884,) и известный филолог-классик Э. Хюбнер (нем. Emil Hübner, 7.07.1834-21.02.1901), ученики известного немецкого филолога-классика К. Лахмана (нем. Karl Konrad Friedrich Wilhelm Lachmann, 4.03.1793-13.03.1851).

В 1864 году В. Вильманс закончил университет и защитил докторскую диссертацию по классической филологии на тему «De Didascalii Terentianis». После этого он три года работал домашним учителем в семье известного немецкого политика К. фон Шел-Плессена (нем. Carl Theodor August Graf von Scheel-Plessen, 18.03.1811-7.07.1892) в Гамбурге и за границей. В это время появляются его первые научные публикации по германской филологии, связанные с творчеством известнейшего немецкого поэта периода классического миннезанга Вальтера фон дер Фогельвейде (нем. Walter von der Vogelweide) (подробнее см. [21, S. 5-6]).

Весной 1867 года по приглашению директора И. Ф. Беллерманна В. Вильманс начинает работу учителем в берлинской гимназии «У серого монастыря», где в течение шести с половиной лет преподает немецкий язык и латынь, а также греческий язык, историю и географию. В годы учительства были опубликованы его труды по истории немецкой литературы и орфографии немецкого языка.

Летом 1874 года начинается академическая карьера ученого: тридцатидвухлетний В. Вильманнс, уже признанный ученый в области германской филологии, получает приглашение на должность профессора немецкого языка и литературы в университет г. Грейфсвальда. В 1876 году он возглавил отделение германистики университета.

Прежние и нынешние педагогические заслуги профессора В. Вильманнса, его взгляды на ценность и объем преподавания немецкой грамматики находят признание министерства: оно поручает ему написание школьной грамматики немецкого языка, вначале для сельскохозяйственных реальных училищ [21, S. 17]. Работа над школьной немецкой грамматикой, с одной стороны, и чтение лекций по истории немецкого языка, с другой, приведут его впоследствии к необходимости создания главного труда своей жизни – научной грамматики немецкого языка.

Весной 1878 года профессор В. Вильманнс получает приглашение в университет г. Бонна на должность ординарного профессора немецкого языка и литературы, ставшую вакантной после ухода из жизни известного филолога и поэта К. И. Зимрока (Karl Joseph Simrock, 28.08.1802-18.07.1876). Этому учебному заведению он оставался верен всю свою оставшуюся жизнь, хотя и получал лестные приглашения в другие университеты Пруссии.

В 1897-1898 гг. ученый исполнял обязанности ректора Боннского университета, при вступлении в должность выступив с речью на тему «История немецкого языкового сообщества» (нем. «Geschichte der deutschen Sprachgemeinschaft»). Научные заслуги профессора В. Вильманнса были высоко оценены научной общественностью: Прусская Академия Наук избрала его в 1906 году своим членом-корреспондентом.

Несмотря на юношеский интерес к классической филологии и значительный вклад в немецкую орфографию и литературоведение, грамматические сочинения В. Вильманнса представляют значительный интерес для истории языкознания. Речь здесь не может не идти именно о двух грамматиках, которые написал В. Вильманнс – школьной и научной. Непосредственная связь школьной и научной грамматики, постоянно противопоставляемых на протяжении многих лет их существования и развития, встречается здесь в научном творчестве одного человека, который от учительской практики пришел к преподаванию и осмыслению материала на ином уровне, так или иначе

отразив особенности лингвистической науки того периода, когда он создавал свои работы.

Школьная грамматика В. Вильманнса была предназначена, как явствует из ее названия, для младших и средних классов средних учебных заведений. Это и определяет композицию работы: первая часть предназначена для учащихся младшей степени, вторая – средней, завершает учебник сравнительно небольшой раздел «Орфография» со списком слов.

Первая часть, предназначенная для младших школьников, делится на девять небольших глав. В первой главе «Слоги речи» (нем. Sprechsilben) даются краткие определения слогов, словесного ударения, различных видов морфем. Главы со второй по седьмую посвящены более морфологии и рассматривают отдельные части речи (вторая – существительное и глагол, третья – прилагательное, четвертая – местоимение, пятая – числительное, шестая – предлог, седьмая – наречие), а две последние главы посвящены синтаксису (восьмая – порядку слов, видам предложений, союзам, видам синтаксической связи, видам придаточных предложений, знакам препинания, непрямой речи, девятая – различным видам предложений).

В каждой из глав дается краткое определение рассматриваемого феномена, за которым следуют небольшие упражнения. Например, в начале второй главы дается краткое определение существительного и глагола: «Все слова, которые называют лицо или предмет, это существительные; все слова, которые сообщают, что лицо или предмет что-то делает, это глагол» [25, S. 4]. Задание к этому грамматическому пассажиру выглядит так: «Укажи существительные и глаголы в следующих предложениях: Der vater arbeitet. Die mutter strickt. Das kind spielt...» [25, S. 4].

Вторая часть, предназначенная для школьников средней ступени, состоит из одиннадцати глав:

1. «Звуки, слоги, слова» (нем. Laute, Silben, Wörteter).
2. «Существительные» (нем. Substantiva).
3. «Глагол» (нем. Verbum).
4. «Прилагательное» (нем. Adjektivum).
5. «Местоимение» (нем. Pronomen).
6. «Наречие» (нем. Adverbium).
7. «Предлоги» (нем. Präpositionen).
8. «Союзы» (нем. Konjunktionen).
- 9 «Подлежащее и сказуемое» (нем. Subjekt und Prädikat).
10. «Порядок слов и типы предложений» (нем. Wortstellung und Satzarten).

11. «Тональность предложения и знаки препинания» (нем. Satzton und Interpunktion).

Изложение материала здесь значительно отличается от первой главы и не дублирует ее материал. Так, глава «Существительное» автор состоит из разделов «Виды существительных» (нем. Arten der Substantiva), «Несобственно существительные» (нем. Uneigentliche Substantiva), «Род» (нем. Genus), «Число» (нем. Numerus), «Склонение» (нем. Deklination), «Умлаут во множественном числе» (нем. Umlaut im Plural), «Окончание *-er* во множественном числе» (нем. Endung *-er* im Plural), «Переходные случаи между сильным и слабым склонением» (нем. Übergänge zwischen starker und schwacher Deklination), «Субстантивированные прилагательные и причастия» (нем. Substantivisch gebrauchte Adjektiva und Participia), «Несклоняемые существительные» (нем. Unflektierte Substantiva), «Имена собственные» (нем. Eigennamen), «Заимствования» (нем. Fremdwörter), «Значение и распад флексии» (нем. Bedeutung und Verfall der Flexion), «Отдельные замечания об употреблении грамматического рода» (нем. Einzelne Bemerkungen über der Gebrauch der Casus).

Несмотря на несомненно синхронный характер школьной грамматики, В. Вильманнс делает некоторые диахронические экскурсы. Например, говоря о распаде флексии в немецком языке, он замечает: «В древнем немецком языке (нем. in der ältern deutschen Sprache) количество склонений было больше и их различия отчетливее выступали в полнозвучных окончаниях. Из-за того, что в течение времени окончания все больше и больше сокращались, различия упразднились, так что теперь осталось только два типа склонения» [25, S. 105].

Примечательно, что к школьной грамматике В. Вильманнса обращаются исследователи и XXI века: кельнский языковед и лингводидакт Х. Гюнтер (нем. Hartmut Günther, 1946) характеризует ее как «... единственную из легиона школьных грамматик, которая едва ли обращала внимание на требование педагогов... Она последовательнее всего проводит в жизнь практическую направленность и покидает путь всеобъемлющего здания из правил и понятий» [7, S. 96].

В предисловии к первому тому своей научной грамматики ученый подчеркивает, что когда семнадцать лет назад, т. е. в 1876 году, когда он разрабатывал школьную грамматику, появилось желание дополнить ее научной грамматикой – пособием для учителей. Лекции по немецкой грамматике его преподавателя по Берлинскому университету профессора К. Мюлленгофа, которые он когда-то

слушал, как признавался сам В. Вильманнс, «... с систематическим вниманием», могли бы пробудить его внимание к грамматическим вопросам, но он слушал их без должной подготовки [26, S. III]. То, что в своих лекциях его учитель анализировал и сравнивал грамматические парадигмы готского, древневерхненемецкого и средневерхненемецкого языков, свидетельствует небольшое по объему пособие самого К. Мюлленгофа (см. [13]). Представление о высоких и притягательных задачах языкознания В. Вильманнс, по его признанию, получил только шесть лет спустя из книги В. Шерера (нем. Wilhelm Scherer, 26.04.1841-6.08.1886) по истории немецкого языка (см. [17]), которую тот посвятил К. Мюлленгофу. Как и большинство немецких младограмматиков, родившихся в сороковые годы девятнадцатого столетия, В. Вильманнс и В. Шерер были почти ровесниками.

После В. Шерера ученый с особым пиететом упоминает крупного немецкого германиста, создателя средневерхненемецкой грамматики, автора книги «Грамматика немецких диалектов» К. Вайнхольда (нем. Karl Gotthelf Jakob Weinhold, 26.10.1823-15.08.1901), изучавшего немецкие диалекты в их историческом развитии (см. [22, 23]).

Импульсом для работы В. Вильманнса над созданием немецкой грамматики послужили теоретические работы, появившиеся в 70-е годы девятнадцатого столетия. Здесь он особо отмечает такие работы как:

1. «Древневерхненемецкая грамматика» германиста и индолога, профессора германской и санскритской филологии в Гейдельбергском университете А. Хольцмана (нем. Adolph Karl Wilhelm Holtzmann, 2.05.1810-3.07.1870) (см. [9]).

2. «История нижнефранкского делового языка» австрийского медиевиста Р. Хайнцеля (Richard Heinzel, 3.11.1838-4.04.1905) (см. [8]).

3. «Исследования о синтаксисе языка Отфрида» немецкого германиста О. Эрдманна (нем. Oskar Erdmann, 14.02.1846-13.06.1895) (см. [4, 5]).

4. «История нововверхненемецкого письменного языка» немецкого историка и германиста Г. Рюккерта (нем. Heinrich Rückert, 14.02.1823-11.09.1875) (см. [15, 16]).

5. «Средневерхненемецкая грамматика» К. Вайнхольда (см. [24]).

Вместе с тем, В. Вильманнс огромное значение придавал издававшемуся выдающимися немецкими младограмматиками Г. Паулем (нем. Hermann Otto Theodor Paul, 7.08.1846-29.12.1921) и В. Брауне (нем. Theodor Wilhelm Braune,

20.02.1850-10.11.1926) с 1873 года журналу «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», за новаторскими теоретическими изысканиями которых последовали учебники В. Брауне «Готская грамматика» (нем. *Gotische Grammatik*, 1880), Г. Пауля «Средневерхненемецкая грамматика» (нем. *Mittelhochdeutsche Grammatik*, 1881) и В. Брауне «Древневерхненемецкая грамматика» (нем. *Althochdeutsche Grammatik*, 1886). В этом же 1886 году вышла еще одна теоретическая работа выдающегося младограмматиста К. Бругмана (нем. *Karl Friedrich Christian Brugman(n)*, (16.03.1849-29.06.1919) «Очерк сравнительной грамматики индоевропейских языков» (нем. *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*).

Первый том грамматики, посвященный звуковому составу немецкого языка впервые вышел в свет в 1893 году, второй том «Словообразование» – в 1896 году (см. [27]). И только через десять лет появилась первая часть третьего тома, посвященная глагольной флексии (см. [28]), спустя еще три года – его вторая часть, посвященная именной и местоименной флексии (см. [29]).

Несомненно, такой масштабный труд вызвал самую неоднозначную реакцию в ученом мире Германии. В начале своей рецензии на первый том грамматики В. Вильманнса знаменитый младограмматик, издатель журнала «*Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde*» В. Штрайтберг (нем. *Wilhelm August Streitberg*, 23.02.1864-19.08.1925) явно не без иронии пишет, что известный боннский литературовед вступил на тернистый путь немецкой грамматики и с этим своим новым произведением выдвинулся в первые ряды языковедов [19, S. 186-187].

Критические замечания В. Штрайтберга касаются, прежде всего того, что в грамматике В. Вильманнса не вполне соответствует концепции младограмматиков. Так, выбор готского языка, пусть даже в роли связующего элемента между индоевропейским и древневерхненемецким, рецензент считает неоправданным: на этом месте он скорее бы видел древнесаксонский язык. Кроме того, диалектные различия как нововверхненемецкого, так и древне- и средневерхненемецкого рассматриваются в рецензируемой работе с одной очевидной целью – больше подчеркнуть то, что объединяет, чем то, что разъединяет [19, S. 187-188].

Общий анализ материала первого тома грамматики В. Вильманнса приводит В. Штрайтберга к вполне закономерному выводу: боннский ученый

стоит в большей мере на почве прежних, до сих пор актуальных воззрений, не отвергая, впрочем, результаты новейших исследований, но и не уделяя им должного внимания [19, S. 189].

Выход второго издания первого тома грамматики В. Вильманнса сразу же после выхода его второго тома В. Штрайтберг считает несомненным и заслуженным успехом автора. При этом особое удовлетворение рецензента заключается в том, что первый том был значительно переработан автором в соответствии с исследованиями самых последних лет [20, S. 256-257].

Второй том грамматики В. Штрайтберг характеризует как первую со времен Я. Гримма попытку создания крупномасштабной картины немецкого глагольного, именного и местоименного словообразования. Однако неудачно выбранный автором принцип классификации, по мнению рецензента, весьма навредил делу [20, S. 258-259].

По прошествии двенадцати лет в том же журнале «*Indogermanische Forschungen*» были опубликованы еще две рецензии чешского языковеда Й. Янко (нем. *Josef (Josephus) Janko*, 25.10.1869-19.06.1947) – соответственно на третий и четвертый тома грамматики В. Вильманнса. В рецензии на третий том чешский профессор отмечает, что он демонстрирует все достоинства первых двух: подробное и вместе с тем наглядное изложение, ясное изложение основных вопросов, тщательное использование самой современной литературы вместе с критически взвешенным и во многих случаях консервативным выбором их результатов, а также образцовое дидактическое плане представление проблем, в первую очередь, для любопытных студентов, во вторую – для будущих исследователей [10, S. 81-82].

Хотя в рецензии на четвертый том грамматики В. Вильманнса Й. Янко в целом весьма положительно оценивает это произведение (ср., например, [11, S. 20-21]), детально критическому анализу подвергаются все разделы работы, тем более что вся рецензия по объему больше, чем три предыдущие (около двадцати страниц). Многие положения В. Вильманнса не случайно сравниваются с трудами таких известнейших младограмматиков как К. Бругман, Б. Дельбрюк, Г. Пауль, В. Штрайтберг и др.

Хотя большинство специалистов по истории языкознания не называют В. Вильманнса среди ведущих младограмматиков (хотя бы потому что он не принадлежал к Лейпцигской школе), некоторые отечественные и зарубежные исследователи однозначно относят автора четырехтомного труда

«Немецкая грамматика. Готский, древне-, средне- и нововерхненемецкий» к ученым младограмматической школы (ср., например, [1, с. 9-10, 14, S. 491]). Однако, на наш взгляд, как первая, так и вторая точки зрения являются крайне полярными: В. Вильманнс может быть представлен как едва ли не хрестоматийный пример ученого-лингвиста, находившегося на стыке лингвистических парадигм.

Библиографический список

1. Бутусова, А. С. Теоретическая грамматика немецкого языка [Текст] / А. С. Бутусова. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2017. – 157 с.
2. Лукин, О. В. Теодор Гейнзиус: от языкознания и лингводидактики восемнадцатого века к новой лингвистической парадигме [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – № 2 (17), 2019. – С. 166-170.
3. Морген, Н. Современная немецкая орфография: проблемы и решения [Текст] / Н. Морген. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 52 с.
4. Erdmann, O. Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otfriids. Erster Teil. Die Formationen des Verbums in einfachen und zusammengesetzten Sätzen / O. Erdmann. – Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1874. – XVIII, 234 S.
5. Erdmann, O. Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otfriids. Zweiter Teil. Die Formationen des Nomens / O. Erdmann. – Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. – VIII, 272 S.
6. Franck, J. Wilhelm Wilmanns // Zeitschrift für deutsche Philologie. – No. 43, 1911. – S. 435-449.
7. Günther, H. Beiträge zur Didaktik der Schriftlichkeit // Kölner Beiträge zur Sprachdidaktik, hrsg. von H. Günther, U. Bredel, M. Becker-Mrotzek. Reihe A. KöBeS (6) 2010. – Duisburg : Gilles & Francke Verlag, 2010. – 140 S.
8. Heinzel, R. Geschichte der Niederfränkischen Geschäftssprache / R. Heinzel. – Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1874. – 464 S.
9. Holtzmann, A. Altdeutsche Grammatik, umfassend die gothische, altnordische, altsächsische, algelsächsische und althochdeutsche Sprache. Erster Band. Erste Abtheilung. Die specielle Lautlehre / A. Holtzmann. – Leipzig, F. A. Brockhaus, 1870. – XVIII, 352 S.
10. Janko, J. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. 3. Abt.: Flexion. I. Hälfte: Verbum. 1. u. 2. Aufl. X. u. 315 S. Straßburg 1906. 6 M. // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 23. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. – S. 81-85.
11. Janko, J. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. 3. Abt.: Flexion. 2. Hälfte: Nomen und Pronomen. 1. u. 2. Aufl. Straßburg, Karl J. Trübner 1909. VIII u. S. 317-772 // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 27. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1910. – S. 20-40.
12. Levinson, K. Das „Rechtschreib-Elend“: der Umgang mit orthografischen Problemen im 19. und frühen 20. Jh. im deutsch-russischen Vergleich. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen Fakultät der Eberhard Karls Universität Tübingen / K. Levinson. – Tübingen, 2019. – 253 S.
13. Müllenhoff, K. Paradigmata zur deutschen Grammatik zum Gebrauch für Vorlesungen / K. Müllenhoff. – Berlin : Verlag von Wilhelm Hertz, 1881. – 28 S.
14. Putschke, W. Die Arbeiten der Junggrammatiker und ihr Beitrag zur Sprachgeschichtsforschung // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. Von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. 1. Teilband. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1998. – S. 474-494.
15. Rückert, H. Geschichte der Neuhochdeutschen Schriftsprache. Erster Band. Die Gründung der Neuhochdeutschen Schriftsprache / H. Rückert. – Leipzig: T. O. Weigel, 1875a. – X, 400 S.
16. Rückert, H. Geschichte der Neuhochdeutschen Schriftsprache. Zweiter Band. Vom 16. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts / H. Rückert. – Leipzig: T. O. Weigel, 1875b. – VI, 380 S.
17. Scherer, W. Zur Geschichte der deutschen Sprache / W. Scherer. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1868. – XIV, 492 S.
18. Schröder, E. Wilhelm Wilmanns // Geschäftliche Mitteilungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. – No. 1, 1911. – S. 89-95.
19. Streitberg, W. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt- Mittel- und Neuhochdeutsch. Erste Abteilung: Lautlehre. XIX u. 332 S. gr. 8°. Strassburg Trübner 1893. 31. 6,50. // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 3. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1894. – S. 186-191.
20. Streitberg, W. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt- Mittel- und Neuhochdeutsch. Erste Abteilung: Lautlehre. Zweite verbesserte Auflage. Strassburg Trübner 1897. XX u. 425 S. 8°. 8 M., geb. 10 M. – Zweite Abteilung: Wortbildung. Ebd. 1896. XVI u. 653 S. 8°. 12,50 M., geb. 15 M. // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 7. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – S. 256-261.
21. Wagner, G. W. Wilhelm Wilmanns / G. W. Wagner. – Hamborn am Rhein: Selbstverlag, 1913. – 48 S.
22. Weinhold, K. Grammatik der deutschen Mundarten. Erster Theil. Das alemannische Gebiet / K. Weinhold. – Berlin: Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung (Harrwitz und Gossman), 1863. – XVIII, 480 S.

23. Weinhold, K. Grammatik der deutschen Mundarten. Zweiter Theil. Das bairische Gebiet / K. Weinhold. – Berlin : Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung (Harrwitz und Gossman), 1867. – XVIII, 396 S.

24. Weinhold, K. Mittelhochdeutsche Grammatik. Ein Handbuch / K. Weinhold. – Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1877. – XII, 526 S.

25. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik für die Unter- und Mittelklassen höherer Lehranstalten. Nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Orthographie nach der amtlichen Festsetzung / W. Wilmanns. – Berlin: Verlag von Paul Parey, 1883. – VIII, 240 S.

26. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 1. Abt., Lautlehre / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – XX, 426 S.

27. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 2. Abt., Wortbildung / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1896. – XVI, 664 S.

28. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 3. Abt., Flexion. 1. Hälfte, Verbum / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1906. – X, 316 S.

29. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 3. Abt., Flexion. 2. Hälfte, Nomen und Pronomen / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. – VIII, 317-772 S.

Reference List

1. Butusova, A. S. Teoreticheskaja grammatika nemeckogo jazyka = Theoretical grammar of German [Tekst] / A. S. Butusova. – Rostov-na-Donu; Taganrog : Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2017. – 157 s.

2. Lukin, O. V. Teodor Gejnzius: ot jazykoznanija i lingvodidaktiki vosemnadcatogo veka k novoj lingvisticheskoj paradigme = Theodore Heinsius: From eighteen-century linguistics and linguodidactics to a new linguistic paradigm [Tekst] // Verhnevzhskij filologičeskij vestnik. – № 2 (17), 2019. – S. 166-170.

3. Morgen, N. Sovremennaja nemeckaja orfografija: problemy i reshenija = Modern German spelling: problems and solutions [Tekst] / N. Morgen. – M. : Institut jazykoznanija RAN, 2006. – 52 s.

4. Erdmann, O. Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otrfrids. Erster Teil. Die Formationen des Verbums in einfachen und zusammengesetzten Sätzen / O. Erdmann. – Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1874. – XVIII, 234 S.

5. Erdmann, O. Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otrfrids. Zweiter Teil. Die Formationen des Nomens / O. Erdmann. – Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. – VIII, 272 S.

6. Franck, J. Wilhelm Wilmanns // Zeitschrift für deutsche Philologie. – No. 43, 1911. – S. 435-449.

7. Günther, H. Beiträge zur Didaktik der Schriftlichkeit // Kölner Beiträge zur Sprachdidaktik, hrsg. von H. Günther, U. Bredel, M. Becker-Mrotzek. Reihe

A. KöBeS (6) 2010. – Duisburg : Gilles & Francke Verlag, 2010. – 140 S.

8. Heinzel, R. Geschichte der Niederfränkischen Geschäftssprache / R. Heinzel. – Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1874. – 464 S.

9. Holtzmann, A. Altdeutsche Grammatik, umfassend die gothische, altnordische, altsächsische, algsächsische und althochdeutsche Sprache. Erster Band. Erste Abtheilung. Die specielle Lautlehre / A. Holtzmann. – Leipzig, F. A. Brockhaus, 1870. – XVIII, 352 S.

10. Janko, J. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. 3. Abt.: Flexion. I. Hälfte: Verbum. 1. u. 2. Aufl. X. u. 315 S. Straßburg 1906. 6 M. // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 23. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. – S. 81-85.

11. Janko, J. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. 3. Abt.: Flexion. 2. Hälfte: Nomen und Pronomen. 1. u. 2. Aufl. Straßburg, Karl J. Trübner 1909. VIII u. S. 317-772 // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 27. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1910. – S. 20-40.

12. Levinson, K. Das „Rechtschreib-Elend“: der Umgang mit orthografischen Problemen im 19. und frühen 20. Jh. im deutsch-russischen Vergleich. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Philosophischen Fakultät der Eberhard Karls Universität Tübingen / K. Levinson. – Tübingen, 2019. – 253 S.

13. Müllenhoff, K. Paradigmata zur deutschen Grammatik zum Gebrauch für Vorlesungen / K. Müllenhoff. – Berlin : Verlag von Wilhelm Hertz, 1881. – 28 S.

14. Putschke, W. Die Arbeiten der Junggrammatiker und ihr Beitrag zur Sprachgeschichtsforschung // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. Von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. 1. Teilband. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1998. – S. 474-494.

15. Rückert, H. Geschichte der Neuhochdeutschen Schriftsprache. Erster Band. Die Gründung der Neuhochdeutschen Schriftsprache / H. Rückert. – Leipzig: T. O. Weigel, 1875a. – X, 400 S.

16. Rückert, H. Geschichte der Neuhochdeutschen Schriftsprache. Zweiter Band. Vom 16. bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts / H. Rückert. – Leipzig: T. O. Weigel, 1875b. – VI, 380 S.

17. Scherer, W. Zur Geschichte der deutschen Sprache / W. Scherer. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1868. – XIV, 492 S.

18. Schröder, E. Wilhelm Wilmanns // Geschäftliche Mitteilungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. – No. 1, 1911. – S. 89-95.

19. Streitberg, W. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt- Mittel- und Neuhochdeutsch. Erste Abteilung: Lautlehre. XIX u. 332 S. gr. 8°. Strassburg Trübner 1893. 31.

6,50. // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 3. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1894. – S. 186-191.

20. Streitberg, W. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt- Mittel- und Neuhochdeutsch. Erste Abteilung: Lautlehre. Zweite verbesserte Auflage. Strassburg Trübner 1897. XX u. 425 S. 8°. 8 M., geb. 10 M. – Zweite Abteilung: Wortbildung. Ebd. 1896. XVI u. 653 S. 8°. 12,50 M., geb. 15 M. // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 7. Band. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – S. 256-261.

21. Wagner, G. W. Wilhelm Wilmanns / G. W. Wagner. – Hamborn am Rhein: Selbstverlag, 1913. – 48 S.

22. Weinhold, K. Grammatik der deutschen Mundarten. Erster Theil. Das alemannische Gebiet / K. Weinhold. – Berlin: Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung (Harrwitz und Gossmann), 1863. – XVIII, 480 S.

23. Weinhold, K. Grammatik der deutschen Mundarten. Zweiter Theil. Das bairische Gebiet / K. Weinhold. – Berlin : Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung (Harrwitz und Gossmann), 1867. – XVIII, 396 S.

24. Weinhold, K. Mittelhochdeutsche Grammatik. Ein Handbuch / K. Weinhold. – Paderborn, Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1877. – XII, 526 S.

25. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik für die Unter- und Mittelklassen höherer Lehranstalten. Nebst Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Orthographie nach der amtlichen Festsetzung / W. Wilmanns. – Berlin: Verlag von Paul Parey, 1883. – VIII, 240 S.

26. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 1. Abt., Lautlehre / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – XX, 426 S.

27. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 2. Abt., Wortbildung / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1896. – XVI, 664 S.

28. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 3. Abt., Flexion. 1. Hälfte, Verbum / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1906. – X, 316 S.

29. Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch; 3. Abt., Flexion. 2. Hälfte, Nomen und Pronomen / W. Wilmanns. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1909. – VIII, 317-772 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10608

УДК 008

Т. С. Злотникова

<https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Русские вопросы А. Платонова и Н. Некрасова: отношение к жизни как ментальный парадокс

Российское самосознание может рассматриваться по аналогии с персональными психотипами: интроверсивным и экстраверсивным. Если экстраверсивный дискурс российского самосознания, актуализированный в художественном и философском творчестве, опирается на разнообразные вариации понимания Россией себя в соотношении с миром, прежде всего Европой (П. Чаадаев и А. Пушкин, А. Грибоедов и В. Белинский, А. Сухово-Кобылин, А. Чехов и В. Соловьев), то интроверсивный дискурс опирается на восторженное или болезненное восприятие себя как уникального мира, образа, концепта. Уникальность детерминирует недовольство мирозданием и поэтизацию своих страданий, мифологизацию конфликта личности и ее окружения, трансформацию диалогической коммуникации в коммуникацию монологическую. Мощный лирический модус, присущий интроверсивно ориентированным образным мирам (Н. Гоголь, Л. Толстой, Н. Некрасов), превращает самовосприятие в самовопросание, а автора вопросов – в своего рода демиурга утопических или антиутопических миров. Рядом с «русскими вопросами», ставшими риторическими фигурами и заданными в экстраверсивном дискурсе А. Герценом и Н. Чернышевским («кто виноват» и «что делать»), мы видим «русские вопросы», заданные в интроверсивном дискурсе: «кому на Руси жить хорошо» у Н. Некрасова и «как жить» у А. Платонова. Широко представив культурный контекст, в котором современники Некрасова и Платонова имплицитно давали ответы на заданные этими творцами вопросы, автор статьи приходит к следующим выводам. Вопрос Некрасова, во-первых, риторический; во-вторых, предполагающий, что хорошо жить кому угодно, только не народу. Ментальные парадоксы «русских вопросов», с заложенной в них изначально невозможностью дать очевидный и обнадеживающий ответ, апеллируют к слову «счастье»; это – фетиш и метафора, культурфилософский мотив и бытийная ценность, не осуществление надежды и не состояние, а мыслимое трансцендентное бытие.

Ключевые слова: ментальные парадоксы, русские вопросы, экстраверсия, интроверсия, Н. Некрасов, А. Платонов, народ, счастье, российское самосознание

CULTURAL SCIENCE

T. S. Zlotnikova

A. Platonov and N. Nekrasov's Russian questions: attitude to life as a mental paradox

Russian self-awareness can be considered in a similar way with personal psychotypes: intraversive and extraversive. If the extraversive discourse of the Russian consciousness, updated in art and philosophical creativity, is based on different variations of understanding by Russia itself in the ratio with the world, first of all Europe (P. Chaadaev and A. Pushkin, A. Griboedov and V. Belinsky, A. Sukhovo-Kobylin, A. Chekhov and V. Solovyov), the intraversive discourse relies on enthusiastic or painful perception of itself as a unique world, image, concept. Uniqueness determinates dissatisfaction with the universe and poetization of own sufferings, mythologization of the conflict between the individual and its environment, transformation of dialogue communication into monologic communication. The powerful lyrical modus, inherent to intraversively oriented metaphoric worlds (N. Gogol, L. Tolstoy, N. Nekrasov), turns self-perception into self-inquiry, and the author of questions into a kind of demiurge of utopian or antiutopic worlds. Along with «Russian questions», which have become rhetorical figures and are asked in the extraversive discourse of A. Herzen and N. Chernyshevsky («who is guilty» and «what to do»), we see the «Russian questions» asked in the intraversive discourse: «Who Can Live Happy in Russia « by N. Nekrasov and «how to live» by

A. Platonov. Having widely presented the cultural context where the contemporaries of Nekrasov and Platonov implicitly gave answers to the questions asked by these creators, the author of the article comes to the following conclusions. The question of Nekrasov, first of all, is rhetorical, secondly, suggesting that anyone could live happily but the people. The mental paradoxes of «Russian questions», with their initial impossibility to give an obvious and encouraging answer, appeal to the word «happiness»; This is a fetish and metaphor, cultural philosophical motif and existential value, not the realization of hopes and not condition, but imaginable transcendental being.

Keywords: mental paradoxes, Russian questions, extraversion, intraversion, N. Nekrasov, A. Platonov, people, happiness, Russian self-consciousness.

Постановка проблемы в контексте предложенной дискуссии

Российское самосознание может рассматриваться по аналогии с персональными психотипами: интроверсивным и экстраверсивным. Если экстраверсивный дискурс российского самосознания, актуализированный в художественном и философском творчестве, опирается на разнообразные вариации понимания Россией себя в соотношении с миром, прежде всего Европой (П. Чаадаев и А. Пушкин, А. Грибоедов и В. Белинский, А. Сухово-Кобылин, А. Чехов и В. Соловьев), то интроверсивный дискурс опирается на восторженное или болезненное восприятие себя как уникального мира, образа, концепта.

Экстраверсивный дискурс художественных текстов, публицистики, эпистолярных высказываний формируется в России последних трех столетий постоянно присутствующим в сознании творцов мотивом «Запада» («Европы») как иного пространства и иной жизни. Нам приходилось обращать внимание на то, что в европейской традиции (в том числе в экзистенциальной философии) человек испытывает свою чуждость по отношению к миру Других, в российской же традиции – отвлечение к себе, самоуничтожение, ощущение чуждости самого себя. Абсурдность такого психологического состояния граничит с психической аномалией; вдвойне абсурдно то, что без признания подобного состояния русский интеллигент не мог себя чувствовать таковым [3, с. 20-23].

Экстраверсивность русского самосознания проявляется в постоянном сопоставлении «своего» с «чужим», в попытке измерить (со-измерить) себя «чужим аршином». Эта особенность характеризует всю России, но, в особенности, соотносится с хронотопом русской провинции: русское самосознание то и дело определяется таким понятием, как «азиатчина». Внутренняя «азиатчина» как духовная провинциальность виделась русским интеллигентам в жестоком самонеуважении. И если В. Соловьев все же приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого бу-

душего [10, с. 304], то В. Розанов куда более резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», что основано на убогом неиспользовании собственного потенциала и заискивании перед чужими, далеко не лучшими образцами. Этого провинциализма, считал В. Розанов, нет «ни у негров, ни у турок, ни у китайцев» [8, с. 339]. «Зулусы», «тунгусцы» были привычным для А. Чехова обращением к родственникам и друзьям – провинциалам. Русская интеллигенция рубежа XIX–XX веков относилась к России как к Востоку, производя излюбленное противопоставление «азиатского» начала «европейскому» как «низшего высшему» и требуя найти сочетание «европеизма», резкого отталкивания от культурной отсталости России с «напряженным чувством к родине и национальной гордости» (С. Франк) [11, с. 453, 454, 459].

Европа для русского творца-интеллектуала-маргинала – это не просто географический ареал, но духовная сфера, на которую необходимо ориентироваться и вне которой немислима жизнь. Особые нравственно-психологические интенции делают географическое пространство России как места пребывания подвижным: это всегда то место, где житель находится сейчас, ставшая привычной среда обитания. У А. Чехова это был Таганрог по отношению к Москве, Москва – по отношению к Петербургу, Россия – по отношению к «загранице», Швейцария – по отношению к Италии или Франции, Европа – по отношению к Америке. Отсюда для России традиционна стеснительность, своего рода комплекс «житомирского кузена» (М. Булгаков), когда провинция и провинциал рассматриваются как явление и человек «второго сорта». Но может ли быть второсортным многоверстное пространство, и могут ли быть второсортными люди, определяемые так с позиций места жительства?

Особый смысл в психологическом портрете интроверта – представителя русской культуры как культуры в широком смысле провинциальной – приобретают его личные *взаимоотношения с ев-*

ропейцами. Русский человек, ощущая себя провинциалом, традиционно возмущается упорядоченностью, «нормальностью» европейской жизни, а европейцы оказываются перед неразрешимой «загадкой русской души» или «русских пространств», обнаруживая в своем непонимании странную провинциальность духа рядом с неясным мерцанием и парением чувств русских провинциалов. Для самоощущения русской интеллигенции традиционно особое отношение к драматическому положению России *между* Востоком и Западом, *между* темным прошлым и туманным будущим. Она испытывает презрение или нелюбовь к западной цивилизации за то, чем не владеет русский, но что – обладай этим русский – уравнило бы русскую «азиатчину». Однако русские и за границей – в Ницце, Монте-Карло, Берлине, Париже, Нью-Йорке – создают свою «провинцию» как локальное духовное и даже бытовое пространство.

Экстраверсивность русского самосознания специфически и всегда однотипно проявлялась при выезде русских творцов за границу: независимо от личного психотипа, эти люди словно распахивались навстречу новым жизненным реалиям, среди которых преобладали локальные цивилизационные инновации (удобное устройство заграничных поездов, опрятность бытовых привычек), раздражавшие и вызывавшие тоску. Поэтому русские интроверты искали в зарубежных впечатлениях признаки моральной деградации как оборотной стороны прогрессивных «удобств». П. Чайковский сетовал на «поразительно банальную обстановку» своей жизни во Флоренции – «точно где-нибудь в русской провинции»; для А. Чехова черты провинциальности выделялись в любой экзотически-отдаленной стране, как только ее бытие оказывалось понятным и физически доступным для него бытом (это относится к таким «роскошным» местам, как Сингапур, Индия, Цейлон, Китай, а также городам Италии, Франции и Германии, где негодование могла вызвать даже аккуратная и чистенькая... луна); однако В. Набоков возил с собой в эмиграции резиновую складную ванну, видя в ней спасение от чужого духа в «бесчисленных европейских пансионах». Покинув родину, которая могла раздражать своей провинциальностью, русский художник творил «там» фрагмент своей провинции, своего, отдельного от всего мира бытия. Так возникают представления о *внутренней провинции и внутренней «загранице»*. «Совсем Азия! Такая кругом Азия», – горевал А. Чехов, а в провинции

И. Бунина «иногда по целым неделями несло непроглядными азиатскими метелями». Русского интеллигента раздражала «внутренняя» провинция, когда «*азиатчина*» становилась определением духовного качества провинциальной жизни.

Экстраверсивность русского самосознания во многих суждениях, как аналитических, так и публицистических, принимала не столько «вопросительный», сколько «утвердительный» характер.

Тяготясь жизнью в *географической* провинции, где «работает только тело, но не дух», А. Чехов предвосхищал жесткость взгляда, присущего человеку русской культуры, ставшему постоянным жителем Запада. Наконец, упоминая «русского западника-азиата», Н. Бердяев утверждал, тем не менее, провинциальность Европы. И противопоставлял русское и европейское самосознание на принципиальных, рассматриваемых нами основаниях (экстраверсия-интроверсия), которые просто не были названы философом: отличие германца от русского, по мысли Бердяева, в том, что европеец «чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию», следовательно, налицо осознанная интроверсия жизненной позиции; русский же «думает, что не он спасет России, а Россия его спасет», следовательно, налицо инфантильная и эгоистичная экстраверсия [1, с. 68].

Уникальность как психологическая и нравственно-философская позиция, свойственная русскому самосознанию, детерминирует недовольство мирозданием и поэтизацию своих страданий, мифологизацию конфликта личности и ее окружения, трансформацию диалогической коммуникации в коммуникацию монологическую. Мощный лирический модус, присущий интроверсивно сориентированным образным мирам (Н. Гоголь, Л. Толстой, Н. Некрасов), превращает самовосприятие в самовопросание, а автора вопросов – в своего рода демиурга утопических или антиутопических миров. Рядом с «русскими вопросами», ставшими риторическими фигурами и заданными в экстраверсивном дискурсе А. Герценом и Н. Чернышевским («кто виноват» и «что делать»), мы видим «русские вопросы», заданные в интроверсивном дискурсе: «Кому на Руси жить хорошо?» у Н. Некрасова и «Как жить?» у А. Платонова.

Русский вопрос Н. Некрасова как ментальный парадокс

Контекст Некрасова. Поэма «Кому на Руси жить хорошо?» пишется не одномоментно (фрагменты – по мере написания, 1870-е годы). А в это время в русской культуре, в частности, в русской

литературе созвучные вопросы или этот же вопрос, но в других формулировках, – постоянны...

Вопрос и у Некрасова, и у его современников, как это ни покажется странным, меньше всего стоит о народе, хотя народу подобает, в очередной раз, быть в центре внимания российской общности, ибо ему только что, несколько лет назад, предоставлены свободы. Народ же присутствует имплицитно, но ни его судьба, ни конкретные коллизии не занимают сознание писателей, не концентрируют в себе проблемы национального самосознания.

Чернышевский – «Что делать?» (1863). *Трудиться* – понимая труд в самом широком смысле, как построение своей личности, судьбы, как производство полезного для людей продукта. *Не лгать*, какими бы высокими ни были причины или поводы лжи, не бояться жестокости, но проявлять, по мере возможности, милосердие.

Достоевский – «Бесы» (1871-1872), «Подорожник» (1874-1875), «Братья Карамазовы» (1878-1880). На Руси в принципе не может быть хорошей жизни, поскольку и в социальном плане «бесы» обуревают, и в нравственном смысле – «смердит».

Гончаров – «Обрыв» (1870 – первая полная публикация). В последнем своем романе автор перестает считать обыденной помещичью и чиновничью жизнь «обыкновенной историей», уверяется в неосуществимости гармонии, создаваемой нежной негой обломовщины и упорядоченной старательностью штольцевщины, выводя своих персонажей к *обрыву*. (Нет нужды доказывать, что это другая, но последовательно возникающая версия пушкинской страсти «смертной бездны на краю»).

Островский – «Бешеные деньги» (1870), «Лес» (1870), «Снегурочка» (1873) (в последней, видимо, и есть те, единственные, погруженные в сказочную гармонию и сказочные, эфемерные страсти тех, кому на стародавней Руси жить хорошо?); затем – жестокие «Волки и овцы» (1875), пасторальная «Правда хорошо, а счастье – лучше» (1876). Так в чем оно, счастье, и кому оно достается? И как можно жить «по правде»? На Руси *жить хорошо жуликам и приспособленцам, лжецам и эгоистам*. Ах, как хотелось бы, чтобы хорошо было жить наивным и добросердечным, вроде Платона Зыбкина и берендеевых подопечных, но утопичность благих пожеланий для Островского очевидна, влияя этим акцентом русского самосознания на многочисленные театральные версии его пьес.

Салтыков-Щедрин – «Помпадурсы и помпадурши» (начало публикации в 1873, далее – 1877), «Современная идиллия» (начало работы – 1877). На Руси *жить хорошо тому, кто вовремя понял, что надо «годить»*, как это сделал Глузов вместе с автором романа, вовремя впустив в дом осведомителя Кшепшицпольского, кто сумел вовремя согласиться жениться на «штучке» купца Парамонова, как это сделал продажный адвокат Балалайкин.

Лев Толстой – «Анна Каренина» (1873-1876). Левин и его наивные рассуждения о хорошей жизни в народном дискурсе. Прежде – едва ли не *издевка над народной грязью и неухоженностью* в восприятии молодого помещика Нехлюдова («Утро помещика»).

По всей видимости, обозначенный нами контекст русской культуры подтверждает предположение о том, что в традиции литературной критики и социально-культурной публицистики прозвучавший у Некрасова вопрос «кому на Руси жить хорошо?», во-первых, риторический, во-вторых, предполагающий, что хорошо жить кому угодно, только не народу.

Проблематика народной жизни как дискурса, как индикатора и как объекта защиты от жестоких внешних покушений характерна для многих современных исследований, в том числе и для обсуждаемой темы народа у С. А. Никольского [6]. Поэтому в сочетании с ментально значимым вопросом, услышанным нами у Андрея Платонова, («как жить?») мы сочли необходимым обозначить ментально же значимый вопрос Николая Некрасова («кому на Руси жить хорошо?») как признанного защитника народных интересов и плакальщика о народных страданиях.

Используя фразу одного из текстов самого А. Платонова («...Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется?»), современный философ подчеркивает важное для себя: «если народ умирает, то на его месте возникает («остаётся») пустота, что у Андрея Платонова синоним или отсутствия жизни (когда ее еще нет) или смерти (когда жизни уже нет)». По мысли С. А. Никольского [5, 6], народ, не имеющий собственности – вспомним в связи с этим уникальную в своей точности реплику чеховского Фирса в «Вишневом саде» о «беде», как он обозначал отмену крепостного права, – это своего рода ментальная константа, в раскрытии которой Андрей Платонов «преуспел более всего». Следовательно, «хорошо» на Руси жить тому, что не просто имеет собственность, но благоразумно ее

располагается и ее созидает, а таких, имущих и разумных, в поэме Некрасова, да и во всей русской классике – мало.

Отметим принципиально важную особенность знаменитой некрасовской «эпопеи о народной жизни», как часто именовали поэму. Слово «народ» чаще всего там употребляется в бытовом смысле, как «жители», «соседи», «рядом находящиеся», но не в социально-демографическом, социологическом смысле. Вот об этих жителях-обывателях и говорится между прочим: «*Там видимо-невидимо народу!*», а качественная характеристика народа имеет определенно негативные коннотации («*У нас народ – всё голь да пьянь*» либо «*Народ у нас дикарь*»).

Попутно отметим и то, что в версии Некрасова «народ» – это весьма своеобразная и конкретная часть жителей «Руси»: крестьянство, не более того. При этом в поэме велико количество упоминаемый народа – несколько десятков на протяжении поэмы (и это – только существительные, не считая прилагательных «народный» и т. п.). По сути дела, лишь изредка народ упоминается более обобщенно, чем крестьянство, а именно, как трудящаяся и угнетенная часть населения, – это речь идет об отмене крепостного права: «*...И с «Положенья» царского, С народа крепки снявшего*». Впрочем, «крепки» в буквальном смысле налагались только на крестьянство, в переносном же сковывали и другие группы населения.

Отметим и то, что «хорошая жизнь», о которой задан вопрос у Некрасова, в ментальной традиции России семантически дублируется другими понятиями, прежде всего, «счастьем»; глава 4 так и называется, «Счастливые», начинаясь ироническим пассажем:

*В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?»*

Важно подчеркнуть: если точно следовать тексту, а не сложившимся впоследствии семантическим клише, то в поэме Некрасова вопрос оказывается заданным не столько о том, кому на Руси жить хорошо, а о том, «*Кому живет весело, Вольготно на Руси?*».

Вряд ли кто-то будет утверждать, что Некрасов был последовательным иронистом сродни Салтыкову-Щедрину иже с ним. Публицистичность, в лучшем случае – открытая критичность высказываний – это предел его выражения отрицательного отношения к объекту литературного творчества. Тем не менее, ответ на, казалось бы, риториче-

ский вопрос «кому на Руси жить хорошо?» дается в несвойственной автору иронической манере, присущей вставному фрагменту «Веселая» с его припевом-рефреном: «*Славно жить народу На Руси святой!*».

Однако активность иронии названного рефрена не поддерживается общим строем некрасовского текста, поэтому в конце поэмы эта ирония уравновешивается другим, едва ли не гимническим рефреном – именно так, ибо там вновь звучит песня, где «народ» – это понятие широкое, обобщенное, не равное «крестьянству»:

*Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!*

И, разумеется, хотя бы однажды дидактичность Некрасова должна была проявиться в сдержанно-панегирическом высказывании о народе (в широком понимании):

*Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.*

Потому в эпилоге («Гриша Добросклонов») наконец-то появляется пассаж – ожидаемый и излюбленный, сделавший Некрасова своего рода гуру «народности» в массовом сознании и в представлениях множества историков литературы, поклонников позитивистского понимания художественного творчества как прямой аллюзии на жизненные происшествия и ожидания:

*Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.*

Таким образом, социальное начало в его публицистическом выражении, существенно превалируя над художественно-образным, привело Некрасова и его интерпретаторов к сказочной, утопической версии ответа на вопрос «Кому на Руси жить хорошо?». В этой версии, если народу на Руси жить – пока – и не слишком хорошо, то, как хочет считать поэт, хорошо будет. А кому – это для него не предмет для обсуждения, а предмет однозначного и категорического утверждения: смотри выше – народу.

Русский вопрос А. Платонова как ментальный парадокс

Контекст Платонова. В его собственном творчестве ответы (или один ответ) на заданный вопрос ищем в знаменитых «Чевенгуре» (1929), «Котловане» (1930), «Счастливой Москве» (1933-1936), а также в известной, но вряд ли связываемой с именем Платонова сказке «Волшебное

кольцо» (1947). Наиболее активно рассматриваемые и привлекающие к себе внимание в связи с попытками – нет, не ответить на вопрос, а «озвучить» его, – основные из рассматриваемых нами произведений относятся к самому концу 1920 и первой половине 1930 годов, лишь одно – ко второй половине 1940-х. Поэтому контекст мы обозначим хронологически близкий к основному корпусу текстов.

В качестве контекста предстает огромный пласт новых авторов в литературе, новых произведений в театре и кинематографе.

Так, в 1929 году начинается работа *М. Булгакова* над «Мастером и Маргаритой», тогда же он пишет трагикомическую историю жизни и смерти не подавшегося дворцовым и закулисным интригам Мольера – «Кабалу святош», а в 1935 году создает еще одну пьесу о творце – жертве и победителе (редкий случай, в котором главный человек, Пушкин, был внесценическим персонажем), «Последние дни». Ясно было, что уж кому-кому, но творцу никак не может быть хорошо, а ответ на вопрос «как жить» всегда повторялся: готовясь к неожиданной и странной смерти и не переставая творить в ожидании ее.

С 1928 года начинается работа *М. Шолохова* над «Тихим Доном», где ответы на вопрос «как жить?» имеют характерный для советской интерпретации событий гражданской войны в России оттенки безысходности, жертвенности, растерянности и попытки спастись в любовной горячке.

Советская живопись начала 1930-х годов может рассматриваться не просто как контекст Платонова, но как настойчиво звучащий контрапункт. *Б. Иогансон* по странной, ассоциативной (как можно предположить, но это было бы слишком большой вольностью по отношению к пророческому подсознанию художника) в 1933 году пишет свой знаменитый «Допрос коммуниста», а *А. Дейнека* разворачивает бесконечную череду позитивных визуальных жизненных зарисовок: «Купающиеся девушки», «Полдень» (в начале 1930-х) вплоть до счастливо обнаженных «Будущих летчиков» (1937).

Особенно важным представляется обозначить вполне органичную ассоциацию вербальных текстов *А. Платонова* и визуальных текстов *П. Филонова*. Застывшие и немотно пытающиеся сдвинуться со своих мест, густо и тягостно населяющие пространство холста, вырубленные из неизвестной твердой породы и не способные быть органически пригодными для жизни существа («Животные», 1930), особенно же люди, «Ударни-

ки» *Филонова* (1935) могут рассматриваться как прямой аналог неуклюжих и взыскующих любви и понимания людей у Платонова. В хоре, прославляющем жизнь «в буче, боевой, кипучей» (о чем еще недавно писал Маяковский), звучит скрежещущий диссонанс, в котором гармоничны лишь по отношению друг к другу эти двое, Платонов и Филонов. Неживая материя формально живых предметов (существ) – это особая художественная реплика, ответ на вопрос «как жить?»: жить, уподобляясь неживому, в этом случае, может быть, удастся выжить...

В. Мейерхольд в конце 1920-х – начале 1930-х годов друг за другом открывает новых советских авторов: рядом с «Клопом» (1928) и «Баней» (1930) своего давнего партнера, *В. Маяковского*, режиссер выводит на сцену произведения начинающих *И. Сельвинского* «Командарм-2» (1929), *А. Безыменского* «Выстрел» (1930), *Вс. Вишневского* «Последний, решительный» (1931), *Ю. Олеши* «Список благодетелей» (1931), *Ю. Германа* «Вступление» (1933). «Как жить?»: отрекаясь от старого мира, от мещанских предрассудков, от нежных любовных странностей, преодолевая земное притяжение прошлого и веря в преимущества будущего? Сценические эксперименты мягко, но настойчиво отодвигали на задний план прямолинейность психологических коллизий, вызывая доверие к новому в силу соблазнительной новизны и блистательной парадоксальности гротескных решений. Жить звонко и уверенно, оставляя в стороне сомнения и странности для персонажей классики, которая, конечно, также появлялась на сцене у Мейерхольда, но звучала контрапунктом, не акцентировано.

В 1934 году *Г. Александров* снял народно-пасторальный фильм про советскую Золушку «Веселые ребята», а в 1936 году – политически благонадежный и жизнеутверждающий, музыкальный и любовно-трогательный фильм «Цирк». Фильмы давали прямой ответ на вопрос «Как жить?»: весело и бодро, шагая с песней по жизни, размахивая хлыстом для коров и отбивая чечетку без репетиций и обучения, гордясь здоровым телом и побеждая бюрократов и расистов.

Сочинения Платонова были о той же жизни, о которой писали прозаические тексты, ставили спектакли и снимали кинофильмы его современники; но умение читать их еще должно было сформироваться среди простодушных бодрых маршей и сложных авангардных экспериментов.

В представленных в монографии «Философская антропология *Андрея Платонова*» суждени-

ях С. А. Никольского обращено внимание на парадоксальное осмысление А. Платоновым жизненных реалий: вместо привычного представления о резкой до боли критике писателем новых социальных смыслов (коммунизма как антропологического антипода личностной целостности) автор обращает внимание на ленинско-сталинскую трактовку *«героического смысла коммунизма»*. Речь, с нашей точки зрения, идет о сугубо российском, ментально специфическом (а, значит, интроверсивном) вопрошании: *может ли жизнь состоять* не из естественных природных действий или повседневных интересов, но *из идей и принципов*? Как жить и можно ли жить без материального – одежды и обуви, без духовного – любви и желаний? Как подчеркивает С. А. Никольский, говоря о Саше Дванове и беря для этого цитату из текста Платонова, *«этот человек считал себя богом и все знал. По своему убеждению он бросил пахоту и питался непосредственно почвой»*.

Можно ли жить без физически (материально) ощущаемых запасов сил? Можно ли жить без воздуха и пищи? Начало *«Котлована»* задает болезненную ноту, в которой звучит характерный ответ именно на этот вопрос: *«В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда. Воцел взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее»*. По сути дела, Платонов что-то из ранее обозначенного в русском самосознании продолжил своими не до конца сформулированными вопросами: можно ли жить «на дне», а если можно, то как? В драках и пьянке, в воровстве и убийствах? Это была линия М. Горького в начале XX века. Но что-то из ранее обозначенного Платонов этими вопросами предвосхитил: можно ли не только жить «на обочине», но еще и устраивать там пикник, как об этом писали братья Стругацкие в третьей четверти XX века? Как жить в *котловане*? Да еще под «вопрошающим небом» (подчеркнем мотив вопроса, задаваемого в трансцендентности)?

Поразительное и горестное измышление Платонова: Москва Ивановна Честнова (уже этого словосочетания было бы достаточно для литературного гротеска) названа еще и «счастливой Москвой». Девочка без имени, радость которой – только в самой возможности жить, называемая «дочерью революции» и едва ли не подсознательно протестующая против самого статуса дочери, настаивающая на том, что она – сирота, эта жен-

щина – трогательное и мучительное воплощение представления о бесполом продукте новой социальной системы. Товарищ! А что любила «ветер и солнце», – так это не востребованное стремление жить в природе, а не в техническом свете электричества, как товарищ Божко.

Как бы разнообразны ни были суждения об этом произведении Платонова, включая ужас от авторского сарказма в известных высказываниях Ю. Нагибина [4] или удивление абсурдом у В. Бондаренко [2], или развернутое высказывание о травматичности впечатлений у С. Семенович [9], этот текст оказывается в понимании многих профессиональных читателей выражением *ужаса от превращения* (естественно, *сродни кафкианскому, хотя об этом ни у кого речи не было*): превращения Москвы с ее странным и чистым счастьем в Матрену с ее хождением на базар за пищей. Превращение мира, относительно которого вопрос «как жить?» решался однозначно: жить счастливо, – и это в мире, где жить в принципе нельзя, разве что совокупляться и принимать пищу. (К проблематике *философии истории, о которой говорит в своем тексте С. А. Никольский эта чудовищная трансформация*, на наш взгляд, имеет самое непосредственное отношение).

Предшественникам Платонова в России (в том числе тем, о ком сказано выше, в связи с «русским вопросом» Некрасова и разного рода ответами на него авторов позапрошлого века), не приходило в голову усомниться в *самой возможности жить*; находились вполне определенные ответы на вопросы о том, как жить и где жить («где оскорбленному есть чувству уголок») и, наконец, кому жить лучше, а кому хуже? У Андрея Платонова, очевидно, ответа на вопрос «как жить?» не находится.

Парадоксальным представляется то, что, по сути дела, единственный позитивный вариант ответа на вопрос «Как жить?», Платонов, опираясь на фольклорную традицию, которая в русской культуре чаще использовалась для создания сатирических, гротескных версий (от «Сказки о Золотом Петушке» А. Пушкина до сказок М. Салтыкова-Щедрина), дает на основе наивного представления о благоденствии и гармонии после приключений/страданий.

Очаровательная, практически лишенная трагических абсурдистских нот, полная деталей, идеально следующих классическим принципам сказочного нарратива, и почему-то постоянно предлагаемая детям раннего возраста, сказка «Волшебная кольцо» – совершенно особый *opus* Платонова,

написанный, как считается, в 1947 году, через большой промежуток времени после его знаменитых горестных романов и повестей. Текст полон надежды и покоя, уверенности в торжестве добра над злом; известные и характерные для сказочного нарратива триады – сюжетные, персонажные – уверенно и без напряжения выводят к самому позитивному из возможных финалу, перспективному. Полноте, сказочник с добрыми округлыми, простыми для восприятия фразами и персонажами, – Платонов ли это? А если Платонов, то неужели – обнаруживший ответ на вопрос «как жить»?

Отметим, что этот текст в выходных данных современных изданий адресуется детям до 3 лет, а, скажем, новелла Платонова «Корова» входит в программу начальной школы. Следовательно, на уровне массово транслируемой социокультурной традиции платоновское представление о том, «как жить», может быть адекватно воспринято даже самыми маленькими детьми и, как считается, соответствует уровню их интеллектуального и психоэмоционального развития.

Многие персонажи «Волшебного кольца» не только наивны, но и необычайно ласковы, будь то кошка, собака и даже змея Скарапея, сопровождающие главного героя, как и сам он, Семен, и его мама. Слова «жить» и «жизнь» повторяются в сказке многократно, получая обыденный, повседневный, примитивный (в традиционном, культурно-антропологическом, лишенном негативных коннотаций) смысл. Источник хорошей жизни в сказке – чудо, а именно, подаренное змеиным царем кольцо, источник исполнения желаний. Желания – просты, поэтому сбываются: в амбаре обнаруживается мука, по мановению слуг кольца сооружаются хоромы и появляется набитая пухом перина. Простодушная крестьянская мораль, напоминающая, что жить надо милосердно и «по средствам», не заглядывая в чужие сферы, проводит Семена через риски и злобу, ложь и смертельную опасность (кошка и собака – рядом, следовательно, жить надо в единении с природой), вместо завистливой эгоистичной царевны жизнь предлагает Семену милую деревенскую сироту, которую герой приведет в хоромы и будет там жить с мамой, кошкой и собакой, а потом «пойдут у них дети, новая сказка начнется» [7, с. 33].

Почти как у В. Маяковского в знаменитом дидактическом сочинении «Что такое хорошо и что такое плохо?», Платонов в сказке отвечает на вопрос «как жить?» по форме и по сути доступно малому ребенку: жить по-простому и по-

честному – вот мораль платоновской сказки. Отметим попутно, что ровно под таким же названием, «Волшебное кольцо», существует сказка другого автора, Б. Шергина, где персонажа зовут Ванькой, а вот змея сохраняет одно и то же имя (в собственно же фольклорной версии сына зовут Мартынка, имеются иные детали обыденной жизни главного персонажа, но сквозная линия доброты и милосердия по отношению к живому миру имеет место и там). Стилизованная речь и отсутствие детализации отличает текст Шергина от текста Платонова, в остальном это – одно и то же произведение. Не будем выяснять вопрос о первоисточнике и заимствовании, ибо перед нами – полагаем, не слишком известный, но вполне определенный образчик так называемого бродячего сюжета, который, как это обычно бывает с такими сюжетами, получает различные коннотации в зависимости от времени создания авторского текста и от социокультурной ситуации. Отметим лишь близость сюжетов разных текстов и гармоничность представления о том, «как жить», парадоксально присущую тексту Платонова.

Однако, в отличие от краткого «выхода» в добрую сказку, в большинстве своих произведений Платонов не видит самой возможности жить, создавая ощущение *сгустившегося воздуха* как не пригодной для дыхания субстанции и деформированного пространства, где нет доступного понимания и возможного для проживания/нахождения времени. (Справедливо обращает внимание С. А. Никольский на финал «Чевенгура»: *«ты думаешь, я знаю!» – произнес Копенкин с высоты коня. – Я им все время вслед кричал: граждане, товарищи, дураки, куда вы скачете — остановись! А они бегут: наверно, как и я, интернационала захотели, – что им один город на всей земле!»*).

Человеку, явно у Платонова, «задумавшемуся», – обратим внимание на отсутствие оттенка в латыни при наличии этого лексического оттенка в русском языке, когда говорится о человеке «думающем» (*Homo putant*) – в пору двигаться беспрепятственно. Отметим лингвистическую деталь: по сути дела, «задумавшийся» человек обладает специфическим хронотопом; во времени он существует *безостановочно*, в тяжком континууме, в пространстве же он существует *без пристанища*, актуализируя метафору пути и путника (по Г. Гачеву, характерную для национального образа русского мира).

Вот он, ментально значимый и истинно русский вопрос о смысле (в лексике Платонова –

«плане жизни»), на который даже не ищет ответа, а просто обозначает его платоновский персонаж: он думал «о плане жизни. – Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы проработывать в клубе или в красном уголке. – Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка».

Позволим себе не согласиться с С. А. Никольским, который вписывает А. Платонова в русскую традицию марксистского утопизма (в оценках Н. Г. Чернышевского, С. Л. Франка), ибо вряд ли можно рядоположенно рассматривать художественный мир автора и жизненный мир персонажей. Поэтому мы не считаем возможным отождествлять артикулированный писателем отказ верить в то, что жить можно, с наличием такой веры у персонажей. Обращаясь не к авторской речи, публицистическим и литературно-критическим высказываниям о писателе, а непосредственно к жизнеописанию персонажей, очевидно обнаруживаем представление об отсутствии *места*, где возможна жизнь. Подчеркнем: если «утопия» предполагает пусть странное, но место, где жить, так или иначе, можно, то платоновское пространство – это, скорее, «апопия», болезненное пространство, где жить вообще нельзя.

Отсюда ответ на вопрос «как жить?» может быть один: никак! Думается, именно с этим радикальным, по сути своей внехудожественным и философски не детерминированным, эмоционально экстатическим ответом Андрея Платонова на бытийный, а не социально-конкретный вопрос связана правота С. А. Никольского – *коммунизм есть героический смертельный смысл эпохи, высказывание о котором у Андрея Платонова накапливается постепенно и постоянно, от текста к тексту*.

Сказанное позволяет понять, почему **ментальные парадоксы русских вопросов**, с заложенной в них изначально невозможностью дать очевидный и обнадеживающий ответ, нами обнаружены у далеко отстоявших друг от друга и во времени, и в нравственных и эстетических пристрастиях Николая Некрасова и Андрея Платонова: счастье как фетиш и метафора, как культурфилософский мотив и как бытийная ценность – это слово и состояние, значимые не только для автора позапрошлого века («счастье народное»), но и для вынесшего производное от этого понятия слово в названии своего трагического наива («Счастливая Москва») автора века прошлого. Счастье – это не радость, не осуществление надежды и даже не

состояние, а лишь мыслимое трансцендентное бытие.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 348 с.
2. Бондаренко В. В. Странный роман Андрея Платонова [Электронный ресурс] / В. В. Бондаренко. – URL: <http://library.xn--ru2-ks0a/like/sections.php>
3. Злотникова, Т. С. Абсурд [Текст] / Т. С. Злотникова // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. : Том 1. – М. : РОССПЭН, 2007. – 1392 с.
4. Нагибин, Ю. М. Московский роман Андрея Платонова [Электронный ресурс] / Ю. М. Нагибин // «Литературная газета». – 1992. – № 6. – URL: <https://e-libra.ru/read/229667-moskovskiy-roman-andreya-platonova.html>
5. Неретина, С. С., Никольский, С. А., Порус, В. Н. Философская антропология Андрея Платонова [Текст] / С. С. Неретина, С. А. Никольский, В. Н. Порус. – М. : Голос, 2019.
6. Никольский, С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. [Текст] / С. А. Никольский. – М. : Голос, 2015.
7. Платонов, А. П. Волшебное кольцо [Текст] / А. П. Платонов. – М. : «Мальш», 2018. – 48 с.
8. Розанов, В. В. Ломоносов [Текст] / В. В. Розанов // Опыты: литературно-философский ежегодник. – М. : Советский писатель, 1990. – 479 с.
9. Семенова, С. Г. Воскрешенный роман Андрея Платонова [Электронный ресурс] // Новый мир. 1995-9. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/9/voskreshennyy-roman-andreya-platonova.html
10. Соловьев, В. С. Философские начала цельного знания [Текст] // Сочинения: в 2 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
11. Франк, С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой [Текст] // Пушкин в русской филологической критике. – М. : Книга, 1990. – 528 с.

Reference List

1. Berdjaev, N. A. Sud'ba Rossii = Fate of Russia [Текст] / N. A. Berdjaev. – M. : Sovetskij pisatel', 1990. – 348 s.
2. Bondarenko V. V. Strannyj roman Andreja Platonova = Andrei Platonov's strange novel [Elektronnyj resurs] / V. V. Bondarenko. – URL: <http://library.xn--ru2-ks0a/like/sections.php>
3. Zlotnikova, T. S. Absurd = Absurd [Текст] / T. S. Zlotnikova // Kul'turologija. Jenciklopedija. V 2-h t. : Tom 1. – M. : ROSSPJeN, 2007. – 1392 s.
4. Nagibin, Ju. M. Moskovskij roman Andreja Platonova = Andrei Platonov's Moscow Novel [Elektronnyj resurs] / Ju. M. Nagibin // «Literaturnaja gazeta». – 1992. – № 6. – URL: <https://e-libra.ru/read/229667-moskovskiy-roman-andreya-platonova.html>

5. Neretina, S. S., Nikol'skij, S. A., Porus, V. N. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andrei Platonov [Tekst] / S. S. Neretina, S. A. Nikol'skij, V. N. Porus. – M. : Golos, 2019.

6. Nikol'skij, S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX–XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of the national literature of the XIX–XX centuries. [Tekst] / S. A. Nikol'skij. – M. : Golos, 2015.

7. Platonov, A. P. Volshebnoe kol'co = Magic ring [Tekst] / A. P. Platonov. – M. : «Malysh», 2018. – 48 s.

8. Rozanov, V. V. Lomonosov = Lomonosov [Tekst] / V. V. Rozanov // Opyty: literaturno-filosofskij ezhegodnik. – M. : Sovetskij pisatel', 1990. – 479 s.

9. Semenova, S. G. Voskreshennyj roman Andreja Platonova = Andrei Platonov's resurrected novel [Jelektronnyj resurs] // Novyj mir. 1995-9. – URL: https://magazines.gorky.media/novyj_mi/1995/9/voskreshennyj-roman-andreya-platonova.html

10. Solov'ev, V. S. Filosofskie nachala cel'nogo znanija = Philosophical beginnings of whole knowledge [Tekst] // Sochinenija: v 2 t. – M. : Mysl', 1988. – T. 2. – 822 s.

11. Frank, S. L. Pushkin ob otnoshenijah mezhdou Rossiej i Evropoj = Pushkin on relations between Russia and Europe [Tekst] // Pushkin v ruskoj filosofskoj kritike. – M. : Kniga, 1990. – 528 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10609

УДК 821.161.1-81'42

Н. Н. Иванов

<https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Мифопоэтические мотивы и образы в прозе А. Платонова

Целью работы является рассмотрение актуальной научной проблематики – поэтика прозы и структура текста, своеобразие внутренней формы, художественного языка и стиля сочинений А. Платонова. Задачи изучения семантики и структуры художественных текстов решались в контексте современных исследований русской литературы 1920-1930 гг. с учётом разных дискурсивных практик.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Рассматривая сочинения талантливого русского прозаика А. Платонова, автор выбрал верный и безошибочный критерий оценки художественных явлений – критерий искусства – и предпринял попытку установить фольклорные и мифологические истоки прозы А. Платонова, систематизировать мотивы его творчества. В данной статье художественный язык, образность прозы Платонова анализируются на основе метода мифопоэтической реконструкции текстовых структур: рассмотрены мифологические архетипы и мотивы в художественном тексте с точки зрения поэтики, выявлены их функции. Означенный подход обусловил оригинальный взгляд на проблему художественного мастерства Платонова и позволил раздвинуть сложившиеся представления о типе его художественного мышления. Показав функциональную сторону мифологических мотивов и архетипов, автор статьи сделал несколько любопытных наблюдений по части изучения философии, эстетики и поэтики Платонова, художественной выразительности его произведений. Автор конкретизировал собственно художественность сочинений Платонова, дал новые оценки содержания и формы ряда известных его произведений, уточнил авторскую позицию писателя, показал её связь с мифологией и фольклором, функциями компонентов внешней и внутренней формы. Мастерство Платонова осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; тем самым дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой половины XX столетия.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века.

Ключевые слова: русская литература, А. Платонов, межлитературные отношения писателей, внутренняя форма, поэтика, язык и стиль прозы, мифопоэтика.

N. N. Ivanov

Mythopoetic motifs and images in A. Platonov's prose

The aim of the work is to consider the urgent scientific problems – the poetics of prose and the structure of the text, the originality of the internal form, artistic language and style of works by A. Platonov. The problems of studying the semantics and structure of literary texts were solved in the context of modern studies of Russian literature in 1920-1930, taking into account different discursive practices.

The most significant results were the following. Considering the works of talented Russian prose writer A. Platonov, the author chose the correct and unmistakable criterion for assessing artistic phenomena – the criterion of art – and attempted to establish the folklore and mythological origins of A. Platonov's prose, to systematize the motives of his work. In this article the artistic language, figurativeness of Platonov's prose are analyzed on the basis of the method of mythopoetic reconstruction of text structures: mythological archetypes and motives in the literary text are considered from the point of view of poetics, and their functions are revealed. This approach has led to an original view of the problem of Platonov's artistic skill and allowed pushing the existing ideas about the type of his artistic thinking. Showing the functional side of mythological motifs and archetypes, the author made several interesting observations on the study of philosophy, aesthetics and poetics of Platonov, the artistic expressiveness of his works. The author concretized the actual artistry of Platonov's works, gave new assessments of the content and form of a number of his famous works, clarified the author's position of the writer, showed its connection with mythology and folklore, the functions of the components of the external and internal forms. Platonov's skill is understood in the context of contemporary Russian prose of the XX century of neomythologism and word creation; thereby is augmented scientific understanding of complex phenomena in Russian literature of the first half of the twentieth century.

The work is addressed to philologists, literary critics, researchers of Russian literature, culture of the XX century.

Keywords: Russian literature, A. Platonov, inter-literary relations of writers, internal form, poetics, language and style of prose, mythopoetics.

В 2019 году Андрею Платонову – 120 лет. Значимость события обязывает акцентировать внимание на недостаточно ещё прояснённых мотивах его творчества. Чем настойчивее Платонов-писатель увлекался планами «общей жизни», «всесильным» мозгом, трансформацией «мёртвой» природы в одухотворённую материю, тем отчётливее в его текстах – осознанно со стороны автора или нет, трудно доказать – проступали структуры мифопоэтики, идеологемы русского религиозно-философского ренессанса. Семантика и функции означенных могут быть уточнены на основе всё более востребованного в последние годы метода мифопоэтической реставрации [16] или, что предпочтительнее, метода реконструкции текстовых структур [5].

Сочинения А. Чижевского, В. Вернадского, «Философия общего дела» Н. Федорова, теории тео- и биодицеи, цивилизаторские проекты фантастов Ж. Верна и Г. Уэллса вдохновляли не одного Платонова. Во второй половине 1920-х годов появились книги Алексея Толстого, А. Беляева, В. Обручева о неведомых цивилизациях и полётах в Космос, о подобных атлантам новых людях, побеждающих смерть. Башня для «трудящихся всей земли», которую строил инженер Прушевский в повести Платонова «Котлован», и «голубой город» архитектора Василия Буженинова в рассказе А. Н. Толстого «Голубые города» имеют один архетип.

А. Фадеев писал, что «прозевал» в «Октябре» «идеологически двусмысленный» рассказ Платонова [19, с. 3]. М. Горький назвал умонастроение Платонова «анархическим» [19]. Тем не менее, Горький и Платонов, при всех их различиях, допускали преобразование физической энергии в духовную творческую силу, и это не было утопическим проектом. Оба писателя верили в возможности революции раскрепостить творческие силы «трудящихся всей земли», соединить разобщенных людей, природу, историю, воплотить давние иллюзии человечества о земном рае, счастье, свободе. Платонов полагал, что разум, труд, талант с опорой на «чудесные» машины изменят не только природу внешнюю, но и природу самого человека. Поиски «всеобщего, долгого смысла» жизни, «вещества существования» стали лейтмотивом его творчества, который отчетливо просматривается в цикле стихов «Голубая глубина» (1922), сборнике прозы

«Епифанские шлюзы» (1927) и последующих сочинениях; но книги Платонова выразили и сомнения в большевистском эксперименте. Фоном сомнений стали год «великого перелома», борьба с церковью, культурная революция, голод, репрессии.

Широко трактуемый христианский миф является своего рода прототекстом многих книг Платонова. Представления о городе солнца и месте человека в новом мире, мотивы перехода мертвого в живое, телесного в духовное Платонов реализовал в образах-символах *дом, котлован, башня*. Они перекликаются с Библией, мифами, фольклором, литературой. В повести «Котлован» использован ещё и экфрасис – литературное описание произведений архитектуры. Этот приём позволяет визуализировать подсознательные архетипы, смоделировать обретение священного центра и возвышение человека, порыв к Небу, Творцу, и, в контексте фаустианского мотива, преодолеть власть Духа земли [6].

Вощев из повести «Котлован» не обременён поисками Святого Грааля, но душу он «напрягал», тела на «работу ума» во имя «тайны жизни» не жалел [12, с. 7]. «Монументальный новый дом» в повести отсылает читателя к мотиву строительства башни «высотой до небес» и наказания людей за небрежение властью Господа. В Ветхозаветной традиции башня символизирует тело, тогда платоновская башня для «трудящихся всей земли» [12, с. 21] выразила религию человекобожия – так С. Н. Булгаков назвал социальные проекты российских революционеров [2]. Вот другая вариация темы. Авторские раздумья о теле и душе, «веществе» жизни, о зарастающих животной шерстью людях созвучны преданию о сотворении Богом человека из праха земного. В истории же девочки-сиротки Насти мы усматриваем мотив более глубокий, чем лишь соотнесенность с тезисом Ф. М. Достоевского о неприятии всемирного счастья на слезе ребенка. Архаичные культуры знают обряд погребения детей в городской или крепостной стене: такой ребенок выполнял охранительную функцию и сам находился под защитой Богини-матери. Социалистический рай допускает смертную жертву: ребенок Настя родился из старой культуры («буржуйка» Юлия – её мать) и захоронен в котловане.

Подобно царю Петру, Чиклин в пустом храме

раскуривал трубку от свечи, беседовал с попом. Храм-здание – условное тело, а тело человека – храм для его духа; храм – это ещё и дом Бога. Трубка – атрибут беса. Но в действе Чиклина, в дыме табака вместо благовоний угадывается и сакральный для коммунистов ритуал – перенос огня, «освящение» нового огнём испытанной веры, утверждение новых «святынь», наполнение тела нового человека проверенной духовной субстанцией.

Проблема преобразования плоти стимулировала социальный пессимизм Платонова, который выразил придуманный им тип *сокровенного человека*. Это юродствующий герой-бродяга, соответствующий фольклорному типу искателя «инога царства» [17]. Таковы автобиографичные Филат («Ямская слобода»), «усомнившийся» Макар из одноименного рассказа, о котором писал А. Фадеев, Фома Пухов («Сокровенный человек»), Саша Дванов («Чевенгур»), а в «Котловане» – Вощев.

Странствия Вощева воспроизводят мотивы мифов, фольклора о вхождении человека в мир, преодолении испытаний на пути духовного роста, обретении чудесных даров [14]. Вощев должен определить своё место среди человечества, приблизиться к тайнам, связавшим бы для него сакральным смыслом букашек, семена в траве и людей, звезды и солнце, мёртвое и живое. С другой стороны, в контексте навеянных мировой культурой и русской философией, наукой (Чижевский, Вернадский, Циолковский, Федоров, Вавилов) идей об энергии труда и творчества, о планетарности, «завоевании» Вселенной Платонов оценил большевистский мессианский переворот. Глазами Вощева и с высоты его запросов-вопросов он реализовал раздумья о «смысле существования», «чувстве» жизни, природе человека.

Авторская тенденциозность в повести «Котлован» выражена ассоциативно-метафорически и воплощена во всех компонентах внешней и внутренней формы: сюжетных мотивах, композиции, системе персонажей, символике, скрытых цитатах, микрообразности. Композиционная рама повести воспроизвела модальность условности в отношении преобразования человека: она начинается сообщением об увольнении Вощева с механического завода, венчается смертью и погребением Насти.

Первый абзац повести позволяет установить, что Вощев и Платонов – ровесники века. «Котлован» начат в 1929 году, Вощев уволен с завода в «день тридцатилетия личной жизни» [12, с. 4].

1929 – 30 = 1899 (год рождения Платонова). Тридцатилетие – расцвет жизненных сил мужчины, но Вощев – слабосилен. Его «задумчивость» и «слабосильность» не соответствуют «общему темпу труда». Работая по «плану треста», механический завод никак не приблизит Вощева к «плану общей жизни». Труд – продолжение созидательного дела природы, солнца, но индустриализация, мертвые заводы – труд механический, бесплодный.

Душа «сокровенных людей» есть «излишняя теплота жизни», но «истину она перестала знать»; без истины у Вощева «тело слабнет». Выдумывая «что-нибудь вроде счастья», он искал истину и «вещество» жизни не в себе, но в природе, людях: «Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка» [12, с. 6]. Вощев то в поле, то на дне оврага, небо над ним светит «вопросающе <...> мучительной силой звезд» [12, с. 5]. Дав поискам Вощева направление не внутреннее, но внешнее, Платонов, думается, полемизировал с нравственным тезисом позднего Толстого о Царстве Божием «внутри» нас.

Персонажи «Котлована» индивидуализированы портретно, в речи. Индивидуальность Вощева выразила его фамилия; известны две её версии, от слов «воск» и «тщетность» [7; 10]. Вощев – воск: мягкий, податливый, восприимчив к воздействию извне, легко деформируется. Он искренне верит внешним призывам и доволен тем, что «истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, значит, достаточно лишь быть около того человека, чтобы стать терпеливым к жизни и трудоспособным» [12, с. 13].

Существеннее, глубже для понимания образа Вощева другой оттенок значения фамилии: «вотще», «тщетно». Такая типология ближе экспрессии пейзажных деталей, авторским эмоциям, лирико-романтическим акцентам, интонациям письма, но ещё и этике, философии персонажа, который тщетно согласовывал внутреннее и внешнее, людей и природу. Текст подтверждает горьковское суждение о «нежности» отношения к людям и распространённое в адрес Платонова определение – «грустный писатель».

«Как заочно живущий, Вощев гулял мимо людей, чувствуя нарастающую силу горюющего ума и все более уединяясь в тесноте своей печали» [12, с. 10]. Видя вокруг себя «безответное существование» [12, с. 7], он «устраняется в тишину безвестности, как тщетная попытка жизни добиться своей цели» [12, с. 9]. «Скучно собаке, она живет благодаря одному рождению, как и я» [12, с. 5]. На эту самооценку стоит посмотреть с позиций философии био- и теодицеи. Первая заключа-

ется в оправдании жизни одним биологическим началом: жить – чтобы жить. Вторая в том, что, живя, человек обязан раскрыть свою божескую сущность. В ряде мистических учений разница человека и животных (комар, собака) состоит в том, что животному всё дано от рождения, а человек должен всё познать сам. Следовательно, Вощев, как собака, изначально лишен способности к развитию. «Лучше б я комаром родился ...» [12, с. 36], – так подкреплены эти раздумья, а через сравнения усилена идея ненужности, бесприютности «сокровенного человека». «Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле» [12, с. 7]. Голова – священная сущность человека. Все характеристики листа метонимически и символически переносятся на обладателя головы – Вощева. Лист он подобрал и спрятал, «он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности» [12, с. 7]. Позднее они станут игрушками для Насти, которая сама уйдёт в небытие, найдя «смирение в земле».

Вот характерные проявления философии тщетности: «Всё живет и терпит на свете, ничего не сознавая» [12, с. 7]; «он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» [12, с. 7]. И такие, выделенные нами далее: «На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности. Вощеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть истину из земного праха; обездоленный, Вощев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, – и чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд все свое слабое тело, истомленное мыслью и бессмысленностью» [12, с. 15].

Мертвая птица в руках Вощева символизирует прерванный полет. Не имея прошлого, традиций, культуры, он существует среди людей и природы; как Адам, которого Творец «забыл» наделить истиной и веществом существования, оставил на полпути между комаром, собакой и человеком.

В деревне Вощев «вошел в среду людей»: «Здравствуйте! – сказал он колхозу, обрадовавшись. – Вы стали теперь, как я, я тоже ничто» [12, с. 83]. Мотив тщетной жизни без истины воплощают пейзаж, цветопись, экспрессия повествования, музыка, различные персонажи: собрался

умереть Прушевский, умерла Настя, ждёт в гробу смерти мужик-крестьянин. Звуки музыки «давали чувство совести, они предлагали беречь время жизни, пройти даль надежды до конца и достигнуть её, чтобы найти там источник этого волнующего пения и не заплакать перед смертью от тоски тщетности» [12, с. 14].

Если Вощев развивает типологию потерявшего «сокровенного человека» без истины, то интеллигент Прушевский аллегорически обобщает роль и возможности интеллигенции изменить мир. «Не старый, но седой от счета природы человек», инженер не понимает целостность мира и тайну Творения. Его «внимательный и воображающий» ум, «ощущающий ум», «самодействующий разум» испытал «конец дальнейшему понятию жизни» [5, с. 22]. Образ инженера Прушевского построен скорее на литературных, чем мифопоэтических ассоциациях и мотивах. Прушевский и землекоп Чиклин имеют прошлое. Ранее у Прушевского были мать, любовь и Христос, он «плакал, перечитывая открытку сестры» [12, с. 53]. В детстве ему «было тоскливо и задумчиво» [12, с. 19], теперь он «не знал, как ему жить одному» [12, с. 19]. Прушевский живёт во «флигеле во фруктовом саду» [12, с. 22], и это не единственная чеховская аналогия. Из котлована виден город, возможно из тех, что, как в пьесе Чехова «Вишневый сад», видны «только в хорошую погоду». Прушевский – умный, душевный интеллигент чеховского типа, ему посвящены самые лиричные страницы повести. Чеховские ассоциации подспудно оттеняют раздумья о бескрылой русской интеллигенции рубежа веков [11]. Прушевский весь мир «представлял мертвым телом» [12, с. 16]. Он бессилён соединить человека и материю, одухотворить, оплодотворить природу. Для таких целей нужны иные герои. Обуреваемый сомнениями ум не созидает, а расчленяет естество жизни. И здесь вновь угадывается фаустианская аналогия [6]: «монументальный новый дом» социализма возводят на старом изощрённом, но механическом и нетворческом идейном фундаменте. И не зря вместе с Прушевским – Чиклин, «старший» в артели землекопов, претворяющий идеи инженера: «упраздня старинное природное устройство, Чиклин не мог его понять» [12, с. 16]. Оба – из прошлого, более того, оба любили Юлию, мать Насти, и, допуская, эта девочка – ребенок одного из них.

Миссия Чиклина – гробовщик и разрушитель. В деревне перед ним едет подвода с гробами [12, с. 60], в сельсовете он сидит на столе между гробами Козлова и Сафронова, будто жрец смерти.

Но воспоминания Никиты о прошлом, о «солнце детства» лиричны, печальны и грустны. Тогда жизнь «была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами» [12, с. 42]. Теперь рядом с «потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами» (сказочные символы: очаг, хлеб, мировое древо, райский сад) он дышит «воздухом ветхости и прощальной памяти» [12, с. 42]. Теперь он пролетариат, «нынешний царь» [12, с. 43], разрушает эту землю детства лопатой и ломом. Из соотношения детства и настоящего рождается образ времени, наполненный ветхостью и тленом.

Чиклин, глазами Прушевского, «бесцельный мученик» [12, с. 26]. Его «маленькая каменистая голова» [12, с. 33] одна «во всем теле» не могла «чувствовать», поэтому о себе он говорил, как и Воцев: «Я же – ничто!» [12, с. 48]. Никита Чиклин – друг Жачева, рядом с ними – «истомленный» Козлов [12, с. 20].

Все персонажи повести причастны к рытью котлована. Председатель окрпрофсовета товарищ Пашкин дает ценные указания, инженер Прушевский проектирует «общепролетарский дом», землекопы и мастеровые Чиклин, Сафронов, Козлов, безымянные люди, претворяя идеи, роют котлован; по его поверхности ездит на тележке инвалид Жачев и, будто бы случайно, каким-то ветром сюда заносит Воцева. Вскоре в рабочем бараке появится девочка-сиротка Настя.

В этой жизни, где скоро «всё ликвидируют» (Воцев), Прушевский нужен временно: для Сафронова он – «спец», на которых «курс есть» [12, с. 35], для Козлова – «руководящее умное лицо» [12, с. 36]. «Чиклин, уважавший ум инженера, не умел ему сочувственно ответить и со стеснением молчал» [4, с. 34]. Интеллигенты из сочинений Чехова учились, читали, мечтали; истину, гармонию, счастье они искали на страницах книг, в спорах, любви. Корни большевистского богоборчества уходят в безверие интеллигенции. Безверие, благие намерения просвещенного, искренне заблуждавшегося интеллигента, не понимавшего целостность мира и тайну Божьего творения, сошлись в масштабе его притязаний.

Прушевский близок Воцеву, Чиклину и даже Сафронову. Чем? Первому – качеством ума, тщетностью поисков истины. Воцев не знал «точного устройства всего мира» [12, с. 17], но и Прушевский не знал. Диалоги об истине – аллюзия Евангельского спора Христа и Пилата. Сокровенный вопрос: «А вы не знаете, отчего устроился весь мир?» [12, с. 27], – Воцев адресовал Пру-

шевскому и напомнил о пути интеллигенции. «Неужели они тоже будут интеллигенцией, неужели нас капитализм родил двоешками» [12, с. 27]. Интеллигенцию учили «какой-нибудь мертвой части <...> Всего целого или что внутри – нам не объяснили» [12, с. 27], – закрыл дискуссию Прушевский. «Изо всякой ли базы образуется надстройка? Каждое ли производство жизненного материала дает добавочным продуктом в душу человека?» [12, с. 22]. Он «хотел теперь <...> строить любое здание в чужой прок, лишь бы не тревожить своего сознания, в котором он установил особое нежное равнодушие, согласованное со смертью и с чувством сиротства к остающимся людям». Вряд ли возведенное на сомнениях здание окажется прочным. «Наиболее активный среди мастеровых» [12, с. 13] карикатурный Сафронов профанирует идеи Прушевского о материале: «Люди нынче стали дороги, наравне с материалом» [12, с. 13]. В этой не проходной реплике узнаётся характерное для всей советской эпохи отношение к человеку. Солнце глазами Прушевского: «Солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовой бедностью земли; но другого места для жизни не было дано» [12, с. 37].

Сила былинного Никиты Кожемяки происходила из Матери-земли. Сила Никиты Чиклина иная – разрушительная, смертная. Он – землекоп, «грунтовый труд был его лучшей профессией» [12, с. 16]. Ей «некуда было деваться», если прекращался «исход ее в землю» [12, с. 25]. Платонов развил символику землекопа–гробовщика: в котловане найдены гробы, два Никита забрал для Насти, возможно, дочери. Когда она умерла, Чиклин сделал ей постель на будущее время, «выдолбил в вечном камне» «гробовое ложе» с крышкой – гранитной плитой, как мавзолей, защищавшей от пока не преобразованного земного праха. Над ней вознесется башня, построенная Прушевским, вероятно, отцом.

В проблематике повести актуальны и такие мифопоэтические представления о теле: «Многие традиционные учения предлагают идею человеческого тела как Храма, созданного Божественным архитектором для духа. В нем восстанавливается теоморфный принцип человека» [20, с. 5]. Восстановят ли новые архитекторы теоморфный принцип (богоподобие) человека? Не профанируют ли строители социализма идею башни-храма? Преобразует ли Прушевский мертвое в живое? Он мог «предвидеть» «произведение статической механики», но «не мог предчувствовать устройство души поселенцев общего дома», не мог «вообра-

зитель жителей будущей башни», «какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?» [12, с. 21].

И все же в повести «Котлован» намечен переход физического в духовное; он связан с критерием детскости в оценке жизненных реалий. Платонов считал «больших» предтечами, а детей – «спасителями вселенной». Видя «строй детей – пионеров», Вошев подумал, что они «знают и чувствуют больше его, потому что дети – это время, созревающее в свежем теле» [12, с. 9].

Библиографический список

1. Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии [Текст]. – М.: Современный писатель, 1994. – 295 с.
2. Булгаков, С. Н. Религия человекобожия в русской революции [Текст] / С. Н. Булгаков // Новый мир. – 1989. – № 10. – С. 221-229.
3. Варламов, А. Андрей Платонов [Текст] / А. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 592 с.
4. Гюнтер, Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова [Текст] / Х. Гюнтер. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 216 с.
5. Иванов, Н. Н. Своеобразие художественного языка в повести А. Платонова «Котлован» [Текст] / Н. Н. Иванов // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 4. – Т. I. – С. 220-224.
6. Иванов, Н. Н. Фаустианские мотивы в русской литературе серебряного века [Текст] / Н. Н. Иванов // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. – № 1. – С. 26-29.
7. Малыгина, Н. М. Художественный мир Андрея Платонова [Текст]: монография / Н. М. Малыгина. – М.: МПУ, 1995. – 96 с.
8. Малыгина, Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман [Текст] / Н. М. Малыгина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 592 с.
9. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. – 3-е издание. – М.: РАН, 2000. – 407 с.
10. Михеев, М. Ю. В мир Платонова через его язык: Предположения, факты, истолкования, догадки [Текст] / М. Ю. Михеев. – М., 2003.
11. Неведомский, М. П. Без крыльев (А. П. Чехов и его творчество) [Текст] / М. П. Неведомский // А. П. Чехов: pro et contra / сост., общая редакция И. Н. Сухих. – СПб.: РХГА, 2002.
12. Платонов, А. П. Котлован; Ювенильное море [Текст] / А. П. Платонов. – М.: Худож. Лит., 1987.
13. Платонов, А. П. Записные книжки. Материалы к биографии [Текст] / А. П. Платонов. – М., 2006.

14. Пропп, В. Я. Собрание трудов. Т. 1, 2. Морфология [Текст] // Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М., 1998.

15. Славянская мифология [Текст] / Энци. Словарь (Институт Славяноведения РАН). – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.

16. Телегин, С. М. Миф и Бытие [Текст] / С. М. Телегин. – М.: Компания Спутник, 2006. – 320 с.

17. Трубецкой, Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке [Текст] / Е. Трубецкой. – М.: Лепта, 2000. – 320 с.

18. Чалмаев, В. Андрей Платонов. К сокровенному человеку [Текст] / В. Чалмаев. – М., 1989.

19. Чалмаев, В. Творческий путь и художественное новаторство Андрея Платонова [Текст] / В. Чалмаев // Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе. Ч. 2 / сост. Е. П. Пронина. – М.: Просвещение, 1996. – С. 20-55.

20. Энциклопедия символов, знаков, эмблем [Текст]. – М.: Локид, 1999. – 560 с.

21. Kasack, Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache: Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack. – Muenchen: Otto Sagner, 1991. – 283 s.

22. Kasack, Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. – London: Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 s.

23. Lauer, Reinhard: Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. – München: Auflage. C. H. Beck, 2008.

Reference List

1. Andrej Platonov: Vospominanija sovremennikov: Materialy k biografii = Andrei Platonov: Memories of contemporaries: Materials for biography [Текст]. – М.: Sovremennyj pisatel', 1994. – 295 s.
2. Bulgakov, S. N. Religija chelovekobozhija v russkoj revoljucii = Religion of Man-god in the Russian Revolution [Текст] / S. N. Bulgakov // Novyj mir. – 1989. – № 10. – S. 221-229.
3. Varlamov, A. Andrej Platonov = Andrei Platonov [Текст] / A. Varlamov. – М.: Molodaja gvardija, 2011. – 592 s.
4. Gjunter, H. Po obe storony utopii: Konteksty tvorcestva A. Platonova = On both sides of utopia: Contexts of A. Platonov's works [Текст] / H. Gjunter. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 216 s.
5. Ivanov, N. N. Svoeobrazie hudozhestvennogo jazyka v povesti A. Platonova «Kotlovan» = Uniqueness of artistic language in A. Platonov's story «Ditch» [Текст] / N. N. Ivanov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2011. – № 4. – Т. I. – S. 220-224.
6. Ivanov, N. N. Faustianskie motivy v russkoj literature serebrjanogo veka = Faustian motifs in the Silver Age Russian literature [Текст] / N. N. Ivanov // Verhnevolskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. – Jaroslavl': RIO JaGPU, 2018. – № 1. – S. 26-29.
7. Malygina, N. M. Hudozhestvennyj mir Andreja Pla-

tonova = Art world of Andrei Platonov [Tekst] : monografija / N. M. Malygina. – M. : MPU, 1995. – 96 s.

8. Malygina, N. M. Andrej Platonov i literaturnaja Moskva: A. K. Voronskij, A. M. Gor'kij, B. A. Pil'njak, B. L. Pasternak, Artem Veselyj, S. F. Budancev, V. S. Grossman = Andrei Platonov and literary Moscow: A. K. Voronsky, A. M. Gorky, B. A. Pilniyak, B. L. Pasternak, Artem Vesely, S. F. Budantsev, V. S. Grossman [Tekst] / N. M. Malygina. – M. ; SPb. : Nestor-Istorija, 2018. – 592 s.

9. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa = Myth poetics [Tekst] / E. M. Meletinskij. – 3-e izdanie. – M. : RAN, 2000. – 407 s.

10. Miheev, M. Ju. V mir Platonova cherez ego jazyk: Predpolozhenija, fakty, istolkovanija, dogadki = Into Platonov's world through his language: Assumptions, facts, interpretations, guesses [Tekst] / M. Ju. Miheev. – M., 2003.

11. Nevedomskij, M. P. Bez kryl'ev (A. P. Chehov i ego tvorcestvo) = Without wings (A. P. Chekhov and his works) [Tekst] / M. P. Nevedomskij // A. P. Chehov: pro et contra / sost., obshhaja redakcija I. N. Suhij. – SPb. : RHGA, 2002.

12. Platonov, A. P. Kotlovan; Juvenil'noe more = Ditch; Juvenile sea [Tekst] / A. P. Platonov. – M. : Hudozh. Lit., 1987.

13. Platonov, A. P. Zapisnye knizhki. Materialy k biografii = Notebooks. Materials for biography [Tekst] / A. P. Platonov. – M., 2006.

14. Propp, V. Ja. Sobranie trudov. T. 1, 2. Morfologija = A collection of works. V. 1, 2. Morphology [Tekst] // Istorich. korni volshebnoj skazki. Pojetika fol'klora / V. Ja. Propp. – M., 1998.

15. Slavjanskaja mifologija = Slavic mythology [Tekst] / Jenc. Slovar' (Institut Slavjanovedenija RAN). – M. : Jellis Lak, 1995. – 416 s.

16. Telegin, S. M. Mif i Bytie = Myth and Life [Tekst] / S. M. Telegin. – M. : Kompanija Sputnik, 2006. – 320 s.

17. Trubeckoj, E. Inoe carstvo i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke = Another kingdom and its seekers in the Russian folk fairy tale [Tekst] / E. Trubeckoj. – M. : Lep-ta, 2000. – 320 s.

18. Chalmaev, V. Andrej Platonov. K sokrovennomu cheloveku = Andrei Platonov. To a sacrosanct man [Tekst] / V. Chalmaev. – M., 1989.

19. Chalmaev, V. Tvorcheskij put' i hudozhestvennoe novatorstvo Andreja Platonova = Creative path and artistic innovation of Andrei Platonov [Tekst] / V. Chalmaev // Russkaja literatura XX veka. Očerki. Portrety. Jesse. Ch. 2 / sost. E. P. Pronina. – M. : Prosveshhenie, 1996. – S. 20-55.

20. Jenciklopedija simvolov, znakov, jemblem = Encyclopedia of symbols, signs, emblems [Tekst]. – M. : Lokid, 1999. – 560 s.

21. Kasack, Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack. – Muenchen : Otto Sagner, 1991. – 283 s.

22. Kasack, Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917. – London : Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 s.

23. Lauer, Reinhard : Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. – München : Auflage. C. H. Beck, 2008.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10610

УДК 008:1-027.21, 008(091)

<https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Н. А. Хренов

Вторая мировая война в ракурсе идеи модерна: смысл данного Сталиным творческого ответа

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. В данной статье, продолжающей предыдущие публикации, рассматривается тот «творческий ответ» находящегося у власти Сталина, который ему приходится давать в ситуации кризиса революции 1917 года, что начал ощущаться в последующие десятилетия, и в ситуации возникшей в мире милитаристской атмосферы как предвосхищения второй мировой войны. В этой ситуации Сталин, жертвуя идеалами революции, насаждает в стране тоталитарный режим, который, как он предполагает, становится неизбежным в силу необходимости противостоять Вызову со стороны Запада. Выражением предпринимаемого им «творческого ответа» является реабилитация империи или византийской имперской традиции. Реализуя свой «творческий ответ», как бы его не оценивать с точки зрения сегодняшнего дня, в новых условиях, Сталин из не самых известных деятелей революции 1917 года становится самым известным. В статье ставится акцент, во-первых, на том, что в этом возвышении вождя активную роль играла уставшая от революционного возбуждения масса, стремящаяся к наведению порядка в стране и, во-вторых, на том, что вторая мировая война будила психологические мессианские комплексы.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, революция, Сталин, кризис революции, постреволюционный период, вызов истории, творческий ответ, вождь, древние пласты культуры, вторая мировая война, романтический период революции, византизм, имперский комплекс, ментальность, Тойнби, тоталитаризм.

N. A. Khrenov

World War II in terms of the idea of modernism: the meaning of Stalin's creative response

The article continues a series of publications in the field of cultural-philosophical research of the Russian Revolution and post-revolutionary era in the history of Russia as a civilization. This article, which continues previous publications, considers the «creative response» of Stalin in power, which he had to give in the situation of the crisis of the Revolution of 1917, which began to be felt in the following decades, and in the situation of the world's militaristic atmosphere as anticipation of the Second World War. In this situation, Stalin, sacrificing the ideals of the revolution, establishes a totalitarian regime in the country, which in his opinion was inevitable because of the need to confront the Challenge from the West. The expression of his «creative response» is rehabilitation of the empire or Byzantine imperial tradition. Realizing his «creative response», however it might not be assessed from the point of view of present, in the new conditions, Stalin from not the most famous figures of the Revolution of 1917 becomes the most famous. The article emphasizes, first, that in this elevation of the leader the mass tired of revolutionary excitation played an active role, seeking to bring order to the country and, secondly, that the Second World War woke up psychological messianic complexes.

Keywords: clash of civilizations, revolution, Stalin, crisis of revolution, post-revolutionary period, challenge of history, creative response, leader, ancient layers of culture, World War II, romantic period of revolution, Byzantism, imperial complex, mentality, Toynbee, totalitarianism.

Задуманный Сталиным проект осуществления мировой революции, то есть большевизации Запада в ходе Второй мировой войны, не удался. Он был разгадан, с одной стороны, Гитлером, упредившим Сталина, с другой, как утверждают апокрифы, Рузвельтом. Эти загадки и отгадки, эти игры правящей элиты нескольких стран, однако,

не упраздняют действия главного фактора – несходства цивилизаций и вытекающего из этого обстоятельства их взаимного непонимания, достигающего в иные эпохи вооруженного столкновения. Но наличие этого фактора не осознается не только самими народами, но и лидерами этих народов. Этот фактор может присутствовать и да-

же определять сознание лидеров, но в своей самостоятельности и значимости он не всегда осознается. Тем не менее, он активно себя проявляет, в том числе, в самых рациональных проектах, о чем и свидетельствует Вторая мировая война.

Распространяющийся в первых десятилетиях XXI века кризис, который оказывается уже универсальным кризисом, охватывающим практически все народы планеты, свидетельствует о кризисе самого яркого и самого привлекательного проекта, некогда возникшего в недрах цивилизации Запада или проекта модерна. С этой точки зрения победа во Второй мировой войне не только России, но и Америки относительна. Проиграл не только Гитлер и, как показал развал большевистской империи в конце XX века, не только Сталин, но, что бы ни утверждалось в апокрифах, проиграла и самая демократическая и самая либеральная Америка, продолжающая до сих пор следовать проекту модерна и, соответственно, не оставляющая надежды внедрять идеалы либерализма во всем мире. Даже если это приходится делать с помощью армии и оружия, как это она и делает. Но в этом-то она как раз и не является после экспериментов Сталина оригинальной. Кризис и угасание идеи модерна, ставшей отправной точкой для всех революций и потрясений, приводит к активизации консервативного начала истории. С этой точки зрения следует заново вернуться ко Второй мировой войне и задаться вопросом, какой главный урок эта война и, в особенности, подвиг русских в этой войне преподносит современному миру. А этот позитивный урок, несмотря на диктаторские замыслы Сталина, действительно имеет место. Необходимо отделить коварный замысел Сталина от того нравственного пафоса, который проявился в ходе этой войны.

Говоря о Второй мировой войне, мы до сих пор пытались ее увидеть как с точки зрения самого Сталина, так и с точки зрения ментальности народа, у которого имело место двойственное или амбивалентное отношение к возводимому вождем государству, сыгравшему значимую роль в экстремальной ситуации, когда российская цивилизация оказалась на грани исчезновения. Но раз мы с самого начала пытаемся осознать деятельность Сталина в контексте столкновения цивилизаций, то сейчас необходимо посмотреть на Вторую мировую войну с точки зрения западной ментальности и, в частности, системы идей, возникшей на Западе в XVIII веке и названной нами выше «модерном». Мы уже использовали это понятие в предыдущих статьях. Сейчас остановимся на этом

подробнее. Модерн также имеет отношение к типу ментальности. Несомненно, хотя эта система идей и была рождена в недрах философии, тем не менее, явилась концентрированным выражением западной ментальности. В данном случае, представляя идеи модерна, которые были сформулированы философами, в ментальном ракурсе, мы стараемся следовать методологической установке Г. Гачева, который даже в рационалистических построениях философии Канта улавливал немецкую ментальность. «... Даже великая немецкая классическая философия – писал он – претендующая на универсальность мирообъединения, локальна и носит отпечаток германского образа мира» [3].

Собственно, обсуждением вопроса об особой значимости Второй мировой войны для русских можно было бы и закончить. Но для нас обсуждение этих вопросов является лишь прологом для выявления и обсуждения еще одного недостаточно осмысленного, да и вообще неосмысленного аспекта войны, который удивительным образом соединяет и внутренние и внешние стороны войны, и общечеловеческий смысл этой войны, и тот особый смысл, который в нее вкладываем только мы, русские. Этот аспект весьма значим, и он обязывает снова вернуться к теме революции. Как мы уже сформулировали, эту революцию следует оценивать, несмотря на ее резонанс в мире, все же неудачей. Но на этот раз мы эту неудачу попробуем истолковать не с точки зрения русской мессианской ментальности, о которой до сих пор шла речь и которая нами выдвинута на первый план, ради того, чтобы выявить ментальный аспект Второй мировой войны, имеющей для всей русской истории исключительное значение.

Революция 1917 года была, действительно, неудачей, и в этом с Н. Бердяевым можно согласиться. Но только эту неудачу нельзя свести к расхождению между реальным итогом революции, с одной стороны, и ментальными мессианскими установками русских, с другой. Русская революция оказалась неудачей в реализации того, что Ю. Хабермас назвал проектом модерна, смысл которого заключался в разрушении существующих в мире социальных устройств, не соответствующих принципу разума. Проект этот имеет западное происхождение и коренится в ментальности народов Запада. Своей целью русская революция ставила именно эту реализацию проекта модерна, не важно, осознавалось это или нет. На территории России в начале XX века решалась судьба модерна, а, следовательно, и судьба Запада.

Поэтому провал этой революции – это провал этого проекта и свидетельство его несостоятельности.

В какой-то степени революция 1917 года выявляла, в том числе, не то чтобы несостоятельность вестернизации, но ее исчерпанность. Но поскольку этот проект был рожден Западом, то, совершившись в России, он свидетельствовал о фиаско Запада. Правда, длительное время революция 1917 года с этой точки зрения не была осмыслена. Наоборот, эту революцию многие осмысливали как торжество этого проекта. Да и вообще мало кто задумывался об отношении русской революции к модерну. Именно вторая мировая война помогла осознать то, что не было осознано своевременно, то есть в ходе русской революции и позднее. Поскольку же проект модерна порожден Западом, то значение второй мировой войны не сводимо к чисто русской проблеме. Просто так получилось, что судьба этого проекта решалась в России, на территории России и в форме жертвоприношения русских.

Сейчас следует рассмотреть с точки зрения модерна и русскую революцию, и Вторую мировую войну. Речь уже идет о рассмотрении Второй мировой войны сквозь призму идей, которые были сформулированы еще в эпоху раннего модерна. Само собой разумеется, что это были весьма оптимистические идеи. Однако в XX веке они стали восприниматься иначе. Необходимо понять, какую роль в изменении отношения к этим идеям сыграла Вторая мировая война. Ответ на этот вопрос снова возвращает к «творческому ответу» Сталина. Этот ответ касается того мировосприятия, которое, как мы знаем, возникло в эпоху Просвещения и известно сегодня как мировосприятие модерна. Это мировосприятие проявляется и в духе русской революции, и в динамике, с одной стороны, распада традиционной политической структуры русского общества, а, с другой, становления индустриального общества, без чего невозможно представить процессы российской истории с эпохи Александра II и кончая сталинской коллективизацией. Но это мировосприятие существенно приоблизило и, можно сказать, ускорило процесс расхождения между культурой, с одной стороны, и цивилизацией, с другой. Такой процесс весьма характерен для финальных периодов существования великих культур, которые Шпенглер и называет эпохами цивилизации как финальными эпохами в жизни больших культур.

Прежде всего, рассмотрим деятельность Сталина, когда он становится политиком, от решения

которого зависит стратегический курс страны. С самого начала придется заявить о расхождении между официально пропагандируемыми установками Сталина как политика, вроде бы остающегося верным делу Ленина и, естественно, революции, с одной стороны, и реальными действиями Сталина, с другой. Возможно, именно потому, что со Сталиным связан альтернативный «творческий ответ», он и не смог проявить себя в тот период, когда Россия переживала бурный революционный подъем. Этот подъем, как уже отмечалось, требовал от политиков максимального напряжения. Их одаренность как ораторов и агитаторов способствовала тому, что они в результате стихийных порывов массы стали известными и популярными. Дело здесь не в том, что Сталин не обладал ораторским дарованием, был заурядным и малообразованным человеком, что не позволяло ему выдвинуться в первые ряды, как это утверждает Л. Троцкий. Судя по всему, он не был ни идеалистом, ни утопистом, а трезвым и хладнокровным стратегом макиавеллистского типа. Л. Троцкий утверждает, что Сталин опасался массы, не любил массу. Он это подчеркивает, чтобы отождествить Сталина исключительно с бюрократическим аппаратом и представить его антагонистом тому пониманию революции, которое характерно для самого Л. Троцкого, то есть понимания революции как свободы, как массовой стихии, когда определяющей творческой силой является сама эта стихия, а не императивы вождя. Это, как нами уже отмечалось, стихия Ленина и Троцкого, способных улавливать все трансформации этой стихии и реагировать на них.

Но альтернативность курса Сталина вовсе не объясняется лишь оппозицией «стихийность – бюрократия», что характерно, в том числе, и для революции. Все дело в том, что пытающийся вернуть биографию Сталина к реальности, Л. Троцкий деятельность Сталина оценивает и с точки зрения революционного утопизма, и с точки зрения революции как таковой. В 1940-м году Л. Троцкий все еще мыслит в духе тех речей, которые он произносил перед возбужденной во время революции массой и которые были возможны лишь на первом романтическом этапе революции. Несмотря на свою проницательность, а также на проработку многих уже изъятых в период возвешения Сталина из употребления документов, как и на свидетельства людей, хорошо знавших Сталина, Л. Троцкий не мог дать исчерпывающую характеристику Сталина, ибо вождя можно оценить не с точки зрения уходящих в прошлое уто-

пических идеалов революции, а с точки зрения того следующего «творческого ответа», который Сталину приходилось давать в постреволюционный период, когда стало очевидным, что революция завела общество в тупик.

Этот творческий ответ был связан уже не с идеалами революции, уходящей в прошлое. Его следует рассматривать с точки зрения начинающегося нового этапа, когда происходило трезвое, даже прагматическое переосмысление того идеализма и того утопизма, которые сопровождали революцию. Точнее, с точки зрения преодоления того кризиса, который был следствием революции. С точки зрения Л. Троцкого, Сталин выступает могильщиком идеалов революции и уж точно милого сердцу Л. Троцкого романтического периода революции. Уже на рубеже 20-30-х годов, когда обозначился кризис революции, возникает необходимость в новом творческом ответе, а следовательно, в новом курсе. Предполагает ли этот новый курс продолжение реализации революционных идеалов или же, наоборот, демонстрирует от них отказ? На уровне пропаганды мы имеем восторженную оценку нового курса, что понятно, а на самом деле, объективно этот курс, уже всецело определяемый Сталиным, означал отказ от революционных идеалов. Выход из кризиса предполагал, как это вытекает из действий Сталина, спасение не лозунгов революции, а спасение страны. Но в связи с назревающей второй мировой войной спасение следует понимать уже в цивилизационном смысле. Вождю это спасение представлялось с помощью реабилитации империи, а следовательно, укрепления государственности. Но укрепить государственность можно было, лишь наращивая бюрократию, которую сам Сталин критиковал, но, с другой стороны, которую укреплял.

Таким образом, Сталин преодолевал установки революции, возвращая страну к той самой политической структуре, которую революция ставила своей целью разрушить. Иначе говоря, укрепление государственности возвращало к имперской структуре. Но возвращение к империи означало не просто измену революционным идеалам, но преодоление той системы идей, которую мы и называем модерном. А вот этот аспект творческого ответа Сталина имел отношение уже не только к России. Философы Просвещения, определившие дух изменений в два последних столетия, никак не могли связывать будущие общества с возвращением к имперским структурам, что означало не прогресс, а регресс. Таким образом, измена революции оказывалась в то же самое время и преодоле-

нием идей модерна. Курс Сталина предполагал и то, и другое – и измену революции, и измену модерну.

Можно утверждать, что в этом курсе было свое рациональное зерно. Ведь в реальности революция не может быть целью, а только средством. Целью может быть лишь выживание людей, то есть социума. Сталин, может быть, и преследовал решение этой задачи. Только он эту задачу решал с помощью построения жесткой государственной машины, ради которой многое приносилось в жертву. Оправдание этому он находил в прошлом. В этом смысле в его курсе можно уловить рациональное зерно. Следовало спасать цивилизацию, а не революцию. Спасать людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. В данном случае спасение не следует связывать лишь с войной, но и тупиком революции, из которого следовало выходить. Ведь революция замышлялась ради людей и их свободы. Однако путь к этому спасению оказался трагическим. Он прокладывался через чудовищные жертвоприношения людей. Если допустить, что Сталин спасал русскую цивилизацию, то цена этого спасения оказалась слишком дорогой. Эта цена – устранение не только людей, но и разрушение нравственных ценностей, без которых цивилизация выжить не может.

Преодолевая революцию, Сталин занимает критическую позицию и по отношению к модерну, хотя, конечно, в этой системе интерпретации вождь не мыслил. Но модерн – не просто новая философская и политическая доктрина. Она возникла, как было уже отмечено, как выражение западной ментальности, а западная ментальность явилась, как известно, альтернативой византийской ментальности. Недоверие Сталина к Западу вытекает также из этой исторической оппозиции «Запад-Византия», смысл которой Сталин, возможно, не осознавал. Деятельность Сталина преодолевает этап истории, определяемый вестернизацией мира, возвращая к альтернативе, которая в позднюю эпоху истории успела уйти в подсознание. Может быть, в большей степени это византийское наследие оставалось еще живым в «третьем Риме», то есть в России. Сталин это наследие оживил, выводя его из подсознания. Вот и А. Тойнби пишет: «Как под распятием, так и под серпом и молотом Россия – все еще «Святая Русь», а Москва – все еще «третий Рим» [10].

Иначе говоря, все возвращается на круги своя. Но это возвращение уже начиналось во время Первой мировой войны, когда развертывалось возрождение славянофильских идей. Это возвра-

щение тогда наталкивалось на мощные барьеры, ибо, как писал В. Розанов, «германский червь хорошо ел и давно ел русскую почву» [7]. Под немецким червем философ явно имел в виду, в том числе, и Маркса. «В эпоху гигантской борьбы с Германией, – пишет В. Розанов – когда, казалось бы, «вся Россия должна вспыхнуть славянофильством, по крайней мере, должна бы вспыхнуть чисто русскими воззрениями, чувствами, складом мышления, – сколько угодно есть журналов для марксизма, сколько угодно есть журналов для социализма, русскому чувству – нет места» [7].

Но этому возвращению в «третий Рим» некоторые политические лидеры могут способствовать. Точнее это возвращение они разгадывают и в ситуации упадка в Средневековье, что совершается в XX веке почти повсеместно, становятся выразителями регрессивных тенденций в истории. Это вовсе не означает, что эти регрессивные тенденции являются реакционными. Регрессивными они кажутся лишь с точки зрения модерна. Но ведь в XX веке уже давно началось переосмысление и модерна. В данном случае при аксиологическом подходе к понятиям «прогресс» и «регресс» необходимо исходить из того, что арбитром может быть лишь культура. В реабилитации культуры регресс может сыграть не менее позитивную роль, чем перевозимый представителями модерна прогресс. Вот деятельность Сталина как раз и связана с реабилитацией ценностей «третьего Рима» и, более того, с «третьим Римом» как ценностью.

Выводя многое из того, что имеет место в истории России, из давления на Россию западной цивилизации, А. Тойнби пытается показать, что утверждение в России тоталитаризма тоже является следствием такого давления Запада. Собственно, для А. Тойнби то, что в отношениях между Россией и Западом происходило после второй мировой войны, – следствие многовекового давления Запада на Россию и, естественно, сопротивление России Западу, что и привело к тоталитарной тенденции. «Наше нынешнее беспокойство по поводу угрозы, исходящей, по нашему мнению, от России, кажется нам вполне оправданным – пишет он – Однако мы должны внимательно следить за тем, чтобы изменение знака в отношениях России и Запада после 1945 года не увело нас в сторону и не заставило в наших естественных заботах о настоящем забыть о прошлом. Если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим буквально целые столетия вплоть до 1945 года у русских были все основания гля-

деть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию» [10].

Как мы убеждаемся, касаясь отношений между Россией и Западом, А. Тойнби исходит из идеи столкновения цивилизаций. Укрепление централизованной власти в России стало уже традицией, и эта традиция сохранялась на протяжении столетий. Вот вывод А. Тойнби, подтверждающий мысль Н. Бердяева об амбивалентном отношении русских к своему государству. «Вероятно, эта русско-московская традиция (речь идет о централизованной власти – Н. Х.) была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями» [10].

Уже на протяжении 30-х годов Сталин реабилитирует политических и военных деятелей прошлой России. Этот процесс реабилитации разворачивается параллельно тому, что имеет место после прихода к власти Гитлера. А после этого прихода начинает реализовываться та часть программы И. Фихте, которая касалась возрождения немецкого духа с помощью обращения к истории. В данном случае идея И. Фихте не противоречила симпатии романтиков к Средневековью. «Среди частных и особенных средств к тому, чтобы вновь поднять немецкий дух – пишет И. Фихте – весьма сильным средством было бы, если бы у нас была воодушевляющая история немцев этого периода, которая в таком случае стала бы национальной и народной книгой, подобно Библии или книге церковных песнопений, до тех пор, пока мы сами не произвели бы на свет нечто достойное пера историка. Только подобная история должна была бы не просто перечислять деяния и события на манер хроники, но должна была бы, дивно волнуя нас и незаметно и неосознанно для нас самих, перенести нас в гущу жизни того времени, чтобы нам казалось, будто мы и сами ходим, стоим, решаем и действуем с этими людьми, и добиться этого она должна не детскими и игривыми вымыслами, как делали столь многие исторические романы, но силою самой истины» [11].

И. Фихте здесь явно имеет в виду вовсе не исторические изыскания и философские спекуляции, а искусство. Пытаясь укрепить национальный дух, национал-социализм сознательно обратился к столь любимому романтиками Средневековью. Романтизм и вводился в политическую программу национал-социализма, и, естественно,

переосмыслялся. Идеолог этой системы идей А. Баумлер пишет: «Романтизм же рассматривал человека в свете его естественных и исторических связей. Романтизм открыл наши глаза на тьму, на наше прошлое, на предков, на мифы и народ. Направление, идущее от Гердера до Герре, до братьев Гримм, Айхендорфа, Арнима и Савиньи, представляло собой духовное движение, сохранявшее свою живучесть и до сего дня» [6]. Ориентацию на предков Гитлер с самого начала включал в коллективную идентичность немцев. Можно предположить, что, возможно, именно Гитлер обратил внимание Сталина на то, что без предков новый социум строить невозможно, как невозможно заземлять и укреплять идентичность, столь необходимую в преддверии смертельной схватки и установки на взаимоуничтожение.

Так, Сталин решительно пересматривал имевшее место в среде старой гвардии большевиков презрение к истории. Критика спектакля «Богатыри» Камерного театра в 1936 году, в котором были пародированы хрестоматийные сюжеты и образы русских былин [2], в этом смысле – весьма красноречивый пример, давший сигнал для искусства. Он решительно диктовал новую установку власти. Интонация трикстера, столь ощутимая в кино до этого времени при воссоздании русского богатырского эпоса, оказалась неуместной. Необходимы были героические идеалы, а не носители антиповедения. Так возникает галерея исторических деятелей в их экранном воплощении (Александр Невский, Кутузов, Суворов, Минин и Пожарский и т. д.).

Загравивая эту тему реабилитации некоторых фигур российской истории, К. Симонов иллюстрирует утилитарный подход к этой реабилитации. Имея в виду актуальность исторической памяти в современной политической ситуации, он пишет: «Это можно проследить по выдвинутым им (Сталиным – Н. Х.) для кино фигурам: Александр Невский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Нахимов. Причем показательно, что в разгар войны при учреждении орденов Суворова, Кутузова, Ушакова и Нахимова как орденов полководческих на первое место были поставлены не те, кто больше остался в народной памяти – Кутузов и Нахимов, а те, кто вел войну и одерживал блистательные победы на рубежах и за рубежами России. И если Суворов и Кутузов были в смысле популярности фигурами примерно равновеликими, то, в другом случае, с Нахимовым или Ушаковым, всенародно известной фигурой был, конечно, Нахимов, а не Ушаков. Но с Ушаковым была связана мысль о выходе в Сре-

земное море, о победах там, о наступательных действиях флота, и полагаю, что именно по этой причине ему при решении вопроса о том, какой из морских флотоводческих орденов будет высшим, была отдана пальма первенства перед Нахимовым, всего-навсего защищавшим Севастополь» [8].

Однако такой творческий ответ Сталина еще в предвоенные годы, да и в годы войны вовсе не сводится к реабилитации выдающихся героев российской истории. Сталин реабилитировал империю как таковую, а вместе с ней и определяющую для российской ментальности византийскую традицию. Об этом красноречиво свидетельствует задуманная Сталиным реабилитация русского царя Ивана Грозного, о чем свидетельствовал фильм С. Эйзенштейна. На короткое время эти действия Сталина, действительно, воспринимались тем, что А. Тойнби подразумевает под «творческим ответом». Реабилитируемая Сталиным византийская традиция, реализуемая в видении государственности, не позволила состояться первому варианту развития послевоенной истории, то есть варианту, связанному с лидерством России. Второй, то есть американский вариант для народов мира оказался притягательнее. Реальность этого варианта мы ощущаем до сих пор.

Возможно, тот начавшийся с некоторых пор в мире хаос еще потребует осмысления под углом зрения роли в возникновении этого хаоса, подающего как либеральный космос, Америки как судьбы столь удачно начавшего реализовываться второго варианта в развитии мировой истории. Именно творческий ответ Сталина как раз и свидетельствует о расхождении между проектом модерна и имперским императивом. Конечно, эти вещи несовместимы. Реабилитация имперского комплекса хотя и оказалась спасительной, но она кардинально расходилась с идеалами и русской революции, и с проектом модерна. Творческий ответ Сталина демонстрировал крах модерна. Он произошел именно в России. Вот почему происходящее в России выявило смысл целой эпохи в истории Запада.

Смысл проекта модерна заключался в перечеркивании прошлого, истории и культурной традиции. На место опыта предшествующих поколений в нем оказался опыт прогресса. Модерн утверждает оппозицию всей отвергнутой и преодолеваемой эпохе, провозглашая начало новой эпохи, в которой разворачивается секуляризация и происходит угасание сакрального. Мир модерна провозглашает открытость будущему. Начальным этапом модерна считается Просвещение и Фран-

цузская революция [12]. Большевизм не был самостоятельным движением по отношению к модерну. Он был частным выражением духа переустройства мира на основе разума. К реализации этой идеи модерна двигались многие поколения XX века, начиная с последователей в России Ш. Фурье, продолжая нигилистами и анархистами, народниками и террористами. Большевизм подхватывал все эти настроения, превращаясь в машину реализации проекта модерна в местных условиях. Ради торжества этого проекта были разрушены многие традиционные ценности, в том числе, практически все, что успело сформироваться в доиндустриальной цивилизации, когда народ был преимущественно сельскохозяйственным народом.

Разрушение с начала 30-х годов деревни было, может быть, самой разрушительной акцией, предпринятой ради утверждения проекта модерна. Потом один из самых ярких писателей – деревенщик В. Астафьев представит этот процесс разрушения традиционных ценностей таким образом. «Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя. Век за веком, склонившись над землей, хлебоборок вел свою борозду, думал свою думу о земле, о Боге, тем временем воспрянул на земле стыда не знающий дармоед, рядясь в рыцарские доспехи, в религиозные сутаны, в мундиры гвардейцев, прикрываясь то крестом, то дьявольским знаком, дармоед ловчился отнять у крестьянина главное его достояние – хлеб. Какую наглость, какое бесстыдство надо иметь, чтобы отрывать крестьянина от плуга, плевать в руку, дающую хлеб. Крестьянам сказать бы: „Хочешь хлеба – иди и сей“, да замутился их разум, осатанели и они, уйдя вослед за галифастыми пьяными комиссарами от земли в расхристанные банды, к веселой, шепутной жизни, присоединились ко всеобщему равноправному хору бездельников, орущих о мировом пролетарском равенстве и счастье» [1].

Таким образом, с точки зрения доиндустриальной культуры революция и ее достижения представлены как страницы в истории не падения, а регресса человека и человечества. Главный лидер коммунистических идей принес «бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого добродушного народа, оставив за собой тучи болтливых лодырей, не понимающих, что такое труд, что за ценность каждая человеческая жизнь, что за бесценное создание хлебное поле» [1].

Весь ленинский период истории, включая сюда и революцию, оказался связанным с идеей ре-

лизации модерна. Но в ленинский период проект модерна опирался исключительно на пассионарный авангард, а не на имперскую машину. Как пишет В. Гроссман в своей повести «Все течет», в цели Ленина утверждение государства вовсе не входило. Когда же пассионарная энергия покинула элиту, следовало опираться на что-то другое. Этим другим стала имперская традиция. Но она оказалась не спасителем, а гробовщиком модерна. Дух модерна овладел русскими пассионариями и многое в истории XX века определял. Нельзя сказать, что носителями его были исключительно пассионарно настроенные носители модерна. Несомненно, какое-то время казалось, что идеи разрушения созвучны и народу.

Как показал Н. Бердяев, русский народ – не является мещанским народом. Ему чужда мещанская середина. Это психология конца. В ментальности русского человека есть особая лиминальная нотка. Он предпочитает жить по принципу перманентного перехода. Ему ненавистны иерархические отношения и социальные роли. Он предрасположен к постоянному выходу из них. Но в мирное время такой возможности в условиях тоталитарной власти не представлялось. Именно это обстоятельство и является для него часто роковым. Ведь народ, который не ценит сложившиеся отношения, воспринимает их бременем, рискует попасть под власть диктатора. Таким образом, модерн как новейшая система идей, ставшая для последующих революций во многих странах отправной точкой, оказался созвучным и некоторым комплексам народной массы. Он не был связан лишь с революционными установками русской интеллигенции и правящей элиты.

Однако спрашивается, как долго могли владеть идеи модерна как элитой, так и массой? Ведь уже Ленин ощущал, что идеи модерна выдыхаются и вводит новую экономическую политику. Но и до Ленина в среде интеллигенции происходит раскол, о чем свидетельствует выход в 1909 году сборника «Вехи». В нем публикуются статьи бывших адептов идеи социализма С. Булгакова и Н. Бердяева, отошедших после 1905 года от этой идеи и спешащих предупредить о надвигающейся катастрофе. К концу 20-х становится ясно, что идеи модерна мало что могут дать человеку. Утрачивая веру, а вместе с тем и нравственность, люди оказываются напрямую связанными с властью. Их поведение регулируют уже не нравственность и культура, а государство. А это означает, что бюрократия активизируется.

Таким образом, отправленная в отставку куль-

тура, а в нее входит и религия, приводит к необходимости устанавливать порядок административными средствами. Так происходит активизация бюрократии, а, следовательно, государства. Общество скатывается к тому, от чего оно до непосредственной реализации проекта отказывалось. Ведь это именно из модерна вышла идея разрушения. Но вместе с активизацией государства становится реальным и сопровождающий это государство архетип «третьего Рима». В пространстве осуществления проекта модерна человеку становится неуютно. Следствием разрушения старого государства оказывается не демократия, а бюрократия. Собственно, уже в конце 20-х годов становится очевидным кризис проекта модерна в его русском варианте. И тогда начинается курс Сталина, решившегося на парадоксальный симбиоз.

Сталин решает продолжать реализовывать проект модерна, как он был задуман старой гвардией большевиков, но под этот проект он должен был подвести имперскую идею. Тем более что он не мог не осознавать, как воспринимается на Западе большевистский модерн. Он не мог не принимать во внимание то, что происходит в Германии. Когда Сталин реабилитирует историю и представляющих ее политических и военных лидеров, это не могло не удивлять старую гвардию большевиков. Но ему было на это наплевать. Он хотел опереться на массу, а не на первое поколение большевиков. Поэтому он и обрушил на это поколение, как и на его ведущих лидеров, террор. В этом он подхватил идею Л. Троцкого о необходимости омоложения партии и провел ее в жизнь.

Об этом отходе от идеологии, напугавшей народ уже в предшествующий период, и реабилитации истории А. Солженицын в «Письме вождям Советского Союза» пишет так: «Когда началась война с Гитлером, Сталин, так многое пропустивший и погубивший в военной подготовке, этой стороны идеологической, не упустил. И хотя идеологические основания для той войны казались несомненнее, чем ожидающие вас, – война велась против идеологии, по внешности диаметрально противоположной, – Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченную подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, почти перестал ее поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили! Лишь к концу войны и после победы снова выгнали Передовое Учение из нафталина» [9].

Получалось так, идеи модерна исключали реальность всякой империи и преследовали дости-

жение свободы личности. Какая же свобода в империи, когда в ней торжествует принцип классицизма, то есть принесения жизни личности в жертву государству. Под эту систему идей Сталин подводил фундамент империи. Ему казалось, что только так можно было преодолеть кризис модерна, очевидный уже к концу XIX века. Но ведь это означало измену тем идеям модерна, во власти которого пребывали многие поколения людей в разных странах, в том числе, и в России. В мире разворачивались такие процессы, что спасти нужно было уже не модерн, а жизнь целых народов. Эта ситуация явилась логическим продолжением идей модерна, похоронивших всю предшествующую историю и культуру.

Сложилась парадоксальная ситуация. Сталин мог спасти проект модерна, лишь изменяя ему и возвращая народ к имперской идее, которая в определенном смысле и есть русская идея, в соответствии с которой судьба народов мира оказывается в зависимости от способности русского народа сохранить мир. Это знакомая по средним векам мессианская идея третьего Рима, ставшая выражением ментальности русского человека, а не только правящей элиты. Таким был творческий ответ правящей элиты и, точнее, главного ее представителя – вождя.

В поле нашего зрения оказывается Вторая мировая война, явившаяся способом испытания на прочность творческого ответа, данного вождем в довоенные годы. Сложность возникает в силу того, что данный вождем творческий ответ уже, в отличие от первоначальных попыток реализовать модерн, разворачивался с опорой на массовое сознание. Пытаясь реабилитировать имперскую идею, Сталин явно имел в виду то, что она не чужда и самой массе. В этом следует отдать должное проницательности Сталина. Вождь хотел заземлить идею модерна, сделать ее выражением духа массы, ее древней ментальности. Отсюда реабилитация строителей российской империи – государственных мужей и полководцев, выигравших войны, что происходило еще до войны.

Вторая мировая война должна была продемонстрировать, насколько мудрым явился творческий ответ вождя, а он, как уже отмечалось, не был придуман им самим, а извлечен из ментальности народа. На этот раз идея модерна не была искусственно привнесена в культуру и ментальность, возникнув в сознании творческой и философской элиты. Поэтому во второй мировой войне испытание было испытанием уже не только мудрости вождя и неистинности идеи модерна.

Исход войны зависел от духа самого народа. Именно этот дух народа и должен был в данной войне решить исход. Вот только в этом случае от идеи модерна уже ничего не оставалось. Мыслимая Сталиным империя как средство реализации идеи модерна в новых условиях трансформировалась из средства в цель. С проектом модерна пришлось распрощаться. Приходится констатировать, что все, что шло от элиты и самого вождя, в этой войне не было определяющим. Проект модерна уже нельзя было гальванизировать. Вторая мировая война окончательно похоронила не только идею большевизма, но и идею модерна, во всяком случае, для русских. К сожалению, так на реальность этой войны пока мало кто смотрел. И вовсе не с оттепели все началось, как считается. Творческий ответ, данный Сталиным ради спасения модерна, оказался не в пользу модерна. В этой войне модерн окончательно рухнул. Он больше не возродится. В очередной раз его возродит лишь Америка, повторяющая творческий ответ, данный еще мудрым вождем, подведшим под этот проект имперский фундамент, что мы сегодня и можем наблюдать.

Проект модерна, реализовавшийся в России большевиками, не привел ни к освобождению, как это мечталось в XIX веке, ни к процветанию. Разрушение государственности, предпринятое в соответствии с критериями разума, привело к возникновению еще более жесткой и искусственной государственности, не опиравшейся на традиции прошлого, традиции культуры. Несмотря на то, что победа во второй мировой войне была победой народа, она была присвоена элитой и, в частности, самим генералиссимусом. Как это происходит, объяснил еще Гегель, когда писал, что «удачные войны не давали развиваться внутренним смутам и укрепляли государственную власть» [4].

Да, спровоцировав ментальные структуры народа и воспользовавшись этим, Сталин войну выигрывает. Победа над немцами укрепляет его власть. В. Гроссман описывает переживания Сталина в момент окружения немцев под Сталинградом так: «Это был час его торжества не только над живым врагом. Это был час его победы над прошлым. Гуще станет трава над деревенскими могилами тридцатого года. Лед, снеговые холмы Заполярья сохраняют спокойную немоту. Он знал лучше всех в мире: победителей не судят» [5]. Поведение Сталина в ситуации войны было тщательно продумано. Набрасывая его портрет, И. Эренбург пишет: «Сталин был человеком большого ума и еще большего коварства» [13].

Так он приватизировал победу. «Гитлеровцы напали на нас врасплох. Сталин вначале растерялся, – пишет И. Эренбург – не осмелился сам сказать о нападении, поручил это Молотову; потом, видя, что, несмотря на героизм советских солдат, фашисты быстро продвигаются к Москве, Сталин обратился к народу, мы были произведены в «братьев и сестер» бога» [13]. Как пишет И. Эренбург, летом 1942 года Сталин старался держаться в тени, и в газетах редко появлялось его имя. Как отмечал Л. Троцкий, в ответственных ситуациях он часто уходил в тень и умел это делать. Так комплекс, проявившийся еще в годы революции, в данном случае проявился сполна. Однако успехи армии позволили ему активизироваться. «Куль был восстановлен сразу же после разгрома немцев на Волге. Победил народ, тот, что воевал, строил заводы, копал канавы, прокладывал дороги, жил впроголодь, но не падал духом. А газеты писали о победе «гениального стратега» [13].

Но победа Сталина – кажущаяся победа. В войне произошло то, что не исчерпывается укреплением государственной власти, интересами диктатора. Последствия войны гораздо значительней. Вызвав к жизни ментальные структуры, Сталин на самом деле поставил на проекте модерна крест. Будучи в ходе войны вызванными к жизни, эти структуры продолжают выходить в сознание и, несмотря на кратковременное укрепление власти, начали приходить в противоречие с политической и идеологической системой. Установки Сталина спровоцировали напряжение между идеологией и культурой. В первые послевоенные годы это еще не ощущалось. Но этот процесс развертывался на протяжении всей второй половины XX века. Но истоком все же был перелом в ходе войны – Сталинград.

Имея в виду окруженную немецкую армию, В. Гроссман пишет: «Солдаты и офицеры окруженных армий переоценивают не только силы сражающихся войск, перспективы войны, но политику государства, обаяние партийных вождей, кодексы, конституцию, национальный характер, грядущее и прошлое народа» [5]. Но проблема не сводится к психологии побежденных. Война, потребовавшая колоссального напряжения, изменяет и психологию победителей. Здесь тоже происходит трансформация сознания и переоценка прошлого. Этот аспект В. Гроссман также не упускает из виду. «И именно в пору сталинского перелома, в пору, когда пламя Сталинграда было единственным сигналом свободы в царстве тьмы, открыто начался этот процесс переосмысления» [5].

Почему же этот процесс не совершился сразу, а растянулся на десятилетия? Этому есть объяснение. Получить ответ на этот вопрос помогает наша современная ситуация, для которой характерна ностальгия по распадающейся империи. В данном случае необходимо говорить об амбивалентном отношении человека массы к империи. С одной стороны, он от империи страдает, а, с другой, ее установки и лозунги тешат его самолюбие. Человеку массы в империи комфортно. На протяжении последующих за окончанием войны десятилетий он, проклиная ее, все же продолжает поддерживать, не мысля себя вне империи. Вот эта амбивалентность и способствовала продлению созданной Сталиным империи. Это противоречие особенно острым оказывается с эпохи оттепели. Культура, вытесненная в сторону большевистскими экспериментами, берет реванш. Начинается ее активная реабилитация.

В этом смысле показательны и процессы реабилитации церкви. Чем активнее разворачиваются эти процессы, тем становится все более очевидным, что возникший в эпоху Просвещения проект модерна окончательно предается забвению. Постепенно становилось понятным, что война оказалась поражением и Сталина, и вообще большевизма, новую, то есть имперскую редакцию которого предпринял Сталин. Но, как уже отмечалось, поражение Сталина и большевизма понятно лишь на фоне более универсального процесса – краха идеи модерна, реализация которой привела к разрушению основ жизни, а, следовательно, культуры. Чтобы иметь возможность выживать, человечество должно опираться не только на государство, но и на культуру. Это стало очевидным уже в ходе войны. Это ощущал уже и Сталин, реабилитируя религию как ядро культуры.

Реабилитация Сталиным имперского комплекса была последней вспышкой этого спровоцированного властью комплекса. Было очевидно, что в противостоянии немцам империя израсходовала всю пассионарную стихию. Чем очевидней становилось угасание империи, тем сильнее заявляла о себе культура. Конечно, силы на укрепление империи иссякают, хотя в сознании и в еще большей степени в подсознании имперский комплекс продолжает существовать. Затрагивая эту болезненную тему в речи, произнесенной на ассамблее выпускников университета в Гарварде в 1978 году, А. Солженицын говорит: «Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель... Держать великую империю – значит вы-

мертвлять свой собственный народ» [9]. Казалось, что имперский комплекс, спровоцированный курсом Сталина и получивший выражение в возведении жесткой государственности, позволил реализовать ментальный комплекс русских. Но, как показало время, он привел к максимальной трате пассионарной энергии. Как со временем становится очевидным, следование этому курсу становится опасным.

Библиографический список

1. Астафьев, В. Прокляты и убиты [Текст] / В. Астафьев. – М., 2016. – С. 222.
2. Богданов, К. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры [Текст] / К. Богданов. – М., 2009. – С. 105.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира. КосмоПсихоЛогос [Текст] / Г. Гачев. – М., 1995. – С. 13.
4. Гегель, Г. Философия права [Текст] / Г. Гегель. – М.-Л., 1934. – С. 345.
5. Гроссман, В. Жизнь и судьба [Текст] / В. Гроссман. – М., 1988. – С. 614, 615, 623.
6. Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма [Текст] / Дж. Моссе. – М.: Центрполиграф, 2010. – С. 130.
7. Розанов, В. В чаду войны. Статьи и очерки. 1916-1918 гг. [Текст] / В. Розанов. – М.-СПб., 2008. – С. 413.
8. Симонов, К. Глазами человека моего поколения [Текст] / К. Симонов. – М., 1990. – С. 166.
9. Солженицын, А. Публицистика. В 3-х т.: т. 1 [Текст] // Статьи и речи. – Ярославль, 1995. – С. 156, 542.
10. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 2003. – С. 381, 438.
11. Фихте, И. Речи к немецкой нации (1808) [Текст] / И. Фихте. – М., 2008. – С. 117.
12. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас. – М., 2003. – С. 12.
13. Эренбург, И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания в 3-х т.: т. 3 [Текст] / И. Эренбург. – М., 1990. – С. 232, 233.

Reference List

1. Astaf'ev, V. Prokljaty i ubity = They are damned and killed [Tekst] / V. Astaf'ev. – M., 2016. – S. 222.
2. Bogdanov, K. Vox populi. Fol'klornye zhanry sovetsoj kul'tury = Vox populi. Folklore genres of Soviet culture [Tekst] / K. Bogdanov. – M., 2009. – S. 105.
3. Gachev, G. Nacional'nye obrazy mira. KosmoPsihoLogos = National images of the world. CosmoPsychoLogos [Tekst] / G. Gachev. – M., 1995. – S. 13.
4. Gegel', G. Filosofija prava = Legal philosophy [Tekst] / G. Gegel'. – M.-L., 1934. – S. 345.
5. Grossman, V. Zhizn' i sud'ba = Life and destiny [Tekst] / V. Grossman. – M., 1988. – S. 614, 615, 623.
6. Mosse, Dzh. Nacizm i kul'tura. Ideologija i kul'tura nacional-socializma = Nazism and culture. Ideology and

culture of national socialism [Tekst] / Dzh. Mosse. – М. : Centrpoligraf, 2010. – S. 130.

7. Rozanov, V. V chadu vojny. Stat'i i ocherki. 1916-1918 gg. = In war smoke. Articles and essays. 1916-1918. [Tekst] / V. Rozanov. – М.-SPb., 2008. – S. 413.

8. Simonov, K. Glazami cheloveka moego pokolenija = Through the man's eyes of my generation [Tekst] / K. Simonov. – М., 1990. – S. 166.

9. Solzhenicyn, A. Publicistika. V 3-h t. : t. 1 = Journalism. In 3 v.: v. 1 [Tekst] // Stat'i i rechi. – Jaroslavl', 1995. – S. 156, 542.

10. Tojnbi, A. Civilizacija pered sudom istorii = Civilization on the stand of history [Tekst] / A. Tojnbi. – М., 2003. – S. 381, 438.

11. Fihte, I. Rechi k nemeckoj nacii (1808) = Speeches to the German nation (1808) [Tekst] / I. Fihte. – М., 2008. – S. 117.

12. Habermas, Ju. Filosofskij diskurs o moderne = Philosophical discourse about modernism [Tekst] / Ju. Habermas. – М., 2003. – S. 12.

13. Jerenburg, I. Ljudi. Gody. Zhizn'. Vospominanija v 3-h t. : t. 3 = People. Years. Life. Memories in 3 v.: v. 3 [Tekst] / I. Jerenburg. – М., 1990. – S. 232, 233.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10611

УДК 008

Ю. С. Никифоров

<https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Я. Н. Сироткин

<https://orcid.org/0000-0002-6918-3971>

Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068

В региональном ракурсе советской повседневности в статье анализируются обращения советских граждан во власть. На фоне острого взаимодействия местной власти и социума изучаются кризисные процессы жизни советской провинции в точке бифуркации СССР – на рубеже эпох «застоя» и «перестройки» (1970-1980 гг.). В публикации рассматриваются жалобы простых жителей Ярославской области в советские и партийные органы власти. Произведенный анализ обращений позволил выявить широкий круг проблем, с которыми соприкасался советский человек эпохи позднего социализма. Жалобы граждан были классифицированы с точки зрения политики, экономики, культуры, права и социальной сферы. В центре внимания статьи оказались вопросы труда и отдыха, дисциплины и халатности. Отмечается, что авторы писем поднимали, главным образом, проблемы оптимизации производства, критиковали местную власть и средства массовой информации за «кабинетно-бюрократический стиль работы», указывали на низкое качество медицинских услуг. Установлено, что в большинстве обращений советских граждан периода позднего СССР, направляемых на региональный уровень власти, имело место указание на низкую квалификацию и культуру руководящих кадров КПСС, а также управленческих работников промышленных предприятий. Выявлено, что анонимные авторы, как правило, подчеркивали слабую коммуникацию директоров заводов и трудового коллектива, аморальный уровень хозяйственных руководителей. Местничество, кумовство, отдаленность от народных масс, халатность, формализм – вот, лейтмотивы в жалобах граждан советской провинции на закате существования СССР. В статье делается парадоксальное наблюдение о сохранении энтузиазма и веры в светлое будущее у большинства авторов писем, несмотря на валлообразный рост проблем во всех сферах жизни советского общества. Настоящая статья позволила классифицировать и систематизировать социальные, кадровые и бюрократические проблемы советской провинции в позднем СССР.

Ключевые слова: коммуникативные практики, советские граждане, жалобы, образ региональной власти, образ партийной власти.

Yu. S. Nikiforov, Y. N. Sirotkin

Soviet citizens' complaints as a cultural phenomenon of the late socialism era

In the regional perspective of the Soviet everyday life the article analyzes appeals of Soviet citizens to the power. Against the background of acute interaction between the local authorities and the society, crisis processes of the Soviet province life are being studied at the point of bifurcation of the USSR – at the turn of the ages of «stagnation» and «restructuring» (1970-1980). The publication considers complaints of ordinary residents of the Yaroslavl region to Soviet and party authorities. The analysis of the appeals made it possible to identify a wide range of problems with which the Soviet man of the late socialism era came into contact. Citizens' complaints were classified in terms of politics, economy, culture, law and social sphere. The article focused on labour and recreation, discipline and negligence. It is noted that the authors of the letters raised mainly problems of optimization of production, criticized the local authorities and the media for the «cabinet-bureaucratic style of work», pointed to the poor quality of medical services. It has been determined that in most applications of Soviet citizens of the late USSR period sent to the regional level of power, there was an indication of low qualification and culture of senior personnel of the Communist Party, as well as managers of industrial enterprises. It has been revealed that anonymous authors, as a rule, stressed weak communication of directors of factories and labor collective, immoral level of economic managers. Locality, nepotism, distance from the masses, negligence, formalism – these are leitmotifs in the Soviet province citizens' complaints on the decline of the USSR. The article makes a paradoxical observation about the preservation of enthusiasm and faith in the bright future of most authors of letters, despite the gross growth of problems in all spheres of Soviet society life. This article allowed classifying and systemizing social, personnel and bureaucratic problems of the Soviet province in the late USSR.

Keywords: communicative practices, Soviet citizens, complaints, image of regional power, image of party power.

Обращения простых советских людей в органы власти в сущности представляли собой канал обратной связи с населением. Рассмотрение жалоб можно назвать своеобразной стратегией по реализации принципа народовластия и участия населения в управлении государством.

В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть поток жалоб советских граждан в региональном разрезе с точки зрения взаимодействия власти и социума на фоне нарастания кризисных явлений в жизни советского общества [2, 3, 4, 13, 14] в последние десятилетия его существования.

Бюрократическая процедура рассмотрения жалоб предполагала ответы гражданам на их жизненные проблемы [1, 8, 9, 10].

О том, как могли рассматриваться жалобы отдельными нерадивыми партийными чиновниками в 1970-1980-е гг., дают представление данные устной истории. Так, например, В. В. Величко, помощник Первого секретаря Ярославского обкома в 1980-е гг. в своем интервью приводил случай девиации в поведении советского чиновника. При рассмотрении одного из обращений рядового гражданина ответственный партийный работник в кулуарах обронил фразу: «А давайте завольним этот вопрос...» [6].

Рассмотрим спектр жалоб советских граждан 1970-1980-х гг. Обращения граждан можно систематизировать по следующим направлениям: организационно- трудовые вопросы, дисциплина, критика руководства и СМИ, качество медицинских услуг, оптимизация и улучшение производства.

Очень часто рабочие жаловались на фактический простой рабочих бригад, а также *отсутствие оптимизации производственных процессов* на предприятии. Так, например, на вагоноремонтном заводе рабочие указывали на слабый менеджмент руководства предприятия и логистические проблемы: отставание от производственного плана, несвоевременные поставки отремонтированного подвижного состава потребителю, перенос плана на следующий месяц, использование рабочей силы не по прямому назначению, что способствовало формированию психологических проблем у рабочего класса. На этот факт и указывали некоторые рабочие в своих жалобах. Квалифицированные рабочие направлялись руководством предприятия для выполнения непрофильных ра-

бот по уборке территории, что негативно влияло на трудовой энтузиазм.

Во многих жалобах рабочие коллективы указывали на искусственное снижение темпов работ и замедление технологической цепочки в результате неквалифицированного менеджмента линейных руководителей. Например, имела место переброска высококвалифицированных рабочих на другие участки, что вредило общей производительности труда [12, Л. 17].

Рабочий Ярославского моторного завода указывал на случаи откровенного затягивания работ: 22 года адаптировали вертолетный двигатель на шасси автомобиля под руководством главного инженера. Помимо этого велось строительство испытательной станции общей стоимостью 11 млн. рублей, которую планировали сдать через 2 года. Как отмечал сам автор письма, темпы строительства были очень низкие [12, Л. 41-42].

Затягивалось в Ярославле и строительство спортивно-оздоровительных сооружений. Так в 1981 г. при поддержке ВЛКСМ, райкома и горкома КПСС было принято решение построить спортивный комплекс для подростков третьего микрорайона «50 лет Октября». На момент подачи жалобы в 1987 г., работы были не начаты. Секретари обкома КПСС не принимали никаких мер к разрешению ситуации [12, Л. 48].

Трудящиеся Автотранспортного предприятия междугородних перевозок указывали на неэффективную работу погрузочно-разгрузочных станций, что приводит к простоям тяжелогрузов. На работе предприятия сказывалась недозагруженность заказами, которая являлась следствием неумелого масштабирования нагрузки на транспортные предприятия [12, Л. 42].

В ряде обращений рабочие коллективы указывали на негативные моральные качества руководителей и нездоровую атмосферу, которые вели к снижению эффективности работы. Например, обращение рабочего коллектива Узловой расчетно-товарной конторы г. Ярославля свидетельствовало, что руководство практиковало жесткую палочную дисциплину, в результате которой «в трудовом коллективе создается некомфортный для работы психологический климат» [12, Л. 17-18].

Сходная ситуация сложилась на предприятии «Ярэнерго». Трудовой коллектив предприятия указывал на наущничество, кляузы и откровенную ложь. В конце жалобы постулируется главный те-

зис «Рабочий коллектив – хозяин на предприятии» [12, Л. 41].

Аналогичная проблема нашла отражение в письме рабочего с завода «Машприбор». По его словам, несмотря на то, что «завод укомплектован новейшим оборудованием, продуктивность и качество работы оставляет желать лучшего»: не проводится переобучение сотрудников и оптимизация работы, рост плана осуществляется экстенсивным путем за счет ночных смен [12, Л. 18]. Сходный способ наверстывания плана имел место на Ярославском заводе холодильных машин (ЯЗХА). Бригада упаковочного цеха ЯЗХА указывала на ненормальное планирование рабочего процесса: простой на предприятии в начале месяца и ударная работа в 3 смены в конце месяца [12, Л. 42].

Еще одной проблемой, поднимаемой в письмах, был *формализм в работе партийных органов*. Особенно это было заметно в сфере идеологической работы. При подготовке публикаций в Большесельском районе использовались готовые клише, вычлененные из газет и журналов. В жалобе члена КПСС Ярцева И. А. обращалось внимание на отсутствие гласности в областной газете. Проблема отсутствия критики в региональной периодической печати нашла отражение и в других жалобах. В районной газете «Коммунарка» А. Герасимов указывал на отсутствие критических публикаций о готовности колхозов к уборочной компании, констатируя, что «пресса работала в кабинетно-бюрократическом стиле». С. В. Целищев, работавший бетонщиком на стройке, давал типичное описание реакции руководителей предприятий на критические статьи в газете «Северный Рабочий»: «многие руководители относятся к газете чуть ли не как к врагу...» [12, Л. 49-50].

Особенно ценна для *реконструкции взаимодействия обычного советского гражданина и власти в эпоху позднего социализма* переписка историка, бывшего декана ЯГПИ им. К. Д. Ушинского Николая Ивановича Резвого с партийными органами города Ярославля и Ярославской области. Доцент Н. И. Резвый [5] интересен тем, что представлял собой пример первого особого поколения советской интеллигенции с обостренным чувством справедливости и стремлением к критике. В жалобе 1983 г. идет речь о порядках, установившихся в Кировском райкоме г. Ярославля. Резвый отмечал, что «очень сложно было попасть на прием к чиновнику, даже имея партийный билет». Так, в ходе визита в райком

первым препятствием для доцента Резвого послужила секретарь, которая не смогла вразумительно ответить на вопросы посетителя. Также он не смог попасть на прием к Ф. И. Лощенкову. Работники обкома давали обещания посетителям, но, как правило, их не выполняли. Письменные обращения доцента не давали никакого результата. Более того Н. И. Резвый был изгнан из поликлиники партактива. Это была явно карательная мера [11, Л. 34-35].

Официальная реакция Ярославского обкома КПСС последовала только 29 января 1987 г.: доценту была назначена персональная пенсия, он был поставлен в очередь на получение санаторных путевок на второе полугодие 1987 г. [11, Л. 52]. Причиной промедления послужило, вероятно, постановление Совета Министров СССР от 19 октября 1977 г. №1128 [7], которое давало возможность ходатайства о персональных пенсиях только партийным органам [11, Л. 52]. Это замедляло процесс принятия решений, делая его закрытым от общественности и открывая широкие возможности для махинаций с пенсионным обеспечением.

По партийной линии наблюдалось формальное назначение руководителя без реальных профессиональных навыков по направлению работы. Так, например, это имело место с начальником Госстраха Ярославской области, который позднее оказался под следствием по причине ненадлежащего исполнения служебных обязанностей [12, Л. 18].

Анализ архивных документов, связанных с жалобами советских граждан в Ярославском регионе, показал существование проблемы nepoтизма и кумовства. В частности, отдельные партийные органы систематически продвигали на хозяйственные должности лиц, которые ранее были уволены по причине профессиональной непригодности. Из некоторых писем граждан, вероятно, можно предположить даже о наличии коррупционного сговора. Так, в Рыбинском районе начальник Арефинского лесопункта, неоднократно освобожденный с должности директора предприятия, занимал при этом 2 материально взаимосвязанных должности. Это совмещение фактически позволяло ему заниматься безнаказанным присвоением денежных средств. Согласно свидетельствам авторов писем, директивно назначенные руководители предприятий часто не исполняли прямые служебные обязанности, но всячески демонстрировали лояльность покровителям [12, Л. 19, 21].

Исходя из анализа писем, можно сделать вывод, что руководители многих крупных предприятий региона систематически злоупотребляли своим служебным положением, расхищая народную собственность, а также склоняли к преступным хищениям рабочих. Например, в Пролетарском районе Рыбинска тов. Метелин В. А. принуждал водителей выносить бензин в канистрах с предприятия с целью личной выгоды. Авторы жалоб подчеркивали снижение трудовой дисциплины и ослабление моральных качеств среди профсоюзных деятелей. Так, например, тов. Русаков А. Н. – заведующий лабораторией, зам председателя профкома, член заводской антиалкогольной комиссии завода «Пролетарская свобода» – в результате распития алкогольных напитков вместе с сослуживцами был доставлен в медвытрезвитель [12, Л. 22]. Из анонимного письма видно, что руководство завода дело замяло, однако рабочие остались недовольны таким решением. Данный факт означал, что существовали двойные стандарты, когда правовые ограничения не распространялись на заводское руководство и профсоюзные партийные органы.

Согласно письмам трудящихся региона в сфере сельского хозяйства также существовали серьезные проблемы среди руководящих кадров: они демонстрировали девиантное поведение и низкий моральный уровень: часто были отягощены химическими аддикциями (алкоголизм). Например, начальник 1 тепличного комбината в разгар посевной, на почве чрезмерного употребления спиртных напитков была отправлена в больницу. На фоне антиалкогольной кампании Горбачева ухудшилась ситуация с самогонварением и хищениями. Большая часть жалобщиков связывала эти явления с недобросовестным руководством, которое отличалось, по отзывам трудящихся, невысокими коммуникативными и организаторскими навыками [12, Л. 22-23].

В некоторых сельскохозяйственных коллективах сложились настоящие родственные кланы. Например, в одном из хозяйств Ростовского района Ярославской области муж является директором совхоза, а жена была председателем сельсовета, контролируя фактически весь совхоз. Традиционно острой в письмах граждан была *проблема распределения жилья*. В Пошехоно-Володарском сельхозтехникуме: там даже не регистрировались жалобы трудящихся по жилищному вопросу. Напротив, руководители предприятий могли иметь несколько квартир в разных городах, а запросы об основаниях предоставления жилья по-

вышенной комфортности не находили ответа у власти [12, Л. 20, Л. 23].

Из анонимной жалобы, полученной с завода «Сантехзаготовок» г. Ярославля, известно, что квартира рабочего-очередника была присвоена руководителем предприятия В. Н. Жужковым. Анонимка из города Тутаева указывала на незаконное распределение квартир среди руководства Тутаевского РОВД. Автор другой анонимной жалобы указывал на рост коллективных дач на территории окультуренных колхозных полей в Тутаевском районе [12, Л. 44].

Важный кластер в жалобах граждан составляло качество медицинских услуг, которое оставляло желать лучшего. Например, в помещениях Центральной детской районной больницы г. Тутаева был неприемлемый температурный режим в силу дефектов отопительной системы. К ряду врачей было сложно попасть: «на прием к гинекологу можно было попасть только в том случае, если занимать очередь рано утром стоматологический кабинет редко выдавал явки». Автор другой жалобы описывал случай гибели пациента в результате халатности врачей в Тутаева. Сорокапятилетний рабочий фабрики «Тулма», ранее не жаловавшийся на здоровье, обратился за медицинской помощью в поликлинику. 5 февраля терапевт не уделила должного внимания тяжелому состоянию пациента: он был перенаправлен к узкопрофильным специалистам, которые не вызвали скорой помощи для госпитализации. Фактически пациент провел весь день в поликлинике. После госпитализации не был произведен первичный осмотр. Через три дня пациент скончался. В этот период времени медицинских работников на дежурстве не было. Авторы жалоб отмечали общую халатность со стороны врачебного персонала больниц, которая вела к снижению качества предоставления услуг и повышению уровня смертности [12, Л. 24].

Проблема хищений и плохой логистики касалась и сферы образования. Коллектив Вятского Сельскохозяйственного профтехучилища указывал на недозагруженность учебного заведения, которое имело в своем распоряжении 600 учебных мест, реально загружено была только четверть [12, Л. 39].

В результате ревизии документов городского отдела народного образования Углича были вскрыты факты не целевого расходования средств и случаи хищения. Однако горком КПСС никаких мер по этим фактам не принял. В сфере коммунального хозяйства также имелись проблемы. Так,

в Пошехонье – Володарске жители дома №16 по улице Любимская указывали на халатную подготовку к отопительному сезону. Более того жители дома отмечали формализм в общесоюзном масштабе – процесса горбачевской «перестройки». Следует отметить, что рабочие активно выдвигали предложения по оптимизации и совершенствованию производства. Например, экономист В. А. Ларионов предлагал компьютеризацию и унификацию системы управления, чтобы в реальном времени иметь представление о статистике производства; указывал на скорейшую необходимость системной и четкой инвентаризации на складах и базах снабжения [12, Л. 44, Л. 46].

Отражены в жалобах и вопросы экологии. Так, рабочие и служащие завода «Резинотехника» г. Ярославля просили активизировать работу в сфере охраны природы и здоровьесбережения: «вести открытую работу в данном направлении, следуя идеям гласности» [11, Л. 37].

Таким образом, проведенное исследование позволяет классифицировать и систематизировать экономические, социальные, кадровые и бюрократические проблемы советской провинции в позднем СССР. В большинстве жалоб советских граждан эпохи позднего социализма, направляемых на региональный уровень власти, отмечались некомпетентность руководства, низкая культура управленческих работников, отсутствие нормального взаимодействия с трудовым коллективом, невысокий моральный уровень хозяйственных руководителей, местничество, кумовство и nepoтизм, стремление оградиться от народных масс, халатность, формализм. В обращениях обычных жителей Ярославской области нашли отражение кризисные процессы жизни советской провинции в точке бифуркации СССР – на рубеже эпох «застоя» и «перестройки» (1970-1980 гг.). Поток жалоб советских граждан в региональном разрезе может трактоваться как особый двойственный социокультурный феномен. С одной стороны, взаимодействие власти и социума в конце советской эпохи приобретало все более жесткий и экстремальный характер. Можно предположить, что власть и социум, в 1970-е гг. в меньшей степени, а в 1980-е гг. в большей степени, находились в пограничной ситуации потенциального конфликта. С другой стороны, несмотря на все недостатки советского строя и партийной бюрократической системы, у обычных советских трудящихся можно отметить энтузиазм и оптимизм, готовность брать ответственность на себя, выдвигать конкретные

идеи для улучшения экономических показателей и совершенствования социальной сферы.

Библиографический список:

1. Александрова, М. В., Никифоров, Ю. С. «Я хлопотал «по-культурному»: советский гражданин в системе коммуникативных практик местной элиты (1950-1960 гг.) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 388-394.
2. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. [Текст] / Ю. В. Аксютин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 622 с.
3. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 [Текст] / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 486 с.
4. Лебина, Н. Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991 [Текст] / Н. Б. Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 584 с.
5. Никифоров, Ю. С. Воспоминания ярославского историка Н. И. Резвого как культурный памятник советской эпохи [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 308-311.
6. Никифоров, Ю. С. Интервью с В. В. Величко [Текст] // Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. – Ярославль, 2018. – С. 8-19.
7. Постановление Совмина СССР от 19 декабря 1977 г. № 1128 «Об утверждении Положения о персональных пенсиях» (ред. от 18.06.1991) [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых документов Союза Советских Социалистических Республик. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9511.htm
8. Таточенко, В. В., Никифоров, Ю. С. К вопросу о проблемах кадровой работы в региональных центрах РСФСР в 1960-е гг. По материалам Ярославской области [Текст] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 25-28.
9. Тумаков, Д. В., Никифоров, Ю. С., Кищенко, М. С. «Сильному мужику все кланяются»? константы или новации в структуре и практиках советской региональной элиты 1950-1970-х гг. [Текст] // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 53-59.
10. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. 272. Оп. 229. Д. 168.
11. ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 37.
12. ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 84.
13. Чуева, Е. «Мир после войны»: жалобы как инструмент регулирования отношений между государством и инвалидами Великой Отечественной войны // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985 [Текст] / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: ООО «Вариант», 2008. – 373 с.

14. Юрчак, А. В. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение [Текст] / А. В. Юрчак. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 661 с.

Reference List

1. Aleksandrova, M. V., Nikiforov, Ju. S. Ja hlopotal «po-kul'turnomu»: sovetskij grazhdanin v sisteme komunikativnyh praktik mestnoj jelity (1950-1960 gg.) = I put in a word «culturally»: a Soviet citizen in the system of communicative practices of the local elite (1950-1960) [Текст] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 388-394.

2. Aksjutin, Ju. V. Hrushhevskaja «ottepel'» i obshhestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953-1964 gg. = Khrushchev «thaw» and public moods in the USSR in 1953-1964. [Текст] / Ju. V. Aksjutin. – М.: ROSSPJeN, 2010. – 622 с.

3. Zubkova, E. Ju. Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945-1953 = Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945-1953 [Текст] / E. Ju. Zubkova. – М.: ROSSPJeN, 1999. – 486 с.

4. Leбина, N. B. Passazhiry kolbasnogo poezda. Jet-judy k kartine byta rossijskogo goroda: 1917-1991 = Sausage train passengers. Essays to the picture of the life of the Russian town: 1917-1991 [Текст] / N. B. Leбина. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 584 с.

5. Nikiforov, Ju. S. Vospominaniya jaroslavskogo istorika N. I. Rezvogo kak kul'turnyj pamjatnik sovetskoj jepohi = Memories of Yaroslavl historian N. I. Rezvy as a cultural monument of the Soviet era [Текст] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 308-311.

6. Nikiforov, Ju. S. Interv'ju s V. V. Velichko = Interview with V. V. Velichko [Текст] // Novejshaja otechestvennaja istoriya v zerkale interv'ju regional'noj jelity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamjati. – Jaroslavl', 2018. – S. 8-19.

7. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 19 dekabrya 1977 g. № 1128 «Ob utverzhdenii Polozheniya o personal'nyh pensijah» (red. ot 18.06.1991) = Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 1128 dated from December 19, 1977 «On Approval of the Regulation on Per-

sonal Pensions» (edired 18.06.1991) [Elektronnyj resurs] // Biblioteka normativno-pravovyh dokumentov Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9511.htm

8. Tatochenko, V. V., Nikiforov, Ju. S. K voprosu o problemah kadrovoj raboty v regional'nyh centrakh RSFSR v 1960-e gg. Po materialam Jaroslavskoj oblasti = To the question of problems of personnel work in the regional centers of the RSFSR in the 1960s. [Текст] // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2019. – № 7. – S. 25-28.

9. Tumakov, D. V., Nikiforov, Ju. S., Kishhenkov, M. S. «Sil'nomu muzhiku vse klanjajutsja»? konstanty ili novacii v strukture i praktikah sovetskoj regional'noj jelity 1950-1970-h gg. = «Strong man is made a bow»? constants or innovations in the structure and practices of the Soviet regional elite of the 1950-1970-s. [Текст] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4. – S. 53-59.

10. CDNI JaO. F. 272. Op. 229. D. 168.

11. CDNI JaO. F. 272. Op. 270. D. 37.

12. CDNI JaO. F. 272. Op. 270. D. 84.

13. Chueva, E. «Mir posle vojny»: zhaloby kak instrument regulirovanija otnoshenij mezhdru gosudarstvom i invalidami Velikoj Otechestvennoj vojny = «Peace after war»: complaints as a means to regulate relations between the state and disabled people of the Great Patriotic War [Текст] // Sovetskaja social'naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940-1985 / pod red. E. Jarskoj-Smirnoj, P. Romanova. – М.: ООО «Variant», 2008. – 373 с.

14. Jurchak, A. V. Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie = It was forever until it was over: the last Soviet generation [Текст] / A. V. Jurchak. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 661 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10612

УДК 81-13

Г. В. Клименко

<https://orcid.org/0000-0002-6552-4396>

Соматический код русской культуры (на примере лексемы «лицо»)

Цель статьи – описание специфики лексемы «лицо» в качестве компонента соматического культурного кода. Материалом исследования служат словарные статьи толковых, фразеологических, ассоциативных, этимологических словарей, а также словарей синонимов. Используется комплекс методов: описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, метод лингвокультурологического комментария, когнитивная интерпретация полученных результатов. Уточняются термины, применяемые в работе: «культурный код», «лингвоконцепт», «значение», «символ», «национально-культурные компоненты». Определяется место лингвокультурологии в современных научных направлениях. Дается краткая характеристика соматического кода в русском языке и русской культуре. Новизна исследования заключается в комплексном анализе и описании семантики языкового знака, а также в выявлении культурных установок, транслируемых данным знаком. Анализируется семантическая структура указанной лексемы, ее прагматические и специфические национально-культурные параметры, исследуется сочетаемость с прилагательными-ассоциатами. Полученные результаты позволяют выявить многослойное содержание и структуру лингвоконцепта «Лицо», в частности его амбивалентность, что отражается в синонимических, ассоциативных и деривационных рядах. Концепт является общественно значимым, что выражается в частотности языковых средств, его репрезентирующих, а также в наличии положительных или отрицательных оценок в области нравственных установок, внутреннего мира и внешности. Отмечена также связь с другими концептами – «Душа», «Совесть», «Честь». Концепту присущи такие параметры, как архетипичность, социальная значимость, ценностность, духовность, что делает его одним из важнейших в современной культуре и языке. Таким образом, в исследовании представлен элемент соматического культурного кода (лицо человека) как один из важнейших фрагментов национальной картины мира.

Ключевые слова: соматический код, универсальные и национально-культурные параметры лексемы, лингвоконцепт «Лицо».

G. V. Klimenko

Somatic code of Russian culture (on the example of the lexeme «face»)

The purpose of the article is to describe the specifics of the lexeme «face» as a component of the somatic cultural code. The research material is provided by dictionary entries of explanatory, phraseological, associative, etymological dictionaries, as well as dictionaries of synonyms. A set of methods is used: the descriptive method, the method of the analysis of the vocabulary definitions, the component analysis, the linguocultural commentary and cognitive interpretation of the results. The terms used in the work are specified: «cultural code», «linguconcept», «meaning», «symbol», «national-cultural components». The place of linguoculturology in modern scientific directions is determined. A brief description of the somatic code in the Russian language and Russian culture is given. The novelty of the study lies in a complex analysis and description of the semantics of the linguistic sign, as well as in the identification of cultural attitudes transmitted by this sign. The semantic structure of this lexeme, its pragmatic and specific national-cultural parameters, compatibility with adjective-associates is investigated. The results obtained make it possible to identify the multilayer content and structure of the linguoconcept «Face», in particular its ambivalence, which is reflected in the synonymous, associative and derivational series. The concept is socially significant, which is expressed in the frequency of linguistic means, representing it, as well as in the presence of positive or negative assessments in the field of moral attitudes, inner world and appearance. The connection with other concepts is also noted – «Soul», «Honor», «Conscience». The concept is characterized by such parameters as archetypality, social significance, value, spirituality, which make it one of the most important in modern culture and language. Thus, the study presents an element of the somatic cultural code (human face) as one of the most important fragments of the national world view.

Keywords: somatic code, universal and national-cultural parameters of the lexeme, linguoconcept «Face».

Основная цель нашего исследования – показать, как одинаковые объекты внешнего мира, в данном случае части тела человека, получают различное обозначение (знак), значение, символическую значимость и образуют концепты, имеющие как универсальные, так и национально-специфические черты в лингвокультурных сообществах. Выбирая объект исследования, мы сознательно остановились на такой части тела, как лицо человека. Его номинирует нейтральная общепотребительная лексема, которую, с одной стороны, можно причислить к лингвистическим и культурным универсалиям, с другой стороны, она обладает некими специфическими для русского языка и русской культуры характеристиками. Был поставлен комплекс задач: 1. Исследовать семантическую структуру лексемы «лицо» в полном объеме, включая прагматику и коннотации. 2. Описать синонимические и ассоциативные ряды. 3. Проанализировать дериваты данной лексемы. 4. Выявить и описать ее аксиологические характеристики. 5. На основании полученных результатов установить значимость и место лингвоконцепта «Лицо» в русском языке и русском культурном пространстве.

Так как каждый концепт несет в себе информацию о культуре того или иного этноса, лексема оказывается включенной в две семиотические системы: систему естественного языка и в систему соматического кода, который является древнейшим выражением антропоцентризма. Выполнение поставленных задач позволит описать фрагмент национальной языковой картины мира и выявить особенности репрезентации вышеназванного объекта.

Важной частью любой национальной картины мира являются так называемые культурные коды. Этот термин имеет различные толкования, однако его наиболее точное определение дается в Большом толковом словаре по культурологии [13]: «Культурный код – это совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека». Именно на это определение мы опираемся в своей работе. И хотя знаки культуры – это не только знаки языка, но более широкое понятие (мифы, традиции, ритуалы, стереотипы), оговоримся сразу, что цель нашего исследования – именно языковые знаки как носители культурных смыслов.

Прежде всего отметим, что обозначения тела человека и его частей относятся в любом языке к

архетипам сознания. Телесный код занимает центральное место в культурном пространстве любого народа, поэтому постоянный интерес к нему со стороны философов, психологов, лингвистов на протяжении веков естественен. Антропологизация окружающего мира начинается с определения границ собственного тела. Ориентация «верх-низ», «справа-слева», «впереди-сзади» и т. д. есть не что иное, как локализация в пространстве тела и его частей. Но не только физическое положение в пространстве делает соматический код одним из центральных в культуре. Знание внутренних органов и их функционирование (наивная анатомия) дает возможность описать особенности поведения, эмоции, передать отношение к чему- или кому-либо. В принципе внутренние и внешние части тела – это не просто биологические компоненты организма, но это еще и символы. Так, сердце в русском менталитете – многофункциональный орган, который вмещает эмоции, веру, душу: *у него нет сердца, от всего сердца (от всей души), тяжело (легко) на сердце, в глубине души (или сердца)*. Связь русского телесного кода с концептом «Душа» ярко демонстрирует национально-культурные особенности картины мира. В русском сознании тело и душа взаимосвязаны и неразделимы при жизни человека; очевидно, поэтому душа может испытывать человеческие чувства и человеческие ощущения, например: *тело болит – душа болит, рука ноет – душа ноет, голова горит – душа горит, в горле комок – душа сжалась в комок*. Дальнейшая история развития общества и соответственно культуры показывает, что части тела становятся средством структуризации социума, показывая его иерархию. Это также символы, но другого характера. Так, например, голова становится символом верхушки общества, социальной группы и т. д., обозначая начальника, руководителя; лицо обозначает важную, уважаемую личность; рука выражает абстрактные понятия – силу, власть или же покровительство. В целом можно сказать, что составляющие телесного кода образуют свою собственную систему символов, являясь элементами иной семиотической системы. «Телесный код оказывается универсальным в силу единства анатомии и физиологии всех человеческих существ. При этом сказанное, естественно, не исключает различий телесных кодов тех или иных лингвокультурных сообществ в самом наборе, иерархии, семантике, отношениях, формирующих этот код единиц» [7, с. 78].

Так как в смежных дисциплинах существует

различное понимание некоторых общих терминов, то возникает необходимость уточнить некоторые из них: значение, символ, лингвоконцепт. В лингвистике существуют различные мнения по вопросу, что такое лексическое значение, смысловая или семантическая структура слова. Информация, включаемая в данные термины, обозначается как «план содержания», «совокупность лексико-семантических вариантов слова [11, с. 91], а также «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка...» [7, с. 162]. Когнитивная лингвистика дает свое понимание данной проблемы. Поэтому, например, М. В. Никитин говорит о том, что «значение – это концепт, связанный знаком. В силу этого, помимо содержательной стороны, ему свойственны собственно языковые характеристики, который мы объединяем общим понятием языкового статуса значения» [18, с. 48]. Однако, возвращаясь к языку как системе номинативно-коммуникативных средств, следует отметить, что лексическая семантика, прагматика, теория фоновых долей [6, с. 73] и новейшие ассоциативные исследования [19] позволяют включать в семантическую структуру слова дополнительные компоненты. Об этом подробно пишет Ю. Д. Апресян: «Под лексическим значением понимается семантика знака (наивное понятие) и та часть его прагматики, которая включена в модальную рамку толкования. Лексическое значение слова обнаруживается в его толковании, которое представляет собой перевод слова на особый семантический язык» [3, с. 69]. В данном исследовании мы опираемся именно на это определение. Кроме того, включаем в качестве особого компонента т. н. национально-культурный компонент, «под которым понимается та часть содержания языкового знака, в которой отражается национально-специфическое восприятие реалий, а следовательно, элемент культуры того или иного общества. Этот компонент отличается от фоновых долей, которые носят внеязыковой характер» [26, с. 21]. О чрезвычайной важности этнокультурного момента говорится в работах многих ученых. Так, А. Вежбицкая отмечает, что, «во-первых, язык антропоцентричен, во-вторых, каждый язык национально-специфичен. При этом в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразие национального характера его носителей» [5, с. 21].

Как отмечалось выше, языковой знак способен содержать в своей семантике культурные смыслы,

которые могут трансформироваться в символы, стереотипы, мифологемы. В работе мы используем понятие символа, данное Дж. Купером: «...символ не может сводиться, как знак, к чистой форме, и не может быть понят вне своего религиозного, культурного или метафизического контекста, той почвы, на которой он вырос» [15, с. 6]. Учитывая сложность понятия «символ», мы, тем не менее, попытались применить некоторые его характеристики к анализу лексемы.

С развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии смысл и значение стали связывать с понятием «концепт». В лингвокультурологии языковой знак исследуется не только с точки зрения его семантики, прагматики, синтактики, но и как знак – носитель культуры, выразитель культурного смысла. Появляется понятие лингвокультурного концепта: «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению... В качестве „законного наследника“ этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка. Таким образом, лингвокультурологи едины в понимании объекта своего научного интереса как некоего культурного смысла, отмеченного этнической специфичностью и находящего языковое выражение» [2, с. 11]. Именно с этих позиций и будет осуществляться наше исследование.

Исходя из того, что слово несет в себе специфику той этнокультуры, к которой оно относится, приступим к комплексному анализу лексемы «лицо» – ключевой лексемы соответствующего лингвоконцепта.

Рассмотрим вначале данную лексему как единицу языка, обладающую определенной семантической структурой. Обратившись к этимологии слова, мы находим следующие факты: оно происходит от праславянского *likъ* (*лицо, образ, изображение*) и входит в общеславянский лексический фонд; в результате фонетических изменений слово имеет вид в древнерусском языке *лице*, в украинском *лице*, в польском *lice* (устар.) – лицо, лицевая сторона, щека [24, с. 132]. Семантическая структура данной лексемы в период XI–XVII вв. состояла из следующих лексико-семантических вариантов: 1. Передняя часть головы человека – «Сей Благоверный Борисъ телом бяше красень,

высокъ, лицом смугль» (Софийск. лет). 2. Щека – «Аще ты кто ударить по лицу, обрати ему другое». 3. Внешность, наружность, облик – Не имааше лица, ни лепоты (Иппол. Антихр. 44). 4. Существо, человек, персоне – «Суд судя истиненъ и нелицемеренъ, необинуяся лица сильных своих боляръ...» (Софийск. лет.). 5. Лицевая, передняя, внешняя часть предмета – Лице храму зряше на восток, и исхождаше вода от угла деснаго [21, с. 30-31]. 5. Внутреннее состояние человека – «И реша ему бояре: глядаи взора и лица его, и смысла его» (Лаврент. лет). 6. Наличие чего-либо – «И отдать мне Исаю те деньги назадъ лицомъ» (Акты юрид. быта). 7. Поверхность – «Егда же исяче вода отъ лица всея земля изыде Ное изъ ковчега» (Рогов. лет) [11, с. 247]. Позже, в XVII–XVIII вв. образуются варианты «лицо» – «персонаж пьесы», а также «честь, достоинство» – респектъ, честь [11, с. 248]. Этот последний вариант как самостоятельное значение постепенно исчезает в течение XIX в., но сохраняется во фразеологических сочетаниях типа *не ударить в грязь лицом, не терять лицо*.

Как видно из вышеприведенных фактов, лексема с древности является многозначной, причем особо отметим значение «человек, персоне», сохранившееся до нашего времени и получившее развитие. Исторический экскурс позволяет увидеть неординарность лексемы, в которой уже с XI в. выделяются две архисемы: «передняя часть головы человека» и «человек, персоне». На возможность существования не одной, а нескольких архисем указывает, например, И. А. Стернин: «...архисему отличает свойство, которое может быть названо неединственностью: для каждого значения может быть выделен целый ряд архисем, причем все они будут адекватными для данного значения» [23, с. 59]. Все эти факты свидетельствуют о том, что на самом деле иерархическая структура лексемы отличается от представленной в толковых словарях. Имеются две архисемы, каждая из которых имеет свой пучок видовых сем. При этом первая архисема представлена неодушевленным существительным (часть головы), а вторая – одушевленным (человек), что еще яснее показывает их относительную самостоятельность.

Толковые словари современного русского языка [4, 17, 20] приводят 4-5 значений: 1) Передняя часть головы человека. *На этом лице в увидите настоящий греческий нос с горбинкой, тонкие губы и хорошие голубые глаза.* Чехов. Драма на охоте [4, с. 228]. 2) перен. Индивидуальный облик, отличительные черты кого-л., чего-л. *Поиски свое-*

го лица продолжались. Меж тем я начал писать рассказы, а Павлик – пробовать силы на подмостках любительской сцены. Нагибин. Переулки моего детства [20, с. 191]. 3) Отдельный человек в обществе, член общества. *Мы должны познакомиться читателя с лицами, для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.* Пушкин. Дубровский. 4) Передняя сторона дома, строения, фасад. *В доме Бетленга жили шумно и весело... И самое лицо дома было веселое, стекла окон блестели ясно зелень цветов за ними была разнообразно ярка.* М. Горький. Детство [20]. 5) Обращенная наружу (лицевая) сторона чего-л. (ткани, одежды). *Товар лицом показать* (т. е. с лучшей стороны), *развернуть перед покупателем материю лицевой стороной* [17, с. 135]. б) Грамматическая категория, показывающая отнесенность к говорящему (1 лицо), к собеседнику (2 лицо), к тому, кто не является ни говорящим, ни собеседником (3 лицо). Это последнее значение рассматриваться не будет, т. к. является калькой с греческого языка.

Сравнение объема лексемы XI–XVIII вв. и XX в. показывает, что он уменьшился. Однако пристальный анализ современного употребления слова позволяет утверждать, что значение «человек» распадается на два: первое – «человек как отдельный индивидуум», второе – «человек как член общества», т. е. определяется его место в социуме, например: *Для большинства стран с обязательным участием в голосовании характерно существование норм, в соответствии с которыми избранным считается только лицо, получившее более половины голосов всех избирателей* [Коммерсант-Власть, 2002, НКРЯ]; *Лицо, желающее сменить свой пол, может сделать это без каких-либо обязательств, налагаемых государством* [Т. Байкова. Дания разрешила менять пол без операции // Известия, 2014.06.11 (НКРЯ)]. Некоторые юридические термины (*физическое лицо, официальное лицо, частное лицо и др.*) также развивают значение «член общества»; оно стало самостоятельным компонентом лексемы в связи с широким распространением социально-правовых характеристик: официальных, должностных, профессиональных и пр., например: *Частное лицо сдает в аренду свой автомобиль и компания получает на нее конкретное разрешение* [В. Малянов. Милонов предложил отправить стриптизерш работать в колхозы. Комсомольская правда, 2014.06.15]; *И даже если злоумышленники совершают атаку на физическое лицо, то, скорее всего, заранее ее планируют, рассчитывая на вы-*

сокообеспеченных людей [Т. Бородина. Под колпаком // Известия, 2014.06.30]. Приведенные факты говорят о том, что употребление лексемы «лицо» для обозначения человека с древних времен и до наших дней является национально-культурной спецификой русского языка уже на уровне денотата. В европейских языках используется другой языковой знак: *a person* (англ.), *la personne* (фр.) [27, 28, 29].

Как в словарях, так и в современной публицистике мы находим немало примеров того, что данная лексема включает в себе оценку, т. к. может обозначать «первое лицо», «важное лицо», «известное лицо» и др., например: *Примерно третья часть красноярских газет и телеканалов как критиковали, так и критикуют первое лицо региона* [Время МН», 2003,07.26]; *Потом пел свои песни самый узнаваемый телеведущий страны, светлое лицо программы «Вести» Эрнест Мацкявичус* [А. Мешков. Мы помним вас, братушки // Комсомольская правда, 2014.07.04].

Рассмотрим далее переносные значения, которые содержат следующие семы: а) «отсутствие индивидуальности, отличительных черт у кого-либо» – *Месье Нормаль*, как прозвали Оланда журналисты, воплощенная безликость и невзрачность, обыватель в классическом значении этого слова [Кирилл Бенедиктов. Месье Нормаль // Известия, 2014.02.16]; б) «наличие индивидуальности, своего стиля, манеры»: *Такой консервативный облик молодёжи не подходит, юношество любит пить на ходу и в демократичной обстановке. Поняв эту тенденцию, компания смогла найти свое лицо и одновременно сказать нечто новое на своём рынке* [Владимир Ляпоров. Молодая гвардия. Искусство быстрого завоевания новых рынков сбыта (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23]; в) «честь, совесть, репутация» (только во фразеологизмах): *Дмитрий Иванович порадовался, что, несмотря на все перипетии, сохранилась демократическая форма выбора ректора, а также сказал о том, что он честно выполнял свой долг, и считает, что своё лицо он сохранил* [Анастасия Гулина. Ректорство на день рождения (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.23].

Приведенные выше факты можно считать не просто образными, но символическими значениями, т. к. они указывают не на референт, а на отвлеченные понятия. При этом все значения имеют определенную оценку: безликость – «плохо», наличие индивидуальности – «хорошо», лживость – «плохо», честь, сохранение репутации – «хорошо» и т. д.

Перейдем далее к анализу значения «передняя часть головы человека». Оно содержит родовую сему «важный для идентификации кого-либо, чего-либо». Отсюда развитие видовых сем (косвенных значений), например: «Лицо города, страны, партии» и т. д.: *Если Горбачев вернул человеческое лицо Советскому Союзу, Собчак вернул городу, мэром которого являлся, европейское лицо и его настоящее имя – Санкт-Петербург* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]; *Все-таки они лицо государства и должны себя вести подобающе*. Алена Сивкова. Депутатов будут лишать мандата за недостойное поведение // Известия, 2014.06.19]. Подобные сочетания *лицо театра, города, страны, культуры* являются метафорами, возникшими на основе важности индивидуальных черт. Здесь, так же, как и в значении «человек», хорошо то, что обладает индивидуальностью, плохо то, что не имеет ее: *Так что стилистически решение должно быть максимально нейтральным, но при этом иметь свое лицо* [Егор Антощенко. Значит, нам туда дорога: городские власти вплотную взялись за проблемы городской навигации // РБК Дейли, 2014.01.31]; *Для социальной политики будет характерен безличный, чисто формальный подход* [Анна Архипова. Прогноз Таро для Владимира – 2010: наступает позитивный год // Комсомольская правда, 2009.12.30].

Сочетания *лицо строения, здания, лицо матери* относятся к метонимии, например: *Меня всегда удивляло, почему наш дом отвернулся от деревни и обращен лицом на восток, к безлюдным пространствам; Вывернуть платье с изнанки на лицо* [20, с. 191]. Метонимы обладают образностью в меньшей степени, чем метафоры, идентифицируют объект, но не содержат оценки.

Таким образом, все вышеприведенные примеры ясно показывают следующие национально-культурные установки: человек – индивидум или член социума, предмет, объект, явление или процесс должны отличаться индивидуальностью, выделяться из массы таких же, в этом случае они важны для общества. Противоположная ситуация – отсутствие индивидуальности, отличительных черт, безликость – получает в обществе отрицательную оценку.

Перейдем далее к анализу фразеологических сочетаний. Выше уже упоминалось, что в структуре лексемы отмечено значение «честь, совесть», которое сохранилось во фразеологизме *сохранить лицо*. Лексема способна выражать абстрактные понятия и данное значение приобретает статус символа, т. к. «символ вещи есть ее знак,.. рожда-

ющий многочисленными, а может быть, и бесчисленными закономерными и единичными структурами, обозначенными им в общем виде как отвлеченно-данная идейная образность» [16, с. 47-48]. Особо следует упомянуть пословицу *лицо – зеркало души*. В ней реализуется мировидение носителей русского языка, указывающее на исключительно важную функцию данной части тела, а именно отражение внутреннего мира человека на его лице. О связи концепта «Лицо» и концепта «Душа» говорит Ю. С. Степанов [22, с. 734]. Однако на наш взгляд, интереснее всего этот момент представлен в Словаре В. И. Даля [9, с. 258], где первое, базовое значение дается очень подробно: «Лицо (лице) – в возвыш. зн. лик, в бран. рожка, харя. Передняя часть головы человека от рубежа головных волос до ушей и нижнего края исподней скулы: лоб, глаза, нос, щеки, губы, отвесная часть подбородка». Однако В. Даль не ограничивается подробной характеристикой лица как части головы и дает очень интересную информацию, связанную непосредственно с православными концептами: «Лицо человека – представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь, глаза – разумение, разумное созерцание, уши – понимание и послушание, рот – мысль и учение». Таким образом, В. Даль не только интуитивно выделил релевантные признаки объекта, но и точно отразил мировосприятие своей эпохи, указав связь национально-культурного концепта «душа» со словом «лицо». Эту связь подтверждает и Русский ассоциативный словарь, отмечая среди ассоциатов такие, как *зеркало, душа, зеркало души, душа человека* [19, с. 102-103]. Для сравнения приведем восприятие лица носителями других языков: в английском – *The face is index of the mind* (зеркало ума, интеллекта), во французском – *Le visage est l'image de l'âme* (зеркало души). В этом случае можно говорить о символическом значении лица как выразителя духовного мира.

Переходя к анализу синонимического ряда с доминантой «лицо», следует отметить тот факт, что Словарь синонимов русского языка приводит 27 слов, из которых с положительной оценкой только *лик, личико, мордочка, мордашка*, остальные 23 – с негативной оценкой. Приведем некоторые примеры: *лик* (трад. поэт.), *личность* (прост.), *физиономия* (фамил.); *морда, мурло, рожка, рыло, харя, физия, физиомордия* (все – прост.) и др.: *Ваша физиомордия мне понравилась* (А. Толстой. Мечтатель) [1, с. 195]; *Мордашка у нее симпатичная, и сложена хорошо, но худая, как ободранная кошка* [Дина Рубина. Русская

канарейка. Блудный сын (2014)]. Преобладание негативных синонимов можно объяснить тем, что оценка обычно производится с точки зрения субъекта, характеризуется не свое лицо, а чужое.

Рассмотрим далее информацию, которая имеется в «Русском ассоциативном словаре» [19]. Рамки статьи не позволяют привести весь корпус прилагательных, поэтому укажем лишь некоторые из них: а) прилагательные с положительной оценкой: *красивое, умное, милое, приятное, веселое, важное, доброе, открытое, привлекательное, правильное, симпатичное, чистое, ясное, благородное, выразительное, гладкое, любимое, миловидное, нежное и др.*; б) с нейтральной оценкой: *круглое, знакомое, белое, овальное, бледное, женское, неизвестное, новое, ответственное, смуглое, детское, живое, загорелое, задумчивое, заинтересованное, незнакомое, неузнаваемое, неумытое, узкое, юридическое, официальное, должностное и др.*; в) с негативной оценкой: *чужое, косое, кривое, наглое, безобразное, глупое, грязное, заурядное, злое, идиотское, куцее, надутое, невыразительное, некрасивое, противное, постное, ужасное, уродское, хмурое и др.* Число прилагательных с положительной оценкой – 32, нейтральных прилагательных – 39, с негативной оценкой – 34., т. е. оценки в основном распределяются поровну. В вышеприведенном языковом материале следует отметить антонимию. В сфере эмоций, интеллекта, черт характера присутствуют следующие корреляты: *воодушевленное – вялое, выразительное – заурядное, серое; умное – глупое, доброе – злое, открытое – непроницаемое; волевое – бесхарактерное, безвольное и др.* Внешние характеристики лица и его эстетическая оценка также выстроена по вышеуказанным принципам: *красивое – уродливое, миловидное – противное, ужасное; широкое – узкое и др.* Здесь следует вспомнить традиционный национальный идеал, отраженный в русском фольклоре и литературе. Красивым считается румяное, белое лицо: *«Я ль на свете всех милее, // Всех румяней и белее* (А. С. Пушкин). «К ярко выраженной оценке относится цвет лица, причем здесь присутствуют семы «здоровье» и «эстетическое восприятие». В русской ментальности прилагательные цвета определяют лицо по параметрам «здоровый/больной»: желтое или черное лицо у человека с большой печенью, с лихорадкой: *«За столом сидел человек, не похожий на обыкновенных людей. Цвет лица у него был желтый, с землистым оттенком, щеки впалые, спина длинная и узкая...»* (Чехов «Пари»). Синим или красным лицо чело-

века становится в результате холода, жары, плохого самочувствия, тяжелого труда: *С его красного лица лился пот ручьями, в глазах светилось страдание* (А. Чехов. Драма на охоте). Данные факты сравним с восприятием цвета лица в американском обществе, где *black-face, red-face, yellow-face* означают цвет кожи, этническую принадлежность: афроамериканец, индеец, азиат» [13, с. 118-119]. Таким образом, можно сказать, что в русском языке человеческое лицо оценивается по многочисленным параметрам, включающим не только духовные, нравственные, интеллектуальные, но и внешние качества человека с опорой на эстетические, социальные, возрастные и гендерные стереотипы.

В данной работе была сделана попытка, опираясь на систему значений конкретной лексики «лицо», определить культурные смыслы и установки, транслируемые языковым знаком. Взаимодействие языка и культуры исследовалось в диахронно-синхроническом аспекте. На основе комплексного анализа были уточнены структура и содержание лингвоконцепта «Лицо».

1. Ключевое слово концепта – лексема «лицо» – имеет сложную иерархию значений, ее семантический объем шире, чем тот, который представлен в современных толковых словарях. 2. Соответствующий концепт имеет вербальное выражение на нескольких уровнях: лексическом, фразеологическом, деривационном, а также отражается в ассоциативных связях. 3. В семантико-когнитивном плане концепт относится к сложным структурам, объединяя духовную и телесную сферу. Являясь одним из основных в соматическом культурном коде, имеет как материальные, так и идеальные составляющие: обозначает физические объекты (передняя часть головы, человек как индивидуум и член общества), выражает абстрактные понятия (индивидуальность, стиль; честь, совесть; психологические и моральные качества). 4. Концепт является архетипическим, содержит общечеловеческие и национально-культурные компоненты. Этнокультурная специфика выражена его количественными (по данным НКРЯ – 96331 вхождение) и качественными параметрами: содержит стереотипы поведения, внешности, внутреннего мира человека, а также выражает символические значения (лицо – зеркало души, сохранить лицо и др.). 5. Является общественно значимым, что выражается в наличии положительных, нейтральных или отрицательных оценок в области нравственных установок, внутреннего мира и внешности человека. 6. Имеет амбива-

лентную природу, что находит свое отражение в семантической структуре, синонимических, ассоциативных и деривационных рядах. Является двухъядерным концептом: первое ядро – физический орган человека, второе ядро – человек, в результате образуются два пучка видовых сем. Между первым и вторым ядром существует естественная связь, т. к. внешность отражает внутренний мир (*лицо – зеркало души*). 7. Концепту присущи такие параметры, как архетипичность, социальная значимость, ценностность, духовность, что делает его одним из важнейших в современной культуре и языке. Отмечается его связь с другими концептами: «Душа», «Совесть», «Честь», что также можно считать этнокультурным моментом.

В заключение следует сказать, что в работе рассматривались лишь вербализованные стороны концепта, однако он может овеществляться в других сферах, например, в живописи (портрет) или в фотографии. Кроме того, любые концепты – это динамичные структуры. В связи с этим интересно было бы исследовать, как современное постиндустриальное общество использует социокультурный феномен тела и телесности. Весьма перспективной методологией нам представляется направление, разработанное учеными Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, которые предлагают «изучить выявляемые и обобщаемые продукты постиндустриального общества и отражающиеся в них глобализационные процессы в современной культуре с учетом национальных особенностей» [10, с. 262]. В настоящий момент основной тенденцией практически во всех дискурсах (в моде, в рекламе, в медицине, в спорте и др.) является изменение формы всего тела или его частей, в первую очередь – лица, мышц и др. При этом, с одной стороны, возрождаются архетипические практики (тату, шрамология), с другой – появляются совершенно новые практики (бодиарт, пластическая хирургия), возникают новые эстетические стереотипы, симулякры (аватар) и символы (смайлики, эмодзи). Тело – по-прежнему важнейший культурный знак и текст, который может быть прочитан массой. В свете всего вышесказанного дальнейшее изучение лица человека представляется интересной и важной задачей в области культурологии, психолингвистики, лингвокультурологии.

Библиографический список

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З. Е. Александрова. – М. : Русский язык. Медиа, 2006. – 564 с.

2. Антология концептов. Ч. 1 [Текст]. – Волгоград : «Парадигма», 2005. – 347 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 9 [Текст]. – М.–СПб. : Наука, 2007. – 659 с.
5. Вежибицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежибицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1083 с.
7. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
8. Гудков, Д. Б., Ковшова, М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю [Текст] / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 [Текст] / В. И. Даль. – М. : Дрофа, Русский язык. Медиа, 2011. – С. 258.
10. Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Злотникова, Т. С. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс [Текст] / Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 255-264.
11. Звегинцев, В. А. Семасиология [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Издательство Московского университета, 1957. – С. 162.
12. Клименко, Г. В. Семантическая структура лексем «лицо» [Текст] / Г. В. Клименко // Сб. Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. – М. : Макс-Пресс, 2013. – № 9. – С. 102-103.
13. Клименко, Г. В. Языковые оценки лица человека в современном русском языке [Текст] / Г. В. Клименко // Преподавание, изучение и усвоение иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования. Материалы Междунар. конф. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2018. – С. 115-121.
14. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. [Текст] / Б. И. Кононенко. – М. : Вече, 2003. – 512 с.
15. Купер, Дж. Энциклопедия символов. Серия «Символы» [Текст] / Дж. Купер. – М. : Издательство Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995. – С. 6.
16. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистического искусства [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – С. 47-48.
17. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
18. Никитин, В. М. Лексическое значение слова [Текст] : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – С. 48.
19. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 [Текст] / Ю. Н. Караулов и др. – М. : Астрель, 2002. – 784 с.
20. Словарь русского языка в 4-х томах : Т. 2 [Текст]. – М. : Русский язык, 1999. – 736 с.
21. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка (в 3-х томах) Т. 2 (ч. 1) [Текст] / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – 852 с.
22. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 742 с.
23. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1985. – 138 с.
24. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М. : Изд-во Моск. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1999. – 227 с.
25. Dictionnaire de la langue française. – Larousse, 1994. – Paris. – 2109 p.
26. Klimenko, G. V. Linguocultural and Cross-cultural Components in the Structure of the World / G. V. Klimenko. – International Journal of Language and Linguistics. – Vol. 6. – № 1. – 2018. – P. 20-23. – URL: <http://journaloflanguage.org/about>
27. Le Petite Larousse. [Text] – Larousse, 2009, Paris. – 1814 p.
28. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Eleventh Edition. 2019, Merriam-Webster Incorporated. – URL: www.merriam-webster.com
29. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary of the English Language unabridged, volume 1. – Enciclopedia Britannica. inc. Merriam-Webster, 1993. – 1565 p.

Reference List

1. Aleksandrova, Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka = Dictionary of synonyms of the Russian language [Текст] / Z. E. Aleksandrova. – М. : Russkij jazyk. Media, 2006. – 564 s.
2. Antologija konceptov. Ch. 1 = Anthology of concepts. Part 1 [Текст]. – Volgograd : «Paradigma», 2005. – 347 s.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика = Chosen works. V. 1. Lexical semantics [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
4. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 9 = Big academic dictionary of the Russian language. V. 9 [Текст]. – М.–СПб. : Nauka, 2007. – 659 s.
5. Vezhbickaja, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Knowledge [Текст] / A. Vezhbickaja. – М. : Russkie slovary, 1996. – 416 s.
6. Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. Jazyk i kul'tura = Language and culture [Текст] / E. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. – М. : Indrik, 2005. – 1083 s.
7. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография = Chosen works. Lexicology and lexicography [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
8. Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. Telesnyj kod russ-

koj kul'tury: materialy k slovarju = Body code of Russian culture: materials to the dictionary [Tekst] / D. B. Gudkov, M. L. Kovshova. – M. : Gnozis, 2007. – 288s.

9. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. T. 2 = An defining dictionary of the living Great Russian language. V. 2 [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : Drofa, Russkij jazyk. Media, 2011. – S. 258.

10. Erohina, T. I., Letina, N. N., Zlotnikova, T. S. Sfery i urovni massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Spheres and levels of popular culture: Russian discourse [Tekst] / T. I. Erohina, N. N. Letina, T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 255-264.

11. Zvegincev, V. A. Semasiologija = Semasiology [Tekst] / V. A. Zvegincev. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957. – S. 162.

12. Klimenko, G. V. Semantičeskaja struktura leksemy «lico» = Semantic structure of the lexeme “face” [Tekst] / G. V. Klimenko // Sb. Jazyk. Literatura. Kul'tura: Aktual'nye problemy izučeniya i prepodavanija. – M. : Maks-Press, 2013. – № 9. – S. 102-103.

13. Klimenko, G. V. Jazykovye ocenki lica čeloveka v sovremennom russskom jazyke = Language assessments of a person's face in modern Russian [Tekst] / G. V. Klimenko // Prepodavanie, izučenie i usvoenie inostrannogo jazyka v kontekste realizacii sredovoj modeli obrazovanija. Materialy Mezhdunar. konf. – M. : Mosk.ped.gos.un-t, 2018. – S. 115-121.

14. Kononenko, B. I. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii = Great defining dictionary on culturology [Tekst] / B. I. Kononenko. – M. : Veche, 2003. – 512 s.

15. Kuper, Dzh. Jenciklopedija simvolov. Serija «Simvolj» = Encyclopedia of symbols. Series «Symbols» [Tekst] / Dzh. Kuper. – M. : Izdatel'stvo Asociacija duhovnogo edinenija «Zolotoj vek», 1995. – S. 6.

16. Losev, A. F. Problema simvola i realističeskogo iskusstva = The problem of symbol and realistic art [Tekst] / A. F. Losev. – M. : Iskusstvo, 1995. – S. 47-48.

17. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. Tolkovyj slovar' russskogo jazyka = Russian language defining dictionary [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 1999. – 944 s.

18. Nikitin, V. M. Leksicheskoje značenie slova = Lexical meaning of a word [Tekst] : učebl. posobie / M. V. Nikitin. – M. : Vysshaja škola, 1983. – S. 48.

19. Russkij asociativnyj slovar'. Kn. 1 = Russian associative dictionary. Book. 1 [Tekst] / Ju. N. Karaulov i dr. – M. : Astrel', 2002. – 784 s.

20. Slovar' russskogo jazyka v 4-h tomah : T. 2 = Dictionary of the Russian language in 4 volumes: V. 2 [Tekst]. – M. : Russkij jazyk, 1999. – 736 s.

21. Sreznevskij, I. I. Slovar' drevnerussskogo jazyka (v 3-h tomah) T. 2 (ch. 1) = The dictionary of Old Russian language (in 3 volumes) V. 2 (Part 1) [Tekst] / I. I. Sreznevskij. – M. : Kniga, 1989. – 852 s.

22. Stepanov, Ju. S. Konstanty. Slovar' russskoj kul'tury = Constants. Dictionary of Russian culture [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – M. : Akademičeskij proekt, 2004. – 742 s.

23. Sternin, I. A. Leksicheskoje značenie slova v reči = Lexical meaning of a word in speech [Tekst] / I. A. Sternin. – Voronežh : Izd.-vo Voronežskogo universiteta, 1985. – 138 s.

24. Jetimologičeskij slovar' russskogo jazyka = Etymological dictionary of Russian [Tekst]. – M. : Izd.-vo Mosk. un-ta im. M. V. Lomonosova, 1999. – 227 s.

25. Dictionnaire de la langue française. – Larousse, 1994. – Paris. – 2109 p.

26. Klimenko, G. V. Linguocultural and Cross-cultural Components in the Structure of the World / G. V. Klimenko. – International Journal of Language and Linguistics. – Vol. 6. – № 1. – 2018. – P. 20-23. – URL: <http://journaloflanguage.org/about>

27. Le Petite Larousse. – Larousse, 2009, Paris. – 1814 p.

28. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Eleventh Edition. 2019, Merriam-Webster Incorporated. – URL: www.merriam-webster.com

29. Webster's Ninth New Collegiate Dictionary of the English Language unabridged, volume 1. – Enciclopedia Britannica.inc.Merriam-Webster, 1993. – 1565 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10613

УДК 304.4

Э. В. Круглова

<https://orcid.org/0000-0002-0746-3310>

О. Н. Астафьева

<https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

Принципы и методы управления проектами в социально-культурной сфере

Важность освоения социокультурного проектирования продиктована тем, что данные знания имеют обширную сферу применения для всех направлений социокультурных профессий. Также, знания логики и технологий социокультурного проектирования даст возможность специалистам наиболее качественно реализовывать аналитические, организационно-управленческие и консультационно-методические функции в социально-культурной сфере. Проектные технологии гарантируют конкурентоспособность учреждения. Из чего следует, что успешная деятельность учреждения во многом зависит от знания специалиста социально-культурной сферы технологии социокультурного проектирования, содержание которой включает грамотный анализ текущей ситуации, разработка и реализация проектов и программ, улучшающих главные элементы человеческой жизнедеятельности. Достижение успехов в развитии учреждения в условиях рыночной экономики взаимосвязано с процессом долгосрочного проектирования. В нынешней ситуации все чаще учреждения социокультурной направленности понимают потребность в осознанном инновационном управлении проектной деятельностью на основе научных методов прогноза ее направлений и форм, трансформации к общим целям развития учреждения и меняющимся условиям внешней инвестиционного климата.

В статье систематизируются и анализируются принципы и методы социокультурного проектирования, которые раскрывают общие и отличительные черты проектов, пути и способы достижения поставленных в ходе их реализации целей. В работе утверждается, что для успешного проекта необходимо определение перечня основополагающих принципов в зависимости от специфики проектирования. Для социокультурного проекта таковыми являются следующие принципы: «критического порога модификации», оптимизации «зоны ближайшего развития» личности, персонифицированности процесса и результатов социокультурного проектирования, оптимальной ориентации на сохранение и изменение социокультурных процессов, проблемно-целевой ориентации. Принципы социокультурного проектирования формируют понимание как управлять развитием проекта, а также стиль управления и нравственную составляющую разрабатываемых проектов, программ, т. е. гарантируют ценностно-ориентационный уровень проектирования, что определяется набором необходимых методов управления. В процедуре социокультурного проектирования чаще всего используются следующие методы: метод матрицы идей, метод вживания в роль, метод аналогии, метод ассоциации, метод мозгового штурма, метод синектики.

Ключевые слова: социокультурное проектирование, социокультурный проект, социально-культурная сфера, принципы управления, методы управления, эффективность управления, региональное проектирование, культурные ценности.

E. V. Kruglova, O. N. Astafieva

Principles and methods of project management in the socio-cultural sphere

The importance of mastering the foundations of socio-cultural design is dictated by the fact that this knowledge has an extensive scope for all areas of socio-cultural professions. Also, knowledge of the logic and technologies of socio-cultural design will enable specialists to most efficiently implement analytical, organizational, managerial and consulting-methodological functions in the socio-cultural sphere. Design technology ensures the competitiveness of the institution. From which it follows that the success of an institution depends largely on the knowledge of a specialist in the socio-cultural sphere of sociocultural design technology, the content of which includes a competent analysis of the current situation, development and implementation of projects and programs that improve the main elements of human life. Achieving success in the development of an institution in market economy is interconnected with the long-term design process. In the current situation, socio-cultural institutions are increasingly recognizing the need for conscious innovative management of project activities based on scientific methods for predicting its directions and forms, transformation to the general goals of the institution's development and the changing conditions of the external investment climate.

The article systematizes and analyzes the principles and methods of socio-cultural design, which reveal the general and distinctive features of projects, ways and means of achieving the goals set during their implementation. The paper states that for a successful project it is necessary to determine the list of fundamental principles depending on the specifics of the design. For a sociocultural project, these are the following principles: the «critical threshold of modification», the optimization of the «zone of proximal development» of the individual, the personification of the process and the results of sociocultural design, the optimal orientation toward the preservation and change of sociocultural processes, and the problem-target orientation. The principles of sociocultural design form understanding of how to manage the development of the project, as well as the management style and moral component of the developed projects, programs, guarantee a value-orientational level of design, which is determined by the set of necessary management methods. The following methods are most often used in the process of sociocultural design: the matrix of ideas method, the method of getting used to the role, the analogy method, the association method, the brainstorming method, the synergetics method.

Keywords: sociocultural design, sociocultural project, socio-cultural sphere, management principles, management methods, management efficiency, regional design, cultural values.

Принципы управления проектами в социально-культурной сфере на первый взгляд не отличаются от аналогичных принципов в иных сферах: доход от вложенных инвестиций, адресность вложений, измеримость, выгодность, уникальность [6]. Однако при углубленном анализе ряда проектов можно выделить отдельные принципы, которые прямо или опосредованно указывают на принадлежность к социально-культурной сфере. К ним относятся – разработка условий, способствующих творческому саморазвитию субъекта (личности, общности, общества в целом) посредством решения или предупреждения проблем, характеризующих неблагоприятные обстоятельства его жизнедеятельности; корректируемость социокультурных процессов и оценка социально значимых последствий такой модификации; оптимальная ориентация на сохранение и изменение социокультурных процессов; персонифицированность процесса и результатов социокультурного проектирования. Таким образом, можно говорить о целевой ориентации социокультурных проектов и программ на решение различного рода проблем, носителями которых является личность, социальная группа, определенная территория или регион, общество в целом [16].

Разработка и реализация проектов такого типа связана с необходимостью обращения к инструментам и методикам их использования, адекватным исходным условиям проектирования. С учетом ориентации на достижение социокультурных целей к числу первостепенных принципов проектирования относятся:

1. Принцип «критического порога модификации», предполагающий учет границ и возможностей управляемости объекта проектирования (который одновременно является субъектом самоорганизации и саморазвития), степени корректируе-

мости социокультурных процессов и оценку социально значимых последствий такой модификации.

В основе этого принципа заложена идея, определяющая пределы вмешательства в работу антропо-социо-культурных систем: любая суперсверхсложная система (подобно личности) предположительно включает в себя некое множество вариантов развития, соответствующих ее природе [3]. Исходя из этого, вторжение в систему ограничивается возможными вариантами ее развития, поэтому прогнозировать варианты развития, не следующие из внутренней логики самой системы, весьма проблематично. Важно понимать тенденции и возможные траектории, способы саморазвития системы и помогать их раскрытию [4].

Этот принцип в нынешней ситуации видится более результативным, так как его использование позволит в наибольшей степени воспроизвести энергию саморазвития культуры, поставить в рамки возможности административного и некомпетентного вторжения в культурную жизнь. На практике он означает предоставление субъектам социокультурного развития наибольшей организационно-правовой самостоятельности, отказ от идеи насаждаемого изменения, приводящей к уничтожению – человека, природы, мира, но основное – создание оснований для саморазвития и самоорганизации субъекта социально-культурной жизни [8].

2. Принцип оптимизации «зоны ближайшего развития» личности – социально-культурной среды ее обитания.

Основная целевая направленность проектирования заключается в создании условий, благоприятствующих саморазвитию социально-культурного субъекта (личности, общности, общества в целом) с помощью решения или профи-

лактики проблем, указывающих на неблагоприятные обстоятельства его жизнедеятельности. Исходя из этого, важной задачей содержательной части проекта становится качественное развитие непосредственной среды обитания человека, предоставление таких социальных условий, которые были бы направлены на личностный творческий рост. Известно, что полнота индивидуальности определяется наличием многообразных социально-культурных возможностей, которые служат формой востребования личностного потенциала. И это вполне закономерно, ибо лишь творческая самобытность, индивидуальность, востребованная обществом, гарантирует «приращение» и накопление культурных ценностей, их сохранение и развитие [18].

Под социально-культурной средой нужно понимать всю совокупность социальных и духовных факторов и условий, в которых находится человек на протяжении его жизнедеятельности. Внимание на улучшение социально-культурной среды обитания обусловлено тем обстоятельством, что она является основой фактора, определяющим человеческие ценности, нормы, идеалы и т. д. (вместе с семейно-бытовой и общеидеологической направленностью общества) [11].

3. Принцип персонифицированности процесса и результатов социально-культурного проектирования. Вариативность идей и проектов, создающая условия для свободного самовоплощения, самореализации человека посредством культурной деятельности. Фундаментом поведения человека в поле проекта должна стать его внутренне детерминированная самостоятельная творческая активность. Самореализация личности, перевод общественных ценностей в личные невозможен без самостоятельности человека, его встречной активности по усвоению общественных норм и идеалов. Мало знать, что есть добро, справедливость, милосердие – каждому человеку надо как бы заново открыть эти ценности для себя в процессе духовного самостроительства, надо осуществлять эти ценности в условиях повседневности [18].

Принцип персонифицированности процесса и результатов социокультурного проектирования выстраивается на понимании культуры как ценного духовного мира, наполненного весомыми для человека образами, смыслами, идеями, ценностями, на восприятии задач развития культуры как определенного разногласия между имеющейся и желаемой системами ценностей (которые утрачены и которые нужно возродить) [12]. Важно при этом культурную норму видеть в тесной связи с ее об-

ладателем – образом определенной личности (исторического деятеля, современника), которая становится по отношению к аудитории проекта примером, задающим идеал личностного роста, способы решения ситуационной задачи. По опыту регионального проектирования можно увидеть, что в успехе реализации различных проектов лежит, как минимум, два фактора: наличие идеи, весомой для выделенной группы населения и ее персонализированной проекцией – деятелем, являющимся ее носителем [14].

Персонифицированность – это ценностный вклад создателя программы (и субъекта культурной политики) к рассматриваемым и проектируемым процессам – ощущение себя как органичного элемента целого культурного мира, отождествление с ним – с его достижениями, трудностями, проблемами.

На уровне регионального проектирования рассмотренный принцип можно воплотить с помощью разработки и реализации проектов и программ, популяризирующих исторические личности, жившие в данном месте, рекламирующих ныне живущих людей, развивающих и определяющих особенность территории [10].

4. Принцип оптимальной ориентации на сохранение и изменение социально-культурных процессов (т. е. пропорции традиционных и инновационных систем и способов культурного развития).

Лучшее соотношение между процессами использования культурного наследия (т. е. востребованности уже существующих в культуре или существовавших ранее традиций, ценностей, явлений, норм, актуализации, и т. д.) и процессами культурной инновации определяет безусловное преобладание первой направленности. Тем не менее следует учитывать, что ориентация на кумуляцию (ценностей, традиций, форм жизнедеятельности и т. д.) и на обновление обеспечивает воспроизводство культуры как целостной и органичной системы, включающей на равных прошлое, настоящее и будущее [18].

Перемены и развитие – это качество цивилизации, информационно-технической культуры, но не культуры духовной, гуманитарной. Понятно, что в трактовке социокультурного проектирования особо продуктивное миропонимание – традиционно ориентированное и консервативное. Цель проектировщика (особенно федеральных и региональных программ) – при помощи проекта добиться совершенствования культурных условий жизни человека – путем сохранения, защиты и восстановления образцов культуры как единой системы духовных,

(материальных, технологических и др.) [16].

Развитие культурного пространства, особенно на региональном уровне, определяет востребованность историко-культурных ценностей, причастность их в области современных культурных процессов. Соответственно, для культурного развития в основе лежит идея наследия, сохранения, созидания. На основе этого первоочередными задачами социокультурного проектирования нужно считать поддержку тех ценностей, норм, традиций, культурных практик, которые отвечают критериям нравственности и гуманистичности многих поколений, выявляют самобытность территории и имеют возможность использоваться в качестве социокультурных основ деятельности человека и общества [2].

5. Принцип проблемно-целевой ориентации – ведущий технологический принцип социокультурного проектирования. Его разработка определяет в первую очередь точную направленность программ на урегулирование различных проблем, обладателями которых является личность, социальная группа, определенная территория или регион, общество в целом; их нацеленность на саморазвитие личностей и социальных групп, на самоощущение человека в социально-культурной сфере. На всех стадиях проектирования указанный принцип реализуется в виде экспертизы основных неудач и проблем (территории в целом, социальных групп и личностей); поиска уникальных методов и путей их решения; планирование ресурсов и финансов; привлечение всех заинтересованных субъектов социально-культурной жизни в процесс реализации проекта [6].

Организационно-управленческая основа проблемно-целевого принципа проектирования содержится в обязательном поиске соизмеримых социальных сил, заинтересованных в решении различных трудностей. И в системе культурной политики каждая группа трудностей должна иметь своего адресата (местная администрация, Министерство культуры, потенциальные спонсоры, зарубежные партнеры, СМИ и др.), готового оценить и транслировать свою позицию и решения [5].

Значение проблемно-целевого принципа проектирования сформировано: трактовкой культуры в широком социальном контексте – как той системы, которая содержит все сферы человеческой жизнедеятельности; расширением сферы культуры как объекта культурной политики и перехода к проектированию процессов развития культуры в широком понимании этого слова [13].

Вышеизложенные принципы социокультурного проектирования формируют понимание как управлять развитием проекта, а также стиль управления и нравственную составляющую разрабатываемых проектов, программ, т. е. гарантируют ценностно-ориентационный уровень проектирования. По степени их воплощения можно судить об органичности программы, мере ее созидательности или разрушительности [26].

Продвижению и развитию проекта часто мешают недоверие к смелым и уникальным идеям, желание быстрее воплотить проект, недостаточно качественно организованная система стимулирования активности. Изрядный урон наносит неудовлетворенность существующим порядком, тиражирование прежних достижений. От этого нет желания рисковать и стремится придерживаться ранее намеченному курсу [22].

Рассматривая же внутренние условия развития проекта, то тут много зависит от личности, которая управляет проектом, от его умения нестандартно и профессионально действовать, от его знаний и желания в достижении поставленных целей. Зачастую минусовые последствия появляются из-за нежелания принимать новые мысли, приверженность привычным нормам и т. д. [9].

Методы – это пути и способы достижения целей и решения задач, наиболее важных в области социального проекта [20].

В процедуре социокультурного проектирования чаще всего используются следующие методы: метод матрицы идей, метод вживания в роль, метод аналогии, метод ассоциации, метод мозгового штурма, метод синектики [23].

1. Метод матрицы идей – когда на основе нескольких независимых вариаций составляются различные макеты решений. Обычно разработка социального проекта зависит от сроков, в пределах которых требуется осуществить замысел, от сложности и первоочередности поставленных задач, а также от материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Просчитывая варианты, можно определить наиболее качественный путь осуществления проекта в данных условиях. Этот важный прием используют, как правило, при ограниченных ресурсах.

2. Методика вживания в роль помогает получить более точное представление о том, что нужно сделать в процессе проектирования. Это не просто заглядывание в проектируемое будущее, а стремление глубже понять, как будет реализован проект. Сегодня любая проблема требует учета интересов и желаний людей, а это лучше достигается, когда

проектировщик внимательно изучает условия, в которых протекает процесс.

3. Метод аналогии является общенаучным и логическим методом, с помощью которого на основе подобия, сходства предметов в каких-либо свойствах, признаках или отношениях формулируется предположение (прогноз) о наличии указанных свойств, признаков или отношений у явления, которое выступает объектом проектирования. Аналогия может быть простая, распространенная, строгая и нестрогая. Утверждение (прогноз и проектирование) по аналогии является более достоверным, если принимаются в расчет следующие обстоятельства:

– чем больше известно общих признаков у сравниваемых предметов, тем выше степень вероятности вывода по аналогии;

– чем существеннее найденные общие признаки у сравниваемых предметов, тем выше степень вероятности;

– чем глубже познана взаимная закономерная связь сравниваемых предметов, тем выше степень вероятности [25].

4. Метод ассоциации. При подготовке проекта нередко возникает необходимость принять новое решение, которое вызвано неудовлетворенностью существующей практикой. В связи с этим встает вопрос, как улучшить положение, найти более рациональный и эффективный способ управления? С учетом накопленных знаний разрабатываются подходы, которые позволяют серьезно видоизменить объект воздействия, т. е. затрагиваются не только формы, но и существенные содержательные элементы. Метод ассоциации предусматривает сочетание приемов приспособления, модификации и полной реорганизации.

5. Метод мозгового штурма – связана с генерацией идей, с их равноправной конкуренцией, с возможностью сопоставления. Она осуществляется посредством коммуникативного взаимодействия, в котором обсуждаются различные проекты, осуществляются оценки, экспертиза фактов, полемика мнений [19].

6. Методика синектики. Согласно данной методике несколько предложенных идей рассматриваются отдельно друг от друга, а потом между ними устанавливается определенная взаимосвязь и взаимозависимость.

Подводя итог нужно подчеркнуть, что принципы и методы реализации проекта в социально-культурной сфере не отличаются от сходных принципов и методов в других сферах, но имеют свои особенности. Особенностью реализации

проектов в социально-культурной сфере является высокая интеллектуальная основа и творческая направленность. Определение качества реализации проектов в социально-культурной сфере с помощью экономических показателей не всегда отражает реальную картину эффективности его исполнения [15].

В будущем социокультурные проекты будут тесно связаны с воспроизводством, закреплением социальных норм, в основе которых, российские ценности [1]. Эффективность мер управления в области культуры будут оцениваться на основе социологических, статистических и экспертных данных, доказывающих положительное социальное влияние культуры на укоренение в российском обществе социальных норм и традиционных российских ценностей, включая рост подобных ценностей в мироощущении граждан России; включенность образов наследия и исторической памяти в образовательную, профессиональную, творческую деятельность; улучшение социально-демографических параметров; сохранение единого культурного пространства, достижение национального единства, согласия, сплоченности и солидарности [17].

Библиографический список

1. Астафьева, О. Н., Шлыкова, О. В., Горушкина, С. Н., Усачева, О. Ю., Коротева, О. В., Калмыков, Н. Н. Социокультурная политика [Текст] // Перспективы социально-экономического развития Российской Федерации: Аналитический доклад под ред. Н. Н. Калмыкова. – М.: Изд. дом «Дело», 2017. – С. 156-170.
2. Астафьева, О. Н., Горушкина, С. Н. Инфраструктура культуры локальных территорий и место проектной деятельности в ее развитии [Текст] // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: сборник научных статей / под ред. Ю. М. Резника, Н. И. Мироновой. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. – С. 102-118.
3. Астафьева, О. Н. Культура как самоорганизующаяся система: синергетическая концепция [Текст] / О. Н. Астафьева и др. // Теория культуры: разнообразие подходов и возможности интерпретации: монография / под общ. ред. Ю. М. Резника. – М.: Научно-политическая книга, 2012. – С. 5-150.
4. Антропова, Ю. Ю. Проектное управление [Текст] / Ю. Ю. Антропова // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия Философия. Социология. Культурология. – 2009. – № 11 (149). – С. 164-168.
5. Барциц, И. Н. Система государственного и муниципального управления: курс лекций: в 2-х т.: Т. 1 [Текст] / И. Н. Барциц. – М.: РАНХиГС, 2019. – 511 с.
6. Берестова, Л. И. Основы технологии социально-

го прогнозирования и проектирования [Текст] : учебное пособие / Л. И. Берестова. – 2-е изд. – М. : Юриспруденция, 2015. – 103 с.

7. Грашина, М. Н., Дункан, В. Р. Основы управления проектами [Текст] / М. Н. Грашина, В. Р. Дункан. – 2-е издание. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. – 238 с.

8. Ивантер, В. В. Культура должна стать составной частью любого проекта [Текст] // Культура и экономика: поиск новых моделей взаимодействия / под ред. О. Н. Астафьевой, Н. Левичева, Е. В. Никоновой. – М. : Ключ-С, 2007. – С. 14-22.

9. Козлова, Т. В. Социально-культурное проектирование: от идеи до реализации [Текст] / Т. В. Козлова. – М., 2007. – 136 с.

10. Кокорина, К. А. Социокультурное проектирование в системе разработки и реализации региональной культурной политики [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2. – С. 141-143. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18955527>

11. Курбатов, В. И. Социальное проектирование [Текст] : учебное пособие / В. И. Курбатов, О. В. Курбатова. – М. : Изд-во Феникс, 2001. – 416 с.

12. Луков, В. А. Социальное проектирование [Текст] / В. А. Луков. – М. : Изд-во Флинта, 2007. – 397 с.

13. Лукс, Г. А. Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике [Текст] / Г. А. Лукс. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2009. – 278 с.

14. Марков, А. П. Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность [Текст] / А. П. Марков. – СПб. : СПбГУП, 2005. – 398 с.

15. Орлова, Э. А. Эффективные социокультурные программы и проекты [Электронный ресурс] / Э. А. Орлова. – М. : ГАСК, 2015. – 343 с. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=419>.

16. Основы управления проектами [Текст] : учебное пособие: допущено Советом УМО по образованию... по специальности «Менеджмент организации» // Управление командой проекта / В. В. Алесковский, А. А. Козырев, Ю. Г. Слуцкая; под ред. Н. А. Тарасова. – СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011. – 287 с.

17. Социокультурное проектирование: региональные подходы и практики: сборник статей и материалов по итогам Всероссийского образовательного проекта «Школы директора» [Текст] / сост. и общ. ред. О. Н. Астафьевой, Н. В. Клещевой, О. В. Шлыковой. – Вып. 2. – Екатеринбург : ИРА УИК, 2016. – 219 с.

18. Тощенко, Ж. Т. Социология [Текст] / Ж. Т. Тощенко. – М. : Изд-во «Юрайт», 2004. – 527 с.

19. Тульчинский, Г. Л. PR в сфере культуры [Текст] : учебное пособие / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : Лань : Планета музыки, печ. 2011. – 571 с.

20. Тульчинский, Г. Л. Маркетинг в сфере культуры [Текст] : учебное пособие / Г. Л. Тульчинский, Е. Л. Шекова. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2009. – 495 с.

21. Тульчинский, Г. Л., Шекова, Е. Л. Маркетинг в сфере культуры [Текст] / Г. Л. Тульчинский, Е. Л. Шекова. – СПб. : Изд-во «Лань», 2009. – 496 с.

22. Управление проектами [Текст] : учебное пособие: допущено М-вом образования и науки Российской Федерации для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» / И. И. Мазур и др.; под общ. ред. И. И. Мазура и В. Д. Шапиро. – 9-е издание, стереотипное. – М. : Омега-Л, 2013. – 960 с.

23. Управление проектами. Основы профессиональных знаний. Национальные требования к компетенции специалистов [Текст]. – М. : Изд-во «Консалтинговое Агентство „КУБС Групп – Кооперация, Бизнес-Сервис“», 2001.

24. Шахназаров, М. П. Инвестиции: ситуация и перспективы [Текст] / М. П. Шахназаров. – М. : Изд-во «Экономист», 2001. – С. 56-61.

Reference List

1. Astafeva, O. N., Shlykova, O. V., Gorushkina, S. N., Usacheva, O. Ju., Koroteeva, O. V., Kalmykov, N. N. Sociokul'turnaja politika = Sociocultural policy [Tekst] // Perspektivy social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii: Analiticheskij doklad pod red. N. N. Kalmykova. – M. : Izd. dom «Delo», 2017. – S. 156-170.

2. Astafeva, O. N., Gorushkina, S. N. Infrastruktura kul'tury lokal'nyh territorij i mesto proektnoj dejatel'nosti v ee razvitii = Infrastructure of local territory culture and place of project activity in its development [Tekst] // Mestnye soobshhestva: problemy sociokul'turnogo razvitiya: sbornik nauchnyh statej / pod red. Ju. M. Reznika, N. I. Mironovoj. – M. : Nezavisimyj institut grazhdanskogo obshhestva, 2010. – S. 102-118.

3. Astafeva, O. N. Kul'tura kak samoorganizujushhajasja sistema: sinergeticheskaja koncepcija = Culture as a self-organizing system: a synergistic concept [Tekst] / O. N. Astafeva i dr. // Teorija kul'tury: raznoobrazie podhodov i vozmozhnosti interpretacii: monografija / pod obshh. red. Ju. M. Reznika. – M. : Nauchno-politicheskaja kniga, 2012. – S. 5-150.

4. Antropova, Ju. Ju. Proektnoe upravlenie = Project management [Tekst] / Ju. Ju. Antropova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Serija Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. – 2009. – № 11 (149). – S. 164-168.

5. Barcic, I. N. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija: kurs lekcij: v 2-h t. : T. 1 = System of state and municipal administration: course of lectures: in 2 vol.: V. 1 [Tekst] / I. N. Barcic. – M. : RANHiGS, 2019. – 511 s.

6. Berestova, L. I. Osnovy tehnologii social'nogo prognozirovaniya i proektirovaniya = Basics of social forecasting and design technology [Tekst] : uchebnoe

posobie / L. I. Berestova. – 2- izd. – M. : Jurisprudencija, 2015. – 103 s.

7. Grashina, M. N., Duncan, V. R. Osnovy upravlenija proektami = Bases of project management [Tekst] / M. N. Grashina, V. R. Duncan. – 2-e izdanie. – M. : BINOM. Laboratorija znaniy, 2011. – 238 s.

8. Ivanter, V. V. Kul'tura dolzhna stat' sostavnoj chast'ju ljubogo proekta = Culture should be an integral part of any project [Tekst] // Kul'tura i jekonomika: poisk novyh modelej vzaimodejstvija. – M. : Kljuch-S, 2007. – S. 14-22.

9. Kozlova, T. V. Social'no-kul'turnoe proektirovanie: ot idei do realizacii = Social and cultural design: from idea to realization [Tekst] / T. V. Kozlova. – M., 2007. – 136 s.

10. Kokorina, K. A. Sociokul'turnoe proektirovanie v sisteme razrabotki i realizacii regional'noj kul'turnoj politiki = Socio-cultural design in the system of development and implementation of regional cultural policy [Jelektronnyj resurs] // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – 2013. – № 2. – S. 141-143. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18955527>

11. Kurbatov, V. I. Social'noe proektirovanie = Social design [Tekst] : uchebnoe posobie / V. I. Kurbatov, O. V. Kurbatova. – M. : Izd-vo Feniks, 2001. – 416 s.

12. Lukov, V. A. Social'noe proektirovanie = Social design [Tekst] / V. A. Lukov. – M. : Izd-vo Flinta, 2007. – 397 s.

13. Luks, G. A. Social'noe innovacionnoe proektirovanie v regional'noj molodjozhnoj politike = Social innovation design in regional youth policy [Tekst] / G. A. Luks. – Samara : Izd-vo «Samarskij universitet», 2009. – 278 s.

14. Markov, A. P. Proektirovanie marketingovyh kommunikacij. Reklamnye tehnologii. Svjazi s obshhestvennost'ju. Sponsorskaja dejatel'nost' = Marketing communications design. Advertising technology. Public relations. Sponsorship activities [Tekst] / A. P. Markov. – SPb. : SPbGUP, 2005. – 398 s.

15. Orlova, Je. A. Jefferktivnye sociokul'turnye programmy i proekty = Effective socio-cultural programmes and projects [Jelektronnyj resurs] / Je. A. Orlova. – M. : GASK, 2015. – 343 s. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=419>.

16. Osnovy upravlenija proektami = Basics of project management [Tekst] : uchebnoe posobie: dopushheno Sovetom UMO po obrazovaniju... po special'nosti «Menedzhment organizacii» // Upravlenie komandoj

proekta / V. V. Aleskovskij, A. A. Kozyrev, Ju. G. Sluckaja; pod red. N. A. Tarasova. – SPb. : Izd-vo SZAGS, 2011. – 287 s.

17. Sociokul'turnoe proektirovanie: regional'nye podhody i praktiki: sbornik statej i materialov po itogam Vserossijskogo obrazovatel'nogo proekta «Shkoly direktora» = Socio-cultural design: regional approaches and practices: collection of articles and materials on the results of the All-Russian educational project «School of the Headmaster» [Tekst] / sost. i obshh. red O. N. Astafevoj, N. V. Kleshhevoj, O. V. Shlykovej. – Vyp. 2. – Ekaterinburg : IRA UIK, 2016. – 219 s.

18. Toshhenko, Zh. T. Sociologija = Sociology [Tekst] / Zh. T. Toshhenko. – M. : Izd-vo «Jurajt», 2004. – 527 s.

19. Tul'chinskij, G. L. PR v sfere kul'tury = PR in culture [Tekst] : uchebnoe posobie / G. L. Tul'chinskij. – SPb. : Lan' : Planeta muzyki, pech. 2011. – 571 s.

20. Tul'chinskij, G. L. Marketing v sfere kul'tury = Culture marketing [Tekst] : uchebnoe posobie / G. L. Tul'chinskij, E. L. Shekova. – SPb. : Lan' : Planeta muzyki, 2009. – 495 s.

21. Tul'chinskij, G. L., Shekova, E. L. Marketing v sfere kul'tury = Culture marketing [Tekst] / G. L. Tul'chinskij, E. L. Shekova. – SPb. : Izd-vo «Lan'», 2009. – 496 s.

22. Upravlenie proektami = Project management [Tekst] : uchebnoe posobie: dopushheno M-vom obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii dlja studentov, obuchajushhihsja po special'nosti «Menedzhment organizacii» / I. I. Mazur i dr.; pod obshh. red. I. I. Mazura i V. D. Shapiro. – 9-e izdanie, stereotipnoe. – M. : Omega-L, 2013. – 960 s.

23. Upravlenie proektami. Osnovy professional'nyh znaniy. Nacional'nye trebovanija k kompetencii specialistov = Project management. Basics of professional knowledge. National competency requirements [Tekst]. – M. : Izd-vo «Konsaltingovoe Agentstvo „KUBS Grupp – Kooperacija, Biznes-Servis», 2001.

24. Shahnazarov, M. P. Investicii: situacija i perspektivy = Investment: situation and prospects [Tekst] / M. P. Shahnazarov. – M. : Izd-vo «Jekonomist», 2001. – S. 56-61.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10614

УДК 008

Н. Н. Летина

<https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Н. А. Ежгурова

<https://orcid.org/0000-0003-1984-8012>

Исполнительские парадигмы музыкального фольклора в современной массовой отечественной культуре

Проблема предлагаемого исследования связана с изучением исполнительских парадигм музыкальных фольклорных традиций в современной отечественной массовой культуре. Актуальное бытование фольклорных традиций в ситуации доминирования массовой культуры носит кризисный характер, подвержено постоянной модернизирующей трансформации, адаптирующей традицию к возможностям современной аудитории и культуры. Важным контекстуальным аспектом актуальности исследования является поддержание национальной культурной идентичности в условиях глобализации, значимым фактором которого становится актуализация национальной культуры, закрепленная как одна из задач отечественной культурной политики. Актуальность собственно проблемного поля определяется необходимостью осознанного изучения современного состояния музыкального фольклора в отечественной культуре как условия сохранения, накопления и передачи знания музыкальных традиций отечественной культуры. В статье выявлены и охарактеризованы репрезентативные для отечественной массовой культуры исполнительские парадигмы актуализации музыкальных фольклорных традиций, а именно творческая реконструкция, иронический и пародийный дискурс, экстраполяция музыкального фольклора в академическую музыку.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, исполнительская парадигма, трансформация фольклорных традиций, массовая культура, современная отечественная культура.

N. N. Liotina, N. A. Ezhgurova

Performing paradigms of musical folklore in modern popular national culture

The problem of the proposed study is related to the study of performing paradigm of musical folklore traditions in modern national popular culture. The current existence of folklore traditions in the situation of dominance of popular culture is of a crisis nature, subject to constant modernizing transformation, adapting the tradition to the possibilities of modern audience and culture. An important contextual aspect of the relevance of the study is the maintenance of national cultural identity in the context of globalization, a significant factor of which is the mainstreaming of national culture, which is enshrined as one of the tasks of national cultural policy. The relevance of the problem field is determined by the need for informed study of the modern state of musical folklore in the national culture as a condition of preservation, accumulation and transfer of knowledge of musical traditions of the national culture. The article identifies and characterizes the performing paradigm of updating musical folklore traditions representative for the national popular culture, and the name-making reconstruction, ironic and parodic discourse, extrapolation of musical folklore into academic music.

Keywords: musical folklore, performing paradigm, transformation of folklore traditions, popular culture, modern national culture.

Введение

Теория фольклора, теория и история отечественных фольклорных традиций разработана в классических трудах А. Н. Афанасьева [2], А. Н. Веселовского [5], В. Я. Проппа [21], и развивается в современной науке в исследованиях В. П. Аникина [1], А. С. Каргина [12]. Вопросы фольклорного музыковедения от-refлексированы в исследованиях И. И. Земцовского [9], а в рамках

изучения фольклорных традиций в современных условиях наиболее важными являются труды таких исследователей, как: Е. А. Каминская [11], Н. Г. Михайлова [19], И. В. Пчеловодова [22], Е. А. Татаринцева [23], Н. А. Ежгурова [24]. Существует обширный комплекс исследований массовой культуры, как ставшие классическими мировые фундаментальные исследования массовой культуры (Д. Белл, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет),

так и культурологически и искусствоведчески сфокусированные работы Д. Ю. Густяковой [6], Т. С. Злотниковой [17], Т. И. Ерохиной [13], А. В. Костиной [14], Н. Н. Летиной [7].

В современной культурологии механизмам сохранения, возрождения традиционного фольклора уделяется значительное место в научных, научно-популярных работах. Однако проблемы его актуализации оказываются в меньшей степени затронуты как учёными, так и практиками. Не было обнаружено трудов, направленных на изучение современных фольклорных исполнителей, и в этом отношении данная работа является инновационной.

В ходе изучения музыкально-стилистической и исполнительской ситуации в современном фольклорном пространстве выявлены основные исполнительские парадигмы музыкальных фольклорных традиций в современной массовой культуре на материале опыта известных отечественных исполнителей – Пелагеи, Нейромонаха Феофана, Ирины Леоновой.

Творческая реконструкция музыкального фольклора

Первую исполнительскую парадигму бытования музыкального фольклора в современной отечественной массовой культуре мы определяем как творческую реконструкцию, посредством которой осуществляется творческое переосмысление фольклора при корректной передаче его смыслов и ценностей. Репрезентативным опытом подобной творческой реконструкции является музыкальная деятельность группы «Пелагея» (солистка и основательница П. С. Телегина (Ханова)).

Творческий опыт певицы и группы «Пелагея» носит рубежный, пограничный характер между андеграундом и популярной музыкой.

Пелагея, используя элементы культуры прошлого в собственных авторских композициях и стилизациях, зачастую органично синтезирует старинные плачи, казачьи песни, духовные стихи с приемами современной музыки, используя при этом народную манеру вокального исполнения. В ее вокальном арсенале – применение таких традиционных народных приемов, как «гукание», «спады», «огласовка согласных», а также использование диалектного пения в инструментальном обрамлении рок-музыки.

На ранних этапах своего творчества Пелагея исполняла главным образом аутентичные русские народные песни. Позднее репертуар оказался расширен за счет стилизованных под народные авторских композиций и романсов. Несмотря на

то, что стилистический диапазон репертуара Пелагеи оказывается достаточно большим и разнообразным, присутствие фольклора в нем – несомненная константа и эмоционально окрашенная стилистическая доминанта, аранжированная в направлении фолк-рока.

Ранее мы уже писали, что «наиболее выгодным оформлением для фольклорной песни Пелагеи считает стиль рок, а точнее рок-баллады» [15]. В мире фолк-рок активно развивается с середины 1960-х [28], а в Россию проникает еще в советский период – в конце 60-х, начале 70-х XX века, первые эксперименты были предприняты ВИА «Песняры», «Ариэль», солисткой «Добры молодцы» Жанной Бичевской и др. На данный момент в отечественной музыкальной культуре присутствует множество коллективов и исполнителей в стилистике фолк-рока. Ряд из них (Инна Желанная, группа «Мельница», Хелависа, «Калинов мост») имеют, скорее, андеграундную идентичность. Музыка Пелагеи более доступна для восприятия массовой аудитории, она носит переходный характер, гармонично балансируя между аутентичным, традиционным и модернизированным, популярным.

Для творчества Пелагеи в отношении музыкального фольклора не чужд и культурно-просветительский пафос, она осознанно ставит и реализует задачу актуализировать фольклорную музыку для молодежной аудитории, сделать ее модной [4]. Показательно в этом плане участие Пелагеи в медийных акциях и проектах, в частности, в популярном телевизионном проекте – вокальном шоу «Голос». Телепроект «Голос» и его версии является одним из наиболее успешных и востребованных аудиторией проектов Первого канала. Его общероссийский статус и масштабное продвижение позволяет формировать информационное пространство современной актуальной культуры, которое ориентирует и воспроизводит в сознании молодого поколения ценности, нормы, образцы, мотивы поведения. В результате участия в нем Пелагеи в 2012-2019 годы музыкальный фольклор позиционируется в качестве актуальной и даже модной, но при этом не мейнстримной, а едва ли не элитарной в своем андеграундном звучании тенденции. Массовая российская аудитория, привыкшая к специфическому популярному формату позиционируемой в качестве народной музыки в исполнении М. Девятовой, Н. Кадышевой, Н. Бабиной и других артистов, получают возможность познакомиться с другой эстетической парадигмой его музыкального бытования. Несмотря на то, что благодаря Internet и соцсетям

палитра представлений о музыкальном фольклоре активных пользователей расширена максимально, телевизионный федеральный формат трансляции придает его исполнению Пелагеей и ее учеников в проекте официальный статус национального достояния и оказывается высокоэффективным средством распространения музыкального фольклора.

Так, опыт певицы и группы «Пелагея» определен нами как репрезентативный, эстетически корректный и культуросообразный по отношению к музыкальным фольклорным традициям.

Иронический дискурс музыкального фольклора

Музыкальный коллектив «Нейромонах Феофан» получил широкую известность в 2015 г. в социальной сети «ВКонтакте», однако первые записи датируются 2009 г, когда песню-эксперимент поставили в эфире радиостанции «Рекорд», после которого автор решил создать уникальный музыкальный проект.

В 2015 году вышел первый альбом «В душе драм, в сердце светлая Русь», после которого коллектив стал широко известен. Примерно в то же время С. Шнуров в своем Instagram упомянул проект «Нейромонах Феофан» [3], хотя позднее пост был удален, но успел собрать 20 тыс. лайков, спровоцировав интерес к группе.

Создатели группы «Нейромонах Феофан» сформировали сценический образ загадочного персонажа, выходящего на сцену только в стилизованном под монашеское облачение балахоне, скрывающем лицо исполнителя. Монашеская схема со стилизованным славянским орнаментом является одним из компонентов сценического образа артиста, но изображения орнамента не имеют ничего общего со славянской символикой и выбраны случайным образом. На наш взгляд, соединение монашеского облачения со славянским орнаментом является аллюзией в ироническом ключе на так называемое «родноверие», которое в современности распространилось в «неоязыческих» общинах.

Но костюмы артиста далеко не единственный способ перевоплощения на сцене, хотя коллектив делает акцент именно на визуальной составляющей. Перевоплощение – долгий процесс, который начинается с постижения и проникновения в мир народной культуры, исполнитель полностью проникает в мир своего персонажа и от своего лица искренне живет чужой жизнью. Нейромонах Феофан вещает на особом языке, стилизованном под древнерусскую речь, который изобилует славя-

низмами и устаревшими русскими словами, а вокал имитирует некий диалект.

Авторы проекта создали музыку в оригинальном стиле, которого еще не было до «Нейромонаха Феофана» (хотя попытки синтеза фолка с электронной музыкой уже встречались в других проектах, например, группа «Иван Купала») и которому дали название «древнерусский драм-н-бэйс». В названии группы «Нейромонах Феофан» создатели соединили название поджанра драм-энд-бейс «нейрофанк» и слово «монах». В «нейрофанке» на первый план выходит острота звучания, которая появляется благодаря пилообразным «жующим» басам. «Монах» – в соответствии с этимологией («член религиозной общины, давший обет вести аскетическую жизнь» [18]) и культурной ролью позиционирует аскетическое служение. Исполнитель в своих высказываниях поддерживает идею отстраненности от мирских проблем, воплощенную в текстах, по его мнению, эта идея отражает стиль его музыки. К тому же имя «Феофан», имеющее греческие корни (греч. Θεοφανής) и буквально означающее – «богоявление», поддерживает тему монашества и религиозного служения.

Легенда, придуманная создателями проекта, гласит, «что Феофан, уставший от мирской суеты, жил в лесах, где бродил, поигрывая на балалайке и распевая песни, а повсюду за ним медведь ходил и в такт приплясывал. Однажды Феофану и медведю повстречался человек по имени Никодим, который к ним присоединился. И втроем вышли они к людям, восславляя силу добра великую и традиции русские. И забыли тогда люди печали свои и горести, стали петь и плясать, жизни радуясь» [26]. В этой легенде можно обнаружить аллюзию на житие Сергия Радонежского, который приветил медведя. Также в легенде обнаруживается раскрытие многомерной медвежьей образности (лесной человек, тотемный символ языческого бога Велеса и пр.). Но художественный смысл подобных аллюзий (иронический, на наш взгляд) не только не очевиден, но, скорее, случаен. Безусловно, нет оснований предполагать, что и значение греческого имени «Феофан» – богоявленный, намек на авторитет Феофана Прокоповича или Феофана Грека позиционированы в этой легенде. Но, тем не менее, у образованных слушателей могут возникнуть такого рода ассоциации, несомненно, с ироничной модальностью.

Очень характерна в этом случае и сниженная эксплуатация образа медведя. Для русской ментальности образ медведя играет ключевую роль и

имеет богатую историко-культурную жизнь не только в России, но и за ее пределами. В мифологии славянских и финно-угорских народов можно обнаружить следы «медвежьего культа», характерного для традиционной культуры Руси. Этот культ достаточно многообразно реализуется в русской культуре – медведь является популярным персонажем в фольклорном творчестве, его изображения часто встречается в декоративно-прикладном искусстве, народных промыслах (например, гжель, богородская игрушка и др.) и лубочных картинках. Визуальный облик «медведя» в этом коллективе имеет антропоморфные черты, что соответствует народным представлениям на Руси. Об этом пишет М. Забылин: «по народному преданию, медведь был прежде человеком, и доказывается это тем, что он может ходить на задних лапах и имеет глаза, схожие с человеческими, что любит мед и проч.» [8, с. 274]. К тому же, в композиции «Жменька» «озорной медведь» провозглашается как внутренняя сущность русского человека, своеобразное альтер-эго. В творчестве этого коллектива стилизованный под человека пританцовывающий медведь «Нейромонаха Феофана» является не просто потешным национальным образом, а интернет-мемом. Подобный образ медведя с антропоморфными чертами проявляется в современной культуре в различных сферах человеческой деятельности и является символом России.

Показательно, что хотя в эстетическом плане медведь нередко выступает предметом стилизации «под человека» и пародии, его образ носит брендовый для русской идентичности характер, в котором пародийно-смеховое начало интегрируется с архаичным страхом перед силой и властью то ли духа леса, то ли воплощения языческого бога Велеса.

Авторы проекта не только сочинили легенду происхождения «Нейромонаха Феофана», но и утверждают, что весь данный проект – некий миф, искусственно созданная реальность, в которую погружается аудитория. Не песни, а мемы – говорят они [27]. Все участники этого музыкального проекта и вне сценической деятельности поддерживают свой сценический образ: давая интервью, общаясь с поклонниками в социальных сетях, они говорят на том же языке, избивающем реальными и придуманными славянизмами, стилистика речи также соответствует имиджу группы – это «ядренный образ жизни» и соответствующий стиль самовыражения, в который они вовлекают и своих поклонников.

Музыкальная деятельность «Нейромонаха Феофана» привлекла определенный сегмент российской массовой аудитории – молодежь. Мы проанализировали гендерный состав подписчиков сообщества Нейромонаха Феофана в социальной сети «ВКонтакте» и получили следующие данные: 141 860 всего подписчиков, 100 140 мужчин, 20 874 женщин, 20846 не указали пол [20]. Благодаря этим данным, мы пришли к выводу, что целевая и реальная аудитория исполнителя, в основном, маскулинная. Медведь как персонаж тоже подчеркивает маскулинную природу творческих интенций «Нейромонаха Феофана», так как медведь в русских песнях был символом мужества и грубой силы [8, с. 256], а в песнях этого коллектива часто прославляется «мужицкая силушка».

Ритм музыкальных произведений этого коллектива примитивный, циклический, мощный, выразительный, завораживающий своей архаической неторопливой динамикой, скрытой пульсацией агрессивного маскулинного начала. Возможно, и здесь – истоки популярности исполнителя у подростков и юношей. К тому же, изначально ритм играл огромную роль в музыкальном фольклоре, как пишет А. Н. Веселовский: «...В древнейшем сочетании руководящая роль выпадала на долю ритма, последовательно нормировавшего мелодию и развивавшийся при ней поэтический текст. Роль последнего в начале следует предположить самую скромную: то были восклицания, выражение эмоций, несколько незначащих, несодержательных слов, носителей такта и мелодии... Таков характер древнейшей песни-игры, отвечавшей потребности дать выход, облегчение, выражение накопившейся физической и психической энергии путем ритмически упорядоченных звуков и движений... Это – потребность такого же психофизического катарсиса, какой был формулирован Аристотелем для драмы» [5]. Исходя из данного утверждения, мы можем предположить, что в творчестве группы «Нейромонаха Феофана» можно обнаружить черты традиционной культуры.

В произведениях «Нейромонаха Феофана» ритм доминирует и во многих композициях используется импульсивная подача материала. Зачастую начинается композиция с неторопливого соло на балалайке и постепенно погружает в тяжелый и быстрый ритм.

Но при этом большинство песен не отличается разнообразием – мелодическая линия довольно простая, состоящая буквально из нескольких нот, музыкальная часть незатейлива, по сути – примитивна. Примечательно, что мелодическое движе-

ние песен скачкообразное, идет по большим интервалам, что создает эффект специфической «разудалости», придает музыке народный колорит.

Музыкальная деятельность «Нейромонаха Феофана» отличается, в первую очередь, от других коммерческих проектов ироничной формой выражения. Традиционно, ирония в узком смысле понимается как «риторическая фигура, в которой слова употребляются в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки» [25]. Главный компонент в творчестве «Нейромонаха Феофана» – насмешка, ее использование приводит к снижению образов народной культуры, народного искусства. В его клипах и песнях подобраны и высмеяны все устойчивые фольклорные образы, низведенные исполнителем до штампов.

Провокация, цинизм, троллинг, а чаще стеб – модные дискурсивные тенденции, особенно у молодежной аудитории, особенно юношей.

На наш взгляд музыкальный фольклор в творчестве «Нейромонаха Феофана» актуализируется в негативном ключе, так как искаженная форма музыкального фольклора не может быть образцом народной культуры. Но при этом мы можем обнаружить в некоторых действиях бессознательную тоску по ритму коллективных ритуалов: на концертах исполнитель использует слэм, который стилизован под славянские хороводы и схож с ритуальными действиями. К тому же, частично может удовлетворяться потребность в этнокультурной идентичности – «стремление к обретению единства с окружающим миром, посредством интеграции в культурно-символическое пространство локального общества» [16], так как особенности прохождения концертов исполнителя таковы, что аудитория подпадает под целевое форматирование в традициях субкультуры (предлагается приходить на концерты в костюмах, с топорами, водить ритуальный хоровод, в целом поддерживать «ядренный образ жизни» и соответствующий стиль самовыражения).

В России интерес молодежной аудитории к музыкальному фольклору в целом и дискуссионному творческому опыту «Нейромонаха Феофана», в частности, достаточно высокий. Для молодежной среды, для сознания и поведения поклонников музыкального фольклора, важно, чтобы продвижение модной ироничной версии «ядренного образа жизни» сопровождалось осознанием симулятивности и спекулятивности его облачения в образы и ритмы квазинациональной русской культуры.

Интеграция музыкального фольклора и академической музыки

Репрезентативным примером специфического контакта профессиональной и народной музыки является творчество певицы Ирины Леоновой, в котором мы обнаруживаем третью исполнительскую парадигму музыкального фольклора в современной отечественной культуре.

Изначально профессиональная музыка и народная находились в состоянии оппозиции друг к другу. Практически вся народная песенная культура представляет собой музыку повседневной крестьянской жизни, прочно связанную с бытом: с трудовой и обрядовой деятельностью человека. Профессиональная же музыка создается и исполняется профессиональными музыкантами и связана с обязательным сценическим воплощением.

В процессе культивирования народной песни, начавшемся два столетия назад, происходит подчинение песенного мелоса крестьянского искусства европейскому гомофонно-гармоническому стилю. Особый случай контакта профессионального и народного творчества представляет собой специфическое так называемое «профессионально-народное» творчество [26], распространившееся в отечественной культуре в советскую эпоху, в это время возникают особые сценические формы музыкального фольклора, которые музыковед-фольклорист И. И. Земцовский называет фольклоризмом – вторичным исполнением фольклора вне аутентичной социальной среды [9]. В условиях сцены, концертного зала утрачивается подлинность фольклорного песенного искусства, непосредственность исполнения, «живые» интонации, фольклор выступает как исходный материал для профессионального искусства, который пытались улучшить, осовременить, приспособить к служению официальной культурной политике. Был сформирован официальный образ народного искусства, вершинным воплощением которого является, в частности, деятельность хора им. Пятницкого. Процесс «окультуривания» фольклора сыграл свою роль также и в культивировании профессионализма в исполнительской стилистике. Образцами народного искусства стали национальные государственные или самодеятельные ансамбли песни и танца, народные хоры, не только русские, но соответствующие своей идентичностью богатой этнокультурной палитре советских народов. В результате их деятельности, характерной особенностью стало наддиалектное исполнение народных песен, нивелирование этнической вариативности музыкальной фольклорной традиции, куль-

тивирование общерусской манеры звукоизвлечения, отличающейся от фольклорного пения.

Творчество Ирины Леоновой в своей динамике отчасти корреспондирует с данной традицией.

Начальный период творчества И. Леоновой характеризуется близким к аутентичному исполнением музыкального фольклора: открытый способ голосообразования, речевая манера голосоведения, яркость, звонкость, острота звучания, применение традиционных народных приемов (гукание, огласовки и т. д.), использование в некоторых случаях твердой атаки звука.

Затем в ее творчестве происходит поворот в сторону новой певческой парадигмы, она становится представителем специфически российского музыкально-певческого профессионализма: собранный, прикрытый звук, тенденция к округлению звука, неявное присутствие разговорной манеры исполнения, эффект вибрато. Такая манера звукоизвлечения близка к академическому вокалу, но не к оперной традиции, а к руслу камерной музыки, где доминирует лирическое исполнение, подобное традиции исполнения романсов, где мелодическая линия произведений очень выразительна, присутствует характерное для романсов проникновенное и певучее звучание.

Изменения проявились и во внешнем сценическом облике певицы на уровне костюма: стилизованные наряды с минимальным присутствием элементов традиционного русского костюма, некоторые костюмы и вовсе не позволяют ее идентифицировать как народную певицу.

Тематика многих песен, исполняемых И. Леоновой, связана с православной культурой и прославлением Руси – святой, богатырской. При этом православная тематика оказывается не связанной с духовными песнопениями, духовной музыкой, которая всегда была частью музыкального фольклора (в частности, духовные стихи – русские народные стихотворения-песни на христианские темы и сюжеты). Обращение к православной тематике в ее творчестве носит скорее характер продвижения определенных духовно-нравственных ценностей, способствующих, вероятно, собиранию аудитории в единую целостность, а нации – в православное сообщество, особую культурную общность.

Исходя из этого, мы полагаем, что искусство И. Леоновой в настоящее время передает в большей степени стилизованный образ православной русской культуры, чем воспроизводит музыкальные фольклорные традиции, подтверждением чему является устойчивый эпитет в ее адрес, за-

крепленный в массовом сознании и контенте русскоязычного Internet – «певица Святой Руси».

При этом на официальной странице певицы Вконтакте она позиционируется в статусе именно национальном – как «Русская певица», а также музыкальном – как «константа русской песни» [10]. Черты академического вокала в исполнении, музыкальное сопровождение инструментов, характерных для академического направления, присутствие в актуальном репертуаре незначительного количества подлинно народных песен демонстрирует трансформацию ее творчества от фольклорной певицы до исполнительницы специфического «профессионально-народного» искусства. И. Леонова формирует в своем творчестве образ народной культуры, соответствующий мейнстримному, официально продвигаемому в современной отечественной культуре. Исполнительская парадигма профессионального сценического народного искусства, которую мы обнаруживаем в творчестве И. Леоновой, обезличивает и размывает музыкальные фольклорные традиции. Музыкальный фольклор в творчестве И. Леоновой обретает статус профессиональной музыки, точнее сказать – академической (академической музыкой, в широком понимании, можно назвать «музыку, сложившуюся на основе классических европейских традиций, сочиненную и исполняемую профессионалами с академическим музыкальным образованием» [6]).

Заключение

Постепенный процесс поиска своего места в духовной практике – историческая закономерность развития фольклорных традиций. Без этого не может быть его нормального функционирования, которое обеспечивается постоянным обновлением, видоизменением, приспособлением. Обновление касается и эстетической, и прагматической сущности фольклора, и функций, то есть его основополагающих, характерных черт и свойств.

Проанализировав основные исполнительские парадигмы музыкального фольклора в современной культуре, мы пришли к выводу, что для поддержания жизни фольклора требуется его актуализировать, как ни парадоксально, именно посредством массовой культуры, обеспечивающей широкий охват целевой аудитории (включая детей, подростков, молодежи), а также эстетическую и когнитивную доступность. Массовая культура выступает как специфическая компенсация и замена, как площадка бытования в современной ситуации традиционных форм народной культуры,

так как массовая культура (в отличие от народной), занимает значительную часть культурной ойкумены современного российского общества. В результате музыкальные фольклорные традиции интегрируются в современную отечественную массовую культуру, традиционная и массовая культуры взаимодействуют и взаимно усиливают друг друга. В пространстве современной массовой российской культуры складывается альтернативная, трансформирующаяся, неаутентичная, но живая и актуальная среда бытования музыкального фольклора в современных условиях.

Уровень и качество подобного опыта в музыкальной сфере различен у разных исполнителей. Репрезентативными для отечественной массовой культуры исполнительскими парадигмами актуализации музыкальных фольклорных традиций являются творческая реконструкция, представленная в опыте Пелагеи, иронический и пародийный дискурс проекта «Нейромонаха Феофана», а также интеграция музыкального фольклора в академическую музыку в деятельности И. Леоновой.

Библиографический список:

1. Аникин, В. П. Теория фольклора: курс лекций [Текст] / В. П. Аникин. – М., 1996.
2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х томах [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995.
3. Базоева, В. «Играли драм, случайно вызвали сатану» [Электронный ресурс] / В. Базоева. – URL: <https://www.zvuki.ru/R/P/72085/>
4. Баканов, К. «Я хочу делать модную русскую музыку» [Электронный ресурс] / К. Баканов. – URL: <http://www.newizv.ru/culture/2006-03-06/41803-pevica-relageja.html>
5. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика [Электронный ресурс] / А. Н. Веселовский. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10077434>
6. Густякова, Д. Ю. Репрезентация русской классической оперы в пространстве массовой культуры [Текст]: монография / Д. Ю. Густякова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 411 с.
7. Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Злотникова, Т. С. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 255-264.
8. Забылин, М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. [Текст] // сост. и отв. редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 688 с.
9. Земцовский, И. И. Фольклор и композитор. Теоретические этюды [Текст] / И. И. Земцовский. – Л.: Советский композитор, 1978.
10. Ирина Леонова – Русская Певица. Сообщество в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/leonova_i
11. Каминская, Е. А. Актуализация традиционного фольклора в современной социокультурной среде на основе его имманентных характеристик [Текст] // Вестник славянских культур. – 2016. – Т. 39. – № 1. – С. 53-64.
12. Каргин, А. С. О фольклоре и фольклористике [Текст] / А. С. Каргин // Живая старина. – 1997. – № 4. – С. 24-26.
13. Коды массовой культуры: российский дискурс [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 240 с.
14. Костина, А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Текст] // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – №4.
15. Лётина, Н. Н., Ежгурова, Н. А. Взаимодействие традиционной и массовой культуры в современном отечественном музыкальном фольклоре [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 204-207.
16. Малыгина, И. В. Культурная идентичность современной России: испытание мультикультурализмом [Текст] // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012. – Т. 1. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 322-324.
17. Массовая культура: российский дискурс (методология изучения, актуальные практики) [Текст]: коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016.
18. Монах. Словарная статья [Электронный ресурс] / Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/109594>
19. Народная культура в современных условиях [Текст]: учеб. пособие / отв. ред. Н. Г. Михайлова. – М., 2000.
20. Нейромонах Феофан. Сообщество в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/feofanneuro>
21. Пропп, В. Я. О специфике фольклора [Текст] // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избр. ст. – М.: Наука, 1976. – С. 16-33.
22. Пчеловодова, И. В. Фольклор на сцене: взгляд изнутри [Электронный ресурс] / И. В. Пчеловодова. – URL: <http://udnii.ru/doc/stat`i/Пчеловодова.Ежегодник%20ФУ%20исслед-ний.2013.Вып.4.pdf>
23. Татаринцева, Е. А. Восстановление празднично-обрядовой культуры в современных условиях [Электронный ресурс] / Е. А. Татаринцева. – URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/882-15-2.html>

24. Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс [Текст] : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 623 с.

25. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / под ред. проф. Д. Ушакова. – М. : ТЕПРА – Книжный клуб, 2007. – 752 с.

26. Чередниченко, Т. В. Музыка в истории культуры [Текст] : монография / Т. В. Чередниченко. – Долгопрудный, «Аллегро-пресс», 1994. – 344 с.

27. Ядреный стрим с Нейромонахом Феофаном. «Битбокс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=9&v=Cpzn4P0e0Go

28. Richie Unterberger, Jingle Jangle Morning: Folk-Rock in the 1960s. – BookBaby. – Feb 20, 2014.

Reference List

1. Anikin, V. P. Teorija fol'klora: kurs lekcij = Folklore theory: Lecture course [Текст] / V. P. Anikin. – М., 1996.

2. Afanas'ev, A. N. Pojeticheskie vozrenija slavjan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov. V 3-h tomah = Poetry views of the Slavs on nature: Experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with mythical stories of other related peoples. In 3 volumes [Текст] / A. N. Afanas'ev. – М. : Sovremennyj pisatel', 1995.

3. Bazoeva, V. «Igrali dram, sluchajno vyzvali satanu» = «We played drama, accidentally called Satan» [Jelektronnyj resurs] / V. Bazoeva. – URL: <https://www.zvuki.ru/R/P/72085/>

4. Bakanov, K. «Ja hochu delat' modnuju russkuju muzyku» = «I want to make fashion Russian music.» [Jelektronnyj resurs] / K. Bakanov. – URL: <http://www.newizv.ru/culture/2006-03-06/41803-pevica-pelageja.html>

5. Veselovskij, A. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics [Jelektronnyj resurs] / A. N. Veselovskij. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10077434>

6. Gustjakova, D. Ju. Reprezentacija russkoj klassicheskoj opery v prostranstve massovoj kul'tury = Representation of Russian classical opera in the space of popular culture [Текст] : monografija / D. Ju. Gustjakova. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – 411 s.

7. Erohina, T. I., Letina, N. N., Zlotnikova, T. S. Sfery i urovni massovoj kul'tury: rossijskij diskurs. Sfery i urovni massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Spheres and levels of popular culture: Russian discourse. Spheres and levels of popular culture: Russian discourse [Текст] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 255-264.

8. Zabylin, M. Russkij narod: ego obyčaj, obrjady, predanija, sueverija i poezija. V 4 ch. = The Russian people: their customs, rites, traditions, superstition and poetry. In 4 parts. [Текст] // sost. i otv. redaktor O. A. Platonov. – М. : Institut russkoj civilizacii, 2014. – 688 s.

9. Zemcovskij, I. I. Fol'klor i kompozitor. Teoreticheskie jetjudy = Folklore and composer. Theoretical essays [Текст] / I. I. Zemcovskij. – L. : Sovetskij kompozitor, 1978.

10. Irina Leonova – Russkaja Pevica. Soobshhestvo v social'noj seti «Vkontakte» = Irina Leonova – Russian singer. Community in the social network «Vkontakte» [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://vk.com/leonova_i

11. Kaminskaja, E. A. Aktualizacija tradicionnogo fol'klora v sovremennoj sociokul'turnoj srede na osnove ego immanentnyh harakteristik = Updating of traditional folklore in the modern sociocultural environment based on its inherent characteristics [Текст] // Vestnik slavjanskih kul'tur. – 2016. – Т. 39. – № 1. – S. 53-64.

12. Kargin, A. S. O fol'klоре i fol'kloristike = About folklore and folkloristics [Текст] / A. S. Kargin // Zhivaja starina. – 1997. – № 4. – S. 24-26.

13. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Popular culture codes: Russian discourse [Текст] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – 240 s.

14. Kostina, A. V. Tradicionnaja kul'tura: k probleme opredelenija ponjatija = Traditional culture: to the problem of defining the concept [Текст] // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2009. – № 4.

15. Ljotina, N. N., Ezhgurova, N. A. Vzaimodejstvie tradicionnoj i massovoj kul'tury v sovremennom otechestvennom muzykal'nom fol'klоре = Interaction of traditional and popular culture in modern national musical folklore [Текст] // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 204-207.

16. Malygina, I. V. Kul'turnaja identičnost' sovremennoj Rossii: ispytanie mul'tikul'turalizmom = Cultural identity of modern Russia: a test of multiculturalism [Текст] // Dialog kul'tur v uslovijah globalizacii: XII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 17-18 maja 2012. – Т. 1. – SPb. : SPbGUP, 2012. – S. 322-324.

17. Massovaja kul'tura: rossijskij diskurs (metodologija izuchenija, aktual'nye praktiki) = Popular culture: Russian discourse (methodology of study, current practices) [Текст] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016.

18. Monah. Slovarnaja stat'ja = Monk. Dictionary entry [Jelektronnyj resurs] / Tolkovoj slovar' Ozhegova. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/109594>

19. Narodnaja kul'tura v sovremennyh uslovijah = Popular culture in modern conditions [Текст] : ucheb. posobie / otv. red. N. G. Mihajlova. – М., 2000.

20. Nejromonah Feofan. Soobshhestvo v social'noj seti «Vkontakte» = Neuromonk Feofan. Community in the social network «Vkontakte» [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://vk.com/feofanneuro>

21. Propp, V. Ja. O specifike fol'klora = About specifics of folklore [Текст] // Propp V. Ja. Fol'klor i dejstvitel'nost'. Izbr. st. – М. : Nauka, 1976. – S. 16-33.

22. Pchelovodova, I. V. Fol'klor na scene: vzgljad iznutri = Folklore on stage: look from inside [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://vk.com/pchelovodova>

ektronnyj resurs] / I. V. Pchelovodova. – URL: <http://udnii.ru/doc/stat`i/Pchelovodova.Ezhegodnik%20FU%20issled-nij.2013.Vyp.4.pdf>

23. Tatarinceva, E. A. Vosstanovlenie prazdnichno-obrjadovoj kul'tury v sovremennyh uslovijah = Restoration of festive and rite culture in modern conditions [Elektronnyj resurs] / E. A. Tatarinceva. – URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/882-15-2.html>

24. Tekst i kontekst massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Text and context of popular culture: Russian discourse [Tekst] : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – 623 s.

25. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. = The defining dictionary of the Russian language: In 4 vol-

umes. [Tekst] / pod red. prof. D. Ushakova. – M. : TERRA – Knizhnyj klub, 2007. – 752 s.

26. Cherednichenko, T. V. Muzyka v istorii kul'tury = Music in the history of culture [Tekst] : monografija / T. V. Cherednichenko. – Dolgoprudnyj, «Allegro-press», 1994. – 344 s.

27. Jadrenyj strim s Nejromonahom Feofanom. «Bitboks» = A poisonous stream with Neuromonk Feofan. «Beatboxing» [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=9&v=Cpzn4P0e0Go

28. Richie Unterberger, Jingle Jangle Morning: Folk-Rock in the 1960s. – BookBaby. – Feb 20, 2014.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.10.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Оксана Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17. E-mail: je1vu@yandex.ru

Антонова Елена Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17. E-mail: vozgeli@yandex.ru

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84. E-mail: onastafieva@mail.ru

Бабаян Владимир Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Баженова Алина Павловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: antipovaalina100190@gmail.com

Баринова Ольга Михайловна – аспирант кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций ГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». 127051, г. Москва, ул. Стеренка, д. 29. E-mail: barinova.olga.m@gmail.com

Богданова Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: dictema@mail.ru

Бутько Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: mishka2205@yandex.ru

Быкова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. E-mail: bykova2april@gmail.com

Воробьева Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет». 170023, Тверь, ул. Маршала Конева, д. 12. E-mail: vorobeva-66@mail.ru

Галкина Наталия Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков ФГКВБОУ ВО «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко» Министерства обороны Российской Федерации. 156025, г. Кострома, ул. Горького, 16. E-mail: gnprav@mail.ru

Денисова Галина Валерьевна – доцент социологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, стр. 33. E-mail: galina.denissova@unipi.it

Дрога Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. E-mail: droga84@rambler.ru

Дроздова Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации». 1192856, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А. E-mail: connectinfo1@yandex.ru

Ежгурова Наталья Алексеевна – педагог дополнительного образования МОУДО Центр детского творчества «Юность». 150052, г. Ярославль, Ленинградский проспект, д. 45А. E-mail: kudryashkanat@mail.ru

Жукова Арина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: agzhukova@pushkin.institute

Зинкевич Нина Антоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ». 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: nizi@mail.ru

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Зубкова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ». 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: simplymarie@yandex.ru

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Клименко Галина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38. E-mail: gal.klim2009@yandex.ru

Коновалов Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент, профессор Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1. E-mail: aakon@inbox.ru

Контрерас Сарриа Хасинто Омар – ассистент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. E-mail: kontreras@bsu.edu.ru

Круглова Элла Викторовна – магистрант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84. E-mail: ella-kruglova@mail.ru

Леденева Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: ledenevavv@yandex.ru

Леденева Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ». 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: tvmelled@gmail.com

Лентовская Анна Вадимовна – старший преподаватель департамента филологии, литературоведения и языкознания Государственного Пизанского университета. 56126, Италия, Пиза, ул. Санта Мария, д. 36. E-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: liotina@yandex.ru

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: lucciano55@yandex.ru

Милославская Зоя Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. E-mail: zmi-loslavskaya@gmail.com

Никифоров Юрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Попов Сергей Александрович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1. E-mail: spo@bk.ru

Сарычев Ярослав Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского». 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42. E-mail: sarychev.yaroslav@yandex.ru

Селезнева Лариса Васильевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГОУ ВО «Российский государственный социальный университет». 129226, г. Москва, ул. В. Пика, дом 4, стр.1. E-mail: loramuz@yandex.ru

Сироткин Ярослав Николаевич – учитель истории и информатики МОУ «Средняя школа № 13». 150002, г. Ярославль, ул. Маланова, д. 10Г. E-mail: yar.sir2012@gmail.com

Соловьева Светлана Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: madam.sv-solovieva@yandex.ru

Ухова Лариса Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: larissauchowa@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Цветкова Ольга Леонидовна – доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1. E-mail: astra-211@mail.ru

Юрченко Наталия Владимировна – старший преподаватель кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. E-mail: yuna27@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseeva Oksana Vitalievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Literature Department of FSAEI HE «Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov». 163002, Arkhangelsk, the Severnaya Dvina Embankment, 17. E-mail: je1vu@yandex.ru

Antonova Elena Yakovlevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Literature Department of FSAEI HE «Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.» 163002, Arkhangelsk, the Severnaya Dvina Embankment, 17. E-mail: vozgeli@yandex.ru

Astafieva Olga Nikolaevna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of UNESCO of FSBEI HE «The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration «119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 84. E-mail: onastafieva@mail.ru

Babayan Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign and Russian Languages Department of FSCEI HE «Yaroslavl Higher Military College of Air Defense». 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Bazhenova Alina Pavlova – a senior teacher of the Department of Foreign Languages, a postgraduate student of the Modern Russian Language Department named after Professor P. A. Lekant of SEI HE «Moscow State Regional University». 141014, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina Street, 24. E-mail: antipovaalina100190@gmail.com\

Barinova Olga Mikhailovna – a post-graduate student of the Department of Linguodidactics and Cross-cultural Communications of SBEI HE «Moscow State Psycho-Pedagogical University». 127051, Moscow, Sterenka Street, 29. E-mail: barinova.olga.m@gmail.com

Bogdanova Oksana Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign and Russian Languages Department of FSCEI HE «Yaroslavl Higher Military College of Air Defense». 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: dictema@mail.ru

Butko Yuliya Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Romance Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: mishka2205@yandex.ru

Bykova Elena Vladimirovna – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Professor FSBEI HE «Saint-Petersburg State University». 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9. E-mail: bykova2april@gmail.com

Vorobieva Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Tver State Technical University.» 170023, Tver, Marshall Konev Street, 12. E-mail: vorobeva-66@mail.ru

Galkina Nataliya Pavlovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign and Russian Languages Department of FSCMEI HE «Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Protection named after Marshall of the Soviet Union S. K. Timoshenko» of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 156025. Kostroma, Gorky Street, 16. E-mail: gnpav@mail.ru

Denisova Galina Valerievna – Associate Professor of the Sociological Faculty of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, Building 33. E-mail: galina.denissova@unipi.it

Droga Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language, Professional Speech and Cross-cultural Communication of FSAEI HE «Belgorod State National Research University.» 308015, Belgorod, Pobeda Street, 85. E-mail: droga84@rambler.ru

Drozdova Yulia Andreevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Romanic-German Languages Department of FSBEI HE «All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.» 1192856, Moscow, Vorobievskoe Highway, 6A. E-mail: connectinfo1@yandex.ru

Zhukova Arina Gennadiyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Speech and Intercultural Communication of FSBEI HE «State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin». 117485, Moscow, Akademik Volgin Street, 6. E-mail: agzhukova@pushkin.institute

Ezhgurova Nataliya Alekseevna – a teacher of additional education of MEIAE The Center of Children's Creativity «Yunost». 150052, Yaroslavl, Leningradsky Avenue, 45A. E-mail: kudryashkanat@mail.ru

Zinkevich Nina Antonovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Language Department of FSAEI HE «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation». 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: nizi@mail.ru

Zlotnikova Tatiyana Semionovna – Doctor of Art Criticism, Professor of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Zubkova Mariya Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, a senior teacher of the French Language Department of FSAEI HE «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation». 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: simplymarie@yandex.ru

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory and Ways of Training Philological Disciplines Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Klimenko Galina Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of FSBEI HE «Moscow State Linguistic University». 119034, Moscow, Ostozhenka Street, 38. E-mail: gal.klim2009@yandex.ru

Kononov Andrey Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Institute of Philology of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1. E-mail: aakon@inbox.ru

Contreras Sarria Jasinto Omar – Assistant of the Department of the Second Foreign Language of the Institute of Cross-cultural Communication and International Relations of FSAEI HE «Belgorod State National Research University». 308015, Belgorod, Pobeda Street, 85. E-mail: kontreras@bsu.edu.ru

Kruglova Ella Viktorovna – a graduate student of FSBEI HE «The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration». 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 84. E-mail: ella-kruglova@mail.ru

Ledeniova Valentina Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant of SEI HE «Moscow State Regional University». 141014, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina Street, 24. E-mail: ledenevavv@yandex.ru

Ledeneva Tatiyana Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Language Department of FSAEI HE «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation». 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: tvmelled@gmail.com

Lentovskaya Anna Vadimovna – a senior teacher of the Philology, Literature and Linguistics Department of the State University of Pisa. 36 Santa Maria Street, Pisa, 56126. Italy. E-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

Liotina Nataliya Nikolaevna – Doctor of Culturology, Associate Professor of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: liotina@yandex.ru

Lukin Oleg Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Language Theory and the German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Luchenetskaya-Burdina Irina Yurievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: lucciano55@yandex.ru

Miloslavskaya Zoya Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, a teacher of the Faculty of Political Science of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119192, Moscow, Lomonosovskiy Avenue, 27, 4. E-mail: zmi-slavskaya@gmail.com

Nikiforov Yury Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department, a scientific secretary of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Popov Sergei Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, a teacher of the Department of Public Relations, Advertising and Design of the Faculty of Journalism of FSBEI HE «Voronezh State University». 394018, Voronezh, Universitetskaya Square, 1. E-mail: spo@bk.ru

Sarychev Yaroslav Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Language and Literature Department of FSBEI HE «Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semionov-Tyan-Shansky». 398020, Lipetsk, Lenin Street, 42. E-mail: sarychev.yaroslav@yandex.ru

Selezneva Larisa Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department of FSEI HE «Russian State Social University». 129226, Moscow, W. Pieck Street, 4, Building 1. E-mail: lo-ramuz@yandex.ru

Sirotkin Yaroslav Nikolaevich – a teacher of History and Informatics of MEI «Secondary School No. 13». 150002, Yaroslavl, Malanov Street, 10G. E-mail: yar.sir2012@gmail.com

Soloviova Svetlana Igorevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Romance Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: madam.sv-solovieva@yandex.ru

Ukhova Larisa Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertising Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: larissauchowa@mail.ru

Filippovsky German Yurievich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, a leading researcher of Media and Mass Arts of the Sector of Entertaining Culture of FSBRI HE “The State Institute of Art Criticism”. 125009, Moscow, Kozitsky Alley, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Tsvetkova Olga Leonidovna – Associate Professor of the Theory of Communication and Advertising Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: astra-211@mail.ru

Yurchenko Nataliya Vladimirovna – a senior teacher of the Department of the Russian Language, Professional-Speech and Cross-cultural Communication of FSAEI HE «Belgorod State National Research University». 308015, Belgorod, Pobeda Street, 85. E-mail: yuna27@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 31,5 п. л., 27,6 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 316. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 27.12.2019

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69